3 1761 08114626 8

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p6russkaiamy35mosk

МАРКУСЪ ЗАКСЪ

КОРСЕТЫ

НАБРЮШНИКИ „ГРУДОДЕРЖАТЕЛИ.

ВСЕГДА ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ. МОДЫ ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

С.П.Б. тел. 538-40.
ЛИТЕЙНЫЙ 45,
VIS-a-VIS БАССЕЙНОЙ УЛ.

СПИНОДЕРЖАТЕЛИ выпрямляющіе фигуру.
МАРКУСЪ ЗАКСЪ СПБ. литейный 45.

Санаторіямъ, курортамъ, лѣчебницамъ

полезное содѣйствіе по печатанію объяв. въ спеціальн. и общей пресѣ — столичн. провинц. и заграничн. — оказываетъ

Контора Д. И. Марковскаго.

СПБ., Ивановская, 3.
Телефонъ 89-65.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ, УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ ПЯТЕНЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
продается вездѣ
1 куск. 50 к. ½ куск. 30 к.

МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА БОРЖОМЪ
ПРИМѢНЯЕТСЯ СЪ БОЛЬШИМЪ УСПѢХОМЪ

при спазмахъ желудка, кислой отрыжкѣ, расширеніи желудка, катаррахъ кишекъ, хроническихъ страданіяхъ почекъ, при мочевомъ пескѣ, геморроѣ, нервной слабости, при подагрѣ, сахарной болѣзни и при друг. разстройствахъ обмѣна веществъ.

Боржомъ продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магаз.

Подробные описаніе и способъ употребленія безплатно высылаетъ Торговый Домъ „Б. Шаговольскій", С.-Петербургъ, Невскій пр. № 27

БОРЖОМЪ

Продолжается подписка на 1914 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

Въ 1914 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. **Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.**
2. **Въ Россіи и за границей.** (Обзоры и замѣтки.) Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествовѣдѣніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. **Критическое Обозрѣніе** (Библіографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обозрѣнію прилагается **расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ.**

Постоянное участіе въ „Русской Мысли" принимаютъ слѣдующія лица:

В. Я. Брюсовъ, В. И. Вернадскій, В. Ѳ. Гефдинъ, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоевъ, А. А. Кизеветтеръ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, В. А. Маклаковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Кордовъ, А. М. Обуховъ, А. М. Рыкачевъ, кн. Евг. Н. Трубецкой, С. Л. Франкъ и В. К. Шмидтъ.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи . . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу . . .	**17** „	**12** „ **25** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи . **1** р. **25** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала: Нюстадская, д. 6 (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у П. П. Карбасникова, Петербургъ, Гостиный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ своевременно извѣщать главную контору о каждой перемѣнѣ адреса, прилагая на 25 коп. марокъ.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

С.-Петербургъ, Нюстадская, 6.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора „Введеніе въ метафизику". Перев. *С. Гессена* и *М. Грюнвальдъ*. Стр. 238. Цѣна 1 р. 50 к.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малаховой-Миротчъ* и *М. В. Шихъ*. Подъ ред. *С. В. Лурье*. Стр. 518. Цѣна 2 р. 50 к.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ ея презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмецк. *С. Л. Франка*. Съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Эд. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *С. Л. Франка*. Стр. 256. Цѣна 1 р. 80 к.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в. Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна 3 рубля.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна 1 р.

Сборникъ статей, характеризующихъ политическое положеніе „обновленной" Россіи. Статья „Замаскированное самоубійство" и „Политическая провокація" посвящены террору и провокаціи.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к. (Изданіе распродано.)

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна 15 к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). **Русская литература по ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.** Вып. первый (декабрь 1911 г. — декабрь 1912 г.). **Библіографическій обзоръ.** Стр. 55. Цѣна 60 к. (Изданіе распродано.)

ЛИТЕРАТУРА И ЭСТЕТИКА.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Бунинъ и другіе современники. Стр. 321. Цѣна 1 р. 75 к.

„Книга эта,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ извѣстную цѣльность: критическіе опыты и этюды... связаны между собой общностью нѣкоторыхъ развиваемыхъ въ нихъ мыслей... Я стараюсь уяснить себѣ основы эстетики".

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Содержаніе: **Цѣль творчества.** (Часть I. Человѣкъ-творецъ. Часть II. Творческій процессъ въ наукѣ и искусствѣ. Часть III. Пресуществленіе).—**Красота и свобода. Цвѣты и кристаллы.—Искусство вожатый.—Тишина.—О воздушныхъ мостахъ критики.—Путь и цѣль въ искусствѣ.—Дитя и геній.** Стр. 253. Цѣна 1 р. 75 к.

М. И. ЛИВЕРОВСКАЯ (осеревела) **Объ Окассенѣ и Николетъ.** Старофранцузская сказка-пѣснь. Стр. 38. Цѣна 50 коп.

Печатаются:

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. Ф. Гефдинга*. **А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція.** *Авторизованный переводъ В. А. Флеровой.*

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Спб., Нюстадская, 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

Справочно-переводное и квартирное бюро въ Парижѣ

Bureau Russe—63, Avenue des Gobelins, Paris.

Учебныя и др. справки.—Переводъ и легализація бумагъ для подачи въ универ. (аттестатъ нужно предварительно визировать у французскаго консула въ Россіи; для курсовъ франц. яз. и технич. инст. это не требуется). — Пріисканіе квартиръ, пансіоновъ и дачъ.—Рекомендація врачей, учителей и проводниковъ по Парижу.—Справки въ области торговли и промышл.—За дѣловую справку въ Россіи—1 р.; за учебную—60 коп. (русск. маркамъ); (въ Парижѣ — безплатно). Открыто ежедн. отъ 11 до 5 ч. веч.

Замѣчательный подарокъ для дѣтей и взрослыхъ

всемірно-извѣстные

Якорные каменно-строительные кубики.

Эта игрушка удобна для родителей, не желающихъ затратить значительныхъ средствъ. Можно сначала, затративъ весьма небольшую сумму, купить небольшой ящикъ и постепенно, докупая затѣмъ дополнительные ящики, незамѣтно для своего бюджета, по мѣрѣ роста ребенка имѣть ящикъ съ все болѣе и болѣе сложными кубиками, дающими возможность ребенку строить все новыя и болѣе сложныя сооруженія, благодаря чему интересъ къ игрушкѣ никогда не падетъ, и она постоянно остается желанной и любимой.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ К высылаемъ безплатно.

ОТДѢЛЕНІЕ И ФАБРИКА

Ф. Ад. РИХТЕРЪ и К°.

С.-Петербургъ, Николаевская улица, № 14. Телефонъ 430-78.

Изданія Д. Е. ЖУКОВСКАГО:

Складъ изданій: Спб. Книжный складъ М. М. Стасюлевича. Васильевскій остр., 5 лин., 28.

Петръ Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 г.).

Въ числѣ статей, между прочимъ, напечатаны: „Великая Россія", „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія", „Интеллигенція и революція", „Интеллигенція и національное лицо", „Герценъ", „Левъ Толстой" и „17 октября 1909 г." (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. И. Гучкова). Стр. 619. **Цѣна 3 р.**

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Новости, поступившія на складъ.

Объ Онассенѣ и Николетъ. Старо-французская сказка-пѣснь. Перевела М. Ливеровская. Ц. 50 к.

Практикъ-льнопрядильщикъ. Лесли С. Маршалль. Описаніе воздѣлыванія, обработки и пряденія льна и оческовъ. Перев. съ англ. директора льнопрядильныхъ фабрикъ инж.-механ. А. Г. Лбова. Цѣна въ перепл. 10 р.

Изданія, состоящія на складѣ Товарищества.

Пространный христіанскій катехизисъ православной каѳолической восточной церкви въ изложеніи безвопросномъ. Василія, епископа Можайскаго. Курсъ повторительный. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

Исторія православной христіанской церкви. Его же. Изд. 2-е. Ц. 80 к.

Первые уроки въ школѣ. Я. Зеленковича. Букварь для письма и чтенія съ предметными бесѣдами по картинкамъ. Ц. (въ папкѣ) 25 к.

Живые звуки родной рѣчи. Всемірный методъ. Обученіе чтенію и письму въ пяти книгахъ. П. И. Ретсина. Книга I: Звуки. Букварь-самоучитель въ школѣ и дома, для дѣтей и взрослыхъ. Ц. 20 к. Книга II: Слоги. Основы чтенія и письма. Съ 1450 рисунками. Ц. 50 к. Книга III: Слова и ихъ формы или практическая этимологія. Первыя письменныя упражненія послѣ азбуки. Ц. 75 к. Книга VI: Обоснованіе метода и руководство для учителей. Конспектъ. Ц. 50 к.

Русскіе писатели послѣ-гоголевскаго періода въ біографіяхъ, образцахъ и характеристикахъ. А. Н. Сальникова. Съ портретами въ текстѣ и списокъ текстовъ для ученическихъ сочиненій и классныхъ бесѣдъ. Курсъ VIII класса гимназій и реальныхъ училищъ. Ц. 2 р. 50 к.

Этюды объ Островскомъ. Н. П. Кашина. (Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго.) Томы I и II. Ц. по 2 р.

Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія. С. М. Соловьева. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

Общедоступн. чтенія по русской исторіи. Его же. 3-е изд. Ц. 75 к.

Курсъ новой исторіи. Его же. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к

Слово о полку Игоревѣ. Замѣтки объ изслѣдованіяхъ памятника и переложеніе на современный языкъ. Н. М. Павлова. Ц. 50 к.

Всеобщая исторія. Э Лависса. Для дѣтей старшаго возраста. Съ прил. 13 хромолитогр. картъ на отдѣльн. лист. Перев. съ посл. франц. изд. Ц. 1 р. 20 к.

Первые шаги въ наукѣ о землѣ. Проф. І. Вальтера. Общедоступное введеніе и наставленіе къ производ. наблюденій. Съ 102 рисунк. и 123 задачами. Перев. А. К. Поскова. Изд. 2-е подъ ред. А. А. Черкина и проф Д. Н. Анучина. Ц. 70к.

Солнце, его строеніе и силы изъ него исходящія. С. Меча. Съ рисунк. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ. Его же. Изд. 4-е. Ц. 20 к.

Первые уроки географіи. Его же. Изд. 18-е. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 40 к.

Маленькая географія Россіи. Его же. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 6-е. Ц. 30 к.

Россія. Его же. Учебникъ отечеств. географіи. Со мног. рис. Изд 29-е. Ц. 60 к.

Россія. Его же. Географ. сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изд. 12-е. Ц. 1 р.

Кавказъ. Его же. Изд 13-е. Ц. 50 к.

Финляндія. Его же. Изд. 8-е. Ц. 50 к.

Уроки географіи Европы. Его же. 8-е изд. Со мног. рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Альпы. Его же. Изд. 12-е. Ц. 30 к.

Англія. Его же. Изд. 3-е. Ц. 60 к.

Бельгія и Голландія. Его же. Ц. 30 к.

Балканскій полуостровъ. С. Меча. Греція, Критъ, Турція, Черногорія, Сербія, Болгарія и Румынія. Ц. 50 к.

Германія. Его же. Ц. 40 к.

Испанія и Португалія. Его же. Ц. 40 к.

Италія. Его же. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

Скандинавія и Данія. Его же. (Швеція, Норвегія, Данія, острова Фарёръ и Исландія.) Очеркъ. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Франція. Его же. Ц. 40 к.

Швейцарія. Его же. Изд. 3-е. Ц. 30 к.

Палестина и Аравія. Его же. Изд. 10-е. Ц. 30 к.

Сахара и Нилъ. Его же. Изд. 8-е. Ц. 30 к.

Центральная Азія. Его же. Изд. 10-е. Ц. 30 к.

Гренландія. Его же. Географическій очеркъ страны и разсказъ о путешествіи Ф. Нансена. Съ 11 рис. въ текстѣ. Изд. 7-е. Ц. 50 к.

Австралія и Тасманія. Его же. Изд. 8-е. Ц. 50 к.

Географическіе этюды. Его же. Семь публичныхъ лекцій по всеобщей географіи. (1. Земля прежде и теперь. 2. Полярная экспедиція Нансена. 3. Сутки на Цейлонѣ. 4. Великій океанъ. 5. Вулканы. 6. Поѣздка къ Ніагарѣ. 7. Вашингтонъ, столица Соединенныхъ Штатовъ.) Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е. Ц. 70 к.

Города. К. Гассерта. Географическій этюдъ. Въ переводѣ и передѣлкѣ съ нѣмецкаго, съ добавлен. Л. Д. Синицкаго. Съ 31 иллюстр. Ц. 75 к.

Начальный курсъ географіи. А. Крубера, С. Григорьева, А. Баркова и С. Чефранова. Изданіе 10-е. (10 цвѣтныхъ картъ и 150 діаграммъ и иллюстрацій въ текстѣ.) Цѣна въ прочн. коленк. перепл. 90 к.

Курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ (Азія, Африка, Америка, Австралія). Ихъ же. 35 цвѣтн. картъ и 200 иллюстр. и діаграммъ въ текстѣ. Изд. 7-е. Ц. въ прочн. коленкор. перепл. 1 р.

Курсъ географіи Европы. Ихъ же. (Западная Европа.) 21 цвѣтн. картинъ 9 діаграммъ и 200 иллюстрац. въ текстѣ. Изд. 3-е, вновь переработ. и сокращен. Цѣна въ прочн. коленкороп.перепл. 1 р.

Иллюстрированные географическіе сборники ихъ же:

Азія. 3-е, исправл. и дополн. изданіе, 548 стр., 86 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Африка. 3-е, испр. и доп. изд., 512 стр., 62 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 60 к.

Америка. 3-е, исправл. и дополн. изданіе, 640 стр., 72 иллюстр. Ц. 2 р. 25 к., въ изящн. перепл. 2 р. 85 к.

Австралія и полярныя страны. 469 стр., 70 иллюстр. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Европа. 4-е, исправл. и дополн. изданіе, 752 стр., 95 иллюстр. Ц. 2 р. 75 к., въ изящн. перепл. 3 р. 35 к.

Азіатская Россія. 3-е, исправлен. и дополнен. изданіе. 584 стр., 100 иллюстр. Ц. 2 р., въ колен. перепл. 2 р. 60 к.

Европейская Россія. 4-е, исправлен. и дополнен. изданіе. 600 стр., 90 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Европейская Россія. А. Геттнера. Антропогеографическій этюдъ. Съ 21 картой въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. Л. Синицкой. Ц. 1 р.

Европейская Россія. А. Филиппсона. Перев. съ нѣмецк. Подъ ред. А. А. Крубера. Съ 9 картами и 32 иллюстр. въ текстѣ Ц. 80 к.

Элементы общаго землевѣдѣнія. Е. М. Чепурковскаго. Со многими рисунками и картами въ текстѣ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.

Краткая физическая географія. И. Словцова, бывшаго директора тюменьскаго реальн. училища. Курсъ VI класса реальн. учил. 5-е изд., съ 48 рисунк. въ текстѣ. Ц. 75 к.

Начальный курсъ физической географіи. А. Кронеберга. Съ рисунками и цвѣтными картами въ текстѣ. Руководство для средн. учебн. заведен. Ц. 75 к.

Записки по методикѣ исторіи. Д. А. Маркова, преподавателя геодезійск. учител. инст. Изд. 2-е, испр. Ц. 1 р.

Сборникъ вопросовъ и задачъ по всеобщей исторіи. Его же. (Съ приложен. хронологіи.) I. Древняя исторія. Пособ. для учащихъ и учащихся. Ц. 40 к.

Мысли о лучшей постановкѣ преподаванія и изученія математики въ средней и высшей школѣ и о самостоятельныхъ штудіяхъ. Е. Дюринга. Съ приложеніемъ этюда „Критика основъ дифференціальнаго исчисленія". Перев. съ нѣмецк. Н. Маркусна. Ц. 1 р.

Элементарная алгебра. Н. Н. Маракуева. Курсъ систематическій, въ двухъ томахъ. Т. I. Теорія. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р. Т. II Задачи. Съ 255 чертежами въ текстѣ. Свыше 3,500 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями. Ц. 6 р.

Рѣшеніе „Сборника алгебраическ. задачъ В. М. Ипатова". П. А. Ситковскаго и В. В. Чернавскаго. Ц. 1 р.

Основной курсъ начертательной геометріи. Д. П. Голочинина, адъюнктъ-проф. Пособіе для учащихся и для самообразованія. Часть I. Точка Прямая. Плоскость. Съ атласомъ изъ 154 чертежей. Ц. 2 р. 25 к. Часть II. Кривыя поверхности. Съ атласомъ изъ 84 чертежей. Ц. 2 р.

Сборникъ геометрическихъ задачъ на вращеніе различныхъ фигуръ. В. Полидорова. Ц. 25 к.

Руководство высшей геометріи. М. Шаль (M. Challes). Переводъ съ послѣдняго (2-го) французск. изд. А. Безрукова. Съ 198 чертежами. Ц. 5 р. 50 к

Методическое пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Г. Лемэра. Задачи на построеніе. 211 фигуръ въ текстѣ. Перев. съ франц. П. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Н. Н. Маракуева. Задачи на вычисленіе. Ц. 2 р.

Элементы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. В. Гренилля. Для инженеровъ, техниковъ и для изученія безъ помощи учителя. Перев. съ англійск. П. П. Маракуева. Съ 236 чертежами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

Введеніе въ теорію функцій съ одной перемѣнною. Жюля Таннери. Перев. съ франц. А. Безруковъ. Томъ I. Изд. 2-е. Ц. 5 р. Томъ II. Изд. 2-е. Съ замѣткою Гадамара. Ц. 5 р.

Опытъ философіи теоріи вѣроятностей. Лапласа. Популярное изложеніе основъ теоріи вѣроятностей и ея приложеній. Перев. А. I. В. подъ ред. А. К. Власова, прив.-доц. московск. университета. Ц. 1 р.

Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика.) З. Дебо. Съ приложеніемъ главы: „Опыты безъ приборовъ". 505 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переп. 2 р.

Популярная физика. В Натансона, проф. Перев. съ польск. А. Р—аго Съ 140 рисунк. въ текстѣ. Ц. 85 к.

Сборникъ задачъ по физикѣ для реальныхъ училищъ, съ рѣшеніями. Е. Жадовскаго, директ. Сѣдлецк. реал. учил. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Руководство къ рѣшенію задачъ по физикѣ. Н. Н. Маракуева. Курсъ средней школы. 956 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями и съ 284 фиг. въ текстѣ. Ц. 3 р.

Элементарные уроки по электричеству и магнетизму. Ф. Сильвануса Томпсона. Перев. П. П. Маракуева съ послѣдняго 35-го изданія. Съ прибавленіями переводчика: 1) О явленіи Зеемана. 2) О токахъ Тесла. 3) О телеграфѣ Маркони. 4) О телефонографѣ Поульсена. Съ 294 фигурами въ текстѣ и 2 магнитными картами. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

Ученіе о свѣтѣ. З. Эдзера. Перев. съ англ. П. Маракуева. Съ 306 фигур. въ текстѣ, 2 цвѣтными таблицами и 1 черной таблицей солнечн. спектра. Ц. 4 р.

Рѣчи и статьи Д. К. Максуэлля. (О дѣйствіи на разстояніи. Молекулы. Атомъ. Притяженіе. Эѳиръ.) Перев. П. П. Маракуева. Ц. 80 к.

Учебникъ электротехники для технич. школъ и практики. М. Кроуля, проф. практич. промышл. учил. въ Пильзенѣ. Перев. съ нѣм. инж.-механ. Е. А. Тулинова и Л. Ю. Сегалова. Подъ ред. д-ра-инж., ад.-проф. Императ. технич. училища Б. П. Угримова. Съ 595 фигур. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Электротехника въ задачахъ и примѣрахъ. Г. Гэнселя, инж. Вып. I: Постоянный токъ. Теорія, расчеты, схемы и 300 задачъ и примѣровъ. Руководство для учащихся и для самообученія. Изд. 4-е, вновь пересмотрѣнное. Ц. 1 р. 75 к. Вып. II: Перемѣнные токи. Изд. 2-е. Съ 80 фиг. въ текстѣ. Ц. 1 р. 60 к.

Популярный курсъ электротехники сильныхъ токовъ. Постоянный и перемѣнные токи. Его же. Съ 185 фигур. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Основы техники сильныхъ токовъ. Б. Угримова, д-ра-инжен., ад.-проф. Император. техническ. учил., препод. Коммерч. инст. и Г. Гэнселя, инжен., препод. Александр. техн. ж.-д. учил. и Первыхъ электротехнич. курсовъ. Томъ I. Постоянный токъ. Пособіе для инженеровъ, архитекторовъ, техниковъ и учащихся. Съ 601 фигурами въ текстѣ. Изд. 3-е Ц. 4 р. Томъ II. Перемѣнные токи. Съ 515 фигурами въ текстѣ и 3 таблиц. Ц. 5 р.

Техника сильныхъ токовъ. Б. Угримова, препод. Импер. техн. учил. Т. II. Перемѣнные токи. Вращающіяся магнитн. поля. Трансформаторы. Изд. 3-е, со 189 фигурами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Телефонъ и дополнительные приборы. Ихъ устройство и примѣненіе на телефонныхъ сѣтяхъ. С. Гречихина, старш. механика харьковской телефон. сѣти. Съ 151 рисункомъ и схемами приборовъ. Изд. 2-е, испр. и дополненное. Ц. 1 р. 50 к.

Популярная минералогія. К. Ф. Петерса. Переводъ съ нѣмецк. В. И. М. Съ 58 рис. и чертежами на отдѣл. табл. Ц. 80 к.

Руководство къ практическимъ занятіямъ по химическому качественному анализу. Е. Жадовскаго, дирек. бѣлев. реальн. учил. Курсъ VI класса реальн. учил. Съ 12 рисунк. въ текстѣ и 8 таблицами. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Пособіе къ практическ. занятіямъ по неорганической химіи. С. Жуковскаго. Съ предисл. Ив. Каблукова. Изд. 3-е, подъ ред. В. Нилендера. Ц. 80 к.

Краткій повторитель. курсъ (Repetitorium) органической химіи по Булыгинскому, Реформатскому и Тамману. И. Бѣлозерова. Ц. 1 р.

Руководство теоретической (раціональной) механики. П. Аппеля (Paul Appell), члена института, декана факультета наукъ въ Парижѣ. **Т. I. Статика. Динамика точки.** Пер. съ послѣдн. (3-го) франц. изд. 1909 г. А. Безруковъ. Ц. 6 р.

— Т. II. Динамика системъ. Аналитич. механика. Его же. Ц. 5 р. 50 к.

— Т. III. Равновѣсіе и движеніе сплошныхъ срединъ. Его же. Съ замѣткою Э. и Ф. Коссера объ Евклидовскомъ дѣйствіи. Ц. 6 р.

Критическая исторія общихъ принциповъ механики, съ приложеніемъ дидактической главы объ изученіи физико-математическихъ наукъ. Е. Дюринга. Перев. съ нѣмецк. Н. Маракуева. Ц. 4 р.

Методика естествовѣдѣнія для учителей народныхъ училищъ. М. Краснова. Ц. 1 р. 50 к.

Краткій курсъ естествознанія и гигіены. М. Рашковичъ, врача. Т. I, съ 201 рис. Ц. 1 р. 25 к. Т. II, съ 206 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Общая ботаника. Л. Жерардена. Дополненная О. Томе. Перев. съ 23 изд. „Книги природы". Съ 68 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Ботаника для садовниковъ и огородниковъ. Л. А. Золотарева. Пособіе для практиковъ, любителей, учителей народныхъ школъ и учениковъ школъ садоводства. Часть первая. Съ 101 рис. въ текстѣ. Цѣна 70 к.

Очерки изъ жизни растеній. О. Шмейля. Переводъ съ нѣмецкаго (съ измѣненіями и дополненіями) С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 443 стр., съ 40 цвѣтными таблицами и многочислен. рис. въ текстѣ художн. В. Гейбаха. 2-е переработ. изд. Ц. 3 р., въ изящномъ, тиснен. въ нѣск. красокъ, перепл. 3 р. 75 к.

Растеніе и его жизнь. Е. Варминга, проф. Начальный учебникъ ботаники для среднихъ учебн. завед. и учител. семинарій. Переводъ съ 4-го датскаго изданія, съ измѣненіями и дополненіями Л. М. Кречетовича, прив.-доц. Моск. унив. Съ 5 табл. въ краскахъ и 284 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. въ переп. 1 р. 20 к.

Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Страсбургера, Э., д-ра, Нолль, Ф., д-ра, Карстена, Г., д-ра, Шенка, Г., д-ра и Шимпера, д-ра. Перев. съ 9-го нѣмец. изд. М. И. Голенкина и В. А. Дейнеги. Изд. 3-е, полное, съ 802 рисунками, отчасти въ краскахъ. Ц. 4 р.

Растительный міръ. Гастона Бонье, члена института, проф. въ Сорбоннѣ. Съ 230 фигурами въ текстѣ. Пер. Н. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Основы біологіи или науки о живыхъ существахъ. Проф. I. Кусбаума. Перев. съ польск. В. И. М. Съ 38 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к.

Современныя проблемы біологіи. Ч. С. Майнота. Съ 53 рис. Перев. В. Розанова и В. Коппа. Подъ ред. и съ предисл. д-ра мед. Л. А. Тарасевича. Ц. 60 к.

Начальный курсъ зоологіи. Проф. М. А. Мензбира. Примѣнительно къ програм. реал. учил. Часть I: Позвоночныя. 248 стран. текста съ 268 рисунк., изъ которыхъ 13 въ краск. 3-е, переработ. изд. Ц. въ прочн. коленкор. перепл. 1 р. 20 к.

Начальный курсъ зоологіи. Его же. Часть вторая: Безпозвоночныя. 188 стр. текста съ 192 рисунками, изъ которыхъ 13 въ краскахъ. 3-е, переработанное изданіе. Ц. въ прочн. коленкоров. перепл. 1 р. 20 к.

Руководство къ зоологіи. Парнеръ, Т. Д. и Гасвелль, В. А. Переводъ съ англ. М. А. Мензбира. Томъ I, первая половина. Съ 317 рисунками. Ц. 3 р. Т. I, вторая половина. Съ 346 рисунками. Ц. 3 р.

Греческо-русскій словарь, изданный кіевскимъ отдѣл. общества классической филологіи и педагогіи. А. О. Поспишиля. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Ц. 2 р. 60 к.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ

Если вы хотите пополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебное заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ на аттестъ зрѣлости, на классъ гимн., на аттестъ учен., учит. семин., дом. школы, нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣшно выполнившихъ полное изученіе, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „Гимназія на Домѣ" (расходъ всего 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. завед.

Курсъ „Гимназіи на Домѣ" состоитъ изъ 30 томовъ большого формата, по 280—320 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается подробная географическій атласъ къ краскамъ.

Коммерческое Образованіе.

Современному коммерческому дѣятелю, является ли онъ владѣльцемъ коммерческаго предпріятія, сотрудникомъ или служащимъ такового, нельзя обойтись безъ всестороннаго коммерч. образованія. Если хотите въ короткій срокъ и основательно изучить бухгалтерію, коммерч. арифм., коммерч. корресп., товароведѣніе, технику веденія торгово-промышл. предпріятій, банк. дѣло и вексель и юрид. науки, то подписывайтесь на наше изданіе „АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ".

Широкая изучная программа, популярно изложенная, участіе лучшихъ профессоровъ, дѣлаетъ это изданіе необходимымъ не только для лицъ, нуждающихся въ спеціальномъ коммерч. образованіи, но и для всѣхъ людей, желающихъ получить ясное и полное представленіе о современной торговой и хозяйственной жизни

При редакціи имѣется бюро коммерческихъ и юридическихъ, которое безплатно руководитъ занятіями, отвѣчаетъ на всякаго рода запросы и исправляетъ работы.

„АКАД. КОМ. ЗН." состоитъ изъ 15 томовъ большаго формата. Цѣна по 2 р. на томъ (за пересылку платежъ еще 20 коп.).

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностран. языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫКОВ.", мы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить франц., нѣмец. и англ. яз. При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія и догматики. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и насгромоздженія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, вы будете имѣть возможность вести переписку на иностран. яз., удовлетворительно объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произведеніе даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати. Цѣна тома 1 руб (за пересылку платежъ еще 20 коп.).

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ.

Мнимая „неспособность" къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ наравнѣ с средними художественными способностями, можетъ достигнуть для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" (школа рисованія, живописи и прикладного искусства), даемъ возможность и тѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собств. удовольствія или для какихъ либо практич. цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по технікѣ, теоріи и искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художествен. произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладнаго искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнять свои познанія къ дѣлу въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе всѣхъ познаній и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" является необходимой книгой, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ [illegible] работы и даетъ совѣты и справки, относящіяся къ области искусства. „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" издается подъ редакціей проф. академіи художествъ А. В. Маковскаго и Вадима Лѣсового, при участіи И. Е. Рѣпина, проф. А. И. Киприна и при [illegible] курсовъ при академіи и художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большаго формата рисунковъ-иллюстрир. красками и чернилами. Цѣна каждаго тома съ перес. 2 р. 20 к. наложн. платежъ.

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ПОСЫЛАЮТСЯ БЕЗ ПЛАТНО

Т-во „БЛАГО". С.-Петербургъ, Николаевская ул., 44—11.

Требуются агенты.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

Петръ Струве.

КРѢПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв

Содержаніе: I. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. II. Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. III. Крѣпостная статистика. IV. Изъ исторіи идеи крестьянскаго землеустройства. V. Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра II. VI. Маклеръ слугъ и рабочихъ людей. VII. Два отзыва (о книгѣ В. Г. Бажаева и П. П. Игнатовичъ). Стр. 340 съ тремя таблицами и діаграммой. **Цѣна 2 руб.**

Изданіе М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ. Москва, Тверской бульваръ, 6.

Правила и программы.

Городскихъ училищъ—30 к. Землемѣрныхъ училищъ—30 к. Учительск. институт.—30 к. На первый классный чинъ—30 к. На аттестатъ зрѣлости—50 к На учителя-цу начальн. училищъ—30 к. На учителя-цу городскихъ, приходскихъ и домашн. учителя—30 к. Коммерческ. училищъ—40 к. На техника путей сообщенія—25 к. На техника строит. работъ—25 к Вольноопредѣляющихся жеребеньхъ и охотниковъ 1-го разряда по образов. и прапорщиковъ—30 к.

Высылаетъ наложеннымъ платежомъ книжный складъ **А. Ф. СУХОВА.**

С.-Петербургъ, Екатерингофскій пр. 10/19.

Пересылка одной книги—13 к., 2 кн.—19 к., 3 кн—23 к., 4 кн—27 к. и 5 кн.—31 к. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 2 руб. пересылка безплатно. Наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. Полный каталогъ правилъ и программы высылается безплатно.

Заалекскія мастерскія.

Выставка и продажа: Берлинъ, ул. Викторіястр., 29.

Подъ художественнымъ руководствомъ профессора **Шульце-Наумбургъ.**

Составленіе проектовъ и производство работъ по постройкѣ дворцовъ, помѣщичьихъ усадебъ, дачъ, распланировка садовъ и парковъ. Поставка полной обстановки квартиръ и отдѣльныхъ предметовъ мебели, арматуры для освѣщенія и т. д.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

КНИГА VI

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ

1914

1910
HP
50
R8
9.65
кн. 6

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ѳедора Сологуба 1

II. РЕЯ СИЛЬВІЯ. Разсказъ изъ жизни VI вѣка. — Валерія Брюсова 2

III. УЗНИКЪ, КОТОРЫЙ ПѢЛЪ. Разсказъ Іогана Бесѣеръ. Съ норвежскаго.—Перев. З. І. Зеньковичъ. *Окончаніе* . . 26

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Анны Ахматовой 53

V. КОМА. Эскизъ.—Н. Т. Б. 54

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Е. Волчанецкой 64

VII. ХРОМОЙ. Романъ Германа Штера. (*Hermann Stehr.* Der begrabene Gott.) Съ нѣмецкаго. — Перев. М. И. Розенфельдъ. *Продолженіе* 65

VIII СУДНЫЙ ДЕНЬ. Поэма.—Сергѣя Рафаловича 116

IX. НАЧАЛО КОНЦА.—Бориса Фромметта 124

X. ТЕБѢ ЕДИНОМУ СОГРѢШИЛА. Повѣсть. Главы I—III.—Анны Маръ 157

XI. СЕМЕЙСТВО БАКУНИНЫХЪ. (По неизданнымъ источникамъ.)—А. А. Корнилова 1

XII. НОВЫЯ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЯ ТРУДНОСТИ ВЪ РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.—А. М. Рыкачева 33

XIII. ПАМЯТИ І. Г. ФИХТЕ.—Г. Э. Ланца 42

XIV. И. А. БУНИНЪ.—А. Б. Дермана 52

XV. РАБОЧАЯ СМУТА И ВЗДОРОЖАНІЕ ЖИЗНИ. Письмо изъ Америки.—П. А. Тверского 76

XVI. ЗАМѢТКИ О НАРОДНОМЪ ПЬЯНСТВѢ. Изъ наблюденій провинціала.—С. А. 86

XVII. НАЦІОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ВЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСТАНОВКѢ.—И. О. Левина 99

XVIII. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. М. Е. Салтыковъ какъ администраторъ.—В. М. Гайдукова 113

XIX. НА ПЕРЕВАЛѢ. Новая партія.—А. С. Изгоева 129

XX. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Дума и страна. **А. Рыкачева.**—Къ біографіи Д. А. Клеменца. **С. Ф. Ковалика.**—3. Ростъ благосостоянія и паденіе рождаемости. **Ст. Кона.**—4. Реклама и ея роль въ области завоеванія новыхъ рынковъ. **I. Кулишера. II. Литература и искусство.** 1. Годъ русской поэзіи. Порубежники. **Валерія Брюсова.**—2. Письма Бѣлинскаго. **А. Корнилова.**—3. Двѣ книги о барокко. **Р. Бернштейнъ-Вишницеръ. III. Философское движеніе.** 1. Судьбы новѣйшей психологіи. **П. Эфрусси.**—2. Паѳосъ разума. **А. Коральника. IV. Воспитаніе и школа.** Эволюція современной деревни и задачи сельской школы. **А. М. Обухова. V. Естествознаніе.** Американскіе запасы радія. **Ив. Каблукова. VI. Военное и морское дѣло.** 1. Частная инициатива и самодѣятельность въ военномъ дѣлѣ. **К.**—2. Морскія замѣтки. **Н. Нордова. VII. Некрологъ** . . . 1

XXI. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика.—Исторія.—Философія и религія.—Политическая экономія, статистика и финансы.—Публицистика.—Естествознаніе.—Педагогика и народное образованіе.—Книги для дѣтей.—Военное и морское дѣло. **II. Русскія новости по всеобщей исторіи. III. Книжныя новости. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе мая 1914 г.** 207

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

---

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по **пятницамъ** отъ $1^1/_2$—$4^1/_2$ ч.

Секретарь—по **средамъ** отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

* * *

Безпощадная во-время скосить,
И забудется скоро могила.
Утонувшій невѣсту не спроситъ:
— Отчего ты меня разлюбила?—

Не приснится невѣстѣ, не встрѣтитъ
Онъ ее въ неожиданномъ мѣстѣ,
А въ минуту тоски не отвѣтитъ
Ничего загрустившей невѣстѣ.

Такъ скользятъ, убѣгая, мгновенья
Наслажденья и трепетной боли.
Да и какъ же иначе? Забвенье—
Это милость божественной воли.

Ѳедоръ Сологубъ.

РЕЯ СИЛЬВІЯ.

Разсказъ изъ жизни VI вѣка.

I.

Марія была дочерью Руфія, каллиграфа. Ей не было еще десяти лѣтъ, когда, 17 декабря 546 года, Римъ былъ взятъ королемъ готовъ Тотилою. Великодушный побѣдитель приказалъ всю ночь трубить въ букцины, чтобы римляне, узнавъ объ опасности, могли бѣжать изъ родного города. Тотила зналъ ярость своихъ воиновъ и не хотѣлъ, чтобы все населеніе древней столицы міра погибло подъ мечами готовъ. Бѣжалъ и Руфій, со своей женой Флоренціей и маленькой дочкой Маріей. Бѣглецы изъ Рима громадной толпой цѣлую ночь шли по Аппіевой дорогѣ; сотни людей въ изнеможеніи падали на пути. Все же большинству, въ томъ числѣ и Руфію съ семьей, удалось добраться до Бовиллъ, гдѣ, однако, для очень многихъ не нашлось пріюта. Пришлось римлянамъ расположиться станомъ въ полѣ. Позднѣе всѣ разбрелись въ разныя стороны, ища какого-нибудь пристанища. Нѣкоторые пошли въ Кампанію, гдѣ ихъ захватывали въ плѣнъ господствовавшіе тамъ готы; другіе добрались до моря и даже получили возможность уѣхать въ Сицилію; третьи остались нищенствовать въ окрестностяхъ Бовиллъ или перебрались въ Самній.

У Руфія былъ другъ, жившій около Корбія. Къ этому бѣдному человѣку, по имени Анѳимій, промышлявшему на маленькомъ клочкѣ земли разведеніемъ свиней, и повелъ свою семью Руфій. Анѳимій принялъ бѣглецовъ и дѣлилъ съ ними свои скудные запасы. Живя въ жалкой хижинѣ свинопаса, Руфій узналъ о всѣхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ Римъ. Тотила одно время грозилъ срыть Вѣчный Городъ до основанія и обратить его въ пастбище. Потомъ готскій король смилостивился, удовольство-

вался тѣмъ, что было сожжено нѣсколько участковъ города и разграблено все, что еще уцѣлѣло отъ алчности и ярости Алариха, Генсериха и Рицимера. Весной 547 года Тотила покинулъ Римъ, но увелъ съ собою всѣхъ, еще остававшихся въ немъ жителей. Въ теченіе 40 дней столица міра стояла пустой: въ ней не было ни одного человѣка, и по улицамъ бродили только одичавшія животныя и дикіе звѣри. Потомъ, несмѣло и понемногу, римляне стали возвращаться въ свой городъ. А нѣсколько дней спустя Римъ былъ занятъ Велисаріемъ и опять присоединенъ къ владѣніямъ Восточной имперіи.

Тогда вернулся въ Римъ и Руфій съ семьей. Они разыскали на Ремуріи свой маленькій домъ, по незначительности его пощаженный грабителями. Почти все скудное имущество Руфіевъ оказалось цѣло, въ томъ числѣ и библіотека съ драгоцѣнными для каллиграфа свитками. Казалось, что можно было позабыть пережитыя бѣдствія, какъ тягостный сонъ, и продолжать прежнюю жизнь. Но очень скоро выяснилось, что такія надежды обманчивы. Война далеко не кончилась. Пришлось пережить новую осаду Рима Тотилою, когда опять жители сотнями умирали отъ голода и отъ недостатка воды. Послѣ того, какъ готы сняли, наконецъ, безуспѣшную осаду, Велисарій также покинулъ Римъ, и городъ оказался подъ властью алчнаго византійца Конона, отъ котораго римляне такъ же убѣгали, какъ отъ врага. Еще послѣ готы вторично заняли Римъ, воспользовавшись измѣною стражи. Впрочемъ, на этотъ разъ Тотила не только не грабилъ города, но даже пытался ввести въ немъ нѣкоторый порядокъ и хотѣлъ возстановить разрушенныя зданія. Наконецъ, послѣ смерти Тотилы Римъ былъ взятъ Нарсесомъ. Это было въ 552 году.

Какъ пережили Руфіи эти бѣдственныя шесть лѣтъ, трудно даже выяснить. Въ годы войны и осадъ никому не было надобности въ искусствѣ каллиграфа. Никто болѣе не заказывалъ Руфію списковъ съ твореній древнихъ поэтовъ или отцовъ церкви. Не было въ городѣ такихъ властей, къ которымъ нужно было бы писать каллиграфически разнаго рода прошенія. Жителей въ городѣ было мало, денегъ еще меньше, а всего меньше съѣстныхъ припасовъ. Приходилось добывать себѣ пропитаніе всякой случайной работой, служа и готамъ и византійцамъ, не брезгая порой и ремесломъ каменщика при починкѣ городскихъ стѣнъ или посильщика вьюковъ для войска. При всемъ томъ бывали не только дни, но цѣлыя недѣли, когда всей семьѣ случалось голодать. О винѣ нечего было и думать, и пить приходило скверную воду изъ цистернъ и изъ Тибра, такъ какъ водопроводы были

разрушенъ готами. Только потому и можно было сносить такія лишенія, что имъ подвергались всѣ, безъ исключенія. Потомки сенаторовъ и патриціевъ, дѣти богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ вымаливали на улицахъ кусокъ хлѣба, какъ нищіе. Рустиціана, дочь Симмаха и вдова Боэція, протягивала руку за подаяніемъ.

Не удивительно, что въ эти годы маленькая Марія была предоставлена себѣ самой. Въ раннемъ дѣтствѣ отецъ выучилъ ее читать по-гречески и по-латыни. Но послѣ возвращенія въ городъ ему некогда было заниматься дальше ея образованіемъ. Цѣлыми днями она дѣлала, что ей вздумается. Мать не принуждала дѣвочку помогать по хозяйству, такъ какъ и хозяйства почти никакого не было. Чтобы скоротать время, Марія читала книги, сохранявшіяся въ домѣ потому, что ихъ некому было продать. Но чаще уходила изъ дому и, какъ дикій звѣрокъ, бродила по пустыннымъ улицамъ, форумамъ и площадямъ, слишкомъ обширнымъ для ничтожнаго теперь населенія. Рѣдкіе прохожіе скоро привыкли къ худенькой черноглазой дѣвочкѣ въ оборванномъ платьѣ, шмыгавшей вездѣ, какъ мышь, и не обращали на нее вниманія. Римъ сдѣлался какъ бы громаднымъ домомъ для Маріи. Она узнала его лучше, чѣмъ любой составитель описанія его достопримѣчательностей прежняго времени. День за днемъ Марія исходила все необъятное пространство города, вмѣщавшее когда-то свыше милліона жителей, научилась любить одни его уголки, стала ненавидѣть другіе. И часто только поздно вечеромъ она возвращалась домой, подъ невеселый отчій кровъ, гдѣ не разъ случалось ей ложиться спать безъ ужина, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на ногахъ.

Марія въ своихъ блужданіяхъ по городу забиралась въ самыя отдаленныя части города, по сю и по ту сторону Тибра, гдѣ стояли пустые, частью сгорѣвшіе дома, и тамъ мечтала о прошломъ величіи Рима. Она разглядывала на площадяхъ немногія уцѣлѣвшія статуи,—огромнаго быка на Бычьемъ форумѣ, бронзовыхъ гигантовъ-слоновъ на Священной улицѣ, изображенія Домиціана, Марка Аврелія и другихъ славныхъ мужей древности, колонны, обелиски, барельефы, стараясь вспомнить, что она обо всемъ этомъ читала, и, если недоставало знаній, дополняя прочитанное фантазіей. Она проникала въ покинутые дворцы бывшихъ богачей, любовалась на жалкіе остатки прежней роскоши въ убранствѣ покоевъ, на мозаику половъ, на разноцвѣтные мраморы стѣнъ, на стоявшіе кое-гдѣ пышные столы, кресла, свѣтильники. Точно такъ же посѣщала Марія и громады термъ,

казавшіяся отдѣльными городами въ городѣ, безлюдныя по всякое время, такъ какъ не было воды, чтобы питать ихъ и пресыщенныя трубы; въ нѣкоторыхъ термахъ еще можно было видѣть великолѣпныя мраморные водоемы, мозаичные полы, купальныя кресла и ванны изъ драгоцѣннаго алебастра или порфира, а мѣстами и полуразбитыя статуи, которыми не воспользовались войска ни готовъ, ни византійцевъ, какъ ядрами для своихъ баллистъ. Въ тишинѣ огромныхъ покоевъ Маріи слышались отголоски безпечной и богатой жизни, собиравшей сюда ежедневно тысячи и тысячи посѣтителей, приходившихъ встрѣтить друзей, поспорить о литературѣ или философіи, умастить изнѣженное тѣло передъ праздничнымъ пиромъ. Въ Большомъ циркѣ, представлявшемся дикимъ оврагомъ, такъ какъ онъ весь заросъ травой и бурьяномъ, Марія думала о торжественныхъ состязаніяхъ ристателей, на которыхъ смотрѣли десятки тысячъ зрителей, оглушая счастливыхъ побѣдителей бурей рукоплесканій: Марія не могла не знать объ этихъ празднествахъ, такъ какъ послѣднее изъ нихъ (о! горестная тѣнь давняго великолѣпія!) было устроено еще при ней Тотилою, при его второмъ владычествѣ въ Римѣ. Иногда же Марія просто уходила на берегъ Тибра, садилась тамъ въ укромномъ мѣстѣ, подъ какой-нибудь полуразрушенной стѣной, смотрѣла на желтыя воды прославленной поэтами и ваятелями рѣки и опять, въ тишинѣ безлюдія, думала и мечтала, и еще мечтала и думала.

Марія привыкла жить своими мечтами. Полуразрушенный, полупокинутый городъ давалъ щедрую пищу ея воображенію. Все, что Марія слышала отъ старшихъ, все, что она безъ порядка прочла въ книгахъ отца, смѣшалось въ ея головкѣ въ странное, хаотическое, но безконечно плѣнительное представленіе о великомъ, древнемъ городѣ. Она была увѣрена, что прежній Римъ былъ поистинѣ, какъ то говорили поэты, средоточіемъ всей красоты, городомъ-чудомъ, гдѣ все было очарованіемъ, гдѣ вся жизнь была одинъ сплошной праздникъ. Вѣка и эпохи путались въ бѣдной головкѣ дѣвочки, времена Ореста казались ей столь же отдаленными, какъ правленіе Траяна, а царствованіе мудраго Нумы Помпилія столь же близкимъ, какъ и Одоакра. Древность была для нея все, что предшествовало готамъ; далекой, и еще счастливой, старинной — правленіе Великаго Теодориха; новое время начиналась для Маріи только со дня ея рожденія, съ первой осады Рима при Велисаріи. Въ древности все казалось Маріи дивно, прекрасно, изумительно, въ старинѣ все—привлекательно и благополучно, въ новомъ времени—все бѣдственно и ужасно. И Ма-

рія старалась не замѣчать жестокой современности, мечтами живя въ милой ей древности, среди любимыхъ героевъ, которыми были и богъ Вакхъ, и второй основатель города Камиллъ, и Цезарь, вознесшійся звѣздой на небо, и мудрѣйшій изъ людей Діоклеціанъ, и несчастнѣйшій изъ великихъ Ромулъ Августулъ. Всѣ они и многіе другіе, чьи только имена случалось слышать Маріи, были любимцами ея грезъ и обычными видѣніями ея полудѣтскихъ сновъ.

Мало-по-малу Марія въ мечтахъ создала свою исторію Рима, ничѣмъ не похожую на ту, которую разсказывалъ когда-то краснорѣчивый Ливій, а потомъ другіе историки и анналисты. Любуясь уцѣлѣвшими статуями, читая полустертыя надписи, Марія все толковала по-своему, вездѣ находила подтвержденія своимъ безудержнымъ вымысламъ. Она говорила себѣ, что такая-то статуя изображаетъ юношу Августа, и уже никто не могъ бы увѣрить дѣвочку, что это—плохой портретъ какого-то полуварвара, жившаго всего лѣтъ пятьдесятъ назадъ и заставившаго неумѣлаго дѣлателя гробницъ обезсмертить свои черты изъ куска дешеваго мрамора. Или, видя барельефъ, изображающій сцену изъ „Одиссеи", Марія создавала изъ него длинный разсказъ, въ которомъ опять появлялись ея любимые герои—Марсъ, Брутъ или императоръ Гонорій, и потомъ уже была убѣждена, что эту исторію вычитала въ одной изъ отцовскихъ книгъ. Она создавала легенду за легендой, миѳъ за миѳомъ и жила въ ихъ мірѣ, какъ въ болѣе подлинномъ, чѣмъ міръ, описанный въ книгахъ, а тѣмъ болѣе, чѣмъ тотъ жалкій міръ, который окружалъ ее.

Намечтавшись вдоволь, утомленная ходьбой и измученная голодомъ, Марія возвращалась въ свой родной домъ. Тамъ ее угрюмо встрѣчала мать, озлобившаяся отъ всѣхъ пережитыхъ несчастій, сурово совала ей кусокъ хлѣба съ сыромъ или луковицу чесноку, если это находилось въ кухнѣ, да присоединяла иногда къ скудному ужину нѣсколько бранныхъ словъ. Марія, дичась, какъ пойманная птица, наскоро съѣдала поданное и спѣшила въ свою каморку, на жесткую постель, чтобы опять мечтать, въ минуты передъ сномъ, и въ самомъ снѣ, о блаженныхъ, ослѣпительныхъ временахъ древности. Въ исключительно счастливые дни, когда отецъ бывалъ дома и въ духѣ, онъ иногда заговаривалъ съ Маріей. Но и тогда быстро ихъ разговоръ переходилъ на ту же, милую обоимъ древность. Марія разспрашивала отца о прошломъ Рима и, затаивъ дыханіе, слушала, какъ старый каллиграфъ, увлекаясь, начиналъ говорить о величіи имперіи при Ѳеодосіи или декламировалъ стихи древнихъ поэтовъ—

Вергилія, Авсонія и Клавдіана. И еще болѣе помрачался хаосъ въ бѣдной головкѣ дѣвочки, и порой ей начинало казаться, что дѣйствительная жизнь только снится ей, а что въ самомъ дѣлѣ она живетъ въ блаженные годы Энея, Августа или Граціана

II.

Послѣ занятія Рима Нарсесомъ жизнь въ городѣ стала принимать болѣе или менѣе обычный ходъ. Правитель поселился на Палатинѣ, часть разоренныхъ комнатъ императорскаго дворца была для него расчищена и по вечерамъ онѣ свѣтились огнями. Византійцы привезли съ собой деньги, въ Римѣ возобновилась торговля. Большія дороги стали сравнительно безопасны, и обнищавшіе жители опустошенной Кампаніи повезли въ Римъ на продажу припасы. Тамъ и сямъ вновь открылись винныя таберны. Появился спросъ даже на предметы роскоши, покупавшіеся главнымъ образомъ женщинами легкаго поведенія, которыя вороньей стаей слѣдовали за разноплеменнымъ войскомъ великаго евнуха. Зашмыгали по всѣмъ улицамъ монахи, отъ которыхъ тоже было можно кое-чѣмъ поживиться. Тридцать или сорокъ тысячъ жителей, скопившихся теперь въ Римѣ, считая съ войскомъ, придавали городу, особенно въ его средней части, видъ населеннаго и даже оживленнаго мѣста.

Нашлась, наконецъ, настоящая работа и для Руфія. Нарсесъ, а потомъ его преемникъ, византійскій дукъ, принимали разныя жалобы и прошенія, для переписки которыхъ требовался искусный каллиграфъ. Эдикты Юстиніана, признавшаго одни изъ актовъ готскихъ королей и отвергшаго другіе, подавали поводъ къ безконечнымъ кляузамъ и судебнымъ процессамъ. Приходилось переписывать и бумаги, направляемыя прямо его святости, императору, въ Византію, за что платили сравнительно хорошо. Випадали и болѣе важные заказы. Одинъ новый монастырь пожелалъ имѣть каллиграфическій списокъ богослужебныхъ книгъ. Какой-то чудакъ заказалъ списокъ поэмъ славнаго Рутилія. Въ домѣ Руфіевъ опять появилось нѣкоторое довольство. Семья каждый день могла обѣдать и уже не дрожала за судьбу слѣдующаго дня.

Все могло бы пойти хорошо въ домѣ Руфіевъ, если бы каллиграфъ, сильно постарѣвшій за годы лишеній, не началъ пить. Нерѣдко весь заработокъ онъ оставлялъ въ какой-нибудь таберне или копонѣ. Для Флоренціи это было жестокимъ ударомъ. Она всячески боролась съ несчастной страстью мужа, отбирала у него

заработанныя деньги, но Руфій пускался на всякія хитрости и все находилъ способы напиться. Марія, напротивъ, любила дни, когда отецъ бывалъ пьянъ. Тогда онъ возвращался домой веселымъ, не обращалъ вниманія на плачъ и укоры Флоренціи, но охотно звалъ къ себѣ Марію, если та была дома, и опять говорилъ ей безъ конца о прошломъ величіи Вѣчнаго Города и читалъ ей стихи старыхъ поэтовъ и своего собственнаго сочиненія. Полубезумная дѣвочка и пьяный отецъ какъ-то понимали другъ друга и часто до поздней ночи просиживали вдвоемъ, когда разгнѣванная Флоренція, бросивъ ихъ, уходила спать одна.

Сама Марія не измѣнила своей жизни. Напрасно отецъ, когда бывалъ трезвъ, заставлялъ ее помогать ему въ работѣ. Напрасно мать гнѣвалась на то, что дочь не раздѣляетъ съ ней трудовъ по хозяйству. Когда Марію принуждали, она нехотя, угрюмо переписывала нѣсколько строкъ или очищала нѣсколько луковицъ, но при первой возможности убѣгала изъ дому, чтобы опять цѣлый день бродить по своимъ любимымъ уголкамъ города. Ее бранили, когда она возвращалась, но Марія выслушивала всѣ упреки молча, не возражая ни слова. Что было ей до брани, когда въ ея мечтахъ еще блистали всѣ роскошныя картины, которыми она тѣшила свое воображеніе, притаившись около порфирной ванны въ термахъ Каракаллы или запрятавшись въ густой травѣ на берегу стараго Тибра. Ради того, чтобы у нея не отнимали ея видѣній, она охотно снесла бы и побои, и всякія мученія. Въ этихъ видѣніяхъ была вся жизнь Маріи.

Осенью 554 года Марія видѣла на улицахъ Рима тріумфальное шествіе Нарсеса,—послѣдній тріумфъ, отпразднованный въ Вѣчномъ Городѣ. Разноплеменное войско евнуха, въ которое входили греки, гунны, герулы, гепиды, персы, нестройной толпой шло по Священной улицѣ, неся богатую добычу, отнятую у готовъ. Воины пѣли веселыя пѣсни на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, и ихъ голоса сливались въ дикій, оглушающій вой. Полководецъ, увѣнчанный лаврами, ѣхалъ на колесницѣ, запряженной бѣлыми конями. У воротъ Рима его встрѣтило нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ въ бѣлыя тоги, выдававшихъ себя за сенаторовъ. Нарсесъ черезъ полуразрушенный Римъ, по улицамъ, на которыхъ между мощными плитами камней прорастала трава, направился къ Капитолію. Тамъ Нарсесъ сложилъ свой вѣнокъ передъ статуей Юстиніана, откуда-то добытой для этого случая. Потомъ, уже пѣшкомъ, опять черезъ весь Римъ, прослѣдовалъ къ базиликѣ св. Петра, гдѣ былъ встрѣченъ папою и духовенствомъ въ торжественныхъ облаченіяхъ. Толпившіеся на ули-

цахъ римляне безъ особаго восторга смотрѣли на это зрѣлище, которому дѣйствующія лица стремились придать пышность. Торжество византійцевъ было для римлянъ дѣломъ чужимъ, почти что торжествомъ враговъ родины.

И на Марію тріумфъ не произвелъ никакого впечатлѣнія. Равнодушными глазами смотрѣла она на пестрыя одежды воиновъ, на тріумфальную тогу сенуха, маленькаго безбородаго старичка съ бѣгающими глазами, на торжественныя ризы духовенства. Пѣсни и воинственные крики войска только наводили ужасъ на Марію. Такъ непохожимъ казалось ей все это на тѣ тріумфы, которые она такъ часто воображала въ своихъ одинокихъ мечтахъ,— на тріумфы Августа, Веспасіана, Валентиніана! Здѣсь все ей представлялось страшнымъ и безобразнымъ; тамъ все было великолѣпіе и красота! И, не дождавшись конца тріумфа, Марія убѣжала отъ базилики св. Петра на Аппіеву дорогу, къ своимъ любимымъ развалинамъ термъ Каракаллы, чтобы въ тиши мраморныхъ залъ свободно плакать о невозвратномъ прошломъ и видѣть его въ грезахъ вновь живымъ и прекраснымъ, какимъ оно только и можетъ быть. Въ этотъ день Марія вернулась домой поздно и не хотѣла отвѣчать на разспросы, видѣлала ли она тріумфъ.

Маріи въ это время было уже почти восемнадцать лѣтъ. Она не была красива. Худая, съ неразвитой грудью, съ болѣзненнымъ румянцемъ, съ дикими, черными глазами, она скорѣе пугала, чѣмъ привлекала вниманіе. У нея не было подругъ. Когда сосѣдскія дѣвушки заговаривали съ ней, она имъ отвѣчала односложно, отрывисто, спѣшила прервать всякій разговоръ. Что онѣ, эти другія дѣвушки, понимали въ ея тайныхъ мечтахъ, въ ея завѣтныхъ видѣніяхъ! О чемъ было Маріи говорить съ ними! Ее считали не то дурочкой, не то помѣшанной. Къ тому же она никогда не ходила въ церковь. Иногда на пустынной улицѣ пьяный прохожій приставалъ къ Маріи, пытался ущипнуть ее за локоть или обнять. Тогда Марія обороняла, какъ дикая кошка, царапалась, кусалась, пускала въ ходъ кулаки, и ее оставляли въ покоѣ. Нашелся всетаки одинъ юноша-сосѣдъ, сынъ мѣдника, посватавшійся къ Маріи. Когда мать сказала ей объ этомъ, Марія встрѣтила извѣстіе съ истиннымъ ужасомъ. Когда же мать стала настаивать, говоря, что лучшаго мужа теперь искать негдѣ, Марія начала рыдать съ такимъ отчаяніемъ, что Флоренція отступилась отъ нея, порѣшивъ, что дочь или еще слишкомъ молода для замужества, или и въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Такъ Марію и оставили жить на свободѣ и исполнять свой безконечный досугъ всѣмъ, чѣмъ ей угодно.

Проходили дни, недѣли и мѣсяцы. Руфій работалъ и пилъ. Флорецiя хлопотала по хозяйству и бранилась. Оба считали себя несчастными и проклинали свою горестную судьбу. Одна Марія была счастлива въ мірѣ своихъ грезъ. Все меньше и меньше замѣчала она ненавистную дѣйствительность, окружавшую ее. Все глубже и глубже уходила она въ царство своихъ видѣній. Уже она разговаривала съ образами, созданными ея воображеніемъ, какъ съ живыми людьми. Домой она возвращалась въ увѣренности, что сегодня повстрѣчалась съ богиней Вестой, а сегодня—съ диктаторомъ Суллою. Она вспоминала то, что пережила въ мечтахъ, какъ бывшее на самомъ дѣлѣ. Въ часы ночныхъ бесѣдъ съ пьянымъ отцомъ она пересказывала ему эти свои воспоминанія, и старый Руфій не удивлялся имъ: по поводу каждаго разсказа у него были наготовѣ какіе-нибудь стихи, онъ дополнялъ и развивалъ безумныя грезы дочери, и, слушая сквозь сонъ ихъ странные бесѣды, Флоренція то плевала и произносила проклятія, то крестилась и шептала молитву Пресвятой Дѣвѣ.

III.

Весной слѣдующаго за тріумфомъ года Марія, блуждая вокругъ разрушающихся стѣнъ термъ Траяна, замѣтила, что въ одномъ мѣстѣ, гдѣ, повидимому, уже начинался Эсквилинскій холмъ, есть въ землѣ странное отверстіе, словно входъ куда-то. Мѣстность была пустынная; кругомъ стояли только необитаемые, покинутые дома; мостовыя были испорчены, и обрывистый склонъ холма заросъ бурьяномъ. Послѣ нѣкоторыхъ стараній Маріи удалось добраться до раскрытой трещины. За ней былъ темный и узкій проходъ. Марія безъ колебанія поползла по нему. Ползти пришлось долго въ совершенной темнотѣ и въ спертомъ воздухѣ. Внезапно проходъ кончился обрывомъ. Когда глаза Маріи привыкли къ сумраку, она при слабомъ свѣтѣ, доходившемъ изъ отверстія, различила, что передъ ней обширный залъ какого-то невѣдомаго дворца. Подумавъ немного, дѣвушка сообразила, что ей не удастся осмотрѣть его безъ освѣщенія. Она осторожно выбралась назадъ и весь тотъ день пробродила въ раздумьѣ. Римъ казался ей ея достояніемъ, и она не могла снести мысли, что было въ городѣ что-то, ей неизвѣстное.

На другой день Марія, запасшись самодѣльнымъ факеломъ, вернулась на прежнее мѣсто. Не безъ опасности для себя она спустилась въ открытый ею залъ и тамъ зажгла факелъ. Величественный покой предсталъ ея взорамъ. Стѣны до половины

были мраморныя, а выше расписаны дивной живописью. Въ нишахъ стояли бронзовыя статуи, работы изумительной, казавшіяся живыми людьми. Можно было различить, что полъ, засыпанный мусоромъ и землей, былъ мозаичный. Налюбовавшись новымъ зрѣлищемъ, Марія смѣло пошла впередъ. Черезъ огромную дверь она проникла въ цѣлый лабиринтъ ходовъ и переходовъ, приведшихъ ее въ новый залъ, еще болѣе великолѣпный, чѣмъ первый. Дальше слѣдовала длинная анфилада покоевъ, убранныхъ мраморомъ и золотомъ, стѣнной живописью и статуями; во многихъ мѣстахъ еще стояла драгоцѣнная мебель и разная домашняя утварь тонкой работы. Кругомъ бѣгали ящерицы, пауки и мокрицы, шныряли летучія мыши, но Марія не замѣчала ничего, упоенная единственнымъ зрѣлищемъ. Передъ ней была жизнь древняго Рима, живая, во всей своей полнотѣ, наконецъ-то обрѣтенная Маріей!

Долго ли Марія наслаждалась въ тотъ день своимъ открытіемъ, она сама не знала. Отъ сильнаго волненія или отъ спертаго воздуха ей сдѣлалось дурно. Когда она очнулась на каменномъ, сыромъ полу,—оказалось, что ея факелъ погасъ, догорѣвъ. Въ совершенной тьмѣ Марія ощупью начала искать дорогу къ выходу. Она блуждала долго, много часовъ, но только путалась въ безсчетныхъ переходахъ и покояхъ. Въ затуманенномъ сознаніи дѣвушки уже мелькала мысль, что ей суждено умереть въ этомъ невѣдомомъ, погребенномъ подъ землей дворцѣ. Марія не пугалась такой мысли: напротивъ, ей представлялось прекраснымъ и желаннымъ кончить жизнь среди пышной обстановки древней жизни, въ мраморномъ залѣ, гдѣ-нибудь у подножія прекрасной статуи. Марія жалѣла лишь объ одномъ: что кругомъ было темно и что ей не суждено будетъ увидѣть той красоты, среди которой будетъ умирать... Неожиданно впереди блеснулъ лучъ свѣта. Собравъ силы, Марія пошла къ нему. То былъ лунный свѣтъ, проникавшій черезъ трещину, похожую на входъ, которымъ Марія проникла во дворецъ. Но эта трещина была въ совершенно другомъ залѣ. Съ большими усиліями, карабкаясь по выступу стѣнъ, Марія добралась до этого отверстія и выбралась на волю, въ часъ, когда весь городъ уже спалъ и луна полновластно царила надъ грудами полуразрушенныхъ зданій. Пробираясь вдоль стѣнъ, чтобы ее не замѣтили, Марія вернулась домой, изнеможенная, чуть живая. Отца не было дома,—онъ пропалъ на всю ночь, а мать ограничилась нѣсколькими грубыми окриками.

Послѣ того Марія начала ежедневно посѣщать открытый ею подземный дворецъ. Понемногу она изучила всѣ его переходы и

залы, такъ что могла бродить по нимъ въ полной темнотѣ, безъ опасенія опять потерять дорогу. Впрочемъ, она всегда приносила съ собой маленькую лампу или смоляной факелъ, чтобы вдоволь любоваться на роскошное убранство покоевъ. Марія изучила ихъ всѣ. Она знала комнаты, сплошь расписанныя и убранныя краснымъ, другія, гдѣ преобладалъ желтый цвѣтъ, третьи, напоминавшія своей зеленой росписью свѣжія луга или садъ, четвертыя—всѣ бѣлыя, съ украшеніями изъ чернаго эбеноваго дерева; она знала всѣ стѣнныя картины, изображающія то сцены изъ жизни боговъ и героевъ, то знаменитыя битвы древности, то облики великихъ мужей, то смѣшныя приключенія фавновъ и амуровъ; она знала и всѣ сохранившіяся во дворцѣ статуи, бронзовыя и мраморныя, и маленькіе бюсты въ нишахъ, и торжественныя изваянія во весь ростъ, и необъятную громаду, представляющую трехъ человѣкъ, мужчину и двухъ юношей, сплетенныхъ кольцами гигантскихъ змѣй и тщетно пытающихся освободиться изъ гибельныхъ объятій.

Среди всѣхъ украшеній подземнаго дворца Маріи особенно полюбился одинъ барельефъ. Онъ изображалъ дѣвушку, худую и стройную, покоящуюся въ глубокомъ снѣ въ какой-то пещерѣ; около дѣвушки въ военныхъ доспѣхахъ стоялъ юноша, съ благороднымъ лицомъ, дивной красоты; надъ ними, какъ бы въ облакахъ, была изображена плетеная корзина съ двумя младенцами, плывущая по рѣкѣ. Маріи казалось, что черты изображенной дѣвушки похожи на нее, на Марію. Она узнавала самоё себя въ этой тоненькой, спящей царевнѣ, и не уставала цѣлыми часами любоваться на нее, воображая себя на ея мѣстѣ. Временами Марія готова была вѣрить, что какой-то древній художникъ чудомъ угадалъ, что нѣкогда явится въ міръ дѣвушка Марія, и заранѣе создалъ ея портретъ въ барельефѣ таинственнаго, заколдованнаго дворца, который долженъ былъ сохраняться неприкосновеннымъ подъ землей въ теченіе столѣтій. Смыслъ другихъ фигуръ на барельефѣ долгое время оставался для Маріи темнымъ.

Но однажды вечеромъ Маріи случилось опять разговориться съ отцомъ, вернувшимся домой веселымъ и пьянымъ. Они были одни, такъ какъ Флоренція, по обыкновенію, оставила ихъ болтать свои глупости и ушла къ себѣ спать. Марія разсказала отцу о найденномъ ею подземномъ дворцѣ и его сокровищахъ. Старый Руфій отнесся къ этому разсказу такъ же, какъ ко всѣмъ другимъ бреднямъ дочери. Когда она ему говорила, что встрѣтила сегодня на улицѣ Великаго Константина и тотъ милостиво съ ней бесѣдовалъ, Руфій не удивлялся, но начиналъ говорить о

Константинѣ. Теперь, когда Марія разсказала о сокровищахъ невѣдомаго дворца, старый каллиграфъ тотчасъ заговорилъ объ этомъ дворцѣ.

— Да, да, дочка!—сказалъ онъ.—Между Палатиномъ и Эсквилиномъ, это, дѣйствительно, тамъ. Это—Золотой домъ императора Нерона, самый прекрасный изъ дворцовъ когда-либо воздвигавшихся въ Римѣ! Нерону для него не хватало мѣста и онъ сжегъ Римъ. Римъ горѣлъ, а императоръ декламировалъ стихи о пожарѣ Трои. Потомъ же на расчищенномъ мѣстѣ воздвигъ свой Золотой домъ. Да, да, между Палатиномъ и Эсквилиномъ, ты права. Прекраснѣе въ Городѣ не было ничего. Но послѣ смерти Нерона другіе императоры изъ зависти этотъ дворецъ разрушили и засыпали землей: его нѣтъ болѣе. Построили на его мѣстѣ дома и термы. Но это былъ самый прекрасный изъ дворцовъ!

Тогда, осмѣлившись, Марія разсказала и о полюбившемся ей барельефѣ. И опять не удивился старый каллиграфъ. Онъ тотчасъ объяснилъ дочери, что̀ хотѣлъ изобразить художникъ.

— Это, дочка моя,—Рея Сильвія, весталка, дочь царя Нумитора. А юноша—это богъ Марсъ, полюбившій дѣвушку и отыскавшій ее въ священной пещерѣ. У нихъ родились близнецы, Ромулъ и Ремъ. Рею Сильвію утопили въ Тибрѣ, а младенцевъ вскормила волчица, и они стали основателями Города. Да, все это такъ было, дочка.

Руфій подробно разсказалъ Маріи трогательную сказку о провинившейся весталкѣ Иліи или Реи Сильвіи и сейчасъ же началъ декламировать стихи изъ „Метаморфозъ“ древняго Овидія:

> Proximus Ausonias iniusti miles Amuli
> Rexit opes...

Но Марія уже не слушала отца; она тихо повторяла про себя:
— Это—Рея Сильвія! Рея Сильвія!

IV.

Съ того дня еще больше времени стала проводить Марія передъ чудеснымъ барельефомъ. Она приносила съ собой, имѣтъ съ факеломъ, скудный завтракъ, только чтобы больше часовъ оставаться въ подземномъ дворцѣ, который считала болѣе своимъ домомъ, чѣмъ домъ отца. Марія ложилась на холодный и скользкій полъ передъ изображеніемъ дочери Нумитора и при слабомъ свѣтѣ смоляного факела долгими часами всматривалась въ черты лица тоненькой дѣвушки, спящей въ священной пещерѣ. Съ каждымъ

днемъ все болѣе казалось Маріи, что она странно похожа на эту древнюю весталку, и мало-по-малу, въ мечтахъ, уже не умѣла различить, гдѣ бѣдная Марія, дочь Руфія каллиграфа, и гдѣ несчастная Илія, дочь царя Альбы Лонги. Себя самоё Марія уже не называла иначе, какъ Рея Сильвія. Лежа передъ барельефомъ, она мечтала, что и къ ней, въ этой новой священной пещерѣ, явится богъ Марсъ, что и у нея родятся отъ божественныхъ объятій близнецы, Ромулъ и Ремъ, которые станутъ основателями Вѣчнаго Города. Правда, за это надо было заплатить смертью, погибнуть въ мутныхъ водахъ Тибра,—но развѣ страшила Марію смерть. Часто Марія засыпала съ такими грёзами передъ барельефомъ, и во снѣ ей снился тотъ же богъ Марсъ, съ благороднымъ лицомъ дивной красоты, и его божественныя, обжигающія объятія. И, проснувшись, Марія не знала, было ли то во снѣ или на яву.

Стоялъ уже палящій іюль, когда улицы Рима, въ полдень, пустѣли, словно послѣ грознаго приказа короля Тотилы. Но въ подземномъ дворцѣ было прохладно и влажно, и Марія попрежнему каждый день приходила сюда, чтобы дремать въ привычныхъ сладкихъ грёзахъ передъ изображеніемъ Иліи, мечтая о своемъ суженомъ-богѣ. И когда однажды, въ легкой дремотѣ, она вновь предавалась обжигающимъ ласкамъ Марса, внезапно какой-то шумъ заставилъ ее проснуться. Марія открыла глаза, еще ничего не понимая, и оглядѣлась кругомъ. При свѣтѣ маленькаго факела, вставленнаго въ расщелину между камнями, она увидѣла передъ собой юношу. Онъ былъ не въ военномъ доспѣхѣ, но въ той одеждѣ, какую тогда обычно носили небогатые римляне, однако лицо юноши было исполнено благородства, и Маріи показалось сіяющимъ дивной красотой. Нѣсколько мгновеній смотрѣла Марія изумленно на неожиданное явленіе, на человѣка, проникшаго въ этотъ заколдованный дворецъ, который она считала извѣстнымъ лишь себѣ одной. Потомъ, присѣвъ на полу, дѣвушка спросила просто:

— Ты пришелъ ко мнѣ?

Юноша улыбнулся улыбкой тихой и плѣнительной и отвѣчалъ также вопросомъ:

— А кто ты, дѣвушка? Не геній ли этого мѣста?

Марія сказала:

— Я — Рея Сильвія, весталка, дочь царя Нумитора. А ты не богъ ли Марсъ, ищущій меня?

На это юноша возразилъ:

— Нѣтъ, я—не богъ,—я смертный человѣкъ, меня зовутъ Ага-

питъ, и я не искалъ тебя здѣсь. Но все равно, я радъ найти тебя. Здравствуй, Рея Сильвія, дочь царя Нумитора!

Марія позвала юношу сѣсть съ ней рядомъ, что онъ тотчасъ и исполнилъ. Такъ они сидѣли вдвоемъ, дѣвушка и юноша, на сыромъ полу, въ пышномъ залѣ засыпаннаго землей Золотого дома Нерона, смотрѣли другъ другу въ глаза и сначала не знали, о чемъ говорить. Потомъ Марія, показавъ юношѣ на барельефъ, стала пересказывать легенду о несчастной весталкѣ. Но юноша прервалъ разсказъ:

— Я это знаю, Рея,—сказалъ онъ,—но какъ странно: лицо дѣвушки на барельефѣ, дѣйствительно, похоже на твое.

— Это—я,—возразила Марія.

Столько увѣренности было въ ея словахъ, что юноша смутился и не зналъ, что думать. А Марія нѣжно положила руки ему на плечи и стала говорить вкрадчиво и почти робко:

— Не отказывайся: ты — богъ Марсъ, принявшій смертный обликъ. Но я тебя узнала. Я давно тебя ждала. Я знала, что ты придешь. И я не боюсь смерти. Пусть меня утопятъ въ Тибрѣ.

Долго слушалъ юноша безсвязныя рѣчи Маріи. Все было странно кругомъ. И этотъ подземный, никому невѣдомый дворецъ, съ его великолѣпными покоями, гдѣ жили только ящерицы да летучія мыши. И эта полутьма огромнаго зала, чуть освѣщаемая слабымъ свѣтомъ двухъ факеловъ. И эта безвѣстная дѣвушка, похожая на Рею Сильвію древняго барельефа, съ ея непонятными рѣчами, чудеснымъ образомъ попавшая въ погребенный Золотой домъ Нерона. Юноша чувствовалъ, что та грубая дѣйствительность, которой онъ только что жилъ, передъ тѣмъ какъ проникнуть въ подземное жилище, исчезала, развѣивалась, какъ утромъ сонъ. Еще минута, и юноша самъ повѣрилъ бы въ то, что онъ — богъ Марсъ и что онъ встрѣтилъ здѣсь любимую имъ дочь Нумитора, весталку Илію. Сдѣлавъ надъ собой послѣднее усиліе, юноша прервалъ Марію.

— Милая дѣвушка,—сказалъ онъ,—выслушай меня. Ты во мнѣ ошибаешься. Я не тотъ, за кого ты меня принимаешь. Я открою тебѣ всю правду. Агапитъ — не мое настоящее имя. Я — готъ, и меня зовутъ, на самомъ дѣлѣ, Теодатъ. Но я долженъ скрывать свое происхожденіе, потому что меня убьютъ, если о немъ узнаютъ. Развѣ ты не слышишь по моему произношенію, что я—не римлянинъ. Когда мои соплеменники покинули вашъ городъ, я не послѣдовалъ за ними. Я люблю Римъ, люблю его исторію и его преданія, я хочу жить и умереть въ Вѣчномъ Городѣ, который одно время былъ нашимъ. Теперь, подъ именемъ Агапита,

я служу у одного оружейника, работаю днемъ, а вечеромъ брожу по городу и любуюсь его уцѣлѣвшими памятниками. Зная, что на этомъ мѣстѣ былъ Золотой домъ Нерона, я пробрался и въ это подземелье, чтобы полюбоваться остатками прежней красоты. Вотъ и все. Я разсказалъ тебѣ всю правду и вѣрю, что ты не выдашь меня, потому что одного твоего слова будетъ достаточно, чтобы послать меня на смерть.

Марія выслушала рѣчь Теодата съ недовѣріемъ и неудовольствіемъ. Подумавъ, она сказала:

— Зачѣмъ ты меня обманываешь? Зачѣмъ ты хочешь принять обликъ гота? Развѣ я не вижу нимба вокругъ твоей головы. Марсъ Градивъ, для другихъ ты—богъ, для меня—мой возлюбленный. Не насмѣхайся надъ своей бѣдной невѣстой, Реей Сильвіей!

Опять Теодатъ долго смотрѣлъ на дѣвушку, говорившую безумныя слова, и сталъ догадываться, что умъ Маріи не въ порядкѣ. И когда эта мысль пришла въ голову юношѣ, онъ сказалъ себѣ: „Бѣдная дѣвушка! нѣтъ я не воспользуюсь твоей беззащитностью! Это было бы недостойно гота“. Послѣ этого онъ тихо обнялъ Марію и началъ съ ней говорить, какъ съ малымъ ребенкомъ, не оспаривая ея странныхъ бредней, признавая себя богомъ Марсомъ. И долго сидѣли они въ полутьмѣ рядомъ, не обмѣнявшись ни однимъ поцѣлуемъ, говоря и мечтая вдвоемъ о будущемъ Римѣ, который будетъ основанъ двумя близнецами, Ромуломъ и Ремомъ, ихъ дѣтьми. Наконецъ, факелы стали догорать, и Теодатъ сказалъ Маріи:

— Милая Рея Сильвія, уже поздно. Намъ должно уходить отсюда.

— А ты вернешься завтра?—спросила Марія.

Теодатъ посмотрѣлъ на дѣвушку. Она казалась ему непонятно-привлекательной, со своимъ худымъ, полудѣтскимъ тѣломъ, со своимъ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ и глубокими черными глазами. Непонятно-привлекательно было и это свиданіе въ полутемной залѣ погребеннаго дворца, передъ дивнымъ барельефомъ неизвѣстнаго художника. Теодату захотѣлось повторить эти минуты странной бесѣды съ бѣдной помѣшанной и онъ отвѣтилъ:

— Да, дѣвушка, завтра, въ этотъ же часъ, послѣ дневной работы, я опять приду сюда, къ тебѣ.

Рука съ рукой они направились къ выходу. У Теодата была веревочная лѣстница. Онъ помогъ Маріи взобраться къ трещинѣ, служившей входомъ во дворецъ. На улицахъ уже вечерѣло.

Прежде чѣмъ разстаться, Теодатъ повторилъ, глядя въ глаза Маріи:

— Помни, дѣвушка, что ты никому не должна говорить, что

встрѣтилась со мной. Это мнѣ можетъ стоить жизни. Прощай до завтра.

Онъ первый спустился на землю и быстро скрылся за поворотомъ. Марія медленно пошла домой. Если бы въ тотъ вечеръ ей пришлось вести бесѣду съ отцомъ, она ничего не разсказала бы ему о пришедшемъ къ ней, наконецъ, Марсѣ Градивѣ.

V.

Теодатъ не обманулъ Маріи. На другой день, къ вечеру, онъ дѣйствительно вновь пришелъ въ Золотой домъ, къ барельефу, изображающему Марса и Рею Сильвію, гдѣ уже ждала Марія. Юноша принесъ съ собой хлѣба, сыра и вина. Вдвоемъ они ужинали въ роскошной залѣ дворца Нерона. Марія опять мечтала вслухъ о красотѣ прошлой жизни, о богахъ, герояхъ и императорахъ, смѣшивая разсказы о дѣйствительно пережитомъ ею съ бредомъ своей фантазіи, а Теодатъ, обнявъ дѣвушку, тихо гладилъ ея руки и плечи и любовался черной глубиной ея глазъ. Потомъ они вмѣстѣ гуляли по пустыннымъ подземнымъ покоямъ, озаряя факелами великія созданія эллинскаго и римскаго генія. Разставаясь, они вновь дали другъ другу обѣщаніе встрѣтиться на слѣдующій день.

Съ того времени, каждый день, окончивъ скучную работу въ мастерской оружейника, гдѣ изготовлялись и чинились шлемы, копья и панцыри для византійскаго отряда, охранявшаго Римъ, Теодатъ шелъ на свиданіе со странной дѣвушкой, считавшей себя жившей весталкой Иліей. Непобѣдимая привлекательность была для юноши и въ хрупкомъ тѣлѣ дѣвушки, и въ ея полубезумныхъ рѣчахъ, которыя онъ готовъ былъ слушать цѣлыми часами. Они вмѣстѣ осматривали всѣ залы, проходы и комнатки дворца, куда только можно было проникнуть, вмѣстѣ радовались каждой новой найденной статуѣ, каждому новому открытому барельефу, и не было дня, чтобы неожиданное открытіе не наполняло ихъ души новымъ восторгомъ. День за днемъ они жили неизмѣняющимъ счастіемъ—наслаждаться твореніями искусства, и въ минуты умиленія передъ новымъ мраморомъ, ваяннымъ, быть можетъ, рѣзцомъ Праксителя, юноша и дѣвушка приникали другъ къ другу въ объятіи, въ блаженномъ и чистомъ поцѣлуѣ.

Незамѣтно и для Теодата Золотой домъ Нерона сталъ роднымъ домомъ, а Марія—самымъ близкимъ и самымъ дорогимъ существомъ въ мірѣ. Какъ это случилось, Теодатъ не зналъ и самъ. Только всѣ другіе часы, которые онъ проводилъ на землѣ,

казались ему тягостной и ненавистной обязанностью; и лишь время, когда онъ былъ вмѣстѣ съ Реей Сильвіей, подъ землей, въ забытомъ дворцѣ древняго императора,—истинной жизнью. Цѣлый день съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ юноша минуты, когда можно будетъ, наконецъ, оторваться отъ мѣдныхъ шлемовъ, клещей и молотковъ, чтобы съ веревочной лѣстницей, спрятанной подъ одеждой, бѣжать на склонъ Эсквилина, на завѣтное свиданіе. Лишь этими свиданіями исчислялъ Теодатъ свои дни. Если бы его спросили, что ему нравится въ Маріи, онъ затруднился бы отвѣтить. Но безъ нея, безъ ея безумныхъ рѣчей, безъ ея странныхъ глазъ — вся жизнь показалась бы ему пустой и лишней.

На землѣ, въ мастерской оружейника или въ своей жалкой каморкѣ, которую онъ снималъ у одного священника, Теодатъ могъ разсуждать здраво. Онъ говорилъ себѣ, что его Рея Сильвія—бѣдная помѣшанная дѣвушка, что онъ самъ, можетъ быть, поступаетъ дурно, потворствуя ея губительнымъ бреднямъ. Но, сойдя въ прохладно-сырую полутьму Золотого дома, Теодатъ словно мѣнялся весь—мыслями и душой. Онъ становился инымъ, не тѣмъ, что въ зноѣ римскаго дня или въ удушливомъ воздухѣ кузницы. Онъ чувствовалъ себя въ другомъ мірѣ, тамъ, гдѣ, дѣйствительно, можно повстрѣчать и весталку Илію, дочь царя Нумитора, и бога Марса, принявшаго обликъ молодого гота. Въ этомъ мірѣ все было возможно и всѣ чудеса естественны. Въ этомъ мірѣ прошлое было живо и басни поэтовъ въявь осуществлялись на каждомъ шагу.

Не то, чтобы Теодатъ вполнѣ вѣрилъ въ бредни Маріи. Но когда она передъ какой-нибудь статуей древняго императора начинала говорить о томъ, какъ однажды встрѣтила его на форумѣ и бесѣдовала съ нимъ, Теодату казалось, что въ дѣйствительности было что-то подобное. Когда Марія разсказывала о богатствахъ дворца своего отца, царя Нумитора, Теодатъ былъ готовъ думать, что она разсказываетъ правду. И когда Марія мечтала о пышности будущаго Рима, который будетъ основанъ новыми Ромуломъ и Ремомъ, Теодатъ, увлекаясь, самъ развивалъ тѣ же мечты, говорилъ о новыхъ побѣдахъ новаго Вѣчнаго Города, о новомъ завоеваніи земли, о новой всемірной славѣ... И вдвоемъ они придумывали имена грядущихъ императоровъ, которые будутъ править въ городѣ ихъ дѣтей... Марія не называла себя иначе, какъ Реей Сильвіей, а Теодата—иначе, какъ Марсомъ, и онъ такъ привыкъ къ этимъ именамъ, что порой, мысленно, самъ называлъ себя именемъ древняго римскаго бога вой-

ны. И когда оба, и дѣвушка и юноша, пьянѣли отъ темноты, отъ дивныхъ созданій искусства, отъ близости другъ къ другу, отъ странныхъ, полубезумныхъ мечтаній, Теодатъ почти начиналъ чувствовать въ своихъ жилахъ божественный нхоръ олимпійца.

И опять проходили они. Въ самомъ началѣ своего знакомства съ Маріей Теодатъ далъ себѣ обѣщаніе щадить безумную дѣвушку, не пользоваться затменіемъ ея разума и ея беззащитностью. Но съ каждымъ новымъ свиданіемъ все труднѣе и труднѣе становилось Теодату сдерживать свое слово. Каждый день встрѣчаясь съ той, которую онъ уже любилъ со всей страстностью юношеской любви, проводя наединѣ съ ней долгіе часы въ уединеніи, полумракѣ, касаясь ея рукъ и плечъ, чувствуя близъ себя ея дыханіе, обмѣниваясь съ ней поцѣлуями,—Теодатъ былъ долженъ употреблять все большія и большія усилія, чтобы не сжать дѣвушку въ сильныхъ объятіяхъ, чтобы не привлечь ее къ себѣ съ той же лаской, съ какой богъ Марсъ привлекъ къ себѣ когда-то первую весталку. А Марія не только не уклонялась отъ такой ласки, но какъ бы искала ея, тянулась, влеклась къ ней всѣмъ своимъ существомъ. Она медлила въ объятіяхъ Теодата, когда тотъ цѣловалъ ее, она сама прижималась къ его груди, когда они любовались статуями и картинами, она своими большими черными глазами помимо воли словно говорила юношѣ: „когда же? скоро ли? я устала ждать!“ Теодатъ спрашивалъ себя: „Полно! да правда ли, что она—безумная? Тогда безуменъ и я! И не лучше ли наше безуміе, чѣмъ разумная жизнь всѣхъ другихъ людей! Зачѣмъ же мы отказываемся отъ полной радости любви?“

И то, что должно было свершиться неизбѣжно, свершилось. Свадебнымъ чертогомъ Маріи и Теодота стала одна изъ великолѣпныхъ залъ Золотого дома Нерона. Зажженные смолистые сучья, вставленные въ древніе бронзовые свѣтильники, съ изображеніемъ амуровъ, были ихъ брачными факелами. Союзъ юной четы благословили мраморные боги, изваянные Праксителемъ, съ неземной улыбкой глядѣвшіе изъ порфировой ниши. Великая тишина погребеннаго дворца затаила въ себѣ первые страстные вздохи новобрачныхъ, и таинственный полумракъ подземелья осѣнилъ ихъ поблѣднѣвшія лица. Не было свадебныхъ пѣсенъ, не было торжественнаго пира, но долгіе вѣка славы и могущества склонялись надъ брачнымъ ложемъ, прахъ и земля котораго казались влюбленнымъ мягче и желаннѣе, чѣмъ пухъ понтійскихъ лебедей въ византійскихъ спальняхъ.

Съ того вечера встрѣчи Маріи и Теодота стали свиданіями любовниковъ. Долгими ласками смѣнились ихъ долгія бесѣды

Страстными признаніями и страстными клятвами—полубезумныя рѣчи. Они опять бродили по пустыннымъ покоямъ Золотого дома, но уже не столько влекли ихъ картины, статуи, мраморы стѣнъ и мозаика, сколько возможность въ новой комнатѣ снова и снова упасть въ объятія другъ другу. Они еще мечтали о будущемъ Римѣ, который будетъ основанъ ихъ дѣтьми, но это радужное видѣніе уже затмевалось счастіемъ несдержанныхъ поцѣлуевъ, въ пламенномъ дымѣ которыхъ исчезала не только дѣйствительность, но и мечта. Они еще называли себя Реей Сильвіей и богомъ Марсомъ, но уже стали бѣдными земными любовниками, счастливой четой, подобной тысячамъ тысячъ другихъ, жившихъ на землѣ за тысячи тысячъ столѣтій...

VI.

Никогда, внѣ залъ подземнаго дворца, ни Теодатъ не старался встрѣтиться съ Маріей, ни Марія съ Теодатомъ. Они существовали другъ для друга лишь въ Золотомъ домѣ Нерона. Можетъ быть, они даже не узнали бы одинъ другого на землѣ. Теодатъ пересталъ бы для Маріи быть богомъ Марсомъ, а Марія не показалась бы Теодату красивой и удивительной. Правда, послѣ ихъ сближенія честный готъ не разъ говорилъ себѣ, что онъ долженъ разыскать истинныхъ родителей дѣвушки, долженъ жениться на ней и предъ всѣми людьми, открыто, признать ее своей женой. Но день за днемъ Теодатъ откладывалъ исполненіе своего рѣшенія: ему страшно было разрушить сказачное очарованіе, въ которомъ онъ жилъ, ему страшно было несказанную быль подземныхъ залъ смѣнить на обыкновенную дѣйствительность. Можетъ быть, самъ Теодатъ и не такъ объяснялъ себѣ свою медлительность, но все же онъ не спѣшилъ прервать жгучее счастіе тайныхъ свиданій и каждый разъ, прощаясь съ Маріей, вновь клялся ей, что на другой день придетъ опять. Она же не ждала и не спрашивала бо́льшаго: съ нея было довольно и мечтательнаго блаженства—быть любимой богомъ...

— Ты будешь меня любить всегда?— спрашивалъ Теодатъ, сжимая своими сильными руками хрупкое тѣло Маріи.

Та качала головой и возражала:

— Я буду любить тебя до смерти. Но ты—безсмертенъ, а я должна буду умереть скоро. Меня бросятъ въ воды Тибра.

— Нѣтъ! нѣтъ!—говорилъ Теодатъ,—этого не будетъ! Мы будемъ жить вмѣстѣ и вмѣстѣ умремъ. Безъ тебя я не хочу безсмертія. И послѣ нашей смерти мы будемъ такъ же любить другъ друга тамъ, на нашемъ Олимпѣ!

Но Марія смотрѣла недовѣрчиво. Она ждала смерти и была готова къ ней. Ей хотѣлось лишь одного—продлить счастіе такъ долго, какъ это возможно.

Юноша говорилъ себѣ, что ему должно тайно прослѣдить за Маріей, узнать, гдѣ она живетъ, прійти въ ея домъ, къ ея настоящему отцу, сказать ему, что онъ, Агапитъ, любитъ эту дѣвушку и хочетъ сдѣлать ее своей женой. Но когда наступалъ часъ разставанія, когда Марія, взявъ съ Теодата клятву, что онъ вновь придетъ завтра въ Золотой домъ, легкой тѣнью ускользала въ вечерѣющую даль,—юноша опять давалъ себѣ отсрочку: „Пусть это будетъ завтра! Пусть еще разъ мы встрѣтимся, какъ Рея Сильвія и богъ Марсъ! Пусть еще продлится эта сказка!" И Теодатъ уходилъ къ себѣ домой, въ комнатку, которую снималъ у священника, чтобы всю ночь грезить о своей возлюбленной и наслаждаться новымъ счастіемъ—воспоминаній. И никого не спрашивалъ Теодатъ о странной дѣвушкѣ съ черными глазами, хотя Марію знали едва ли не всѣ въ Римѣ. Да въ сущности Теодату ничего и не хотѣлось знать о ней, кромѣ того, что она—весталка Илія и каждый день любовно ждетъ его, Теодата, въ подземной залѣ дворца Нерона.

Но вотъ однажды Марія, прождавъ до вечера, не дождалась Теодата: юноша не пришелъ. Огорченная и смущенная вернулась Марія домой. Бредъ, наполнявшій ея голову, какъ бы нѣсколько прояснился съ того дня, когда она предалась Теодату, и Марія уже могла успокаивать себя, говоря, что ея возлюбленнаго что-нибудь задержало. Но юноша не пришелъ ни на другой день, ни на третій. Онъ вдругъ исчезъ совсѣмъ, и тщетно Марія ждала его на условленномъ мѣстѣ часъ за часомъ, день за днемъ, ждала въ томленіи, въ отчаяніи, рыдая, молясь и древнимъ божествамъ и тѣми молитвами, какимъ ее учила когда-то мать: не было отвѣта ни на ея слезы, ни на ея мольбы. Попрежнему неземной улыбкой улыбались мраморные боги въ нишахъ стѣнъ, попрежнему живописью и мозаикой блистали пышные покои древняго дворца, но Золотой домъ сталъ вдругъ для Маріи пустымъ и страшнымъ. Изъ блаженнаго рая, изъ страны полей Елисейскихъ онъ вдругъ превратился въ адъ жестокихъ мученій, въ черный Тартаръ, гдѣ только ужасъ, одиночество, невыносимое горе и невыносимая боль. Съ безумной надеждой, попрежнему, каждый день шла Марія въ подземелье, но она шла теперь туда, какъ къ мѣсту пытокъ. Тамъ ждали ее горькіе часы обманутаго ожиданія, страшныя воспоминанія о недавнемъ счастіи и новыя, долгія, безутѣшныя слезы.

Всего страшнѣе, всего мучительнѣе было Маріи именно подлѣ барельефа, изображающаго весталку Рею Сильвію спящей въ священной пещерѣ и бога Марса, приближающагося къ ней. Къ этому барельефу влекли Марію всѣ воспоминанія, но близъ него тоска самая непобѣдимая овладѣвала ея душой. Здѣсь Марія падала на полъ и билась головой о каменныя мозаичныя плиты, закрывая глаза, чтобы не видѣть лучезарнаго лика бога. „Вернись, вернись!— повторяла она, въ своемъ безуміи.—Приди еще только одинъ разъ! Божественный, безсмерный, сжалься надъ моими страданіями! Дай увидѣть тебя еще однажды! Я еще не все тебѣ сказала, я еще не всего тебя цѣловала, мнѣ надо, надо видѣть тебя еще разъ въ жизни! А послѣ пусть смерть, пусть бросятъ меня въ воды Тибра, я не буду спорить. Сжалься, божественный!“ И Марія опять открывала глаза, опять при слабомъ свѣтѣ факела видѣла безстрастное лицо изваяннаго бога, и опять воспоминаніе о внезапно утраченномъ блаженствѣ повергло ее ницъ, въ новыхъ слезахъ, рыданіяхъ и вопляхъ. И уже она сама не знала, приходилъ къ ней богъ Марсъ, были ли въ жизни тѣ дни полнаго счастія, или и это ей снилось среди тысячи ея другихъ видѣній.

Съ каждымъ днемъ все безнадежнѣе становились ожиданія Маріи. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе измученной и потрясенной возвращалась она домой. Въ тѣ часы, когда проблески сознанія загорались въ ней, она смутно вспоминала все, что говорилъ ей когда-то Теодатъ. Тогда она бродила по улицамъ Рима и подъ разными предлогами заглядывала во всѣ мастерскія оружейниковъ, но нигдѣ не встрѣчала того, кого искала. Говорить же съ кѣмъ-нибудь о своемъ горѣ и о своемъ исчезнувшемъ счастіи было для нея невозможно, да никто и не повѣрилъ бы разсказамъ бѣдной, сумасшедшей дѣвочки, всѣ сочли бы ихъ за новый бредъ ея разстроеннаго воображенія. Такъ жила Марія одна, со своимъ горемъ, со своимъ отчаяніемъ, и мать только уныло качала головой, видя, какъ еще болѣе худѣетъ и сохнетъ Марія, какъ еще болѣе впалыми становятся ея щеки, а глаза начинаютъ горѣть еще болѣе странными отсвѣтами огня.

Но такъ же неутомимо проходили дни—и надъ бѣдной помѣшанной дѣвочкой, и надъ оскверненнымъ Вѣчнымъ Городомъ, и надъ цѣлымъ міромъ, въ которомъ медленно зарождалась новая жизнь. Проходили дни, Юстиніанъ праздновалъ послѣднія побѣды надъ остатками готовъ, лангобарды замышляли свой походъ на Италію, папы тайно ковали звенья той цѣпи, которой въ будущемъ должны были оплести и Римъ и весь міръ, рим-

ляве жили своей скудной, подавленной жизнью, и Марія въ одинъ изъ дней поняла наконецъ, что она должна будетъ стать матерью. Весталка Рея Сильвія, къ которой снизошелъ со своего Олимпа богъ Марсъ, почувствовала, что въ ней бьется новая жизнь,—не близнецы ли, новые Ромулъ и Ремъ, которые должны основать новый Римъ?

Никому—ни отцу, ни матери—не сказала Марія объ этомъ, что она почувствовала. Это было ея тайной. Но она странно успокоилась послѣ своего открытія. Мечта исполнялась вполнѣ. Надо было дать жизнь основателямъ Рима, а потомъ ждать смерти въ мутныхъ водахъ желтаго Тибра.

VII.

Иногда въ домѣ стараго Руфія собирались гости: сосѣдъ, торговавшій на форумѣ дешевыми женскими украшеніями, сынъ мѣдника, который когда-то сватался къ Маріи, дряхлый реторъ, больше не находившій примѣненія своимъ знаніямъ, нѣсколько другихъ обѣднѣвшихъ людей, доживавшихъ свои дни въ унынiи и собиравшихся вмѣстѣ только затѣмъ, чтобы пожаловаться другъ другу на свою несчастную судьбу. Пили плохое вино, закусывая его чеснокомъ, и, между привычныхъ жалобъ, осторожно вставляли въ бесѣду горькія слова о власти византійцевъ и о безчеловѣчныхъ поборахъ новаго дукса, поселившагося въ Палатинѣ, вмѣсто уѣхавшаго евнуха Нарсеса. Флоренція услуживала гостямъ, разливала вино и, слушая рѣчи стараго ретора, тихонько крестилась при упоминаніи именъ проклятыхъ боговъ.

На одномъ изъ такихъ собраній сидѣла въ уголку и Марія, въ тотъ день вернувшаяся изъ своихъ скитаній домой раньше обыкновеннаго. Никто не обращалъ на нее вниманія. Всѣ привыкли видѣть въ своемъ кругу молчаливую, безответную дѣвочку, которую давно считали помѣшанной. Она не вмѣшивалась въ разговоры, и никто не обращалъ къ ней ни слова. Унылая, съ опущенной головой, она сидѣла неподвижно и, казалось, даже не слушала ничего изъ рѣчей пьянѣвшихъ собесѣдниковъ.

Въ этотъ день особенно много говорили о строгости новаго дукса. Но сынъ мѣдника взялся защищать его.

— И то надобно взять въ расчетъ,—сказалъ онъ,—что по нынѣшнимъ временамъ безъ строгости обойтись невозможно. По городу шныряютъ разбѣйники. Того и гляди опять нагрянутъ какіе-нибудь варвары. Натерпимся мы тогда съ новой осадой! А потомъ эти проклятые готы! Убирайся изъ города по добру, по

здорову, они въ разныхъ мѣстахъ позапрятали свои сокровища. И теперь то одинъ, то другой тайкомъ, переодѣвшись, возвращаются въ Римъ, чтобы откопать спрятанное и унести съ собой. Ужъ такихъ-то людей должно ловить и щадить ихъ не приходится: вѣдь всѣ ихъ богатства у насъ же, у римлянъ, украдены.

Слова сына мѣдника показались любопытными. Его стали разспрашивать. Онъ охотно разсказалъ все, что зналъ о сокровищахъ, спрятанныхъ готами въ разныхъ мѣстахъ Рима, и о томъ, какъ теперь уцѣлѣвшіе отъ разгрома готы стараются эти клады разыскать и унести. Потомъ разсказчикъ добавилъ:

— Да вотъ еще недавно поймали одного такого. Съ веревочной лѣстницей пытался вскарабкаться на Эсквилинъ, гдѣ есть въ землѣ трещины. Схватили его, отвели къ дуксу. Тотъ обѣщалъ ему помилованіе, если только проклятый укажетъ, гдѣ именно зарыты сокровища. Но онъ ничего не хотѣлъ говорить, упирался, и все тутъ. Ужъ его пытали, пытали, но ничего не добились. Такъ и запытали до смерти.

Кто-то спросилъ:

— Умеръ?

— Конечно, умеръ,—отвѣчалъ сынъ мѣдника.

Вдругъ внезапное озареніе освѣтило помутившійся умъ Маріи. Она встала во весь ростъ. Огромныя ея глаза еще расширились. Прижавъ обѣ руки къ груди, она спросила прерывающимся голосомъ:

— А какъ звали, какъ звали этого... этого гота?

Сынъ мѣдника и это зналъ точно, такъ что сейчасъ же отвѣтилъ:

— Онъ себя называлъ Агапитомъ, служилъ здѣсь поблизости, въ мастерской одного оружейника.

И, вскрикнувъ, Марія лицомъ упала на полъ.

Марія была больна долго, много недѣль. Въ первый же день болѣзни у нея родился трехмѣсячный недоносокъ: жалкій комочекъ мяса, о которомъ нельзя было сказать, мальчикъ это или дѣвочка. Флоренція, при всей своей суровости, любила дочь. Пока Марія много дней оставалась въ безпамятствѣ, мать ухаживала за ней, не отходя отъ постели. Звали къ больной и знахарей и священника. Когда же, наконецъ, Марія очнулась, у Флоренціи не нашлось для нея укоряющихъ словъ: она только плакала безутѣшными слезами, припавъ къ груди дочери. Должно быть, все угадала ея материнская душа. А потомъ, когда стало Маріи

немного лучше, мать, тоже безъ упрековъ, разсказала дочери все, что съ ней случилось.

Но Марія со страннымъ недовѣріемъ выслушала разсказъ матери. Какъ могла бы повѣрить ему Рея Сильвія, которой, по волѣ боговъ, суждено было родить близнецовъ, Ромула и Рема? Совсѣмъ ли помутился умъ бѣдной дѣвочки или попрежнему своимъ мечтамъ вѣрила она больше, чѣмъ дѣйствительности, только она на слова матери лишь слабо покачала головой. Ей казалось, что мать обманываетъ ее, что во время болѣзни она все же родила божественныхъ близнецовъ, только ихъ отняли у нея и въ плетеной корзинѣ бросили въ Тибръ. Но Марія знала, что ихъ найдетъ и выкормитъ волчица, потому что они должны основать новый Римъ.

Пока Марія была такъ слаба, что не могла подымать головы, никто не удивлялся на то, что она не отвѣчаетъ на вопросы и цѣлые дни молчитъ, не спрашивая ни пить, ни ѣсть, или нехотя произноситъ односложныя слова. Но и оправившись нѣсколько, найдя въ себѣ силы медленно бродить по дому, Марія продолжала молчать, затаивъ въ душѣ какую-то сокровенную мысль. Даже съ отцомъ она не хотѣла болѣе говорить и не радовалась, когда онъ начиналъ ей декламировать стихи древнихъ поэтовъ.

Наконецъ, однажды утромъ, когда отецъ ушелъ по дѣлу, а мать отлучилась на рынокъ, Марія неожиданно исчезла изъ дому. Никто не замѣтилъ, какъ она ушла. И никто болѣе не видѣлъ ея въ живыхъ. А черезъ нѣсколько дней мутныя воды Тибра выбросили на песокъ безжизненное тѣло Маріи.

Бѣдная дѣвочка! Бѣдная весталка, нарушившая свой обѣтъ! Хочется вѣрить, что, бросаясь въ холодныя объятія воды, ты была убѣждена, что твои дѣти, близнецы Ромулъ и Ремъ, сосутъ въ эту минуту теплое молоко волчицы и въ свое время возведутъ первый валъ будущаго Вѣчнаго Города. Если въ минуту смерти ты не сомнѣвалась въ этомъ, можетъ быть, ты была счастливѣе всѣхъ другихъ въ этомъ жалкомъ, полуразрушенномъ Римѣ, на который уже двигались съ Альпъ полчища дикихъ лангобардовъ!

Валерій Брюсовъ.

УЗНИКЪ, КОТОРЫЙ ПѢЛЪ [1]).

Разсказъ Іогана Бойеръ.

Съ норвежскаго.

VI.

„Миссіонеръ Зёренсенъ“ представлялъ собою трудную роль, но зато Андреасъ могъ самъ подыскивать слова. Люди не предполагали здѣсь игры, смотрѣли на него и вѣрили.

Онъ слышалъ различныхъ проповѣдниковъ и пасторовъ, могъ сыграть и епископа, если бы захотѣлъ, но онъ задался цѣлью создать фигуру, подходящую для данной среды. Стоять въ концѣ длиннаго стола и видѣть передъ собою густые ряды слушателей, не сводящихъ съ тебя глазъ,—вѣдь это гораздо болѣе острое ощущеніе, чѣмъ театральный успѣхъ. И всѣ эти лица—въ его власти. Нѣсколькихъ словъ достаточно, чтобы вызвать новое выраженіе на лицѣ старика, заставить еще глубже ввалиться беззубый ротъ. Соблазнительно вспугнуть самонадѣяннаго ханжу, а сколько радости наполняетъ твою душу, когда на истомленномъ лицѣ бѣдняка мелькнетъ солнечный лучъ надежды! Легко вызвать слезы на глазахъ молодой дѣвушки. Надежды и яркія мечты превращаютъ ее въ ангела, и при этомъ зрѣлищѣ у тебя у самого вырастаютъ крылья!

Онъ серьезно былъ увлеченъ. Предъ нимъ ужъ были не лица, а большой рѣдкій инструментъ, на которомъ онъ игралъ. Слова о Богѣ были смычкомъ, при помощи котораго онъ извлекалъ изъ человѣческихъ душъ необычайные звуки. Развѣ это не чудо?!

Андреасъ скоро вышелъ изъ границъ своей роли. Нельзя было предугадать, что ждетъ тебя въ слѣдующую минуту. Тебя могли позвать къ постели умирающаго. Молодая дѣвушка могла прійти къ тебѣ съ своимъ сердечнымъ горемъ, мать—съ жалобой

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль* 1914 г., кн. V.

на пьяницу-сына. Онъ читалъ уже не на лицахъ, а въ душахъ людей, раскрывавшихъ передъ нимъ святая святыхъ. Казалось, передъ нимъ развернулся новый прекрасный ландшафтъ, и онъ думалъ, любуясь имъ:

„Вотъ что значитъ быть миссіонеромъ! Я живу его жизнью".

Вначалѣ онъ съ облегченіемъ возвращался въ свою комнату, закрывалъ дверь на ключъ и снималъ фальшивую бороду. Уфъ! Наконецъ-то можно сбросить личину и побыть самимъ собою! Плакать ему или смѣяться? „Что ты дѣлаешь, что ты переживаешь? Развѣ это ты?" Но пришло время, когда онъ сталъ медлить снимать бороду. Ему ужъ было жаль разставаться съ миссіонеромъ Зёренсеномъ,—недаромъ же послѣдній стоялъ гораздо выше Бергета. Кто такой Андреасъ? Понемногу онъ сталъ ему чужимъ, посторонним, котораго днемъ онъ видѣлъ только издалека и съ которымъ долженъ былъ встрѣчаться по вечерамъ. Этотъ парень все больше терялъ уваженіе въ глазахъ миссіонера. Слава Богу, что онъ сталъ совсѣмъ другимъ. Предъ нимъ вставали фигуры апостоловъ и пророковъ, о которыхъ онъ читалъ, и онъ самъ переносился въ тѣ далекія времена и какъ будто отчасти жилъ ихъ жизнью. Вотъ это—искусство, жизнь, поэзія...

Однажды его позвали къ умирающей старухѣ. Странное чувство шевельнулось у него въ душѣ, когда онъ увидѣлъ, что она горбата. Изъ маленькой комнатки рабочаго онъ перенесся домой къ матери.

— Какъ ты думаешь, могу ли я спастись?—спросила старуха, глядя на него изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ.

Андреаса охватило волненіе. Онъ, отщепенецъ, арестантъ въ глазахъ родной деревни, рѣшаетъ вопросъ о спасеніи человѣческой души.

Конечно, она будетъ помилована. Андреасъ погладилъ умирающую по лицу и былъ такъ неподражаемъ въ своей роли, что старушка съ улыбкой испустила послѣдній вздохъ.

Возвращаясь, онъ, какъ въ старыя времена, напѣвалъ псаломъ. Онъ изъ миссіонера снова превратился въ Андреаса и почувствовалъ даже нѣкоторое уваженіе къ своей юности. Не Зёренсенъ, а именно Андреасъ былъ сейчасъ у старухи, парень изъ лѣсной лачуги проводилъ въ рай свою горбатую мать.

Недѣли проходили за недѣлями. Случалось еще и теперь, что Андреасъ улыбался про себя, но ужъ не прежней прямой усмѣшкой. Онъ улыбался отъ радостнаго сознанія свободы: онъ до извѣстной степени могъ распоряжаться своей судьбой. Онъ завтра же могъ стать совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Какъ-то вечеромъ онъ принялся шагать по комнатѣ и, спустивъ штору и заперевъ дверь на ключъ, то снималъ, то снова надѣвалъ бороду.

— Дальше продолжать уже нельзя,—повторялъ онъ.—Ты влюбленъ. И она будетъ твоей. Но за кого она выйдетъ замужъ: за Андреаса Бергетъ или за миссіонера Зёренсенъ? Въ тебѣ два человѣка. Нужно съ этимъ покончить.

На дѣлѣ было иначе: роль была сыграна. Онъ ужъ настолько изучилъ роль апостола, что въ дальнѣйшемъ все будетъ лишь повтореніемъ.

Передъ отъѣздомъ миссіонера въ молитвенномъ домѣ въ его честь устроили праздникъ и на слѣдующій день его проводили съ пѣніемъ цѣлой толпой.

Поднявшись на гору и оставшись одинъ на одинъ съ возницей, Андреасъ расплатился съ нимъ и отпустилъ его.

Внизу вокругъ синяго озера раскинулась деревня, залитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Тамъ жилъ миссіонеръ. „Прощай!...“ Онъ нѣкоторое время гостилъ въ другомъ человѣкѣ, теперь настало время разстаться.

Подойдя къ ручью, Андреасъ снялъ бороду и спряталъ ее въ ручной саквояжъ, вымылъ волосы и снова сталъ бѣлокурымъ. „Здравствуй, Андреасъ!—проговорилъ онъ, взглянувъ на себя въ карманное зеркало.—Давненько мы не встрѣчались съ тобою при дневномъ свѣтѣ“.

Сдвинувъ шляпу на затылокъ, закинувъ саквояжъ на спину, онъ шелъ, напѣвая. Онъ свободенъ на нѣсколько часовъ, а тамъ снова придется надѣть личину, чтобы итти къ людямъ.

Недѣлю спустя онъ былъ въ столицѣ. Его поразили размѣры города и суета на улицахъ.

— Простите!—обратился онъ къ полицейскому, приподнимая шляпу.—Не укажете ли вы мнѣ дешевую комнату со столомъ?

Полицейскій погладилъ рыжую бороду и привѣтливо отвѣтилъ, что его сестра держитъ маленькій пансіонъ, и предложилъ его проводить.

Теперь Андреасъ превратился въ агронома Сендстада съ рыжими волосами и такими же маленькими баками. Агрономъ слегка прихрамывалъ.

Маленькій пансіонъ ютился въ грязной узкой улицѣ. Съ темной лѣстницы попадали прямо въ душный коридоръ, гдѣ единственно свѣтлой точкой былъ телефонный аппаратъ. Въ низенькой гостиной стояла покрытая слоемъ пыли красная плюше-

вая мебель. Зеленый попугай, сидѣвшій въ клѣткѣ, тотчасъ принялся кричать и браниться. Вышла дама съ слуховой трубкой.

— Ты что говоришь, Христіанъ? А? Да, да, у насъ есть комната. Сейчасъ придетъ моя дочь.

Очутившись въ крошечной конуркѣ, выходившей во дворъ, Андреасъ растянулся на кушеткѣ.

— Зачѣмъ ты здѣсь? Конечно, нужно побывать въ столицѣ, и кто знаетъ... кто знаетъ?...

— Господинъ агрономъ—пожалуйте кушать.

Въ маленькой темной столовой, пропитанной запахомъ кухни, небольшое общество ужъ было въ сборѣ. Агрономъ Сендстадъ былъ представленъ старому сѣдому капитану, двумъ телеграфисткамъ, двумъ тощимъ студентамъ и блѣдной барышнѣ съ кривыми плечами. Привыкшій къ деревенскому воздуху Андреасъ сразу потерялъ аппетитъ въ этой атмосферѣ, пропитанной запахомъ мокраго бѣлья, копоти, газа и пыли.

— Вы агрономъ,—привѣтливо заговорилъ старый капитанъ, глядя на него черезъ тарелку съ супомъ,—и васъ зовутъ Сендстадъ, ужъ не въ родствѣ ли вы съ моимъ старымъ другомъ Сендстадомъ изъ Нидерона?

— Онъ мнѣ дядя,—отвѣтилъ Андреасъ.—Въ послѣднее время онъ почти не встаетъ съ постели.

— Да, старость... ничего не подѣлаешь. Вѣдь ему за восемьдесятъ.

— Восемьдесятъ пять,—сказалъ Андреасъ, не имѣя ни малѣйшаго представленія, о комъ говорилъ.

Въ срединѣ обѣда вошелъ сгорбленный старикъ въ темномъ парикѣ, съ красными слезящимися глазами. Его сопровождала хозяйка, немолодая дѣвушка съ гноящимися глазами.

— Мой отецъ, разсыльный въ банкѣ, Иверсенъ,—проговорила она и представила Андреаса отцу.

У старика тряслись руки, и онъ съ сѣдой глухой дамой обѣдали за отдѣльнымъ столомъ.

Андреасъ разглядывалъ старика съ особымъ интересомъ. „Могъ ли бы ты такъ изобразить его, чтобы люди были введены въ заблужденіе?“ мелькнулъ у него невольный вопросъ.

— Сколько милліоновъ перенесли вы сегодня изъ одного банка въ другой?—спросилъ его капитанъ.

— Милліонъ не милліонъ—возразилъ старикъ, глядя на пансіонеровъ своими воспаленными глазами,—а тысячъ двѣсти было!

За кофе Андреасъ разговорился съ разсыльнымъ и узналъ, гдѣ старикъ служитъ и что дѣлаетъ. Онъ ходилъ въ банки съ

векселями и получалъ деньги, или носилъ деньги и учитывалъ векселя, и деньги и векселя носилъ онъ въ кожаной сумкѣ. Должность была очень отвѣтственная. Онъ упомянулъ и о торговыхъ домахъ, съ которыми его фирма всего больше имѣла дѣла. Самъ онъ ни о чемъ не спрашивалъ въ этотъ разъ. Но старикъ былъ тронутъ тѣмъ, что молодой человѣкъ такъ участливо къ нему отнесся.

Время шло, Андреасъ бродилъ и осматривалъ городъ. Однажды старый капитанъ вызвался служить ему путеводителемъ.

— Я слышалъ, что вы впервые въ столицѣ. Пойдемъ на улицу Карла-Іогана, тамъ можно увидѣть знаменитостей. Въ это время старикъ Ибсенъ обыкновенно выходитъ изъ Гранда, а если посчастливится, увидимъ и министра Стейна по дорогѣ домой изъ департамента.

Все случилось, какъ по-писанному. Сперва они встрѣтили старика въ мягкой плюшевой шляпѣ въ наглухо застегнутомъ пальто, въ очкахъ, съ размѣренной походкой. Андреасъ припомнилъ, въ какихъ роляхъ писателя онъ выступалъ. Его коронной ролью былъ столяръ Энгстрандъ. Спустя немного онъ задумался надъ жизнью великаго человѣка. Что занимало его въ настоящее время? Каковы были его переживанія, воспоминанія, мечты? „Можешь ли ты изобразить его?“ Невольно на моментъ онъ представилъ себя въ образѣ великаго писателя и даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, подражая его походкѣ.

— А вотъ и министръ,—замѣтилъ капитанъ.

Время шло. Андреасъ бывалъ въ театрѣ, но чаще сидѣлъ дома и читалъ. Какъ и въ прежнія времена, онъ отдавалъ предпочтеніе путешествіямъ и исторіи. Онъ читалъ о Наполеонѣ, и образъ полководца вставалъ предъ нимъ, какъ живой, сливался съ его собственнымъ *я*.

Читая, онъ путешествовалъ по Мексикѣ, по Африкѣ, страдалъ лихорадкой, былъ настигнутъ ядовитой стрѣлой туземцевъ. Каждая новая страница раскрывала предъ нимъ новыя картины. Гдѣ онъ былъ? Во главѣ римскаго флота, идущаго разрушить Карѳагенъ. „Я здѣсь, и имя мое Сципіонъ“...

— Господинъ агрономъ, былъ звонокъ къ ужину.

Банковскій разсыльный сталъ его другомъ. Онъ постоянно искоса разглядывалъ его морщинистое лицо съ воспаленными глазами, складку у праваго угла рта, носъ, форму подбородка, какъ будто безсознательно старался запечатлѣть въ памяти эти черты и, придя къ себѣ, зарисовать ихъ.

Однажды Андреасъ увидѣлъ въ гостиной сумку старика. Кре-

мѣ него никого не было, и онъ отважился открыть ее: тамъ оказалось нѣсколько учтенныхъ векселей. Андреасъ сунулъ нѣсколько бумажекъ въ карманъ и ушелъ къ себѣ, чтобы на свободѣ разсмотрѣть эти утратившіе цѣнность лоскутки бумаги.

Вотъ подпись фирмы. Вотъ печать. Цѣлыхъ двѣ тысячи фунтовъ переведено на лондонскій торговый домъ.

Съ этого момента онъ со страннымъ ощущеніемъ возвращался къ себѣ послѣ разговора со старикомъ. Казалось, что банковскій разсыльный ни на шагъ отъ него не отстаетъ. У себя въ комнатѣ Андреасъ сталъ ходить его походкой, вытирать, какъ онъ, глаза, у него, какъ у Иверсена, дрожали руки, слегка тряслась голова и подгибались колѣни. Что это значитъ? Чѣмъ это окончится?

Однажды старикъ не вышелъ къ обѣду. Хозяйка жаловалась, что отецъ заболѣлъ и что завтра ему предстоитъ операція.

На слѣдующій день Андреасъ съ ручнымъ саквояжемъ отправился въ городъ, нанялъ себѣ комнату въ маленькомъ отелѣ и черезъ нѣсколько времени вышелъ въ образѣ стараго Иверсена: тотъ же парикъ, тѣ же красные глаза, тѣ же морщины, та же худоба. У него въ рукахъ была кожаная сумка съ векселями и съ ними онъ поплелся въ кредитный банкъ.

Онъ съ ногъ до головы и даже въ душѣ былъ Иверсеномъ. Онъ чувствовалъ, что ему уже не подъ силу нести службу: нужно ложиться въ клинику. Одновременно съ этимъ онъ чувствовалъ въ себѣ другого человѣка и испытывалъ извѣстное возбужденіе. Чѣмъ все это кончится?

Онъ вошелъ въ банкъ. На улицѣ былъ туманъ, и въ помѣщеніи были зажжены газовые фонари. За конторками кипѣла работа, народъ выходилъ и входилъ, многіе сидѣли на скамьяхъ, ожидая своей очереди. Кассиры громко выкликали имена, ожидавшіе подходили и получали или платили деньги. Молодой человѣкъ за рѣшеткой замѣтилъ стараго разсыльнаго, сидѣвшаго въ сторонѣ, и ласково его окликнулъ:

— Ну, Иверсенъ, что у васъ сегодня?

— Мелочи,—отвѣтилъ Иверсенъ и, кашляя и отплевываясь, сталъ доставать векселя изъ сумки.

Получивъ номеръ, онъ сѣлъ на скамью, положилъ мѣшокъ на колѣни и сталъ сморкаться, вытирать глаза, обтирать лобъ. Старость—не радость.

Вотъ придетъ другой разсыльный, удивится, увидя его, станетъ разспрашивать и уличитъ его... Еще минуту—и онъ получитъ много денегъ, разбогатѣетъ или угодитъ въ тюрьму. Однако

Андреасъ до такой степени вошелъ въ роль разсыльнаго Иверсена, что даже неособенно волновался. Всю долгую жизнь онъ былъ разсыльнымъ въ большомъ банкѣ. У него есть дочь, которая сбилась съ пути и имѣетъ ребенка. Охо-хо, жить нелегко...

— Пожалуйста!—послышалось изъ кассы, и кассиръ выкликнулъ его номеръ.

VII.

Не всегда одинаково спится, и Андреасъ не спалъ. Миссіонеръ былъ съ нимъ и теперь шагалъ по комнатѣ и жестоко поносилъ его.

„Обманщикъ, негодяй! Бѣдный людъ по грошамъ несетъ свои сбереженія въ банкъ и теперь все потеряетъ... А старый Иверсенъ? Разумѣется, его привлекутъ къ отвѣтственности. Каково ему?...“

Но Андреасъ много и о многомъ читалъ и ему нетрудно было противопоставить миссіонеру другую фигуру. Молодой франтъ съ папиросой въ зубахъ, знакомый съ химіей, на случай если понадобится бомба, но прежде всего и больше всего агитаторъ-революціонеръ, современный идеалистъ.

— Деньги,—говорилъ этотъ господинъ,—принадлежатъ акціонерному обществу капиталистовъ, которые пользуются золотомъ, чтобъ угнетать меньшого брата. Къ какимъ обманамъ и подлогамъ не прибѣгаютъ эти господа, чтобы разбогатѣть,—положительно не поддается учету!... Не думаешь же ты, что ихъ мучатъ угрызенія совѣсти? Успокойся, Андреасъ, ты—честный человѣкъ. Вѣдь ты сегодня возвратилъ доктору тѣ тысячи кронъ, которыя ты у него взялъ.

— Да, да,—замѣтилъ Андреасъ, кивая съ постели по адресу миссіонера.— Съ этой минуты между нами все кончено. Впредь я желаю жить и веселиться на собственный ладъ. Покойной ночи, благодарю за компанію.

Когда Андреасъ немного спустя раскрылъ глаза, предъ нимъ среди комнаты стоялъ банковскій разсыльный съ кожаной сумкой и съ палкой.

— Не пугайся,—заговорилъ онъ,—это я. Мнѣ хотѣлось только объяснить тебѣ, отчего мой прототипъ, старый Иверсенъ, лежитъ въ больницѣ. Въ этомъ виноватъ ты. Ты съѣлъ его цѣликомъ. Ты похитилъ черты его лица, высосалъ изъ него всѣ соки для собственнаго употребленія.

Андреасъ вскочилъ съ постели.

— Что за наслѣжденіе!—прошепталъ онъ.—Ты опьяненъ собственной удачей? Здѣсь вѣдь никого нѣтъ.

Если хочешь путешествовать и пользоваться пріятнымъ обществомъ, не обращая на себя особаго вниманія, стоитъ только назваться комми-вояжеромъ и Ганзеномъ, и дѣло кончено. Ты перестаешь быть человѣкомъ, становишься чѣмъ-то нарицательнымъ и можешь безъ конца ѣздить взадъ и впередъ, не возбуждая ничьихъ подозрѣній.

Весною и лѣтомъ очень пріятно кататься на большихъ пароходахъ, курсирующихъ вдоль берега. Въ первомъ классѣ всегда встрѣтишь самое избранное общество: сегодня высокопоставленные чиновники, завтра иностранцы—туристы, выѣздная комиссія стортинга, персидскій принцъ, труппа артистовъ, самые разнообразные типы. Молодыя женщины тоже путешествуютъ иногда однѣ и съ благодарностью принимаютъ почтительно оказанную услугу. Андреасъ зналъ это.

Послѣдній подвигъ въ столицѣ придалъ ему самоувѣренности. Онъ почувствовалъ, что можетъ играть министровъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и рабочихъ, вызывая у людей къ себѣ довѣріе,—почему же ему не держать себя со всѣми на равной ногѣ? Правда, каждый разъ, какъ пароходъ пристаетъ къ берегу, испытываешь извѣстное волненіе: кто знаетъ, что можетъ случиться... Но пароходъ отваливаетъ, идетъ дальше, и все въ порядкѣ.

Онъ сидитъ съ хорошей сигарой на палубѣ въ удобномъ камышевомъ креслѣ. Мимо плывутъ горы, острова и шхеры. Куда лежитъ его путь? Онъ въ поискахъ новаго подвига, новаго лица, быть можетъ, завтра онъ станетъ княземъ. Жизнь—сказка, и онъ отдается въ ея власть и осуществляетъ ее. Онъ не Цезарь, не Сципіонъ африканскій, но онъ намѣренъ опять совершить безумно-смѣлое предпріятіе, и считаетъ себя въ правѣ обходиться съ людьми по своему усмотрѣнію.

„Комми-вояжеръ?—запомни, что отнынѣ ты комми-вояжеръ". Онъ гуляетъ на палубѣ и съ чувствомъ удовлетворенія думаетъ о томъ, какъ погрузится въ чужую душу и приметъ новый, имъ созданный обликъ. „Комми-вояжеръ Ганзенъ! твою мать звали Марія, въ Бергенѣ у тебя есть сестра. Тамъ ты учился въ школѣ, помнишь стараго латиниста? Сколько времени ты уже путешествуешь? Пять лѣтъ для фирмы Гриничъ въ Манчестерѣ. All right.

— Славный вечеръ, г-нъ Ганзенъ,—говоритъ штурманъ, проходя мимо съ трубкой во рту.

— Восхитительный!—замѣчаетъ г-нъ Ганзенъ.—Послушайте, штурманъ, а нельзя устроить музыку и потанцовать на палубѣ? У насъ много дамъ, и всѣ онѣ, кажется, только о танцахъ и думаютъ.

— Попробуемъ,—говоритъ штурманъ.

Однажды на пароходѣ появился высокій стройный господинъ, приковавшій къ себѣ вниманіе Андреаса. Онъ былъ изысканно одѣтъ, на рукѣ у него была золотая цѣпочка, держался онъ свободно и въ то же время съ достоинствомъ, а когда говорилъ, то въ углу рта съ правой стороны появлялась легкая очаровательная, какъ весь обликъ этого человѣка, улыбка. Въ его голосѣ была извѣстная звучность и полнота.

Андреасъ невольно сталъ къ нему присматриваться. Есть люди, обладающія особой, имъ только свойственной музыкой. Андреасъ сразу почувствовалъ недовольство собою, его преслѣдовало одно желаніе: быть, какъ онъ, воплотить въ себѣ его черты, стать имъ. Онъ постоянно стремился говорить съ нимъ, съ наслажденіемъ прислушивался къ музыкѣ его словъ и невольно задумался надъ вопросомъ: „Можешь ли ты подражать ему? Есть ли у тебя данныя, чтобы воспроизвести этотъ ясный смѣхъ?

Господинъ сошелъ на берегъ, но Андреасъ не переставалъ думать и мечтать о немъ. Въ одинъ прекрасный день онъ тоже покинулъ пароходъ. Капитанъ и штурманъ махали ему вслѣдъ.

— До свиданія!—крикнулъ Андреасъ.

Въ тотъ же день онъ принялся за работу передъ зеркаломъ въ гостиницѣ. Если хочешь создать фигуру норвежскаго инженера изъ Аляски, мало сообщить ему извѣстныя внѣшнія черты, привычки и характеръ. Необходимо усвоить кое-что изъ его знаній, хотя бы для того, чтобы поддержать разговоръ въ пароходномъ салонѣ. Андреасъ запасся книгами и принялся читать. Нужно было время, чтобы передъ зеркаломъ изучить изысканныя манеры того господина, его улыбку, кашель, манеру разговаривать. У него была своя манера садиться и вставать. Защищая извѣстное мнѣніе, онъ мѣрно слегка постукивалъ правой рукой. Но прежде всего и важнѣе всего была его улыбка. Работы было много; иногда Андреасъ въ изнеможеніи опускался на стулъ и готовъ былъ отказаться отъ затѣи, по временамъ испытывалъ приливъ вдохновенія и работалъ съ рвеніемъ художника. Такъ дни проходили за днями.

Отельная горничная, сметавшая на лѣстницѣ пыль, увидѣла посторонняго господина, котораго не видѣла раньше.

— Послушайте,—заговорилъ онъ,—мой другъ Ганзенъ уѣхалъ

на пароходъ, поручивъ мнѣ уплатить по его счету и отправить его багажъ на нурландскій пароходъ.

— Хорошо,—отвѣтила дѣвушка, краснѣя подъ его взглядомъ и принимая хорошій „на чай“.

Андреасъ вошелъ въ новую роль, словно передъ нимъ развернулся новый, доселѣ невиданный ландшафтъ. „Вотъ каково здѣсь!“—казалось, думалъ онъ. Понемногу онъ освоился, и все прочитанное объ Аляскѣ превратилось въ воспоминаніе: онъ руководилъ работами на пріискахъ, вспоминалъ драматическіе эпизоды съ рабочими, которые легко пускали въ дѣло револьверы, вспоминалъ звѣздныя ночи и пѣсни индіанокъ.

Было много курьезовъ. Онъ встрѣчалъ старыхъ знакомыхъ, которые его не узнавали. Его забавляло, что тотъ самый человѣкъ, который не замѣчалъ г-на Ганзена, приглашалъ инженера Стара сѣсть съ нимъ рядомъ. Андреасъ посмѣивался въ глубинѣ души и за всѣми наблюдалъ. Вотъ, напримѣръ, окружной врачъ; онъ разъѣзжаетъ для наблюденія за здоровьемъ и чистотой дѣтей, а у самого черные ногти и онъ насквозь пропитанъ запахомъ виски и табака. Образъ, созданный Андреасомъ, былъ куда красивѣе! За столомъ онъ слышалъ всевозможныя разсужденія о жизни и смерти, наблюдалъ за выраженіемъ лицъ, на которыхъ смѣнялось сомнѣніе надеждой, слушалъ, какъ люди надрывались въ политическихъ спорахъ, желая каждый высказать свое мнѣніе. Типъ, созданный Андреасомъ, былъ гораздо красивѣе. Въ курительной комнатѣ почтенные люди занимаются сплетнями, какъ въ любомъ захолустьѣ сплетничаютъ дамы, съ тою только разницей, что тутъ это прикрывается идеями и убѣжденіями. Куда же тоньше было созданіе Андреаса!

Время шло, пока Андреасу не пришла въ голову идея новаго типа. На этотъ разъ у него не было модели, онъ постарался воплотить мечту своего дѣтства о будущемъ. Теперь ей суждено сбыться. Въ теченіе цѣлой недѣли онъ собиралъ эту фигуру по отдѣльнымъ чертамъ, и вотъ въ одинъ прекрасный день она ожила. Андреасъ сошелъ на берегъ и штурманъ съ капитаномъ распростились съ нимъ.

— Милости просимъ!—кричали они.

— До свиданія!—отвѣтилъ Андреасъ.

Онъ ужъ не боялся теперь останавливаться въ новыхъ городахъ. Быть можетъ, полиція ищетъ несуществующее уже лицо: вѣдь онъ мѣняетъ свои воплощенія, словно, умирая въ одномъ образѣ, воскресаетъ въ другомъ. Часто румяною лѣтнею ночью онъ сидѣлъ и по-своему мечталъ. Комми-вояжеръ, можетъ быть

заболѣть и умереть, инженеръ можетъ быть убитъ кѣмъ-нибудь изъ своихъ рабочихъ, но онъ самъ надъ всѣмъ этимъ, онъ переходитъ изъ одного существованія въ другое, какъ будто надъ нимъ безсильны смерть и время. Словно маленькій потокъ, онъ бѣжитъ по міру среди людей по пути къ вѣчности.

Вотъ на пароходъ сѣлъ англичанинъ съ двѣнадцатью ящиками, которые всѣ были помѣчены „осторожно, стекло!“ Когда ихъ пришлось выгружать, лица команды были напряжены и озабочены.

— Осторожнѣй!—кричалъ штурманъ, и капитанъ съ мостика въ свою очередь счелъ нужнымъ добавить:

— Легче, ребята!

И матросы шли чуть не на цыпочкахъ.

— Гляди, Іенсъ!—крикнулъ одинъ и пріостановился.

— Въ умѣ ли ты, Христіанъ! развѣ ты не знаешь, что тутъ стекло?

И все спустили вполнѣ благополучно. А между тѣмъ въ ящикахъ были каменья и газеты.

Наконецъ, въ газетахъ появилось сообщеніе о большомъ подлогѣ, совершонномъ въ банкѣ. Дѣло шло о цѣломъ состояніи, и газеты посвящали этому мошенничеству цѣлые столбцы. Вся страна недоумѣвала. Всего удивительнѣе, что самъ директоръ банка нѣсколько усомнился въ подлинности векселей, но положился на то, что ихъ принесъ старый добросовѣстный разсыльный. Рядомъ же была помѣщена выписка изъ больничной вѣдомости, которая удостовѣряла, что старикъ Иверсенъ, разсыльный банка, въ то самое утро находился въ хирургическомъ отдѣленіи госпиталя; ему была произведена операція, и онъ не могъ быть въ банкѣ. Судьи готовы были рвать на себѣ волосы, и вся страна застыла въ нѣмомъ изумленіи.

Въ глухую деревушку Нурланда пріѣхалъ новый методистскій священникъ. Его встрѣтили наиболѣе почтенные члены общины и сразу узнали по напечатанной въ методистскомъ журналѣ фотографіи.

Пасторъ былъ высокій, видный мужчина съ усами, какъ у императора Вильгельма, съ чемоданомъ въ одной рукѣ и съ дождевымъ плащомъ въ другой.

— Здравствуйте, дорогіе братья.

— А мы думали, что вы, г-нъ пасторъ, пріѣдете не раньше субботы,—замѣтилъ одинъ изъ членовъ общины.—Вы и сами такъ писали.

— Я предполагалъ, что могу задержаться въ пути,—коротко объяснилъ прибывшій.

Новый священникъ обвѣнчалъ одну пару, окрестилъ нѣсколько дѣтей, а въ субботу вечеромъ община устроила въ его честь маленькій праздникъ въ новомъ помѣщеніи.

Вечеръ близился къ концу, когда у входа послышались какія-то пререканія: посторонній господинъ настойчиво старался протѣсниться въ залъ. Всѣ невольно обратили на это вниманіе.

Наконецъ, въ залѣ появился маленькій человѣчекъ съ рыжими усами à la Kaiser Wilhelm и растерянно принялся оглядываться.

— Вотъ онъ!—замѣтилъ сопровождавшій его и указалъ на новаго пастора, который въ эту минуту стоялъ въ кругу дамъ съ чашкой шоколада въ рукахъ.

Вошедшій нацѣлилъ пенсне и уставился на пастора. Онъ тяжело дышалъ и, видимо, волновался: еще бы, онъ видѣлъ передъ собою своего двойника.

— Простите,—вымолвилъ онъ, наконецъ, подходя.—Я... я назначенъ сюда пасторомъ.

Другой отхлебнулъ изъ чашки и привѣтливо замѣтилъ:

— И я тоже.

Они смотрѣли другъ на друга, и присутствовавшіе стѣснились вокругъ нихъ.

— Но тутъ, вѣрно, какое-нибудь недоразумѣніе.—Мое имя Іонсенъ, Гарри Іонсенъ.

— Такъ именно зовутъ и меня.

Пауза.

— Васъ зовутъ тоже Іонсенъ, Гарри Кристіанъ?

— Да, это мое имя,—привѣтливо отвѣтилъ пасторъ, ставя пустую чашку на столъ.

Незнакомецъ недоумѣвающе смотрѣлъ то на одного, то на другого, теръ себѣ лобъ, смотрѣлъ себѣ на руки и, казалось, вотъ-вотъ ущипнетъ себя, чтобы убѣдиться, что все это не сонъ.

— Я изъ Ставангера,—замѣтилъ онъ упавшимъ голосомъ, въ чаяніи, что это поможетъ дѣлу.

— И я оттуда.

— Что?—маленькій человѣкъ вытаращилъ глаза.—Вы! изъ... Ставангера?...

— Точно такъ!—отвѣтилъ пасторъ, вытирая платкомъ ротъ.— Я тамъ работалъ четыре года.

— Четыре года—вы? Въ Ста... Нѣтъ же!

Незнакомецъ словно извинялся, что еще не сошелъ съ ума.

— А теперь нашъ епископъ послалъ меня сюда,—спокойно продолжалъ пасторъ, пряча платокъ въ карманъ.

— Нашъ епископъ послалъ... послалъ васъ! Васъ... говорите вы?—Маленькій человѣкъ чуть не упалъ.

Съ минуту всѣ молчали и только переглядывались. Наконецъ, молодой сѣдельный мастеръ Ольсенъ отважился замѣтить, „что все это очень странно".

— Я не хочу утверждать, что... что одинъ изъ двухъ пасторъ-обманщикъ... Но вы вотъ,—обратился онъ къ позднѣе прибывшему,—вы плѣшивы, а тотъ, чья фотографія была напечатана въ листкѣ, не плѣшивый.

Маленькій человѣкъ провелъ рукою по своей плѣшивой головѣ.

— Вѣрно, но я снимался много лѣтъ тому назадъ. На то воля Божья, каждый изъ насъ можетъ оплѣшивѣть.

Многіе въ толпѣ пощупывали свои плѣши, какъ бы подтверждая тѣмъ справедливость этихъ словъ.

Снова всѣ смолкли и только смотрѣли. Наконецъ, заговорилъ высокій пасторъ:

— Нужно выяснить это. Вы обвиняете меня въ томъ, что я присвоилъ ваше имя, и выдаете себя за меня. Съ этимъ я не могу примириться. Не угодно ли вамъ явиться завтра съ свидѣтелями въ полицію, я буду тамъ въ двѣнадцать часовъ.

— Съ удовольствіемъ. Мы оба предъявимъ бумаги, и все разъяснится. Завтра въ двѣнадцать часовъ.—Маленькій человѣкъ поклонился. Въ сущности онъ уже и самъ начиналъ сомнѣваться въ томъ, Петръ онъ или Павелъ.

Высокій пасторъ направился къ выходу, а собравшіеся смотрѣли ему вслѣдъ. Другой стоялъ со сложенными руками.

— Братья и сестры,—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—помолимся.

На слѣдующій день высокій пасторъ не явился въ полицію, и полиція явилась въ отель. Оказалось, что методистскій пасторъ Іонсенъ не ночевалъ дома. За нимъ пріѣхали изъ лапландскаго становища, и онъ уѣхалъ.

— Такъ,—замѣтилъ полицеймейстеръ,—пожалуй, ему нужно было бы прихватить съ собою двухъ тѣлохранителей.

Была снаряжена погоня. Но никто не обратилъ вниманія на то, что въ это самое время въ деревнѣ появился старый оборванный шарманщикъ. Онъ остановился какъ разъ противъ дома полицеймейстера и до тѣхъ поръ игралъ, пока, наконецъ, самъ хозяинъ не вынесъ ему денегъ и не попросилъ уйти.

— Спасибо,—сказалъ негодяй, съ улыбкой сунулъ деньги въ карманъ, вскинулъ шарманку на спину и заковылялъ прочь.

Время отъ времени Андреасъ прибѣгалъ къ такимъ маленькимъ трюкамъ, чтобы вводить полицію въ заблужденіе и заметать свой слѣдъ. Онъ любилъ это возбужденіе; казалось, онъ заставлялъ всю страну плясать по своей дудкѣ. Люди превращались въ маски, и только онъ одинъ умѣлъ заводить пружину, приводящую въ движеніе всю махинацію.

Въ одномъ изъ курортовъ появился знаменитый нѣмецкій врачъ, спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ. Онъ кое-что понималъ по-норвежски, былъ доступенъ, и многія изъ столичныхъ дамъ захотѣли воспользоваться случаемъ и посовѣтоваться съ нимъ. Онъ не отказывалъ, но не бралъ гонорара. Послѣ внимательнаго осмотра онъ тщательно мылъ щеткой руки и смотрѣлъ въ окно, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе и прописать рецептъ. Только мѣсяцъ спустя выяснилось, что это былъ самозванецъ, но его ужъ и слѣдъ простылъ.

И полиція—увы!—сообщенія заканчивала стереотипной фразой, что „преступнику, повидимому, удалось скрыться за границу".

Когда Андреасъ ложился вечеромъ въ постель и закрывалъ глаза, онъ видѣлъ передъ собою цѣлую вереницу людей, которыхъ ловили и преслѣдовали: всѣ они были имъ созданы, но это не мѣшало ему частенько опасаться, какъ бы съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ не стряслась бѣда.

Наконецъ, произошелъ переворотъ.

VIII.

— Знаешь, Софи, я давно ужъ хотѣла тебѣ сказать: слѣдуетъ быть поосторожнѣе съ посторонними людьми.

— Ты Вильманна, мамочка, называешь посторонним?

При этомъ молодая дѣвушка опустила свое шитье и посмотрѣла на сѣдую даму, сидѣвшую съ вязаньемъ у окна.

— Разумѣется, что въ сущности мы о немъ знаемъ?

— Но вѣдь можно вѣрить газетамъ! Не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ въ двухъ газетахъ появились его интервью, а когда онъ дѣлалъ свой докладъ, ты, помнится, больше всѣхъ восторгалась.

— Но вѣдь изъ того, что онъ живо описываетъ жизнь фермеровъ въ Бразиліи, еще не слѣдуетъ....

Докторша остановилась и почесала крючкомъ въ волосахъ.

— А его мысль о прямыхъ пароходныхъ рейсахъ, о посылкѣ коммерческихъ агентовъ, о новомъ рынкѣ для норвежскихъ товаровъ! Онъ работаетъ, не покладая рукъ, и ты увидишь, каковъ будетъ результатъ.

Старушка опять принялась за свое вязанье.

— Я сознаю, что сама виновата въ томъ, что онъ вошелъ къ намъ въ домъ. Въ немъ есть что-то привлекательное, а когда всѣ кругомъ начинаютъ носиться съ такимъ иностранцемъ, невольно и самъ поддаешься. Но...

— Но?

— Мнѣ кажется, что у тебя есть основанія быть осторожной.

Мать была права. Молодая дѣвушка въ двадцать два года была уже дважды невѣстой, и оба раза дѣло окончилось несчастьемъ. Одно время опасались даже за ея разсудокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ пріѣзжій появился у нихъ въ домѣ, она замѣтно оживилась, походка ея стала легче, въ глазахъ загорѣлся лукавый огонекъ.

Она поднялась со стула, сложила работу и, напѣвая, посмотрѣла въ окно.

— Не собираешься ли ты опять итти съ нимъ гулять?—спросила мать.

Молодая дѣвушка отвела спустившійся на лобъ темный локонъ, подошла къ матери и молча обняла ее, прижавшись щекой къ ея щекѣ и закрывъ глаза.

Черезъ минуту она была уже на лѣстницѣ въ соломенной шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ. Увидѣвъ стаю голубей, она вернулась домой и принесла имъ горсть гороху. Можно было подумать, что она не хочетъ доставлять себя радости, пока не порадуетъ другого.

Было лѣто, и всѣ сады, окружавшіе низкіе деревянные домики, цвѣли, а съ моря тянулъ свѣжій вѣтерокъ. Она быстро шла и думала: „Быть можетъ, кто-нибудь смотритъ въ окно и думаетъ, куда я иду. Лучше ужъ не оглядываться“.

За городомъ на холмѣ раскинулся большой паркъ. Тутъ онъ встрѣтилъ ее.

— Наконецъ-то!

— А тебѣ пришлось ждать?

Рука объ руку они пошли по усыпанной пескомъ дорожкѣ, подъ сѣнью высокихъ сосенъ.

— Послушай, Адольфъ, вѣдь ты еще никогда не разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ.

— Да. По-моему пріятнѣе говорить о твоемъ.

— Нѣтъ, сегодня ты долженъ разсказать мнѣ, гдѣ ты росъ, какъ тебѣ жилось? Развѣ ты не понимаешь, что мнѣ все хочется знать о тебѣ.

— У меня не было дѣтства, дорогая. Я безъ роду, безъ пле-

меня, не знаю ни отца, ни матери... Можетъ быть, ты меня разлюбишь за это?

Она взяла его руку и тихонько сжала. Какія у него красивыя руки, несмотря на то, что ему нелегко далась жизнь.

Къ чему знать все о такомъ сказочномъ принцѣ? Онъ явился изъ далекой страны, сильный, закаленный, съ запасомъ удивительныхъ воспоминаній, съ кучей плановъ. Не все ли равно, пусть онъ родился въ какой-нибудь жалкой лачугѣ и пробился собственными силами. Она опять взяла его руку. Если бы она могла быть чѣмъ-нибудь для него.

Они быстро шагали и болтали, и улыбались при мысли о томъ, что они здѣсь вдвоемъ. Они говорили, будто пѣли дуэтъ, не задумываясь надъ словами: строили планы, мечтали о свадьбѣ осенью, о переѣздѣ въ Бразилію, о любви до старости, о жизни послѣ смерти.

Съ холма открывался далекій видъ на море, на дивный горящій золотомъ закатъ. Море и небо сливаются въ золотистомъ туманѣ, а надъ холмами паритъ, оглашая воздухъ торжествующимъ крикомъ, стая бѣлыхъ чаекъ.

— Можетъ быть, мы присядемъ, крошка?

— Нѣтъ, мнѣ пора домой,—говоритъ она и всетаки садится.

Черезъ минуту ея голова опускается ему на плечо.

Ночью молодой человѣкъ выѣхалъ одинъ въ море и, приставъ по ту сторону залива, сѣлъ на берегу и въ раздумьѣ опустилъ руки на колѣни.

Очень далеко зашло дѣло. Жилъ-былъ мальчишка-оборванецъ, который снималъ шапку передъ нарядными барышнями, если имъ случалось проѣзжать по лѣсу. И вотъ, наконецъ, одна изъ нихъ пришла и полюбила его.

Мальчикъ изъ лѣсу, да гдѣ онъ?... Можетъ быть, все это сонъ? Гдѣ жизнь и гдѣ сказка?...

Но Адольфъ Вильманнъ—дѣйствительное лицо. Стоитъ ему закрыть глаза, и ему вспоминается ферма въ Бразиліи, борьба съ лихорадкой и солнечнымъ зноемъ, змѣи и дикіе звѣри... Затрудненіе въ сущности въ пустякахъ: Адольфу Вильманну нужны бумаги для того, чтобы жениться, а между тѣмъ онъ рѣшительно не помнитъ, гдѣ онѣ могутъ быть.

Есть человѣкъ, который съ большою легкостью изготовитъ какіе угодно документы, но Вильманнъ честный малый и не захочетъ поставить молодую дѣвушку въ ложное положеніе, особенно эту, которой и безъ того судьба послала столько испытаній. Иногда жизнь пригнала ее къ землѣ, съ его появленіемъ

она снова воспрянула духомъ, словно говорила, простирая руки: „Я еще вѣрю въ жизнь и людей“.

Онъ видѣлъ, какъ понемногу къ ней возвращались здоровье и жизнерадостность, и самъ дивился: никогда еще не удавалось ему до сей поры создать фигуру, которая смогла бы воскресить человѣка изъ мертвыхъ!

Чѣмъ все это окончится? У него шла голова кругомъ, онъ останавливался и озирался. Гдѣ я? Такова была обстановка Донъ-Жуана?

Лѣто, катанье подъ парусами, темныя ночи, молодая дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ. Солнце низко надъ моремъ; на западѣ словно замеръ парусникъ. Они вдвоемъ въ бѣлой лодкѣ тихо покачиваются далеко отъ берега. „Это ты и я, Софи?—думаетъ онъ, смотря на нее.—Если-бъ все это было правда и намъ не нужно было бы возвращаться на берегъ!“

Были и у нихъ небольшія размолвки, которыя оканчивались слезами и улыбкой.

— Ты не всегда говоришь правду, Адольфъ! Какъ же я могу на тебя полагаться...

— Скажи, въ чемъ же я по-твоему погрѣшилъ?

Она напоминаетъ ему, что раньше онъ говорилъ такъ, а теперь иначе. Конечно, это нехорошо, вѣдь она должна принимать его слова на вѣру... И ему стоитъ большихъ усилій и многочисленныхъ увѣреній, чтобы успокоить ее.

А тутъ еще эти бумаги?

Съ удивленіемъ онъ чувствуетъ, какъ поддается вліянію молодой женщины, невольно усваиваетъ ея взгляды.

— Что ты думаешь объ отношеніяхъ рабочихъ и капиталистовъ?—спрашиваетъ она.

Его трогаетъ, что эта маленькая головка задумывается надъ подобными вопросами, и онъ отвѣчаетъ такъ, какъ, ему кажется, хотѣлось бы ей. Почему бы ему и не думать, какъ она. Каждое мнѣніе, къ которому онъ такимъ путемъ присоединяется, вдохновлено ею, запечатлѣно ея любовью и потому особенно дорого и обязываетъ. Она все время содѣйствуетъ его совершенствованію, рядомъ съ ней онъ вдыхаетъ такой чистый воздухъ, столь свободный отъ всякой лжи и фальши, что онъ минутами чувствуетъ себя столь же невиннымъ, какъ она, но въ слѣдующій же моментъ готовъ провалиться въ землю.

Документы?...

Солнце краснымъ шаромъ восходитъ надъ островами, а онъ

сидитъ все на томъ же мѣстѣ. Одинокій голубь такъ низко пролетѣлъ надъ моремъ, что крыльями коснулся воды. Встаетъ новый день, и скоро настанетъ моментъ, когда придется подвести итогъ.

Исповѣдываться передъ нею? Это снова сразитъ ее. Кѣмъ онъ замѣнитъ г-на Вильманна? Да кто онъ въ сущности? Если бы онъ объѣздилъ весь міръ въ поискахъ Андреаса Бергета, онъ не нашелъ бы его. Онъ ужъ безконечно далеко отошелъ отъ него и многіе годы былъ не чѣмъ инымъ, какъ только сказкой, произведеніемъ искусства, но не можетъ же молодая дѣвушка выйти замужъ за такого субъекта.

Нѣтъ такой силы ни на землѣ, ни на небѣ, которая могла бы превратить Вильманна въ настоящее лицо, чтобы все стало правдой! Тутъ не помогутъ ни молитвы, ни вѣра, ни работа, ни деньги, ни просьбы! Неужели спасенія нѣтъ?

Порвать? Для нея это равносильно смерти. Исчезнуть? Она будетъ всю жизнь чтить его память, а это будетъ тотъ же обманъ, что съ двѣнадцатью сундуками съ надписью: „стекло".

Бѣдная Софи...

IX.

Въ исправительную тюрьму передъ Рождествомъ помѣстили новаго арестанта, который во многомъ велъ себя совсѣмъ необычайно. Въ немъ не было ни дерзости, ни робости, онъ былъ благодушно настроенъ, ни о чемъ не просилъ, давалъ односложные отвѣты. Онъ облачался въ казенный халатъ, словно надѣвалъ фракъ. Его помѣстили въ камеру № 14 и дали плести корзины. Къ нему никто не приходилъ, о немъ никто не справлялся и онъ никогда не обращался за разрѣшеніемъ кому-либо писать. Въ сочельникъ въ тюрьмѣ обыкновенно бываетъ очень безпокойно: кто плачетъ, кто презрительно смѣется, кто тревожно шагаетъ взадъ и впередъ. Въ № 14 было тихо, какъ всегда: словно его ничто не касалось и все обстояло благополучно.

Одинъ молодой человѣкъ получилъ разрѣшеніе обойти тюрьмы, чтобы поговорить съ заключенными. Какъ-то вечеромъ онъ явился и къ № 14-му. Сторожъ остался за дверью. Посѣтитель былъ худъ, блѣденъ, въ очкахъ, но глаза его горѣли. Онъ протянулъ заключенному руку, какъ равному, не допуская ни малѣйшей фамильярности. Онъ просилъ заключеннаго сдѣлать ему одолженіе и разсказать свою повѣсть.

— Вы хотите записать мою исторію, такъ,—сказалъ онъ, улыб-

нувшись и закрывая глаза. Немного помолчавъ, онъ открылъ глаза, откашлялся и началъ свой разсказъ.

Это была поистинѣ потрясающая исторія маленькаго оборвыша, котораго били и притѣсняли, не кормили и не одѣвали. Мать пьянствовала, отчимъ воровалъ—грустная была обстановка. Потомъ ребенокъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и вездѣ ему плохо жилось, вездѣ ему приходилось работать свыше силъ. Окончилось это такъ, какъ и должно было окончиться.

Юноша быстро записывалъ, бралъ карандашъ въ ротъ, снова писалъ и временами сокрушенно вздыхалъ. Когда арестантъ окончилъ свой разсказъ, онъ закрылъ свою книжку и нѣкоторое время смотрѣлъ на несчастнаго.

— А какъ вы думаете,—кто виноватъ въ вашей судьбѣ?

Заключенный призадумался и серьезно отвѣтилъ:

— Грѣхъ и дьяволъ.

— Грѣхъ!—презрительно усмѣхнулся молодой человѣкъ.— Дьяволъ! Никогда еще... Нѣтъ, я скажу вамъ, на кого падаетъ вся тяжесть отвѣтственности. Неужели вы никогда не задавались этимъ вопросомъ?

Арестантъ покачалъ головой.

— Общество.

Арестантъ широко раскрылъ глаза: все предстало совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—замѣтилъ онъ,—это справедливо.

Когда молодой человѣкъ наговорился досыта, арестантъ проводилъ его до дверей. Сторожъ открылъ двери, и скоро ихъ шаги затихли въ коридорѣ. Корзинщикъ сѣлъ за свою работу и то улыбался, то напѣвалъ псаломъ.

Исправительная тюрьма тяжела. Арестанты никогда не встрѣчаются другъ съ другомъ, зачастую камеры не отапливаются, и арестанты надрываются отъ кашля, умираютъ отъ воспаленія легкихъ. Никакія вѣсти не проникаютъ сквозь сѣрыя стѣны; тамъ гдѣ-то жизнь идетъ своимъ чередомъ, а тутъ событія сводятся къ различнымъ шагамъ въ коридорѣ. Къ нимъ прислушиваются, ихъ знаютъ: они связываютъ тюрьму съ остальнымъ міромъ. Прислушайтесь! вотъ идетъ надзиратель, а это инспекторъ, подождите: нѣтъ, ошибиться нельзя—это самъ директоръ. А это, конечно, тюремный священникъ: онъ стремится наставить заблудшихъ на путь истинный. Должно быть, идетъ къ поджигателю въ сосѣднюю камеру.

Въ одинъ прекрасный день пасторъ зашелъ и къ № 14. Пасторъ, высокій, широкоплечій мужчина, съ краснымъ лицомъ

Царя, въ черной рясѣ, занималъ должность тюремнаго пастора въ теченіе двадцати лѣтъ и давно ужъ ничему не удивлялся.

— Здравствуйте, мой другъ,—проговорилъ онъ, садясь на табуретъ, который внесъ за нимъ сторожъ.—Наконецъ, вы послали за мной; надѣюсь, мы оба останемся довольны нашей встрѣчей.

Сквозь маленькое окно съ желѣзной рѣшеткой проникало такъ мало свѣта, что трудно было сказать, зима на улицѣ или апрѣльскій снѣгъ. Заключенный стоялъ у голой стѣны и улыбался блѣдной улыбкой.

— Нужно было время подумать,—отвѣтилъ онъ.—Въ столькихъ вещахъ нужно разобраться.

— Конечно. Вы думали цѣлыхъ полгода. Не будетъ нескромнымъ спросить,—что было предметомъ вашихъ размышленій?

Пасторъ погладилъ свой подбородокъ и принялъ болѣе удобную позу, очевидно приготовляясь къ долгой бесѣдѣ.

Заключенный сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тѣсной камерѣ и заложилъ руки за спину.

— Помню,—началъ онъ,—когда я посѣщалъ высшую техническую школу въ Ганноверѣ...

— Что? Вы были въ технической школѣ въ Ганноверѣ?—Пасторъ вытаращилъ глаза.

— Виноватъ!—Арестантъ закрылъ глаза и провелъ рукою по лбу.—нѣтъ, я хотѣлъ сказалъ, когда я ѣздилъ по дѣламъ фирмы Гриничъ въ Ньюкастлѣ.

— Вы!—снова прервалъ его пасторъ.—Развѣ вы ѣздили по дѣламъ торговой фирмы въ Ньюкастлѣ!...

Другой въ отчаяніи махнулъ рукой.

— О нѣтъ, нѣтъ, я имѣлъ въ виду кофейныя плантаціи въ Бразиліи...

— Что это такое!—воскликнулъ пасторъ, вставая.—Неужели вы не понимаете, что мы хорошо освѣдомлены относительно вашей біографіи! Вы—Андреасъ Бергетъ съ сѣвернаго побережья. Вы ужъ нѣсколько разъ были подъ судомъ и отбывали наказаніе. Вы были одно время актеромъ, но съ тѣхъ поръ никогда не имѣли опредѣленныхъ занятій и плавали подъ разными флагами. Если вамъ угодно со мною говорить, бросьте комедію. Вы не думаете, что вамъ, быть можетъ, пора немножко углубиться, заглянуть въ собственную душу и попытаться исправиться?

— *Кого* собственно исправить?—Заключенный обернулся къ пастору.

— Кого?!

— Да человѣкъ вѣдь состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ.

— Гм!

— Представьте себѣ миссіонера, агронома, комми-вояжера, инженера, разсыльнаго изъ банка, врача-гинеколога и проч. проч., и всѣ они—*я*.

— Конечно, всѣ эти лица вамъ принадлежатъ.—Священникъ сжалъ губы и пристально посмотрѣлъ на него.

— Такъ кого же изъ нихъ я долженъ исправить?

— Послушайте, мой другъ, я сюда пришелъ не для того, чтобы вы надо мной издѣвались.

— А развѣ въ васъ, господинъ пасторъ, только одинъ человѣкъ?

— Если вы не будете говорить серьезно, я немедленно уйду.— Пасторъ засунулъ руки въ рукава: ему стало холодно.

— Хорошо. Мнѣ хотѣлось бы поговорить объ одномъ личномъ дѣлѣ, точнѣе, я хотѣлъ бы обратиться съ просьбой, но если вы, г-нъ пасторъ, не хотите попытаться меня понять, мнѣ остается извиниться, что я васъ побезпокоилъ. — И заключенный поклонился, будто прощаясь.

Пасторъ двинулся было къ двери, но медлилъ. Этотъ замкнутый, совершенно недоступный субъектъ, до сихъ поръ безучастно относившійся къ его проповѣдямъ, наконецъ, послалъ за нимъ. Не хочетъ ли онъ симулировать сумасшествіе?

— Что же, собственно, вы хотите мнѣ разсказать?—спросилъ онъ, наконецъ, снова оборачиваясь къ арестанту.

Тотъ улыбался. Его бѣлокурые волосы пріобрѣли грязно желтый оттѣнокъ, бритое лицо было сѣро. Но онъ все время улыбался, словно смѣялся надъ собою и надъ всѣмъ міромъ. Зубы его были ослѣпительно бѣлы.

— Вы, господинъ пасторъ, никогда не замѣчали, когда вамъ приходилось задумываться надъ какимъ-нибудь рѣшеніемъ, что вы присутствуете на общемъ собраніи? Въ вашей душѣ сторонники различныхъ мнѣній стараются перекричать другъ друга. Во мнѣ миссіонеръ возмущается и рветъ на себѣ волосы, когда врачъ-гинекологъ закуриваетъ папиросу, чиститъ инструменты и констатируетъ, что все въ порядкѣ. Кто правъ? Кому слѣдуетъ вѣрить? Хорошо, другой разъ вы собираетесь высказать мнѣніе и вдругъ замѣчаете, что руководитесь мнѣніемъ какого-нибудь уважаемаго человѣка. Вы не только задаетесь вопросомъ, какъ бы онъ поступилъ,—нѣтъ, вы ставите себя на его мѣсто, заимствуете его внѣшность, онъ овладѣваетъ вами или вы имъ, не правда ли? это повторяется по нѣскольку разъ на день, и, какъ сказать, кто, онъ или вы, сказалъ рѣшительное слово?

Пасторъ снова опустился на табуретъ и нѣсколько разъ вздохнулъ.

— Что изъ этого? Мы всѣ болѣе или менѣе нормальны.

— Нормальны, хе!—Арестантъ коротко разсмѣялся. Въ холодномъ воздухѣ камеры былъ виденъ синеватый паръ и пасторъ невольно плотнѣе завернулся въ свое пальто.

— Нормальны! Здѣсь недавно былъ человѣкъ въ очкахъ, съ карандашомъ въ рукахъ. Онъ не только помѣшанный, но просто ходячій плакатъ. Но вы, г-нъ пасторъ, вы вѣдь человѣкъ, у васъ не бумажная душа, вы не сочтете человѣка сумасшедшимъ только потому, что онъ заставляетъ васъ немножко призадуматься, вы...

— Что вамъ отъ меня нужно?—прервалъ его пасторъ, собираясь встать:

— Да, я говорилъ, что мы... мы, люди, никогда не бываемъ одинаковы, единоличны, мы всегда мѣняемъ и мѣняемся душами и тѣлами, такъ что иной разъ трудно сказать, кто каковъ.

Заключенный прошелся по камерѣ и продолжалъ:

— Вамъ, г-нъ пасторъ, никогда не случалось облекать въ человѣческія формы свою скорбь или свою надежду? Напримѣръ, ѣдете вы съ епископомъ въ одномъ поѣздѣ и думаете: а епископъ-то я. Никогда у открытой могилы не приходила вамъ въ голову мысль, что мертвецъ въ гробу—вы сами? Развѣ, читая, вамъ не случалось почувствовать себя Наполеономъ или вообразить на каѳедрѣ Лютеромъ? Кто былъ Павелъ? Вы говорите, Павелъ это—я.

Пасторъ смотрѣлъ передъ собою и спросилъ съ натянутой улыбкой:

— Что же изъ этого слѣдуетъ? Куда вы собственно клоните?

— Я хочу уяснить свою сущность. Вѣдь всѣ мои преступленія въ томъ, что я таковъ, какъ всѣ остальные люди. Я не могъ удовольствоваться тѣсными рамками одной судьбы, я жаждалъ перемѣнъ. Почему многіе любятъ мѣнять костюмы? Не потому ли, что такимъ путемъ мы до извѣстной степени сбрасываемъ съ себя стараго человѣка и перевоплощаемся? Почему люди мѣняютъ убѣжденія, предаютъ друзей, переходятъ изъ одного лагеря въ другой, враждебный, измѣняютъ женѣ, жаждутъ повышенія и новыхъ назначеній? Не для того ли, чтобы выдвинуть на передній планъ новую сторону своей души, новаго человѣка. Вотъ это именно я и дѣлалъ. Во мнѣ звучали голоса, настойчиво требовавшіе все новыхъ формъ человѣческаго бытія, для меня въ этомъ было изученіе, эволюція, стремленіе къ вѣчности, жизнь.

— А васъ не удивляетъ, что всѣ эти люди были обманщики?

— А развѣ романъ, пьеса, произведеніе скульптуры—не обманъ? А между тѣмъ въ нихъ, если они хорошо исполнены,—и высочайшая истина.

— Но вы вѣдь не статуя?

Арестантъ улыбнулся и, немного спустя, отвѣтилъ, глядя въ окно:

— Величайшее произведеніе искусства—самъ человѣкъ. Мои многоразличные типы были плодомъ вдохновеннаго творчества. Поэтъ мечтаетъ о цѣли, которой никогда не достигнетъ, и эту мечту воплощаетъ въ своемъ твореніи. Такъ поступалъ и я. Разница въ томъ, что я не ограничилъ свои образы книгой или глыбой мрамора, я далъ имъ возможность жить, двигаться, ѣздить по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ.

— А затѣмъ вы предоставили имъ широкое поприще для совершенія преступленій?—прервалъ его пасторъ.—Это тоже—плодъ вдохновенія?

— Всякій художникъ жаждетъ показать свое созданіе публикѣ, жаждетъ, чтобы въ него повѣрили. Ему нужно доказательство его жизненности. Я шелъ въ банкъ съ подложнымъ векселемъ—вы говорите—ради денегъ... Нѣтъ, отвѣчу вамъ я. Я хотѣлъ выставить мое творчество на судъ строжайшей критики и спросить: живетъ ли оно? Вѣрите ли вы? Создаетъ ли мое искусство иллюзію? Претворилось ли оно въ жизнь?

Пасторъ всталъ.

— А вопросъ добра и зла?

Заключенный провелъ рукою по лбу и потупился. Немного помолчавъ, онъ поднялъ глаза на собесѣдника.

— Все зависитъ отъ того, какое лицо на первомъ планѣ: миссіонеръ, разумѣется, судитъ иначе, чѣмъ инженеръ изъ Аляски.

Пасторъ плотно сжалъ губы и шагнулъ къ двери, но снова остановился и, взглянувъ на свои ноги, спросилъ арестанта:

— Вы не страдаете отъ этой температуры? Здѣсь холодно.

Тотъ повелъ плечами.

— Нѣтъ, я отлично себя чувствую.—При этомъ онъ сунулъ руки въ карманы, чтобы не замѣтили трещинъ отъ холода у него на пальцахъ.

— У васъ нѣтъ родныхъ? Вашихъ родителей уже нѣтъ въ живыхъ? Нѣтъ никого, кто былъ бы вамъ дорогъ?

Узникъ опустилъ голову, и легкая судорога пробѣжала по всему его тѣлу.

— Пожалуй, есть.

— Есть, вы говорите?

Молодой человѣкъ смотрѣлъ на пастора, какъ будто раскаиваясь, что разоткровенничался передъ этимъ благоразумнымъ господиномъ, но въ то же время ему ужъ было не подъ силу молчать долѣе.

— Вотъ вы выйдете отсюда,—продолжалъ пасторъ,—и что же дальше?

— Кто знаетъ? Предо мною много образовъ, еще невоплотившихся мечтаній, но... я не надѣюсь, чтобъ изъ нихъ что-нибудь вышло. Послушайте, г-нъ пасторъ, не захотите ли вы оказать мнѣ услугу?

— Это зависитъ...

— Доставить свѣдѣнія.

— Гм...

— Объ одной... объ одной молодой дѣвушкѣ. Я часто задаю себѣ вопросъ, жива ли она.—Арестантъ опустилъ голову и прижалъ руку ко лбу.—Она была обручена съ фермеромъ изъ Бразиліи; онъ утонулъ за недѣлю до свадьбы въ заливѣ и его лодку прибило къ берегу. Фермеръ этотъ былъ я.

Пасторъ долго смотрѣлъ на него и только протянулъ: „такъ".

— Немного спустя въ ея городъ пришелъ сѣдой старикъ. Онъ игралъ на скрипкѣ и просилъ милостыню. Старикъ этотъ былъ я.

Старикъ поднялъ глаза.

Заключенный улыбался и продолжалъ говорить, прислонясь къ стѣнѣ:

— Я осмѣлился войти на кухню въ домѣ ея родителей и увидѣлъ сидѣлку: кто-то былъ боленъ... Ночью я прошелъ мимо дома и замѣтилъ, что одно окно освѣщено. Я не могъ двинуться съ мѣста, и на слѣдующую ночь опять вернулся. Что въ сущности я терялъ? Временемъ я могъ располагать по своему усмотрѣнію. Правда, стояла зима, иной разъ шелъ снѣгъ, бывали изрядные холода, но во всякомъ случаѣ эта зима миновала скорѣе, чѣмъ обыкновенно.

Снова возвратилась весна и однажды утромъ въ воскресенье я прошелъ мимо ея дома. Въ эту минуту она съ матерью вышла изъ дома, въ рукахъ у нея былъ молитвенникъ. Она сильно измѣнилась, была въ траурѣ, но я узналъ ее и подъ черной вуалью...

Старику нищему не возбраняется итти слѣдомъ за господами, лишь бы онъ держался на приличномъ разстояніи. Такъ я и проводилъ ихъ до самой церкви. Онѣ сѣли въ сторонѣ, и мать пѣла

со всѣми, а молодая дѣвушка опустила голову и лицо закрыла руками. Я какъ будто вижу ее передъ собою...

— Но она васъ не узнала?—спросилъ пасторъ.

— Что? меня?—Заключенный посмотрѣлъ на него сбоку.— Нѣтъ. Но я рискнулъ зайти еще разъ къ нимъ на кухню попросить милостыню. На мое счастье она вышла въ кухню, увидѣла меня, стала разспрашивать, а я... я былъ старый оборванный нищій съ трясущейся сѣдою головой, съ распухшими руками. Она дала мнѣ и денегъ, и хлѣба. Такъ странно было принимать изъ ея рукъ милостыню...

Заключенный закрылъ глаза и спряталъ руки въ карманы.

— Потомъ?...

— Потомъ я путешествовалъ, пытался создавать новыя фигуры, но это ужъ не удавалось мнѣ такъ хорошо, какъ раньше. Понимаете вы, почему? Я много думалъ объ этомъ, и теперь мнѣ кажется, что причина этого кроется въ томъ, что я слишкомъ сжился съ тѣмъ образомъ, который ей былъ дорогъ,—для меня стало почти невозможно слиться съ другимъ. Въ одинъ прекрасный день я плохо велъ свою игру, полиція обратила на меня вниманіе, и вотъ я здѣсь. Каждому положенъ извѣстный предѣлъ.

Пасторъ погладилъ свой подбородокъ.

— А какъ ее зовутъ?

Заключенный раскрылъ глаза, прошелся взадъ и впередъ, еще глубже засунулъ руки въ карманы—очевидно, ему трудно было назвать ее.

— Вѣдь вы понимаете, чтобы навести справки, я долженъ знать, о комъ идетъ рѣчь.

— Смотрите,—сказалъ, наконецъ, заключенный и пальцемъ показалъ на стѣну.—Я украсилъ стѣну на свой ладъ.—Онъ смущенно улыбнулся. Пасторъ подошелъ и увидѣлъ нацарапанное на сѣрой стѣнѣ имя и адресъ.

— Я подумаю объ этомъ,—сказалъ онъ и двинулся къ двери, но тамъ снова обернулся и посмотрѣлъ на заключеннаго:

— Ну, а вы-то сами?

— Простите, что я потревожилъ васъ.—Я?... объ этомъ я ничего не могу сказать.

— Но вѣдь вамъ до выхода отсюда не такъ ужъ много остается. Что же потомъ?

Тотъ только головой покачалъ.

— Я ничего не знаю. Я не знаю даже, кто я самъ. Я—воспоминаніе то одного, то другого человѣка, которымъ я когда-то

былъ. Кѣмъ буду я, когда выйду отсюда, этого я не знаю. Если я доживу до этого дня, я желалъ бы совсѣмъ не имѣть лица. Вѣдь мнѣ прежде всего придется создать себѣ новый человѣческій обликъ, а къ чему? Правда, есть слабая надежда, но она такъ невѣроятна.

— Надежда?

— Разумѣется! Ха-ха! Люди всегда надѣются, глупо мечтаютъ.

— Вы все время думаете о той молодой дѣвушкѣ?

— Если она жива и если у нея найдется довольно силъ, быть можетъ... да, какъ знать? Гм! я поѣхалъ бы къ ней, сталъ бы просить ее помочь мнѣ начать новую жизнь...—Тутъ арестантъ невольно сжалъ кулакъ и наполовину отвернулся, точно досадуя на себя за эти послѣднія слова.

— Да, да, мы подумаемъ объ этомъ,—снова замѣтилъ священникъ и вышелъ. Сторожъ взялъ табуретку и заперъ дверь на ключъ. Скоро шаги ихъ замерли въ длинномъ коридорѣ.

Заключенный постоялъ у стѣны и принялся шагать взадъ и впередъ по тѣсной камерѣ.

— Ну, зачѣмъ ты разоткровенничался передъ нимъ? — пробормоталъ онъ.—Идіотъ! Идіотъ!

Дни уходили за днями. Иной разъ онъ чувствовалъ, что солнце освѣщаетъ стѣну по ту сторону тюремнаго двора. Корзины подвигались уже медленнѣе, онъ болѣзненно жаждалъ перемѣны, новой работы, чего-нибудь другого для пальцевъ,—но зачѣмъ онъ сталъ бы просить объ этомъ? Время пройдетъ все равно. Единственное событіе—попрежнему шаги въ коридорѣ; они то удаляются, то приближаются. Вотъ служитель, а это инспекторъ, а какъ-то прошелъ и самъ начальникъ тюрьмы. Заключенный закрылъ глаза и сложилъ руки.—Когда же придетъ пасторъ?

Однажды вечеромъ онъ вздрогнулъ и прислушался. Наконецъ-то... Но шаги миновали его дверь.

Время однообразно проходитъ; вотъ и еще одна корзина готова. Теперь, навѣрно, весна въ полномъ расцвѣтѣ: съ каждымъ днемъ солнце все дольше задерживается у него на стѣнѣ. И въ душѣ у него что-то поднимается, жажда творчества, стремленіе создать такой образъ, который не знаетъ страданія.

Онъ смотрѣлъ на желтыя полосы на стѣнѣ и думалъ: солнце, югъ, солнечные люди, Средиземное море...

Въ памяти воскресло все читанное о походахъ римлянъ на Карѳагенъ. „А какова была наружность Сципіона? Зналъ ли онъ сердечную тоску? Можешь ли ты принять его видъ?“

Камера превратилась въ Средиземное море. Пальцы плетутъ

корзину, но это не мѣшаетъ ему мысленно вести осаду города. Вотъ въ лѣвомъ плечѣ онъ почувствовалъ боль отъ раны, натертой доспѣхами: онъ не хотѣлъ ихъ снять, пока Карѳагенъ не обратится въ пепелъ.

Камера наполнилась иными воспоминаніями о прочитанномъ, и онъ пытался придать имъ собственныя формы. Склоняясь надъ плетеньемъ, онъ напѣвалъ псалмы, а передъ нимъ роились мечты, проносились видѣнія... „Черезъ десять тысячъ лѣтъ придетъ великій властелинъ и захватитъ въ свои руки всю нашу планету. Каковъ онъ будетъ? Можешь ли ты воплотить его образъ?

„А черезъ сотни тысячъ лѣтъ придетъ еще сильнѣйшій и соединитъ три населенныхъ планеты въ одинъ оборонительный союзъ въ пространствѣ, который будетъ царить надъ звѣздами въ пространствѣ. Можешь ли ты воплотить его образъ?...“

Въ сосѣднихъ камерахъ слышалось пѣніе—то пѣлъ счастливый узникъ, шагая по своей камерѣ взадъ и впередъ.

Перевела **З. Зеньковичъ.**

Вмѣсто мудрости опытность. Прѣсное,
Не утоляющее питье.
А юность была, какъ молитва воскресная—
Мнѣ ли забыть ее.

Столько дорогъ пустынныхъ исхожено
Съ тѣмъ, кто мнѣ не былъ милъ.
Столько поклоновъ въ церквахъ положено
За того, кто меня любилъ.

Стала забывчивѣй всѣхъ забывчивыхъ.
Тихо плывутъ года...
Губъ не цѣлованныхъ, глазъ неулыбчивыхъ
Мнѣ не вернуть никогда.

Анна Ахматова.

1913 г.

КОМА.

Эскизъ.

Странное впечатлѣніе, когда несутъ на рукахъ. Неровный шагъ, встряхиваніе... Сознаніе то потемняется, то какъ будто опять болѣе ясное. Жгучая боль во всемъ тѣлѣ, особенно, когда локти ударяются о ручки кресла. Короткое, яркое впечатлѣніе тихаго вечера, когда вынесли на улицу. Темное небо, плескъ моря и тѣ же яркія звѣзды, которыя были въ тотъ послѣдній вечеръ, когда я шла домой...

Какой тяжелый переѣздъ на автомобилѣ. Какъ положили, какъ везли—впечатлѣніе неясное, но всякій толчокъ такъ болѣзненъ. Переѣздъ кажется сначала безконечно долгимъ, потомъ онъ оканчивается какъ-то вдругъ. Смутно вижу фигуру доктора, безъ пальто, который меня поддерживаетъ. Наконецъ, я въ лѣчебницѣ. Опять кресло, тяжелая крутая лѣстница и, наконецъ, постель—хоть какое-нибудь успокоеніе.

Сознаніе то помрачено, то нѣсколько яснѣе... Все кажется, какъ въ туманѣ. Постоянное ощущеніе тяжелой боли спины, рукъ, груди; двинуться невозможно. Мысли безсвязно проходятъ, изрѣдка останавливаясь на опредѣленныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ—болѣе послѣднихъ. Въ душѣ звучатъ ихъ отголоски монотонно, однообразно, часто повторяясь...

Передо мною двѣ ширмы — одна бѣлая, другая темная. На нихъ какіе-то узоры. Надъ ширмами, частью за ними, видна лампа. Направо—печь, налѣво—дверь на балконъ и окна. За ширмами днемъ не видно. Вечеромъ тамъ горитъ огонь. Кажется, тамъ постель для сестры милосердія, столъ и умывальникъ. Объ умывальникѣ я имѣю болѣе ясное впечатлѣніе, такъ какъ постоянно слышу, какъ, приходя ко мнѣ и уходя, моютъ руки.

Когда я открываю глаза, я постоянно вижу ширмы и лампу.

Я разсматриваю узоры на ширмахъ и форму лампы. Подробностей я не знаю, но впечатлѣніе ихъ стоитъ передъ моими глазами и какъ бы соединено съ моимъ существованіемъ. Въ періоды перевязокъ, связанныхъ съ невыносимой болью, впечатлѣнія эти тускнѣютъ—и видишь, и слышишь, и чувствуешь иначе.

Въ комнатѣ тепло. Яркіе лучи солнца проникаютъ сквозь щели ставней и между портьерами, которыми завѣшаны окна. Глаза такъ болятъ, что я не могу выносить свѣта, а онъ всетаки есть. На подоконникѣ лежитъ бумага съ прилипшими мухами. Я ее вижу, и мнѣ кажется, что я тоже муха, къ чему-то прилипшая,—я не могу сдѣлать никакого движенія. Потомъ мнѣ представляется, что я лежу около яркаго зеленаго луга на пыльной, сухой дорогѣ, безъ движенія, связанная или положенная въ какой-то тугой и тѣсный мѣшокъ. Двинуться нельзя, всѣ члены скованы и тяжело, мучительно болятъ. Мимо проходитъ вереница людей—и знакомыхъ, и незнакомыхъ. Проходятъ безучастно, смотрятъ на меня и что-то шопотомъ говорятъ... Все кошмары.

Мнѣ рисуется какая-то зала со слабымъ зеленоватымъ освѣщеніемъ, украшенная прекрасными вазами изъ маіолики. За этой залой другая, свѣтлая, мраморная. Мраморныя скамейки вдоль стѣнъ. Я иду, не передвигая ногами, страшно медленно—что-то держитъ меня за платье и не пускаетъ. Мнѣ нужно къ свѣту въ другую залу. Съ величайшими усиліями я приближаюсь ко входу. Я знаю, что должна кричать, просить, чтобъ мнѣ помогли мои близкіе—они въ той залѣ,—но голоса у меня нѣтъ. Я вижу, какъ на всѣхъ мраморныхъ скамейкахъ сидятъ люди. Они ничего не говорятъ, но молча, съ неподвижными лицами и глазами, вглядываются въ меня. Потомъ все обрывается, и мнѣ вспоминается изъ Библіи, книги Іова, какъ онъ, больной проказою, сѣлъ на кучѣ праха внѣ селенія и черепкомъ скоблилъ свои раны. И мнѣ хочется сползти съ кровати, скорчиться, спрятаться между печкой и стѣной и тамъ, мучась отъ своихъ ранъ ожога, чего-то ожидать.

Нужно лѣчить раны, рожистое воспаленіе и слабое сердце. Главное — это перевязки и вспрыскиваніе подъ кожу разныхъ средствъ. Важнѣйшее событіе дня—перевязка.

Утромъ я жду перевязки, боюсь ея, такъ какъ она невѣроятно мучительна, а вмѣстѣ съ тѣмъ мучусь, если ея долго нѣтъ. Послѣ нея раны болятъ меньше, и мнѣ даютъ какое-нибудь наркотическое средство. Перевязки бываютъ въ разное время дня—то раньше, то позднѣе. Докторъ занятъ. Онъ почти единственный хирургъ въ городѣ—его рвутъ на части, а поэтому онъ нерѣдко

опаздываетъ. Лежу долго безъ перевязки, начинаю стонать. Все болитъ, нервы совершенно расходятся, кажется, что раны—хуже. Температура повышается. Я требую доктора—его нѣтъ. Звонятъ по телефону, ищутъ, хотя, конечно, въ большинствѣ случаевъ безрезультатно.

Наконецъ, онъ приходитъ. Я издалека слышу тяжелые шаги, тяжелое дыханіе, хриплый кашель. Слышу, какъ за ширмой онъ моетъ руки, и, наконецъ, показывается большая грузная фигура въ бѣломъ халатѣ. Идетъ, обыкновенно вытянувъ руки въ темныхъ резиновыхъ перчаткахъ, съ засученными рукавами, и, если перевязка утромъ, густымъ голосомъ провозглашаетъ: „Съ добрымъ утречкомъ, дорогуша! Ну, какъ провели ночь?“ Подходитъ, садится. Я говорю себѣ: „Начинается перевязка“. Говорю каждый разъ.

Сначала лицо, потомъ одна рука, грудь, другая рука, спина.

Я слышу отрывистое: „шпадель“... „тіолъ“... „симонъ“... или „кремъ-симонъ“... „шарики“... „косынку“... И чувствую острую, невыносимую боль. Я не знаю, что такое шпадель. Мнѣ кажется, это кисть, въ дѣйствительности—случайно разъ вижу—металлическій инструментъ.

Въ началѣ болѣзни мы съ докторомъ были большіе друзья. У него есть и увѣренность, и большая настойчивость. Тратитъ много времени на перевязки; видимо, старается, причемъ тяжело дышитъ, какъ-то хрипитъ, и, наконецъ, весь обливается потомъ. Потомъ опозданія на перевязки стали меня такъ мучить, что мы ссорились.

Въ началѣ онъ говорилъ:

— „Поверните ваше плечико“. „Дайте ваши глазки, носикъ“. Въ концѣ: „Смотрите прямо“. „Откройте глазъ“... „Отчего стонете,—больно такъ, какъ муха укусила“ и т. п. Но нельзя отрицать—работалъ такъ же неизмѣнно внимательно.

При перевязкѣ присутствуетъ Павелъ Михайловичъ, исполняющій обязанности ассистента. Онъ—бывшій студентъ медицинскаго факультета, кажется, 4-го курса. Стоитъ въ головѣ постели, разрѣзываетъ бинты и вообще помогаетъ. Я иногда вижу, какъ онъ съ трагическимъ видомъ вырываетъ у сестры милосердія подаваемые предметы и передаетъ ихъ самъ. Въ обращеніи это крайне мягкій человѣкъ. Утромъ, промывая мнѣ глаза, онъ говоритъ: „Дайте ваши глазинки“... „Еще глазинки...“ Боится причинить всякую боль и волнуется, когда ее видитъ. Перекладываетъ и перевязываетъ чрезвычайно ловко и ласково утѣшаетъ.

За мною обыкновенно ходятъ двѣ сестры милосердія: одна—ночью, другая—днемъ.

Ночью—это Дарья Семеновна, милѣйшая полная особа, всегда спокойная, всегда кроткая. Если перевязка при ней, она стоитъ, скрестивъ подъ халатомъ руки на животѣ, который кажется чрезвычайно большимъ, но она не обращаетъ на это вниманія.

Другая сестра—Марія Николаевна, или Машенька. Она молодая, способная, можетъ, когда хочетъ, очень ловко ухаживать за больными, но крайне нервная. Я ее слегка боюсь. Она постоянно занята своими личными дѣлами по сердечной части, шушукается со всѣми, кто съ ней хочетъ говорить, страшно интересуется всѣми новостями вообще и мужчинами, въ частности. У нея все „дивно", „чудесно" и „шикарно". Для нея событіе, если въ лѣчебницу попалъ интересный молодой человѣкъ.

Машенька полна жизни. Отголоски этой жизни доходятъ и до меня; я невольно обращаю на нихъ вниманіе. Я часто слышу ея задорные шажки въ ботинкахъ на высокихъ каблукахъ по лѣстницѣ и какъ она очень вѣрно напѣваетъ изъ оперетки „Король веселится". Когда мнѣ было плохо, ей купили туфли, чтобы не стучала, но она ихъ такъ и не надѣла. „Хотя я очень люблю папочку и мамочку, но деньги прежде всего трачу на обувь, не пожалѣю за шикарныя ботинки даже двѣнадцати рублей".

Я слышу о ея горестяхъ и радостяхъ. Однажды она съ утра исчезла — была истерика. Ее положили въ свободную комнату и тамъ отхаживали, чтобы не узналъ докторъ. Другой разъ она очень весела, и я узнаю, какъ она познакомилась съ какимъ-то инженеромъ и его двумя товарищами. „Такой крѣпкій, розовыя щеки, дивные усы".

Временами приходятъ другіе доктора. Когда консиліумъ, ихъ бываетъ нѣсколько. Приходъ ихъ обставляется торжественно. Впереди идетъ хирургъ, за нимъ два терапевта — одинъ длинный, худой, въ очкахъ, такой, какими рисуютъ докторовъ въ иллюстрированныхъ журналахъ, другой—небольшого роста, очень живой. Всѣ въ халатахъ. Торжественно садятся кругомъ меня, осматриваютъ и выслушиваютъ. Отъ каждаго пахнетъ цвѣточнымъ одеколономъ. Когда высокій докторъ ходилъ ко мнѣ въ началѣ болѣзни одинъ, я ему говорила: „Уходите, я не могу васъ видѣть; зачѣмъ вы каждый разъ ходите, меня мучите? Осторожнѣе! Вы касаетесь меня шерстянымъ рукавомъ и бородой" и т. п. А онъ каждый разъ такъ кротко уговаривалъ: „Ну, голубчикъ, успокойтесь, должны же мы вамъ помочь". И никогда не показывалъ вида, что сердится или обиженъ.

Одно время приходилъ еще хирургъ, небольшого роста, съ очень серьезнымъ видомъ, но ловкій и мягкій въ обращеніи: „Здравствуйте, сестрица“. „Дайте, сестрица, косыночку.“ „Мерси, сестрица“. „Дайте, сестрица, шарикъ“. „Мерси, сестрица“ и т. п.

Въ послѣднемъ отношеніи онъ отличается отъ моего постояннаго доктора. Зычный голосъ этого далеко раздается въ лѣчебницѣ. Если при перевязкахъ ему плохо помогаютъ, онъ волнуется и кричитъ, говоря персоналу „ты“ и иногда не жалѣя крѣпкихъ словъ. Разъ слышу, кричитъ Машенькѣ: „Банку держи ниже, дура, видишь, кровище хлещетъ“. Другой разъ, обращаясь уже къ двумъ: „Сколько времени я съ вами обѣими работаю, а ничему вы, дуры, выучиться не могли“. Онъ говоритъ въ этихъ случаяхъ „ты“ и Павлу Михайловичу, но прибавляетъ „дорогой мой“.

Я его разъ спросила: „Отчего вы такъ бранитесь и всегда кричите?“ Отвѣтилъ: „Нужно духа поддавать“.

Очень тяжелы для меня подкожныя впрыскиванія. Тѣло мое и такъ наболѣло,—на немъ нѣтъ живого мѣста—но оно все исколото впрыскиваніями. Меня пробираетъ нервная дрожь, когда докторъ или Павелъ Михайловичъ идутъ со шприцемъ. Мнѣ почему-то кажется, что мнѣ впрыскиваютъ черезъ иглу, окрашенную въ золотистый цвѣтъ, и она очень большая. Не могу переносить, закрываю глаза... Боже мой!

Я получаю и дигаленъ, и кофеинъ—для сердца, а для сна—понтапонъ. Послѣдняго я всегда жду съ нетерпѣніемъ.

Днемъ кормитъ меня Машенька. Упорно уговариваетъ ѣсть. Когда приносятъ обѣдъ или завтракъ, она говоритъ: „Не хочите ли бульончику, сегодня у насъ дивный бульончикъ, чудесныя котлетки“, и подаетъ мнѣ какую-то горячую воду съ жиромъ. Если я не ѣмъ, убѣждаетъ: „Вотъ вы не хочите, а мнѣ достанется. Выпьете чаю, хочите? Я вамъ сама принесу“. И поскорѣе убѣгаетъ изъ комнаты, для тѣхъ впечатлѣній, которыя можетъ получить извнѣ.

Маленькая жизнь идетъ около меня. Я часто ее слышу. Разговоры о мѣстныхъ вечерахъ въ Народномъ домѣ, гдѣ фигурируетъ весь персоналъ лѣчебницы, объ офицерахъ и танцахъ, о больныхъ въ лѣчебницѣ и лицахъ, ихъ посѣщающихъ, разговоры о ссорахъ, сплетняхъ и т. п.

Днемъ я смотрю на ширмы и лампу и все жду, скоро ли мнѣ удастся забыться. Съ нетерпѣніемъ жду ночи. Ночью, если не

сплю, жду, скоро ли наступитъ день—не дастъ ли улучшенія? И такъ проходятъ сутки за сутками.

Иногда, смотря на свою зеленоватую кровать, на освѣщеніе комнаты, я вслушиваюсь въ свои ощущенія и душевныя и тѣлесныя, и мнѣ кажется, что гдѣ-то въ туманной дали неизвѣстнаго прошлаго все это было. Смутный отблескъ чего-то давно бывшаго мерцаетъ въ моей душѣ, налетаетъ и проходитъ, какъ легкое неуловимое дуновеніе...

Охъ, какъ тяжело! Когда сознаніе возвращается, съ нимъ приходитъ и ясное пониманіе тяжести положенія. Когда все кончится и какъ кончится?

Я одна на чужой сторонѣ. И мужъ, и сынокъ мой, и мой домъ—далеко. Сколько времени я буду лежать здѣсь, увижу ли я ихъ, придетъ ли когда-нибудь прежнее время? Сколько разъ въ жизни приходилось и горевать, и сердиться, и какъ все, что было, кажется, по сравненію съ настоящимъ, хорошимъ и счастливымъ.

Иногда мнѣ представляется, что, быть можетъ, я сплю, что все, что случилось, было сномъ, что вотъ я открою глаза и все будетъ такъ, какъ было... Нѣтъ, это не сонъ.

Я часто спрашиваю себя:—за что, почему именно со мной такое несчастье? Перебираю въ умѣ, не сдѣлала ли я кому-нибудь особаго зла. За что? Это не можетъ быть несправедливо. Но я не знаю и въ этой жизни не узнаю, за что.

Я плачу, хотя это вредно для глазъ. Удерживаюсь,—но не могу. Всѣ, кто ко мнѣ приходитъ, говорятъ, что мнѣ лучше, но я этого не чувствую. Говорятъ, что все подживаетъ, но мнѣ кажется, что и боль сильнѣе, и раны больше. Я не вижу конца, прихожу въ какой-то тупикъ... Мнѣ кажется, что нѣтъ возврата.

Домой, домой! При первой возможности, если только силы позволятъ какъ-нибудь двинуться! Хоть бы еще разокъ увидать своихъ, находящихся далеко... Я не могу болѣе ждать.

Я прошу маму читать мнѣ Библію. Читаемъ книгу Іова и Екклесіастъ.

„Суета суетъ, сказалъ Екклесіастъ, суета суетъ—все суета.

Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ. Родъ приходитъ, и родъ уходитъ, а земля пребываетъ во вѣки...

Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ, все—суета и томленіе духа... Потому что всѣ дни его—скорби, и его труды—безпокойство; даже и ночью сердце его не знаетъ покоя. И это—суета...

И помни Создателя твоего въ дни юности твоей, доколѣ не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которыхъ ты будешь говорить: „нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ“...

Въ тотъ день, когда задрожатъ стерегущіе домъ и согнутся мужи силы; и перестанутъ молоть мелющіе, потому что ихъ немного осталось; и помрачатся смотрящіе въ окно;

и запираться будутъ двери на улицу; когда замолкнетъ звукъ жернова, и будетъ вставать человѣкъ по крику пѣтуха и замолкнутъ дщери пѣнія;

и высоты будутъ имъ страшны, и на дорогѣ ужасы; и зацвѣтетъ миндаль, и отяжелѣетъ кузнечикъ, и разсыплется каперсъ. Ибо отходитъ человѣкъ въ вѣчный домъ свой, и готовы окружить его по улицѣ плакальщицы;

доколѣ не порвалась серебряная цѣпочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшинъ у источника, и не обрушилось колесо надъ колодеземъ.

И возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ былъ; а духъ возвратится къ Богу, который далъ его.

Суета суетъ, сказалъ Екклесіастъ, все—суета“...

Мое здоровье ухудшается. И утромъ, и днемъ сестра милосердія, какъ только я забываюсь, уже будитъ меня: „Наталія Николаевна, не спите; Наталія Николаевна, не спите“. Павелъ Михайловичъ чаще забѣгаетъ ко мнѣ и слушаетъ пульсъ и сердце. Докторъ тоже. Хотя они неизмѣнно и говорятъ: „Пульсъ прекраснаго наполненія, сердце превосходно работаетъ“, но мнѣ больно, тяжко. Сердце бьется быстро и неровно. Нѣтъ воздуха, нечѣмъ дышать.

Если бы меня положили повыше! Но когда перекладываютъ—это такъ мучительно. Если бы дали морфія!

Я прошу о морфіи днемъ и ночью, прошу и докторовъ, и сестеръ милосердія, и Павла Михайловича. Мои просьбы удовлетворяются только отчасти или, вѣрнѣе, совсѣмъ не удовлетворяются. Я узнаю случайно изъ шопота сестры милосердія, что даютъ тотъ же понтапонъ. Морфія нельзя—сердце слишкомъ слабо. Понтапонъ не даетъ сна, но даетъ нѣкоторое успокоеніе. Лежишь, смотришь въ одну точку и постепенно забываешься. Только бы давали бо̀льшія дозы. Постоянно обѣщаютъ, но, кажется, не исполняютъ.

„Двѣсти ужъ дней, двѣсти ночей муки мои продолжаются“.

Мнѣ кажется, что я повторяю эти слова, а быть можетъ, они только проходятъ въ моей головѣ. Я съ ними просыпаюсь, съ ними и засыпаю.

Въ душѣ смягчаются прежнія настроенія. Любовь, радость или горе,—все это куда-то уходитъ.

Главное, подавляющее желаніе—желаніе покоя. Покой есть смерть. Смерть, столь, повидимому, близкая.

При обыкновенныхъ условіяхъ жизнь заполняютъ житейскіе интересы. Они доставляютъ и радость, и горе и оставляютъ мало мѣста для мысли о смерти. Человѣкъ живетъ впечатлѣніями отъ нихъ, и вдругъ приходитъ моментъ, когда всѣ и важные, и мелкіе личные интересы обращаются въ ничто. Предъ лицомъ стоитъ то, что равняется всей жизни, а быть можетъ, и больше нея—это смерть.

Какъ для многихъ это неожиданно! Многіе не стояли близко къ этому моменту, но всѣ будутъ стоять у него.

Необычайно трогательна молитва объ умершемъ: „Всякое погрѣшеніе, содѣянное имъ словомъ, дѣломъ или помышленіемъ, яко Благій Человѣколюбецъ Богъ, прости. Нѣсть бо человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ. Ты бо Единъ безъ грѣха, правда Твоя правда во вѣки, и слово Твое — истина“. Молитва проситъ Бога о томъ, чтобы успокоить „въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже нѣсть болѣзнь, печаль и воздыханіе, но жизнь безконечная“.

Какъ понимаешь значеніе этого покоя и освобожденія отъ условій земного существованія!

Я часто повторяю вслухъ эту молитву, говорю: „душу преставшейся рабы Божіей Наталіи“, и мнѣ кажется легче, какъ будто дѣйствительно наступаетъ успокоеніе.

Сердце работаетъ все хуже, дышать такъ трудно.

Боже великій! Я чувствую надъ собою Твою милосердную и сильную руку. Какъ подняться до Тебя? Кто меня поведетъ?

Нужно исповѣдываться и пріобщиться. Отговариваютъ, — говорятъ: „Здоровье скоро поправится“. Путь такъ, но мнѣ это необходимо. Мнѣ лучше. Я все сознаю.

Извѣстны ли многимъ кроткія, успокаивающія слова молитвъ предсмертной исповѣди?

Столъ покрыли бѣлымъ, снявъ съ него все лежавшее. Перенесли сюда образъ. Горѣла лампадка. Слова молитвъ проникали въ душу. Я не могла удержать слезъ—сначала плакала, потомъ

рыдала. Плакали и присутствующіе—мама и сестры милосердія. Въ душѣ ясность, миръ и тишина.

Какъ я благодарна отцу Сергію за то, что онъ мнѣ далъ своимъ служеніемъ!

Сознаніе дѣлается болѣе и болѣе помутненнымъ. Впечатлѣнія посѣщеній сглаживаются, и я уже не знаю точно, дѣйствительно ли кто-нибудь приходилъ или нѣтъ. Мысль о смерти, какъ объ успокоеніи,—мысль не страшная, но дорогая.

Въ минуты сознанія я представляю себѣ, какъ хорошо, какъ спокойно лежать въ гробу, сложивъ руки и глубоко въ него опустившись. Вотъ, мысли о немъ переходятъ въ явные образы. Я вижу, какъ его приносятъ и ставятъ рядомъ со мной, и думаю: „это для того, чтобы удобнѣе было переложить". Гробъ цинковый, большой, такой, какъ я недавно видала. Вижу, какъ Нюра и Саша—горничныя—кладутъ въ него какой-то тюфячокъ и кружевную подушку. И это не только не страшно, но такъ желанно.

Вотъ мнѣ кажется, что около ширмы какая-то длинная, вдоль уходящая лѣстница. По ней идутъ мой мужъ и мой отецъ, котораго онъ поддерживаетъ Отецъ старенькій и сгорбленный. Сынъ мой идетъ стороной впереди. Мама у постели. „Да, думаю я, теперь близкіе собрались, значитъ можно и умереть". Мнѣ хочется съ ними проститься, но это скорѣе сознаніе обязанности. Жизненные интересы отошли.

Вотъ изъ-за ширмы тихо выходитъ моя покойная бабушка. Она умерла уже давно, когда я еще была маленькой. Голова ея покрыта какой-то косынкой. Мама сидитъ у постели и, увидавъ ее, бросается къ ней на шею и громко рыдаетъ: „Да, думаю я, она, вѣроятно, пришла за мной". И вдругъ у бабушки лицо замѣняется черепомъ, но мнѣ нисколько не страшно, и стоитъ только одна мысль—скорѣе бы.

Каждый разъ, когда я открываю глаза, отъ меня за ширмы, какъ-то согнувшись въ плечахъ, тихо и плавно уходитъ темная, безмолвная фигура...

Наконецъ, кажется, пришло—кома. Кома—это запятая жизни, смерть—это точка. Комнаты нѣтъ... земныя впечатлѣнія исчезли... я вижу свѣтъ...

Если Богъ судитъ мнѣ жизнь, я никогда не забуду того необычайнаго, которое нельзя передать словами, впечатлѣнія яркаго, божественнаго свѣта, успокоенія, того стремленія вверхъ, которое дала мнѣ эта кома... Если порогъ смерти—пріоткрытая къ ней дверь—дастъ столько счастья, то что же дастъ сама смерть!

Я очнулась отъ мучительной боли. Комната полна людьми:

доктора, сестры милосердія. Что-то впрыскиваютъ. Ноги деревянѣютъ, распухаютъ, новая невыносимая боль. Вливаютъ физіологическій растворъ.

Вотъ возвращеніе къ жизни! Неужели ни у кого не будетъ столько состраданія, чтобы дать мнѣ смертельную дозу морфія. Зачѣмъ эта жестокость—живи во что бы то ни стало!

Идутъ часы, дни и недѣли... Я больна и еще долго не выздоровлю, но я буду жить. Отблескъ свѣта, который я видѣла, еще ярко горитъ въ моей душѣ. Я помню слова: „Выслушаемъ сущность всего: бойся Бога и заповѣди его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка".

Но удастся ли мнѣ ихъ дѣйствительно выполнить, когда жизнь вступитъ въ свои права? Это—такъ трудно.

Н. Т. Б.

I.

Въ моей душѣ покой усталости
Безъ сновидѣнья,
Охъ, я встрѣчаю столько жалости
И... уваженья!
Склонясь, съ улыбкою участія,
Цѣлуетъ руки...
А я хочу—минуты счастія
И острой муки.

II.

Хрупко-тонкимъ осколкомъ стекла
Душу ранила острая жалость.—
У тебя я два раза сегодня была...
И войти побоялась.
Я шепнула: люблю, у дверей
И оставила вѣточку тёрна...
Если хочешь—прости, если можешь—разбей!
Я покорна.

Е. Волчанецкая.

ХРОМОЙ. [1])

Романъ Германа Штера.

Съ нѣмецкаго.

Hermann Stehr. „Der begrabene Gott".

9.

Марія стала спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ дала слово хромому.

Ея борьба съ судьбой была непродолжительна, похожа скорѣе на безумную вспышку, судорожную, безсознательную, непостижимую. И такъ же быстро она подчинилась рѣшенію, которое вырвала у Бога.

Теперь въ ея душѣ былъ миръ,—миръ пораженія. Сердце лежало въ груди, какъ скованный рабъ, и съ безвольной покорностью принимало свершившуюся перемѣну. Маревомъ казалась ей вся измѣнившаяся жизнь кругомъ нея, каждое утро она вступала въ нее, какъ въ призрачную игру тѣней. Молчаливо, какъ всегда, исполняла она свою работу, но теперь ея усердіе было или усталое, или лихорадочное и неожиданно смѣнялось какимъ-то оцѣпенѣніемъ, изъ котораго она вырывалась лишь съ величайшимъ трудомъ, съ внезапной вспышкой гнѣва.

Какъ-то разъ одна изъ служанокъ замѣтила это и сказала:

— Ну, знаешь, Марія, если ты на мужа будешь смотрѣть такими глазами...

— Мужа?—рѣзко перебила ее Марія.—Гмъ... мужа... ахъ ты...

Она подавила готовое сорваться бранное слово, ея глаза гнѣвно засверкали. Но черезъ минуту она добавила съ усталой улыбкой:

— Да, ты вотъ про что... Ну нѣтъ, Экснеръ добрый и хорошій. Что ты думаешь! Развѣ бы я иначе согласилась выйти за него.

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль*, 1914 г., кн. V.

При этомъ она поблѣднѣла и торопливо наклонилась надъ своей работой. Какъ ни тяжело ей было, гордость, свойственная сильнымъ натурамъ, заставляла ее скрывать по возможности свое несчастье даже отъ самой себя и отказываться отъ сочувствія другихъ, выставляя свою помолвку съ хромымъ не какъ слѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ, а какъ результатъ свободнаго выбора.

Особенно трудно ей было притворяться такъ передъ сапожникомъ, котораго она теперь встрѣчала удивительно часто. Въ эту осень у него было, повидимому, на рѣдкость много работы, потому что постоянно его видѣли на дорогахъ то съ кусками кожи, завернутыми въ пестрый платокъ, то съ парой готовыхъ сапогъ. И всегда онъ отыскивалъ глазами въ полѣ красный платокъ Маріи. Завидѣвъ его, онъ издали кричалъ дѣвушкѣ шутливое привѣтствіе, а потомъ подходилъ къ ней, садился на краю канавы и начиналъ болтать, изрѣдка прерывая себя для того, чтобы помочь ей вскинуть на плечо срѣзанную траву или вырвать у нея тачку.

Хотя она ясно показывала ему, что его услуги ей непріятны, онъ всетаки продолжалъ навязывать ей свою помощь и безъ умолку болталъ съ ней. Охотнѣе всего онъ говорилъ о балѣ, о томъ, что онъ съ ней танцовалъ, какъ разозлилъ таннерауца и о томъ, какъ только благодаря ему, Густе, хромой набрался смѣлости посвататься. Онъ называлъ послѣдняго своимъ „дорогимъ, единственнымъ другомъ“ и съ наслажденіемъ разсказывалъ эпизоды, выставлявшіе на видъ мѣшковатость, грубость и смѣшную подозрительность его друга, такъ что остальныя дѣвушки, слушая его, такъ и покатывались со смѣху. Тогда онъ возмущался этими „дурами“. Пусть онѣ не воображаютъ, будто онъ хочетъ посмѣяться надъ Экснеромъ. Вѣдь „другого такого молодца, какъ Экснеръ, во всемъ графствѣ не сыщешь“.

Онъ видѣлъ, что Марія страдаетъ, и смѣялся, весь блѣдный, съ веселостью, въ которой было что-то судорожное. Его глаза горѣли, и когда онъ на прощаніе подавалъ ей руку, рука была дряблая, холодная и дрожащая. У Маріи всякій разъ тоскливо сжималось сердце, когда она видѣла сапожника. Но, несмотря на боль, которую онъ ей причинялъ, когда подъ маской дружбы безжалостно выставлялъ хромого на смѣхъ, она всетаки испытывала при этомъ какое-то удовлетвореніе, какъ будто это глумленіе надъ Экснеромъ было тайной местью ея судьбѣ. И сапожникъ, вѣроятно, чувствовалъ это, потому что его насмѣшки становились все откровеннѣе, его встрѣчи съ Маріей все чаще, а

улыбка хмельной, и часто онъ ни съ того, ни съ сего хваталъ Марію за руки повыше локтя и страстно сжималъ ихъ.

Марія поняла въ концѣ-концовъ, къ чему это клонится, и осадила его.

— Ты пьянъ, Густе!—холодно прервала она однажды его шутки.

— Цѣлую недѣлю водки не нюхалъ, Марія. Да и вообще, что мнѣ водка!...—отвѣтилъ онъ, оторопѣвъ при видѣ ея суроваго лица.

— Да я вовсе и не о водкѣ говорю. Откуда тебѣ взять денегъ на водку? Что ты шиломъ накропаешь, этого и на черствый хлѣбъ еле хватитъ. Нѣтъ, когда сапожникъ хочетъ напиться, слыхала я, онъ нюхаетъ свой горшокъ съ клеемъ. Отъ этого онъ потомъ двѣ недѣли ходитъ, какъ очумѣлый. Ну и дешево!

Она была блѣдна и презрительно оглядѣла сапожника съ ногъ до головы.

— Ты хочешь меня поднять на смѣхъ, оттого что я бѣдный?—грустно спросилъ онъ, вскакивая на ноги.

— Да, конечно!—еще рѣзче отвѣтила она.—Глядите, какъ хорошъ! Сидитъ по всѣмъ канавамъ въ заплатанныхъ штанахъ!—обратилась она къ остальнымъ дѣвушкамъ.

— Марія!—крикнулъ сапожникъ, и слезы покатились по его щекамъ. Чтобы скрыть ихъ, онъ нагнулся и машинально началъ счищать землю съ штановъ. Когда онъ опять выпрямился, грудь его волновалась, лицо осунулось и поблѣднѣло. Крѣпко зажавъ подъ мышкой свой свертокъ, онъ приготовился уйти. Вдругъ онъ повернулся и нѣсколько разъ потрясъ кулакомъ по направленію къ Маріи. Онъ силился что-то сказать, но только пузыри выступили на его губахъ. Наконецъ, онъ проговорилъ совсѣмъ тихо, съ запинками, беззвучно:

— Несчастный я человѣкъ!

А лицо у него было при этомъ такое, точно онъ кричалъ благимъ матомъ.

Дѣвушки захохотали во все горло.

— Гопля! козочка, мэ-мэ!—крикнула Марія, когда сапожникъ, сломя голову, побѣжалъ прочь, точно спасаясь отъ преслѣдованія.

Его послѣднія слова какъ ножомъ рѣзнули ее по сердцу, и именно поэтому она задорно крикнула ему вдогонку свою насмѣшку. Но глупыя шутки остальныхъ служанокъ надъ сапожникомъ были ей противны, она вскорѣ умолкла, незамѣтно отошла отъ нихъ, и глубокая удрученность, причины которой она сама не понимала, овладѣла ею.

Въ ту ночь, когда она неожиданно проснулась, ей почудился сдавленный голосъ сапожника, говорившій ей что-то. Полная непонятной грусти, она тихо заплакала.

Начиная со слѣдующаго утра, она все хотѣла помириться съ обиженнымъ; но онъ точно сквозь землю провалился. Сколько она ни высматривала его, онъ не показывался, и всѣ, кого она ни спрашивала про него, увѣряли, что не видѣли его больше. Только одно она узнала: что опять каждую ночь въ его домикѣ огонекъ горитъ до утра, и что онъ тамъ ходитъ безостановочно изъ угла въ уголъ и время отъ времени громко хохочетъ. Марія съ каждымъ днемъ становилась все угрюмѣе, и каждая мелочь раздражала и разстраивала ее.

Даже къ Венде она чувствовала скрытую непріязнь, потому что онъ часто дразнилъ ее хромымъ, видя блѣдность ея лица, или насмѣшливо поздравлялъ ее съ тѣмъ, что она скоро сама будетъ хозяйкой. И всегда ей казалось при этомъ, что она видитъ на его нездорово-блѣдномъ лицѣ выраженіе ехидства. Однажды она не удержалась и колко отвѣтила ему. Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее и сказалъ съ разстановкой:

— Ты ужъ заразилась отъ своего жениха, Марія. Но помни, я — не то, что мой отецъ, и сумѣю удержать въ рукахъ то, что мнѣ принадлежитъ.

Онъ намекалъ на вынужденную продажу его отцомъ отцу Экснера той части имѣнія, которая составляла теперь владѣнія хромого. Въ другой разъ онъ опять иносказательно далъ понять, какъ ему непріятно, что хуторъ хромого находится прямо среди его полей.

Не находя счастья въ бракѣ, который былъ слѣдствіемъ ложнаго шага, Венде мстилъ судьбѣ брюзжаніемъ и придирками; онъ постоянно выискивалъ поводы для ссоръ съ сосѣдями, доводя при малѣйшей возможности дѣло до суда.

Марія не спрашивала у хромого объясненія многозначительныхъ словъ Венде, какъ и вообще она не дѣлилась съ нимъ ничѣмъ, что волновало ее и касалось ея внутренняго міра, находя въ такой скрытности свое единственное спасеніе. Но, несмотря на это духовное отдаленіе отъ него, которое она намѣревалась сохранить и на будущее время, она всетаки не могла воспрепятствовать извѣстному сдвигу въ душѣ, вслѣдствіе котораго она теперь ставила благополучіе хромого на одну доску съ собственнымъ благополучіемъ. И это тоже была одна изъ причинъ, почему она не говорила жениху про колкости Венде. Женскій инстинктъ подсказывалъ ей, что лучше не говорить.

Однако всякій разъ у нея было при этомъ такое чувство, точно она сама связала себя съ хромымъ новыми узами. Кошмаръ этихъ неестественныхъ отношеній высасывалъ кровь ея тѣла и съ каждымъ днемъ становился все болѣе осязаемой дѣйствительностью, какъ будто изъ трещины ея расколотаго надвое существованія выраставъ огромный ядовитый грибъ.

Не помогала ей и ея раздражительность при рѣдкихъ встрѣчахъ съ хромымъ. Она мучила его грубостью, колкостями и насмѣшками, съ трепетомъ ожидая какой-нибудь дикой вспышки съ его стороны, которая освободила бы ее. Но при всѣхъ ея жесткихъ словахъ этотъ необузданный человѣкъ оставался невозмутимымъ; онъ только смотрѣлъ на нее искоса, умолкалъ на нѣсколько минутъ, а потомъ съ равнодушнымъ: „да, да!"—продолжалъ прерванный разговоръ.

Это сбивало ее съ толку, и бывали мгновенія, когда она была готова, вопреки общему мнѣнію, считать хромого тихимъ, сдержаннымъ человѣкомъ, котораго только несчастіе сдѣлало бирюкомъ. Правда, на балу онъ проявилъ звѣрскую дикость, но это случилось вѣдь только изъ-за нея...

Однако эти дружелюбныя мысли всегда улетучивались очень быстро; въ большинствѣ случаевъ ихъ хватало только на одинъ ласковый отвѣтъ. Но всякій разъ она чувствовала при этомъ, какъ раскрывалось сердце хромого отъ ея ласковыхъ словъ и какъ его душа съ неуклюжей нѣжностью пыталась приблизиться къ ней.

Однажды, когда она рѣзала рѣпу подъ навѣсомъ, бросая куски въ стоявшую передъ ней корзинку, мимо нея прошла фрау Венде.

— Пойду посмотрю, не разучились ли куры нестись,—сказала она, привѣтливо кивнувъ Маріи и улыбаясь своей своеобразной улыбкой, при которой ея худое лицо складывалось въ сотни морщинокъ, а длинный носъ и острый подбородокъ приближались другъ другу.

Марія услужливо принесла приставную лѣсенку и для безопасности стала придерживать ее, смотря на хозяйку такимъ взглядомъ, точно хотѣла сказать: „Можете спокойно подниматься!"

Хозяйка ласково поблагодарила:

— Ты славная дѣвушка.

Вдругъ Марія опустила руки и сказала голосомъ, полнымъ тоски:

— Фрау Венде, я задыхаюсь!

Та обернулась со смѣхомъ:

— Еще бы, на то ты и невѣста! Какая дѣвушка не поплачетъ передъ своимъ великимъ днемъ.

— Фрау Венде, развѣ вы меня совсѣмъ не любите?... Чѣмъ я заслужила отъ васъ эту насмѣшку: великій день!...

— Марія, ты влюблена въ свое горе.

— Можетъ быть. Потому что мое горе—это моя жизнь.

— Но послушай!...

— Я слушаю. Я охотно готова слушать. Но скажите какое-нибудь живое слово, а не говорите, какъ всѣ другіе, которые только языки чешутъ.

— Милая моя, полное счастіе на свѣтѣ такъ же рѣдко, какъ бѣлая корова. И еще объ одномъ не забывай никогда: Господь Богъ даже послѣдняго негодяя обманетъ рѣже, чѣмъ братъ брата. А твоя душа какъ голубь чиста.

— Да, братъ... но чужой!...—возразила Марія, не понявъ смысла витіеватой мудрости своей хозяйки.

— Чужой? Развѣ Экснеръ для тебя чужой? Если такъ, Марія, тогда я тебѣ скажу: поди, верни ему слово. Теперь еще можно, послѣ же будетъ поздно. А что это значитъ „слишкомъ поздно", голубушка моя, про то я тебѣ только скажу: упаси тебя Богъ отъ такой бѣды.

Фрау Венде остановилась. Она дышала быстро и прерывисто, какъ дѣти, которыя идутъ черезъ темную комнату. А когда она снова заговорила, ея голосъ звучалъ утомленно и хрипло:

— Впрочемъ, правда, когда слово дано, тутъ ужъ дѣло особое. Это—какъ съ курицей, когда она стоитъ на верхней жердочкѣ передъ насѣстомъ. Хочетъ она сойти съ мѣста, такъ ей только два пути: либо въ гнѣздо, либо внизъ спуститься... Дѣлай, какъ знаешь. Хорошо постелешь, хорошо и поспишь. Но думать брось. Судьба, милая, каждому человѣку по его мѣркѣ отмѣрена, и о томъ мечтать, что не про насъ, это значитъ только недовольство въ себѣ рождать, помочь же—все равно ничему не поможешь.

Сказавъ это, она взобралась по лѣсенкѣ и исчезла въ курятникѣ. Марія подняла корзину съ рѣпой и отнесла ей домой.

Въ продолженіе многихъ дней и ночей погружалась ея душа въ мудрость фрау Венде. Сначала все вокругъ нея было сѣро, туманно, но за этой мглой, казалось, стояло что-то твердое и прочное. Ея прежняя душа какъ будто засыпала постепенно, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли всѣ прежнія надежды, всѣ страстныя мечты о красавцѣ мужѣ и богатой, привольной жизни въ большой усадьбѣ. Но странно: когда эти заманчивые голоса перестали звучать, Марія не почувствовала никакой мучительной боли.

Она почти не содрогнулась даже. Освобожденной казалась она себѣ, потому что ничто уже не стояло за ней и не загоняло ея въ недостойные углы, какъ это было все послѣднее время. Горечь и озлобленіе мало-по-малу спали съ нея. Тихій огонекъ засвѣтился въ ея глазахъ. Трезвое спокойствіе мыслей было ей невыразимо пріятно послѣ всѣхъ этихъ судорогъ.

Она увидѣла, что всѣ люди идутъ согбенные и несутъ каждый свое бремя—одни въ нищетѣ и мукахъ, другіе въ богатствѣ и горѣ. Ея хозяйка съ разбитой жизнью усердно работала, смѣялась, рожала дѣтей и любила ихъ, несла тяжелый крестъ, но не падала подъ нимъ. И когда Марія смотрѣла на нее, на эту высокую худую женщину съ морщинистымъ блѣднымъ лицомъ и кроткими глазами, медленная серьезность которыхъ составляла такой контрастъ съ живостью всѣхъ ея движеній, тогда ей часто казалось, что ея хозяйка согрѣта лучами какого-то невидимаго свѣта, и она впервые смутно почувствовала возможность глубокой благодати даже въ неудачной жизни. Это смутное сознаніе, что за кажущейся раздробленностью жизни стоитъ неумолимая, все уравнивающая сила, снова привело ее къ вѣрѣ, что Богъ взялъ ея жизнь въ Свои руки и Самъ ведетъ и направляетъ ее.

Однажды ночью ее посѣтили странныя мучительно-блаженныя видѣнія, и когда она проснулась утромъ, она улыбалась улыбкой человѣка, который вѣритъ и ждетъ.

Спокойно принялась она въ тотъ день за работу. Правда, въ ней зашевелился было страхъ передъ тѣмъ, что̀ будетъ, если судьба обманетъ ея надежды. Но она вспомнила великую любовь и могущество Бога и отбросила всѣ сомнѣнія, сложивъ ихъ туда же, куда раньше сложила безполезныя муки своей оконченной борьбы. Твердымъ шагомъ, устремивъ взглядъ впередъ, она „слѣдовала за нимъ". Но свою близость къ Богу она крѣпко замкнула въ сердцѣ, которое она даже послѣ этой глубокой перемѣны попрежнему не открывала хромому.

Она только гораздо спокойнѣе шла теперь рядомъ съ нимъ, когда они встрѣчались, и слушала все, что онъ говорилъ, серьезно и ласково. А когда онъ удивленно поглядывалъ на нее со стороны, она отвѣчала ему тихой улыбкой.

Эта перемѣна радовала его, но въ то же время онъ теперь чувствовалъ себя болѣе стѣсненнымъ въ присутствіи Маріи. Ея прежняя рѣзкость была ему ближе, понятнѣе; терпѣливая кротость отдаляла ее.

И тѣмъ не менѣе его суровая душа крѣпла, когда онъ смотрѣлъ на нее. Эта замкнутая дѣвушка, болѣе блѣдная и изящная,

чѣмъ прежде, противъ его собственной воли выманивала своими глубокими спокойными глазами изъ тайниковъ его души самыя сокровенныя мысли, въ которыхъ онъ никогда еще никому не признавался. Ея необыкновенная красота настолько увлекала его, что онъ безъ робости раскрывалъ передъ Маріей свои властолюбивые планы.

Онъ этого не хотѣлъ; десятки разъ онъ давалъ себѣ слово не говорить больше, но не выдерживалъ, хотя ни разу, когда онъ говорилъ о будущемъ, онъ не наслаждался счастьемъ взаимнаго пониманія, потому что никогда ему не удавалось зажечь въ ея глазахъ огонекъ того пламени, который горѣлъ въ его душѣ. Горькая улыбка, неподвижно устремленный передъ собою взглядъ, снисходительный звукъ—вотъ и все, чѣмъ Марія выражала свое отношеніе къ его мечтамъ.

Но однажды властолюбивыя стремленія колченогаго стали ей нестерпимы.

— Чего ты хочешь, Карлъ?—рѣзко спросила она.—Развѣ все, что снаружи, то и внутри, и все, что кругомъ, то и твое?

— Чего тамъ внутри?—съ грубой страстностью отвѣтилъ онъ.—Конечно, все должно быть у меня! Восемь человѣкъ заразъ должны молотить на моемъ гумнѣ; усадьба, какъ у Венде; коровъ цѣлое стадо, лошади... Я вамъ покажу... Всего этого еще нѣтъ, но все будетъ, положись ужъ на меня.

— Да? А кто-жъ тебѣ дастъ все это, а?

— Самъ добуду.

Этотъ разговоръ происходилъ въ началѣ декабря, въ воскресенье, когда они гуляли по уединенной тропинкѣ передъ лѣсомъ. Было пасмурно и сѣро. Съ дальнихъ рѣчныхъ долинъ поднимались блѣдные туманы и плыли въ вышинѣ. Марія устремила взоръ вдаль съ такимъ видомъ, какъ, вѣроятно, смотритъ человѣкъ, пишущій на пескѣ іероглифы, смысла которыхъ никто не можетъ понять, даже его собственная скованная душа.

— Видишь ты колокольню вонъ тамъ?—спросила она, какъ во снѣ.

— Нѣтъ!—умышленно грубо отвѣтилъ хромой.

— И Бардорфъ, и Виррвицъ съ бѣлымъ барскимъ домомъ, и Лешковицъ съ церковью и пасторатомъ... знаешь Лешковицъ?

— Ахъ, Марія, — отвѣтилъ онъ, съ минуту поглядѣвъ въ ту сторону,—не будь...

— Видишь, да?

— Не будь дурой. Вѣдь это только облака.

— И всетаки все это тамъ—и богатое село Бардорфъ, и Вирр-

вицъ, и Лешковицъ съ красивымъ пасторатомъ... Все это я въ себя приняла, и все опять изъ себя выбросила. Понимаешь?... Вотъ что *у меня* внутри, но какъ сонъ, котораго никогда, никогда не было, потому что... потому что онъ былъ... Никогда больше, слышишь, Карлъ, никогда больше не говори такъ, какъ сегодня и какъ всѣ эти разы! Мы купимъ двухъ коровъ и свиней, ну и вола, пожалуй, и будемъ жить тѣмъ, что у насъ есть. Вотъ и все. Да, да!

Она сдѣлала движеніе головой, какъ будто окончательно стряхивая съ себя что-то. Несмотря на усталость этихъ словъ, на ея лицѣ лежало выраженіе твердой силы. Держась прямѣе обыкновеннаго, пошла она дальше, и долго не обращала вниманія на хромого, который ковылялъ рядомъ съ тлѣющимъ пожаромъ въ душѣ, время отъ времени украдкой поглядывая на нее и злобно бормоча про себя:

„Ишь командуетъ, гордячка, погоди же!"

Наконецъ, Марія взглянула на него и увидѣла, что его лицо блѣдно и похоже на изрытый дождями камень. Они свернули съ тропинки, и деревня Штейндорфъ лежала прямо передъ ними въ своей неглубокой долинѣ, посылая изъ маленькихъ трубъ блѣдныя струйки дыма къ голымъ сучьямъ фруктовыхъ деревьевъ.

— Вонъ тамъ вѣдь Лисья Нора? — указывая рукой направо, спросила Марія, чтобы прервать тягостное молчаніе.

Хромой молча кивнулъ.

— Почему же хутора твоего брата не видно?

— Потому что холмъ закрываетъ его, ну и деревья,—глухо отвѣтилъ хромой.

— Я думаю, пора бы мнѣ познакомиться съ твоимъ братомъ и сестрой,—послѣ минутнаго размышленія продолжала Марія.

— Что?...

Хромой рѣзкимъ движеніемъ повернулъ къ ней голову и ошеломленно смотрѣлъ на нее.

— Съ Іозефомъ и Кэте... Съ ними?... Гм...

— Ну да. А что? Тебѣ не хочется? — спросила Марія, ничего не знавшая о его непріязни къ брату и сестрѣ.

Онъ насмѣшливо захохоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Конечно ужъ послѣ того, что я нынче услышалъ отъ тебя, теперь самое время и для этого...

И вдругъ онъ бросился бѣжать; камни такъ и сыпались изъ-подъ его хромой ноги. У перекрестка онъ остановился и сталъ поджидать Марію. Его лицо было напряженно и подергивалось.

— Что такое?—спросила она, подходя.—Въ чемъ дѣло?

Онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ воздухъ поверхъ ея головы. Выраженіе его лица было страдальческое.

— Марія...—запинаясь, началъ онъ,—Марія... видишь ли... ты совсѣмъ не знаешь, что они... когда я...

Онъ остановился, подождалъ нѣсколько минутъ, порывисто дыша, и неожиданно опять побѣжалъ. Марія медленно и спокойно пошла за нимъ. У холма, отдѣлявшаго Штейндорфъ отъ Лисьей Норы, онъ опять остановился, и когда Марія подошла къ нему, онъ сказалъ ей послѣ нѣсколькихъ судорожныхъ вздоховъ съ сдержанностью, стоившей ему большихъ усилій:

— Мы теперь тутъ! Гляди, Марія, вотъ эта дорога въ деревню, а та, наверхъ, къ нимъ. Вотъ тутъ я, а тамъ меня нѣтъ!... Поняла? Теперь дѣлай, какъ знаешь.

Не отвѣчая, Марія прошла мимо него, направляясь къ одинокому домику. Остолбенѣвъ отъ изумленія, хромой молча смотрѣлъ ей вслѣдъ. Вдругъ онъ крикнулъ:

— Марія!

Это прозвучало, какъ ревъ оленя, у котораго болѣе сильный противникъ отбилъ стадо самокъ. Дѣвушка обернулась къ нему и сдержанно отвѣтила:

— Мнѣ этотъ вздоръ надоѣлъ. Что это такое? Или иди со мной, или я сейчасъ поверну назадъ, и тогда...

Покорно, какъ на привязи, пошелъ необузданный за нею.

Іозефъ и Кэте встрѣтили Марію съ тѣмъ равнодушіемъ, подъ которымъ крестьяне скрываютъ свое смущеніе. Но простота, искренность и привѣтливость будущей невѣстки очень скоро превратили ихъ выжидательную холодность въ чистосердечное довѣріе. Немного погодя всѣ сидѣли вокругъ стола передъ чашками кофе и оживленно бесѣдовали, точно Марія никогда не была здѣсь чужой. Только хромой былъ угрюмъ и молчаливъ. Въ его глазахъ затаился подозрительный огонекъ, и блѣдное лицо время отъ времени злобно перекашивалось.

Когда стрѣлки часовъ приблизились къ девяти, Марія поднялась, чтобы итти домой. Хромой пошелъ за ней съ молчаливостью недовѣрчиваго стража.

У воротъ Кэте бросилась Маріи на шею, поцѣловала и смущенно призналась:

— Марія, ты на меня не сердись, я вѣдь думала, что ты гордячка, оттого что ты такая красивая. Но теперь я вижу, какъ люди врутъ. Не знаю, какъ и Бога благодарить...

Въ любви разстались онѣ, и Марія шла домой въ радостномъ настроеніи; на душѣ у нея было легко и свѣтло.

Вдругъ хромой, неровные шаги котораго она все время слышала за собой, схватилъ ее за руку и съ силой повернулъ къ себѣ.

— Теперь скажи мнѣ: любишь ты меня? — крикнулъ онъ съ безсильной дикостью, дрожа всѣмъ тѣломъ. Въ первый разъ со времени несчастья, искалѣчившаго его тѣло и его жизнь, его душа раскрылась и молила о любви, нѣжности и ласковомъ участіи.—Маріела, Маріела ..—лепеталъ онъ, самъ не сознавая, что говоритъ.

Съ минуту Марія стояла молча, словно ошеломленная страстной тоской его души. Наконецъ, она сказала съ холодной грустью:

— Ты вѣдь знаешь, что мы приковаиы другъ къ другу.

И, высвободивъ свою руку изъ его холодныхъ пальцевъ, она ушла съ краткимъ „прощай!"

Хромой еще долго стоялъ, какъ вкопанный, на томъ же самомъ мѣстѣ. Но когда, поднявшись на гребень холма, она оглянулась, она увидѣла, что онъ зашагалъ къ лѣсу.

Незадолго до поста эти двое чуждыхъ другъ другу людей вступили въ бракъ. Свадьба была тихая. Кромѣ Іозефа и Кэте и нѣсколькихъ ближайшихъ родственниковъ, никто не присутствовалъ на уныломъ торжествѣ. Сапожникъ не явился. Марія сидѣла за столомъ въ черномъ шелковомъ платьѣ, тихая и молчаливая, какъ всегда. Хромой ѣлъ такъ усердно, точно требовалось непремѣнно съѣсть все, что стояло на столѣ.

— Хорошая погода въ нашъ великій день, а, Марія?—замѣтилъ онъ, неутомимо жуя.—Солнце сіяетъ, дороги ровныя, снѣга нѣтъ, воздухъ тихій... Хорошій день, а?

Она должна была собрать всѣ свои силы, чтобы не разрыдаться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

10.

Бушевала весенняя буря. Ликуя, неслась она съ поднебесья и обрушивалась на сосны и ели, стряхивая съ нихъ мартовскій снѣгъ. Деревья качались, какъ пьяныя, точно захмелѣвъ отъ радости, били вѣтвями, какъ зелеными крильями, и пѣли своей хвоей бурную пѣснь.

Марія стояла въ горницѣ и прислушивалась къ радостной необузданности весеннихъ силъ. Близкій лѣсъ ухалъ и гудѣлъ;

свѣтъ и тѣни безостановочно пробѣгали по бѣлому песку, которымъ былъ усыпанъ полъ горницы. Марія долго наблюдала эту нѣмую игру у своихъ ногъ, потомъ улыбнулась, подошла къ окну и посмотрѣла на небо.

„Да, да, — думала она, — теперь въ самомъ дѣлѣ начинается весна... Да и пора уже, впрочемъ... Такъ меня и тянетъ на волю“...

А между тѣмъ, она могла бы, кажется, чувствовать себя хорошо въ своихъ четырехъ стѣнахъ. Большая изразцовая печь распространяла пріятную теплоту, новые часы съ красными розами на циферблатѣ весело тикали на бѣлой стѣнѣ, и въ дремотную тишину звонко падали жемчужины безвозвратныхъ мгновеній.

Комната была низкая, четырехугольная, съ темнымъ бревенчатымъ потолкомъ. Вдоль стѣнъ шла лавка изъ мягкаго дерева, годы котораго безъ труда можно было сосчитать подъ покрывавшай его желтой краской. Такіе же табуреты, ножки которыхъ косо были вогнаны въ толстую доску сидѣнья, стояли вокругъ большого обѣденнаго стола, занимавшаго цѣлый уголъ своей бѣлой, чисто выскобленной доской. Всюду были воткнуты еловыя вѣтки; въ простѣнкѣ между окнами висѣли три головки лани, грубо вырѣзанныя изъ дерева; портреты императорской четы и папы дополняли убранство комнаты.

Въ красномъ углу надъ столомъ находилась обычная угловая полочка, а на ней Пресвятая Дѣва—цвѣтная, сине-красная статуэтка—держала передъ собой алое сердце, устремивъ неподвижный взоръ въ сторону печки. Два ангела стояли на колѣняхъ по обѣимъ сторонамъ Пречистой, въ смиренной молитвѣ поднявъ къ ней руки, и кружочки желтой бумаги за спиной каждаго изъ нихъ изображали сіяніе. Передъ полкой висѣла лампада съ краснымъ стекломъ.

Въ правой стѣнѣ, около массивной печки, находилась дверь, величиной съ дверцы платяного шкафа, которая вела въ тѣсную каморку, гдѣ подъ маленькими оконцами, похожими на слуховыя окна, стояли двѣ кровати съ высоко взбитыми перинами. Эту убогую полутемную клѣтушку хромой предназначилъ для сна и отдыха, словно сонъ являлся зломъ, съ которымъ надо было бороться, чтобы оно не свило себѣ прочнаго гнѣзда. Замѣтивъ, что дверь полуотворена, Марія подошла, чтобы закрыть ее, но при этомъ лицо ея не освѣтилось той нѣжностью, которая обычно появляется на лицѣ молодой замужней женщины, когда она безъ свидѣтелей заглядываетъ въ свою спальню. Рѣзкимъ движеніемъ захлопнула она дверь.

Потомъ она обошла комнату и старательно, съ горнымъ видомъ, обтерла фартукомъ столъ, лавки и табуреты не столько потому, что съ нихъ требовалось удалить пыль, сколько для того, чтобы дотронуться до нихъ. Все, что стояло тутъ, она купила на собственныя деньги, а наверху, въ лѣтней горницѣ, стояли даже стеклянная горка, платяной шкафъ съ разными украшеніями и столъ и стулья съ гнутыми ножками.

Съ удовольствіемъ вспоминала она доверху нагруженный и украшенный пестрыми лентами возъ съ ея приданымъ, который лошади Венде съ трудомъ везли по ухабистой дорогѣ. Обо всемъ же, что было до этого, она не смѣла думать, потому что иначе опять пробуждалось то, что она глубоко схоронила въ себѣ и чему приказала уснуть навѣки.

Деревянная крышка печного горшка громко хлопнула.

Марія встрепенулась и съ удивленіемъ увидѣла, что сидитъ у стола безъ дѣла.

Она торопливо встала и побѣжала къ колодцу за водой.

Уже стемнѣло, и она какъ разъ засвѣтила лампу, когда вошелъ ея мужъ.

— Добрый вечеръ, Марія!

Онъ бросилъ въ уголъ топоръ, веревки и пилу, снялъ съ себя мокрую куртку и съ силой встряхнулъ ее, такъ что брызги полетѣли во всѣ стороны.

— Дождь идетъ?—спросила Марія.

— Видь за дверь—сама увидишь!—отвѣтилъ онъ, съ довольнымъ кряканіемъ сѣлъ къ столу и подперъ голову рукой.—А что коровы? Хорошо ѣдятъ? Нѣгашка больше молока даетъ?—спросилъ онъ вдругъ, грузно поднялся, зажегъ фонарь и пошелъ въ коровникъ.

Вернувшись оттуда, онъ сіялъ.

— Хоть и дорого онѣ стоили, но зато какія гладкія, рѣзвыя, да веселыя!... А свиньи—словно ласочки проворныя.

Это было сказано почти душевно, и радость еще звучала въ его голосѣ, когда онъ послѣ ужина проговорилъ:

— Работать въ лѣсу не сладко, повѣрь мнѣ.

— Такъ зачѣмъ же ты ходишь?—отозвалась жена.—Почему дома не остаешься? Не такая вѣдь тебѣ нужда.

— Денегъ всетаки добуду немного. Какъ-ни-какъ, двѣнадцать марокъ въ недѣлю зарабатываю... А скоро все равно надо будетъ бросить, какъ подойдетъ время сѣва. Тогда на поляхъ будетъ столько работы, что голова пойдетъ кругомъ... Каковы были овсы у Венде въ прошломъ году?

Маріи вспомнились загадочныя угрозы ея бывшаго хозяина, его страсть къ ссорамъ и тяжбамъ, и, желая предупредить возможность возникновенія неладовъ между нимъ и ея мужемъ, она торопливо отвѣтила:

— Очень хорошіе овсы у него были. Густые, какъ войлокъ, съ самаго начала, а къ жатвѣ всѣ колосья наливные. Вообще ты, смотри, не порть отношеній съ Венде. Вотъ ужъ хозяинъ такъ хозяинъ, совсѣмъ какъ въ книгахъ пишутъ.

Хромой вскочилъ и взволнованно заковылялъ по комнатамъ. Потомъ остановился передъ женой и съ злобнымъ смѣхомъ сказалъ:

— Человѣкъ, какъ и всѣ!

— Ну, нѣтъ!

— Какъ есть такой же. Ни на волосъ не лучше меня и другихъ. А какъ ты думаешь, дастъ онъ мнѣ мѣшокъ овса?—спросилъ онъ затѣмъ послѣ долгаго молчанія.

— Спроси у него,—немного раздраженно отвѣтила Марія.

Послѣ этого они молча еще посидѣли съ полчаса, потомъ хромой кивнулъ головой, и они отправились спать.

На слѣдующее утро онъ чуть свѣтъ опять заковылялъ въ лѣсъ, съ инструментами на плечѣ, суковатой дубинкой въ рукахъ и холщевой сумкой на боку, а для Маріи снова начался обычный кругъ трудового дня.

Работать, работать, работать. Думать только о работѣ; отдавать ей всѣ свои силы; говорить только о работѣ. Изъ дома въ коровникъ, изъ коровника къ колодцу, отъ колодца къ дому; бѣгать вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, подметать, выколачивать, убирать, никогда не сидѣть, сложа руки, никогда не отдыхать, охотиться за пылинками, заботиться о мелочахъ, никогда не смотрѣть черезъ ограду. Это было торопливое, однообразное верченіе въ колесѣ, при которомъ исчезали всѣ мечты, душа погружалась въ оцѣпенѣніе, сердце умолкало, глаза видѣли только то, что было передъ ними, слухъ тупѣлъ отъ обыденныхъ звуковъ. Солнце всходило—для Маріи оно не свѣтило; день угасалъ и былъ сейчасъ же забытъ.

Случилось то, чего она хотѣла.

Она заснула въ одури безпрерывнаго труда.

А пока она спала, земля проснулась—проснулась къ вѣчноюной тысячелѣтней грёзѣ весны. Теплымъ тихимъ дождемъ смыла она со своего лица грязную коросту снѣга, тайно сбросила съ себя въ лунныя ночи послѣдніе покровы и оросила свои груди молодящей росой, пока однажды утромъ не предстала во всей

своей красотѣ. Тутъ она взметнула къ небу съ черныхъ дымящихся полей переливчатыя трели жаворонковъ, изъ молодой зелени каждаго дерева, каждаго куста выманила изумленно-радостное щебетаніе и послала въ долину своихъ малютокъ-дочерей—волны горныхъ ручейковъ. Высоко подобравъ свои бѣлыя юбочки изъ пѣны, запрыгали онѣ по камнямъ, напѣвая при этомъ свою неизмѣнную дорожную пѣсенку—такъ весело, такъ изъ глубины души, что подснѣжники проснулись, и первоцвѣты влюбленно смотрѣли вслѣдъ убѣгающимъ струямъ.

А въ солнечныхъ лучахъ уже порхали первыя бабочки, и воздухъ казался еще неподвижнѣе отъ трепыханья ихъ пестрыхъ крыльевъ.

Однажды подъ вечеръ хромой и Марія стояли передъ домомъ, обвѣянные мягкимъ вѣтромъ, и оглядывали свои поля, совѣщаясь о будущихъ работахъ. Все ихъ владѣніе представляло собой узкую полосу земли, не больше двухсотъ шаговъ въ ширину и тысячи въ длину—въ общемъ около четырехъ десятинъ. Съ сѣвера и съ востока этотъ удлиненный четырехугольникъ граничилъ съ лѣсомъ Венде, а съ двухъ остальныхъ сторонъ находилась насыпь изъ безпорядочно нагроможденныхъ другъ на друга камней—стѣна, какъ называютъ такія ограды штейндорфцы.

Раньше это была пустошь, которую покойный отецъ Венде, находясь въ денежномъ затрудненіи, продалъ отцу Экспера.

— Боже ты мой, что тутъ было двадцать лѣтъ тому назадъ,— проговорилъ хромой, съ удовольствіемъ глядя на зеленѣющіе всходы озимей.—Камни, камни вездѣ, точно ихъ посѣяли! Идиме съ добрую печку величиной. Да, не легкая эта была работа. Гляди, какая стѣна. Въ этихъ камняхъ много поту и много лѣтъ труда. Но во всякомъ случаѣ трудъ не пропалъ даромъ. Землица хорошая, хоть и легкая немного. Если ее хорошо унавоживать, она ужъ уродитъ. Только на нижнемъ полѣ, гдѣ я хочу посѣять кормовую траву, плугъ не беретъ глубоко. Не знаю, не лучше ли еще разъ обработать его киркой?

— Тамъ посмотришь, какъ начнешь пахать!—отвѣтила Марія.

На слѣдующее утро они приступили къ полевымъ работамъ: вывезли и разбросали навозъ, а потомъ плугъ провелъ глубокія борозды въ черной землѣ, отъ которой паръ шелъ на солнцѣ и распространялось благоуханіе, сулившее, казалось, плодородіе и обильную жатву.

Высоко въ синевѣ носились жаворонки, словно на звенящихъ крыльяхъ, черные грачи важно шагали за блестящимъ сошни-

комъ плуга, изъ ближняго лѣса раздавалось тысячеголосое пѣніе, точно всѣ его безчисленные иглы превратились въ звучащіе клювики, и всюду кругомъ слышались хлопанье бичей, громкіе окрики и веселыя пѣсни.

Вскорѣ и борона прошлась въ послѣдній разъ, и начался посѣвъ овса. Это былъ на рѣдкость хорошій овесъ, тяжелый и крупный, и хромой хвалилъ про себя хозяйственныя способности Венде, отецъ котораго въ свое время былъ всего-навсего гвоздаремъ.

Покончивъ съ посѣвомъ—остальныя поля онъ засѣялъ картофелемъ и яровой рожью—онъ попробовалъ вспахать нижній участокъ. Но хотя онъ и поставилъ сошникъ для мелкой борозды, тотъ черезъ каждые два шага застревалъ въ камняхъ. Тогда онъ выпрягъ коровъ, отвелъ ихъ назадъ въ хлѣвъ и принялся за другую работу: въ узкомъ пространствѣ между оградой и задней стѣной дома посадилъ рядъ сливовыхъ и вишневыхъ деревьевъ, а справа и слѣва отъ широкаго отверстія въ насыпи, которое замѣняло ворота, выкопалъ ямы для двухъ пирамидальныхъ тополей.

— Ну, тополей ты могъ бы и не сажать,—неодобрительно замѣтила Марія, которая засаживала нѣсколько цвѣточныхъ грядокъ передъ домомъ резедой, майораномъ, левкоями и желтофіолемъ. Но едва сказавъ это, она подняла голову и внимательно стала всматриваться вдаль, на дорогу, гдѣ мужчина и мальчикъ что-то катили на телѣжкѣ,—не потому, что это дѣйствительно заинтересовало ее, а потому, что этимъ подчеркнутымъ любопытствомъ она надѣялась ослабить впечатлѣніе невольно вырвавшагося у нея порицанія.

И, казалось, она разсчитала правильно. Колченогій положилъ заступъ, выпрямился и тоже посмотрѣлъ на дорогу.

— Ты не видишь, кто это?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не разберу. Они везутъ что-то... что-то тяжелое. Можетъ быть, гробъ? Вѣдь Францъ Тоне умеръ.

— Какой тамъ гробъ! Они вовсе и не въ ту сторону идутъ... Да намъ-то что за дѣло, впрочемъ!

Съ этими словами хромой опять нагнулся къ своему заступу. Марія повернулась и пошла къ дому.

— Постой!—грубо крикнулъ онъ вдругъ ей вдогонку.—Ты что это сказала давеча про тополи?

— Я только думала, что и безъ нихъ можно обойтись,—отвѣтила Марія съ примирительной улыбкой.

— Это потому, что у Венде они есть, да? Именно поэтому я ихъ и сажаю!

— Но ты знаешь вѣдь, какой онъ смѣшной. Какъ бы онъ не принялъ это въ обиду...

— Всякое дерево вольно расти, гдѣ ему угодно, а въ общемъ, Венде ничего мнѣ указывать не смѣетъ.

— Да, да, какъ хочешь, Карлъ. Мнѣ все равно...

Но эти спокойныя слова подѣйствовали на хромого, какъ капля масла, попавшая въ огонь: его тлѣвшее раздражаніе вспыхнуло яркимъ пламенемъ.

— Нечего тутъ: Карлъ!—гнѣвно крикнулъ онъ.—Что сынъ гвоздаря можетъ дѣлать, то я и подавно могу! Все Венде да Венде! Что я, часы, что ли, которые онъ заводитъ?

Марія ничего не отвѣтила и, взявъ ушатъ, стоявшій у стѣны, скрылась за угломъ дома. Колченогій проворчалъ что-то ей вслѣдъ и усердно продолжалъ свою работу.

Съ дороги между тѣмъ все яснѣе доносился скрипъ телѣжки. Хромой выпрямился. Телѣжка была уже совсѣмъ близко. Какой-то школьникъ неловкими движеніями тянулъ ее за дышло, а сзади шелъ Фрейвальдъ и поддерживалъ доски, которыми она была нагружена.

— Ну, вотъ и я,—сказалъ старикъ, протягивая хромому руку.

— Домикъ для колодца?—спросилъ тотъ.

Фрейвальдъ кивнулъ головой и обстоятельно началъ разсказывать, почему онъ такъ задержался съ этой работой.

— Только нынче никто не хочетъ ждать,—закончилъ онъ свое пространное объясненіе.—Всѣ нынче дѣлаютъ ту же ошибку: думаютъ, что человѣкъ существуетъ для работы, а не работа для человѣка.

— Ты все сдѣлалъ такъ, какъ я тебѣ велѣлъ?—нетерпѣливо перебилъ его хромой.

Фрейвальдъ кивнулъ головой:

— Да, да. Стѣнки зеленыя, крыша красная. А гдѣ же твоя жена?—неожиданно спросилъ онъ и пытливо посмотрѣлъ на Экспера.

— Въ домѣ, должно быть, гдѣ ей быть?—равнодушно отвѣтилъ хромой.

Въ эту минуту Марія появилась у окна и ласково отвѣтила на привѣтливый поклонъ старика.

— И красавица же она у тебя, Эксперъ! Настоящая Матерь Божья! Ужъ ты ее долженъ на рукахъ носить.

Хромой только пренебрежительно засмѣялся.

— Да, да, слышу, — сказалъ старикъ. — Тебѣ еще надо привыкать къ свѣту... Ну, теперь ступай, дѣлай свое дѣло. Когда кончу, я тебя позову.

Экснеръ охотно ушелъ подальше отъ неподкупныхъ зоркихъ глазъ старика, а Фрейвальдъ съ задумчивымъ лицомъ принялся за свое дѣло.

Къ вечеру онъ кончилъ. Какъ разряженная дѣвушка, стоялъ домикъ у входа во дворъ, которому онъ придавалъ веселый видъ своей яркой окраской.

Старикъ пошелъ въ домъ. Въ горницѣ онъ засталъ одну Марію, занятую приготовленіями къ вечернему кофе. Онъ опустилъ руку въ висѣвшую у двери кропильницу и трижды окропилъ полъ святой водой, приговаривая: „Благослови Богъ домъ сей и хлѣвъ". Потомъ онъ еще разъ помочилъ пальцы и перекрестилъ—сначала лобъ Маріи: „чтобы мысли были добрыя", потомъ ротъ: „чтобы рѣчь была хорошая" и, наконецъ, ея грудь. Тутъ волненіе осилило его; онъ долго молча смотрѣлъ на бѣлокурую, склоненную голову молодой женщины, не будучи въ состояніи говорить. Только когда Марія подняла къ нему лицо, онъ тихо произнесъ:

— Вы, женщины, носите вашъ крестъ спереди. Такъ неси и ты съ готовностью то, что тебѣ положено нести.

Въ эту минуту лучъ заходящаго солнца упалъ черезъ окно прямо на нихъ.

— Смотри, Марія, Господь улыбается,—сказалъ старикъ и отвернулся къ окну, чтобы скрыть свое волненіе.

Оба еще молчали, когда вошелъ Экснеръ. Онъ подозрительно оглядѣлъ ихъ.

— Да, да, Карлъ, молодую жену ни на минутку не слѣдуетъ оставлять одну. Только отвернешься, а старики, глядь, ужъ льнутъ къ ней, какъ мухи къ меду.

Этой шуткой онъ отвѣчалъ на взглядъ хромого, но тотъ только сдѣлалъ гримасу, сѣлъ за столъ, придвинулъ къ себѣ чашку кофе и хмуро пригласилъ старика:

— Садись и ты, выпей кофейку съ нами.

Прихлебывая кофе, старикъ заговорилъ о погодѣ:

— Лѣто будетъ очень сухое,—заявилъ онъ,—всѣ примѣты на то указываютъ: въ колодцахъ вода стоитъ вездѣ уже ниже, чѣмъ въ прошлые годы, и появились огромныя мохнатыя гусеницы, и кукушка прилетѣла раньше обыкновеннаго, и скотъ рано началъ линять...

Экснеръ, наоборотъ, полагалъ, что лѣто будетъ дождливое, и въ доказательство приводилъ свои примѣры. При этомъ онъ случайно взглянулъ черезъ окно.

— Да ты выкрасилъ доски въ красный цвѣтъ!—запальчиво крикнулъ онъ вдругъ.

Фрейвальдъ улыбнулся и кивнулъ головой.

— Да, эти двѣ доски, что смотрятъ на домъ. Вѣдь онѣ въ тѣни, а красная краска переноситъ тѣнь лучше, чѣмъ зеленая. Зеленая въ сырости скоро отстаетъ.

Потомъ онъ поблагодарилъ за угощеніе и поднялся:

— Ну, пойдемъ къ колодцу, посмотри, ладно ли все сдѣлано.

На дворѣ они обошли вокругъ домика. Экспертъ постучалъ по доскамъ, попробовалъ, крѣпко ли сидитъ крыша, внимательно осмотрѣлъ все. Домикъ былъ безъ изъяна. Ни одной трещины въ брусьяхъ, всѣ стѣнки стояли прямо, какъ по ватерпасу.

— Теперь проводи меня немного,—сказалъ Фрейвальдъ, пославъ мальчика съ телѣжкой впередъ.

За оградой, уже на землѣ Венде, старикъ остановился, оглядѣлся, нѣтъ ли кого поблизости, а затѣмъ устремилъ на хромого торжественно-серьезный взглядъ.

— Здѣсь насъ никто не слышитъ, кромѣ неба да земли. Здѣсь я могу сказать тебѣ то, что я долженъ и хочу сказать. Доски къ дому я нарочно выкрасилъ въ красный цвѣтъ. Красный цвѣтъ—это гнѣвъ и злоба, брань и ругань, а не то такъ даже побои и кровь. Чтобы ты сдерживалъ себя и тормозилъ свою телѣжку кротостью, когда она у тебя начнетъ катиться съ горы—вотъ для чего я выкрасилъ эти двѣ доски въ кровавый цвѣтъ.

— Какое тебѣ дѣло до моей жизни, Фрейвальдъ?—негромко спросилъ хромой и угрожающе пододвинулся къ старику.

— Вотъ видишь, какъ я правъ,—безстрашно отвѣтилъ тотъ и улыбнулся.—Развѣ я бросаю въ тебя камнями, Карлъ, а не желаю тебѣ добра?

— Болтай, болтай, языкъ безъ костей!

Этими словами, сопровождавшимися злымъ смѣхомъ, хромой положилъ конецъ разговору и, не простившись, заковылялъ домой. Старикъ сдѣлалъ было шагъ за нимъ, но потомъ покачалъ головой и, грустный, пошелъ своей дорогой.

Въ комнатѣ хромой нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголъ, потомъ остановился передъ женой.

— Что Фрейвальдъ тебѣ говорилъ передъ тѣмъ, какъ я вошелъ?

— То, что онъ всегда говоритъ: ласковыя и хорошія слова,—откровенно отвѣтила Марія.

— Старая онъ обезьяна, вотъ онъ кто!

Экспертъ вышелъ, сильно хлопнувъ дверью.

Весь вечеръ молодая женщина тщетно ломала голову надъ

вопросомъ, за что мужъ такъ разсердился на нее. Спросить его самого гордость ей не позволяла, и ночь сомкнула обоимъ вѣки, не примиривъ ихъ.

11.

За этимъ тяжелымъ днемъ опять послѣдовали болѣе легкіе, и неразогнанной тѣни между супругами какъ будто и не бывало. Но въ дѣйствительности она не исчезла, а лишь опустились въ тѣ невѣдомыя глубины души, гдѣ растетъ и зрѣетъ наша судьба.

У хромого она соединилась тамъ съ его давнишнимъ человѣконенавистничествомъ и возбудила безсознательное недовѣріе къ женѣ,—недовѣріе, которое заставляло его взвѣшивать каждое слово, прежде чѣмъ оно покидало его уста, придавало его мыслямъ тайное недоброжелательство и вызывало въ его глазахъ злобный огонекъ, когда они смотрѣли на красоту Маріи.

На Марію это дѣйствовало, какъ леденящее дуновеніе, и хотя она не знала за собой никакой вины, она всетаки была недовольна собою.

Среди этихъ противорѣчивыхъ чувствъ были закончены послѣднія полевыя работы, и въ воскресенье Марія опять могла пойти въ церковь.

Въ приподнятомъ настроеніи, какъ бы облегченная, вышла она изъ дому въ пять часовъ утра. Солнце какъ разъ всходило надъ лѣсами дальнихъ снѣжныхъ горъ. Въ долинахъ еще рѣяли бѣлые туманы, трава и кусты были покрыты росой, изъ лѣсу доносилось прерывистое сонное щебетаніе.

Мирная красота природы подѣйствовала на душу одинокой путницы такъ благотворно, точно ей неожиданно встрѣтился милый старый другъ, котораго она давно не видала.

Когда Марія поровнялась съ усадьбой Венде, изъ воротъ вышла ея бывшая хозяйка и со своей обычной говорливой сердечностью весело привѣтствовала ее:

— Вотъ хорошо! Счастливо, говорятъ, то утро, когда встрѣчаешь молодуху. Какъ ты поживаешь, мнѣ и спрашивать не надо,—и такъ видно.

— Да, Бога гнѣвить нечего.

На Марію вдругъ напало уныніе, и эти слова были сказаны нерѣшительно, сдавленнымъ голосомъ.

— Конечно, милая, я вѣдь знаю, что ты мѣтила выше, что тебѣ хотѣлось чего-нибудь получше. Но теперь ты вѣдь довольна, да? и не раскаиваешься?

— Нѣтъ, нѣтъ. Нисколько. Все хорошо. Совсѣмъ, совсѣмъ

хорошо. Благодарю васъ. Вѣдь это васъ, если я подумаю хорошенько, я должна благодарить за все.

Марія говорила громкимъ голосомъ, отрывисто, жестко и съ горечью. Ея глаза наполнились слезами.

Фрау Венде нагнулась и посмотрѣла ей въ лицо:

— Да ты плачешь, никакъ? — испуганно воскликнула она.

— Да, какъ подумаю я обо всемъ, что пережила, я не могу ничего подѣлать съ собой, горе одолѣваетъ меня.

— Могу себѣ представить. Но ты раскрой глаза пошире, — такъ, чтобы въ нихъ было мѣсто и тебѣ самой и всей твоей жизни. А то, смотри, тѣнь возьметъ верхъ надъ тобой, а такая черная тѣнь въ насъ ненасытна...

— И Божьему храму тоже, — тихо добавила Марія, потому что какъ разъ въ эту минуту вдали выныряла изъ тумана колокольня лешковицкой церкви, и ея шпиль, какъ исполинскій палецъ, казалось, грозилъ несчастной молодой женщинѣ.

— Да, конечно,—согласилась фрау Венде.

Молча продолжали онѣ путь, а въ церкви разстались, обмѣнявшись серьезнымъ взглядомъ.

Во все время обѣдни Марія сидѣла съ опущенными глазами, потому что была не въ силахъ смотрѣть на пеструю игру красокъ и свѣта передъ алтаремъ. Все ошеломляло ее, оглушало, оттѣсняло назадъ въ ея собственную жизнь, которую она не понимала. Тогда она прикрыла глаза рукой и горячо стала молиться, стремясь приблизиться своими безпомощными мыслями и всей своей жаждущей душой къ неисповѣдимой сѣни господней, которая стала для нея глубже и жизненнѣе съ тѣхъ поръ, какъ служитель алтаря такъ провинился передъ ней.

Вдругъ ея взглядъ упалъ на открытый молитвенникъ, и она прочла: „Возьми крестъ свой и слѣдуй за Мной“.

И неожиданно она поняла, что съ самаго начала ихъ злосчастной помолвки она провинилась передъ мужемъ тѣмъ, что относилась къ нему не такъ, какъ должна была относиться,—особенно же въ тотъ воскресный вечеръ, когда невдалекѣ отъ Лисьей Норы онъ молилъ ее о любви. Она рѣшила быть съ нимъ ласковой отнынѣ, заставить себя полюбить его и избѣгать всего, что можетъ быть ему непріятно.

И мало-по-малу трепетное волненіе ея души улеглось, смѣнившись тѣмъ оцѣпенѣніемъ, которое она называла „миромъ“.

Чтобы еще больше укрѣпить въ себѣ одиночествомъ свое благое намѣреніе, она переждала, пока всѣ прихожане покинули церковь, и совсѣмъ одна пошла домой черезъ лѣсъ.

Она шла безъ мыслей, вся претворившись въ чувство, какъ проходятъ съ закрытыми глазами по сказочному міру, волшебная красота котораго тѣмъ не менѣе проникаетъ, пьяня и чаруя, въ нашу душу черезъ тысячи тайныхъ поръ.

Вдругъ она увидѣла фіалку, укромно спрятавшуюся подъ блестящими листьями. Быстро нагнулась она и сорвала цвѣтокъ, чтобы украсить имъ платье. Но, выпрямляясь, она подняла глаза и замѣтила между стволами свой домъ, глядѣвшій на нее хмурыми оконцами. Тогда она бросила цвѣтокъ на землю и крѣпко придавила его ногой.

На лавкѣ подъ окнами сидѣлъ рядомъ съ ея мужемъ кто-то чужой. Внимательно вглядѣвшись, она къ своему удивленію узнала сапожника Клозе.

Онъ сидѣлъ неподвижно, сгорбившись, опустивъ плечи, какъ сидятъ люди, пришибленные жизнью. Несмотря на воскресный день, на немъ была будничная одежда, и сквозь разорванные штаны на колѣняхъ просвѣчивало грязное тѣло. Лицо его цвѣтомъ напоминало свѣтло-желтую сапожную кожу, глаза съ воспаленными вѣками смотрѣли передъ собой пустымъ взглядомъ, растрепанные усы безпорядочно свисли на блѣдныя губы.

Очевидно, его постигло какое-то большое несчастье, разъ онъ покинулъ свое добровольное одиночество и пришелъ сюда, гдѣ онъ вѣдь долженъ былъ встрѣтиться съ ней, Маріей, которая такъ зло насмѣялась надъ нимъ. Выступивъ изъ-за скрывавшихъ ее деревьевъ, она съ ласковымъ привѣтствіемъ подошла къ нему.

Онъ порывисто выдернулъ руку изъ кармана штановъ и протянулъ ее Маріи, но, избѣгая ея взгляда, нагнулся къ кошкѣ, которая прибѣжала и стала тереться о юбку своей хозяйки.

— Но на кого ты похожъ, Густе! Какой у тебя видъ! — воскликнула Марія, глубоко взволнованная.

Сапожникъ провелъ дрожащей рукой по мягкой шерсти кошки и, не поднимая глазъ, проговорилъ фистулой:

— Кися, кися, кися!

Вдругъ онъ выпрямился и рѣзко сказалъ:

— Такой видъ, какой бываетъ, когда не знаешь, куда податься!

Потомъ онъ опять молча уставился передъ собой.

Немного погодя онъ продолжалъ:

— Кто въ наши дни заботится о своихъ родителяхъ, тотъ самый настоящій дуракъ! — Его хриплый голосъ звучалъ злобно. — Но что тутъ подѣлаешь? Корпишь день-денской надъ ра-

ботой, тянешь да тянешь дратву до поздней ночи, чтобы старуха мать не умерла съ голоду, и забываешь при этомъ, что ты самъ тоже человѣкъ, и становишься шутомъ гороховымъ, надъ которымъ всякій потѣшается. Но ладно, пусть! Что тебѣ положено, то и надо дѣлать, не ропщи, а кто слыхалъ, чтобы я когда-нибудь жаловался?

Онъ остановился и ждалъ отвѣта. Но хромой и Марія молчали. Тогда онъ заговорилъ снова, все болѣе и болѣе волнуясь:

— Но развѣ я одинъ у матери?... Вѣдь Павла... А, чортъ!... Вотъ изъ-за этого я и напился, и валялся въ канавахъ, и ночевалъ въ лѣсу.

Онъ нѣсколько мгновеній боролся самъ съ собой, моргая глазами и кусая губы, потомъ рѣшительно взмахнулъ кулакомъ, точно швырнулъ отъ себя камень, и потерялъ всякую власть надъ собой:

— Вдругъ является!... Приходитъ вдругъ въ пятницу... какъ разъ въ пятницу, будто другого дня нѣтъ на недѣлѣ... Я сижу себѣ и вбиваю послѣдній гвоздь въ каблукъ сапога рыжаго Кленнера... Вдругъ открывается дверь... Я думалъ, меня ударъ хватитъ. Павла—въ Силезіи вѣдь она служила,—Павла стоитъ въ дверяхъ,—ни взадъ, ни впередъ, и плачетъ и смѣется, смѣется и плачетъ... кинула свой узелъ на полъ, сама на него, закрыла лицо руками и реветъ такъ, что просто жалость... нѣтъ, не жалость, къ чорту ее, проклятіе... Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Поднялъ ее и кричу: „Отъ кого у тебя?“... Сначала молчитъ. Тихо стало, точно въ лѣсу поутру. Потомъ давится, давится... сказала. Отъ такого шаромыжника, у котораго у самого ни отца, ни матери, ни кола, ни двора, который только, знай, шатается по свѣту да дѣтей приживаетъ, точно и безъ того мало людей на свѣтѣ, и точно жить на землѣ невѣсть какая радость... Ну, и скажи послѣ этого, что есть Богъ?... Зарабатываешь ровно столько, что у матери есть кусокъ хлѣба съ картошкой, а тутъ приходитъ эта тварь—теперь, какъ разъ теперь, когда работы больше нѣтъ, когда всѣ, у кого здоровыя ноги, ходятъ босикомъ. Ни гроша денегъ, голодъ, нищета, не знаешь, куда податься...

Послѣднія слова онъ произнесъ съ отчаяніемъ, вполголоса, какъ бы про себя. Потомъ поникъ головой и беззвучно зашевелилъ губами.

— Ну, Густе, развѣ ты не знаешь, что тебѣ надо дѣлать?— заговорилъ Экперъ, дрожа отъ возбужденія.—Тряпка ты, что ли? Знаешь вѣдь, что полагается такой дѣвкѣ!

Съ дикимъ хохотомъ сапожникъ поднялъ голову.

— Мнѣ-то не знать, Карлъ? Мнѣ?... Волосы такъ и летѣли. Мать кричала и отъ страха съ лавки свалилась. У меня ужъ молотокъ былъ въ рукѣ. Замахнулся и думаю: А, къ чорту ее!... Но тутъ меня вдругъ точно что-то остановило. Пришелъ я въ себя, посадилъ мать на лавку, прислонилъ ее къ стѣнкѣ, взялъ шапку— и къ двери. На порогѣ еще обернулся и крикнулъ: Ну, смотри теперь, дѣвка!

— Ты ее билъ, Густе, а ребенокъ? Не понимаешь ты развѣ, что ты, можетъ быть, уже сталъ убійцей? — сказала Марія съ блѣднымъ лицомъ.

Сапожникъ сидѣлъ, насупившись, и только покачалъ головой:

— Ребенокъ?... Ха-ха-ха! Даже смѣшно, — глухо проговорилъ онъ, и вдругъ выпрямился и поднесъ къ лицу Маріи раскрытую ладонь.—Но вотъ, Марія, возьми кольцо!

Молодая женщина удивленно посмотрѣла сначала на его пустую руку, потомъ на его напряженное лицо и подумала, что онъ сошелъ съ ума.

— Не бойся, я въ разсудкѣ, — съ усмѣшкой сказалъ онъ, быстро перевернулъ руку, какъ будто сбрасывая что-то, и началъ топтать землю ногами, точно тамъ лежала вещь, которую онъ хотѣлъ уничтожить. Потомъ онъ разразился визгливымъ хохотомъ. — Если правда то, что ты давеча сказала про ребенка, тогда ты должна найти тутъ кольцо, которое я растопталъ. Ха-ха!... Ну, да все равно. Если бы тутъ и было кольцо, ты вѣдь не нагнешься за тѣмъ, что идетъ изъ моихъ рукъ. Вѣдь воняетъ! Знаю, что воняетъ.

Блѣдный, полный скорби, онъ долго неподвижно смотрѣлъ на Марію, которая не могла выдержать его пристальнаго взгляда. Наконецъ, онъ очнулся отъ своей тяжелой задумчивости и печально проговорилъ:

— А если и вправду есть то, чего еще нѣтъ... Ахъ, ты Боже мой, вѣдь я вѣрю... Можетъ быть, во всемъ виновата только моя голова, то-есть вся наша жизнь насъ только морочитъ. Ну, да... Но когда этакое невидимое отнимаетъ у тебя все, все, что у тебя есть, всю твою убогую надежду, и у тебя ничего не остается, кромѣ водки... нѣтъ, ты не знаешь, каково это!

Помолчавъ съ минуту, онъ опять обратился къ Маріи, но теперь къ горечи въ его голосѣ примѣшались дрожащія, мягкія нотки, точно онъ обидѣлъ ее чѣмъ-то и долженъ былъ просить прощенія, а въ его печальныхъ глазахъ появился блескъ, свѣтившій только для нея.

— Скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать, и я сейчасъ же пойду домой, и слова не скажу больше, и буду такой, какъ всегда.

Хромой сидѣлъ, задумавшись, и, казалось, уже давно не слушалъ разговоръ сапожника съ Маріей. Но теперь онъ повернулся къ Клозе и спросилъ:

— Въ чемъ же бѣда, собственно? Чего тебѣ нехватаетъ?

— Разъ ты спрашиваешь, Карлъ, то я тебѣ отвѣчу: главнаго нехватаетъ,—денегъ.

— Ну, Густе, коли дѣло только за этимъ стало, ты голову не вѣшай. Если хочешь работать, приходи ко мнѣ. Я хочу заново перекопать нижнее поле, такъ ты мнѣ поможешь. Будешь получать по восьми гривенъ въ день и харчи. Если согласенъ, вотъ тебѣ моя рука.

Но сапожникъ не взялъ протянутой ему руки.

— Это какъ же, значитъ? Чтобы я цѣлые дни былъ здѣсь? Какъ свой человѣкъ въ твоемъ домѣ? Сидѣлъ за твоимъ столомъ?... Нѣтъ, этому не бывать!—Онъ вскочилъ.—Прощай! Думай, что меня тутъ и не было.

Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и лицо его побѣлѣло, какъ мѣлъ.

Хромой схватилъ его за руку и не выпускалъ.

— Густе! Приди въ себя! Рехнулся ты, что ли?

Клозе дѣлалъ отчаянныя попытки разжать желѣзные пальцы хромого и растерянно лепеталъ:

— Неужели же мнѣ лгать тебѣ, обманывать тебя, хитрить съ тобой!... Оставь меня, оставь. Я долженъ бѣжать. Черезъ лѣса, черезъ рѣки, мимо людей, мимо домовъ, все дальше и дальше, пока не грохнусь наземь и не издохну...

Экеперъ вскочилъ, обхватилъ его обѣими руками и боролся съ изступленнымъ, пока тотъ не повисъ безсильно на его рукахъ. Тогда, тяжело дыша, онъ выпустилъ его.

— Ну, и силъ у тебя, Густе! Никто бы не повѣрилъ, глядя на тебя. Но теперь образумься. Ничего дарить тебѣ я вѣдь не собираюсь. И вотъ тебѣ плата впередъ за одинъ день, чтобы твои дома не сидѣли безъ денегъ.

Клозе не пошевелился, и хромой самъ сунулъ ему монеты въ карманъ. Потомъ онъ обратился къ женѣ:

— А ты, Марія, сбѣгай скорѣе домой и принеси ему крынку молока, коровай хлѣба и кружокъ масла!

Марія торопливо ушла и черезъ нѣсколько минутъ съ трогательно-счастливымъ выраженіемъ на лицѣ протянула сапожнику принесенное.

Клозе стоялъ, какъ окаменѣлый, и съ ужасомъ смотрѣлъ на красивую молодую женщину, которая ласково упрашивала его:

— Возьми, Густе, сдѣлай мнѣ одолженіе, возьми и не сердись на меня.

Наконецъ, онъ взялъ, краснѣя, подарки, пробормоталъ что-то и ушелъ, какъ во снѣ. Хромой и Марія проводили его до ограды и долго смотрѣли ему вслѣдъ.

У Маріи было такое чувство, точно вмѣстѣ съ этимъ несчастнымъ ее покинуло какое-то великое невыразимое горе.

Человѣкъ, съ которымъ она себя связала, какъ съ мрачной неотвратимой судьбой, вдругъ оказался существомъ, которому она могла дать мѣсто въ своемъ сердцѣ, потому что онъ милосердно помогъ безутѣшному. Ею овладѣло счастливое, благоговѣйное настроеніе.

Въ эту минуту она стала его женой въ душѣ.

Они все еще стояли между каменными стѣнами, такими же голыми, сѣрыми и непріютными, какъ ихъ совмѣстная жизнь до этого дня, и смотрѣли вдаль. Вдругъ Марія, краснѣя, обвила руками шею мужа. Онъ нагнулся къ ней, и она поцѣловала его въ губы.

Потомъ они рука объ руку пошли домой.

Въ этотъ день Марія впервые радостно дала ему сладость своего непорочнаго тѣла.

Необузданный пилъ ее, какъ изсушающая лѣтняя буря пьетъ влагу земли.

12.

До пѣтуховъ проснулся хромой на слѣдующее утро. Первый слабый свѣтъ брезжущаго дня падалъ на распущенные волосы его жены, голова которой покоилась на обнаженной рукѣ.

Колченогій презрительно усмѣхнулся надъ ея усталостью, наскоро одѣлся и довольно шумно покинулъ спальню. Всякій мужчина встаетъ послѣ пира любви съ обновленными силами и вдвое энергичнѣе принимается за свои обязанности. И для хромого это былъ какъ бы подгоняющій ударъ бича; полный нетерпѣнія вышелъ онъ на работу.

Мглистое, сѣрое, похожее на перину, висѣло небо надъ землей. Трава и кусты стояли безъ капли росы въ неподвижномъ тепломъ воздухѣ. Кукованье кукушки раздавалось такъ глухо, точно кто-то кричалъ издали, приложивъ руку трубочкой ко рту.

Разстроенный началъ Эксперъ обходить свои поля. Время отъ

времени онъ раздвигалъ стебли и смотрѣлъ, кустятся ли они. Но всякій разъ при этомъ онъ сокрушенно качалъ головой. Каждый стебель, тонкій и прозрачный, несъ на себѣ только небольшой пучокъ чахлыхъ блѣдно-зеленыхъ листьевъ. На ходу Экснеръ то и дѣло просовывалъ ногу въ низкую траву и бормоталъ:

— Опять нѣтъ росы, опять ни капли росы! — а потомъ долго не поднималъ головы.

Съ дальней лѣсопильни уже завылъ утренній гудокъ, когда онъ вернулся домой. Марія стояла передъ зеркальцемъ и закалывала на головѣ свои тяжелыя косы. Когда мужъ сердито раскрылъ дверь, она какъ разъ кончила, весело пошла къ нему навстрѣчу, схватила его висѣвшую, какъ плеть, руку и сказала, пожимая ее:

— Ну, доброе утро, бѣглецъ!

Ложно истолковавъ его пристальный взглядъ, она густо покраснѣла, порывисто отвернулась къ печкѣ и проговорила, мило дуясь:

— Зовешь его, зовешь, а онъ себѣ шатается Богъ вѣсть гдѣ.

Хромой повернулъ къ ней голову и неласково отвѣтилъ:

— Шатаешься? Ты бы лучше встала вмѣстѣ со мной, тогда не важничала бы такъ. Пропала бы охота смѣяться, если бы ты видѣла наши овсы.

— Ну, Карлъ, не такъ ужъ они плохи!—примиряюще отвѣтила она.

— Вотъ тебѣ и хваленый Венде! Вотъ тебѣ и овесъ его, какъ войлокъ густой.

Экснеръ опустился на лавку и грубо захохоталъ. При этомъ онъ случайно взглянулъ черезъ окно. Увидѣлъ красныя доски надъ колодцемъ, вспомнилъ, въ какой мирной тишинѣ засталъ онъ жену и Фрейвальда, предсказанія послѣдняго относительно погоды, и съ горечью сказалъ, какъ будто Марія была виновата въ засухѣ тѣмъ, что относилась слишкомъ дружелюбно къ старику:

— Да, лебези себѣ передъ Венде и Фрейвальдомъ. Вотъ увидишь, увидишь, къ чему это приведетъ.

Онъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Марія попробовала разсѣять его дурное настроеніе спокойными словами и шутками, но это ей не удалось. Онъ все ходилъ изъ угла въ уголъ и только косился на нее. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Говори себѣ, что хочешь. Одинъ разъ я тебя послушался, а теперь шабашъ, больше не буду. Такъ и знай!

Съ этими словами онъ покинулъ комнату.

Марія все еще смотрѣла на дверь, когда она давно уже захлопнулась за мужемъ и даже полотенце на ней уже перестало качаться. Затѣмъ выраженіе глубокой серьезности на лицѣ молодой женщины смѣнилось ясной улыбкой.

— И смѣшные же эти мужчины, право!—проговорила она, качая головой, и проворно начала хозяйничать у печки.

Она была увѣрена, что мужъ во власти ея женскихъ чаръ.

Однако, даже когда онъ потащилъ, немного погодя, вмѣстѣ съ коровами плугъ къ нижнему полю, лицо его было все еще угрюмо, а глаза злобно прищурены. Онъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ все время на дорогу, поджидая сапожника, и когда коровы вздумали пойти немного быстрѣе, онъ съ сердцемъ ударилъ ихъ кнутовищемъ по мордамъ.

Наконецъ, пришелъ и Клозе. Страданіе и горе еще ясно выражались на его лицѣ, но по усамъ было видно, что отчаяніе не владѣло имъ больше въ такой степени: они были тщательно расчесаны на обѣ стороны и закручены, а не висѣли растрепанные надъ губами, какъ наканунѣ.

Съ тихимъ, едва слышнымъ „здравствуй"—подошелъ Клозе къ хромому, и все, что онъ ни говорилъ, онъ говорилъ невнятно, какъ бы сквозь зубы.

Хромой нисколько не скрывалъ своего раздраженія, хотя и не объяснялъ его причины, но сапожникъ не обращалъ никакого вниманія на дурное расположеніе духа своего пріятеля. Молча принялись они за работу. Хмурое настроеніе продолжалось много часовъ. За исключеніемъ краткихъ вопросовъ, краткихъ распоряженій да отрывистыхъ восклицаній они не произнесли ни слова.

Всякій разъ, когда плугъ застревалъ въ камняхъ, его осторожно поднимали и съ помощью кирки и деревянныхъ рычаговъ доставали изъ земли и откатывали въ сторону мѣшавшія ему глыбы.

Слабосильный сапожникъ, не привыкшій къ такой работѣ, вскорѣ долженъ былъ сбросить съ себя куртку и то и дѣло вытиралъ потъ со лба. Къ полудню онъ ужъ настолько ослабѣлъ, что кирка часто переворачивалась въ его рукахъ, когда онъ ударялъ ею, и попадала не туда, куда онъ хотѣлъ.

Иное дѣло Экснеръ. Когда онъ увидѣлъ, какую власть онъ имѣетъ надъ камнями, онъ сталъ свѣтлѣе смотрѣть на будущее; печальные виды на урожай, Венде, Фрейвальдъ и тайная симпатія его жены къ двумъ послѣднимъ перестали такъ угнетать его. Пусть придутъ, хо-хо!... Чѣмъ больше были глыбы, которыя требовалось извлечь изъ земли, тѣмъ веселѣе онъ становился:

— Да-съ, кирка—не дратва!—крикнулъ онъ разъ своему другу.

Въ другое время Клозе не преминулъ бы отвѣтить мѣткой шуткой, но теперь онъ только перекосилъ лицо въ усталую улыбку и промолчалъ. Онъ часто останавливался среди работы и растерянно смотрѣлъ куда-то передъ собой, а когда Эксперъ окликалъ его, онъ испуганно вздрагивалъ и ударялъ киркой наугадъ, куда попало.

Поэтому работа не очень спорилась, и хромой ворчливо сказалъ въ концѣ-концовъ:

— Ти ужъ принялягъ, Густе, а то мы ни съ мѣста вѣдь!

— Какъ же, какъ же!—отвѣтилъ тотъ и смущенно провелъ по волосамъ.—Крѣпись, крѣпись!—вполголоса подбодрилъ онъ затѣмъ самъ себя, и лицо его приняло при этомъ безконечно страдальческое выраженіе.

На второй день вечеромъ, когда они пошабашили, онъ попросилъ у хромого сорокъ пфениговъ впередъ.

На слѣдующее утро онъ явился на работу, распѣвая, еще издали сдернулъ картузъ съ головы и крикнулъ:

— Теперь пойдетъ, теперь мы примемся во всю.

И дѣйствительно, работа такъ и закипѣла. Сапожникъ работалъ не только старательно, но даже страстно, и былъ неистощимъ по части шутокъ, прибаутокъ и остротъ. Его веселость заразила и хромого, который дошелъ до того, что даже попробовалъ вторить своимъ невозможнымъ басомъ пѣснѣ, которую запѣлъ сапожникъ. Когда же у бѣдняги истощался юморъ и лихорадочный румянецъ начиналъ сходить съ его блѣднаго испитого лица, онъ исчезалъ за терновой изгородью и черезъ нѣсколько минутъ опять возвращался веселымъ.

— Ну, что, развѣ я сегодня не молоденъ?—сказалъ онъ вечеромъ хромому передъ уходомъ.

— Да, да, сегодня ты какъ съ цѣпи сорвался!

— Такъ дай еще сорокъ пфениговъ.

Хромой со смѣхомъ далъ ему денегъ, и сапожникъ зашагалъ къ деревнѣ, весело насвистывая.

Съ этихъ поръ стало правиломъ, что онъ каждый день бралъ у хромого ту же сумму на „хрящикъ", какъ онъ шутливо называлъ водку. Оба всякій разъ смѣялись надъ этимъ, отъ Маріи же Клозе тщательно пряталъ бутылку. Но однажды за обѣдомъ, когда онъ разсказывалъ какой-то анекдотъ и для наглядности поднялся съ лавки и перегнулся черезъ столъ, онъ настолько приблизился къ Маріи, что она почувствовала шедшій отъ него винный запахъ.

— Густе!—строго перебила она его.—Ты пилъ водку?

— Вовсе нѣтъ, Маріела. Это пахнетъ мятными каплями. У меня, видишь ли, зубы болятъ.

Онъ и хромой переглянулись и захохотали. Марія, повидимому, удовлетворилась этимъ отвѣтомъ, но втайнѣ начала наблюдать за сапожникомъ. Послѣ обѣда она увидѣла, что онъ идетъ черезъ дворъ, пошатываясь. Она выбѣжала и остановила его:

— Густе, ты пьянъ!

— Вовсе не пьянъ, а только навеселѣ,—отвѣтилъ онъ съ грубоватымъ благодушіемъ пьянаго.

— И почему это ты не можешь отстать отъ водки?

Марія подошла ближе и смотрѣла на несчастнаго съ глубокимъ состраданіемъ.

— Возьми скорѣй этотъ вопросъ назадъ! это плохая монета!

Клозе со смѣхомъ повернулся и хотѣлъ уйти.

— Нѣтъ, постой, не уходи! Лучше, что ли, будетъ съ Павлой оттого, что ты не бросаешь пить?

Сапожникъ, отошедшій было на нѣсколько шаговъ, вернулся и вплотную подошелъ къ Маріи.

— А тебѣ, собственно, какое дѣло! Мало у меня горя, хочешь, чтобъ еще хуже было?

Онъ сказалъ это въ гнѣвѣ. Но огонекъ ненависти въ его глазахъ почти сейчасъ же погасъ, смѣнившись выраженіемъ тупого равнодушія.

— Павла, ха-ха! Да, ты права. Но это былъ только молотъ. Ударилъ же кое-кто другой, а не ея шаромыжникъ-писарь, да!

— Густе, если бы ты собралъ всю свою волю...

— Много ты понимаешь въ словахъ, которыя говоришь... Такъ слушай же: мнѣ нужна сила, мнѣ нужна свѣтлая голова. Вотъ я и пью. Горе тому дню, когда я бываю трезвъ. А кромѣ того, тутъ еще много, много другого... Когда дождь идетъ, капли падаютъ со всѣхъ сторонъ...

Марія хотѣла еще что-то сказать, но онъ перебилъ ее:

— Не старайся! У меня сапогъ лопнулъ отъ самыхъ подметокъ до голенища. Тутъ никакой заплатой не поможешь!

И онъ рѣшительно направился къ сараю.

Изъ туманныхъ словъ пьяницы Марія поняла, что онъ и ее винитъ въ своемъ несчастіи. Мучительное чувство, что она отчасти виновата въ его паденіи, настолько усилило ея жалость, что она не колеблясь попросила мужа не давать больше сапожнику денегъ впередъ. Мужъ внимательно выслушалъ ее, пристально посмотрѣлъ на нее и вышелъ, ничего не отвѣтивъ. Ве-

черомъ онъ на ея глазахъ опять далъ Клозе обычные сорокъ пфениговъ на водку. Тогда она повторила свою просьбу уже настойчивѣе. Эксперъ опять спокойно подождалъ, пока она высказала всѣ свои доводы. Онъ поблѣднѣлъ и смотрѣлъ на полъ. Когда же она кончила, онъ рѣзко поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее дикимъ взглядомъ, но сдержался и отвѣтилъ только:

— Нѣтъ, и не воображай себѣ, пожалуйста! Главой останусь я.

Но подѣйствовали ли на сапожника слова Маріи, или же это было слѣдствіемъ молчаливой бдительности ея глазъ, во всякомъ случаѣ за безшабашно-веселыми, пьяно-трудолюбивыми днями у него слѣдовали періоды строгой трезвости, когда онъ казался точно подмѣненнымъ. Въ эти дни онъ былъ неразговорчивъ, раздражителенъ, работалъ лѣниво, нарочно портилъ остріе кирки о камни, а когда хромой сердился за это, говорилъ горькія слова о скупости и жадности. Когда онъ думалъ, что никто не видитъ его, онъ мѣрялъ своего друга взглядами, полными ненависти, къ Маріи же подходилъ со смиренной робостью, былъ ей благодаренъ за каждый взглядъ, радовался каждому ея ласковому слову.

Такъ прошло четыре недѣли. Всѣ глыбы были, наконецъ, выворочены. Сплошь покрытое большими и маленькими камнями поле напоминало заброшенную каменоломню.

Все это время продолжалась засуха. Яровые посѣвы стояли чахлые, рожь отцвѣла, но была низкая и слабая, трава на лугахъ „все больше уходила въ землю", а ужъ пора было ее косить, потому что съ нея начали осыпаться сѣмена. Занимаясь этимъ въ ранніе утренніе часы, хромой размышлялъ надъ своей судьбой. Въ графствѣ Глацъ существуетъ повѣрье, что первый годъ брака опредѣляетъ счастье супруговъ. Въ этомъ повѣрьѣ хромой нашелъ объясненіе и подтвержденіе своего злополучія. Почему бы неурожай случился именно въ первый годъ его брака, если бы это ничего не означало?

Послѣ этого открытія онъ пересталъ сообщать Маріи свои планы и намѣренія, чтобы охранить себя по возможности отъ ея пагубнаго вліянія. Перемѣна въ его характерѣ проявлялась все рѣзче. Впрочемъ, это была даже не перемѣна, а нѣчто подобное движенію пружины, которая, будучи выведена изъ своего положенія, неизбѣжно возвращается въ него, лишь только ослабѣваетъ противодѣйствующая сила. Онъ возвращался мало-по-малу въ одинокую колею своей прежней жизни. Налетъ мягкости и кротости исчезъ, онъ съ наслажденіемъ отдавался опять мрачнымъ силамъ, которыя руководили его жизнью раньше.

Хмуро, какъ онъ началъ сѣнокосъ, такъ и кончилъ его. Три воза сѣна, которые онъ собралъ, едва наполнили и треть сѣновала. Поэтому онъ поспѣшно принялся за очистку нижняго поля отъ камней, чтобы посѣять на немъ кормовыя травы и хоть немного пополнить, такимъ образомъ, недостающее. Онъ самъ разбивалъ молотомъ болѣе крупные камни, а сапожникъ долженъ былъ отвозить ихъ въ тачкѣ по длинной доскѣ на „стѣну" и высыпать тамъ. За оградой находилась узкая полоса луга, принадлежавшая Венде, а дальше тянулось его же ржаное поле. Хромой не хотѣлъ, чтобы камни высыпались на его сторонѣ, потому что это отняло бы у него нѣсколько пядей земли. Не позволялъ онъ также другу опоражнивать тачку на самой оградѣ.

— Чтобы всю мою землю затѣнило? Нѣтъ, дудки! Сыпь на ту сторону!

— Но Венде этого не потерпитъ!—возразилъ Клозе, который опять былъ въ строптивомъ трезвомъ періодѣ.

— Что? Венде! Дался вамъ этотъ Венде! Точно онъ Господь Богъ. Стоятъ тамъ межевые камни?

— Нѣтъ, но ограда-то вѣдь есть.

— Межевой камень покажи мнѣ!—гнѣвно крикнулъ хромой, бросилъ молотъ и крупными шагами направился къ оградѣ.— Межевой камень покажи мнѣ!—продолжалъ онъ кричать съ пѣной у рта, перелѣзая черезъ ограду.

Они осмотрѣли всѣ камни, торчавшіе изъ лужка Венде,—ни на одномъ изъ нихъ не было креста. И на Экснеровой сторонѣ тоже не оказалось межевыхъ знаковъ.

— Видишь, разъ я говорю, что нѣтъ, значитъ нѣтъ. Заруби себѣ это на носу. А если Венде придетъ, я въ него швырну плугъ и борону.

Но Клозе тѣмъ не менѣе категорически отказался совершать несправедливое дѣло. Тогда они помѣнялись работой. Сапожникъ сталъ раздроблять камни молотомъ, а хромой возилъ ихъ. Весело катились теперь камни съ насыпи на траву лужка. Хромой каждый разъ нарочно опрокидывалъ тачку съ размаху, такъ что большіе песчаники докатывались почти до ржаного поля. При этомъ онъ задорно хохоталъ и кричалъ имъ вслѣдъ:

— Кланяйтесь отъ меня господину Венде!

Только когда тачка въ послѣдній разъ опорожнила свое содержимое, возбужденіе его немного улеглось. Домой онъ пошелъ съ пріятнымъ чувствомъ въ груди, словно совершилъ очень хорошее дѣло.

На слѣдующее утро онъ чуть свѣтъ уже гналъ по полю ко

ровъ съ бороной, громко покрикивая на нихъ при малѣйшемъ поводѣ отъ задора и безпрестанно пощелкивая кнутомъ. А время отъ времени онъ хохоталъ:

— Ха-ха, приходи-ка, Венцла, приходи!

А тотъ уже стоялъ на оградѣ, слышалъ насмѣшливое восклицаніе хромого, и его бѣлое, какъ бумага, лицо отъ ярости словно еще глубже спряталось въ косматую бороду.

— Доброе утро, Экенеръ!

Тотъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, громко и долго кричалъ на коровъ и зашагалъ медленно-медленно. Наконецъ, онъ все-таки дошелъ до конца поля, повернулъ коровъ и притворился удивленнымъ, какъ будто только теперь замѣтилъ Венде.

— Ба, это вы, господинъ Венде? А я-то думалъ, что это быкъ гдѣ-то мычитъ.

— Кто вамъ позволилъ высыпать камни на мою землю?— властно крикнулъ тотъ, сдѣлавъ видъ, что не разслышалъ обидныхъ словъ хромого.

— А кто вамъ позволяетъ такъ спрашивать?

— Кто? Развѣ вы не знаете, что это мой лугъ?

— Вашъ лугъ? Вотъ тоже... Гдѣ межевые камни?

— Вотъ ограда, тутъ значитъ и межа.

— Да-а? А я-то думалъ, что она у васъ въ карманѣ и вы хотите показать мнѣ ее. Подъ оградой, стало быть, межа? Ишь какой вы умникъ!

Это взорвало Венде.

— Даю вамъ недѣлю сроку съ нынѣшняго дня. Если за это время камни не будутъ убраны съ моего луга и вы мнѣ не заплатите за смятую траву, я поговорю съ вами въ другомъ мѣстѣ.

Послѣднія слова онъ произнесъ, едва сдерживая себя отъ ярости; со свистомъ и шипѣніемъ вырвались они у него.

Тутъ хромой тоже пришелъ въ бѣшенство, перевернулъ кнутъ и съ ужасными ругательствами направился къ Венде. Не дожидаясь доказательствъ разъяреннаго сосѣда, бородачъ обратился въ бѣгство, которое только на большой дорогѣ перешло въ сколько-нибудь спокойную походку.

Венде давно уже скрылся изъ виду, а хромой все еще стоялъ и ругался. Вдругъ онъ отпрягъ коровъ, привязалъ ихъ къ дереву и побѣжалъ домой. Марія встрѣтила его, блѣдная отъ испуга. Думая, что она собирается упрекать, онъ пригрозилъ, что убьетъ ее, сталъ стучать кулакомъ по столу и все время кричалъ, какъ изступленный:

— Я ему покажу! я ему покажу!... А все это оттого, что жена не держитъ руку мужа! Я добьюсь своего права, я добьюсь своего права хотя бы мнѣ это стоило хутора, самой жизни...

Потомъ онъ стремительно выбѣжалъ и вернулся къ своей работѣ.

На слѣдующее утро сапожникъ вошелъ въ горницу блѣдный и трезвый, какимъ былъ всѣ послѣдніе дни.

— Какъ поживаютъ твои тополи? — спросилъ онъ съ злой усмѣшкой.

— А что имъ дѣлается, дурень? Стоятъ себѣ!

— Да? ты думаешь? Такъ поди и погляди.

Они вмѣстѣ пошли къ деревцамъ. Чья-то преступная рука перерѣзала оба ствола. Верхушки лежали тутъ же, на дорогѣ.

— Ага! Это отвѣтъ на камни, стало быть! Какъ ты думаешь?

Клозе равнодушно пожалъ плечами, нагнулся, поднялъ одну верхушку и осмотрѣлъ порѣзъ. Онъ былъ сдѣланъ гладко, увѣренной рукой и очень острымъ ножомъ.

— Чисто сдѣлано!—сказалъ онъ. На второмъ деревцѣ порѣзъ былъ уже не такой ровный. Очевидно, злодѣй срѣзалъ сперва правый тополь, а потомъ, уже уставъ, принялся за лѣвый. Все это сапожникъ объяснилъ хромому, который, подумавъ немного, согласился съ нимъ.

Потомъ сапожникъ смѣрилъ разстояніе отъ земли до порѣза и сравнилъ его съ ростомъ хромого. Ночной вредитель былъ, очевидно, человѣкъ средняго роста и рѣзалъ снизу.

— Онъ, значитъ, ростомъ съ тебя, Густе!

Хромой смѣрилъ пріятеля взглядомъ, а Клозе смѣялся при этомъ съ плотно сжатыми губами.

— И онъ стоялъ вотъ тутъ, спиной къ дому,—продолжалъ сапожникъ свое разслѣдованіе, видимо радуясь собственной прозорливости.—И чувствовалъ онъ себя, должно быть, чертовски увѣреннымъ на твоемъ дворѣ,—продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанія, видимо наслаждаясь изумленіемъ и растерянностью хромого, который выпрямился, тяжело перевелъ духъ и произнесъ только заклинающее, полное муки:—Густе!

— Ничего не подѣлаешь, все такъ, какъ я говорю.

— И ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что не онъ? Густе, подумай хорошенько! Кто же, если не онъ?

— Развѣ я знаю, съ кѣмъ ты ссорился!... Сдѣлалъ это какой-нибудь твой недругъ или человѣкъ, который хотѣлъ надъ тобой посмѣяться, или сыграть надъ тобой шутку и прочее тому подобное. А кто—это ужъ твое дѣло!

Все это онъ проговорилъ съ безсердечной объективностью. Глубокія морщины прорѣзывали его лицо.

Хромой растерянно смотрѣлъ на него.

— Вотъ, гляди, убѣдись самъ, Карлъ! И пришелъ-то онъ со стороны двора. Видишь, у стѣны вонъ тамъ трава притоптана. Неужто ты думаешь, что онъ пришелъ по дорогѣ, вошелъ во дворъ, а потомъ повернулся, чтобы тебѣ было удобнѣе схватить его за шиворотъ. Гляди!

Экспеpъ нагнулся и увидѣлъ въ травѣ чуть замѣтные слѣды ногъ. Рука его дрожала, когда онъ машинально провелъ ею по травѣ. Вдругъ что-то зашуршало. Онъ быстро посмотрѣлъ и увидѣлъ, что пальцы его комкаютъ бѣлую бумажку. Онъ выпрямился и уставился на нее, но буквы плясали передъ его глазами.

— Что это?—сдавленнымъ голосомъ спросилъ Клозе.

— На, прочти!—отвѣтилъ хромой, едва владѣя собой. Измѣненнымъ почеркомъ, однѣми заглавными буквами на бумажкѣ было написано:

„Экспеpу, который тянется за Венде".

— Еще разъ прочти,—съ усиліемъ приказалъ хромой.

— Да, все такъ. Все, все такъ...—пробормоталъ онъ затѣмъ.

— Что такъ?—спросилъ Клозе.

Хромой не отвѣтилъ, взялъ у него бумажку, подумалъ съ минуту, потомъ разорвалъ ее на клочки и заковылялъ къ дровяному сараю. Его хромая нога то и дѣло задѣвала за камни, а голова безсильно свѣсилась набокъ.

Клозе хотѣлъ войти въ домъ.

— Куда ты?—спросилъ хромой, оглянувшись.

— Хочу сказать твоей женѣ.

— Моей... моей?... Я думаю, она уже знаетъ.

Вся кровь отлила отъ его лица. Онъ попробовалъ усмѣхнуться, но не могъ.

Въ сараѣ онъ машинально переставилъ съ мѣста на мѣсто мотыку, побарабанилъ полѣномъ въ стѣнку, потомъ началъ перекладывать полѣнницу корявыхъ дровъ. Все это онъ дѣлалъ торопливо, точно его подгоняли. Наконецъ, душа его сдалась. Презрительно отпихнулъ онъ отъ себя полѣно, которое держалъ въ рукѣ. Все стало ему ясно. Теперь онъ былъ увѣренъ. Марія съ самаго начала была противъ того, чтобы онъ увеличилъ свои владѣнія. Никогда она не держала по настоящему его сторону, всегда держала сторону другихъ, особенно же Венде. Развѣ она не побоялась даже первой ссоры съ нимъ, лишь бы воспрепятствовать изъ уваженія къ Венде посадкѣ тополей?... Развѣ

сапожникъ, несмотря на свою симпатію къ Маріи, не набросилъ, самъ не сознавая того, всю тѣнь подозрѣнія именно на нее,—сапожникъ, передъ безпристрастнымъ взоромъ котораго такъ легко открылся весь ходъ ночного преступленія?...

Осторожно, неспѣша, хромой сложилъ снова разбросанныя дрова и пошелъ въ домъ. Время уже было обѣденное: онъ провелъ въ сараѣ четыре часа. Усѣвшись, онъ исподтишка сталъ наблюдать за Маріей, которая двигалась по комнатѣ съ неувѣренной торопливостью и, болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно, избѣгала встрѣчаться глазами съ мужемъ, взглядъ котораго она чувствовала на себѣ.

„Такъ тебѣ и надо, хоть ноги себѣ разбей", подумалъ хромой, замѣтивъ ея неувѣренную походку, и потянулся за ложкой.

— Иди сюда, садись и ѣшь,—сказалъ онъ вошедшему сапожнику.—Мы съ тобой заслужили обѣдъ, мы съ тобой стоимъ другъ за друга.

Несмотря на веселый тонъ, которымъ тотъ отвѣтилъ на его приглашеніе, онъ замѣтилъ въ своемъ пріятелѣ какую-то натянутость, какую-то подавленность. Это было ему непонятно, и, проглотивъ задумчиво нѣсколько ложекъ, онъ сказалъ:

— Что съ тобою, Густе? У тебя такой видъ, точно это ты сегодня ночью провелъ ножомъ по тополямъ!

Не отводя взгляда отъ миски на столѣ, сапожникъ только перекосилъ лицо въ судорожную улыбку и, чтобы перемѣнить разговоръ, началъ разсказывать послѣднюю доревенскую новость: какую-то исторію съ контрабандой.

Хромой слушалъ вполслуха, разсѣянно блуждая взглядомъ по комнатѣ; случайно онъ посмотрѣлъ черезъ окно, увидѣлъ красныя доски надъ колодцемъ, швырнулъ ложку на столъ и крикнулъ въ глухомъ гнѣвѣ:

— Изволь тутъ быть мягкимъ да кроткимъ, когда въ твоемъ собственномъ домѣ случаются такія вещи!

Марія то блѣднѣла, то краснѣла; ложка въ ея рукахъ дрожала. Она открыла ротъ, желая что-то сказать, но долго не могла выговорить ни слова.

Клозе толкнулъ хромого ногой и сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ сдерживался.

— Карлъ,—начала, наконецъ, Марія,—Густе мнѣ сказалъ, въ чемъ дѣло...

Ее прервалъ приходъ почтальона, который положилъ передъ хромымъ письмо и поспѣшно удалился.

Экспеpъ распечаталъ письмо и съ минуту смотрѣлъ на него.

Но такъ какъ онъ плохо разбиралъ по писанному, онъ передалъ его сапожнику. Тотъ протянулъ его, было, Маріи.

— Ты читай!—крикнулъ Эксперъ съ такой горячностью, что Клозе повиновался.

„Штейндорфъ, 17 іюня 1893 года.

„Поселянину Карлу Эксперу симъ объявляю, что до истеченія недѣли камни съ моего луга должны быть убраны имъ или его работниками; въ противномъ случаѣ я подамъ на него въ судъ. Въ тотъ же срокъ вышеназванный Эксперъ долженъ мнѣ уплатить десять марокъ вознагражденія за попорченную на томъ же лугу траву.

Іозефъ Венде".

Нѣсколько минутъ хромой сидѣлъ, какъ окаменѣлый, потомъ съ грубымъ хохотомъ вырвалъ у Клозе письмо и сунулъ его въ карманъ.

— Ну что, Марія! теперь ты довольна, наконецъ?—спросилъ онъ, смотря на нее съ едва сдерживаемымъ гнѣвомъ.

Слезы подступили къ глазамъ Маріи. Она встала и, шатаясь, вышла изъ комнаты.

Хромой оттолкнулъ столъ и взволнованно заковылялъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

У сапожника лицо посѣрѣло; онъ сидѣлъ неподвижно, уставившись на собственныя руки, которыя лежали передъ нимъ на столѣ, и жевалъ усы. Вдругъ онъ вскочилъ, точно его подтолкнули, схватилъ шапку и безъ оглядки побѣжалъ со двора.

13.

Съ этого дня сапожникъ Клозе окончательно запьянствовалъ, не показывался больше въ домѣ матери и обходилъ хуторъ хромого. Точно злой духъ вселился въ него.

Въ четырехъ стѣнахъ онъ держался боязливо, съ опаской, точно всякая комната была тюрьмой. Къ людямъ, ведущимъ правильный образъ жизни, онъ относился съ такимъ отвращеніемъ, точно они втихомолку совершали тайныя преступленія. Онъ ходилъ постоянно съ низко опущенной головой, бормоча себѣ подъ носъ что-то непонятное, часто останавливался и, страстно жестикулируя, начиналъ съ кѣмъ-то невидимымъ горячій споръ, который заканчивалъ тѣмъ, что показанно билъ себя въ грудь.

Глаза его напоминали своимъ полуугасшимъ взглядомъ глаза подстрѣленнаго лѣсного звѣря, а лицо, несмотря на запу-

щенный видъ, производило потрясающее впечатлѣніе: оно осунулось, похудѣло, стало землистаго цвѣта и все избороздилось глубокими морщинами, какъ лицо фанатика, наложившаго на себя покаяніе.

Когда онъ бывалъ подъ хмелькомъ, онъ впадалъ въ пароксизмъ самоистязанія, билъ себя кулаками, рвалъ на себѣ волосы, продирался сквозь колючіе кустарники, а потомъ сидѣлъ гдѣ-нибудь на пустынномъ полѣ, вдали отъ человѣческаго жилья, плакалъ, вопилъ, взывалъ къ Богу громкимъ заклинающимъ голосомъ, но вдругъ опять вскакивалъ и бѣгалъ по улицамъ деревень, умоляя глазѣющихъ на него любопытныхъ, чтобы они ругали его, плевали на него и бросали въ него камнями.

Лѣсничій Кнэлле разсказывалъ, будто онъ видѣлъ въ одну облачную ночь, какъ сапожникъ бродилъ вокругъ хутора хромого, все время разговаривая самъ съ собой.

Всѣ считали сапожника помѣшаннымъ и многіе полагали, что въ этомъ внезапномъ помраченіи его разсудка виновата отчасти необыкновенная жара.

Потому что жара дѣйствительно стояла необыкновенная. День за днемъ лѣсистыя горы графства словно плыли въ мерцающемъ дрожащемъ зноѣ и были похожи на гигантскихъ вьючныхъ животныхъ, которыя шагаютъ, наполовину засыпанныя сѣрымъ пескомъ, по безконечной необъятной пустынѣ—вѣчно въ движеніи и вѣчно прикованныя къ одному мѣсту. Ни малѣйшаго дуновенія прохлады. Небо какого-то пепельнаго цвѣта, какъ будто изсохла самая его синева. Лишь изрѣдка поднималъ свои крылья изсушающій восточный вѣтеръ и съ тихимъ свистомъ, напоминавшимъ шорохъ работающихъ косъ, влеталъ въ долину черезъ изгибы Вартскаго горнаго прохода. Тогда рѣдкія облачка на небѣ исчезали, словно скошенныя, расплываясь въ кипучемъ зноѣ; съ фруктовыхъ деревьевъ падали на выжженную траву незрѣлые плоды, желтые и дряблые; лѣсъ по ночамъ стоналъ и вылъ, словно томимый жаждою звѣрь. Всѣ ручейки пересохли; самые обильные ключи давали воду только по каплямъ.

Въ церквахъ во всѣ часы дня стояли колѣнопреклоненные люди, съ боязливой вѣрой вознося къ небу безконечныя молитвы. Ниши со статуями святыхъ и часовенки на перекресткахъ были обвѣшены вѣнками; женщины лежали на колѣняхъ передъ ними и ломали руки, а мужчины, проходя мимо, крестились. Священникъ обходилъ поля съ крестнымъ ходомъ, кропилъ нивы святой водой и подъ шелестъ пестрыхъ хоругвей произносилъ старинное, какъ міръ, моленіе о дождѣ. Все было напрасно.

Широкія трещины зіяли въ землѣ, словно сама земля взывала къ небу о помощи; сухіе листья падали все чаще и чаще; лѣсъ на высотахъ стоялъ сѣрый и время отъ времени стоналъ, точно лежалъ при послѣднемъ издыханіи; пустые колосья овса качались, какъ крошечныя нищенскія сумы; у птицъ пѣсни пересохли въ горлѣ; вдоль дорогъ селилась безнадежность; въ домахъ отчаяніе пряло свои нити, и со страхомъ приступали люди къ жатвѣ, какъ будто они должны были собрать съ полей не благословеніе Божіе, а проклятіе, чтобы оно стало нищей ихъ жизни.

Въ это тяжелое время началось судебное дѣло, которое Венде возбудилъ противъ хромого, такъ какъ его письмо осталось безъ отвѣта.

Экенеръ только захохоталъ, когда получилъ первую судебную повѣстку. Такими бумажками хотятъ его запугать,—его, который можетъ одинъ сдвинуть съ мѣста самую тяжелую колоду!

Въ бодромъ настроеніи, словно шелъ онъ на веселый кулачный бой, въ благополучномъ исходѣ котораго не могло быть сомнѣнія, поднялся онъ по широкимъ ступенямъ въ камеру судьи. Но уже черезъ полчаса отъ его задорнаго „права“ почти ничего не осталось. Оно было проткнуто перомъ писца, расплющено безконечными рѣчами, очернено и измѣнено до неузнаваемости коварными юридическими тонкостями. Мало помогало хромому и то, что онъ снова и снова пытался возстанавливать это свое право во всей его цѣльности и неприкосновенности. Судья сдѣлалъ ему, наконецъ, выговоръ за неумѣстное поведеніе и пригрозилъ ему тюрьмой, если онъ еще разъ оскорбитъ судъ своими непочтительными замѣчаніями. А потомъ процедура вопросовъ и отвѣтовъ продолжалась своимъ чередомъ, пока „право“ его не превратилось, въ концѣ-концовъ, въ какую-то призрачную тѣнь. Только ловкость защитника спасла Экенера отъ окончательнаго пораженія.

Впервые въ его жизни чужая рука властно вторглась въ кругъ его желаній. Онъ долженъ былъ подчиниться рѣшенію третьихъ лицъ, которымъ было до него столько же дѣла, сколько до перваго встрѣчнаго!

Припоминая на обратномъ пути всѣ подробности судебнаго разбирательства, онъ нашелъ, что оно съ начала до конца полно произвола и искаженія истины, и имъ овладѣла такая ярость, что онъ нѣсколько дней ходилъ, какъ въ чаду, отъ бѣшенства и жажды мести, пока этотъ хмель гнѣва не перешелъ въ глухую

затаенную злобу, темной тучей нависшую надъ всѣми его мыслями и чувствами,—въ напряженное состояніе, похожее на тотъ удушливый зной, подъ которымъ вотъ ужъ столько недѣль изнемогала земля.

Огонекъ подозрительности безпрестанно горѣлъ въ его глазахъ. Со лба отъ дикой работы мысли не сходили бугры и складки, тонкія губы некрасиваго рта дрожали отъ сдерживаемыхъ ругательствъ, волосы были всклокочены, весь видъ былъ встрепанный и угрюмый. Такъ онъ бродилъ по дому и полямъ, гонимый съ мѣста на мѣсто своей не находившей выхода яростью.

Жажда мести слилась въ его душѣ съ надеждой на дождь, и мало-по-малу въ немъ создалась увѣренность, что его внѣшняя и внутренняя неудача неразрывно связаны между собою.

„Хоть бы дождь пошелъ“,—часто говорилъ онъ самому себѣ, стоя у окна и съ тоскою глядя, нѣтъ ли на небѣ тучъ.

Но совершенно неожиданно душа его разрядилась сама собой.

Однажды вечеромъ онъ стоялъ среди комнаты, прислушиваясь къ шуму вѣтра. Это было спокойное тихое гудѣніе, въ которомъ ослабѣвшія вѣтви деревьевъ мѣрно качались, точно слушая утѣшительную рѣчь. Но иногда что-то ударяло въ стекла оконъ.

Марія сидѣла у стола, низко склонившись надъ своимъ шитьемъ при свѣтѣ маленькой керосиновой лампы.

— Дождь идетъ какъ будто?—глухо спросилъ Экснеръ.

Марія подняла голову и тоже стала прислушиваться.

— Нѣтъ, это вѣтеръ бросаетъ песокъ въ окна,—отвѣтила она, продолжая усердно шить.

— Вѣчно ты сидишь надъ какимъ-нибудь тряпьемъ!—съ упрекомъ сказалъ хромой.

Потомъ опять воцарилась мертвая тяжелая тишина. На лавкѣ у печки сидѣла кошка и неподвижно смотрѣла зелеными глазами на маленькій кругъ свѣта; маятникъ часовъ двигался тугими порывистыми толчками.

— Счастливый годъ, нечего сказать! Можно быть довольнымъ. Ты не думаешь?—опять сказалъ хромой, ища ссоры.

Марія уже давно держалась по отношенію къ мужу того суроваго стойкаго терпѣнія, съ которымъ сильныя натуры несутъ незаслуженную судьбу. Она молчала съ минуту, точно обдумывая, потомъ отвѣтила спокойнымъ вопросомъ:

— Развѣ только на нашихъ поляхъ засуха?

— Словно у насъ больше оттого, что у другихъ ничего нѣтъ!—Хромой раздраженно разсмѣялся.

— Не говори такъ, чтобы Богъ не наслалъ на насъ еще худшей бѣды. Подумай лучше, каково теперь бѣдвякамъ.

— Бѣднякамъ! У кого ничего нѣтъ, тому нечего и терять. Хорошая ты у меня жена, однако!

— Мало я работаю развѣ? Посмотри на мои руки!

Она протянула ему свои руки, шершавыя и потрескавшіяся.

Колченогій грубо захохоталъ, повернулся и съ проклятіями исчезъ въ спальнѣ.

Съ дикой поспѣшностью онъ сорвалъ съ себя одежду, бросился на кровать и повернулся лицомъ къ стѣнѣ; черезъ нѣсколько минутъ темнота передъ его глазами стала багровой отъ бѣшенства его души. Всѣ лица, причастныя къ его дѣлу съ Венде, безостановочно носились передъ нимъ, и онъ говорилъ съ ними о судебной комиссіи, которая должна была пріѣхать въ ближайшіе дни, чтобы осмотрѣть спорную межу, говорилъ имъ дикія слова, полныя ненависти и злобы. Но мало-по-малу его стало укачивать на волнахъ сна, изъ которыхъ выплыли темныя тѣни, медленно окутавшія все. Онъ заснулъ. Вдругъ ему почудилось, что надали приближается тотъ звучный шелестъ, который всегда предшествуетъ дождю. Онъ насторожился во снѣ. Да, онъ не ошибся. Все ближе и ближе... Вотъ явственно зашуршало на крышѣ; вотъ и капли стали падать черезъ сухую листву— сначала рѣдко, одна за другой, потомъ все быстрѣе и чаще... Но въ то время, какъ онъ, полный радости, еще боялся вѣрить, къ шуму дождя примѣшались новые звуки: жалобныя протяжныя стенанія, похожія на плачъ ребенка, когда онъ уже усталъ плакать. Они неслись какъ будто изъ-за ограды, то заглушаемые на время порывами вѣтра, то ясно различимые, хотя и не болѣе громкіе.

Инстинктъ страха заставилъ дремлющаго вскочить и сѣсть на кровати. Еще въ полуснѣ, онъ напряженно сталъ прислушиваться, со смутнымъ жуткимъ предчувствіемъ въ душѣ.

Все было тихо. Ни шума дождя, ни падающихъ капель, ни шуршанія на крышѣ—ничего. Все это ему только померещилось.

Эксперъ покачалъ головой, удивляясь, что сонъ могъ такъ походить на явь, и уже хотѣлъ опять лечь, когда снова услышалъ тѣ же странные жалобные звуки: едва слышные сначала, словно замирающіе въ дрожи великаго страха, они все росли и росли, стали рыдающими, клокочущими и, наконецъ, полными дикаго отчаянія. Теперь... теперь неведомое рыдало уже прямо подъ его окномъ, и таинственные вопли поднимались вверхъ по стекламъ, какъ дрожащіе блѣдные пальцы призрака.

Немного погодя они удалились.

Но вотъ они раздались уже въ комнатѣ, потомъ на лѣстницѣ, потомъ на чердакѣ. И при этомъ словно кто-то ходилъ взадъ и впередъ на мягкихъ подошвахъ... У хромого застучало сердце. Онъ зарылся головой въ подушки, прижалъ къ вискамъ нѣмѣющія руки и прошепталъ въ холодномъ ужасѣ:—Плакальщица! Старуха-плакальщица! Что-то будетъ, что-то будетъ теперь!

Итакъ, въ его домѣ появился тотъ таинственный духъ, въ существованіе котораго вѣрятъ еще многіе крестьяне графства Глацъ—сѣрый духъ, плачъ котораго возвѣщаетъ утрату, болѣзнь, смерть, всякое несчастье... Въ длинной одеждѣ, съ закутаннымъ лицомъ, бродитъ „старуха-плакальщица“ по обреченному дому, потомъ исчезаетъ, какъ тѣнь, въ невѣдомыя высоты, откуда явилась, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ невидимой колеи, по которой осужденная человѣческая жизнь должна катиться къ мукамъ и страданіямъ, безъ надежды на спасеніе.

Долго лежалъ хромой, какъ оглушенный; холодная дрожь пробѣгала по его тѣлу.

Тихое бормотаніе, раздавшееся изъ сосѣдней комнаты, вдругъ пробудило его къ сознанію. Не одѣваясь, онъ вскочилъ и рѣзкимъ движеніемъ открылъ дверь. Лампа была потушена, но въ углу, передъ статуэткой Мадонны, горѣла лампадка; ея красноватый свѣтъ, похожій на первый проблескъ зари, падалъ на Марію, которая стояла на колѣняхъ, поднявъ руки въ горячей молитвѣ.

При стукѣ двери она повернула блѣдное лицо и вопросительно посмотрѣла на мужа влажно-блестящими глазами.

Колченогій представлялъ собой ужасный видъ: глаза его дико горѣли, лицо было искажено ужасомъ, растрепанные волосы спутанными прядями свисали на лобъ. Марія не могла вынести этого зрѣлища и отвернулась.

— Ты слышала?—спросилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Что?

— Ты еще будешь спорить!

— Я ничего не знаю. Ты вѣдь видишь, я молилась.

— Ты... ты... сначала ты была въ стачкѣ съ Венде, и во всемъ дѣйствовала заодно съ нимъ, а теперь...

— Я?!

— Да, ты! Зачѣмъ бы тебѣ было бояться Венде изъ-за тополей и писать такія записки!

— Я писала записки?

— Да, ты! „Экснеру, который тянется за Венде“. Ты написала. Больше некому.

Марія вскочила и подошла къ нему:

— Ты мой мужъ, и я стала бы позорить тебя!

— Мужъ? Не мужъ я для тебя вовсе, а Колченогій, надъ которымъ ты всегда издѣвалась. Но я не деревянный столбъ. Когда ты меня рѣзала, у меня кровь лилась...

Вотъ онъ и высказалъ причину своего недовѣрія къ ней. Марія виновато опустила глаза.

Это молчаливое признаніе еще усилило гнѣвъ хромого.

— Все это ты сдѣлала!—кричалъ онъ.—А теперь стоишь на колѣняхъ передъ своей куклой и призываешь плакальщицу на мою шею! Прочь съ этой куклой, прочь! Сейчасъ же убери отсюда всю эту дрянь.

— Это мой Богъ... Она останется!

Марія рѣшительно заступила бѣснующемуся дорогу и раскрыла руки для защиты своей святыни.

— Дьяволъ это, а не Богъ!

Онъ съ силой оттолкнулъ жену, такъ что она отлетѣла къ печкѣ.

— Карлъ, я мать!—крикнула она.

Но хромой не унимался. Схвативъ свою суковатую дубинку, онъ побѣжалъ въ уголъ и однимъ ударомъ сбилъ подъ столъ полку, Богоматерь, ангеловъ и лампаду.

Уничтоживъ такимъ образомъ тѣ тайныя силы, въ союзѣ съ которыми его жена строила ковы противъ него, онъ проговорилъ по направленію тихихъ рыданій, доносившихся изъ темноти:

— Чтобы я больше не видѣлъ этой дряни въ моей горницѣ!—и вернулся въ спальню.

Марія, какъ упала на лавку у печки, такъ сидѣла тамъ, не шевелясь.

Она прижала обѣ руки къ лицу, чтобы не видѣть, и горячія слезы текли изъ-подъ ея пальцевъ. Она была оглушена, почти безъ сознанія, но несмотря на это она все время видѣла передъ собой грозную, чудовищно-безобразную фигуру съ худыми длинными ногами и такими же руками, свисавшими почти до колѣнъ, и взлохмоченную безобразную голову съ дикимъ лицомъ, въ которомъ мигающіе глаза сидѣли среди бугровъ и складокъ, какъ ядовитыя жабы.

Она боролась съ этимъ образомъ мужа, который представлялся ея измученнымъ нервамъ въ еще болѣе кошмарномъ, искаженномъ видѣ, но воображеніе упорно создавало его вновь, едва ей удавалось силой воли прогнать это пугающее видѣніе.

Тогда она опустилась на колѣни и стала молиться:

„О Ты, Богъ мой Небесный! Разбитый лежишь Ты въ пыли, но сердце мое носитъ Тебя, какъ мягкій платочекъ. Жестоко караешь Ты меня. Я хотѣла счастья и богатства и хорошей жизни, но я знаю, что черезъ горе душа приходитъ къ радости... Разбей меня, какъ скорлупу, смилуйся только надъ моимъ дитятей“...

Потомъ она поползла подъ столъ, собрала въ передникъ статуэтку Мадонны и ангеловъ, поцѣловала каждую фигурку, ощупью пробралась къ двери, поднялась на сѣновалъ и спрятала все въ сѣнѣ.

Но искаженный образъ мужа и тамъ не покидалъ ея. Онъ все время стоялъ передъ ней въ темнотѣ. Какъ она ни боролась съ собой, душа ея—это таинственное ядро жизни, изъ котораго все исходитъ,—не отрываясь смотрѣла на кошмарное видѣніе, точно заколдованная его безобразіемъ, и навѣки запечатлѣла въ себѣ, среди мукъ, всѣ линіи и черты этого чудовищнаго образа.

Душистый запахъ сѣна одурманилъ ее, наконецъ, и она заснула.

14.

Подъ впечатлѣніемъ, которое произвело на него появленіе въ его домѣ „плакальщицы“, Экснеръ нѣсколько дней ходилъ, какъ потерянный. Когда онъ принимался за работу, онъ говорилъ себѣ, что это безполезно, что все равно все пойдетъ прахомъ, и тогда каждое движеніе требовало отъ него мучительнаго усилія, точно на томъ, что ему приходилось поднимать или сдвигать съ мѣста, лежала еще другая, невидимая и гораздо бо̀льшая тяжесть.

Но эта глубокая подавленность продолжалась всетаки недолго. Она покинула его, когда, несмотря на его мрачныя предчувствія, все повернулось къ лучшему.

Дождь, котораго всѣ ждали съ такимъ отчаяніемъ, видимо подготовлялся, наконецъ. Надъ горами собирались тучи, изъ ущелій поднималась прохлада; зяблики испускали протяжные жалобные крики, ласточки рѣяли низко надъ землей. Когда упали, наконецъ, первыя капли, для всѣхъ это прозвучало, какъ тихій смѣхъ счастья.

А послѣ дождя погода стала мягче.

И дальнѣйшее теченіе тяжбы съ Венде тоже доставило хромому нѣкоторое удовлетвореніе. Осмотръ мѣстности судебной комиссіей не далъ никакихъ результатовъ: межевыхъ знаковъ не нашли. А въ межевомъ вѣдомствѣ тоже ничего не узнали, такъ какъ продажа этого участка, составлявшаго хуторъ Экснера, не была въ свое время отмѣчена на картѣ владѣній.

Судъ предложилъ тяжущимся полюбовную сдѣлку, по которой Эксперъ долженъ былъ убрать камни съ луга, а Венде—отказаться отъ вознагражденія за помятую траву. Судебныя же издержки имъ предложили уплатить поровну.

Но не на таковскихъ они напали. Венде только хрипло захохоталъ, а хромой зашумѣлъ: ни на волосъ онъ не уступитъ, ни копейки не заплатитъ, добьется своего права! И выбѣжалъ изъ суда.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ бумагу, въ которой ему предписывалось снести всю каменную ограду, находившуюся между его землей и лужкомъ Венде, такъ какъ два старика свидѣтеля самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждали, что подъ этой насыпью находятся межевые знаки. Опять было назначено разбирательство дѣла. Защитникъ Эксперa доказывалъ, что на свидѣтельство этихъ двухъ стариковъ нельзя полагаться, такъ какъ они оба постоянно работаютъ у Венде и находятся въ зависимости отъ него. Послѣ долгихъ споровъ и препирательствъ Венде, наконецъ, согласился самъ снести ограду, но только подъ условіемъ, что Эксперъ возмѣститъ ему расходы, связанные съ этой работой, если подъ оградой окажутся межевые знаки.

Хромой охотно согласился на это, такъ какъ былъ увѣренъ, что никакихъ межевыхъ знаковъ не найдутъ. Втихомолку онъ уже надѣялся, что сможетъ присоединить къ своимъ владѣніямъ узкую луговую полосу Венде.

Больше всѣхъ страдала отъ этой тяжбы Марія. Даже послѣ того, какъ онъ лишилъ ее Бога, хромой не сталъ мягче. Всю злобу, которая поднималась въ немъ при какомъ-нибудь нежелательномъ оборотѣ судебнаго процесса и которую онъ не могъ излить на настоящихъ виновниковъ, онъ вымещалъ на своей женѣ. Онъ заставлялъ ее вставать по ночамъ съ постели, чтобы подметать домъ и сѣни; онъ бросалъ на полъ тарелки и миски, когда ѣда ему не нравилась. То она ходила слишкомъ быстро, то слишкомъ медленно; то онъ требовалъ, чтобы она смѣялась, то чтобы она не дулась; то она причесывалась слишкомъ по-городски, то была слишкомъ блѣдна. Каждый ея взглядъ, каждый ея шагъ, каждый жестъ, который выходилъ не такъ, какъ онъ ожидалъ, онъ принималъ за проявленіе строптивости, на которую она—ввиду своихъ тайныхъ козней противъ него—не имѣла ужъ, кажется, никакого права.

Односельчане, для которыхъ горемычная жизнь Маріи не осталась тайной, только качали головами, удивляясь, что суровая гордость „силезки“ такъ внезапно перешла въ полную покорность.

Марія нигдѣ не бывала, ни съ кѣмъ не говорила. Даже Іозефа и Кэте, этихъ двухъ добрыхъ людей, она избѣгала, чтобы не подавать мужу повода къ новымъ притѣсненіямъ. Въ церковь она приходила уже послѣ начала богослуженія, сидѣла все время, не поднимая головы, и уходила или до окончанія службы или послѣ всѣхъ, чтобы никто не заговаривалъ съ ней. Когда кто-нибудь окликалъ ее, она замѣтно вздрагивала, а потомъ поднимала свои большіе синіе глаза, которые стали еще больше и пріобрѣли болѣзненный блескъ. Она глядѣла точно изъ другого міра. Никогда ни одна жалоба не срывалась съ ея устъ. Всякій разговоръ она упорно переводила со всего личнаго и значительнаго на самыя обыденныя вещи и говорила о нихъ серьезнымъ пѣвучимъ голосомъ. И хотя при этомъ слова ея звучали твердо и увѣренно, въ нихъ всетаки чувствовалось дрожаніе, словно трепетъ сухихъ былинокъ.

Но гдѣ бы она ни находилась, что бы ни дѣлала, всегда ея душа роптала на судьбу.

„Зачѣмъ погналъ Ты меня къ нему? Неужели Ты хочешь, чтобы я такъ страдала?“ вопрошала она Бога въ своемъ сердцѣ.

Неисповѣдимый отвѣчалъ ей черезъ ея мужа новыми муками. Тогда она возопила, наконецъ, тѣмъ душевнымъ воплемъ, при которомъ біеніе сердца останавливается и мысли кружатся въ вихрѣ помѣшательства. Но никто не слышалъ ея отчаянія. У нея только темнѣло въ глазахъ, она не ѣла, не спала и работала, какъ изступленная. И при этомъ все время улыбалась. Это было ея воплемъ.

Когда же она опять пришла въ себя, Божій ликъ измѣнился. Надежный Господь ея дѣтской вѣры превратился въ непонятную, неизмѣримую власть, въ безпредѣльное море, по которому ладья ея жизни носилась, какъ оторванный листъ. Она внимательно оглядывалась кругомъ и видѣла, что жизнь другихъ людей плыветъ спокойно, точно прикрѣпленная къ крѣпкимъ канатамъ. „За что-жъ это мнѣ? Это безконечное страданіе? По Твоему ли велѣнію, Предвѣчный?“ Но, по мѣрѣ того, какъ она вглядывалась въ свою судьбу, въ это сплетеніе запутанныхъ нитей, въ ея душѣ постепенно зарождалась непонятная, непостижимая увѣренность—страхъ, который въ своей конечной глубинѣ былъ радостью. Она погружалась мало-по-малу въ свѣтозарный сумракъ мистической близости къ Богу,—близости, которая каждое сомнѣніе превращала въ новую горячую вѣру, каждое ослабленіе узъ—въ болѣе крѣпкую связь. Каждое новое страданіе становилось обѣтованіемъ радости... Такъ росла въ ней увѣренность, смутная, несознанная,

отдѣленная отъ яснаго представленія какими-то темными бездонными водами, въ которыхъ гасли всѣ контуры, исчезали всѣ краски. Иногда изъ пропастей внутри нея вдругъ какъ будто выплывалъ какой-то образъ; но когда ея душа нагибалась, чтобы разсмотрѣть его, видѣніе расплывалось, и Марія ходила опять унылая, вдвойнѣ удрученная—и несчастьемъ своей жизни, и обычной печалью беременныхъ.

Въ такія минуты она больше чѣмъ когда-либо чувствовала себя лишенной всякой внутренней опоры и видѣла въ этомъ справедливую кару за то, что въ страшную ночь, когда мужъ изгналъ ея Бога, она не боролась съ этимъ кощунствомъ до послѣдней капли крови. А вмѣстѣ съ воспоминаніемъ объ этомъ часѣ въ ея памяти вставалъ опять чудовищный бредовой образъ, который такъ мучилъ ее въ ту ночь. Онъ стоялъ передъ ней ясно, какъ тогда. Всѣ извилины ея души были словно наполнены его кошмарнымъ безобразіемъ: всюду мерцалъ тамъ его тупо-звѣрскій взглядъ и раздавались тягучіе, скрипучіе звуки изъ его некрасиваго рта, точно это были уже не внѣшнія впечатлѣнія, а самые источники ея существа были загрязнены и осквернены.

Въ періоды такого угнетеннаго состоянія она часто становилась добычей животной чувственности. Всякая высшая мысль гасла въ ней. Съ полнымъ пренебреженіемъ къ личному достоинству, какъ будто она никогда не знала стыдливости, ее влекло къ наслажденію, къ наслажденію до крайняго предѣла, до тошноты, до отвращенія.

Но изъ этихъ жуткихъ пропастей опять расцвѣтало въ концѣ-концовъ — сначала робкое и трепетное, потомъ побѣдоносное — сладостное чувство мистической связи ея съ Богомъ.

Чтобы хоть разъ безпрепятственно насладиться этимъ внутреннимъ счастьемъ, она умудрилась однажды подстроить такъ, чтобы ей пришлось самой нести зерно на мельницу.

Мельница была въ сосѣдней деревнѣ. Изъ двухъ дорогъ, которыя вели туда, Марія выбрала болѣе длинную, черезъ лѣсъ. Все послѣднее время дни стояли прекрасные, хорошая погода прочно водворилась на землѣ. Солнечные лучи задумчиво играли вокругъ по-осеннему пестрыхъ кустовъ, бѣлыя облака на небѣ стояли неподвижно, похожія на далекія горы, а когда падалъ листъ, онъ кружился въ золотистомъ воздухѣ такъ радостно, точно его сдунули съ дерева уста спрятаннаго въ вѣтвяхъ ребенка.

Марія шла, склонивъ голову набокъ, а когда передъ ней опять закружился падающій листъ, думы ея вдругъ стали видѣ-

ніемъ: слѣва отъ нея появился ребенокъ, ея ребенокъ, хорошенькая бѣлокурая дѣвочка, которая улыбалась и вприпрыжку шла рядомъ съ нею, почти не касаясь ногами земли.

— Ты моя дитятко, да? Моя? Ангелочекъ мой? Совсѣмъ, совсѣмъ моя? Только моя, да? Я знаю, отъ кого ты у меня: такіе глазки только у Отца Небеснаго,—шептала молодая женщина, полная неизъяснимаго блаженства

Нѣтъ, ея дитя не *его* ребенокъ. Самъ Богъ далъ ей этого ребенка въ награду за то, что она добросовѣстно исполнила Его волю. Ея мужъ былъ только орудіемъ въ рукахъ Всевышняго, который вызываетъ къ жизни цвѣты даже изъ голой скалы, и Богъ не допуститъ, чтобы рука ея мужа разрушила ея волшебныя надежды. Рядомъ съ мужемъ, но въ сторонѣ отъ него, она создастъ себѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ особый міръ, гдѣ ея униженная жизнь опять станетъ спокойной, свободной и счастливой.

Внезапная усталость, колотье и онѣмѣніе въ ногахъ заставили ее поискать мѣста, гдѣ бы присѣсть. Такъ какъ она находилась уже недалеко отъ перекрестка, гдѣ висѣлъ прикрѣпленный къ стволу липы, написанный на холстѣ и вдѣланный въ черную рамку старинный образъ, то она не сѣла на краю канавы, а дотащилась до стоявшей тамъ скамейки, положила свою ношу на землю, сѣла, опустила голову, и продолжала прясть прерванную нить своихъ мыслей.

Вдругъ она вспомнила, что находится передъ святыней, быстро повернулась и упала на колѣни передъ образомъ.

Но, вся во власти своего материнскаго счастья, она была не въ состояніи молиться. Вмѣсто того, она внимательнѣе обыкновеннаго посмотрѣла на знакомую священную картину и медленно, слово за слово, прочла находившееся подъ ней объясненіе. Воззваніе стояло въ концѣ: „О христіанинъ, не проходи мимо, не остановившись здѣсь! Помолись! Пресвятая Дѣва поможетъ тебѣ во всякой бѣдѣ!“. Она прочла его вполголоса и прибавила еще отъ себя:

— О, Боже мой на небеси, о, милосердная Матерь Пречистая...

Хриплый смѣхъ за ея спиной заставилъ ее испуганно обернуться.

За скамейкой, прикрытой кустомъ, сидѣлъ на камнѣ какой-то человѣкъ. Когда Марія умолкла, онъ высунулъ впередъ голову и посмотрѣлъ на нее.

— Густе?—проговорила она, глядя въ его одичавшее лицо, и почувствовала, какъ сердце въ ней сжалось отъ состраданія.

Сапожникъ утвердительно кивнулъ головой, не сводя съ нея мутныхъ глазъ пьяницы.

Марія поднялась, сѣла на скамейку и придвинула съ себѣ мѣшокъ.

— Что это тебя совсѣмъ не видно, Густе?—спросила она.

Сапожникъ опять спрятался за кустъ, и оттуда снова раздался его хриплый смѣхъ

— Ну, отвѣчай же!—настаивала она.

— Я вѣдь всегда дома,— равнодушно отвѣтилъ онъ, наконецъ.

— Ну нѣтъ. Дома, у матери, ты, говорятъ, совсѣмъ и не показываешься.

— Вотъ потому-то я всегда и дома.

— Что ты городишь, Густе?

Онъ поднялся съ камня, всталъ передъ Маріей на нѣкоторомъ разстояніи, такъ что она могла хорошо разсмотрѣть его, и отвѣтилъ:

— Ну? Я дома тамъ, гдѣ нахожусь... вотъ!

Его одежда была разорвана, смятая шляпа кое-какъ нахлобучена на сѣрые отъ пыли волосы, которые безпорядочно свисали на воротникъ. Почувствовавъ на себѣ взглядъ Маріи, онъ смутился, поправилъ шейный платокъ и опять засмѣялся.

— Почему ты смѣялся давеча?—спросила Марія,—спросила только потому, что въ своей жалости не могла придумать ничего другого.

Клозе подошелъ ближе, поднялъ съ земли мѣшокъ, положилъ его на скамейку, между собой и Маріей, и сѣлъ на конецъ лавки со словами:

— Если тебѣ ничего и ты не сердишься на меня, я посижу тутъ немного.

— Ну да, садись, конечно. Но что я хотѣла спросить... Почему ты не оставилъ мѣшокъ на землѣ?

Пьяница долго смотрѣлъ въ землю, не отвѣчая.

— Святая душа... святая душа...—проговорилъ онъ, наконецъ, посмотрѣлъ на Марію, опять опустилъ голову и еще разъ повторилъ:—Святая душа!

Потомъ выпрямился и отвѣтилъ:

— Кто малъ, тотъ великъ, а кто великъ, тотъ малъ. У добраго сердца нѣтъ лица, но оно всетаки видно въ твоихъ глазахъ! Да, да!... Курамъ на смѣхъ!... Скажемъ, дождь пойдетъ, или буря поднимется, или пожаръ случится, въ лѣсу тамъ, въ домѣ, все равно... Хорошо... Ну, что ты сдѣлаешь? Встанешь на колѣни и поднимешь руки къ небу. Вѣрно? Ха-ха-ха!

Онъ посмотрѣлъ на нее съ сознаніемъ собственнаго превосходства, вскочилъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, опять сѣлъ и продолжалъ съ презрительнымъ жестомъ:

— Ха-ха-ха! Все это мы продѣлали, даже больше!... И молились, и бичевали себя, и мерзли, и голодали. Ха-ха-ха! Все снова, все снова, еще и еще...

Онъ умолкъ, покачалъ головой, въ отчаяніи заломилъ переплетенные пальцы и глухо добавилъ:

— Нѣтъ, не отпускаетъ!... Дождь все идетъ, все идетъ... Оттого, вѣрно, и говорятъ, что дьяволъ иной разъ бываетъ козломъ. Чѣмъ больше ему противишься, тѣмъ больше онъ рогами въ бока пыряетъ... Оставьте вы меня всѣ въ покоѣ!

Онъ сплюнулъ, облокотился на колѣни и уставился въ землю, точно былъ совсѣмъ одинъ.

— Но, Густе... Господь Богъ, подумай же...

Клозе не шевелился. Марія долго не слышала ничего, кромѣ его тяжелаго, прерывистаго дыханія, которое напоминало дыханіе горбатыхъ.

Наконецъ, онъ глухо проговорилъ, глядя на свои носки, которые онъ началъ раскачивать взадъ и впередъ:

— Но все еще мало, все еще мало... Да, да! Я чувствую... не отпускаетъ меня...

Онъ горестно поднялъ глаза къ небу и обратился къ самому Богу:

— Вотъ ужъ Мельникъ, такъ Мельникъ! Не отступится, не отпуститъ, пока хоть одна крупинка осталась... Ты видишь, кто я собственно?

Съ этимъ вопросомъ онъ вдругъ повернулся къ Маріи.

У молодой женщины слезы подступили къ глазамъ, когда она взглянула въ его измученное землистаго цвѣта лицо, и она не могла выговорить ни слова.

— Марія! Не видишь развѣ?

Голосъ его дрожалъ отъ страха.

— Хорошій человѣкъ, вотъ ты кто...—отвѣтила она, полная жалости.

Пьяница пришелъ въ сильное возбужденіе. Онъ вскочилъ, порывисто перевелъ духъ, точно задыхаясь, хотѣлъ, было, убѣжать, сдѣлалъ шагъ, растерянно посмотрѣлъ на Марію, вернулся и со стономъ опять опустился на прежнее мѣсто.

Марія подумала, что Клозе сошелъ съ ума, но она не рѣшалась уйти, боясь, что въ такомъ случаѣ онъ кинется на нее.

— Онъ тебя толкаетъ такъ, что ты падаешь?—пробормоталъ несчастный, какъ будто разговаривая самъ съ собой.

Но Марія поняла, что этотъ вопросъ былъ обращенъ къ ней.

— Ночью выгоняетъ тебя изъ постели? Швыряетъ тебѣ ѣду въ лицо?

Марія глазомъ не моргнула.

— Вѣдь я все знаю, все!—докончилъ Клозе, когда, поднявъ глаза на Марію, онъ не увидѣлъ на ея лицѣ никакого подтвержденія.—И ты еще говоришь, что я хорошій человѣкъ? Ха-ха! Святая душа... Ну ладно, пусть... пусть все идетъ, какъ идетъ... пусть... Но когда-нибудь на меня такое найдетъ, что... А рука у меня сильная, я сумѣю исправить дѣло...

Голосъ его сталъ звучнымъ, въ немъ появилось что-то молодое, страстное, пѣвучее. Клозе молитвенно сложилъ руки и нѣсколько разъ задумчиво кивнулъ головой.

Марія увидѣла, что онъ опять пришелъ въ себя, тихо встала со скамьи и перекинула мѣшокъ на спину.

— Храни тебя Богъ,—сказала она.—И если ты не будешь знать, куда итти, то вѣдь нашъ домъ тутъ за лѣсомъ.

И она ушла.

Сапожникъ сидѣлъ, не шевелясь. Только когда Марія была уже далеко, онъ поднялъ голову и долго задумчиво смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Тихій свѣтъ осени падалъ на его лицо, и казалось, что несчастный улыбается въ блаженной увѣренности.

Перевела М. Розенфельдъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Судный день.

Не изъ могилы, гдѣ мой прахъ истлѣетъ,
возстану я на нѣкій грозный судъ.
Ни оправдать, ни осудить не смѣетъ
меня никто, и всѣ завѣты лгутъ.

Есть жизнь и смерть. Дерзанье и смиренье
сквозь бытіе къ небытію ведутъ.
Не ждетъ меня за гробомъ воскресенье,
не встану я на нѣкій грозный судъ.

И жизнь проживъ отъ грани и до грани,
въ непознанный, въ невѣдомый хаосъ,
низвергну я тщету своихъ исканій,
все недоступное и все, что переросъ.

Мой прахъ разсыплется и духъ мой растворится,
но будетъ ночь, какъ ночь, и будетъ день, какъ день.
Лишь сдвинется незримая граница,
прибавится незримая ступень.

И ступитъ міръ, могилу презирая,
на шагъ одинъ—впередъ или назадъ?
Равно далекъ отъ ада и отъ рая,
я не приму ни кары, ни наградъ.

Изъ нѣдръ глубокихъ, гдѣ мой прахъ истлѣетъ,
на грозный судъ не встану никогда.
Но злоба дня всѣмъ днямъ моимъ довлѣетъ,
и каждый день—великій день суда.

Люблю я жизни хоръ многоголосый
и разноцвѣтную узорчатую ткань,
гдѣ все сплелось: сомнѣнья и вопросы,

и вѣра твердая, какъ мощные утесы,
и зыбкость мысли, трепетной какъ лань.

Люблю недвижность горъ, стремящіяся рѣки,
зеленый мракъ лѣсовъ и неба синій щитъ.
Но больше во стократъ люблю я человѣка
и все, чѣмъ онъ живетъ, и все, что онъ творитъ;

его дома, дворцы, заводы и амбары,
гудѣніе машинъ и звонъ колоколовъ,
тяжелыхъ молотовъ гремящіе удары,
и напряженье мышцъ, и сказочныя чары
расчетовъ, мыслей, взглядовъ, жестовъ, словъ.

Люблю простой горшокъ у гончара въ деревнѣ,
и вазу цѣнную въ палатахъ богачей,
и сѣрую толпу въ заплеванной харчевнѣ,
и залы пышныя, гдѣ женщины-царевны,
гдѣ все изысканно: отъ яствъ и до рѣчей.

Люблю на улицахъ стремительность движенья,
и скрипъ, и свистъ, и ревъ, и звонъ, и гамъ;
на людной площади—народное кипѣнье,
и въ тишинѣ церквей смиренное служенье
несуществующимъ богамъ.

Я все хочу объять, я все извѣдать жажду,
и если все—соблазнъ, я соблазниться радъ.
Мнѣ каждый день дается лишь однажды,
и каждый мигъ и жизни обликъ каждый
таятъ въ себѣ неоцѣнимый кладъ.

И если все доступно лишь за плату,
я расплачусь, не споря о цѣнѣ;
я самъ схвачу и заступъ и лопату,
и все, чѣмъ сердце гордо и богато,
вы безъ труда добудете во мнѣ.

И все жъ, пока я занимаю мѣсто
среди гостей на жизненныхъ пирахъ,
моя душа, какъ мудрая невѣста,
ждетъ жениха съ лампадою въ рукахъ.

Чтобъ пламя робкое до времени не гасло,—
клеймя измѣною и отдыхъ мой и трудъ,—

она струитъ, какъ жертвенное масло,
всю кровь мою въ невидимый сосудъ.

И надъ свѣтилами, горящими въ пространствѣ,
надъ блескомъ праздничнымъ, вѣнчающимъ мой пиръ,
свѣтильникъ свой, для безпріютныхъ странствій,
она возноситъ въ запредѣльный міръ.

И шепчетъ мнѣ: былъ мужъ тебѣ подобный,
живой, и алчущій, и скорбный человѣкъ;
и соблазнялъ его, неправедный и злобный,
духъ-искуситель, проклятый вовѣкъ.

Въ пустынѣ тотъ постился сорокъ сутокъ
и жаждой былъ и голодомъ томимъ.
Тогда злой духъ предсталъ предъ нимъ,
смиренъ и жутокъ,
и молвилъ такъ: „коль вѣришь ты, что есть
надъ міромъ міръ и Богъ надъ небесами,
и хочешь пить и хочешь ѣсть,—
скажи, чтобъ камни сдѣлались хлѣбами“.
И мужъ отвѣтилъ: „ты-ль не зрѣлъ лица
Того, чью волю совершу тоскуя?
Есть міръ иной, и вѣрю я въ Отца;
но не однимъ лишь хлѣбомъ проживу я“.

Тогда вознесъ его лукавый въ высоту:
„бросайся внизъ, коль Богъ твое спасенье!
Пусть ангелы тебя поддержатъ на лету
и не дадутъ разбиться о каменья“.
И мужъ отвѣтилъ: „смерть—дорога въ рай.
Но Бога своего не искушай“.

И вновь на дальнюю вершину
возвелъ его коварный врагъ
и такъ сказалъ: „твой Богъ всеблагъ;
но что же далъ Онъ сыну?
Не зришь ли ты всю роскошь мірозданья,
всѣ царства міра, все богатство ихъ
простертыми у ногъ твоихъ
въ покорномъ ожиданьѣ?
Все можетъ стать твоимъ. Величья даръ безцѣнный
въ моихъ протянутыхъ рукахъ:

отвергни сердцемъ Божій страхъ
и предо мной пади во прахъ,
чтобъ встать властителемъ вселенной".
И мужъ отвѣтилъ: „отойди, лукавый!
Не жажду я и не приму
богатства, власти или славы.
Но поклонюсь—лишь Богу моему".

Не я ль въ пустынную обитель
ушелъ, какъ нѣкогда Христосъ,
чтобъ тамъ лукавый искуситель
соблазны міра мнѣ поднесъ?

И если я душою чуткой
ихъ разглядѣлъ и оцѣнилъ,
но въ сердцѣ не хватило силъ
отвергнуть зовъ истомно-жуткій,

то я стою передъ собой,
какъ вѣрный другъ, какъ рабъ невѣрный,
и самъ надъ собственной судьбой
творю я судъ нелицемѣрный.

Я въ два лица свои гляжу,
склоненъ надъ бездной мглистой,
и притчу древнюю твержу
Луки-Евангелиста.

„Тихій гость предъ очагомъ.
Тихо въ домѣ. А кругомъ
ждутъ толпой чужіе.
Хлынутъ въ дверь. Но до поры
съ гостемъ только двѣ сестры:
Мареа и Марія.

—Гость желанный, съ нами-ль ты?
видимъ блѣдныя черты
съ лаской вѣчно новой...—
Но незримая землѣ
кровь сочится на челѣ,
гдѣ вѣнецъ терновый.

И читая скорбь и страхъ
въ двухъ трепещущихъ сердцахъ,

какъ во всѣхъ на свѣтѣ,
сказку сестрамъ шепчетъ онъ,
чтобы жизнь онѣ сквозь сонъ
видѣли, какъ дѣти.

Марѳа то спѣшитъ къ плитѣ,
то въ привычной суетѣ
столъ большой готовитъ.
А Марія къ гостю льнетъ
и, забывъ про тяжкій гнетъ
будней, сказку ловитъ;

сказку вѣчную о томъ,
какъ нежданно въ каждый домъ
постучитъ Мессія"...
И не такъ ли каждый часъ
сердце вы двоите въ насъ,
Марѳа и Марія?

Марѳа, Марѳа, плоть моя,
что ты скажешь, не тая
суетной измѣны?
Не коварна ты, не зла:
отчего же предпочла
тлѣнной жизни плѣны?

Вѣдь сегодня, какъ вчера
отдалась твоя сестра
зову неземному.
Иль его не слышитъ плоть?
иль такъ трудно побороть
сладкую истому?

Осудилъ тебя не я,
Марѳа, Марѳа, плоть моя,
жизнь моя земная.
Не твоя-ль обманна власть?
Избрала благую часть
не сестра-ль родная?

Слышу тихій я отвѣтъ:
гость пришелъ и гостя нѣтъ:
чей же судъ пріемлю?

Съ нами онъ и ѣлъ и пилъ,
брата къ жизни воскресилъ
и вернулъ на землю.

Душу словомъ озарялъ,
не хлѣба онъ преломлялъ
для алкавшей плоти.
Завѣщалъ намъ свѣтлый сонъ,
но, любя, склонялся онъ
къ скорби и къ заботѣ.

Птицъ любилъ онъ и цвѣты,
и возсталъ изъ темноты
каменной гробницы,
чтобъ сойти къ ученикамъ;
но сперва предсталъ очамъ
плачущей блудницы.

Если чашу пью до дна,
я ли гостю не вѣрна
въ радости и въ горѣ?
Онъ одинъ къ Отцу приникъ;
мнѣ же свѣтитъ Божій ликъ
въ каждомъ встрѣчномъ взорѣ.

Гость пришелъ и гостя нѣтъ.
Знаю не одинъ завѣтъ
благостный и праздный.
Но безплотный сонъ души
не таитъ ли—самъ рѣши—
грѣшные соблазны?"

Когда въ субботній день ученики взалкали
по нивѣ проходя,
и, строгаго запрета не блюдя,
колосья спѣлые срывали,
чтобъ голодъ утолить,—
ихъ фарисеи начали корить,
ссылаясь на законъ незыблемый отъ вѣка.
Но, отвѣчая имъ, учитель рекъ:
Суббота создана для человѣка,
не для Субботы созданъ человѣкъ.

И было утро. По странѣ унылой
онъ шелъ къ святымъ мѣстамъ.
И хоть пора не наступила
созрѣть плодамъ,—
къ смоковницѣ, стоявшей тамъ,
онъ подошелъ голодный,
чтобъ смоквъ набрать.
Кругомъ пустынная лежала гладь,
и было дерево до времени безплодно.
И онъ, смиреннѣйшій и кроткій, какъ никто,
встрѣчавшій грѣшниковъ безъ слова укоризны,
не проклялъ ли смоковницу за то,
что для нея законъ былъ выше жизни?

Надъ собственной судьбой свершая грозный судъ,
я не вмѣщу-ль таинственнаго слова?
Оно звучитъ безстрастно и сурово
изъ устъ, которыя не лгутъ.
„Во чревѣ матери ужъ были тѣ скопцами,
а эти—волею людей оскоплены,
но третьи, царству Божьему вѣрны,
себя казнили сами“.

Изъ нѣдръ глубокихъ, гдѣ мой прахъ истлѣетъ,
на грозный судъ не встану никогда.
Но злоба дня всѣмъ днямъ моимъ довлѣетъ,
и каждый день—великій день суда.

И хоть страшусь послѣдняго рѣшенья,
я преступилъ завѣтную черту.
О сестры робкія, не бойтесь осужденья:
я въ васъ двоихъ позналъ двойную правоту.

Невидимъ Марѳѣ свѣтъ мерцающей лампады,
Маріи не познать улыбчиваго дня;
и если все—соблазнъ и вы соблазнамъ рады,
кто осудилъ бы васъ?... иль оправдалъ меня?

Съ тобою, плоть моя, люблю родную землю,
съ тобой, моя душа, влекусь я въ міръ иной,
и зовамъ двухъ путей по очереди внемлю,
и, двѣ мечты познавъ, не вѣренъ ни одной.

Я смѣлымъ выборомъ вѣсовъ не опрокину;
но въ безысходности обманнаго кольца
отъ каждой истины беру лишь половину
и каждый путь пройду не до конца.

Навѣкъ благословлю и плоть мою и душу,
равно чужихъ и близкихъ мнѣ сестеръ;
но каждый день самъ на себя обрушу
мечомъ пылающимъ клеймящій приговоръ.

Сергѣй Рафаловичъ.

НАЧАЛО КОНЦА.[1])

Была буря, была гроза, была жизнь, полная всѣмъ: счастьемъ, борьбой, юностью и любовью.

Настала затѣмъ другая пора. Недавняя эпоха бури и натиска давно забыта.

— Новыя времена—новыя птицы,—такъ сказало большинство.

Однако, на жизни тѣхъ, кто былъ увлеченъ совсѣмъ, съ головой, бурнымъ потокомъ, годы подъема оставили неизгладимый слѣдъ. Мы не забыли того времени. Но скоро ушелъ девятый валъ, такъ высоко сначала вознесшій насъ и послѣ такъ жестоко бросившій на мель вынужденнаго бездѣйствія.

Пора вспомнить о томъ, что было.

И я, одинъ изъ офицеровъ разбитой арміи, хочу разсказать кое-что сохранившееся въ моей памяти. Не моя вина, если сильнѣе всего запечатлѣлись въ моемъ мозгу тусклые дни пораженія: начало конца.

Мои симпатіи въ 1905 г., когда я поступилъ въ университетъ, были на сторонѣ соціалъ-демократіи, и немного позднѣе я вступилъ въ рабочую партію.

---

[1]) Когда я писалъ эту вещь, я просто хотѣлъ разсказать о томъ, что было. Внимательно прочитавъ написанное, я увидѣлъ, что многія отрицательныя стороны дѣятельности соц.-дем. партіи выступили довольно выпукло. „Опубликовывать ли свою вещь?"—возникъ вопросъ. Но разъ такъ написалось, когда я объ этомъ не думалъ, значитъ, такъ дѣйствительно было. А если такъ было, молчать не надо. Я всегда былъ убѣжденъ, что надо громко говорить не только о положительныхъ, но и отрицательныхъ явленіяхъ нашей революціи. Къ сожалѣнію, многіе смотрятъ иначе. Почти всегда мужество связано съ пересмотромъ взглядовъ. *У меня такого пересмотра нѣтъ.* Во избѣжаніе недоразумѣній считаю своимъ долгомъ заявить это. Но другъ—Платонъ, а еще большій другъ—истина. *Авторъ.*

Мы печатаемъ предлагаемый очеркъ, какъ правдивое и искреннее изображеніе важныхъ явленій изъ недавняго прошлаго нашей общественной жизни, надъ которымъ нельзя не задуматься. *Ред.*

Огромные размѣры Петербурга дѣлали невозможной общегородскую работу. Поэтому партійная организація была раздѣлена на районы: Невскій, Нарвскій, Петербургскій, Выборгскій, Желѣзнодорожный и т. д.; кажется, всего было девять районовъ. Но и всякій районъ по своимъ размѣрамъ оказывался больше средняго губернскаго города; Невскій, напримѣръ, начинался отъ Александро-Невской лавры и оканчивался за Обуховскимъ заводомъ. Паровая конка идетъ это пространство (считая также пробѣгъ за Обуховскимъ заводомъ) около часа. Вслѣдствіе этого каждый районъ дѣлился на подрайоны. Скажемъ, въ томъ же Невскомъ были подрайоны: Стеклянный, Семяниковскій, Фабричный, Александровскій и Обуховскій.

Судьба забросила меня въ одинъ изъ пригородныхъ районовъ. Странное впечатлѣніе получалось, когда съ оживленнаго, полнаго народомъ, залитаго электричествомъ Невскаго проспекта черезъ полчаса попадаешь въ рабочіе кварталы. Заводскія трубы поднимаются высоко къ небу, извергая дымъ и копоть; фабрики-гиганты раскинулись каменными громадами на сотни саженъ, тутъ же огромныя зданія, напоминающія нежилые склады, однако биткомъ набитые рабочими, а чуть-чуть въ сторону, только свернешь въ бокъ съ улицы, по которой перевалпвается „паровикъ",—матушка провинція: двухъэтажные и одноэтажные домики, деревянные мостки, непролазная грязь и рѣдкіе-рѣдкіе керосиновые фонари.

Но и царство машинъ и иллюзія провинціальной тишины рядомъ—не столица, не тотъ наглый и внѣшне-беззаботный Петербургъ, который я зналъ съ дѣтства. Передо мной былъ другой міръ...

Въ рабочую среду я шелъ съ твердой книжной увѣренностью: люди физическаго труда—взрослыя дѣти.

— Что знаютъ рабочіе?

— Ничего.

Между тѣмъ, у меня были нѣкоторыя знанія, казавшіяся мнѣ тогда довольно солидными. „Политическая экономія и даже первый томъ „Капитала", развитіе промышленности, тресты и синдикаты, союзы и кооперативы, исторія революцій—неужто этого мало?... Развѣ многіе профессіональные революціонеры, [1]) съ которыми судьба меня уже сталкивала, освѣдомленнѣе меня? Конечно, нѣтъ,"—такъ думалъ я.

---

[1]) Профессіональнымъ революціонеромъ, или профессіоналомъ, назывался человѣкъ, существовавшій на одни партійныя средства. Чаще всего это бывала жалкая сумма въ 30—35 руб. въ мѣсяцъ. Профессіоналами, понятно, бывали люди, отдавшіе себя всецѣло рабочему дѣлу.

Но ошибался. Для реферата въ студенческомъ кружкѣ, даже для иной газетной статьи, мои знанія были бы достаточны; для партійной же дѣятельности мнѣ нехватало главнаго: знанія рабочей жизни.

У всякаго новичка, который попадаетъ въ рабочую среду послѣдніе годы, рождается то же настроеніе неувѣренности, какое было и у меня. Въ такихъ случаяхъ есть два выхода: первый—самый простой—бѣжать изъ рабочихъ кварталовъ и больше въ нихъ не показываться; второй—самому начать учиться у рабочихъ.

Выбравъ себѣ опредѣленный районъ и познакомившись съ нѣкоторыми рабочими, я пошелъ этой второй, болѣе трудной, дорогой. Частымъ гостемъ видѣли меня небольшія квартирки, по преимуществу безсемейныхъ рабочихъ, ютившихся нѣсколько человѣкъ въ небольшой комнатенкѣ. Заходилъ запросто, по-товарищески, и встрѣчали меня всегда радушно, даже радостно.

— Здравствуйте, Георгъ, [1]) а мы чай пьемъ. Садитесь съ нами.

Начались разговоры о фабрикѣ, о мастерѣ... Разсказывали, смѣялись, шутили... Наконецъ, кто-нибудь вспоминалъ:

— Пора. Идемте на собраніе!

Зимой по вечерамъ чаще всего мы собирались въ школѣ.

На стѣнѣ въ классѣ висѣла карта Европы или Америки, а пропагандистъ съ указкой въ рукѣ доказывалъ преимущества соціалистическаго строя или необходимость вооруженнаго возстанія.

Сходясь постепенно съ рабочими все лучше и лучше, я замѣтилъ, какая страшная пропасть лежитъ между тремя категоріями пролетаріата.

Прежде всего—настоящая пролетарская интеллигенція. Въ Петербургѣ уже въ 1905 году можно было встрѣтить сравнительно много рабочихъ, познакомившихся (главнымъ образомъ, по тюрьмамъ и ссылкамъ) съ политической экономіей, съ Марксомъ, исторіей литературы, философіей, даже физикой. Такіе пролетаріи въ своемъ соціально-политическомъ развитіи значительно превосходили типичнаго интеллигента съ университетскимъ образованіемъ. О подобныхъ рабочихъ профессіоналы любили говорить: „Это будущій русскій Бебель“...

Обыкновенный рабочій-партіецъ стоялъ уже гораздо ниже, по

[1]) Въ партіи обычно работали подъ кличками, мѣняя настоящія имена. Вслѣдствіе нежеланія называть людей ихъ настоящими партійными именами я въ свою очередь вездѣ измѣнилъ даже партійныя клички.

всетаки чаще всего это былъ развитой человѣкъ, крайне легко все схватывающій и быстро разбирающійся нерѣдко въ весьма сложныхъ вопросахъ. Такова вторая категорія.

Къ третьей категоріи надо отнести рабочихъ-массовиковъ. Между послѣдними и организованными рабочими лежала цѣлая пропасть. У людей толпы своя психологія, свои навыки, своя жизнь; они больше люди чувства, нежели люди ума. Партійныхъ рабочихъ надо было убѣждать, массу надо было увлекать, вести за собой.

На митингахъ съ тысячной толпой всегда создавалась иллюзія героизма.

Крикнешь:

— Долой...

И тысячи голосовъ подхватываютъ за тобой:

— Долой...

Скажешь:

— Идемъ, товарищи!

И идутъ.

Очень часто подъемъ духа у слушателей бывалъ больше, нежели у привычныхъ, выступающихъ съ пламенными рѣчами ежедневно, а то и нѣсколько разъ на день, ораторовъ.

Вспоминается мнѣ митингъ стачечниковъ неудавшейся, въ общемъ, забастовки булочниковъ весной 1907 года.

Первая забастовка лѣтомъ 1906 года значительно улучшила положеніе булочниковъ: повысила заработную плату, значительно сократила рабочій день, заставила хозяевъ нѣкоторое время считаться съ рабочими. Но къ веснѣ 1907 года положеніе снова нѣсколько ухудшилось и возникла новая забастовка, противъ которой высказывались нѣкоторые авторитетные руководители союза булочниковъ.

Конечно, когда забастовка началась, всѣ, даже противники ея, приняли дѣятельное участіе въ ней. Въ союзѣ булочниковъ я не работалъ, но районное отдѣленіе союза, помѣщавшееся въ „моемъ“ Н-скомъ районѣ, часто пользовалось моими услугами. Поэтому меня и еще одного агитатора—Надю—попросили выступить на грандіозномъ митингѣ, гдѣ было свыше трехъ тысячъ булочниковъ. Мы должны были пріѣхать вмѣстѣ, но по моей винѣ сильно опоздали, часа на два.

— Никого ужъ нѣтъ! Не стоитъ и ѣхать. Кого мы найдемъ теперь? Вмѣсто часа явимся послѣ трехъ. Чортъ знаетъ что такое!... А все Георгъ,—ворчала Надя.

Я сконфуженно отмалчивался.

Когда мы пріѣхали, члены правленія бросились къ намъ съ радостью:

— Наконецъ-то! Мы уже боялись... Все спрашиваютъ: скоро ли, скоро ли?...

— Кажется, мало народа ушло?—съ торжествомъ спросилъ я, осматривая море головъ, и слегка покосился на Надю.

— Ни одного человѣка!

Подъемъ духа на этомъ митингѣ былъ замѣчательный. Толпа спокойно разглядывала отрядъ казаковъ, кружившихся около насъ. Но мѣсто было удобное: съ одной стороны—густой-густой кустарникъ и лѣсъ, гдѣ казакамъ нельзя было пробраться изъ-за лошадей, а съ другой — болото, въ которомъ люди тонули, проваливаясь по шею, и опять-таки лошади мѣшали героической переправѣ по горло въ водѣ. Офицеръ окунулся разъ и поскорѣе выскочилъ обратно.

Послѣ двухчасового митинга огромная толпа булочниковъ двинулась черехъ Охту. Мы съ Надей избрали другой путь и хорошо сдѣлали. На Охтѣ стачечники выбросили красный флагъ и пошли съ соотвѣтствующими пѣснями; 140 человѣкъ изъ нихъ арестовали и въ административномъ порядкѣ рабочихъ посадили не то на мѣсяцъ, не то на два. Будь я и Надя въ этой толпѣ, мы поплатились бы дороже.

По большей части, конечно, агитаціонная работа велась въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, нежели разсказанный мною только что случай.

Проще всего было говорить въ фабричномъ или заводскомъ зданіи.

Стоишь гдѣ-нибудь около станка въ мастерской. Усталые отъ долгаго изнурительнаго труда, покрытые потомъ, внимательно слушаютъ горячую рѣчь рабочіе. Какъ молотомъ, ударяетъ каждое слово... Чувствуется исключительное отношеніе къ мысли, и самъ на фабрикѣ говоришь иначе, чѣмъ въ большомъ залѣ, красиво освѣщенномъ электричествомъ, наполненномъ „чистой публикой“. Публика такого рода вчера слушала тенора, сегодня слушаетъ тебя, а завтра взоры ея будутъ ласкать борца изъ цирка. Пламень и огонь тамъ не столько неумѣстны, сколько неприличны; красивый жестъ, пріятная улыбка, красота слога и сознаніе собственнаго достоинства—вотъ качества подходящаго лектора. Рабочему-массовику нужно другое: искренность и вѣра... масса чутка, ее не обманешь. Ей трудно, ей нельзя лгать... Но лгать и не приходилось. Мы были убѣждены:

— Близокъ день... Быть можетъ, не завтра, а сегодня...

Начнешь говорить, въ ушахъ звенитъ, голова кружится. Громко выкрикиваешь отдѣльныя слова, изъ которыхъ сплетаются связныя фразы; но точно сквозь сонъ ловишь эти слова. Такъ ли говорю? Да, говорю то, что нужно... и вдругъ сорвалась рѣчь... оборвалъ ее... Безъ красивой фразы, безъ заученнаго заранѣе передъ зеркаломъ любезнаго поклона...

Сразу побѣжала толпа черезъ ворота фабрики. Кто-то перемѣнилъ на время мнѣ шапку:

— Идемъ, товарищъ, не выдадимъ!

Ужъ за воротами... Движутся густо, густо... Затѣмъ порѣдѣло... Идешь спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало. Митингъ конченъ.

Но нельзя проникнуть на какой-нибудь заводъ. Что тогда? Часовъ въ шесть кончались работы. Подойдешь къ заводскимъ воротамъ и ждешь... Вышло нѣсколько человѣкъ, еще нельзя. Больше... Всетаки рано... Нѣсколько сотъ,—теперь пора. Вскочилъ на камень...

— Товарищи!

Сейчасъ же остановились; кто отошелъ отъ завода, возвращается; выходящимъ кричатъ:

— Скорѣй, скорѣй!

Сунулся и заводскій жандармъ, но его быстро окружили тѣснымъ кольцомъ рабочіе: ко мнѣ не пропустятъ.

Долго у завода говорить нельзя: минутъ 10—15. Послѣ часто пріѣзжали казаки. Расходились мы (пока не приходилось разбѣгаться подъ ударами нагаекъ) бодро, съ пѣснями. Въ ближнихъ къ заводу домахъ распахивались окошки, раскрывались двери и появлялись улыбающіяся лица молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. А въ воздухѣ все громче звучала бодрая марсельеза.

Но мы пѣли также и другія—уже печальныя—пѣсни.

Какъ-то хоронили бывшаго члена совѣта рабочихъ депутатовъ. Больной, чахоточный, онъ бѣжалъ съ поселенія и промѣнялъ ссылку на нелегальную... жизнь? Нѣтъ, смерть! Нелегальная смерть—что можетъ быть хуже этого! Послѣдніе свои дни, дни умиранія, провелъ недавній вождь въ Петербургѣ, живя по чужому паспорту, прячась и скрываясь. Хоть въ гробу онъ сталъ самимъ собой: о прошломъ мертвеца не приходилось молчать; какъ онъ самъ, такъ и имя его перестали казаться страшными.

Былъ прекрасный весенній день. Ласково свѣтило солнце. Солнечные лучи не жгли, только грѣли насъ. Тысячная толпа медленно направлялась къ кладбищу. Пѣніе „Господи, помилуй!“ чередовалось съ похороннымъ маршемъ. Едва замолкнетъ

священникъ и хоръ церковныхъ пѣвчихъ, тысячи голосовъ начинаютъ:

„Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной къ народу,
Вы отдали все, что могли за него,
И молодость, жизнь и свободу.“

Пришли на кладбище. Опустили гробъ. Засыпали землей, и у свѣжей могилы послышалось обычное обращеніе:

— Товарищи!

Недолго, однако, дали говорить. Запоздавшая полиція всетаки появилась. Отрядъ городовыхъ, расталкивая толпу, быстро пробирался къ могилѣ.

— Говорите, говорите,—подбадривали меня рабочіе.

Я продолжалъ. И какъ-то невольно, чѣмъ ближе были полицейскіе, тѣмъ рѣзче становилась моя рѣчь.

Когда городовые оказались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, мнѣ сказали:

— Уходите!

Рабочіе окружили толпой и, по обыкновенію, точно мановеніемъ волшебной палочки, меня перебросило на другой конецъ кладбища; потомъ прошелъ черезъ толпу сочувственно улыбавшихся и привѣтливо кивавшихъ мнѣ головами работницъ... и уже на улицѣ.

— Трудненько городовикамъ теперь васъ найти,—хохочетъ одинъ изъ организаторовъ похоронъ.

Мы смѣемся.

...На свадьбахъ и на похоронахъ, зимой и лѣтомъ, подъ дождь и градъ, въ жару и морозъ, на сушѣ и на водѣ—вездѣ приходилось выступать.

На водѣ я любилъ говорить на паромѣ, когда рабочіе переправлялись съ одного берега, гдѣ помѣщалась ихъ фабрика, на другой—въ свои квартиры. Въ сильный вѣтеръ на Невѣ говорить было нелегко, но ораторствовать въ хорошій день было прямо пріятно.

Надо выждать, пока отойдетъ барка съ людьми настолько, чтобы не могъ вскочить съ суши городовой, провожающій рабочихъ. Тогда начинаешь—сильно, полной грудью... Нѣсколько минутъ въ распоряженіи—и ими надо воспользоваться. Медленно тянетъ пароходъ барку, на которой плечо въ плечо стѣснились нѣсколько сотъ рабочихъ. Но противоположный берегъ всетаки приближается... Надо торопиться... Послѣднія слова, обычные лозунги... причалили...

Много красоты и поэзіи, много счастья было въ агитаціонной работѣ... Я не любилъ предвыборныхъ собраній, лекцій и споровъ въ концертныхъ залахъ и театрахъ, хотя иногда выступалъ и тамъ.

Но, необходимая въ то время, агитаціонная работа для широкихъ массъ постепенно теряла свое значеніе. Такова вообще судьба агитаціи: царица въ моментъ подъема, въ болѣе спокойное время она воодушевляетъ лишь тогда, когда митингъ—праздникъ, когда это рѣдкій, единичный случай.

Въ 1905 году массы всколыхнулись, и въ этомъ отчасти сыграла роль агитація. Но надо было углубить, осмыслить движеніе—и это путемъ агитаціи было невозможно. Агитація не могла воспитывать массы. Сейчасъ я думаю, что по-настоящему всѣхъ (въ томъ числѣ и пролетаріатъ) воспитываетъ одна великая учительница—Жизнь. Къ сожалѣнію, въ ту пору эта простая и ясная мысль была плохо усвоена не однимъ мной...

— Нужно воспитывать, а мы занимаемся разговорами,—роптали нѣкоторые.—Что даетъ агитація? Способствуетъ ли она углубленію классоваго самосознанія? Очень мало!

Опытный партійный работникъ, мой постоянный товарищъ по агитаціи въ Н-скомъ районѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Надя часто вздыхала, когда мы уходили съ какой-нибудь массовки.

— Все-то мы граммофонимъ и граммофонимъ, Георгъ,—сокрушалась она.

Но „граммофонить“ мы оба любили—и „граммофонили“ добросовѣстно. Это не мѣшало намъ задумываться. Ибо именно агитаторамъ, на плечи которыхъ съ такой легкостью набрасывалась тога якобы руководящаго героизма, именно имъ—рупорамъ партіи, яснѣе всего бросалось въ глаза ихъ собственное ничтожное воздѣйствіе на массы.

Еще съ большимъ ужасомъ замѣчали наиболѣе вдумчивые партійные дѣятели, что воспитанія не получаютъ не только рабочіе-массовики, но и наши настоящіе воспитанники—партійные рабочіе.

Вырабатывались отдѣльные сознательные вожди рабочаго класса, лучшіе представители пролетарской интеллигенціи, большинство же партійныхъ рабочихъ, усвоивъ нѣсколько основныхъ положеній соціалъ-демократіи, впослѣдствіи оставалось на одномъ и томъ же уровнѣ.

Желали измѣнить это печальное явленіе. Всякіе кружки высшаго типа никого не удовлетворяли; прибѣгали къ различнымъ спо-

собамъ,—и, конечно, разочаровывались. Разскажу хотя бы объ одной подобной попыткѣ.

При выборахъ во вторую Думу большія надежды возлагались нѣкоторыми на такъ называемые уличные комитеты.

Каждая улица и нѣкоторые переулки имѣли на время выборовъ свой комитетъ. Въ него входили всѣ партійные рабочіе, живущіе здѣсь, которымъ предварительно объяснялось значеніе уличныхъ комитетовъ, а также имъ попутно давали нѣсколько уроковъ первоначальной агитаціи и пропагавды. На обязанности членовъ уличнаго комитета было посѣщеніе квартиръ рабочихъ, разносъ избирательныхъ листковъ, объясненіе техники выборовъ; кромѣ того, рекомендовалось вступать съ избирателями въ бесѣды по различнымъ общественнымъ вопросамъ. Такимъ образомъ, наши непосредственные воспитаники приходили въ прямое соприкосновеніе съ рабочими-массовиками въ качествѣ учителей. Рядовой же рабочій, вмѣсто недолгой блестящей рѣчи агитатора, часто перегруженной непонятными словами, имѣлъ возможность въ простой товарищеской бесѣдѣ получить рядъ отвѣтовъ на волнующіе вопросы.

Такъ было въ теоріи. На практикѣ же партійные рабочіе съ исправностью добросовѣстныхъ почтальоновъ разносили всякіе листки, а рабочіе-массовики принимали эти листки съ радостными словами: „Отъ рабочей партіи!“ Но наврядъ ли хоть десятая часть всѣхъ вороховъ бумаги, розданной въ то время, была прочитана. По большей части, листки просто откладывались въ сторону, а когда кто-нибудь и принимался за чтеніе, то быстро чувствовалъ свою несостоятельность. Вообще партійная литература такова, что даже интеллигентный читатель первое время нуждается во многихъ комментаріяхъ. Привыкнувъ же нѣсколько къ подобной литературѣ, и средній рабочій легко усваиваетъ содержаніе почти всякой прокламаціи; но нужна привычка къ такому чтенію. У рабочаго-массовика соотвѣтствующаго навыка не было, а, насколько мнѣ извѣстно, въ той части района, гдѣ я завѣдывалъ уличными комитетами, съ какими бы то ни было вопросами къ партійнымъ рабочимъ обращались довольно рѣдко.

Поэтому и уличные комитеты не достигли результатовъ, которыхъ ждали нѣкоторые изъ насъ.

Впрочемъ, напрасно читатель рѣшилъ бы, что „проклятые вопросы“ воспитанія рабочихъ массъ волновали весь генеральный штабъ отъ революціи. Нѣтъ, большинство руководителей и вождей пролетаріата, независимо отъ принадлежности къ той или къ другой фракціи, довольствовались узко-партійной работой. Въ

чемъ же состояла послѣдняя? Какъ это ни грустно, но партійная работа соціалъ-демократіи того времени сводилась чуть ли не исключительно къ фракціонной борьбѣ.

Фракціонныя разногласія, раскалывавшія и продолжающія раскалывать рабочее движеніе на двѣ части, конечно,—не случайность.

Въ общихъ чертахъ извѣстны разногласія большевиковъ и меньшевиковъ, [1]) споры о характерѣ революціи: демократической или буржуазной; различная оцѣнка роли въ революціи сельскаго и городского населенія, и отсюда различное отношеніе двухъ фракцій къ не-пролетарскимъ партіямъ; стремленіе къ партійной гегемоніи въ рабочемъ движеніи, съ одной стороны, и критическое отношеніе къ современной партіи—съ другой, а отсюда неизбѣжная борьба фракцій въ отношеніи ко всевозможнымъ проявленіямъ рабочей самодѣятельности, какъ, напримѣръ, союзы, кооперативы и проч., и проч. Говорить о причинахъ разногласій въ нѣсколькихъ словахъ невозможно; да и врядъ ли я, въ прошломъ заядлый фракціонеръ-меньшевикъ, оказался бы вполнѣ безпристрастнымъ изслѣдователемъ. Но въ качествѣ лѣтописца недавнихъ дней какъ обойти молчаніемъ весь тотъ вредъ, который приносила обостренная фракціонная борьба? Постараюсь быть хоть безпристрастнымъ разсказчикомъ. Попытаюсь не скрывать ни чужихъ грѣховъ, ни собственныхъ.

Послѣ пораженія на такъ называемомъ объединительномъ стокгольмскомъ съѣздѣ весной 1906 года большевики напрягли всѣ силы, чтобы снова завоевать большинство и опять захватить власть въ свои руки; меньшевики въ то же время старались удержать власть за собой.

Петербургъ, гдѣ царили всякіе комитеты и гдѣ находился генеральный штабъ революціи, былъ ареной ожесточенной борьбы.

Въ концѣ 1906 года петербургская организація насчитывала 3,500 человѣкъ, къ февралю 1907 года—7,000, къ марту—8,500.

Поразительный ростъ числа организованныхъ рабочихъ—результатъ двухъ выборныхъ кампаній: выборовъ на лондонскій съѣздъ и выборовъ на общегородскую конференцію. [2])

---

[1]) Хотя еще существуютъ бундъ и т. д., но главныя основныя разногласія существуютъ между большевиками и меньшевиками.

[2]) До этого во главѣ петербургской организаціи находился петербургскій комитетъ, связанный съ районными комитетами съ помощью выборовъ, кажется, двухъ человѣкъ отъ района. Подобные выборы не были прямыми. Поэтому рѣшили, чтобы каждые 50 человѣкъ посылали своего делегата на общегородскую конференцію. По-

Погоня за голосами пріобрѣтала прямо юмористическій характеръ.

По словамъ виднаго рабочаго съ Семянниковскаго завода, Владиміра Григорьевича, когда происходили выборы на лондонскій съѣздъ, онъ замѣтилъ послѣ выборовъ среди избирателей совершенно неизвѣстнаго ему человѣка.

— Куда вы выбирали?—спросилъ Владиміръ Григорьевичъ.

— Да на съѣздъ.

— На какой съѣздъ?

— Демократической партіи.

— Разныя партіи называютъ себя демократическими. Есть конституціонно-демократическая, партія демократическихъ реформъ, соціалъ-демократическая. За какую же вы голосовали?

— А кто ее знаетъ!

Другой случай еще болѣе характеренъ.

На лѣсопильномъ заводѣ Г-ва рабочіе жили въ помѣщеніи предпринимателя артелью. Фракція, считавшая заводъ „своимъ", объявила, что всѣ г-вцы—организованные, то-есть входятъ въ партію.

— Всѣ сто двадцать пять человѣкъ, безъ исключенія, сознательные соціалъ-демократы?—спросили руководителя-интеллигента.

— Да,—съ усмѣшкой отвѣтилъ тотъ.

Тогда обратились къ рабочему г-вцу, пользовавшемуся популярностью среди своихъ товарищей.

— Послушайте, неужели и вамъ не стыдно говорить это? Сколько у васъ, на лѣсопильномъ заводѣ, сознательныхъ соціалъ-демократовъ?

— Человѣкъ тридцать наберется.

Интеллигентъ расхохотался.

— Не прошло, не надо...

Несомнѣнно, что въ исключительной обостренности фракціонной борьбы были виноваты въ значительной степени интеллигенты. Всевозможныя выступленія, демонстраціи, забастовки заставляли рабочихъ дѣйствовать единодушно. Сверху же шелъ расколъ.

На-ряду съ партійнымъ центральнымъ комитетомъ существовали фракціонные центральные комитеты: большевистскій и мень-

---

слѣдняя становилась законодательной инстанціей для петербургскихъ соціалъ-демократовъ. А петербургскій комитетъ превращался въ исполнительный органъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ районные комитеты замѣнялись районными конференціями, гдѣ право голоса имѣли члены общегородской конференціи, работающіе въ данномъ районѣ.

шевистскій. На-ряду съ находившимся въ рукахъ большевиковъ петербургскимъ комитетомъ имѣлось фракціонное меньшевистское бюро. Затѣмъ шли два районныхъ комитета и подрайонныя совѣщанія. Вообще у каждой фракціи происходили свои предварительные сговоры, и лишь послѣ такихъ совѣщаній, какъ нѣчто цѣлое, выступали большевики противъ меньшевиковъ и меньшевики противъ большевиковъ.

У каждой фракціи были свои суммы. Изъ этихъ суммъ платили за литературу, снабжали профессіоналовъ деньгами и т. д. Общепартійная касса существовала сама по себѣ.

Въ петербургской организаціи рабочіе взносовъ почти совершенно не дѣлали: меньшевики не давали петербургскому комитету изъ принципа, такъ какъ комитетъ большевистскій, а большевики... тѣ просто не давали.

Касса рабочей партіи составлялась изъ пожертвованій буржуа (въ томъ числѣ нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикантовъ), а также изъ поступленій отъ „доходныхъ предпріятій"; тогда „доходными предпріятіями" рѣдко бывали концерты или лекціи, въ модѣ былъ иной способъ, впослѣдствіи, изъ-за своего развращающаго вліянія на боевиковъ и на партію, осужденный лондонскимъ съѣздомъ: этотъ печальный способъ—экспропріаціи.

Большевики очень любили боевыя дружины и послѣ резолюціи лондонскаго съѣзда острили: „Вооруженное возстаніе будетъ, палками станете сражаться".

На засѣданіи петербургскаго комитета извѣстный дѣятель совѣта безработныхъ, рабочій, съ ироніей и грустью говорилъ:

— Вотъ и боевыя дружинки распустили...

Между тѣмъ, въ виду несомнѣннаго упадка дѣйствительнаго боевого настроенія дружины давно перестали служить революціоннымъ цѣлямъ и превратились... въ *предпріятія*, притомъ даже не особенно доходныя, такъ какъ въ партійную кассу „поступали" гроши, а „суммы" тратились боевиками по своему усмотрѣнію на собственныя надобности, почти всегда „надобности" весьма невысокаго свойства. Несмотря на это, жалкія подачки боевиковъ, получаемыя партіей, давали вождямъ дружинъ исключительныя права.

Такъ было у соціалъ-демократовъ и также у соціалистовъ-революціонеровъ. Кажется, Викторъ Черновъ сообщилъ, что часто эсъ-эровская партійная организація оказывалась простымъ придаткомъ къ боевой дружинѣ, располагающей средствами и распоряжающейся ими по собственному усмотрѣнію.

У соціалъ-демократовъ обычно профессіоналъ и даже рядо-

вой комитетчикъ съ боевой дружиной не сталкивались. Въ комитетѣ появлялись деньги, дѣлалось краткое сообщеніе и по конспиративнымъ соображеніямъ долго объ этомъ не разговаривали.

Комитетскія деньги шли на „свою“ фракцію. Литература, конечно, бывала „своя“, фракціонная. Но какъ поступать съ профессіоналами?

Когда на засѣданіяхъ громили меньшевиковъ за невзносъ денегъ, профессіоналы-меньшевики хладнокровно отвѣчали:

— Мы прямо совѣтуемъ не вносить членскихъ взносовъ. Вы намъ даете? Касса петербургскаго комитета не общепартійная, а фракціонная. Зачѣмъ же вы будете насаждать большевизмъ на деньги меньшевиковъ?

Петербургскому комитету приходилось уступать, но онъ былъ экономенъ.

Дадутъ какому-нибудь профессіоналу-меньшевику (чаще всего комитетчику) пятнадцать рублей и послѣ остальнымъ меньшевикамъ-профессіоналамъ заявляютъ:

— Тутъ вашъ одинъ былъ. Вашъ тутъ уже взялъ! Чего же вы хотите?

Фракціонность культивировали. Ее воспитывали, и молодые партійные работники цѣнились прежде всего, какъ фракціонеры. Человѣкъ, раскалывающій организацію, сразу выдвигался: его замѣчали.

Силы тратились на внутрипартійную борьбу; энергіи не оставалось не только на борьбу съ правительствомъ и съ предпринимателями, даже съ соціалистами-революціонерами и кадетами удавалось бороться лишь между прочимъ, въ пылу фракціонныхъ раздоровъ.

— Вы сами кадеты,—упрекали большевики меньшевиковъ.

— А вы эсъ-эры,—отпарировали тѣ ударъ.

И попутно одни нападали на эсъ-эровъ, а другіе на кадетовъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни велико было зло, причиняемое фракціонной борьбой, эта борьба принесла пролетаріату и нѣкоторую пользу.

Въ стремленіи набрать побольше голосовъ для всякихъ выборовъ, обѣ фракціи довольно широко принимали рабочихъ въ партію. Многіе, правда, только голосовали разъ или два, а послѣ больше не показывались, но зато находилось достаточное число и такихъ, которые втягивались въ партійную работу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ фракціонная борьба заставляла интеллигентовъ считаться съ мнѣніемъ рабочихъ. Большинство внѣ фрак-

ціонныхъ вопросовъ рѣшалось такъ, какъ этого желали рабочіе; интеллигенты не навязывали имъ своего мнѣнія, а, наоборотъ, старались лучше уловить его, чтобы сблизиться съ рабочими.

Наконецъ, постоянные споры пріучали рядовыхъ членовъ партіи внимательно разбираться въ каждомъ вопросѣ. Шли, конечно, за своей фракціей, хотя бы и не понимали чего-либо, тѣмъ не менѣе, постепенно росъ духъ критики.

Больше всего воспитывала (какъ и болѣе всего развращала) фракціонная борьба рабочихъ-вождей. За тѣми особенно ухаживали. Къ нимъ заходили на квартиру, пили у нихъ чай, читали, бесѣдовали съ ними... Пусть это дѣлалось затѣмъ, чтобы завтра рабочій сказалъ чисто-меньшевистскую или чисто-большевистскую рѣчь, не въ томъ суть. Нѣсколько мѣсяцевъ или даже нѣсколько недѣль такихъ постоянныхъ собесѣдованій съ глазу на глазъ приносили свою пользу. Недавно еще полуграмотный человѣкъ становился внимательнымъ читателемъ серьезныхъ книгъ и періодической печати, вчерашній завсегдатай трактировъ дѣлался агитаторомъ, а черезъ нѣсколько времени секретаремъ или предсѣдателемъ союза, культурно-просвѣтительнаго общества или кооператива.

Велики преступленія фракціонной борьбы; но надо отдать справедливость, что черезъ горнило ея прошла и вышла оттуда закаленной почти вся нынѣшняя пролетарская интеллигенція.

Ссорились, грызлись, дѣлили шкуру еще не убитаго медвѣдя, а революціонное настроеніе народныхъ массъ замѣтно падало. И чѣмъ слабѣе становились краски подъема, тѣмъ очевиднѣе дѣлалось все безсиліе профессіональныхъ вождей революціи.

Тамъ, гдѣ мы появлялись впервые или появились еще очень недавно, тамъ насъ встрѣчали лучше. Но довѣріе къ намъ сознательнаго авангарда пролетаріата было невелико. Мы не хотѣли замѣчать этого, выдвигали на первый планъ вмѣсто интеллигентовъ передовыхъ рабочихъ, однако, напрасны были наши старанія.

Наконецъ, соціалъ-демократія потерпѣла очевидное пораженіе при выборахъ во вторую Думу.

Всѣ крупные заводы, недавно вѣрноподданные рабочей партіи, отвернулись отъ соціалъ-демократіи и пошли за соціалистами-революціонерами. Депутатское мѣсто и большинство голосовъ уполномоченныхъ осталось, правда, за нами, но благодаря тому, что мелкія фабрики съ малосознательнымъ элементомъ ока-

зались въ нашихъ рукахъ. Помогъ несовершенный (чтобы не сказать болѣе) избирательный законъ. [1])

Любопытно, что недовольные нами рабочіе пошли не столько за эсъ-эрами, сколько противъ эсъ-дековъ. Послѣдующіе выборы показали дѣйствительно крѣпкую связь рабочаго класса и соціалъ-демократіи. Когда же происходили выборы во вторую Думу, пролетаріатомъ была устроена sui generis антисоціалъ-демократическая демонстрація.

Рабочія массы поразительно вѣрно учли создавшееся положеніе.

Происходили выборы во вторую Думу, причемъ эти выборы дали радикальный парламентъ. А петербургскіе рабочіе, вынесшіе на своихъ плечахъ 9 января и октябрьскую забастовку, голосовали противъ *своей* партіи; вѣдь они продолжали считать соціалъ-демократію рабочей партіей, но не вѣрили въ ея силу, потому что не вѣрили въ свои собственныя. Это было нѣчто подсознательное, нѣчто не поддающееся учету, не укладывающееся въ рамки закругленной фразы, но правильнѣе фразы схватывавшее дѣйствительное соотношеніе силъ.

Теперь это понятно. Но тогда въ первую минуту мы прямо-таки не повѣрили итогамъ голосованія.

Многіе рабочіе просто не пришли сообщить о результатахъ выборовъ,—такъ дико было всѣмъ наше пораженіе.

Не дождавшись ни одного вѣстника съ Семянниковскаго завода, компанія интеллигентовъ зашла къ рабочему Меѳодьеву.

— Ну какъ?—спросили его.

— Ни одного соціалъ-демократа.

— Вы шутите!

— Серьезно.

— Кто говорилъ у васъ?

— Абрама спеціально пригласили. Его семянниковцы любятъ. Очень ему хлопали. Хорошо говорилъ, нарѣдкость хорошо. Затѣмъ мы говорили, и намъ какъ слѣдуетъ похлопали.

— Какіе ораторы были у эсъ-эровъ?

— У тѣхъ былъ слабенькій интеллигентикъ и изъ рабочихъ

---

[1]) По рабочей куріи предпріятія съ числомъ отъ 50 и до 1,000 рабочихъ посылаютъ одного уполномоченнаго. Заводы же, насчитывающіе свыше 1,000—по одному отъ каждой тысячи. Такимъ образомъ, заводъ съ 3,000 человѣкъ посылаетъ на собраніе уполномоченныхъ трехъ представителей, а 40 или 50 мелкихъ предпріятій, гдѣ въ общей сложности также занято 3,000 рабочихъ, имѣютъ сорокъ или пятьдесятъ делегатовъ. Несомнѣнно, что избирательный законъ старался дать преимущество мелкимъ предпріятіямъ, такъ какъ тамъ наименѣе культурный рабочій элементъ.

одинъ всего толковый. Имъ почти совсѣмъ не аплодировали. Да ихъ, кажется, и не слушали.

— А выбрали?

— А выбрали соціалистовъ-революціонеровъ!

— Почему же?

— Потому что были только мы и эсъ-эры. Насъ же не хотѣли выбирать! Такъ и кричали при голосованіи: кто противъ соціалъ-демократовъ, идите сюда! Понимаете: не кто за соціалистовъ-революціонеровъ, а кто противъ соціалъ-демократовъ!

...Послѣ постыднаго пораженія, каковымъ de facto была наша побѣда по рабочей куріи, ряды вождей дрогнули, многіе недавно неутомимые партійные дѣятели почувствовали усталость. Одинъ за другимъ бросали партійную работу интеллигенты. На вопросъ: „куда?"—слѣдовали отвѣты: „заниматься", „сдать университетскіе экзамены", „подготовиться къ болѣе серьезной партійной дѣятельности", „отдохнуть".

Интеллигентскія коллегіи пропагандистовъ и агитаторовъ быстро таяли. Настала весна 1907 года. Въ понедѣльничной газетѣ появился фельетонъ, авторъ котораго объяснялъ отсутствіе агитаторовъ и пропагандистовъ тѣмъ, что весною молодежь занялась любовью. Характерно, что возмущенія подобный фельетонъ не встрѣтилъ; наоборотъ, тѣ, противъ кого онъ былъ направленъ, сочувственно смѣялись надъ нимъ и охотно его цитировали.

Въ партійныхъ работникахъ-интеллигентахъ ощущался безусловный недостатокъ. Рабочая интеллигенція въ свою очередь проявляла несвойственную ей вялость. Идеологи и верховные вожди соціалъ-демократіи вынуждены были заняться мелкимъ будничнымъ дѣломъ. Цекисты [1]) принялись за черную работу въ качествѣ пропагандистовъ и организаторовъ, а также участниковъ всякихъ районныхъ конференцій и собраній.

При такихъ обстоятельствахъ судьба меня, молодого партійнаго работника, сдѣлала „генераломъ" (такъ, шутя, называли партійныхъ вождей). Весной и лѣтомъ 1907 г. я былъ однимъ изъ четырехъ меньшевиковъ, входившихъ въ петербургскій комитетъ, [2]) и однимъ изъ шести членовъ нашего общегородского фракціоннаго бюро, замѣнявшаго меньшевикамъ, какъ я уже говорилъ, петербургскій комитетъ.

Работы было невѣроятно много. Съ утра начинались всякія явки, совѣщанія, собранія, митинги—и такъ до поздней ночи.

---

[1]) Т.-е. члены центральнаго комитета.

[2]) Всего было 19 человѣкъ, но 15—большевиковъ.

Усталый, падалъ въ кровать и тотчасъ засыпалъ. Но при ночныхъ засѣданіяхъ спать вовсе не приходилось, такъ что по двое сутокъ ни разу не заглядывалъ домой и оставался все время на ногахъ. Ночныя же засѣданія происходили довольно регулярно.

Съ субботы на воскресенье собирались или комитетъ или общегородская конференція. Изъ конспиративныхъ соображеній мы отправлялись въ Финляндію, въ Теріоки. Пріѣзжали туда часамъ къ восьми вечера послѣ цѣлаго дня усиленной работы. Засѣданія открывались около десяти часовъ, причемъ тянулись до утра. Мнѣ, которому въ районъ надо было ѣхать черезъ весь городъ на окраину, приходилось уѣзжать утреннимъ семичасовымъ поѣздомъ, иногда не дождавшись конца засѣданія.

За Н-ской заставой я былъ около 11 часовъ утра и попадалъ на воскресную массовку для первой половины района, а съ трехъ часовъ уже появлялся на второй массовкѣ—для другой половины Н-ской заставы. Послѣдняя массовка оканчивалась вечеромъ, приблизительно около девяти. Только тогда, напившись чаю, а также пообѣдавъ (или, вѣрнѣе, поужинавъ) у кого-нибудь изъ хорошо зарабатывающихъ ...скихъ рабочихъ, кормившихъ меня безподобными пирогами, я возвращался домой.

Такъ бывало чуть не каждую недѣлю.

Въ лихорадочной безпрерывной работѣ философствовать некогда. И все же, находясь въ первыхъ рядахъ, я необычайно ясно видѣлъ картину развала.

Пораженіе революціи уже перестало быть тайной. На массовыя рабочія собранія приходили депутаты и предупреждали: Думу скоро разгонятъ.

Въ Н-скомъ районѣ мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ депутатомъ эсъ-эромъ, бывшимъ народнымъ учителемъ, З.

Даже сейчасъ хорошо помню тотъ неподдѣльный ужасъ, съ которымъ З. разсказывалъ про свою поѣздку въ провинцію.

— Думу разгонятъ,—говорилъ З,—и ни столица, ни провинція ничѣмъ на это реагировать не станутъ! Насъ, депутатовъ, не поддержатъ.

Въ ту пору—въ маѣ 1907 года—мнѣ казались преступленіемъ подобныя рѣчи въ устахъ революціонера, обязанность котораго—поднимать настроеніе, а не принижать его. Я горячо упрекалъ З. за излишній пессимизмъ, за то, что онъ сгущаетъ темныя краски.

Несмотря на вполнѣ опредѣленные слухи о скоромъ роспускѣ, несмотря на меньшиковскія статьи въ *Новомъ Времени*, ясно говорившія о предстоящемъ ударѣ,—въ абсолютное безмолвіе проле-

таріата и народа не хотѣлось вѣрить. Но пришелъ день третьяго іюня—и при всей своей юности я понялъ: З. былъ правъ.

Болѣе того. Вѣроятно, и самъ З. того тупого упиній, какое имѣло мѣсто, не ожидалъ.

Въ воскресенье, 3 іюня, я немного опоздалъ на массовку. Когда я нашелъ мѣсто собранія, кто-то изъ товарищей уже громко читалъ манифестъ о роспускѣ Думы и объ измѣненіи избирательнаго закона.

Ярко свѣтило солнце. Въ сосновомъ лѣсу, гдѣ происходило собраніе, было пріятно и хорошо. Высокія деревья прятали насъ отъ людей и дарили прохладу, лужайка и мохъ были нашимъ ложемъ, сосновый ароматъ замѣнялъ духи... Но толпа въ тотъ часъ не замѣчала этихъ прелестей.

Я уже говорилъ, что не разъ прежде шла рѣчь о возможности такого поворота дѣлъ, тѣмъ не менѣе, когда фактъ совершился, настало какое-то оцѣпенѣніе. Ораторы пытались говорить, какъ всегда: бросали привычныя слова и знакомые всѣмъ призывы, даже фракціонные споры имѣли мѣсто тутъ же на массовкѣ, гдѣ двѣ трети или три четверти присутствующихъ были не партійные люди. Однимъ словомъ, все было по обыкновенію... Но какъ-ни-какъ въ этотъ день бездонная пучина реакціи поглотила соломинку, за которую судорожно цѣплялись утопающіе революціонеры. И это сказывалось.

Несмотря на оцѣпенѣніе—быть можетъ, даже именно благодаря такому состоянію—мучительно чуствовали всѣ: что-то надо сдѣлать. Но что?...

По постановленію центральнаго комитета, члены второй Думы—соціалъ-демократы—не должны были скрываться и обязаны были отдать себя въ руки правительства. Пусть судятъ!

— Историческій процессъ долженъ имѣть мѣсто,—такъ постановили единогласно.

Подавляющее большинство депутатовъ—въ томъ числѣ туберкулезные Джапаридзе и Церетелли—подчинились этому требованію.

А въ ночь съ 5-го на 6-е Іюня, когда многіе депутаты были уже арестованы, видный дѣятель думской фракціи просилъ позволенія у петербургской конференціи остаться работать „на пользу петербургскаго пролетаріата".

— Я думаю,—говорилъ бывшій депутатъ, вскорѣ послѣ этого очутившійся въ Парижѣ,—что я окажусь полезнѣе здѣсь, среди васъ, чѣмъ на каторгѣ.

Конференція промолчала. Предсѣдательствовалъ тогда Николай, извѣстный агитаторъ, послѣ талантливый публицистъ, въ 1910 году покончившій съ собой, Ив. Коноваловъ.

— Разрѣшаете товарищу остаться съ нами?—спросилъ Николай.

И опять всѣ промолчали. Наконецъ, кто-то сказалъ:

— Конечно, конечно...

Тогда многіе въ душѣ горячо осуждали этого оставшагося на волѣ депутата. Но ни у кого не хватило мужества прямо въ лицо бросить человѣку жестокія слова:

— Иди на каторгу!

Теперь я иногда думаю: не былъ ли онъ правъ, не принявъ на себя всѣхъ мукъ терноваго вѣнца? Что далъ „историческій процессъ"? Стоило ли изъ-за него губить десятки жизней лучшихъ людей?

Но въ ночь съ пятаго на шестое іюня мы такъ не разсуждали. Ахъ, эта ужасная ночь!

Бастовать или не бастовать? Въ каждой фракціи боролись два мнѣнія.

Среди меньшевиковъ шли ожесточенные споры. Цекисты-кавказцы были за забастовку и доказывали, что съ меньшевистской точки зрѣнія въ отвѣтъ на coup d'état необходимо бастовать.

Имъ возражала фракціонерка-меньшевичка, извѣстная, какъ теоретикъ марксизма, въ широкихъ интеллигентскихъ кругахъ.

— А я говорю, что бастовать не по-меньшевически!

Приблизительно въ подобномъ же духѣ спорили большевики.

Въ результатѣ по такому огромной важности вопросу, какъ петербургская забастовка, которая (такъ думали тогда) могла положить начало всероссійской, голосованіе было внѣфракціоннымъ. При той крѣпкой фракціонной дисциплинѣ, какая существовала и въ томъ и въ другомъ крылѣ соціалъ-демократіи, событіе внѣфракціоннаго голосованія относительно серьезнѣйшаго вопроса могло служить лучшимъ примѣромъ растерянности обѣихъ фракцій.

Мало кто сомнѣвался, что политическая стачка не удастся. И, тѣмъ не менѣе, многіе стояли за забастовку.

39 голосами противъ 31—такимъ незначительнымъ большинствомъ отклонили это предложеніе.

Но кажущееся на первый взглядъ такимъ смѣлымъ требованіе „бастовать" по существу не имѣло ничего общаго съ настоящей храбростью. Безразсудство отчаянія—такъ лучше всего можно опредѣлить настроеніе сторонниковъ забастовки.

А отчаяться было простительно.

Представитель военной организаціи, который по должности, казалось бы, долженъ былъ тѣшить насъ радужными надеждами, и тотъ предостерегалъ на этотъ разъ.

Организованные рабочіе послѣ 3 іюня перестали даже показываться на собраніяхъ. Мы приходили въ назначенныя мѣста и встрѣчали одного-двухъ рабочихъ, да и тѣ являлись изъ приличія: откровенно предупредить, что никого не будетъ.

На массовкахъ появились новые невѣдомые люди. Мы ихъ прежде никогда не видали. Они ходили съ суковатыми палками въ рукахъ, шумѣли и ругали партіи—всѣ революціонныя партіи оптомъ, заодно. Насъ они откуда-то знали и встрѣчали появленіе каждаго оратора чуть ли не площадной бранью.

— Все изъ-за васъ,—яростно кричалъ какой-нибудь лохматый слушатель,—мы взяли власть, а вы упустили ее...

Ораторамъ-анархистамъ и максималистамъ доставалось также, но уже значительно меньше. Ихъ лозунги пользовались сочувствіемъ. Поэтому имъ даже хлопали... А когда ихъ просто не слушали, то хоть не мѣшали говорить... Намъ же приходилось *заставлять* себя выслушивать.

Какъ-то на массовкѣ публика особенно разошлась и срывала рѣчи всѣхъ ораторовъ. Я только что пріѣхалъ. При мнѣ началъ говорить большевикъ Ѳома, съ сильнымъ голосомъ, бывшій рабочій. И сейчасъ же замолчалъ.

— О-о-о!—ревѣли со всѣхъ сторонъ.

— Долой!

Кто-то артистическимъ свистомъ покрывалъ весь гулъ.

— Попробуйте, Георгъ,—посовѣтовалъ мнѣ съ ироніей одинъ изъ друзей-враговъ.

Мое самолюбіе было задѣто.

— Попробую!

Когда я направился къ обрубку дерева, служившему трибуной, слегка затихшій шумъ возросъ. Меня замѣтили.

— Не хотимъ слушать меньшевика,—вопилъ чей-то изступленный голосъ.

— Не желаемъ!

— Вонъ!

Я напрягъ легкія.

— Хлѣба и воли!—крикнулъ я.

Замолчали. Прислушались. Анархистскаго лозунга отъ меня не ждали.

— И мы, соціалъ-демократы, хотимъ хлѣба и воли... Но какъ добиться хлѣба и воли?...

Горячую рѣчь кое-какъ минутъ десять терпѣли, а я во́-время поторопился окончить—и меня проводили не свистками, а даже жиденькими аплодисментами.

Однако пріободрившіеся сначала послѣ моего выступленія ораторы эсъ-деки и эсъ-эры успѣха не имѣли. Ихъ рѣчи были сорваны волнующейся толпой.

Когда всѣ расходились, эсъ-эровскій агитаторъ съ усмѣшкой бросилъ мнѣ:

— Ловкій былъ фортель: „Хлѣба и воли“.

Я пожалъ плечами:

— Конечно, „фортель“. А что же другое, разъ больше ничего не оставалось?

Да, у насъ тогда оставались одни „фортели“... Но мы всетаки по старой привычкѣ ходили вездѣ и всюду. Точно ждали чуда, а чуда не было...

Небезызвѣстный Кондратъ, человѣкъ, стоявшій въ сторонѣ отъ партійной организаціи, секретарь одного крупнаго союза, попытался создать совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

Выросло невѣроятное представительство. Отъ завода съ пятьюшестью тысячами человѣкъ придетъ рабочій и заявляетъ:

— Я отъ такого-то предпріятія.

— А вы кѣмъ уполномочены?—спрашиваютъ его.

— Всѣмъ заводомъ.

— Неправда!—отвѣчаетъ ему другой.—Я тамъ работаю и присланъ заводскимъ коллективомъ. Заводъ васъ не посылалъ, и я васъ даже не знаю.

Въ этомъ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, собиравшемся, подобно массовкѣ, въ лѣсу, часто выходили недоразумѣнія. Поднимался шумъ, хотѣли расходиться. Но тогда Кондратъ кричалъ:

— Товарищи! Выслушайте члена Государственной Думы Б-ва!

Изъ кустовъ выскакивалъ соціалъ-демократъ Б-въ и начиналъ выкрикивать истерическія слова объ обязанности рабочаго класса поддержать своихъ представителей.

Несмотря на весь хаосъ кондратовскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, тамъ было, пожалуй, наименѣе угнетенное настроеніе. Но и въ такой обстановкѣ рѣшительныя мѣропріятія были осуждены. Явился какой-то максималистъ, объявившій себя членомъ центральнаго комитета максималистовъ (говорили, что такого даже не существуетъ; но о максималистахъ я передаю лишь только то, что слышалъ). Характерно, что даже максималистъ высказался противъ вооруженнаго возстанія, хотя аргументація его была довольно курьезная.

— Теперь бѣлыя ночи,—въ раздумьѣ замѣтилъ онъ,—и строить баррикады, а также заниматься перестрѣлкой неудобно. Надо подождать осени, когда потемнѣетъ...

То, что я разсказываю, звучитъ, какъ водевиль. Но въ ту пору это была тяжелая драма.

Никогда въ жизни своей я не видѣлъ ничего болѣе сумбурнаго, нежели недолго просуществовавшій совѣтъ рабочихъ депутатовъ послѣ 3 іюня. Въ своемъ хаосѣ онъ хорошо воплотилъ черты своего времени.

Всетаки и тамъ бывали аккуратно. Мало того. Когда кто-либо изъ насъ рѣзко выступалъ на этихъ собраніяхъ, партійные верхи старались обуздать пылъ горячихъ оппонентовъ. Мнѣ самому было сдѣлано полуофиціальное „замѣчаніе" за то, что я не особенно церемонился въ столкновеніяхъ съ Кондратомъ.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, создавшійся съ быстротою коралловаго острова, такъ же необычайно быстро разсыпался. Но революціонныя иллюзіи не исчезли.

Лѣтомъ началась экономическая стачка ткачей, и видные большевики возлагали надежды, что она положитъ начало волнѣ экономическихъ забастовокъ, которыя выльются во всеобщую политическую стачку.

Эти мечты „верховъ" неправильно воспринимались въ низахъ—не только рабочими, но также нѣкоторыми профессіоналами. Смѣсь экономики съ политикой понималась крайне своеобразно.

По крайней мѣрѣ, у насъ въ Н-скомъ районѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай.

На писчебумажной фабрикѣ Н-на началась экономическая забастовка. Только недавно, послѣ проведеннаго въ связи съ началомъ дѣятельности второй Думы митинга, здѣсь удалось поставить небольшую организацію. Фабрика была полна малосознательнаго элемента.

Рабочіе дѣлились на двѣ смѣны, причемъ каждая смѣна была занята по двѣнадцати часовъ безъ перерыва. Даже ѣли, не переставая трудиться, баранки, со связкой которыхъ шли обычно на работу. Заработная плата была нищенская. И вдругъ послѣ 3 іюня н-цы рѣшили бастовать. Была начата стачка и предъявлены требованія: сокращеніе рабочаго дня, повышеніе заработной платы, перерывъ для обѣда и отдыха, вѣжливое обращеніе...

Хотя фабричная администрація нарушала даже требованія инспекціи, но время для борьбы съ предпринимателями рабочіе выбрали крайне неудачное. Будучи увѣренъ, что забастовка бу-

детъ проиграна, и не желая, чтобы въ этомъ обвиняли меня, я сознательно устранился.

Появившійся тогда въ районѣ мой помощникъ, студентъ Б., отъ меньшевиковъ и Ѳедоръ отъ большевиковъ проводили забастовку. Но когда появились штрейкбрехеры и стачечники совершенно потерялись, даже мало опытный Б. понялъ, что забастовка „проваливается". Остался одинъ Ѳедоръ.

— Какъ дѣла у Н-на?—спросилъ я его на засѣданіи нашей районной конференціи.

Глаза Ѳедора забѣгали:

— Я сейчасъ дѣлаю докладъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно, съ изумленіемъ слушалъ я слѣдующее предложеніе.

— Товарищи,—говорилъ Ѳедоръ,—нужны болѣе рѣшительныя мѣры, чѣмъ до сихъ поръ. Поддержка стачечниковъ сборами, агитація и т. д.—этого мало. Появились штрейкбрехеры. Ихъ нужно заставить уйти, нужно ихъ убрать!

— Убрать? Но какъ?—перебили Ѳедора.

Краснорѣчивое пожатіе плечъ, насмѣшливая улыбка и подчеркнутое недоговариваніе Ѳедора сказали остальное.

Я попросилъ слова.

— Чего вы достигнете вашими „болѣе рѣшительными мѣрами"? Усиленія репрессій и только. Полиція станетъ больше заботиться о штрейкбрехерахъ, капиталисты имъ еще сильнѣе посочувствуютъ и больше возненавидятъ н-цевъ. На послѣднихъ будетъ сдѣланъ рѣшительный нажимъ. Н—цы такая публика, которую прижать не трудно... Наконецъ, вспомните, товарищи, что экономическій терроръ, котораго Ѳедоръ прямо не называетъ, но который, несомнѣнно, имѣетъ въ виду, отвергнутъ даже эсъ-эрами. Какъ же мы, противники политическаго террора, пойдемъ по стопамъ анархистовъ и максималистовъ?

На мои послѣднія слова Ѳедоръ откликнулся репликой:

— Собраніе наше исчерпано. Его можно объявить закрытымъ. Соціалъ-демократическая конференція Н-скаго района не *выскажется* за экономическій терроръ. Вы удовлетворены, товарищъ Георгъ?

— Да.

— А теперь,—расхохотался Ѳедоръ,—я объявляю открытымъ частное совѣщаніе большевиковъ, участниковъ н-ской конференціи.

Меньшевики сейчасъ же ушли. Но не успѣли мы покинуть лѣсъ, гдѣ происходило засѣданіе, Ѳедоръ быстро догналъ меня. Безъ насъ рѣшили, значитъ, въ двѣ минуты.

— Намъ вмѣстѣ въ городъ,—сказалъ онъ.

— Уже?—спросилъ я.

— Уже.

На другой день, когда я подходилъ къ паровику, чтобы ѣхать за н-скую заставу, газетчикъ, продававшій *Биржевку*, кричалъ:

— Бомба, брошенная на фабрикѣ Н-на!

Таковы были результаты вчерашняго частнаго совѣщанія.

Съ меня было достаточно, и я рѣшилъ уѣхать.

— Мы васъ не отпустимъ изъ Петербурга,—шутили нѣкоторые цекисты-меньшевики.

— Я здѣсь все равно бросаю работу.

— А въ провинціи?

— Тамъ другое дѣло.

Хотѣлъ уѣхать на Кавказъ, а попалъ въ центръ Россіи, близъ Москвы, въ городъ Т.

Когда я обратился въ общепартійный центральный комитетъ, оказавшійся послѣ лондонскаго съѣзда въ рукахъ большевиковъ, мнѣ со смѣхомъ предложили отправиться на Уралъ.

— Въ центръ большевизма? Я же всегда буду выступать противъ экспропріацій и противъ боевыхъ дружинъ,—отшучивался я.—Резолюція лондонскаго съѣзда—за меня, и уральцы недолго останутся мною довольны.

— Почему? Говорите противъ, сколько угодно, ссылайтесь на лондонскую резолюцію, но подчиняйтесь, если никого не убѣдите, постановленіямъ уральской организаціи: пошлютъ на эксъ, идите. Самое главное—партійная дисциплина. Будьте вѣрны ей, и вамъ всѣ меньшевистскія преступленія простятся. Обѣщайте только, что не будете „лицемѣрнымъ меньшевикомъ", [1]) и завтра поѣдете на Уралъ.

Такъ мило шутили цекисты.

Короче говоря, якобы общепартійный, но фактически большевистскій центральный комитетъ проводилъ обычный фракціонный принципъ: „Лучше никого, чѣмъ представитель другой фракціи". Ни массовые аресты, ни повальное бѣгство профессіональныхъ революціонеровъ не оказывали никакого вліянія на старыя привычки.

Меньшевики же, убѣдившись въ моемъ нежеланіи оставаться въ Петербургѣ, старались послать туда, куда нужно было нашей фракціи. Я мечталъ о Баку, гдѣ, говорили, царство открытаго

---

[1]) Зимой 1906—7 г. прошумѣла брошюра Ленина. *„Лицемѣріе 31 меньшевика"*.

рабочаго движенія: союзы, массовые митинги и близкая широкимъ пролетарскимъ кругамъ рабочая партія. Но меньшевикъ нужнѣе всего былъ Т.—и послали въ Т. Дѣвица изъ московскаго областного района, секретарь меньшевистскаго бюро, уговаривала меня ѣхать въ Т.

— Только годъ тому назадъ,—объясняла она,—мы отбили Т. отъ большевиковъ. Это городъ для васъ. Тамъ можно поставить широкую работу. На сто двадцать тысячъ населенія—девяносто тысячъ рабочихъ. Эсъ-эровъ почти нѣтъ. Вся работа лежитъ на соціалъ-демократіи... Большевики теперь разбиты. Меньшевики захватили все въ свои руки и вдругъ—аресты... Мы такъ боимся потерять Т.! Раньше вождемъ былъ Савелій, рабочій; его посылали на лондонскій съѣздъ. Къ сожалѣнію, онъ и многіе другіе арестованы. Остался одинъ Сергѣй, интеллигентъ. Необходимъ энергичный человѣкъ, который сумѣлъ бы сплотить около себя публику, поставить газету.

— Вы говорите, что Т. уже годъ, какъ въ рукахъ меньшевиковъ. Значитъ, тамъ есть союзы, кооперативы?

— Нѣтъ, организованы одни металлисты. Весь этотъ годъ, вы понимаете, ушелъ на борьбу съ большевиками. Они вѣдь сразу никогда не уступаютъ; вѣчно всякія пакости выдумываютъ! Но теперь ужъ кончено! Сейчасъ вамъ полная свобода, вы можете многое сдѣлать.

Слегка усмѣхнулся:

— Положимъ, о большевикахъ я не забуду.

Московская дѣвица радостно засмѣялась:

— Конечно, я о васъ уже достаточно слышала! Такой, какъ вы, намъ и нуженъ.

Передъ поѣздкой въ Т. я получилъ аудіенцію у представителя общепартійнаго и меньшевистскаго центральнаго комитета Ко-ва, который напутствовалъ меня:

— Помните, чуть выкинутъ большевики экспропріацію или что-нибудь въ этомъ родѣ, сейчасъ же пишите намъ.

Мое предположеніе, что настроеніе провинціи бодрѣе, нежели петербургское, оказалось правильнымъ. Т-ки не знали блестящихъ побѣдъ, далеко не сразу они поняли и весь стыдъ третьеіюньскаго пораженія.

Немного напоминало петербургскую апатію только поведеніе рабочихъ съ патроннаго завода, гдѣ шли массовые расчеты; но причины унынія были экономическаго, а не политическаго свойства. Металлисты съ оружейнаго завода держались гораздо бойчѣе

и были сильно заняты своимъ союзомъ. Въ ихъ средѣ, кромѣ того, родилась мысль объ устройствѣ потребительнаго общества.

Рабочіе и служащіе мелкихъ предпріятій—приказчики, гармонщики, булочники, сапожники—шли всюду, куда ихъ только звали. До этихъ поръ на предпріятія съ небольшимъ количествомъ занятаго люда не обращали вниманія. Поэтому собранія, смѣлыя рѣчи, нападки на правительство и на предпринимателей несказанно радовали такихъ рабочихъ и приводили ихъ въ восхищеніе.

Необходимость союзнаго объединенія необычайно легко воспринималась всѣми рабочими. Только самоварныя фабрики не давали подходящаго элемента. Наши призывы, обращенные въ ту сторону, не достигали желаемыхъ результатовъ.

Многіе изъ отсталыхъ рабочихъ до нашей пропаганды занимались только пьянствомъ, развратомъ и игрой въ карты. Часто во время нашихъ массовокъ или даже на нашихъ собраніяхъ, происходившихъ въ лѣсу или въ полѣ, къ намъ присоединялись незнакомые люди. Оказывалось, что компанія человѣкъ въ 15—20, иногда даже болѣе, картежниковъ бросала игру и предпочитала слушать пламенныя рѣчи.

Особенное значеніе я придавалъ борьбѣ съ алкоголизмомъ; между прочимъ, потому, что надѣялся такимъ путемъ добиться сочувствія женщинъ, враждебно относившихся ко всякимъ организаціямъ. Поэтому мы выпустили листокъ о пьянствѣ, гдѣ говорилось также о необходимости созданія рабочаго общества трезвости. Листокъ этотъ встрѣтили сочувственно не одни мужчины, но—противъ обыкновенія—и женщины. Тогда мы стали организовывать общество трезвости. [1])

Исключительный просторъ для дѣятельности въ Т. пришелся мнѣ по душѣ. Въ Петербургѣ всякое начинаніе, всякая общественная кампанія, предпринятая меньшевиками, встрѣчала невѣроятное противодѣйствіе большевиковъ. Наконецъ, убѣдить однихъ петербургскихъ меньшевиковъ въ чемъ-либо бывало не легко. Шли долгія предварительныя совѣщанія, собранія, частные разговоры. Подобное отношеніе простительно было потому, что почти всякая петербургская кампанія превращалась во всероссійскую. Слѣдовательно, относиться къ ней приходилось весьма серьезно. Въ Т. же всѣ начинанія ограничивались однимъ горо-

[1]) Изъ этого, какъ изъ большинства другихъ моихъ начинаній, вслѣдствіе моего ареста, а главное вслѣдствіе апатіи, охватившей немного позднѣе т-скихъ рабочихъ, ничего не вышло. Тѣмъ не менѣе, почти годъ спустя въ партійномъ органѣ большевики негодовали, что меньшевики дошли до организаціи обществъ трезвости.

домъ, много губерніей. Только нашъ нелегальный органъ мы мечтали превратить въ газету меньшевиковъ всей московской области.

Т—скіе рабочіе сочувственно встрѣчали въ ту пору каждое предложеніе, сводившееся къ тому, чтобы расшевелить массы, организовать ихъ.

Вся моя работа носила культурный и организаціонный характеръ. Нѣсколько словъ о революціи въ какомъ-нибудь листкѣ; двѣ-три фразы на рабочемъ собраніи—и только. Но это былъ лишь привѣсокъ къ самой мирной работѣ въ духѣ западно-европейской соціалъ-демократіи.

Еще большимъ скептикомъ въ отношеніи надеждъ на общественный подъемъ оказался мой товарищъ по руководству т-ской организаціей, Сергѣй. Съ нимъ мы ладили прекрасно, если не считать рѣдкихъ небольшихъ треній.

Зато съ большевиками велась безпощадная борьба. Оправдывался я (главнымъ образомъ, передъ самимъ собой; меньшевики это ставили мнѣ въ заслугу) боязнью, какъ бы большевики не стали насаждать кружковщину и возрождать иллюзіи подполья, мѣшая тѣмъ открытому рабочему движенію. Моей любимой мечтой, служившей темой для многихъ докладовъ, былъ рабочій съѣздъ. Такіе доклады бывали удобны также и тѣмъ, что попутно я нападалъ на большевиковъ.

Впрочемъ, серьезно большевики меня не безпокоили. Въ ихъ рукахъ сохранился только желѣзнодорожный районъ. Остальные три района были наши. Одинъ изъ послѣднихъ оказался настолько пропитанъ фракціоннымъ духомъ, что мнѣ безъ труда удалось добиться единогласнаго принятія резолюціи о недопущеніи большевика въ качествѣ пропагандиста. Нѣкоторыхъ, немного удивленныхъ, Т-скихъ меньшевиковъ я поучалъ:

— Благое дѣло избавиться отъ большевика! Наконецъ-то хоть въ одномъ районѣ можно спокойно работать, не занимаясь фракціонными дрязгами!

Большевики вознегодовали. Начались разговоры, что я раскалываю организацію. Въ этомъ раньше меня обвиняли большевики Н-скаго района въ Петербургѣ, и слухи дошли до Т. „То же хотите и у насъ?“ спрашивали т-скіе большевики.

— А вы что дѣлаете? Вы меня пустили въ желѣзнодорожный районъ?

— Но вѣдь съ вами ходила Аня. Кто виноватъ, что не пришли рабочіе?

Я расхохотался.

Дѣйствительно, организаторъ большевиковъ, Аня повела меня

какъ-то въ паркъ и пообѣщала, что придутъ желѣзнодорожные рабочіе. Но никто не пришелъ. Ясно, никого и не звали. Однако я очень мило провелъ время въ болтовнѣ съ Аней, про которую до этого только слышалъ отъ рабочихъ, что она дочь генерала и владѣетъ нѣсколькими иностранными языками.

— Вы знаете, какъ меня солдаты называли зимой? — спросила Аня.

— Какъ?

— Солдатская... Я работала въ военной организаціи. Чтобы пронести листки, надо было переодѣться... Ну, хуже горничной... вы понимаете?...

Я кивнулъ головой. Что-жъ тутъ удивительнаго: толковыя пропагандистки и организаторши часто появлялись около казармъ подъ видомъ проститутокъ.

— Рискъ большой, — спокойно продолжала Аня. — Организованные не должны дать солдату со стороны даже обнять васъ.. а рискуете большимъ. Но нахалъ обниметъ и подъ платьемъ почувствуетъ кипы бумагъ. Дѣло ясное. Арестъ. Я, конечно, боялась другого. Но безъ револьвера не ходила. Стрѣляю я хорошо.

— И вы часто бывали у казармъ?

— Два раза въ недѣлю: по вторникамъ и пятницамъ.

— Счастливо?

— Какъ видите.

Хохочетъ. Стройная, высокая, красивая, скромно, но хорошо одѣтая, въ англійской шляпѣ, съ хлыстикомъ въ рукахъ. Настоящая „дѣвица изъ общества".

— Вы же типичная барышня. Неужели костюмъ васъ такъ мѣнялъ?

— Очень. Въ другомъ платьѣ меня нельзя узнать. У меня на это есть талантъ.

Аня была толковымъ и дѣльнымъ человѣкомъ. Впослѣдствіи мы сдѣлались друзьями, несмотря на то, что она была яро́й фракціонеркой. Иногда мы ссорились, но скоро мирились. Часто, освободившись отъ партійной работы, я встрѣчался съ нею въ городскомъ саду, и незамѣтно проходили поздніе часы. Хорошее было время!

Бывало, утромъ просматриваешь газету, надо прочесть какую-нибудь книжку; съ двѣнадцати до двухъ гдѣ-нибудь собраніе; послѣ—обѣдъ; съ трехъ до пяти явка или надо написать какой-нибудь листокъ, а то статью для партійной газеты. Но настоящая дѣятельность начиналась позднѣе. Къ шести отправлялся въ городской садъ. Здѣсь было двѣ большихъ аллеи, которыя

мы называли: одну буржуазной, а другую пролетарской. По первой гуляла „чистая“ публика: офицеры, нарядныя дамы, чиновники, хорошо одѣтые штатскіе; здѣсь же помѣщался ресторанъ и играла музыка. На параллельной аллеѣ, рядомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, собирались рабочіе. Сюда всѣ приходили передъ собраніемъ и направлялись уже отсюда.

Жизнь кипѣла. Около меня, какъ общегородского организатора, стояла толпа: я назначалъ пропагандистовъ, давалъ имъ указанія, получалъ всевозможныя справки. Тутъ же раздавали пачки прокламацій или кипы номеровъ газеты, которыя на другой день расходились по всѣмъ заводамъ и мастерскимъ. Кто-нибудь ссорился съ большевиками; небольшая группа обсуждала порядокъ дня районнаго собранія или говорила о союзѣ.

Чуть-чуть подальше сидѣли шпики, которыхъ всѣ знали. На иного начинали кричать:

— Митька... тю... тю...

А „Митька“, пріятно улыбаясь, конфузливо отворачивался въ сторону, но продолжалъ сидѣть на той же скамеечкѣ.

Часовъ послѣ восьми всѣ постепенно расходились на собранія; послѣднимъ съ двумя-тремя товарищами чуть не бѣгомъ удалялся и я. Меня гдѣ-нибудь давно уже ждали.

Шпики тоже всѣ поплелись въ разныя стороны. Осталось немного. Тѣ шли за мной.

Все было такъ просто, какъ-то „по-семейному“. Сначала я недоумѣвалъ и пытался быть осторожнымъ, но меня успокоили.

— Теперь,—сказали мнѣ вскорѣ послѣ моего пріѣзда,—за вами ходитъ нашъ лучшій шпикъ, который раньше не давалъ покоя Савелію. И прогоняли его, и тузили, ничего не помогало. Наконецъ, какъ говорилъ Савелій, у нихъ установился дружественный нейтралитетъ. Идутъ вдвоемъ и оба улыбаются.

Съ т-скими порядками поневолѣ пришлось свыкнуться. Шпики аккуратно провожали насъ не только на массовыя собранія, но и на засѣданія т-скаго комитета, гдѣ всегда могли арестовать весь комитетъ съ кучей компрометирующихъ документовъ.

Лишь послѣ полуночи я бывалъ свободенъ. И если только аккуратно возвращался домой, сейчасъ же засыпалъ, какъ убитый.

Жилъ я на квартирѣ у нѣкой Александры Ѳедоровны. Мое жалованье — ничтожное жалованье профессіонала — равнялось 30 рублямъ въ мѣсяцъ. Добрая старушка брала съ меня за комнату въ центрѣ города, обѣдъ и полный пансіонъ 18 рублей.

На квартирѣ у нея до меня жило нѣсколько профессіоналовъ, и я обижалъ ее своею скрытностью.

— Что вы подѣлываете? Ну, какъ вамъ здѣсь кажется?— интересовалась Александра Ѳедоровна первые дни.

— Ничего. Гуляю, читаю.

— И только?

Она хитро подмигнула мнѣ.

Я засмѣялся.

— Вы же знаете настоящій родъ моихъ занятій.

Какъ-то хозяйка пришла ко мнѣ.

— Если вы хотите что-нибудь спрятать, только скажите...

— Я ничего не держу дома.

Александра Ѳедоровна сокрушенно вздохнула.

— Другіе мнѣ все довѣряли.

— Благодарю васъ. Но, право, я стараюсь ничего не держать дома.

Однажды у меня гостила печать партійной организаціи.

Случайно, не отъ меня, это узнала моя хозяйка.

— Если ночью придутъ съ обыскомъ, суньте подъ дверь въ мою комнату; я сейчасъ же приму и спрячу,—вся сіяла Александра Ѳедоровна.

Въ другомъ случаѣ доброй старушкѣ удалось-таки оказать мнѣ весьма крупную услугу.

Разъ ко мнѣ явился пропагандистъ Василій съ ящикомъ подъ мышкой и объявилъ:

— Я у тебя буду варить гектографъ, а затѣмъ печатать сообщенія нашимъ подрайонамъ о послѣднемъ засѣданіи т-скаго комитета.

— Убирайся, пожалуйста!—возмутился я.

— Но мнѣ негдѣ.

— Такъ ты хочешь меня проваливать?

— У насъ полиція днемъ не приходитъ.

Какъ я ни ругался, но онъ расположился, точно дома. Заговорить начальническимъ тономъ и потребовать, чтобъ онъ удалился, я не хотѣлъ. Поэтому Василій въ квартирѣ моей хозяйки почувствовалъ себя прекрасно. Ходилъ, распоряжался, варилъ въ кухнѣ гектографъ. Александра Ѳедоровна весело суетилась и помогала ему, а на лицѣ у нея былъ праздникъ. Ея сестра, пріѣхавшая изъ другого города погостить, была невольной свидѣтельницей всего этого.

— У меня, Лиза, гектографъ варятъ,—подѣлилась съ сестрой своей радостью Александра Ѳедоровна.

— Вотъ диво какое. Гектографъ! У меня на квартирѣ бомбы дѣлали,—невозмутимо отвѣтила гостья.

Этотъ гектографъ могъ дорого мнѣ обойтись. Василій бросилъ его у меня на квартирѣ, причемъ не смылъ отчета. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней нагрянула полиція. Хорошо, что за два дня до моего ареста и обыска квартирная хозяйка напомнила:

— Спрячьте ящикъ.

Я отдалъ ей гектографъ и этимъ спасся отъ привлеченія меня вмѣстѣ съ другими членами т-скаго комитета. По 102 статьѣ они получили каторгу и поселеніе.

Не будь заботливой Александры Ѳедоровны, до сихъ поръ еще я находился бы внѣ предѣловъ Европейской Россіи.

Арестовали меня 24 августа, въ тотъ день, когда было объявлено о началѣ предвыборной кампаніи въ третью Думу. Взяли еще Сергѣя и Василія.

— Выбирательная кампанія началась, — острили послѣ въ тюрьмѣ по поводу нашихъ арестовъ.

Меня схватили на улицѣ. Только что дружески я попрощался съ однимъ рабочимъ.

— Значитъ, до завтра?

— До завтра.

И за моей спиной раздалось:

— Господинъ, пожалуйте въ первую часть; съ вами приставъ хотятъ поговорить о чемъ-то.

Около меня стоялъ городовой. Было часа два дня. Я находился въ центрѣ города. Бѣжать? Затруднительно. Кромѣ того, меня уже сдавило тѣсное кольцо подозрительныхъ штатскихъ.

— Пожалуйте,—беря меня „подъ локотокъ“, любезно подводилъ къ извозчику городовой.

„Протестовать?—мелькнула мысль.—Нѣтъ, плохо. Ссориться не стоитъ. Схватятъ и тотчасъ же обыщутъ. А въ блокнотѣ проклятыя помѣтки на сегодняшній день. Кто же могъ ждать дневного ареста? Ночью все было бы въ порядкѣ. А сейчасъ записано: столько-то листковъ тому-то, столько-то номеровъ газеты другому; кто какіе кружки ведетъ; порядокъ дня предстоящаго комитетскаго засѣданія. Недурно! Форменная 126 статья: принадлежность къ преступному сообществу, поставившему своею цѣлью ниспроверженіе и проч., и проч. Наказаніе: до ссылки на поселеніе. [1]) Авось удастся выкинуть блокнотъ; что-жъ, буду пока тихъ и скроменъ! Городовой, кажется, глупъ“.

---

[1]) Послѣ с.-д. стали привлекать по 102, до каторги. Но тогда этого еще нельзя было предполагать.

Ѣдемъ. Сдѣлалъ пробу. Вытащилъ изъ кармана носовой платокъ. Какъ отодвинулся городовой! Какъ раздвинулъ руки, чтобы броситься на меня! А, чортъ! Но знаетъ, кого везетъ... Боится выстрѣловъ... Будетъ смотрѣть въ оба. Выкину блокнотъ, замѣтитъ, заставитъ извозчика поднять. Тогда и вовсе плохо.

Вотъ и участокъ. Обыщутъ или нѣтъ? Скромностью теперь не возьмешь. Нужны другіе пріемы.

Вхожу.

— Что за безобразіе! Какое вы имѣете право? Чего вамъ отъ меня надо? Я студентъ петербургскаго университета, дворянинъ, временно живу въ Т.! И вдругъ забираютъ на улицѣ: развѣ я воръ или мошенникъ?

Околоточный рѣшилъ успокоить:

— Если это недоразумѣніе, сейчасъ выяснится. Посидите пока.

И пошелъ спать.

Городовой, что привелъ меня, удалился. Въ пріемной вокругъ меня вертѣлось двое городовыхъ и черезъ окошечко изъ передней за мной усердно слѣдилъ шпикъ. Избавлюсь хоть отъ котораго-нибудь соглядатая.

— Принесите воды!

Одинъ городовой ушелъ. Вдругъ телефонный звонокъ въ сосѣдней комнатѣ. Побѣжалъ и другой. Только шпикъ въ передней. Но, какъ подлецъ, не отрывая глазъ, смотритъ! Все равно! Вытащилъ блокнотъ изъ кармана, вырвалъ листки, скомкалъ ихъ и сунулъ въ ротъ. Проглочу? Застрялъ проклятый комокъ въ горлѣ! Что шпикъ,—кинется вырывать изо рта? Вытащитъ—и судебный процессъ готовъ. Что такое? Шпикъ отвернулся. Ахъ, забыли обыскать! Ихъ вина. Опасается, что самимъ нагоритъ!

Слышу голосъ городового изъ другой комнаты. Докладываетъ въ телефонъ:

— Такъ точно, по предписанію жандармскаго... Извѣстный, извѣстный намъ хорошо. Господинъ полицеймейстеръ его знаютъ... Да, да... Тотъ самый.

Давлюсь, а комокъ не идетъ! Принесли воду. Оказывается, очень кстати. Схватилъ чайникъ и не изъ носика, а прямо сверху лью въ глотку. Проглотилъ.

Я былъ весь облитъ водой. Городовой, говорившій по телефону, уже вернулся и укоризненно сказалъ своему товарищу:

— Чего-жъ ты, дуракъ, стакана не принесъ!

— Ничего,—улыбаясь, успокоилъ я внимательнаго городового,—все хорошо, что хорошо кончается. Я хотѣлъ воды, теперь я напился.

Ахъ, никакая ѣда мнѣ никогда не доставляла такого удовольствія, какъ эти грязные мелко исписанные листки блокнота! Съѣсть ссылку на поселеніе—нѣтъ ничего вкуснѣе...

Скоро появился приставъ, разсматривавшій меня съ любопытствомъ. Въ частной бесѣдѣ поинтересовался: чѣмъ занимались здѣсь, на какія средства жили?

— Къ вамъ на квартиру ѣдемъ съ жандармскимъ ротмистромъ,—любезно сообщилъ онъ мнѣ.

Затѣмъ все пошло своимъ чередомъ. Предписаніе объ арестѣ. Двое городовыхъ уже вечеромъ доставили меня въ тюрьму. Въ тюремной конторѣ меня обыскали, заглянули въ пустой блокнотъ и рѣшили передать его въ жандармское; записали мои примѣты.

Распахнулась передо мной тюремная калитка, и изъ свободнаго обывателя я превратился въ подневольнаго „тюремнаго сидѣльца“.

Впервые въ жизни я услышалъ гулъ собственныхъ шаговъ по тюремнымъ коридорамъ.

— Третья секретная, пятая камера,—крикнулъ тюремщикъ.

Загремѣлъ замокъ огромныхъ размѣровъ. Вошелъ въ новое помѣщеніе.

Вверху небольшое окошечко съ двойными желѣзными рѣшетками. Въ одномъ углу койка, въ другомъ—парашка. Ни стола, ни стула... Еле-еле свѣтитъ керосиновая лампочка...

— Такъ вотъ онъ привѣтъ отъ нарождающейся третьей Думы!

А за моей спиной захлопнулась дверь, щелкнулъ ключъ, опять прогремѣлъ замокъ... И стало тихо...

Эхъ, воля! До свиданія... или, неужто, прощай?...

Ушелъ девятый валъ, и быстрой птицей улетѣла за нимъ сказка жизни.

Мѣсто сказки заступила проза, тяжелая проза тюрьмы, этапа и ссылки...

Борисъ Фромметтъ.

Г. Мглинъ, Черниговской губ.
Іюль, 1913 г.

ТЕБѢ ЕДИНОМУ СОГРѢШИЛА.

Повѣсть.

(Tibi soli peccavi... ps. 50).

I.

На десертъ принесли незрѣлые персики. Какъ, опять то же самое? А гдѣ же обѣщанный пломбиръ? Мужчины стучали ножами по бокаламъ, дамы улыбались. Требовали м-мъ Гоншэ изъ кухни. Несмотря на ея запрещеніе, кто-то поднялъ шторы и раскрылъ окна, выходящія на rue Mont-Blanc. Донеслась безвкусная швейцарская музыка. Мимо маршировалъ одинъ изъ отрядовъ какой-то корпораціи съ флагами и барабаномъ, сопровождаемый мальчишками. Публика останавливалась и улыбалась.

Всѣ бросились изъ-за стола. Только Мечка Бенишъ и элегантная француженка пожали плечами.

— Поминутно одно и то же... Это смѣшно, наконецъ,—пробормотала парижанка, спокойно очищая персикъ.

Изъ кухни явилась м-мъ Гоншэ, багровая отъ плиты и ярости. Ея черное шелковое платье, слишкомъ узкое и въ пятнахъ, пропахло соусами и супами. Она двусмысленно пошутила съ коммивояжеромъ. Это очень понравилось. Къ ней потянулись чокаться. Милая, очаровательная м-мъ Гоншэ. Всѣ рѣшили, что она кормитъ необыкновенно хорошо.

Она обратилась къ блѣдной Мечкѣ:

— Я видѣла васъ вчера въ Notre Dame de Pâquis... пѣли дивно... не правда ли?

— Вы бываете въ костелѣ?—удивилась француженка,—но это смѣшно.

Комми-вояжеръ возился съ зубочисткой, стараясь подавить икоту.

— Въ костелъ ходятъ только старики, дѣти и истерички,—заявилъ онъ.

Молодая бельгійка, носившая въ ушахъ поддѣльные жемчуга, громко разсмѣялась. Она ждала отвѣта Мечки и, забывшись, положила на скатерть свои крупныя красныя руки. Ея маленькая дочь серьезно слушала споръ. Мечка не сказала ни слова. Коммивояжеръ бранилъ духовенство. М-мъ Гоншэ находила, что безъ религіи нравы были бы черезчуръ распущены. Француженка жаловалась на лицемѣріе во Франціи.

— Ну... ну...—примирительно вмѣшалась бельгійка,—безъ Бога не будетъ удачи... Идемъ домой, Силли...

Она потащила малютку-дочь за руку, какъ куклу, гордо выпячивая пышную грудь.

Теперь въ столовой остались Мечка и м-мъ Гоншэ. Мечку охватила болѣзненная лѣнь. Она машинально перебирала концы своей траурной вуали. Двѣ горничныя въ высокихъ бѣлыхъ чепцахъ уносили посуду. М-мъ Гоншэ перестала улыбаться, закрыла окна и приводила въ порядокъ букеты тюльпановъ.

— Дамы растаскиваютъ цвѣты,—жаловалась она,—ахъ, Боже мой, я до сихъ поръ не сдала комнатъ... Я хотѣла бы найти иностранку безъ профессіи. Увѣряю васъ, онѣ—единственныя, которыя еще могутъ платить.

И бросая любопытный взглядъ на изящный костюмъ Мечки:

— Вы—такая милая, скромная... я была бы счастлива...

— О... У меня нѣтъ средствъ для вашей квартиры, м-мъ Гоншэ, и потомъ я всегда предпочитаю отель...

Швейцарка согласилась. Она сказала нѣсколько сочувственныхъ словъ по поводу траура Мечки.

Молодая вдова... Второй годъ... О, это несчастіе! Хорошо еще, что м-мъ не имѣла дѣтей. Что же касается ея туберкулеза, то кто теперь не боленъ туберкулезомъ. И, наконецъ, всѣ доктора мошенники и имъ не слѣдуетъ вѣрить.

Снова на улицѣ играла музыка. Изъ коридора доносились пронзительные голоса прислуги.

Спускаясь по лѣстницѣ, Мечка держалась за перила, боясь головокруженія. Для яркой весенней улицы она была слишкомъ печальна. Ея тонкое, правильное, очень блѣдное лицо освѣщалось безнадежно-усталыми синими глазами. Волосы, свѣтло-золотистые у висковъ, къ затылку переходили въ пламя. Пряди ихъ были тонки, мягки и плоски. Вѣтеръ вздымалъ ея крепъ. Она подолгу останавливалась у витринъ. Нитка громадныхъ аметистовъ восхитила ее, а цвѣты за стекломъ привели въ мечтательное настроеніе.

Около Роны она тоже задержалась дольше, чѣмъ нужно.

На островѣ Руссо въ грязной водѣ кормили грязныхъ лебедей. Она напрасно хотѣла найти ихъ поэтичными.

Мечка вспомнила хвастливаго, тщеславнаго и фальшиваго философа, котораго ненавидѣла. Его „Новая Элоиза“ казалась ей кощунствомъ передъ истинной великой Элоизой.

Медленно Мечка свернула къ главной почтѣ, гдѣ выдавали письма до востребованія. Здѣсь она присѣла на одну изъ скамей, дожидаясь очереди. За рѣшеткой мелькали чиновники. Они перебрасывались между собою словами, улыбками, жестами, равнодушные къ публикѣ, механически-точные. Одинъ изъ нихъ, самый молодой, бѣлокурый, голубоглазый, краснѣлъ при видѣ Мечки.

Она спросила его какъ-то:

— Ваше имя, м-сье?

— Жанъ Біоро, м-мъ.

Ей стало грустно отъ его растерянной улыбки. Развѣ можно полюбить съ перваго бѣглаго взгляда? Она думала, что это ужасно, и бѣлокурый чиновникъ смущалъ ее въ свою очередь.

Сейчасъ она замѣтила ксендза Игнатія Рафалко и Костю Юраша. Первый былъ настоятелемъ въ Н-скѣ, гдѣ постоянно жила Мечка, второй—тамъ же ученикомъ музыкальнаго училища.

Съ ксендзомъ Игнатіемъ у Мечки вышла зимою маленькая размолвка, когда онъ набралъ всякую шушеру въ костельный хоръ, и когда эти размалеванныя дѣвки шумѣли даже во время освященія Даровъ. Съ тѣхъ поръ у нихъ были натянутыя отношенія. Кромѣ того, онъ не внушалъ ей ни малѣйшаго довѣрія, этотъ худой, малаго роста ксендзъ съ негритянскими губами, черствый, лживый и замкнутый. Онъ казался ей опаснымъ человѣкомъ для религіи, способнымъ оттолкнуть отъ костела самаго терпѣливаго неофита. Его живые, циничные глаза мѣнялись,—то были совсѣмъ черные, то желтые, искрящіеся, какъ пиво. Пѣлъ онъ мессу гнусавя, причемъ голова, плечи и все тѣло нервно поддергивались.

„Бѣдняга скрытно развратенъ,—равнодушно подумала Мечка,—но онъ всетаки пойдетъ далеко, ибо лебезитъ передъ епископомъ. И еще то хорошо, что онъ пресмыкается передъ богатыми, сидитъ всегда дома, а передъ викарными ходитъ съ молитвенникомъ“.

И она продолжала размышлять, глядя на кончики своихъ туфель:

„Я близка къ религіозности. Если бы я знала, что ксендзы Игнатіи рѣже встрѣчаются, дѣло моего обращенія пошло бы скорѣе. О, разумѣется! Но эти жалкіе комедіанты убиваютъ вѣру въ зародышѣ и дѣлаютъ смѣшной даже тоску по ней“.

Ксендзъ Игнатій и Юрашъ подошли ближе. Они поздоровались и обмѣнялись обычными любезностями, жалуясь на пыль и скуку Женевы.

Костя Юрашъ кокетливо обмахивался шляпой. Онъ былъ высокъ, широкоплечъ, гибокъ. Его темные, красивые глаза смотрѣли ласково и распутно. Онъ грубо подвелъ брови, рѣсницы и напудрился.

Ксендзъ Игнатій часто обращался къ Юрашу.

На мигъ Мечку поразила его интонація, сладкая до приторности и заискивающая. Они поговорили о новостяхъ своего города. Оказалось, что съ осени при костелѣ въ Польскомъ Домѣ откроется театръ „Синій топазъ".

— „Синій топазъ"? — удивилась Мечка, — но, значитъ, это не театръ, а кабарэ.

— Да, разумѣется, кабарэ,—слегка смутился ксендзъ Рафалко.

— Маленькій балаганчикъ, который прогоритъ черезъ мѣсяцъ,—насмѣшливо заявилъ Юрашъ,—сборъ хулигановъ... Впрочемъ, антрепренеръ Ружинскій—мой другъ.

— Вы очень строги,—вкрадчиво возразилъ ксендзъ Игнатій,— тамъ есть милые люди...

Мечка была внѣ себя отъ изумленія. Кабарэ... Русское кабарэ при костелѣ.

— Какъ вы могли разрѣшить?—возмущенно воскликнула она.

Ксендзъ Игнатій встрепенулся. Это не онъ... костельный совѣтъ... синдики... Впрочемъ, онъ лично также находитъ, что кабарэ нужно покровительствовать. Кабарэ заплатитъ хорошую аренду Польскому Дому, на которомъ долги.

И, обидѣвшись, настоятель распрощался.

Біоро смущенно поклонился Мечкѣ. Кто-то сказалъ громко:

— Courage, mon ami!

Онъ выдалъ письмо Мечкѣ. Оно было отъ поэта Улинга, собиравшагося стать знаменитостью, и начиналось такъ: „Я пріобщился къ тайнамъ міра знакомствомъ съ вами. Я жду васъ нетерпѣливо и страстно".

Далѣе поэтъ писалъ въ свою очередь о кабарэ „Синій топазъ". Пусть только Мечка скорѣе возвращается въ Н-скъ, дѣло ей найдется.

Около озера Мечка взяла экипажъ и поѣхала къ Chemin de la Roserais, мимо кокетливыхъ виллъ, съ не менѣе кокетливыми названіями: Lora, Mon doux repos, Lilas bleu.

Усталые глаза отдыхали на зелени, на голубомъ акварельномъ небѣ, на красныхъ черепичныхъ крышахъ. Съ верандъ, увитыхъ

дикимъ виноградомъ и мелкими яркими розами, смотрѣли женщины и дѣти. Встрѣтились двѣ монахини въ голубыхъ одеждахъ съ бѣлыми головными уборами, какъ двѣ гигантскія трепещущія бабочки.

Каждые четверть часа костельные куранты медленно пѣли и направо и налѣво, и тамъ за виллой, и еще гдѣ-то. Но это только такъ казалось. Куранты были на костелѣ св. Антонія.

Мечку охватила истома. Она откинула крепъ, съ наслажденіемъ подставляя лицо упругому вѣтру. Если бы взять жизнь, какъ одно праздниство... если бы жить легко и просто.

„Въ сущности, я не христіанка,—думала Мечка,—одинъ умный ксендзъ назвалъ меня сектанткой несуществующей секты... Я вѣрю въ Бога, но не вѣрю въ загробную жизнь. Даже блѣдная надежда на вѣчность возмущаетъ меня. Смерть безъ воскресенія, по-моему—высшая награда для человѣка. А догматъ Троицы? А сходство христіанства съ иными религіями? А таинство брака? Бракъ, какъ таинство, я отрицаю особенно рѣшительно. Я не вижу ничего мистическаго въ физическомъ сближеніи половъ“.

Потомъ въ ней поднялись возраженія!

„Ахъ, все это можно внушить себѣ! И таинства, и догматы, и обряды, и подлинность Евангелія, и достовѣрность экстазовъ св. Терезы. Да, конечно, внушить. Привычка станетъ убѣжденіемъ. А главное, это то, что она жаждетъ вѣрить, жаждетъ быть настоящей католичкой“.

Иронія загорѣлась у нея въ глазахъ.

„Хочу душевнаго комфорта, что же“.

Экипажъ катился все быстрѣе по узкой аллеѣ, убитой щебнемъ и краснымъ пескомъ. Густой ароматъ сирени здѣсь былъ особенно явственнымъ. Солнце, вѣтеръ, мелькаціе виллъ и людей уже утомляли Мечку. Она ѣхала дальше, часто кашляя, думая о своемъ тяготѣніи къ католицизму и слегка возмущаясь противъ него. Разумѣется, это душевная неудовлетворенность, неудачи супружеской жизни, страданія тѣла заставляли ее искать утѣшенія въ мистицизмѣ. А, можетъ быть, потушенная чувственность загоралась въ иномъ видѣ. Теперь было модно смѣшивать религію съ пôломъ... почемъ она знала?... Да и была ли она, Мечка, мистичной? Вѣдь все дѣло шло о красотѣ. Красота католичества покоряла ее. Католичество было не только религіей, но и искусствомъ, утонченнымъ порывомъ въ отвлеченность. Пища для души здѣсь изысканна, легка и ароматна. Наслажденія души—упоительно разнообразны. Католичество носило вѣнецъ мученичества. Католическая церковь, истинная невѣста Іисуса, была

вѣчно распятой, вѣчно преданной. Ватиканъ горѣлъ единственной звѣздой на фонѣ темной повседневности, вѣрный девизу геніальнаго папы Льва XIII Lumen in coelo. Ахъ, эти слова, будто выкованныя изъ золота и драгоцѣнныхъ камней! Уже за одно папство, за великое, блистательное, изумительное папство Мечка фанатически любила римскую церковь.

— Если христіанство—то католичество,—рѣшала Мечка.

Губы у нея запылали и глаза расширились. Смертельно блѣдная, она мечтала о голосѣ, который поетъ въ Notre-Dame de Pâquis, и потомъ снится ей.

Экипажъ крупной рысью вернулся къ отелю, гдѣ жила Мечка. М-сье Жоржъ, молодой лакей, неспѣша поднялся со стула.

— А... М-мъ вернулась?

Онъ смотрѣлъ на нее весело и нагло.

Она молча прошла мимо.

— Ба!

М-сье Жоржъ пожалъ плечами.

По утрамъ Мечка всегда бывала дома. Она пила шоколадъ, медленно одѣвалась, читала газеты, отвѣчала на письма. Слабый румянецъ окрашивалъ ея лицо. Послѣ завтрака она съ наслажденіемъ бродила по улицамъ, часто злоупотребляя разстояніемъ, не обращая вниманія на погоду, наблюдая равно и людей, и животныхъ, и небо, и горы, и сады, и витрины, и воду озера.

У Роны она могла простоять часами.

Потомъ у м-мъ Гоншэ за table d'hôte'омъ она находила забавное зрѣлище людей различныхъ профессій, смѣнявшихся безпрестанно. Она замѣтила, что и тутъ мужчины оказывались интереснѣе женщинъ.

Потомъ наступалъ часъ, когда въ какомъ-то экстазѣ она обходила всѣ костелы. Изъ нихъ костелъ *Священнаго Сердца Іисуса*, густого, краснаго тона, немного странный, немного жуткій, производилъ на Мечку огромное впечатлѣніе. Notre Dame de Pâquis былъ баналенъ, скорѣе похожъ на концертную залу, пріютившійся среди домовъ, какъ часовня. Но тутъ чудесно пѣли и здѣсь часто служилъ епископъ. Здѣсь же она видѣла свою любимую церемонію—торжество перваго причастія дѣтей. Она осталась недовольной. По ея мнѣнію, оно протекло черезчуръ заученно. Воздушныя бѣлыя вуали, воздушныя бѣлыя платья, бѣлые цвѣты причастницъ придавали имъ видъ новобрачныхъ. Онѣ чинно и красиво складывали свои руки, оплетая пальцы нитями четокъ. Маленькіе джентльмены громко повторяли „Отче нашъ“ за аббатомъ,

постукивающемъ легонечко по молитвеннику. Красное одѣяніе епископа оттѣняло слоновий цвѣтъ его кожи. Какая-то молодая мать протискалась къ нему и высоко подняла ребенка. Епископъ благословилъ его отдѣльно. Это растрогало всѣхъ.

Ежедневно Мечка шла по rue Servette къ костелу св. Антонія Падуанскаго, хотя не совсѣмъ долюбливала этого знаменитаго святого, которому молятся объ утерянномъ и который кажется приторнымъ съ Младенцемъ, книгой и лиліей. На нее смотрѣли изъ маленькихъ магазинчиковъ. Потомъ ей стали ласково кланяться.

За костельной оградой обыкновенно рѣзвились дѣти. Молодой болѣзненный аббатъ устало слѣдилъ за ними. Ихъ водили и на всѣ службы. Они роняли молитвенники, платки, четки, шептались, толкались, смѣялись и отвлекали взрослыхъ.

Иногда какая-нибудь старая дама вставала и дергала ребенка съ громкимъ негодованіемъ. Тогда на эту сцену смотрѣли неодобрительно вѣрные и даже аббатъ. Что могли понимать маленькія, розовыя, счастливыя животныя около алтарей, залитыхъ слезами?

Ни въ одномъ женевскомъ костелѣ не было столько свѣта и цвѣтовъ, какъ у св. Антонія. Ароматъ чувствовался еще у двери. Въ притворѣ Мадонны *Непорочное Зачатіе* расцвѣлъ цѣлый садъ. Св. Антонію также не приходилось завидовать. Около него розы мѣшались съ тюльпанами, лиліи съ присами, азаліи съ сиренью. Цѣлыя охапки жасмина увядали съ вѣтками шиповника. Огромные рододендры затемняли скромныя мирты. Здѣсь всегда горѣли свѣчи, невинныя жертвы молящихся.

Старая сакристіанша выдавала ихъ бережно изъ свѣтлаго шкапчика, бормоча:

— Que Dieu vous bénisse, mon cher enfant!

Вечерня шла днемъ и поэтому для Мечки теряла половину своей прелести. Кромѣ того, латинскій языкъ, чудесный языкъ папъ, Ѳомы Аквината и Альфонса Лигури, аббатъ и хоръ произносили на французскій ладъ. Это было нестерпимо порою. Мечка садилась на скамью.

Каждый разъ она находила здѣсь что-нибудь новое,—или свѣтовой эфектъ, или иное выраженіе у Мадонны, или иначе положенное покрывало на алтарѣ. Послѣ нѣсколькихъ страницъ странно волнующаго молитвенника, послѣ унылыхъ псалмовъ Давида, Мечка впадала въ мучительное состояніе.

Тысяча протестовъ, возраженій, возмущеній рвали ея сердце. Она вспоминала жизнь Іисуса шагъ за шагомъ, и Онъ не совсѣмъ

нравился ей. Она находила Его уклончивымъ, нерѣшительнымъ, безпомощнымъ, черезчуръ покорнымъ. Она страдала отъ Его наивныхъ, добродушныхъ притчъ, голодныхъ, грязныхъ учениковъ, безплодныхъ споровъ съ фарисеями. Она не могла понять Его холодности къ Матери и благосклонности къ Іоанну. Она недоумѣвала передъ дѣвственностью этого христіанскаго Бога, котораго такъ страстно любила Магдалина. Его дѣвственность казалась ей вынужденной, непріятной, какъ презрѣніе къ женщинѣ. О, евангельскій Іисусъ!... Снова она испытывала къ Нему больше жалости, чѣмъ любви. Она была оскорблена молчаніемъ у Пилата.—„Что есть истина?“ За этотъ усталый скептическій вопросъ она прощала римлянину смерть Іисуса.

И Его Распятіе она хотѣла представить себѣ не по Евангелію, а по картинѣ одного художника. Узкая дорога среди камней и травы. Наскоро срубленный крестъ. Христосъ умираетъ на немъ медленно, въ полномъ сознаніи, одинокій, аскетическій Христосъ, Христосъ—нищій безумецъ. О, красота этой смерти безъ стражи, безъ толпы, безъ слащаваго Іоанна, истеричной Магдалины! О, красота смерти безъ словъ, безъ надежды, безъ воскресенія и упрековъ къ небу! Зачѣмъ евангельскій Іисусъ умиралъ иначе?

Неожиданно въ ней подымалась нечеловѣческая тоска по чему-то высшему, неуловимому и прекрасному, чего не давали алтари. Тоска смѣнялась надеждою. Вѣдь Богъ Іисусъ былъ здѣсь, вмѣстѣ съ нею. Еще сегодня утромъ вѣрные приняли Его въ бѣлоснѣжной облаткѣ во главѣ съ аббатомъ. Ей стоило только преклонить колѣни передъ конфессіоналомъ, и она соединится съ Богомъ. Она упрекала себя за ложное смиреніе, излишній страхъ передъ Евхаристіей. Ей хотѣлось походить на тѣхъ сладкихъ девотокъ, которыя хвалятъ Іисуса и Марію тономъ старыхъ знакомыхъ. Она упорно смотрѣла на алтарь, еле различимый въ сумеркахъ, и на аббатовъ, бѣлѣвшихъ комжами въ конфессіоналахъ, и на молящихся, угадывая ихъ профессію по позамъ.

У исповѣдаленъ женщины терпѣливо ждали своей очереди. Она представляла себѣ всѣ сплетни и кухонные доносы, грязныя подробности ихъ грѣховъ, которые тѣ бросали въ ухо аббата. Ее пронизывала дрожь отвращенія. Съ жестомъ усталости и отчаянія она захлопывала молитвенникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу!

И почти сейчасъ же вслѣдъ за этимъ она умоляла Бога простить ей грѣшныя мысли. Лурдская Мадонна выслушивала взрывы ея жалобъ съ неопредѣленной улыбкой. Св. Антоній былъ занятъ Младенцемъ, книгой и лиліей, и Мечка не улавливала его

выраженія. Она начинала успокаиваться и чувствовать себя почти обращенной. Увы, сердцемъ больше.

Изъ костела Мечка шла освѣжиться въ Англійскій садъ. Часто головокруженіе мѣшало ей смотрѣть на синеватый абрисъ горъ и колеблющееся стекло озера. Ее раздражала праздничная публика, цѣлыя стада дѣтей съ бонами, шумъ моторныхъ лодокъ, веселенькіе флаги яхтъ, говоръ, смѣхъ, музыка, зеленыя скамейки.

Она возвращалась въ отель. Здѣсь тишина, цвѣты, книги, любимыя примятыя подушки на кушеткѣ скоро успокаивали ее. Она спрашивала себя не безъ ироніи:

— Быть можетъ, для того, чтобы мои вкусы измѣнились, мнѣ нужно ѣсть бифштексы у м-мъ Гоншэ?

Въ эти минуты она, подобно всѣмъ женщинамъ, мечтала о любви и желала ея. До сихъ поръ мужчина не игралъ въ ея жизни никакой роли. Ея бракъ былъ корректенъ и скученъ. Когда этотъ толстый коммерсантъ умеръ отъ удара на скачкахъ, она холодно удивилась. Наслѣдство отъ него приняла сконфуженно, какъ отъ посторонняго. И она никогда не вспоминала покойнаго.

Въ религіозныхъ книгахъ слово „любовь" повторялось ежеминутно, только окропленное святой водою и благословленное рукою аббата. И она представляла себѣ любовь религіознымъ экстазомъ. Цѣловать, это было—то же, что слушать псалмы, литанію Дѣвы Маріи или въ посту слова вечерни: In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum...

Эти мысли разбивали Мечку. Онѣ опьяняли голову жаждою духовныхъ наслажденій, а тѣло—нездоровымъ томленіемъ.

М-мъ Гоншэ подкараулила Мечку еще на лѣстницѣ. Она протянула двѣ визитныя карточки.

— Bonté divine, я сдала комнаты... Прочтите фамиліи. . Они—ваши соотечественники.

— Ивонъ Лузовскій. Текля Лузовская. Я знаю ихъ. Они изъ моего города,—сказала Мечка.

Она вошла въ столовую, улыбаясь. Путешествіе пріучаетъ къ неожиданностямъ. Лузовскіе не удивились. У Текли были большіе темные глаза, нѣжный цвѣтъ лица и шляпа, подвязанная у подбородка. Около нея сидѣла ея сестра Стаця Зиско, совсѣмъ молоденькая дѣвушка съ очень разсудительнымъ видомъ. Дамы ходили въ бѣлыхъ швейцарскихъ платьяхъ, и сквозь шитье на груди у нихъ голубѣли банты рубашекъ.

За табльдотомъ иностранки произвели впечатлѣніе.

Бельгійка кивала головою Мечкѣ и громко пояснила дочери, что это польки. Комми-вояжеръ находилъ польскій языкъ похожимъ на англійскій, а парижанка не понимала, почему польскіе романы такъ скучны.

— Они еще скучнѣе русскихъ... это прямо смѣшно.

На другомъ концѣ стола докторъ поднялъ старый споръ о воспитаніи дѣвушекъ. Онъ требовалъ, чтобы онѣ знали въ совершенствѣ курсъ акушерства.

Дамы пришли въ ужасъ. Парижанка храбро приняла сторону доктора.

Мечка разсказала Лузовскимъ, что встрѣтила здѣсь недавно ксендза Игнатія Рафалко и Юраша.

Яркая краска залила лицо Тэкли.

— Да,—сказала она глубокимъ голосомъ,—но ксендзъ Игнатій уже уѣхалъ въ Россію.

Лузовскій странно засмѣялся. Мечка посмотрѣла на него. Сначала онъ производилъ впечатлѣніе урода,—длинный, худой, съ огромнымъ горбатымъ носомъ. Потомъ это впечатлѣніе исчезало и не возвращалось.

— Ксендзъ Игнатій имѣетъ огромное вліяніе на мою жену,— замѣтилъ онъ.

Стэня пожала плечами.

— Если бы ксендза Пшелуцкаго не убили, все было бы иначе,—спокойно возразила она.

И на удивленно-вопросительный взглядъ Мечки Стэня разсказала печальную исторію.

Ксендза Пшелуцкаго убили на свадьбѣ Тэкли, когда онъ проходилъ пустырь около дома, чтобы сѣсть на извозчика. Музыка въ саду заглушила его крики. Хулиганы были пойманы и посланы на шесть лѣтъ въ каторгу. Удары они наносили камнями и бутылками... Да, это было ужасно...

— Замолчи, Стэня,—попросила Тэкля, блѣднѣя.

Потрясенная Мечка молчала.

Лузовскій замѣтилъ, что онъ знаетъ только одного порядочнаго ксендза—это ксендза Ришарда Іодко. Но онъ держитъ себя, какъ свѣтскій, богатъ и эпикуреецъ.

Скоро онъ пріѣдетъ сюда.

Послѣ десерта Лузовскіе простились, обѣщая навѣщать Мечку.

М-мъ Гоншэ снова ждала ее на лѣстницѣ.

Кто такіе эти иностранцы? Можетъ быть, cette petite femme только потаскушка? Тогда нужно набавить цѣну на комнаты.

— Откуда у васъ подобныя мысли?—сухо отозвалась Мечка,— они вполнѣ приличные люди.

Цѣлую недѣлю шелъ безпрерывный дождь. Несмотря на это, національныя торжества протекали въ большомъ великолѣпіи. Отели переполнялись иностранцами и пріѣзжими изъ Лозанны, Цюриха, Монтрэ. Отъ утра до вечера то тамъ, то сямъ играла музыка, маршировали взрослые и дѣти, а къ окнамъ бросались любопытные. На почтѣ была давка. Нѣсколько безобразныхъ, банальнѣйшихъ арокъ съ надписью „Добро пожаловать" выросло на главныхъ улицахъ.

Мальчишки продавали жетоны и медали въ честь этихъ дней.

Въ садахъ дождь стекалъ ручьями съ деревьевъ, мялъ траву, платья, портилъ прически и шляпы дамъ, тогда забирались на веранды, бесѣдки, но всетаки танцовали, пѣли, пили и ѣли.

Ежедневно городъ бывалъ иллюминованъ. Цѣпи разноцвѣтныхъ фонариковъ повисали на мостахъ, унизывали дома, балконы, горѣли на лодкахъ. Въ казино давались балы и концерты.

У м-мъ Гоншэ теперь обѣдали не въ опредѣленное время, и столовая была полна новыми людьми. Молодая бельгійка пользовалась большимъ успѣхомъ и оказалась любительницей маленькихъ кутежей. Ея дочь, сидя въ кухнѣ м-мъ Гоншэ, помогала чистить фрукты, за что получала тартинку съ вареньемъ.

Тэкля уѣхала съ мужемъ въ горы, а Стэня осталась. Она занялась разборкой бѣлья, платьевъ, счетами Лузовскихъ и писала длинныя хозяйственныя письма къ ихъ экономкѣ. Потомъ она навѣщала Мечку, спокойная, чинная, нарядная, и, беря въ руки какую-нибудь религіозную книгу, спрашивала равнодушно:

— Это очень интересно, не правда ли?

Сама она ничего не читала. Она разсказала Мечкѣ, что обыкновенно живетъ съ бабушкой и младшей сестрой Янкой В. „Бабця" больна ногами, Янка посѣщаетъ рисовальную школу, все хозяйство на Стэнѣ. Лѣтомъ же она гостить у старшей сестры, Тэкли.

Однажды она замѣтила, изнемогая отъ гнѣва, что сестра слишкомъ мучитъ Ивона, а тотъ заслуживаетъ лучшей участи.

— Подумать только, вѣдь Текля была влюблена въ ксендза Пшелуцкаго. . Она едва съ ума не сошла, когда его убили — ну! Съ нея должно быть достаточно... Но теперь она подчиняется, какъ собачонка, ксендзу Игнатію... О...

Послѣ этого взрыва она стихла, оправила платье, какъ будто стряхнула что-то и предложила Мечкѣ погулять. Но Мечка со-

бпралась къ вечернѣ. Стэня покачала головой. Ну, нѣтъ... туда она не ходитъ... Даже ксендзъ Іодко не могъ заставить ее повѣрить, а она уважала его. Она слишкомъ положительно и твердо ступаетъ по землѣ.

— Вы никогда не задумывались надъ религіей, Стэня?

— Потеря времени.

— Можетъ быть, ваше воспитаніе...

— Нѣтъ. Бабця—вѣрующая. Тэкля—ханжа. Янка—трусиха насчетъ Бога. А я равнодушна.

Мечка чувствовала себя дурно. Вороха религіозныхъ книгъ лежали у нея по столамъ. Ахъ, если бы только стиль этихъ „твореній" былъ лучше! Ей попались на польскомъ языкѣ письма ксендза Антонія Шандляревскаго къ Боженѣ. Эта книга показалась Мечкѣ абсолютно прекрасной. И ксендзъ Антоній и Божена умерли въ разлукѣ. Она думала о нихъ съ глубокой печалью, взволнованная трагизмомъ любви. Потомъ она жадно читала, перечитывала Эрнеста Гелло. Онъ явился для нея откровеніемъ.

Въ библіотекѣ старичокъ завѣдующій спрашивалъ ее уже вторично:

— М-мъ—конвертитка?

Мечка разсердилась.

— Вы находите, что только конвертитки могутъ интересоваться католичествомъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Я не люблю крайностей. Недавно помѣшалась моя молоденькая служанка. Сначала она пѣла псалмы, разглаживая юбки моей жены, потомъ стала ежедневно бѣгать на исповѣдь, таскать отъ аббата брошюры, образки, медальки на голубой ленточкѣ. Затѣмъ она стала бесѣдовать съ Іисусомъ и, наконецъ, пріобщилась къ сонму святыхъ женъ... да... Съ тѣхъ поръ она только смѣется и кормитъ собою паразитовъ. Религія—опасная игрушка.

Онъ вытеръ очки и положилъ на мѣсто книги: „Причастіе—моя жизнь", „Осушенныя слезы", Sursum corda, принесенныя обратно Мечкой.

— Конечно, я противъ Хиникви,—бормоталъ онъ,—я считаю Хиникви продувной бестіей... Однако аббаты симпатичнѣе издали.

Онъ разстроилъ Мечку.

Теперь она облюбовала себѣ крошечную, свѣтлую кофейню противъ собора. Этотъ соборъ былъ отнятъ у католиковъ протестантами, о чемъ часто вспоминали жители и газеты католическаго направленія.

Мечка медленно выпивала свой шоколадъ, задумчиво глядя, какъ гнулись деревья вокругъ зеленовато-сѣрыхъ стѣнъ собора.

Не менѣе часто заходила она въ магазинчикъ сестеръ Дэрингъ. Здѣсь продавалась костельная утварь, распятія, статуэтки Мадонны и святыхъ, молитвенники. Мечка встрѣчала тутъ „голубую монахиню", сестру Берту, приносившую бѣлье и разныя вышивки. Всѣ онѣ говорили о религіи.

Мечка интересовалась лучшими проповѣдниками и хотѣла узнать, не было ли легендъ о мѣстныхъ костелахъ или чудесъ въ окрестностяхъ. Старшая Дэрингъ жаловалась, что костелы бѣднѣютъ и ces pauvres prêtres голодаютъ. Ея сестра ядовито замѣчала, что женщины стали умнѣе и рѣже влюбляются и въ Бога и въ сатану. Сытое лицо монахини выражало полное равнодушіе. Она не понимала столь длинныхъ разговоровъ о столь скучныхъ вещахъ. Но монахиня веселѣла, когда рѣчь заходила объ аббатахъ. По ихъ мнѣнію, кюре—аскетъ и человѣкъ тяжелый, за аббатомъ Гюэ водились темныя денежныя дѣлишки, а этотъ милый аббатъ Клозъ любезенъ только съ молоденькими прихожанками. Аббатъ Вальди исповѣдывалъ черезчуръ коротко, аббатъ Липэнъ заставлялъ краснѣть. Конечно, стоило послушать проповѣдь стараго миссіонера, но гораздо лучше дождаться очереди аббата Савари.

Онѣ пускались въ интимныя подробности и оказывались очень догадливыми. Но, несмотря на чудовищныя обвиненія, которыя онѣ наводили на своихъ исповѣдниковъ, ихъ всетаки тянуло къ клиру и онѣ были готовы выцарапать глаза за каждую сутану. Эти разговоры смущали Мечку. Пристыженная, она, однако, не трогалась съ мѣста. Все равно лилъ дождь, было хмуро, скучно, а Лузовскіе и Стэпя гостили въ Монтрэ.

Звонили къ вечернѣ. Мечка торопливо прощалась. Теперь она посѣщала исключительно Notre-Dame de Pâquis. Здѣсь всѣ конфессіоналы всегда были заняты. Это заражало. Костелъ жилъ, работалъ. Ея мѣстечко было противъ конфессіонала аббата Клозъ. Часто она провожала глазами бѣлокураго спокойнаго аббата, изящно носившаго свою кружевную комжу.

Мечка успокаивалась только тогда, когда раздавался знакомый любимый псалмъ Dixit Dominus Domino meo...

Пѣлъ мужской голосъ, и его Мечка не забыла всю свою жизнь. Она умышленно ничего не узнала о немъ. Тончайшая восторженная благодарность осталась въ ней. Она думала, что такъ можно пѣть лишь въ экстазѣ, пѣть, будучи святымъ. Она оста-

валась на колѣняхъ цѣлую вечерню, съ закрытыми глазами, почти страдая отъ восторга.

Дома она отрезвлялась и находила свое поведеніе истеричнымъ. А послѣ новаго взрыва невѣрія, возмущенія и насмѣшки надъ самой собою она кончила тѣмъ, что очутилась передъ окошечкомъ конфессіонала, зеленая занавѣсочка изнутри отдернулась, и рѣзкій профиль аббата Клозъ нагнулся къ ней: „Eh bien, mon enfant!“...

Его методъ былъ простъ и наивенъ. Аббатъ требовалъ хорошаго стола и крѣпкаго сна.

Онъ нашелъ сомнѣнія Мечки несущественными.

— Кто сомнѣвается въ Богѣ, тотъ въ Него вѣритъ. Это не я говорю, это давно сказано кѣмъ-то.

Онъ зазвалъ ее къ себѣ и далъ книгу, отъ которой можно было возненавидѣть католичество.

„Наши ксендзы умнѣе“,—подумала она, разочарованная.

На другой день месса была въ шесть часовъ утра. Мечка встала съ головной болью и когда приняла облатки, ей показалось, что она теряетъ сознаніе отъ слабости.

Освященный алтарь, аббатъ, мальчикъ со свѣчой и колокольчикомъ, бѣлая пелена балюстрады раздвоились и поплыли у нея передъ глазами. Она еле дотащилась до своей скамьи и не нашла въ причастіи никакой радости.

Арки, выстроенныя въ честь празднествъ, давно снесли, а дождь продолжался. Онъ даже какъ будто усилился. На улицахъ мѣсили бѣло-сѣрую грязь, и всѣ шли крадущимся шагомъ, держась ближе къ домамъ. Многіе бѣжали въ горы. Мечка лежала больная. Кашель и лихорадка измучили ее. Руки и лицо приняли желтоватый оттѣнокъ. Она очень страдала отъ невозможности посѣщать мессу.

Лузовскій получилъ дурныя извѣстія изъ Россіи, гдѣ онъ имѣлъ крупное торговое дѣло. Поэтому Стэня цѣлые дни писала подъ его диктовку и уединялась съ нимъ на прогулки. Тэкля часто уѣзжала, но всетаки она не забывала Мечку.

Мечка испытывала къ ней нѣжность, хотя не любила такихъ женщинъ, какъ Тэкля. Она находила ее черезчуръ терпимой къ людямъ. Для Тэкли не было непростительнаго поступка. Она даже жалѣла подлецовъ какой-то особой жалостью. Мечка хорошо представляла себѣ Тэклю, и въ институтѣ, и въ семьѣ, и замужемъ. Вездѣ она тихая, кроткая и слегка удивленная. Мечка понимала также ея вѣру: слѣпую и сказочную. Можетъ быть, въ

глубинѣ души она не отрицала ни фей, ни русалокъ, ни заколдованныхъ принцессъ. Еще яснѣе была для Мечки драма Тэкли—любовь къ убитому ксендзу Пшелуцкому. Тутъ не помогли бы никакіе анализы и успокоенія. Она считала ее чѣмъ-то, дѣйствительно, позорнымъ и только недоумѣвала, почему такой ужасъ стрясся именно надъ нею. Она была загипнотизирована прошлымъ. Она всегда возвращалась къ нему, воскрешала его умышленно.

Она пріѣзжала къ Мечкѣ обыкновенно въ сумеркахъ. На ней былъ темный костюмъ, дорогіе мѣха, длинный шелковый шарфъ, отъ котораго пахло тонко и сладко. Она садилась близехонько и радостно говорила о близкомъ отъѣздѣ въ Россію. Какъ-то она призналась въ тоскѣ, что брачная жизнь съ Лузовскимъ представляется ей кошмаромъ.

— Я не могу выносить ласкъ. Не могу...

Ея глаза наполнились слезами и ужасомъ.

— Но почему же вы не уйдете?...

— Развѣ ксендзъ Игнатій позволитъ?..

Мечка покачала головой. Она находила Тэклю нѣсколько странной женщиной. Ей доставило огромное удовольствіе провести ее пѣшкомъ по тихимъ, пустымъ улицамъ.

Дождь кончился. Отъ садовъ вѣяло глубокой свѣжестью. Вѣтки роняли крупныя капли. Нѣсколько блѣдныхъ звѣздъ заблудились среди тучъ.

Лузовскіе уѣхали.

Мечка не поправлялась. Докторъ неодобрительно относился къ ея одиночеству.

Въ отелѣ ничего не имѣли противъ того, чтобы ея комната освободилась.

О больной прислала справиться м-мъ Гоншо, крайне недовольная отъѣздомъ Лузовскихъ.

Наконецъ, когда всѣ уже листья пожелтѣли, Мечка встала.

М-сье Жоржъ снесъ ея вещи на новую квартиру. Онъ ни за что не хотѣлъ, чтобы она взяла экипажъ. Тронутая, она щедро расплатилась съ нимъ.

Теперь Мечка жила у какого-то нѣмца, гдѣ былъ садъ, цвѣтники и шумный, прозрачный фонтанъ, дѣлающій два прыжка—съ камней на площадку и съ площадки въ бассейнъ.

Она снова ходила на мессу и снова читала религіозные томики съ длинными заглавіями. Втайнѣ она сознавала, что въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ и порывахъ топталась на мѣстѣ. Правда, она исповѣдывалась и причащалась каждую субботу. Но

это доставляло ея совѣсти очень небольшое облегченіе. Аббаты были терпѣливы, благожелательны и безсильны. Аббатъ Клозъ недавно отказалъ вести ея душу, холодную и какъ бы засохшую. Онъ рѣзко предостерегалъ Мечку отъ излишняго анализа. Въ унынiи она роптала. Слѣпая вѣра умерла еще въ юности, изнасилованная прозой и пошлостью. Вѣра черезъ разумъ не могла зародиться, ибо Мечкѣ недоставало знаній. Она могла примѣнить къ себѣ слова Мицкевича: „Черезъ чудо—это слишкомъ скоро, черезъ науку—это слишкомъ долго“.

Мечка молилась передъ Распятіемъ, раны котораго оживали при закатѣ. Она распростиралась на полу, когда аббатъ высоко поднималъ Бога, ставшаго плотью и укрытаго въ солнцѣ облатки. Она вкладывала всю душу въ кротчайшую изъ молитвъ: „Ангелъ Божій возвѣстилъ Дѣвѣ Маріи“, и рыдала въ изступленіи, повторяя слова псалма Expandi manus meas ad te...

Если она оставалась холодной къ самому Богу, тѣмъ пламеннѣе любила Его алтари. Съ упоеніемъ слушала она пѣніе и органъ, не пропускала ни мессъ, ни вечеренъ, мечтала о богомольномъ путешествіи въ Римъ, Лурдъ или Ченстоховъ. Она всѣмъ сердцемъ прилѣпилась къ готическимъ, воздушнымъ куполамъ, расписнымъ окнамъ, благоухающимъ алтарямъ и темнымъ притворамъ. Она была заворожена изяществомъ ветхихъ, тускло-золотыхъ покрывалъ, мелодичнымъ звяканьемъ матовыхъ кадильницъ, бѣлизною длинныхъ кружевъ на комжахъ аббатовъ, благородной роскошью ихъ орнатовъ. Конфессіоналы съ таинственными занавѣсками волновали ее до изнеможенія, и она влюблялась въ тишину, насыщенную подавленными вздохами, ароматами и любовью.

Такимъ образомъ, она стала католичкой безъ Бога, вѣрной служанкой безъ господина, фанатичной рабыней мертвыхъ вещей, миражныхъ настроеній. Она усвоила себѣ языческое обожаніе ритуала, горячечную любовь къ клиру. Она такъ изступленно полюбила форму, что стала довольствоваться ею, какъ чѣмъ-то настоящимъ, божественнымъ, сверхъестественнымъ. Правда, порою ея душа достигала экстаза и низводила съ неба Божество, равнодушное къ мольбамъ и страданію. Правда, временами она чувствовала Бога, почти осязала Его. Временами она снова переполнялась высшей, трепетной, пламенной любовью къ Іисусу. И какъ ни рѣдки были эти минуты благодати, чистоты, прозрачности сердца, онѣ сильно укрѣпляли Мечку. Воспоминаніе о нихъ не умирало въ ея душѣ, и когда тоска по небу превышала силы, она шла къ нимъ на поклоненіе.

Однажды, сидя въ саду, Мечка услышала скрипъ щебня. Она оглянулась.

Къ ней шелъ высокій, широкоплечій, немолодой ксендзъ, держа въ рукахъ соломенную шляпу. Она замѣтила бѣлизну его лба, красивую форму головы, рѣзкое противорѣчіе между внимательнымъ, проницательнымъ взглядомъ и очень нѣжнымъ рисункомъ рта. Но даже и въ губахъ было противорѣчіе,—онѣ были чувственны, добры, насмѣшливы и скорбны. Это противорѣчіе восхитило Мечку. Она встала навстрѣчу, улыбаясь.

Онъ представился.

Ксендзъ Ришардъ Іодко.

Онъ сѣлъ на скамью, какъ разъ противъ Мечки, у фонтана, и разсказалъ, что привезъ поклоны отъ Лузовскихъ. Тэкля прихворнула дорогой. Эта маленькая женщина недолговѣчна, безъ сомнѣнія! Стэня уже уѣхала къ бабушкѣ.

Мечка слушала его съ громаднымъ удовольствіемъ. Радость струилась въ этомъ человѣкѣ. Ей казалось, что она стоитъ, вся залитая солнцемъ и овѣянная свѣжестью моря. Какой онъ былъ сильный, простой... Она смотрѣла на него съ восхищеніемъ, безпричинно улыбаясь. Потомъ они пошли и сидѣли долго въ ея комнатѣ. Хозяйка-нѣмка сервировала имъ чай, поглядывая на нихъ не безъ лукавства. Мечка знала теперь, что ксендзъ Іодко—настоятель въ южномъ городкѣ У., что у него вышли непріятности съ правительствомъ и что, обыкновенно, онъ много путешествуетъ. Онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ пересмотрѣлъ ея книги.

— Ахъ, не будьте дэвоткой!

Когда ксендзъ Іодко ушелъ, Мечка осталась въ нѣкоторомъ волненіи.

„Право же, онъ — чудесный человѣкъ“, бормотала она, пряча подальше томики съ длинными заглавіями.

На другой день ксендзъ Іодко служилъ мессу въ костелѣ св. Антонія Падуанскаго.

Мечка подумала, что этотъ костелъ, залитый свѣтомъ, голубой, радостный, весь въ цвѣтахъ, особенно подходилъ къ нему самому.

Она сказала ему въ то утро:

— Я бы хотѣла исповѣдаться у васъ...

Ксендзъ Ришардъ уклонился:

— Развѣ здѣсь мало аббатовъ?

Въ концѣ недѣли онъ зашелъ къ ней проститься.

Какъ и въ первую встрѣчу, Мечка сидѣла въ саду. Солнце горѣло на ея волосахъ. Онъ снялъ соломенную шляпу и смочилъ ее въ бассейнѣ. Его пальто съ пелериной слегка раздувалось.

— Не правда ли,—сказалъ онъ, шутя и брызгая на нее водою,— не правда ли, мы еще встрѣтимся съ вами?

Послѣ его отъѣзда она ходила нѣсколько дней, словно въ туманѣ. Ея мысли къ нему были молитвами, и ея восхищеніе передъ нимъ—нѣжнымъ и очень грустнымъ. Когда изъ Вѣны она получила его первое письмо, ласковое и чуть-чуть насмѣшливое, ей показалось это цѣлымъ событіемъ.

Она стала ежедневно ходить на почту. Біоро смотрѣлъ на нее жалкими глазами.

Ей пришла мысль уѣхать изъ Н-ска и жить въ У., около ксендза Іодко. Въ сущности, она давно хотѣла выбрать новый городъ, ибо она знала, какъ перемѣна возрождаетъ человѣка. Кромѣ того, она не была связана ни матеріально, ни духовно ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ.

Она ходила растерянная по Женевѣ и только послѣ настоящей борьбы съ самой собой ей удалось потушить это желаніе.

„Неужели же я стану дѣлать новыя глупости?“

И она думала о печальномъ примѣрѣ Тэкли.

„Нѣтъ, привязаться къ ксендзу... Нѣтъ...“

Она снова обѣдала у м-мъ Гоншэ. Тамъ были перемѣны. Коммивояжеръ, парижанка, докторъ давно уѣхали. У красивой бельгійки умерла ея маленькая дочь, объѣвшись фруктами на кухнѣ. И теперь молодую женщину развлекали наперебой. Агентъ страхового общества занялъ квартиру Лузовскихъ и за табль-дотомъ чувствовалъ себя главной персоной. Въ день своего отъѣзда Мечка застала м-мъ Гоншэ на кухнѣ. Швейцарка торжественно указала на громадную корзину. Между нѣжными бѣлыми нарциссами, розами и ирисами торчали пупырчатыя желтовато-синія зарѣзанныя куры, круглые аппетитные хлѣбцы, овощи, бутылки съ чѣмъ-то, фрукты не перваго качества.

— Вы должны были давно уѣхать, м-мъ,—воскликнула швейцарка,—этотъ климатъ поѣдалъ васъ.

И она занялась счетомъ, мгновенно позабывъ о Мечкѣ.

Мечка зашла и на почту. Она не ждала писемъ, но ей хотѣлось увидѣть Біоро.

Увидѣвъ ее, Біоро принужденно улыбнулся.

— М-мъ вернется обратно?

— Я не знаю, м-сье.

— М-мъ осталась довольна Женевой?

— Да, м-сье.

Они пожали другъ другу руки, чтобы болѣе не встрѣчаться.

Осенній вечеръ, въ который уѣзжала Мечка, былъ нѣженъ и ровенъ. Мечка медленно гуляла по вокзалу. Съ удовольствіемъ смотрѣла она на вагоны.

II.

Въ Н-скѣ домъ, гдѣ жила Мечка, былъ старый, съ темнымъ подъѣздомъ, безъ швейцара. Нижній этажъ занимала контора г. Пашица, второй переполняли жильцы, а въ третій недавно переѣхалъ самъ хозяинъ. На одномъ углу улицы красовалась гостиница, еще не снявшая лѣтнихъ парусиновыхъ маркизъ, на другомъ—скверъ. Сквозь рѣдкія деревья можно было видѣть, какъ по ту сторону бѣгалъ трамъ и какъ по широкимъ ступенямъ банка подымались люди.

Тощій, развинченный г. Пашицъ сдѣлалъ визитъ Мечкѣ. Онъ просилъ ее похлопотать у ксендза Игнатія Рафалко о постоянной скамьѣ въ костелѣ для французскаго консула, считая Мечку дамой-патронессой и давоткой. Мечка засмѣялась и отослала его къ самому ксендзу. Однако знакомство состоялось.

Въ ближайшее воскресенье она поѣхала къ Лузовскимъ.

Осенній день былъ великолѣпенъ, и публика гуляла, какъ весною, въ городскомъ саду, и въ скверахъ, и около церквей.

Домъ Лузовскихъ стоялъ почти за городомъ, глубоко запрятавшись въ саду, а къ нему примыкалъ пустырь. На немъ Мечка замѣтила множество битыхъ бутылокъ. Всѣ онѣ сверкали и переливали на солнцѣ, какъ опрокинутыя зеркала, среди выжженной травы и камней. Отъ заката нѣжно розовѣла земля, заборы, осенніе листья деревьевъ. Въ голубомъ небѣ парила какая-то птица.

Мечка вспомнила, что именно на этомъ пустырѣ убили ксендза Пшелуцкаго. У нея началось сильное сердцебіеніе, и она кашляла, кашляла безъ перерыва, съ росинками пота на лбу.

Тэкля и Лузовскій показали ей всю квартиру. Обстановка была помѣщичья. Библіотека съ портретами Скарги, Костюшка, Мицкевича занимала цѣлую комнату. Окна ея выходили на пустырь.

— Я провожу здѣсь цѣлый день,—сказала Тэкля.

— Она ни за что не хочетъ, чтобы я продалъ домъ,—тихо пожаловался Лузовскій.

Мечка представила себѣ одиночество этой женщины въ старомъ домѣ, съ неотступными мыслями о прошломъ.

Она уѣхала отъ Лузовскихъ совершенно разстроенная.

Мечку посѣтилъ Ружинскій, антрепренеръ и создатель кабаре „Синій топазъ". Онъ былъ въ плоской шапочкѣ и плащѣ не первой свѣжести. Его круглое лицо съ краснымъ носомъ выражало

почти дѣтское добродушіе. Не успѣлъ онъ представиться, какъ явился художникъ Тарасовъ, а за нимъ поэтъ Улингъ.

Всѣ трое усѣлись вокругъ стола и просили Мечку принять участіе въ судьбѣ кабарэ. По ихъ словамъ, имъ нужно было лицо въ административную комиссію, знающее хорошо польскую колонію и могущее отстаивать интересы кабарэ передъ ксендзомъ Игнатіемъ. Это лицо, естественно, будетъ получать не деньги, а почетъ и уваженіе. И Ружинскій съ жаромъ распространялся: кабарэ арендуетъ помѣщеніе у костельнаго совѣта, ибо Польскій Домъ на костельной землѣ. Предсѣдатель совѣта,—ксендзъ Игнатій. Отъ него зависитъ прибавить или убавить цѣну на залъ, отъ него зависитъ и сдать самый залъ. Они добавили, что весь городъ заинтересованъ „Синимъ топазомъ". Двѣ газеты, враждовавшія между собою, на время объединились и писали хвалебныя статьи учредителямъ. Самые интеллигентные люди въ Н-скѣ заявили, что кабарэ нужно, какъ воздухъ. По проекту участниковъ, „Синій топазъ" вмѣститъ литературную, музыкальную, художественную и драматическую секціи и „дастъ широкую свободу всякой талантливой иниціативѣ". Кабарэ будетъ устраивать концерты, выставки, балы и, кромѣ того, имѣть постоянную труппу. Ружинскій сознался, что артисты собраны „съ бору да съ сосенки". Но это никого не пугало.

Послѣ нѣкотораго колебанія Мечка согласилась. Она рѣшила, что общеніе съ многими людьми сразу будетъ полезно для нея. За послѣднее время она слишкомъ уходила въ самоё себя и, страдая, становилась черствой.

Ружинскій и Тарасовъ откланялись. А Улингъ остался. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, раскачиваясь и заложивъ руки въ карманы. Длинные волосы пачкали ему воротничокъ. Его грустные свѣтлые глаза нѣсколько разъ пристально остановились на Мечкѣ.

— О,—бормоталъ онъ,—я очень страдаю!

И послѣ паузы:

— Знаете, какъ я васъ называю мысленно?

— Нѣтъ.

— Всѣхъ скорбящихъ радость.

Желая отъ него отдѣлаться, она встала и предложила ему чудесную сорванную камелію.

— Жаль, она безъ запаха.

— Я принесъ вамъ когда-то камелію съ запахомъ, только вы не приняли ея.

Она сдѣлала видъ, что не слышитъ.

Поздно вечеромъ Мечка складывала и перебирала свои книги.

Она положила на ночной столикъ Гюисманса и въ постели читала его. Но это творчество, холодное, тягостное и двусмысленное, только утомляло душу. Ее угнетало внезапно появившееся равнодушіе къ костелу. Она приходила туда такъ, какъ будто это стало ея скучной привычкой. Проповѣдь ксендза Игнатія была сухая, затверженная пошлость. Капелланъ отличался ханжествомъ и нетерпимостью. Красивый викарій Северинъ путался и заикался на каѳедрѣ, изрекая нѣчто вродѣ слѣдующихъ истинъ: „Богъ — есть Богъ, Дѣва Марія—Дѣва Марія“.

Въ сущности, польская колонія шла въ костелъ, какъ на пунктъ своего сборища. Всѣ они ссорились между собою, сплетничали, интриговали, и казалось, пороки ксендза Игнатія заразили всю паству. Мечка испытывала безсильное раздраженіе.

Мысль о ксендзѣ Іодко терзала ее. Этотъ человѣкъ уже вошелъ въ ея жизнь и имѣлъ на нее вліяніе даже издали. Письменно онъ обѣщалъ пріѣхать въ Н-скъ среди зимы. Она страстно ждала его, оправдываясь сама передъ собою.

„Я впечатлительна. Внѣшность играетъ для меня огромную роль. Ксендзъ Іодко съ его движеніями медвѣженка и съ дѣтскимъ ртомъ нравится мнѣ. Только нравится? Больше. Интересуетъ, влечетъ. Я увѣрена, что у него на исповѣди я буду избавлена отъ циничной грубости ксендза Игнатія и отъ двусмысленныхъ вопросовъ ксендза-капеллана, и отъ благодушнаго равнодушія ксендза Северина. Онъ пропишетъ мнѣ первыя правила душевной гигіены и не слишкомъ допотопныя лѣкарства“.

И добавляла почти съ отчаяніемъ:

„Если онъ не поможетъ мнѣ, то кто же?“

Польскій Домъ, каменное зданіе очень неопредѣленной архитектуры, перестроенное изъ прежняго стараго, было рядомъ съ плебаніей. Затѣмъ шелъ садъ и готическій небольшой костелъ. Сосѣдство кабарэ шокировало не одну Мечку. Многіе изъ поляковъ демонстративно отвертывались отъ ярко-голубыхъ афишъ „Синяго топаза“.

Самое зданіе было еще сырое, но относительно приличное. Лучше всего казалась зала модернъ съ круглыми низкими ложами въ два яруса и съ галлереей. Сцена годилась только для любителей. Ея ровная свѣтло-зеленая занавѣсь скрывала убогія декораціи и лѣстничку внизъ къ уборнымъ. Онѣ были холодны, малы, безъ мебели. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался второй небольшой залъ, канцелярія и буфетъ. Дамская комната пріютилась недалеко отъ вѣшалки, мужской не было. Предполагалось, что мужчины бу-

дутъ курить въ раздѣвальной и тамъ же довольствоваться зеркаломъ. Прислуга — поляки—говорила по-русски лучше, чѣмъ по-польски.

Сегодняшнее собраніе членовъ кабарэ „Синій топазъ“ оказалось многолюднымъ. Сюда пришли люди, совершенно неизвѣстные въ городѣ, а также и тѣ, которые именовали себя „голосами изъ публики“. Эти господа очень мѣшали собранію. Выяснилось скоро, что „Синій топазъ“ будетъ только кабарэ, а не чѣмъ-то исключительнымъ. Мѣстные музыканты, художники, литераторы демонстративно покидали залъ. Остался одинъ художникъ Тарасовъ, сконфуженный, но втайнѣ довольный. Декораціи и панно переходили подъ его „высокую руку“.

Около одиннадцати часовъ еще никто ни о чемъ не столковался, однако половины публики уже не было. Остальные вздохнули свободно, баллотировались и наскоро создали программу перваго спектакля. Въ административную комиссію вошли Ружинскій, артистъ Фиксманъ, его жена Эрна, художникъ Тарасовъ, журналистъ Позыничъ и Мечка Беняшъ. При голосованіи увидѣли, что въ члены кабарэ попали сотрудники только одной газеты, болѣе богатой и вліятельной. Это сильно раздражало многихъ. Въ нижней залѣ собрались подозрительные молодые люди и странно одѣтыя барышни, просившіе работы. Ружинскому понадобилось добрыхъ полчаса, чтобы успокоить и отпустить всю эту компанію.

И снова Мечка подумала:

„Балаганъ возлѣ костела! Какая оскорбительная для вѣрующихъ небрежность“.

Первый спектакль „Синяго топаза“ шелъ съ аншлагомъ. Залъ украсили громадными панно художника Тарасова—фантастическія женскія фигуры въ легкихъ тканяхъ съ лиліями, звѣздами, драконами и водопадами. Въ нижней залѣ повѣсили шаржи на участниковъ кабарэ. Публика не поняла шутки и разглядывала ихъ изумленно-недовѣрчиво.

Въ городѣ ходили преувеличенные слухи о всѣхъ этихъ великолѣпіяхъ. Тѣ, кто не досталъ билета, смиренно просили входныхъ.

Многочисленные знакомые спрашивали Мечку, какъ они должны относиться къ „Синему топазу“. Всѣ боялись быть въ смѣшномъ положеніи.

Мечка стояла на лѣстницѣ, когда пріѣхали Лузовскій и Тэкля. Ихъ сопровождалъ почему-то Костя Юрашъ. Тэкля быстро подошла къ Мечкѣ.

— Ксендзъ Игнатій здѣсь?—спросила она, слегка задыхаясь.

Его еще не было, но онъ взялъ ложу для себя и викаріевъ.

Первый разъ Мечка сказала устало и грустно:

— Ксендзъ Игнатій не заслуживаетъ вашихъ чувствъ. Вы ослѣплены, мой другъ.

— Можетъ быть,—возразила та, блѣднѣя,— но все равно... Никто, ничто не поможетъ мнѣ.

Дѣйствительно, убѣдить ее въ томъ, что ксендзъ Игнатій не святой, было невозможно. Ея чувство къ нему походило на длительный сонъ наяву, умопомраченіе, гипнозъ.

Самъ Лузовскій остался около Мечки. Его блѣдное лицо страдальчески морщилось.

— Какой вздоръ,—бормоталъ онъ,—какой вздоръ.

Мечка почувствовала къ нему острую жалость и рѣшила дать ему высказаться. И онъ высказался.

— Я наканунѣ разоренія. Когда я буду нищимъ, я пущу себѣ пулю въ лобъ, но теперь я хочу любить свою жену. Тэкля чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе. Да, отвращеніе... Съ этимъ уже ничего не подѣлаешь.

И съ жестомъ отчаянія:

— О, если бы не письма Стэни!... Дѣвушка привязана ко мнѣ.

Программа вечера оказалась несложной. Лекція о театрѣ кабарэ, скучно прочитанная скучнымъ литераторомъ. Монологъ Шницлера, въ которомъ Ивановская костюмомъ походила на нимфу. Затѣмъ музыка молодого композитора, неизбѣжная декламація и какой-то полу-фокусъ. Когда опустили занавѣсъ, публика мѣшкала уходить. Ружинскій воспользовался этимъ и предложилъ ужинъ совмѣстно съ публикой. Артисты, плохо разгримированные, таскали стулья и столы преувеличенно-оживленно. Въ ложахъ смотрѣли на это, какъ на добавленіе къ спектаклю, но участвовать никому не пришло въ голову.

Молодой богачъ Рикъ, съ фіалковыми глазами, сказалъ Мечкѣ:

— Въ Парижѣ подобныя вещи легки, какъ кружево... А здѣсь вмѣсто кабарэ—грубая пародія.

Въ ложѣ верхняго яруса Мечка замѣтила настоятеля—ксендза Игнатія, потомъ викарія, ксендза Северина и за ними болѣзненнаго капеллана. Они кланялись. Она пошла къ нимъ.

Ксендзъ Игнатій разсыпался въ комплиментахъ. Капелланъ тонко улыбался. „Я здѣсь случайно",—говорило его худое овальное лицо съ воспаленными глазами. Мечка знала его по проповѣдямъ: винегретъ изъ общихъ мѣстъ, подогрѣтый ложнымъ паѳосомъ, и приправленный залежавшимся націонализмомъ. Сей-

часъ она попробовала поболтать съ нимъ. Онъ отвѣчалъ осторожно, подыскивая выраженія, посмѣиваясь, когда хотѣлъ скрыть свои мысли. На ея вопросы о ксендзѣ Іодко капелланъ морщился. По его мнѣнію, ксендзъ Іодко былъ смѣлъ, едва ли не модернистъ. Мечка подумала, что ксендзы всегда дурно говорятъ другъ о другѣ, и оглянулась на ксендза Северина. Этотъ въ бинокль старательно разсматривалъ залу. Онъ былъ идоломъ мѣстныхъ дамъ, благодаря своей красотѣ, томности, слабости и порочности. Во всей его высокой фигурѣ со впалой грудью разливалась какая-то болѣзненная лѣнь. Онъ завѣдывалъ пріютомъ для мальчиковъ. По секрету разсказывали, что своими выхоленными руками онъ бьетъ ихъ больше, чѣмъ нужно. Около его губъ, дѣйствительно, легла глубокая складка сладострастной изысканной жестокости.

Неожиданно, но шутливо Мечка замѣтила:

— Какъ странно видѣть васъ ксендзомъ!

Онъ кокетливо засмѣялся, опуская бинокль и отвѣчая двусмысленно:

— Это всегда бываетъ, если замѣшается третій...

Ксендзъ Игнатій грубо расхохотался.

— Любовь—не картошка... правда?...

Пыльный воздухъ душилъ Мечку. И, чувствуя себя усталой, смутно-печальной и лишней, она тяжело кашляла, откидываясь въ ложѣ.

Наконецъ, ксендзы удалились. За столиками тоже рѣдѣло. Въ группѣ артистовъ произносили тосты и говорили рѣчи.

„Синій топазъ“ ставилъ спектакль за спектаклемъ, но дѣла его, несмотря на аншлаги, были далеко не блестящи. Никакихъ секцій, кромѣ драматической, въ немъ не оказалось. Никакихъ трюковъ онъ съ малыми средствами придумать не могъ. Публика шутя называла его „рестораномъ“. Сюда являлись для свиданій, а не для зрѣлища. Можно было смѣло сказать, что публика приходила сюда всегда одна и та же. Если пропускали одинъ спектакль, то, значитъ, смотрѣли два слѣдующіе. Неизмѣнно въ партерѣ сидѣлъ Божановскій, архитекторъ города и Польскаго Дома, корректный, внимательный, благодушный. Рядомъ съ нимъ Лузовскіе и Войцарскій, интимный другъ ксендза Игнатія, хитрый, двуличный старикъ, недавно женившійся на юной консерваторкѣ. Темные грустные глаза послѣдней, очень похожіе на глаза Тэкли, трогали Мечку. Дальше, около профессора Оскерко, бросалась въ глаза великолѣпными обнаженными плечами его глу-

пенькая жена Эмма. Въ городѣ разсказывали, что профессоръ неясчески ругалъ и билъ ее, даже при свидѣтеляхъ. Съ нею часто гуляла въ фойэ директорша, пепельная блондинка, безукоризненнаго поведенія, слывущая ханжой и благотворительницей. Всегда здѣсь бывала семья адвоката Кульчицкаго, многочисленная, тщеславная, дородная, державшая сторону ксендза Игнатія въ его спорахъ съ прихожанами и хотѣвшая главенствовать въ польской колоніи. Неизбѣжно являлся адвокатъ Шептицкій и собиралъ вокругъ себя группу передовыхъ людей города. Среди золотой молодежи блисталъ молодой Рикъ и сыновья банкира Никольскаго. Нѣкоторыя дамы также были аккуратны. Жена инженера Войнаровичъ, съ тысячными бриллiантами, пріѣзжала ко второму акту. Ее сейчасъ же находила красавица Піотровская, стройная блондинка, скандализировавшая польскую колонію своими романами и кутежами. Надменно щеголяла соболями жена банкира Фирсова. Посѣщалъ „Синій топазъ“ и французскій консулъ, чахоточный брюнетъ, гулявшій подъ руку съ г. Пашицемъ. Онъ говорилъ уныло Мечкѣ о своей женѣ:

— Мадамъ хочетъ танцовать, но гдѣ же теперь танцуютъ?

Мечка замѣтила, что французская колонія держалась особнякомъ и выдѣлялась туалетами своихъ дамъ. Купечество обыкновенно, занимало ложи. Невозможно было запомнить и перечесть всѣ богатыя еврейскія семьи, терпѣливо выносящія кабарэ изъ-за его почти цѣликомъ еврейской труппы.

Но самымъ аккуратнымъ посѣтителемъ кабарэ можно было считать ксендза Игнатія Рафалко. Странно-одинокій въ толпѣ, красный, сладкій, то заискивающій, то надменный, онъ вызывалъ тихія насмѣшки. Онъ заговаривалъ съ артистами, съ мелкими служащими, дѣлалъ видъ, что каждый пустякъ его безпокоитъ, и охотно торчалъ за кулисами. Многіе находили непристойнымъ его всегдашнее сидѣніе въ ложѣ перваго яруса, когда Ивановская играла полуобнаженной. Въ критическихъ мѣстахъ онъ надѣвалъ очки, и это было нелѣпо до жалости. Завидя ксендза, режиссеръ Фикеманъ ругался. Актрисы высказывали циничныя предположенія.

Мечка блѣднѣла отъ негодованія. Когда она возвращалась къ себѣ, ея лицо болѣло отъ тысячи улыбокъ, которыя она раздарила за вечеръ. Сотни разъ она спрашивала себя:

— Зачѣмъ я впуталась въ эту исторію?

Она чувствовала, какъ нѣчто липкое осѣдаетъ на ея душу.

Послѣднее время она неохотно посѣщала зрительную залу, а проходила чаще за кулисы. Актрисы косились на нее. Всѣ онѣ

жаждали богатыхъ любовниковъ, дорогихъ туалетовъ, быстраго успѣха и полной праздности въ будущемъ. Общая уборная порождала обоюдныя колкости и безобразныя непристойности. Мужчины были также мелочны и сварливы. Фиксманъ затѣвалъ исторіи изъ-за пустяковъ, а Ружинскій не успѣвалъ мирить всѣхъ. Ссорились рабочіе съ механикомъ, суфлеръ съ бутафоромъ, буфетчикъ съ контролерами.

Здѣсь же толкался отвратительный старикъ, по воскресеньямъ просившій милостыню у костела. Его поставили на колосники. Во время спектакля въ щелочку декорацій онъ наблюдалъ за игрою актрисъ съ видомъ сатира.

Одной изъ непріятностей для Мечки былъ еще Улингъ. Она прощала ему соціалистическія утопіи, еврейскій акцентъ, безобразную внѣшность, низкое происхожденіе, нищету, лѣнь, распущенность, но не могла выносить его нечистоплотности.

— Право же, вы черезчуръ небрежны,— говорила она, краснѣя.

Онъ пожималъ плечами.

— Это мой стиль. Я физически грязенъ. Душа моя тоже грязна.

И, чтобы смягчить дурное впечатлѣніе, онъ читалъ ей свои музыкальные стихи, закрывая глаза. Онъ обвинялъ себя въ подражаніи Рншпэну только потому, что обожалъ его „Богохульства“.

Однажды Улингъ объявилъ ей легкимъ тономъ, скрывая ноющее безпокойство, что оставилъ своихъ родителей, бѣдныхъ ремесленниковъ, жившихъ около фабрики за валомъ, и нанялъ отдѣльную комнату.

— Зачѣмъ?—спросила она разсѣянно.

— Для вашихъ посѣщеній, разумѣется.

Изъ жалости она промолчала. Изъ того же побужденія навѣстила его. Въ дешевой мѣщанской комнатѣ, рядомъ съ терракотовыми крестьянками онъ повѣсилъ портретъ Бетховена и крупную фотографію Мечки.

— Теперь я въ чудесномъ обществѣ.

Она почувствовала его руки на своихъ плечахъ.

Она уклонилась, оскорбленная и сконфуженная. Она не могла понять, чего онъ хочетъ отъ нея. Его безумная любовь не была для нея, разумѣется, ни основаніемъ, ни оправданіемъ.

— Вы будете знамениты,—проговорила она со слабой попыткой утѣшить,—у васъ будетъ куча денегъ и вы создадите себѣ прочную семью. Въ вашемъ народѣ—дружныя семьи.

Онъ перебилъ грубо:

— Я люблю васъ! Я не хочу ждать!

Она сѣла, положила подбородокъ на кисти рукъ и спросила безъ интереса:

— За что вы меня любите?

Изъ умныхъ глазъ Улинга посыпались насмѣшливыя искры.

— Какой вопросъ!... Развѣ на это можно отвѣтить?

Ей стало непріятно, что она позволила ему говорить о любви. И она торопливо ушла, не обѣщая вернуться.

Для Мечки настало очень вялое время. Казалось, пошлая суетня „Синяго топаза" вошла въ ея душу. Какъ это случилось? Она не знала. Она была, безъ сомнѣнія, больна, ее терзала безсонница, лихорадка, тоска.

По утрамъ она вставала, мертвенно блѣдная, съ опухшими темно-лиловыми вѣками, и оставалась праздной, дурно одѣтой, питаясь убогими новостями кабаре или плоскими романами.

Цѣлыми часами у нея тонился каминъ. Влюбленная въ прыгающій веселый огонь, она просиживала здѣсь въ полудремѣ, сгорбленная и унылая, какъ старуха. Отъ золотой груды углей тянуло жаромъ.

Ея тѣло переставало дрожать и ныть, и душа тоже приходила въ нѣкоторое равновѣсіе. Она думала о ксендзѣ Іолко. Мало-по-малу онъ превратился въ тѣнь, въ мечту, которая приснилась.

Оживленіе, надежда, странная радость, плеснувшія отъ него, забылись, стерлись, потускнѣли. Онъ писалъ ей нерѣдко, но писалъ о ней же, не сообщая о себѣ ничего, кромѣ краткихъ словъ: „я здоровъ", „я занятъ". Это не удовлетворяло Мечку. Конечно, она посѣщала костелъ. Часто она прослушивала мессу, не открывая молитвенника, безъ единаго жеста и слова, не сводя глазъ только со свѣчей.

Свѣчи имѣли для нея всегда притягательную, таинственную силу... Трепещущее пламя, овальный синій лепестокъ, по краямъ желтоватый, не уставало танцовать, рваться, качаться, словно хотѣло оторваться отъ ствола и улетѣть къ Богу.

Месса кончалась. Ксендзъ читалъ Zdrowaś Marya и уходилъ съ мальчикомъ, надѣвъ свой беретъ.

Теперь становилось тихо, совсѣмъ тихо, ибо зимними утрами народу почти не было. И Мечка начинала плакать безсильными, почти гнѣвными слезами. Эти крики ея голодной души въ небо, которое разумомъ она считала пустымъ, а сердцемъ—населеннымъ, эти вѣчныя колебанія между сомнѣніемъ и увѣренностью, желаніемъ вѣрить и равнодушіемъ, отъ усталости къ энергіи, отъ ироніи къ благоговѣнію,—ахъ, какъ все это разбивало ее! Ей

хотѣлось вернуться къ сосредоточенному состоянію, жить, какъ въ Женевѣ, среди мессъ, молитвенниковъ, ксендзовъ, съ неотступной мыслью о небѣ.

Можетъ быть, она пріобрѣтетъ Бога трудомъ, скромной регулярностью своихъ религіозныхъ обязанностей, неустаннымъ чтеніемъ св. отцовъ?

Богъ посѣщаетъ внезапно. Ей надо терпѣливо ждать Его и смиренно приготовить не упреки, а чистую душу. Она сознавала, что всѣ эти благочестивыя мысли отравлялись чудовищно-искренней ироніей. Она вспоминала тогда о дьяволѣ... вѣдь, по ученію костела, дьяволъ всегда бродитъ около насъ. И эта иронія—отъ дьявола, безъ сомнѣнія.

А вернувшись домой и грѣясь у камина, она думала съ горечью, что въ приключеніяхъ своей души въ погонѣ за чѣмъ-то отвлеченнымъ и, вѣрнѣе всего, несуществующимъ она растеряла единственное сокровище—цѣльность.

Мечка писала ксендзу Іодко:

„У меня нѣтъ ничего новаго, кромѣ новыхъ рецептовъ. И это самое ужасное. Мною овладѣла черная меланхолія. Отъ тупого равнодушія къ людямъ я перехожу буквально къ ненависти. Когда кто-нибудь обращается ко мнѣ, я жду услышать глупость или гадость. Иногда мнѣ приходится потолкаться среди людей полчасика, тогда я не могу отрѣшиться отъ ощущенія, будто я въ синематографѣ. Люди здоровые кажутся мнѣ животными, а если они больны, я обвиняю ихъ въ симуляціи. Я не знаю, зачѣмъ я живу. Когда-то я мечтала повѣрить въ Бога и этимъ освятить все то, что я дѣлаю и сдѣлаю въ будущемъ, но... но... вѣдь, прежде чѣмъ повѣрить въ Іисуса, Его нужно полюбить. Не вы ли сами говорили мнѣ это? Но я никогда не полюблю Іисуса. Это герой не моего романа. И передъ Наполеономъ Первымъ у меня больше восхищенія. Голгоѳа не выше св. Елены“.

На этотъ разъ ксендзъ Іодко отвѣтилъ, что онъ согласенъ исповѣдывать ее. Пусть она хорошо подготовится. Онъ пріѣдетъ скоро.

Листокъ бумаги задрожалъ въ рукѣ Мечки. Нѣсколько разъ она глубоко вздохнула. Ахъ, видѣть его, говорить съ нимъ, итти рядомъ всю жизнь—слишкомъ большое счастье! Она же боялась счастья, какъ опасности. Не было ли оно немного вульгарнымъ?

Къ этимъ неяснымъ, спутаннымъ мыслямъ Мечка возвращалась съ болѣзненной настойчивостью.

Нѣсколько плохихъ спектаклей въ „Синемъ топазѣ“ открыли собою цѣлый рядъ неудачъ для кабарэ.

Управленіе Польскимъ Домомъ перешло изъ рукъ костельнаго совѣта къ новому обществу „Польскій клубъ“. На выборахъ въ члены правленія ксендзъ Игнатій былъ проваленъ. Въ мѣстной газетѣ появилось письмо адвоката Кульчицкаго, громовая защита ксендза. Ему возражали. Надъ этимъ инцидентомъ очень подсмѣивались.

Наконецъ, ксендзъ Игнатій напечаталъ нѣчто вродѣ оправданія. Онъ чувствовалъ себя неважно и прятался на спектакляхъ за кулисами. Впрочемъ, его наглости и скандаламъ не было конца. Такъ, онъ цѣлый годъ преслѣдовалъ швейцара за женщину, съ которой тотъ жилъ, не повѣнчавшись. Швейцаръ наградилъ его пощечиной. Тогда онъ забѣгалъ по синдикамъ, безстыдно разглашая эту исторію и слезно прося защиты. Швейцара уволили, но репутація ксендза окончательно пошатнулась.

Публика послѣднихъ спектаклей была новая, блѣдная, скептическая публика окраинъ. Партеръ торжественно пустовалъ. Впрочемъ, его уже давно не видѣли полнымъ. Ложи заняли контрамарочники. Они покровительственно аплодировали во время дѣйствія и издѣвались въ фойэ.

Группа молодежи высмѣивала наивно Тарасова, а его самого вслухъ называли „декадентской выдрой“. Взбѣшенный художникъ пришелъ за кулисы и грозился выйти изъ кабарэ.

Барышни, слонявшіяся подъ руку въ нижней залѣ, говорили громко и небрежно:

— Ничего особеннаго... Лучше было бы сходить въ драму...

Пришлось уговаривать буфетчика, который жаловался на грубость ксендза и матеріальные убытки.

— Кабарэ нужно спасать,—замѣтила Мечка Финсману.

— Мы спасемъ его на Рождествѣ, — отвѣтилъ тотъ, не безъ цинизма разсматривая ея фигуру.

Ружинскій мрачно разсмѣялся.

Публика насмѣшливо осматривала эту группу.

Послѣ спектакля артисты собрались въ канцеляріи. Всѣ были злы, устали и тревожны. Рѣшили итти къ Тарасову пить чай и совѣщаться. Мечка хотѣла уклониться. Ее упросили. Въ ней заговорило товарищеское чувство, и она согласилась. Была метель. Они съ трудомъ шли по глубокому снѣгу и гнулись отъ бѣшенаго вѣтра

Мечка шла подъ руку съ Ружинскимъ. Долетали отрывистые

возгласы и слова артистовъ, то возмущенные, то циничные, то насмѣшливые.

Красивая Эрна громко смѣялась. Она расшалилась и бѣгала по сугробамъ, распахнувъ жакетъ.

Въ угрюмой бѣдной студіи Тарасова топилась желѣзная печь. Старуха принесла грязный самоваръ. Булки лежали въ бумажномъ пакетѣ, лимонъ удалось найти между книгами, но къ чаю никто не притронулся.

Фиксманъ вынулъ полосатую феску съ кисточкой и натянулъ ее до носу. Онъ дремалъ. Въ эту минуту ему все было безразлично. Эрна смотрѣла на него съ откровеннымъ презрѣніемъ. Ружинскій жаловался на всеобщее легкомысліе.

Улингъ сказалъ Мечкѣ:

— Зачѣмъ вы здѣсь? Вы насъ ненавидите... вамъ тутъ не мѣсто.

Она возразила нѣсколько разъ, но спокойно:

— Что съ вами?... Нѣтъ, право же, что съ вами?...

Недавно Улингъ забылъ у нея свою тетрадь стиховъ, и Мечка нашла тамъ письмо, въ которомъ она прочла: „Я пріобщился къ тайнамъ міра знакомствомъ съ вами, Эрна. Я жду васъ у себя нетерпѣливо и страстно“. Она вспомнила его женевское письмо, и ей стало неловко и грустно.

Сейчасъ онъ говорилъ, что у Мечки много достоинствъ, но всѣ они незамѣтны отъ ея страшной холодности. Когда она подымаетъ свои огромные усталые глаза, кажется, что она никогда не плачетъ, не радуется.

Кругомъ болтали вздоръ, вспоминали скандальный ужинъ въ „Версалѣ“, гдѣ артисты не заплатили по счету, находили, что въ труппѣ „нѣкоторые“ интригуютъ. Ружинскій предложилъ „вытурить изъ залы ксендза, ибо онъ надоѣлъ всѣмъ до тошноты“. Передъ Мечкой извинились. Она холодно пожала плечами.

— Роль антрепренера не къ лицу ксендзу,—пробормотала она.

Эрна потрясла уснувшаго Фиксмана.

— Да проснитесь же, чортъ возьми,—повторяла она, искажая свое прекрасное лицо и едва не плача отъ ненависти.

Программу выработали. Для новой пьесы „Ирма“ рѣшили просить кое-что изъ мебели у богача-мецената, генерала П. Мечка обѣщала лично съѣздить къ нему.

Она вернулась къ себѣ поздно, изнемогая отъ усталости. Ивонъ Лузовскій ждалъ ее. Горничная занимала его разговорами, которыхъ онъ не слышалъ. Мечка вскрикнула отъ изумленія.

— Что случилось?

— О, ничего новаго.

Текля болѣла. Таинственная печаль изнуряла ее. Все свободное время проводила она въ костелѣ или исполняла порученія ксендза Игнатія. Бѣдняга Лузовскій изнывалъ отъ ревности.

Въ Мечкѣ вспыхнуло негодованіе.

— Какъ вы безобразно слабы!... Такіе господа, какъ ксендзы Игнатіи, не должны жить. Вы виноваты! вы!

И сейчасъ же она устыдилась своихъ словъ, замѣтивъ, что Лузовскій плачетъ.

Мечка исполнила свое обѣщаніе и поѣхала къ генералу П. Ее ввели въ залъ, гдѣ стоялъ рядъ акваріумовъ разныхъ величинъ и формъ.

Генералъ П., высокій, худой, съ краснымъ, обвѣтреннымъ лицомъ сосредоточенно слѣдилъ за рыбами. Временами онъ накачивалъ воздухъ гуттаперчевымъ насосомъ. Напрасно звали его въ сосѣднюю комнату къ завтраку. Онъ покаялся Мечкѣ въ страсти къ рыбамъ.

Въ ожиданіи его дочери Мечка сѣла и заразилась этимъ молчаливымъ созерцаніемъ.

Генералъ позволилъ взять мебель и шутилъ по поводу кабаго.

— Почему именно „Синій топазъ"? Это декадентство. Уже лучше „Окунь", „Карпъ" или „Щука".

Его дочь Рита, молоденькая дѣвушка, показала кресла, столы, японскія вещи, атласныя ширмы. На каждую вещь она клала свою слабую руку.

Мечка записывала предметы.

— Господинъ Пашицъ много говорилъ мнѣ о васъ,—сказала Рита, краснѣя,—я давно хотѣла познакомиться съ вами...

Она провела Мечку въ свою комнату, скромно указала на шкапъ. Тамъ были католическіе богословы и творенія святыхъ отцовъ. На столѣ лежала раскрытая апологетика Вейса.

Оказалось, Рита изучаетъ католичество и думаетъ о переходѣ.

— Я завидую вашему образованію,—замѣтила восхищенная Мечка,—вы читаете на четырехъ языкахъ... вы столько знаете... вы изучаете детально исторію римскаго костела... О, вы должны быть счастливы!...

— Пока еще нѣтъ,—живо перебила Рита,—но когда я стану католичкой...

И съ цѣломудреннымъ колебаніемъ:

— Часто мнѣ кажется, что я плыву куда-то и вижу берегъ...

Мечка спросила, какъ она готовится къ переходу.

— Ежедневной мессой, изученіемъ богословія, строгимъ examen de consience. Письменно мною руководитъ ксендзъ Іодко...

— Ксендзъ Іодко?—переспросила Мечка, боясь измѣниться въ лицѣ и мѣняясь.

Рита взяла альбомъ и, раскрывъ, отыскала фотографію ксендза Ришарда. Обѣ на минуту склонились надъ нею.

— Мы познакомились въ Италіи... три года тому назадъ... У меня было очень странное состояніе послѣ смерти мамы... видѣла сны... Ксендзъ Іодко умѣлъ встряхнуть меня... да, встряхнуть... вернуть къ жизни.

Она задумалась. Мечка не могла побороть въ себѣ нецріятнаго чувства.

„О, это глупо!"—подумала она въ смятеніи. И вслухъ:

— Ксендзъ Іодко пріѣзжаетъ скоро.

— Да.

Лицо Риты осталось замкнутымъ.

Она провожала Мечку и еще стояла нѣсколько минутъ на лѣстницѣ, перебирая свое блѣдно-розовое ожерелье.

Эта встрѣча очень взволновала Мечку. Неожиданно ее потянуло бросить Н—скъ, „Синій топазъ", свои скучныя комнаты и уѣхать далеко. Дни казались ей нестерпимо длинными. Она посѣщала „Синій топазъ" черезъ силу.

На первое представленіе „Ирмы" публика явилась. Генералъ П. нашелъ Мечку за кулисами.

Между прочимъ, краснѣя и путаясь, онъ просилъ не касаться католичества въ разговорахъ съ его дочерью.

— Какъ же я могу обѣщать вамъ это?—спокойно отозвалась Мечка,—вѣдь я католичка.

Рита была въ ложѣ. Она напрасно хотѣла заинтересоваться пьесой и напряженно улыбалась. Отдаленно она напоминала Тэклю,—удивленными глазами и голосомъ.

Пьеска провалилась. Половина публики ушла до окончанія. Фиксманъ кричалъ въ бѣшенствѣ: „Чортъ бы побралъ всю эту сволочь!"—и неизвѣстно, къ кому относились его ругательства.

Хорошенькая Ивановская разгримировалась и уѣхала съ комендантомъ. За кулисами очень оживленно обсуждали этотъ инцидентъ. Объясняли, что она спасала юнкера, своего любовника, отъ ареста.

На Рождествѣ „Синій топазъ" снова далъ нѣсколько новинокъ. Все было напрасно. Публика не интересовалась имъ больше. Поговаривали о неминуемомъ крахѣ.

Мечка пришла въ „Синій топазъ“ около двѣнадцати часовъ дня. На нее никто не обратилъ вниманія. Репетировали что-то подъ аккомпанементъ рояля. Эрна сидѣла въ партерѣ, заложивъ ногу за ногу, и курила. Въ пикантныхъ мѣстахъ она пронзительно смѣялась.

Мечка напомнила Фиксману, что сегодня ей нужно отнести деньги ксендзу Игнатію за помѣщеніе кабаре. Онъ посовѣтовалъ обратиться къ Ружинскому. Въ нижней залѣ группа артистовъ также репетировала, поэтому въ канцелярію шли на цыпочкахъ. Актрисы, не снимая шляпъ и жакетовъ, сидѣли на диванѣ. Онѣ зѣвали и вполголоса жаловались. Служителя тутъ же мыли полъ. Панно и шаржи при дневномъ свѣтѣ казались особенно безобразными. Особенно выдѣлялся уродствомъ Улинцъ.

Мечка только вчера встрѣтила его. Онъ уѣзжалъ въ столицу и готовился дебютировать книгой стиховъ. Какъ всегда, Мечка посулила ему извѣстность.

Вмѣсто отвѣта онъ бросилъ:

— Моя мать умерла.

И сейчасъ же небрежно:

— Отъ слишкомъ продолжительной діэты... въ ожиданіи моихъ успѣховъ...

Улинцъ сдѣлалъ отчаянный пируэтъ и поймалъ слетавшую шляпу.

Мечка поздоровалась съ артистками. Онѣ выразили сомнѣнія по поводу уплаты денегъ; вѣдь сборъ послѣдняго спектакля 23 руб. 50 коп. Онѣ злорадствовали, точно это не касалось ихъ самихъ. Ружинскій далъ деньги. Онъ долго считалъ ихъ въ сѣтчатомъ ящикѣ. Журналистъ Позыничъ, читавшій афишу и мимоходомъ составлявшій замѣтку о кабаре, сказалъ лѣниво:

— О вашемъ ксендзѣ Игнатіи разсказываютъ скандальныя исторіи.

И вертя палкой, на которую надѣлъ старую фетровую шляпу:

— Вчера мы видѣли Костю Юраша. Онъ уже не въ музыкальномъ училищѣ.

Ружинскій засмѣялся, покосившись на Мечку.

Вошелъ Фиксманъ, усталый и грустный.

— Ого... тутъ деньгами пахнетъ.

Но журналистъ, который только что просилъ денегъ у Ружинскаго и не получилъ, не хотѣлъ продолжать разговоръ на эту тему.

— Юрашъ—ловкій малый,—объявилъ онъ,—не мытьемъ, такъ катаньемъ... Д-да... А ксендзъ не дуракъ.

Фиксманъ слушалъ ихъ напряженно и не улыбнулся.

— При чемъ тутъ Юрашъ?—играя въ наивность, спросилъ Ружинскій, тщательно сворачивая деньги въ столбики.

— При чемъ тутъ ксендзъ?—насмѣшливо откликнулся журналистъ.

— Причемъ тутъ Лузовская, правовѣрная католичка?—устало пробормоталъ Фиксманъ.

Рѣшительно, онъ думалъ о комъ-то съ гримасой боли.

„Это чудовищно", подумала сраженная Мечка.

Она вышла изъ „Синяго топаза", прошла во дворъ и поднялась по лѣстницѣ въ квартиру ксендза Рафалко.

Толстый мальчикъ-лакей открылъ ей дверь. Ей пришлось ждать, такъ какъ ксендзъ былъ въ школѣ.

Среди пошлости дешеваго кабинета она холодно отмѣтила обиліе мальчишекъ. Два мальчика несли фонарь—неуклюжая и грубо раскрашенная игрушка. Мальчишка въ натуральную величину сидѣлъ на скамеечкѣ. Мальчишки пріютились по этажеркамъ и улыбались съ гравюръ.

Въ глубокой задумчивости Мечка прошлась взадъ и впередъ.

„Это чудовищно,—думала она все одними и тѣми же словами,—это чудовищно".

Она повертѣла серебряный разрѣзной ножъ съ латинской надписью: Doce me facere voluntatem tuam qui Deus meus es tu... ps. 142.

— Это отъ Тэкли Лузовской.

И съ неопредѣленной улыбкой читая грустныя слова „tout passe" на зеленой кожѣ блокъ-нота:

— И это Тэкля Лузовская.

Она тронула бѣлыя, нѣжныя, увядающія розы въ бокалѣ.

— Тэкля хочетъ быть всегда съ нимъ...

Ксендзъ Игнатій вернулся. Онъ кланялся, изгибался, смѣялся, словно приплясывалъ на мѣстѣ. Онъ разсказалъ, что былъ у оперной артистки и благодарилъ ту за пѣніе въ костелѣ. Артистка, дѣйствительно, пріѣхала и пропѣла Ave съ презрительнымъ видомъ. Остальную часть мессы она сидѣла, заложивъ ногу на ногу, напоминая своимъ античнымъ профилемъ Эрну Фиксманъ.

— Да,—сказала Мечка,—я была на главной мессѣ съ пани Лузовской.

Ксендзъ Игнатій искалъ квитанціонную книгу, бормоча, съ гримасой:

— Э... пани Лузовская... Э...

— Что такое?—изумилась Мечка.

Онъ хохоталъ

— Я не виноватъ... Конечно, я не виноватъ...

— Вы не виноваты?...

Мечка совсѣмъ потерялась. Ксендзъ Игнатій кокетничалъ своими карими циничными глазами.

— Вы—серьезная, умная женщина. Вы меня поймете. Пани Лузовская высказываетъ мнѣ такія чувства... да, такія чувства...

И, вынимая изъ кармана письмо Такли, онъ прочелъ, пояснячая, нѣсколько строкъ, не понимая раздирающей тоски ея коротенькихъ фразъ.

Подъ пристальнымъ взглядомъ Мечки онъ измѣнилъ тонъ.

— Какъ вы думаете, пани Лузовская нормальна?

— Ксендзъ пробощъ смѣется надъ мною?

Рафалко смѣшался. Онъ напустилъ на себя искренность.

Когда ксендза Пшелуцкаго убили, эта молодая женщина чуть не сошла съ ума. Онъ взялъ ее подъ свое покровительство. Онъ хотѣлъ руководить ею. Съ мужемъ она несчастна. Ахъ, хотя бы ее кто-нибудь облилъ кислотой, чтобы она не была такой хорошенькой! Теперь онъ боится быть скомпрометированнымъ.

— Почему вы не поговорите съ нею откровенно!—спросила Мечка.

— Это безполезно,—уклонился онъ.

Чтобы собраться съ мыслями, она нагнулась и нюхала розы.

— Для кого онѣ вянутъ?—сентиментально вздохнулъ ксендзъ Игнатій.

Она возненавидѣла его. Подъ какимъ-то предлогомъ ксендзъ Игнатій спустился съ Мечкой въ кабаре.

Репетиція еще продолжалась. Сегодняшній спектакль былъ въ пользу общества трудящихся женщинъ. Около кассы толпилась молодежь. Плотники въ двухъ шагахъ строили загородку и шумѣли на все помѣщеніе. Въ нижней залѣ было засѣданіе членовъ „Польскій клубъ", туда никого не пускали, и это приводило въ отчаяніе Ружинскаго.

— Мнѣ нужна канцелярія, поймите же...—едва не плакалъ онъ.

Фикеманъ издѣвался надъ нимъ.

Пріѣхали дамы-патронессы.

— Костя Юрашъ,—сказалъ Фикеманъ за спиною Мечки.

Юрашъ здоровался съ ксендзомъ Игнатіемъ. Они трясли другъ другу руки и смѣялись. У Мечки закружилась голова. Она безпомощно оглянулась на Фикемана. Отгадывая ея мысли, тотъ пожалъ плечами.

— Я зналъ одну женщину, любившую ксендза Игнатія...

— Вы знали?...

— Да. У нея было милое имя: Роза-Беата. Никогда потомъ я не встрѣчалъ такихъ большихъ глазъ... Она полюбила его на школьной скамьѣ. Ксендзъ Игнатій выдалъ ее замужъ. Роза-Беата ждала его любви. Потомъ она овдовѣла. И ждала его снова. Потомъ случайность открыла ей глаза. И Роза-Беата умерла.

— Она умерла?

— Выбросилась изъ окна. О, этотъ субъектъ мучилъ ее не безъ таланта!...

Мечка вернулась къ себѣ. Неожиданно она начала рыдать безудержно, страстно, почти грубо.

— Роза-Беата!—твердила она между рыданіями,—Роза-Беата!

Потомъ она сѣла на кровати, оглядываясь сухими, блестящими глазами и чувствуя, какъ въ ней умерла еще частица прекраснаго, возвышеннаго и чистаго.

„Синій топазъ" ставилъ спектакль за спектаклемъ—по очереди каждому благотворительному обществу, и, наконецъ, когда перешелъ къ игрѣ уже въ свою пользу, зала была пуста.

Обыватели возненавидѣли „Синій топазъ".

Рукинскій и Фиксманъ ѣздили къ предсѣдателю Польскаго Дома и униженно умоляли оставить за ними помѣщеніе хотя бы до весны.

Въ труппѣ появились новыя лица, а Эрна Фиксманъ, Ивановская и многіе другіе мало-по-малу выбыли. Отказался работать и Тарасовъ. Журналистъ Позыничъ повелъ цѣлую кампанію въ газетѣ, обличая кабарэ въ порокахъ, тайныхъ и явныхъ.

Мечка давно вышла изъ административной комиссіи. Цѣлыми днями и часами она ждала пріѣзда ксендза Іодко. Ждала, какъ избавленія. Его задерживали хлопоты по переводу въ другой приходъ.

Однажды, придя на мессу, она увидѣла его.

Ксендзъ Іодко сидѣлъ въ конфессіоналѣ, раскраснѣвшійся, вопросительный, съ дѣтски надутыми губами, и очень внимательно разсматривалъ молящихся. Глаза ихъ встрѣтились. Глубокое волненіе охватило Мечку. Она опустилась на колѣни, не будучи въ силахъ сдѣлать ни одного шага. Ксендзъ Іодко унелъ въ сакристію шумно, какъ вихрь.

Однако еще нѣсколько дней Мечка не могла подготовить себя къ исповѣди такъ, какъ хотѣла. Ей начало казаться, что многое въ ней будетъ лишнимъ, многое останется неяснымъ, о многомъ страшно даже заикнуться, а за истину и точность ка-

ждаго своего слова она не поручится. Она не знала также, какъ объяснить ксендзу Ришарду то, что она приступаетъ къ таинству, не будучи твердо вѣрующей.

Нѣсколько разъ у нея являлось даже малодушное желаніе сказаться больной и отложить. Она поборола себя не безъ труда.

Была суббота. Мечка пришла въ костелъ почти первая. Она знала, что набожная тишина и Ave по четкамъ укрѣпятъ ее. Она созерцала алтарь въ мучительномъ волненіи. Что-то высшее коснулось ея мертвой души, слабая надежда на исправленіе, жгучая, хотя нѣмая мольба къ Богу о вѣрѣ. Она чувствовала себя у порога обращенія, словно уже слышала возгласъ воскресшаго Іисуса: „Марія!" И отъ одной мысли, что на этотъ разъ вѣра можетъ зародиться чудеснымъ мистическимъ образомъ, все ея существо было потрясено. Слезы струились у нея по щекамъ, но она ихъ не чувствовала.

Послѣ любимыхъ псалмовъ и Magnificat она довольно нетерпѣливо прослушала Salve Regina, непаящно исполненную ничтожнымъ хоромъ.

Ксендзъ Іодко прошелъ къ конфессіоналу. Онъ замѣтилъ Мечку. Легкая краска выступила у него пятнами.

Пѣли „Ангелъ Божій возвѣстилъ Дѣвѣ Маріи".

Мечка исповѣдывалась послѣдней.

Плѣненная человѣкомъ, она ждала отъ него помощи, которую не получила у Бога. Къ своему удивленію, она не очень страдала отъ неизбѣжныхъ то умалчиваній, то преувеличеній. Наоборотъ, ей казалось, что первый разъ въ жизни она говоритъ нужную правду и только правду. Радость ея удвоилась, когда она увидѣла, какъ хорошо понималъ ее ксендзъ Іодко. Онъ приходилъ ей на помощь съ суровой нѣжностью. Онъ страдалъ вмѣстѣ съ нею, но рылся въ интимностяхъ, но не было комнаты въ ея душѣ, гдѣ бы онъ не открылъ двери и окна. Обаяніе этого человѣка, обаяніе ласковыхъ тонкихъ словъ, все то, что она полюбила въ немъ съ первой встрѣчи стремительно и на смерть, она приняла за таинство.

И она уже не боялась своей прежней неувѣренности въ себѣ самой, ибо имѣла человѣка, на котораго духовно опиралась.

Цѣной своей души ксендзъ Іодко купилъ ея душу.

III.

Мечка положила газету на столикъ, гдѣ стылъ утренній кофе, раскрыла дверь на веранду, выдвинула качалку и сѣла, не переставая улыбаться.

Солнце грѣло ея тѣло черезъ лиловый шелковый халатикъ. Воздухъ былъ прозрачный, но душистый, густой, слегка разслабляющій.

Горы, съ подножья ярко зеленыя, къ верхамъ—лиловыя, даже синія, небо—высокое и блестящее.

Во время она приняла лѣкарство, потомъ лежала, завтракала на верандѣ, въ пять обѣдала, затѣмъ вышла къ морю, но, испугавшись толпы, вернулась. Вечеромъ она читала умную Рашильдъ, и ея мысли были полны веселой и легкой ироніи. Уже въ постели она вынула и положила къ себѣ на одѣяло письма ксендза Іодко. Перечитывать ихъ не было смысла, ибо она уже знала каждую строчку на память. Она мечтала о немъ. Самое позднее, онъ пріѣдетъ въ іюлѣ... Тогда это южное мѣстечко для нея обратится въ настоящій рай.

Такъ проводила она день за днемъ. Разъ въ недѣлю ее навѣщалъ докторъ. Ей всетаки пришлось имѣть дѣло съ докторами,—такъ щедро разметала она свое здоровье въ „Синемъ топазѣ".

Покуда докторъ писалъ рецепты, они успѣвали поспорить о философіи, подразумѣвая подъ этимъ строгимъ словомъ житейскіе пустяки.

Внезапно Мечка стала поправляться. Такъ же быстро, какъ передъ тѣмъ ослабѣвала. Это было одно изъ свойствъ ея натуры. Она разомъ покончила съ меланхоліей, рано вставала, выбирала свѣтлыя платья (она давно сняла трауръ) и уходила къ морю.

Жила она недалеко отъ бѣлаго недостроеннаго костела. На него никакъ не могли собрать нужныхъ денегъ, и онъ стоялъ, убогій и прекрасный въ своей нищетѣ.

По бульвару круто пѣнился горный ручей, весь зеленый отъ близко растущихъ кипарисовъ. Шумъ его и деревьевъ часто врывался сквозь двери и окна въ костелъ и сопровождалъ мессу, какъ слабый аккомпанементъ. Мечка безумствовала. Все здѣсь опьяняло ее.

„Богъ возвращается ко мнѣ,—думала она,—о, Богъ добръ!"

Въ будни мессу приходилось ждать, и эта неаккуратность постоянно повторялась. По утрамъ высокій, немолодой ксендзъ, съ лицомъ римскаго воина, возился то около цвѣтовъ, то въ своемъ виноградникѣ. Его паства еле насчитывалась двумя сотнями. Большею частью это были чахоточные, надоѣдавшіе Господу Богу молитвами о своемъ здоровьѣ. Ксендзъ Лоскусъ мало церемонился съ ними.

— Что васъ привязываетъ къ жизни, чортъ возьми?—восклицалъ онъ.

Всякая слащавость, повидимому, претила ему. Онъ радовался,

что у него въ костелѣ нѣтъ молитвенниковъ. Онъ шелъ въ конфессіоналъ, какъ вихрь, и говорилъ во весь голосъ.

Мечка смотрѣла на него, еле подавляя нѣжную улыбку. О, какъ онъ напоминалъ ксендза Іодко!...

Ксендзъ Лоскусъ столкнулся съ нею въ костельномъ саду послѣ вечерни. Онъ заговорилъ рѣзко, потомъ смягчился и сѣлъ рядомъ.

— Вы—не курортная бабочка? Отлично. Приходите завтра ко мнѣ на кофе. Кажется, я васъ обидѣлъ, не въ пять, не въ девять. Извините.

Ей пришлось выслушать его жалобы на прихожанъ и море. Первые были грубы, скупы, невнимательны, второе раздражало его нестерпимо.

— Я не понимаю, какъ можно пріѣзжать сюда. Эта голубая, зеленая, розовая, молочная и еще Богъ знаетъ какая махина, которая движется, плюется, рычитъ, безобразничаетъ, можетъ свести съ ума. Здѣсь хорошо лишать себя жизни.

Онъ находилъ, что правительство дѣлаетъ хитрость, посылая въ глушь ксендза Іодко, человѣка энергичнаго и образованнаго.

— Чортъ возьми, ксендзъ Іодко будетъ дуракомъ, если не сопьется здѣсь!...

И ксендзъ Лоскусъ ушелъ въ сильнѣйшемъ раздраженіи.

Во дворѣ бѣлили новую плебанію, а ксендзъ Лоскусъ жилъ покуда въ крошечномъ флигелькѣ. Онъ снялъ двери съ петель и спалъ на чистомъ воздухѣ, увѣряя, что иначе задохнется. Его сутана залоснилась, оборвалась и пропахла потомъ.

Однажды Мечка застала его очень возбужденнымъ. Его суровое лицо римскаго воина пылало. Онъ пилъ коньякъ и стучалъ по столу.

— Чортъ возьми, я уже сто разъ долженъ былъ бы быть епископомъ... И если бы я былъ глупъ, я бы сдѣлалъ карьеру. Но я уменъ на свое несчастіе...

Въ другой разъ онъ набросился на Мочку.

— Я видѣлъ васъ у конфессіонала... Я нарочно не вышелъ изъ сакристіи. Вы—интеллигентная женщина! Какъ вамъ не стыдно! Какіе могутъ быть у васъ грѣхи?... Влюбились? Собираетесь влюбиться? Ну, и на здоровье! А исповѣдь—это переливаніе изъ пустого въ порожнее! Я васъ исповѣдывать не стану.

Онъ очень разсердился. Нѣсколько разъ онъ возвращался къ той же темѣ. Въ Бога онъ вѣритъ, въ адъ и рай кое-какъ, но все остальное—обрядъ. И онъ ненавидитъ обрядъ.

Иногда къ нему приходили племянницы, воспитанницы Кра-

ковскаго монастыря, гостившія здѣсь. Онѣ нѣжно ворковали о добрыхъ ангелахъ, о добромъ Іосифѣ, о томъ, гдѣ лучше молиться—у главнаго алтаря или въ притворахъ. Ксендзъ Лоскусъ угрюмо выпроваживалъ ихъ.

— Можете не прыгать предо мною... У вашего дядьки все равно— ни гроша за душою.

Бѣдныя дѣвочки краснѣли до слезъ.

Онъ сдѣлалъ визитъ Мечкѣ. Она приняла его, какъ свѣтскаго. Это ему понравилось. Онъ оживился, сталъ остроумнымъ, почти блестящимъ. Вѣроятно, онъ былъ очень хорошъ собою въ молодости. Они заговорили о целибатѣ. Ксендзъ Лоскусъ считалъ его возможнымъ.

— Я могу поручиться за чистоту нѣкоторыхъ моихъ товарищей,—спокойно заявилъ онъ,—условія нашей жизни очень помогаютъ въ этомъ. Ватикану нужно вѣрное и свободное войско. Ксендзъ можетъ имѣть сотню женщинъ, если захочетъ, ему запрещена только одна.

Иронія придала его улыбкѣ оттѣнокъ жестокости.

Послѣ его ухода Мечка еще долго сидѣла на террасѣ.

Ночь была темная и ароматъ розъ силенъ почти до осязанія. Смутныя желанія забродили въ Мечкѣ. Съ неслыханной для нея дерзостью она хотѣла взять что-то преступно-увлекательное, грѣшное отъ жизни. Чистая и цѣломудренная, она хотѣла упиться этимъ, упиться до пресыщенія. Уже по сладости этихъ мыслей она предвкушала восторгъ обладанія. Любовь къ ксендзу Іодко не испугала ея, хотя явилась неожиданно. Она ни минуты не сомнѣвалась, что ихъ тяготѣніе обоюдно. Они только до сихъ поръ никогда не говорили, не писали объ этомъ. Они подходили къ счастью робко, неувѣренно и хотѣли вкушать его такъ, чтобы не уронить ни единой крошки.

Наконецъ, какъ прежде передъ таинствами, такъ теперь передъ любовью, Мечка хотѣла приготовить свою душу. Впрочемъ, уже заранѣе мысленно принимая его любовь, она ни на минуту не сомнѣвалась, что дорого заплатитъ за нее. И, покупая счастье страданіемъ, она радовалась, ибо нѣтъ ничего безвкуснѣе, вульгарнѣе слѣпого, сытаго счастья.

Анна Маръ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Семейство Бакуниныхъ. [1])

(По неизданнымъ источникамъ.)

XXXIII.

Отношеніе Бакуниныхъ къ Станкевичу послѣ смерти Любови Александровны.—Печальныя вѣсти о здоровьѣ Станкевича, принесенныя Грановскимъ.—Ухудшеніе его здоровья въ зиму 1839—1840 г.—Письмо его къ Грановскому отъ 1 февраля 1840 г.—Пребываніе его въ Римѣ весной 1840 г. по письмамъ его къ Фроловымъ.—Пребываніе Варвары Александровны Дьяковой за границей.—Письма къ ней Мишеля и намѣреніе ея увидѣться со Станкевичемъ въ Неаполѣ.—Опасный оборотъ болѣзни Станкевича и рѣшеніе В. А. Дьяковой ѣхать къ нему въ Римъ.—Тревожныя письма ея домой.—Большое письмо Станкевича къ М. Бакунину отъ 19—21 мая (н. с.) 1840 г.—Отвѣты М. Бакунина В. А. Дьяковой и Станкевичу.—Письма Станкевича Фроловымъ.—Планъ занятій на зиму.—Предсмертное путешествіе Станкевича съ Варварой Александровной изъ Римъ въ Геную.—Письмо В. А. Дьяковой изъ Генуи.—Смерть Н. В. Станкевича.—Дневникъ В. А. Дьяковой послѣ смерти Станкевича.—Впечатлѣніе, произведенное смертью Станкевича на Бѣлинскаго и Грановскаго.—Замѣтка о немъ въ „Москвитянинѣ" Погодина.

Варвара Александровна Дьякова, уѣзжая за границу, разсчитывала тамъ рано или поздно увидѣться со Станкевичемъ. Въ письмѣ отъ 2 октября 1838 г., уже послѣ смерти Любови Александровны, Мишель писалъ ей между прочимъ:... „скоро пришлю тобѣ адресъ Станкевича. Для меня онъ святой человѣкъ. Я его болѣе, чѣмъ люблю. Онъ меня разлюбилъ, но я его все больше и больше люблю" [2])...

Въ свою очередь Варвара Александровна, въ письмѣ отъ 21 ноября того же 1838 года, спрашивала брата: ...„Миша, писалъ ли ты Станкевичу? Я давно уже объ немъ не знаю"...

---

[1]) См. *Русская Мысль*, 1914 г., кн. III, IV и V.

[2]) Въ перепискѣ Грановскаго со Станкевичемъ („Переписка Т. Н. Грановскаго", стр. 344) есть упоминаніе, въ письмѣ Грановскаго отъ 25 мая 1838 г., о какомъ-то разрывѣ Станкевича съ Мишелемъ, который очень мучилъ Станкевича. Понятно, что это касалось именно той размолвки между Станкевичемъ и Бакунинымъ вскорѣ послѣ отъѣзда за границу перваго изъ нихъ, которую Бакунинъ формулировалъ словами: „онъ меня разлюбилъ".

Мишель долго не рѣшался сообщать Станкевичу о смерти Любови Александровны, и его увѣдомилъ о ней Бѣлинскій и братья Станкевича. Вообще, послѣ смерти Любови Александровны, несмотря на чувства къ Станкевичу, о которыхъ Мишель писалъ въ письмѣ къ Варварѣ Александровнѣ, сношенія Бакуниныхъ со Станкевичемъ временно прекратились. И только уже весною 1839 года, когда за границу поѣхалъ Ефремовъ, Татьяна Александровна и Александра Александровна рѣшили отправить съ нимъ предсмертное, неоконченное письмо Любеньки къ Николаю Владиміровичу, сопроводивъ его своими коротенькими записочками. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, какъ подѣйствовала на Станкевича эта посылка. [1]) Тогда же, какъ уже было упомянуто, отправилъ Станкевичу и Мишель свое большое письмо отъ 13 мая 1839 года съ описаніемъ того состоянія, въ которое пришелъ тогда кружокъ Станкевича въ Москвѣ. Станкевичъ долго не отвѣчалъ на это письмо Мишеля и лишь въ письмѣ къ Грановскому, осенью 1839 г., просилъ передать Мишелю нѣсколько теплыхъ словъ, вызвавшихъ новое письмо Мишеля къ нему отъ 11 марта 1840 г., которое мы тоже привели въ своемъ мѣстѣ. [2])

Между тѣмъ уже Грановскій, пріѣхавшій въ Москву въ концѣ августа 1839 г., привезъ извѣстіе о томъ, что здоровье Станкевича плохо и что болѣзнь его нѣсколько разъ обострялась за границей опаснымъ образомъ. Какъ Грановскій опасался за него въ это время, видно изъ письма его къ Николаю Владиміровичу отъ начала ноября 1839 года, [3]) несмотря на шутливый и веселый по наружности тонъ этого письма. Сообщая о полученіи письма Н. В. Станкевича къ младшему брату его Ивану Владиміровичу, Грановскій писалъ:

„...Мнѣ начала приходить въ голову несчастная рожа, съ какою ты пріѣхалъ ко мнѣ въ Зальцбрунъ. Слава Богу, что ты живъ (ей Богу, братъ, сталъ бояться: отъ тебя вѣдь всякая глупость станется)—и здоровъ. Но какъ же не написать ко мнѣ пяти строкъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ“...

Въ письмѣ отъ 1 февраля 1840 г. Станкевичъ писалъ Грановскому изъ Флоренціи, что тамошній докторъ (англичанинъ) „ручается за его долгую жизнь и здоровье“, если онъ подчинится предписаніямъ доктора и будетъ вести себя осторожно относительно зимы. И тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, Станкевичъ пишетъ: ...„Недѣли за двѣ передъ этимъ, когда термометръ опустился градуса на три ниже точки замерзанія, я прогуливался много по Флоренціи, пообѣдалъ,—все хорошо, пришелъ

---

[1]) *Русская Мысль*, 1913 г., кн. X.

[2]) Въ главѣ XXVII, см. *Русскую Мысль*, 1913 г., кн. X, стр. 74.

[3]) Помѣщеннаго въ перепискѣ Т. Н. Грановскаго, на стр. 363.

домой и выпилъ чашку чернаго кофе. Вдругъ—Kitzel, кашель и раз два-три плюнулъ чистѣйшею кровью. Эта операція продолжалась дня два-три, и все понемножку; потомъ все прошло, но кашель сталъ посильнѣе. Теперь хоть и уменьшился, но всетаки есть порядочный. Докторъ англичанинъ, съ которымъ я совѣтовался, сказалъ мнѣ: „О Россіи теперь и рѣчи нѣтъ. Это раздраженіе случайно, но оно показываетъ, *что* у васъ есть. Эта простуда здѣсь ничтожна, но въ Россіи я ни за что не ручаюсь". Англичанинъ обѣщалъ отпустить его въ Россію черезъ двѣ зимы, послѣ того какъ онъ сдѣлается тогда „здоровъ и крѣпокъ навсегда". И бѣдный Станкевичъ прибавлялъ отъ себя: „*я во всемъ тонъ* чувствую справедливость этихъ словъ и рѣшаюсь написать къ папенькѣ все, что мнѣ сказано,—иначе дѣлать нечего; но авось и слѣдующею весною я могу съѣздить въ Россію и воротиться къ вамъ" [1])...

Это было послѣднее письмо его къ Грановскому. Затѣмъ, изъ писемъ къ Фроловымъ, [2]) которымъ онъ писалъ очень часто изъ Рима и потомъ изъ Альбано и опять изъ Рима,—въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1840 г.,—можно прослѣдить, какъ провелъ онъ эти послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Письма эти—шедевры въ своемъ родѣ: съ необыкновенной живостью, граціей и милымъ кроткимъ юморомъ описываютъ они путешествіе, встрѣчи и времяпрепровожденіе больного русскаго туриста. По нимъ однимъ можно видѣть, что не напрасно любили его всѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчался. Изъ нихъ же видно, сколько вкуса и глубокаго, тонкаго пониманія по отношенію къ произведеніямъ искусства было у Станкевича.

Судя по этимъ письмамъ, имѣющимъ характеръ почти дневниковъ, видно, что Станкевичъ относительно недурно чувствовалъ себя въ мартѣ и въ первой половинѣ апрѣля. Онъ проводилъ время довольно весело и безпечно среди небольшой русской колоніи въ Римѣ, въ составѣ которой было нѣсколько интересныхъ и симпатичныхъ художниковъ, а также А. И. Ефремовъ и юный И. С. Тургеневъ. [3]) Но вотъ 21 апрѣля хотѣлъ онъ написать письмо, но написалъ только пять словъ:

„21 апрѣля. Я уже почти...", и только черезъ четыре дня—25 апрѣля—продолжалъ:... „уѣхалъ въ Неаполь"—хотѣлъ я сказать, но судьба судила иначе. Докторъ папскій (Алерцъ) прервалъ фразу своимъ

---

[1]) Переписка Н. В. Станкевича, изданная *П. В. Анненковымъ*, стр. 310.

[2]) *Н. Г. Фроловъ*, извѣстный натуралистъ, переводчикъ Гумбольдта, другъ Станкевича и Грановскаго, женатый въ первый разъ на Н. П. Галаховой, одной изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ женщинъ того времени, скончавшейся отъ чахотки въ одинъ годъ со Станкевичемъ.

[3]) Переписка, стр. 315 и слѣд. Воспоминанія Тургенева о Станкевичѣ въ *Вѣстн. Евр.* за 1869 г., № 1.

пріѣздомъ и велѣлъ мнѣ поставить піявки къ правой сторонѣ груди, гдѣ у меня сдѣлалась боль, подобная старой берлинской, но сильнѣе,— потомъ жаръ, лихорадка;—я воспротивился однако намѣренію бросить мнѣ кровь; дѣло пошло лучше, и теперь, хотя слабый, я чувствую себя довольно порядочно. Вотъ причина моего молчанія"...

Между тѣмъ, какъ разъ въ это время Станкевичъ собирался, вмѣстѣ со спутниками своими, Ефремовымъ и Тургеневымъ, переѣхать въ Неаполь и тамъ разсчитывалъ встрѣтиться съ В. А. Дьяковой.

Варвара Александровна, поселившаяся сначала—осенью 1838 г.— на Рейнѣ, затѣмъ переѣхавшая въ Швейцарію и, наконецъ, на зиму перебравшаяся въ Италію, провела довольно томительную—вслѣдствіе полнаго одиночества—зиму въ Генуѣ; на лѣто она вновь переѣхала въ Швейцарію, а на зиму снова въ Италію. Она очень обрадовалась встрѣчѣ осенью 1839 года съ Ефремовымъ, который привезъ и ей, какъ и Станкевичу, письма изъ дому. Черезъ него у ней установились сношенія со Станкевичемъ, и она съ радостью ожидала свиданія съ нимъ въ Неаполѣ весной 1840 года. Читатель уже знаетъ, что Варвара Александровна давно чувствовала большое расположеніе къ Станкевичу, которое ей самой иногда казалось черезчуръ сильнымъ, которое пробуждало въ ея мужѣ какую-то инстинктивную ревность къ нему и въ которомъ она призналась однажды Мишелю. [1]) Теперь это едва сознанное чувство, повидимому, снова въ ней вспыхнуло.

Мишель неоднократно писалъ ей въ своихъ письмахъ, что очень хотѣлъ бы, чтобы она встрѣтилась за границей со Станкевичемъ, и что встрѣча навѣрное будетъ радостна для обоихъ. Въ одномъ письмѣ (изъ Москвы отъ 15 марта 1840 г.), которое, къ сожалѣнію, не сохранилось полностью, Мишель писалъ Варварѣ Александровнѣ, что ей и Станкевичу онъ болѣе всѣхъ обязанъ лучшими сторонами своей жизни. Вспоминая здѣсь съ благодарностью дѣтскую дружбу свою съ Варенькой и то благодѣтельное вліяніе, которое она всегда на него имѣла, указывая на то особое уваженіе, которое онъ питаетъ къ ней въ послѣднее время, Мишель переходитъ затѣмъ къ Станкевичу и пишетъ, что послѣ того загрязненія, которое произошло съ нимъ во время ученія въ артиллерійскомъ училищѣ и военной службѣ, встрѣча со Станкевичемъ была для него спасеніемъ. „Она составляетъ,—пишетъ онъ,—эпоху, рѣшительный переломъ въ моей жизни. Онъ имѣлъ на меня вліяніе не только глубокимъ умомъ, благороднымъ направленіемъ своимъ, но и прекрасною, совершенно прозрачною непосредственностью всего существа своего. Зима, проведенная съ нимъ, до сихъ поръ самый счастливый періодъ моей жизни"... Далѣе начинается рѣчь о грустныхъ обсто-

---

[1]) *Русская Мысль*, 1912 г., кн. XII, стр. 92 и 99.

ятельствахъ, которыя развели его со Станкевичемъ, но, къ сожалѣнію, на этомъ сохранившаяся часть письма обрывается.

Станкевичъ, въ свою очередь, еще въ письмѣ отъ 1 февраля 1840 г. къ Грановскому упоминалъ, что онъ, можетъ быть, увидится съ Варварой Александровной въ Италіи. И вотъ, наконецъ, встрѣча эта должна была состояться въ апрѣлѣ 1840 г. въ Неаполѣ.

Но судьба не пустила туда Станкевича. Ефремовъ и Тургеневъ прибыли туда безъ него, а черезъ нѣсколько времени одинъ изъ новыхъ пріятелей Станкевича, художникъ Марковъ, извѣстилъ Ефремова объ опасномъ оборотѣ, который приняла хроническая болѣзнь Станкевича. Ефремовъ не скрылъ этого тревожнаго извѣстія отъ Варвары Александровны, и вѣсть эта произвела на нее потрясающее впечатлѣніе.

Получивъ это извѣстіе, Варвара Александрова рѣшилась тотчасъ же, ни минуты не медля, ѣхать къ Станкевичу вмѣстѣ съ Ефремовымъ, оставивъ своего маленькаго Сашу на нѣсколько дней съ компаньонкой (Елизаветой Ивановной), которую она взяла съ собой по настоянію отца и которая вообще, кажется, немало ее обременяла.

14 мая (н. ст.) изъ Неаполя извѣщала она сестеръ, что спѣшно ѣдетъ на другой день съ Ефремовымъ въ Римъ: „Станкевичъ,—писала она (по-нѣмецки),—опасно боленъ... Выживетъ ли онъ? Нѣтъ, мы не хотимъ загадывать... Богъ насъ помилуетъ, Богъ насъ не оставитъ—я много страшнаго перенесла, но я твердо вѣрю въ Него!

„И вы тоже, мои милыя,—о, нѣтъ никакой смерти, никакого новаго траура не будетъ намъ—о, молитесь, молитесь, чтобъ Онъ не оставилъ насъ!

„Да будетъ воля Его!

„Не говорите ничего папенькѣ и маменькѣ. Для нихъ я въ Неаполѣ, а вы мнѣ пишете туда. Вотъ адресъ"...

И слѣдуетъ адресъ ея неаполитанскихъ знакомыхъ, а затѣмъ просьба—прислать денегъ, съ подробнымъ указаніемъ, какъ ихъ перевести.

Черезъ четыре дня она писала изъ Рима (18 мая 1840 г.):

„Никогда не была я такъ счастлива, но и никогда, никогда счастье не чувствовалось такъ горестно!... Я ѣду съ нимъ вмѣстѣ, я буду за нимъ ходить, о немъ заботиться, онъ принимаетъ мою любовь. Все остальное пусть рѣшитъ Господь!"...

Въ этомъ же письмѣ она пишетъ, что и Станкевичъ пишетъ съ ней одновременно.

И дѣйствительно, въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней, 19—21 мая (н. ст.), Станкевичъ, воспрянувшій духомъ, вслѣдствіе пріѣзда Варвары Александровны, и почувствовавшій себя чуть ли не выздоровѣвшимъ,

написалъ Мишелю огромное письмо, которое мы приведемъ здѣсь полностью [1]).

„Любезный Мишель,—писалъ въ немъ Станкевичъ.—Ты, разумѣется, удивишься моему письму послѣ такого долгаго молчанія; ну, пока удивляйся,—это не вредно, а между тѣмъ я хочу тебѣ писать и на этотъ разъ не могу не писать.—Прежде всего скажу тебѣ, что Варвара Александровна здѣсь, въ Римѣ. Я собирался ѣхать въ Неаполь, заболѣлъ,—а она, узнавши объ этомъ, пріѣхала нарочно, чтобы меня видѣть. Другъ мой, Мишель! Несмотря на твои несправедливыя предположенія, къ которымъ я, можетъ быть, подалъ поводъ своею безалаберностью, ты повѣришь мнѣ, когда я самъ скажу тебѣ, что каждое лицо Вашего семейства для меня вѣчно свято, что я храню память объ немъ вмѣстѣ съ памятью всего лучшаго и святѣйшаго въ первомъ, юношескомъ періодѣ моей жизни, что я не знаю для себя лучшаго, больше чистаго, больше отраднаго міра. Теперь ты можешь судить, что такое для меня святое, братское участіе сестры твоей—я не умѣю тебѣ сказать ни слова о томъ, что произвелъ пріѣздъ ея, но она это видитъ; я въ этомъ увѣренъ. Я только спрашиваю себя день и ночь: за что? за что это счастье? Оно незаслуженно совсѣмъ. Она окружаетъ меня самою сильною, самою святою братскою любовью, она распространила въ кругъ меня сферу блаженства,—я дышу свободнѣе, у меня поднялось и здоровье и сердце, я становлюсь и крѣпче и святѣе. Но довольно объ этомъ,—къ тебѣ. Она показала мнѣ письмо твое, которое она получила на дняхъ. Другъ мой! ты съ одной стороны слишкомъ много даешь мнѣ участія въ твоемъ внутреннемъ процессѣ. Я ли, другой ли, книга ли сдѣлали бы то же; это только внѣшнее побужденіе: внутренняя сила дѣлаетъ все, съ другой—ты горько несправедливъ ко мнѣ, но виноватъ въ этомъ одинъ я. Мишель! Какъ бы много не было въ насъ недостатковъ, ты долженъ согласиться, что мы давно вышли изъ животной сферы невольныхъ впечатлѣній и что лицо не можетъ для насъ играть роль какой-нибудь вещи, напоминающей то или другое состояніе души—иначе я долженъ бѣжать всѣхъ, кого встрѣчалъ въ минуты моихъ страшныхъ душевныхъ раздоровъ!—Что касается до причинъ, которыя бы могли развести насъ—я не вижу никакихъ. Ты могъ охладѣть ко мнѣ, это не было бы невольное впечатлѣніе; ты съ упрекомъ могъ оттолкнуть меня—и я не имѣлъ бы права жаловаться. Но ты съ братскими слезами раздѣлялъ мои страданья и мучился за меня столько же, сколько за тѣхъ, которые ближе всего были къ твоему

[1]) Это письмо мнѣ сообщилъ родной племянникъ Н. В. Станкевича, Алексѣй Ивановичъ Станкевичъ, приготовляющій въ настоящее время къ печати полное собраніе писемъ и сочиненій своего покойнаго дяди. Пользуюсь случаемъ принести ему свою глубокую благодарность за сообщеніе полнаго текста этого письма.

сердцу. Мишель! послѣ всего этого оправданіе, которое ты стараешься дать моему мнимому чувству къ тебѣ—непослѣдовательность и противорѣчіе. Въ моихъ чувствахъ къ тебѣ ничего не перемѣнилось—и если въ иныхъ письмахъ моихъ (ты) видѣлъ гримасы, то это отъ того, что я въ самомъ дѣлѣ былъ въ судорогахъ. Въ одномъ твоемъ письмѣ ты нѣсколько абстрактно судилъ и обвинилъ меня; я былъ *правъ въ душѣ*, но, можетъ быть, могъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Такая вещь также не могла разнести насъ; но довольно объясняться—когда-нибудь подробности можно будетъ объяснить изустно. Теперь о моемъ молчаніи. Я не отвѣчалъ тебѣ съ прошлой осени. Мишель! Тутъ разсуждать много нечего. Тутъ все приходитъ на случай и на человѣка. Грановскій спрашивалъ меня тогда, отвѣчалъ ли я тебѣ? „Что-жъ я могу сказать ему?"—Это былъ мой отвѣтъ ему—и теперь тебѣ. Я заболѣлъ потомъ сильно въ Берлинѣ простуднымъ кашлемъ, который длился у меня долго, уступилъ было лѣтомъ, но начался съ зимою вновь и мучитъ меня теперь. Во все это время я и безалаберность были одно и то же. Письмо твое, пришедшее съ Ефремовымъ, обрадовало меня. Я собирался отвѣчать—между тѣмъ проѣхалъ поперекъ Европу, сбираясь. Изъ Москвы я не получалъ давно никакихъ извѣстій, кромѣ одного только письма отъ Грановскаго, все это еще больше мѣшаетъ взяться за перо. Это ужъ дѣло повседневное, и ты поймешь его, если оно есть и въ твоей натурѣ.—Наконецъ, я увидѣлся съ Варварой Александровной и послѣ того, что увидѣлъ въ письмѣ твоемъ къ ней, не могъ не писать тебѣ, не вывести тебя изъ заблужденія, которое для меня тяжеле, нежели для тебя. Нѣтъ, Мишель! Между нами не становилось никакой стѣны, никакихъ перемѣнъ не можетъ быть въ нашихъ отношеніяхъ, не говори о золотой серединѣ—то, что сдѣлала судьба, должно еще больше сблизить насъ, потому что она сняла съ насъ все накидное, разрушила всѣ призраки,—а мнѣ показала всю силу твоей дружбы. Мишель! Я хочу вѣрить, что это письмо разогнало твои сомнѣнія; я не люблю объясняться, я всегда надѣюсь на мое слово—зачѣмъ говорить мнѣ тебѣ выдумки—ты долженъ мнѣ вѣрить, дай мнѣ руку и съ этихъ поръ все ясно между нами.

„Теперь я поразскажу о себѣ. Мое пребываніе въ Римѣ было очень безотрадно, здоровье мое было постоянно schwankend. Наконецъ, къ Пасхѣ я схватилъ лихорадку и боль въ боку, послѣдняя прошла, но первая (она тоже прошла) оставила слѣды—я еще слабъ, хотя поправляюсь съ каждымъ днемъ съ пріѣзда сестры твоей. Мой докторъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Эмсъ, но сегодня, на общей консультаціи, положено, чтобъ я ѣхалъ на Lago di Como и тамъ пилъ Эмскую воду. Варвара Александровна также намѣрена туда ѣхать, а зиму мы думаемъ провести вмѣстѣ въ Ниццѣ. Эта будущность даетъ мнѣ теперь

силы и заставляетъ сердце трепетать отъ радости. Работы я не могъ предпринять никакой весь нынѣшній годъ—и ужасно отсталъ. Зиму мы перебалтывали въ Флоренціи логику съ Фроловымъ. У меня въ головѣ много плановъ на счетъ Studieren und Schreiben, но для этого нужно хоть немного здоровья. Зимою хочу приняться за Исторію Философіи. Эта часть у меня не отдѣлана (кромѣ новой), а она важна для Логики. Главный вредъ пребыванія внѣ Германіи въ томъ, что не слѣдишь за новыми успѣхами,—и вы въ Россіи можете знать о нихъ больше, чѣмъ я въ Италіи. Но теперь я буду близко къ нѣмецкой границѣ и надѣюсь запастись многимъ. По итальянски совсѣмъ читать нечего. За Данта лѣнь приняться, чувствую, что больше будетъ труда, нежели удовольствія. Для очистки совѣсти и чтобы фамилизировать съ языкомъ, заглядываю въ Тасса. Изъ новыхъ нечего читать совсѣмъ.—Хотѣлось бы привести съ собой нѣсколько вещей Фейербаха. Er hat eine gewaltige Natur; Etwas volles, ganzes in seinem Wesen, aber diess Feuer, diese Kraft führte ihn manchmal zu weit, so dass er unconsequent wird und dem Schriftsteller den er recensiert, das vorwirft, was jener grade zu widerlegen sucht [1]). Нельзя не удивиться, какъ глубоко иногда онъ схватитъ понятіе и какъ въ другомъ дѣтски запутается. Онъ глубокій чтитель Гегеля—называетъ его трезвымъ между пьяными, но требуетъ дальнѣйшаго хода. При всѣхъ его недостаткахъ, его весело читать. Въ немъ есть начало жизни, которое веселитъ. Es ist Etwas vom alten Schelling in ihm, aber ohne Fantasterei. Но я черезчуръ расписался—усталъ. Пора кончать. Ты знаешь Грановскаго: скажи мнѣ, ради Бога два слова объ немъ: что съ нимъ дѣлается? Я получилъ отъ него письмо, въ генварѣ, онъ жаловался на свою слабость и съ тѣхъ поръ отъ него ни слова. Я не пишу къ нему тоже, поджидая отвѣта. Если апатія и карманное страданіе (которое въ опредѣленные сроки находитъ на всякаго ученаго человѣка) мѣшаютъ ему—ну еще Богъ съ нимъ. Но я боюсь, не боленъ-ли онъ? Напиши мнѣ двѣ строчки о немъ. Также о Драшусовѣ, если ты его знаешь.—

„Что дѣлается въ Литературѣ? Нѣтъ ли какого-нибудь журнала, гдѣ бы можно было не пачкавшись напечатать статью? У меня ихъ много—*въ головѣ*,—журналъ не шарлатанъ и не продажный: вотъ все требованіе—разумѣется, *читаемый*, а то противное хуже двухъ первыхъ. Лучше же оставить статью въ головѣ.

„Варвара Александровна тоже собирается писать къ тебѣ. Я уже въ письмѣ къ Грановскому объяснилъ, почему не отвѣчалъ на письмо

---

[1]) У него сильная натура; что-то полное, цѣльное въ его существѣ; но этотъ пылъ, эта сила подчасъ заводили его черезчуръ далеко,—такъ что онъ становился непослѣдовательнымъ и приписывалъ рецензируемому имъ писателю то, что тотъ какъ разъ старался опровергнуть.

Татьяны и Александры Александр.—*не смѣю*. Теперь осмѣлюсь. Но на сегодня для меня довольно. Надѣюсь скоро получить отъ тебя отвѣтъ.

„Bei allen menschlichen Leiden, die ganz natürlich deine Schwester in ihrer ganz einsamen Lage, erdulden musste, ist doch itzt Etwas Helles Ihren Zügen eingeprägt—sie ist einsam wohl, aber unabhängig, Ihr Herz kann sich doch manchmal sich selbst hingeben, der Schreckenschatten steht nicht mehr hinter Ihr. Wäre es nur möglich diese Lage zu sichern, dass Sie auch in Russland, mitten in der geliebten Familie ebenso frei und sich selbst leben könnte. Auf den kindischen, launischen Willen seines Mannes kann man sich nicht verlassen,—könnte man doch Etwas gesetzlich für Sie thun, oder was die Gesetze einigermaszen zulassen; wenn Ihr Vater es wollte, könnte er nicht in Petersburg unter den wohlgesinnten Menschen eine Protection finden? Das Kind muss auf jeden Fall bei Ihr bleiben, ohne diess ist kein Schritt zu thun. Guter Michel! Du hast viel, viel für Sie gethan, du hast Ihr Sie selbst wiedergegeben—und der Welt. Ich kann unmöglich umhin, dir in meinem Herzen zu dancken. Wollte der Himmel, es geschehe doch am Ende Alles für Sie! [1])

„Не могу больше писать. Прощай и будь здоровъ. Пока не могу дать тебѣ другого адреса, какъ: Станкевичу—à M. Stankewitch, à Florence, Grand Duché de Toscane—aux soins de M-r Fenzi et C°. Не знаю еще, какъ мы устроимся въ Комо. Кланяйся всѣмъ нашимъ друзьямъ и напомни обо мнѣ сестрамъ, которыхъ я всегда одинаково чту и люблю. Будь здоровъ.

Твой *Н. Станкевичъ*".

„Мая 20. Вчера мы не успѣли отослать писемъ, какъ вдругъ—пуфъ! является тетрадь изъ Флоренціи. Слава Богу—Грановскій живъ и если не совсѣмъ здоровъ, то, Богъ дастъ, поправится лѣтомъ. Отъ него получилъ я подробныя извѣстія—и твое письмо. Мой милый Ми-

---

[1]) Послѣ всѣхъ человѣческихъ страданій, которыя твоя сестра совершенно естественно должна была претерпѣть въ ея совершенно уединенномъ положеніи, теперь на чертахъ ея остался какой-то свѣтлый отпечатокъ. Она въ уединеніи чувствуетъ себя спокойно и независимо, ея сердце нерѣдко готово къ самопожертвованію, но страшный призракъ не стоитъ у нея за спиной. Если бы можно было это положеніе упрочить, чтобы и въ Россіи она могла жить среди своего любимаго семейства столь же свободной и самостоятельной? Вѣдь на дѣтскую, капризную волю ея мужа нельзя положить; нельзя ли поставить ее подъ защиту закона или сдѣлать для нея то, что нѣкоторымъ образомъ законами довольности? не могъ ли бы ея отецъ — если бы онъ этого захотѣлъ — найти для нея въ Петербургѣ защиту у благомыслящихъ людей? Ребенокъ во всякомъ случаѣ долженъ остаться у нея, безъ этого не слѣдуетъ дѣлать никакихъ шаговъ. Добрый Мишель, ты много, очень много для нея сдѣлалъ—ты возвратилъ ее самой себѣ и свѣту. Я не могу достаточно возблагодарить тебя за это въ моемъ сердцѣ. Дѣ поможетъ небо, чтобы все благополучно кончилось для нея.

шель! Какъ можно такъ поддаваться хандрѣ? Неужли не сладить въ два года съ Логикою, значитъ имѣть малыя способности—и неужли двухгодовая—не хочу сказать неудача, потому что ты всетаки много пріобрѣлъ (объ этомъ свидѣтельствуетъ Грановскій), но не полная удача можетъ заставить отчаяться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ. Шутъ ты! Побывать въ Берлинѣ хоть на *одинъ* семестръ было бы тебѣ *положительно* полезно, ты успѣлъ бы пріобрѣсти кое что; но еще полезнѣе была-бы для тебя увѣренность, какъ *немногимъ* довольствуются тамъ люди, предоставляя времени и дальнѣйшимъ трудамъ объяснить остальное!—Изъ лекцій Вердера я выбралъ обзоръ Логики, схватилъ нить категорій и разучилъ въ каждой что-нибудь; иная мнѣ живѣе, другая нѣсколько loser, все истинно,—но иногда не совсѣмъ ясно—зачѣмъ является еще въ новомъ видѣ старая категорія, когда бы можно идти впередъ? Тутъ еще довольно не оконченнаго. Большой Логики я не изучалъ по совѣту Вердера. Представь себѣ: человѣку нужно объяснить себѣ категорію во всей ея чистотѣ,—а она у него разработана на 50 страницахъ со всѣми мелочами, которыя нужны для примѣненія къ особ. вопросу въ ест. наукахъ и т. п. Какъ изучать? Прежде всего надо (выбрать?) цѣлое, прочесть цѣлое, хоть не понимая совсѣмъ.—Это почти необходимо, но это легко сдѣлать въ Энциклопедіи. Каково-жъ читать 50 стр. не понимая? Я писалъ ужъ тебѣ, что намѣренъ поработать надъ Истор. Философіи, это я считаю логическимъ трудомъ. Между тѣмъ надо по возможности слѣдить и за новыми. Философія теперь д. б. разработана и потомъ слита, такъ сказать, въ одну точку. Фейербахъ требуетъ, что, какъ *бытіе* есть мнимое начало, то почему не начать съ Истиннаго, съ *Идеи*. Ходъ Философіи, какъ у Гегеля, необходимъ по его, но только zum Behuf der Erkenntniss, es ist die Wahrheit, wie sie den Andern ausgelegt wird [1]). Теперь надо вывести все изъ идеи. Мысль яркая, но она приводитъ меня къ другой. Философія есть *наука*, и какъ всякая наука, работа, борьба ума съ предметомъ; она—ходъ отъ конечн. къ абсолютному. Какъ скоро найдена идея, такъ въ ней совершилось fusion. Идея, прозрачная себѣ самой, есть жизнь абсолютнаго; какъ мы дошли до Идеи—намъ ненужно больше никакой науки; требуютъ, чтобъ показали *жизнь идеи въ себѣ*, а не поколику она постепенно объясняется еще незнающему. По ея жизнь въ себѣ есть именно знаніе о себѣ, къ которому она пришла путемъ борьбы—и сама въ себѣ, безъ этой борьбы, она есть самосозерцаніе [2]) блаженствъ. Наука исчезла. Но изъ идеи можно построить жизнь, т. е. Идея непремѣнно становится *дѣломъ*

---

[1]) Но только для возбужденія стремленія къ познанію, истина такова, какъ она изложена другому.

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ: самозерцаніе.

и знаетъ свое дѣло и наслаждается имъ.—Есть брошюрка Цѣшковскаго, Prolegomena zur Historiosophie,—у него три періода въ Исторіи: Kunst, Wissenschaft (мы въ концѣ этого періода) und That. Раздѣленіе не вѣрно, потому что не на идеи Исторіи. Но послѣдняя мысль, что Наука должна перейти въ дѣло, исчезнуть въ немъ, справедлива.—Теперь замѣтно это общее требованіе связать скорѣе эти разбросанныя категоріи съ жизнью сердца, слить философію въ одно [1]) ощущеніе, чтобъ она была не въ головѣ, а въ крови, въ тѣлѣ, по всемъ существѣ. Я люблю это законное требованіе, ему удовлетворятъ постепенно, но осторожно. Ему можно удовлетворить теперь, когда Геній Гегель распуталъ, наконецъ, чувств. представленія и мысли. До него это было бы невозможно, все вышло бы Phantasterei.

„Кромѣ Истор. Философіи я изрѣдка намѣренъ работ. по этой части. Думаю написать нѣсколько популяр. писемъ, если удастся. Филос. Религіи и Исторію Религій Штура авось прихвачу также. Все это назначается къ Сентябрю, къ Пинцѣ, если позволитъ мое здоровье.—„*Богатая натура моя* и обстоятельства позволили мнѣ осуществить свою внутренность“ etc. Ге, ге, Пане! Та де жъ вона, отся натура? Какой ты вздоръ говоришь. Я осуществилъ не болѣе тебя, но меньше безпокоюсь. Знаю, что съ этимъ маленькимъ знаніемъ, хоть бы я и не подвинулся, я могу жить, понимая жизнь и наслаждаясь ею—ну, разумѣется, если только кости мои облекутся немного плотію, а то плохо, а главное, если утихнетъ кашель

„Если тебѣ будетъ возможность собраться хоть на одинъ семестръ въ Берлинъ, разумѣется, это хорошо. Если ты имѣешь что нибудь въ виду для этого, хлопочи безъ хандры и страха и съ рѣшеніемъ впередъ, что если это не удастся, ты найдешь другой выходъ. Надо будетъ хоть на нѣсколько времени резигнироваться,—уроки едва ли ты можешь. Нельзя ли тебѣ пожить въ семействѣ, числясь гдѣ нибудь (это нужно для спокойствія—разум., если не удастся пока поѣздка въ Берлинъ) и заняться спокойно, понемногу, хоть Истор. Философіи, заглядывая изрѣдка въ Логику. Между тѣмъ можешь работать для какого-нибудь журнала. Я не умѣю тебѣ дать другого совѣта—надо устроить свою внѣшность, по крайней мѣрѣ, tant bien que mal, безъ того не предашься съ спокойнымъ духомъ наукѣ. Между тѣмъ, у тебя всегда еще можетъ остаться надежда побывать въ Берлинѣ—не надо терять настоящаго и быть устроеннымъ во всякую минуту и жить каждую минуту и не работать. Ради Бога, мой другъ, устрой какъ можешь, какъ нибудь свое настоящее, если ужъ не имѣешь явной возможности ѣхать къ нынѣшнему семестру въ Берлинъ. Отставку всегда дадутъ, только

---

[1]) Слово это оторвано и вписано здѣсь по догадкѣ.

заблаговременно похлопотать объ ней.—Не хандри же, а когда придетъ дрянь въ голову, пиши ко мнѣ, тебѣ легче будетъ, а я всегда готовъ отвѣчать все, что внушитъ мнѣ сердце. Не знаю, успѣю ли что-нибудь еще приписать къ тебѣ, утомляюсь скоро, а мнѣ еще предстоятъ письма. Къ сестрамъ твоимъ напишу очень скоро,—теперь не могу—и перешлю черезъ Грановск., которому очень скоро буду отвѣчать. Пойду сейчасъ къ Варв. Александр. Не можешь себѣ представить, какое блаженство далъ мнѣ ея пріѣздъ".

21 мая.

„Сейчасъ заглянулъ еще въ письмо твое. „Если не удастся въ Берлинъ, ты не намѣренъ ни о чемъ хлопотать, не ты первый, не ты послѣдній обманулся въ идеальномъ стремленіи—тебѣ 26 лѣтъ". Полно, Миша! хлопочи о Берлинѣ; если не удастся, хлопочи о другомъ. Но не ложишься! (вѣроятно онъ хотѣлъ написать: не складывай рукъ. *А. К.*) 26—! Эка бѣда! Какъ будто измѣрено, въ какую эпоху духъ перестаетъ дѣйств. въ человѣкѣ. Никогда! Хоть 30! Хоть начать въ 30! И чѣмъ же мы разнимся въ нашихъ успѣхахъ—я только покойнѣе на счетъ неуспѣховъ, и кажется, яснѣе вижу.—Бодрость, смѣлость, любовь, дѣло! Да пиши ко мнѣ. Прилагаю письма Варвар. Александровны. Мнѣ смѣшно, что я долженъ взывать къ тебѣ такъ, какъ ты нѣкогда ко мнѣ. У всякаго своя очередь—никто не назади и не впереди. Ну, съ Богомъ же!—Прощай—будь здоровъ, свѣтелъ и смотри на все sub specie aeternitatis.

Твой *Н. Станкевичъ*".

На письма сестры и Станкевича Мишель отвѣчалъ каждому изъ нихъ особо.

Варварѣ Александровнѣ онъ писалъ:

„Милая, добрая Варенька,—Станкевичъ боленъ, и ты теперь съ нимъ. Ради Бога, напиши скорѣе, лучше ли ему и поправляется ли онъ. Ты пишешь, что жизнь его въ опасности. Нѣтъ, Варенька, онъ не можетъ умереть,—такіе люди не должны умирать! Не знаю, какъ и почему, но я увѣренъ въ его выздоровленіи... Смерть его отняла бы слишкомъ много у всякаго, хоть сколько нибудь знающаго его. А ты знаешь, чѣмъ онъ всегда былъ и чѣмъ никогда не перестанетъ быть для меня. Ты знаешь, какъ горяча, какъ безконечно глубока моя любовь къ нему и какъ безусловна моя вѣра въ него.

„Да, Варенька, ты счастлива теперь, ты свободна, ты могла дать полную волю влеченію своего сердца.

„Я знаю, твое присутствіе оживляетъ его, я знаю, какъ онъ любитъ тебя, какъ онъ благоговѣетъ передъ тобой—твое присутствіе освѣжитъ его душу.

„Милая Варенька, какъ я люблю тебя за то, что тебя ничто не остановило, что ты, несмотря на всѣ препятствія и внѣшности, рѣшилась поѣхать къ нему.

„Это свиданіе вознаградитъ васъ обоихъ за множество перенесенныхъ вами страданій. Знаешь, Варенька, онъ для меня единственный человѣкъ, а ты единственная женщина въ полномъ смыслѣ этого слова. Я такъ же глубоко люблю его, какъ и тебя, я ровно благоговѣю и преклоняюсь передъ вами. Я жаждалъ вашего свиданія—и вотъ наконецъ мое желаніе исполнилось. Вы теперь вмѣстѣ, вы можете, должны быть и будете истинными, святыми друзьями.—Это было необходимо для васъ обоихъ. Ради Бога, напиши мнѣ сейчасъ же по полученіи этого письма о его здоровьи. Адресуй такъ письмо: à Berlin, poste-restante. Вѣроятно, что 29 Іюня я выѣду изъ Петербурга на пароходѣ"...

Остальная часть письма посвящена предстоящему его отъѣзду и всему тому, что для него было связано съ этимъ событіемъ. Къ ней мы еще вернемся.

Станкевичу Мишель писалъ (отъ 18 іюня 1840 года изъ Премухина)

„Милый Станкевичъ! Я не стану благодарить тебя за письмо твое. Все, что я сказалъ бы, не выразило бы и половины того глубокаго святого, радостнаго чувства, которое оно произвело во мнѣ. Благодарю тебя, другъ! Возвративъ мнѣ твою дружбу, или достовѣрность твоей дружбы, ты мнѣ отдалъ лучшую часть моего собственнаго существованія. Тебѣ не нужно было много объясняться для того, чтобы разсѣять мои сомнѣнія. Одного живого слова твоего было достаточно для того, чтобы пробудить въ душѣ моей старую непоколебимую вѣру въ тебя. Я чувствую, что ты снова сталъ моимъ, и ты не знаешь, какъ много это чувство дастъ мнѣ блаженства.

„Я давно желалъ вашего свиданья съ сестрою, и вотъ, наконецъ, мое желанье исполнилось. Я знаю, вамъ обоимъ необходимо было встрѣтиться и вамъ хорошо будетъ вмѣстѣ.

„Скажи ей только, чтобы она взяла нужныя предосторожности. Папенька писалъ къ ея знакомому коменданту [1]) и къ своему родственнику Ивану Матвѣевичу Муравьову [2]), пребывающему во Флоренціи. Wenn Sie nicht will, dass man hier von ihrer Ankunft in Rom erfahren, so muss Sie den Copendant bitten, in seiner Antwort vorsichtig zu seyn. Übrig überlasse ich alles ihrer Besonnenheit, obgleich sie oft für unbesonnene ist [3]).

---

[1]) Итальянскій генералъ Руберти—комендантъ форта Сентъ Эльмо, [illegible] которого В. А. Дьякова подружилась въ Неаполѣ.

[2]) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, извѣстный дипломатъ и писатель, отецъ декабристовъ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ.

[3]) Если она хочетъ, чтобы здѣсь не знали о ея прибытіи въ Римъ, то пусть она

„Я не стану тебѣ много писать, потому что теперь я въ сильныхъ хлопотахъ; черезъ три дня я выѣзжаю отсюда, а черезъ 11 дней, т. е. 29 іюня, сажусь на пароходъ и отправляюсь въ Берлинъ. Итакъ, Любезный Станкевичъ, я наконецъ буду въ Берлинѣ! Мнѣ грустно оставлять сестеръ и родителей—тѣмъ болѣе грустно, что много узловъ осталось еще неразвязанныхъ. Но что-жъ дѣлать,—я наконецъ созналъ, что спѣшить не надо и что многое должно предоставить времени. Мнѣ необходимо было ѣхать, потому что духъ мой дошелъ наконецъ до такой болезненности, что на немъ не осталось наконецъ ни одного здороваго мѣста.

„Теперь я ужъ почти здоровъ,—и готовлюсь посвятить всѣ свои средства и время свое наукѣ. Во мнѣ снова пробудилась вѣра въ возможность достиженія.

„Изъ Берлина буду много писать тебѣ,—а теперь всѣ мои мысли и чувства въ разбродѣ. И ты также пиши мнѣ и не оставляй меня совѣтами, а особливо касательно моихъ берлинскихъ занятій. Ты теперь человѣкъ опытный, знаешь, какъ за это должно приниматься,—и опытность твоя можетъ мнѣ быть очень полезна. Если будешь писать къ Вердеру, то замолви ему за меня словечко. Грановскій обѣщалъ дать мнѣ къ нему и къ другимъ письма, но до сихъ поръ еще не прислалъ ихъ.—Онъ теперь въ деревнѣ. Онъ славный, милый, теплый и умный человѣкъ. Всю эту зиму я былъ въ гипохондрическомъ состояніи духа и потому не могъ съ нимъ сблизиться. Но это не помѣшало мнѣ искренно полюбить его. Въ университетѣ онъ пробудилъ сильное и живое участіе къ своему предмету. Студенты любятъ и уважаютъ его,—по гуманитатности своей, онъ лучшій изъ всѣхъ профессоровъ, между которыми теперь есть много прекрасныхъ и истинно полезныхъ людей.

„Прощай, Станкевичъ, съ радостью жму я твою руку. Изъ Берлина буду много писать, и ты пиши мнѣ туда poste restante. Поцѣлуй Ефремова въ переносицу и скажи ему (сверху приписано его же рукой: отъ сестеръ), чтобъ не позабывалъ своей должности и каждое утро приносилъ сестрѣ букетъ цвѣтовъ...“

Сбоку рукой Татьяны Александровны приписано:

„Пожалуйста, не вѣрьте Мишѣ, онъ всегда выдумываетъ на сестеръ—это старая привычка. Письмо Ваше насъ всѣхъ обрадовало—мы такъ боялись, такъ боялись за васъ! Берегите здоровье—жизнь должна быть дорога вамъ, она такъ полна, такъ богата—эта жизнь. Дольше не возвращайтесь въ Россію—холодъ повредитъ вамъ. Тамъ въ тепломъ, свободномъ краю—лучше, чѣмъ здѣсь. Зачѣмъ же спѣшить?—Удержите и

попросить коменданта принять это въ соображеніе въ его отвѣтѣ (Александру Михайловичу). Впрочемъ, все остальное я предоставляю ея осмотрительности, хотя часто оказывалась она всеосмотрительной.

Вареньку. Весело думать, что ей хорошо теперь. Пожалуйста, только говорите съ Сашей по-русски, чтобъ онъ не позабылъ своего языка. Миша тоже уѣзжаетъ, и мы не хотѣли, чтобы Варенька возвратилась безъ него, хоть папенька и маменька очень ждутъ ее. Прощайте, Христосъ съ вами. Александръ Павловичъ [1]) вѣрно не совсѣмъ позабылъ насъ.

Т. Б.".

Александра Александровна тоже приписывала двѣ строчки:

„Мишель увидитъ васъ заграницей и разскажетъ вамъ много про Россію, про Премухино—вспомните и насъ тогда. Поклонитесь отъ меня Ефремову.

Александра Бакунина".

Увы! это письмо, которое должно было бы придать новый штрихъ мира и спокойствія Станкевичу и Варварѣ Александровнѣ, уже не застало Станкевича.

21 мая Станкевичъ писалъ своимъ друзьямъ Фроловымъ:

„Судьбы мои удивительно перемѣнчивы, но къ лучшему. Я уже готовился выѣхать во Флоренцію, какъ вдругъ по письму Маркова, который описалъ меня чуть живымъ, пріѣхалъ сюда изъ Неаполя Ефремовъ и съ нимъ Дьякова. Какъ ни досадовалъ я на тревогу, которую имъ надѣлали, но пріѣздъ Дьяковой былъ для меня неожиданной радостью. За нею послѣдовала другая. Мой докторъ, которымъ я очень доволенъ (совѣтовавшій мнѣ Эмсъ), теперь переговорилъ съ нею и со мною еще разъ и рѣшилъ, что я могу получить еще больше пользы, не подвергаясь при томъ перемѣнчивому климату, если проведу лѣто на озерѣ Комо и тамъ буду пить принозную эмскую воду съ сывороткою. Дьякова тоже намѣрена туда ѣхать со мною: она дожидается изъ Неаполя сына и компаньонки, и мы поѣдемъ во Флоренцію. Вы уже знаете ее по моимъ словамъ,—можете судить, что такое для меня ея общество! Я ничего не могъ желать больше и если ужъ въ чемъ можно видѣть Dämonisches,—такъ въ этомъ случаѣ оно является въ полномъ свѣтѣ. Здоровье мое лучше, т. е. лихорадка прошла или обнаруживается иногда на полчаса, но всякій ужъ порядочный человѣкъ въ Римѣ боленъ теперь лихорадкою... Брянгинскій [2]) по ночамъ, въ бреду, воображаетъ себя папою Львомъ X (онъ читалъ что-то объ немъ), Ефремова—Брамою; а я, когда у меня была лихорадка, командовалъ кораблемъ и вооружался противъ Chien-Diable (изъ романа капитана Марріота)...

„Теперь я ничего не дѣлаю. Вчера и третьяго дня мы заглянули

---

[1]) А. П. Ефремовъ.

[2]) Одинъ изъ ихъ общихъ знакомыхъ въ Римѣ.

на Петра, Пантеонъ и Колизей—и я благословилъ Небо, которое хочетъ, чтобъ образъ Рима дружески покоился въ душѣ моей.—Сквозь бредъ лихорадки я не могъ наконецъ подумать ни объ одномъ памятникѣ безъ тошноты.—Колизей заросъ еще болѣе; зелень на немъ очаровательная, а небо, которое стало еще темнѣе, украсило его такъ, что трудно выйти оттуда. Я былъ радъ видѣть все это вмѣстѣ съ Дьяковой. Все дѣйствуетъ на нее прямо, просто и живо...“

1 іюня (н. с.) онъ писалъ имъ же:

„Наконецъ сынъ Дьяковой съ гувернанткой пріѣхали, и мы послѣзавтра съ веттурино двигаемся съ мѣста; 6-го къ вечеру будемъ во Флоренціи. Мое здоровье незавидно, но на грудь жаловаться не могу. А безсонницу, лихорадочное и какое-то глупое, полусонное состояніе докторъ рѣшительно приписываетъ Риму. Онъ говоритъ, что, несмотря на свою корпуленцію, страдалъ тѣмъ же. Меня обѣщалъ рекомендовать доктору графини Шварценбергъ, которая должна быть нынѣшнее лѣто тамъ же въ Комо: говоритъ, что онъ отличный лѣкарь и рѣдкій человѣкъ. Все въ порядкѣ.

„Я не въ состояніи почти смотрѣть въ книгу, и, несмотря на это, у меня въ головѣ планы работъ ужасныхъ—не знаю, что изъ этого всего выйдетъ. Поговоримъ при свиданіи. Я вамъ не говорилъ еще, что зиму располагаю провести *рѣшительно* въ Ниццѣ. Правда, что въ иной годъ и тамъ вдругъ поднимется трехнедѣльный трамонтано, но это исключеніе, а надежнѣе нѣтъ города въ Италіи. Хочу серіозно поправиться, а работу привезу туда съ собою“ [1])...

Въ первыхъ числахъ іюня (н. с.) Станкевичъ, Ефремовъ и Варвара Александровна съ Сашей выѣхали изъ Рима черезъ Флоренцію,—гдѣ они видѣлись съ Фроловыми,—черезъ Генуя на Миланъ, откуда должны были попасть на озеро Комо; но имъ не суждено было туда доѣхать.

Ѣхали они медленно, съ постоянными остановками и передышками на нѣсколько дней. 21 іюня (н. с.) они были въ Генуѣ, и Варвара Александровна писала оттуда въ Премухино:

„Друзья милые, коротко и жутко будетъ мое письмо—мало, можетъ быть нѣту надежды къ его выздоровленію. Доктора уже выговорили свой страшный приговоръ... Но нѣтъ,—я еще не вѣрю; я еще какъ будто держусь за что-то... Эта дорога его утомила. Ему, казалось, было уже такъ лучше—это не былъ обманъ: всѣ это видѣли. Теперь онъ страшно упалъ—жаръ, утомительная ежедневная дорога... Но можетъ быть, ахъ, можетъ быть—это опять пройдетъ. Теперь только три дня до Милана. Завтра мы выѣзжаемъ,—оттуда до Комо, гдѣ мы проведемъ лѣто, только нѣсколько часовъ ѣзды—и мы наймемъ домъ въ деревнѣ,

---

[1]) Переписка, стр. 351.

на берегу озера, по совѣту докторовъ.... Нѣтъ, нѣтъ—у меня остается еще искра надежды... Друзья, молитесь!

„Бѣдный его отецъ ничего не знаетъ. Онъ не хочетъ ему писать, боясь за него. Онъ такъ спокойно говоритъ о своей смерти... О нѣтъ, нѣтъ, онъ не умретъ... Милые друзья, больно, тоскливо на душѣ...

„Скажите папенькѣ и маменькѣ, что докторъ послалъ меня въ Комо. Авдотья Михайловна Бакунина, которую я видѣла въ Римѣ, подтвердитъ это. Оно съ одной стороны могло быть въ самомъ дѣлѣ правда, потому что слишкомъ сильный жаръ для меня предѣлъ. Пошлите мнѣ деньги, которыя мнѣ очень нужны"... И она даетъ адресъ.

Поперекъ этихъ строчекъ было приписано:

„Больше ничего не могу писать. Саша здоровъ. Л(изавета) И(вановна) [1]) въ Неаполѣ. Не говорите этого Папенькѣ и Маменькѣ. Она какъ тяжелый камень, свалилась у меня съ души. Въ другой разъ, связнѣе и подробнѣе обо всѣмъ. Милые, прощайте. Саша, Саша (т.-е. сестра Саша, бывшая тогда невѣстой Боткина. *Л. К.*) ты у меня безпрестанно передъ глазами. Поклонись Боткину. Пускай онъ меня любитъ, какъ ты меня любишь, какъ я васъ. Тапюша, братья, друзья,—Богъ съ вами!

Ваша *Варенька.*"

Черезъ четыре дня—въ ночь съ 24 на 25 іюня (н. с.) Станкевича не стало. Онъ умеръ въ городкѣ Нови, въ 40 миляхъ отъ Генуи, по дорогѣ къ Милану, гдѣ когда-то Суворовъ одержалъ одну изъ своихъ громкихъ побѣдъ. Наканунѣ еще онъ не чувствовалъ себя слишкомъ дурно. Съ вечера—какъ сообщалъ потомъ Ефремовъ Анненкову—онъ былъ еще веселъ, рано легъ спать, чтобы быть готовымъ къ отъѣзду на завтра; но когда Ефремовъ утромъ 25 числа пришелъ будить его, онъ уже спалъ вѣчнымъ сномъ—„и неизмѣнная благородная улыбка еще играла на лицѣ его" [2])...

Страшно тяжело было положеніе Варвары Александровны у его гроба. Но она не потеряла присутствія духа. Она не могла, разумѣется, думать въ этотъ моментъ ни о чемъ, кромѣ разразившагося надъ нею горя. Но въ самомъ горѣ своемъ она не потеряла способности выражать свои мысли и чувства. Сохранился листокъ, написанный ею по-нѣмецки, въ эти тяжелые и вмѣстѣ священные для нея дни. Въ этомъ листкѣ сохранились тѣ скорбныя, но вмѣстѣ свѣтлыя и глубокія чувства, и тѣ мучительныя, но также не мрачныя думы, которыя овладѣли тогда ея сильной и глубокой душой. Онѣ не только ярко передаютъ то настроеніе, въ которомъ она находилась тогда, но бросаютъ

---

[1]) Компаніонка-бонна, съ которой она уѣхала изъ Россіи.

[2]) *Анненковъ*: „Николай Владиміровичъ Станкевичъ", I, стр. 232.

нѣкоторый свѣтъ и на предсмертные разговоры Станкевича, потому что въ нихъ чувствуется, несомнѣнно, отраженіе этихъ бесѣдъ.

Вотъ точный переводъ того, что содержится въ этомъ листкѣ:

26 іюня, вечеръ. Нови.

„Братъ! Я одна смотрю на нихъ, на эти облака, какъ легко вырисовываются они на безконечной красотѣ далекаго неба, твой взоръ не слѣдитъ болѣе за моимъ взоромъ, они не погружаются болѣе одинъ въ другой... Я остаюсь одинокой въ огромномъ Божіемъ мірѣ... О, братъ, братъ, какъ могъ ты оставить сестру!

„Слышишь ли ты этотъ звонъ колокола? Онъ зоветъ меня къ тебѣ туда (hinüber)—ты также любилъ его, для тебя онъ тоже былъ зовомъ неба, голосомъ безконечности.

„О, я еще вижу ее, твою милую улыбку, которая такъ глубоко проникала въ мое сердце... Братъ, братъ, ты меня любилъ—и только теперь я должна была это узнать. Зачѣмъ ты объ этомъ молчалъ? Ты зналъ вѣдь сестру, зналъ сомнѣнія, которыя нагромоздила въ ея сердцѣ тяжелая жизнь—ты зналъ все это!

„Ахъ, твой собственный взоръ, твой нѣжный, ласкающій взоръ могъ только на мгновеніе разсѣять ихъ, и одного сухого слова было достаточно, чтобы все это снова поднять... Лишь благо видѣла я въ твоей любви, лишь нѣжное сочувствіе... Я боялась твоей благодарности и горестно замалчивала муки сердца, которое жаждало твоей любви—ея лишь одной, а все остальное для него умерло. Ахъ, я чувствовала, что только любовью могла я тебя спасти—въ ней была и моя вѣра и вся моя сила. Ахъ, братъ, братъ, лишь мгновеніе опасности уничтожило бы тотъ страхъ, тотъ гнетъ, которые затрудняли радостное проявленіе моей любви, которые подавляли каждое глубоко взволнованное чувство, удерживали его проявленіе и принуждали меня къ окаменѣлой и мертвой неподвижности...

„Братъ, братъ, прости мнѣ это! Возлюбленный мой, гдѣ бы ты ни былъ, мое пламенное стремленіе должно проникнуть къ тебѣ! Зовешь ли ты изъ своей дали сестру?—„Возлюбленная!"—да, позволь мнѣ удержать это имя—я никогда, никогда не получала его въ жизни..., а счастье было такъ близко!—такъ возможно!—и разлетѣлось въ прахъ...

„О нѣтъ, нѣтъ, мой возлюбленный—я не забыла твои слова, мы свидѣлись, мы узнали другъ друга! Мы соединены на вѣки—разлука коротка, и это новое отечество, которое тебѣ ужъ открылось,—будетъ и моимъ: тамъ безконечна любовь, безконечно могущество Духа!

„Да, его всемогущество уничтожаетъ всѣ границы; всякое препятствіе, все случайное должно передъ нимъ отступить. Властный, самодержавный въ своей безконечной силѣ и красотѣ и свободѣ возды-

мается онъ надъ временемъ и судьбою—къ тому, что онъ самъ себѣ на вѣкъ предназначилъ. Эта вѣра—была твоя!—Она также и моя! Братъ, ты узнаёшь меня, голосъ сестры доходитъ до тебя въ вѣчность? Я узна' ·тебя въ твоей новой силѣ, въ твоей красотѣ... И ты узнаёшь тоже, ты угадываешь ее—твою далекую, оставленную сестру!..."

27 іюня.

„Никогда видъ твой не былъ такъ прекрасенъ, какъ теперь, когда ты навѣкъ сбросилъ съ себя все смертное, все худое. Эта святая строгость на челѣ твоемъ, этотъ открытый (offene), спокойный, мыслящій взоръ (Auge), эти полуоткрытыя грустной улыбкой уста... Тихо, постепенно, спокойно проникало божественное въ твою грудь и первымъ его актомъ была смерть, былъ переходъ въ иные края, которые мы здѣсь лишь издалека прозрѣваемъ..."

28 іюня (очень больна).

„...Умереть! Смерть... Бытіе—небытіе! Сегодня трудно мнѣ собрать мои мысли...

„Вчера ночью я долго объ этомъ думала, я не могла спать,—но я буду спокойна. Смерть, небытіе—если бы это было—можно ли человѣчески спокойно выносить эту мысль, ее разъ навсегда обнять и не поднимать!

„Но въ этой мысли о небытіи лежитъ противорѣчіе, противъ котораго мой разумъ возмущается,—нелѣпость!

„Что есть—то такъ же мало можетъ начаться, какъ и исчезнуть. Быть—это безконечность. Я иначе не могу думать.

„Жить, существовать—это Духъ, Богъ. Вся живая природа есть жизнь этого Бога. Это есть постепенное возвращеніе Духа къ самому себѣ,—его самосознаніе.

„Впервые въ человѣкѣ Духъ пришелъ къ познанію самого себя—и вдругъ смерть, отмѣненіе (Aufhebung) его индивидуальности, погруженіе обратно въ Общее, въ Бога! Но эта мысль опять для меня то же, что небытіе! Что такое мое я?

„Не есть ли оно тотъ самый безконечный Духъ, который принялъ конечную форму матеріи, чтобы проявить себя, чтобы такимъ образомъ понять себя. Матерія сама по себѣ—ничто, но лишь черезъ это внутреннее объединеніе ея съ Духомъ мое существо, мое я получило свою дѣйствительность. Лишь при этомъ непонятномъ для меня соединеніи безконечнаго съ конечнымъ—я становится я—живымъ самостоятельнымъ существомъ.

„Когда я говорю: я—тогда я сознаю себя, я становлюсь извѣстной себѣ. Черезъ обратное впаденіе въ Общее я должна это сознаніе самой себя утратить—моя индивидуальность исчезаетъ (hört auf)—я ужо

не я—остается лишь общее, Духъ для себя; такимъ образомъ я ничто! Такъ вотъ что такое смерть? Это мало утѣшительно.

„Но такая мысль мнѣ не только страшна, она для меня возмутительна, нелѣпа.

„Гдѣ же жизнь Духа, Бога, если не въ этомъ вѣчномъ откровеніи сотвореннаго—природы? Что называемъ мы природой? Что была бы она безъ вѣчно образующаго ее Духа и что былъ бы Духъ безъ этого вѣчнаго откровенія живой природы?

„Человѣкъ!—первое самосознаніе Духа въ природѣ, первая самостоятельная индивидуальность, самостоятельное я,—и что же?—при посредствѣ этого внутренняго объединенія образующей безконечности съ образуемымъ зарождавшіяся формы матеріи должны вновь перейти въ безконечное; ихъ такъ горестно, такъ ужасно достигнутая самостоятельность должна потерять свое самосознаніе, снова раствориться въ Общемъ, чтобы такимъ образомъ снова организовать новую низшую пылинку? И это была бы тоже безконечность? Печальное коловращеніе (Räderwerk)! Небытіе было бы блаженствомъ въ сравненіи съ такимъ бытіемъ!

„Но можетъ ли это быть? Вѣра говоритъ мнѣ: нѣтъ!—и говоритъ мнѣ о новой безконечности“...

Смерть Станкевича не была или, по крайней мѣрѣ, не должна была быть неожиданностью для его друзей. Тѣмъ не менѣе на всѣхъ ихъ она произвела впечатлѣніе тяжелаго удара судьбы. Ударъ этотъ они почувствовали каждый по-своему.

Бѣлинскаго извѣстилъ о кончинѣ Станкевича Ефремовъ, Грановскаго—Тургеневъ; Грановскій увѣдомилъ Невѣрова.

Бѣлинскій, который получилъ письмо Ефремова, будучи въ чрезвычайно подавленномъ настроеніи духа, находилъ, что его скорбь о смерти Станкевича недостаточно глубока. Онъ сравнивалъ ее съ тѣмъ глубокимъ потрясеніемъ, которое испыталъ при вѣсти о смерти Любови Александровны, и удивлялся теперь ничтожности и неглубокости своего чувства. Онъ выражалъ даже зависть къ глубокой скорби Ефремова, который присутствовалъ при смерти Станкевича и долго носилъ въ душѣ своей рану, которая „сочилась —по выраженію Бѣлинскаго,—теплою кровью“. Недостаточность своей скорби Бѣлинскій объяснялъ своимъ состояніемъ, которое можно было — по его словамъ — характеризовать такъ: „вѣры нѣтъ, знанія и не бывало, а сомнѣнія превратились въ убѣжденіе“... „Что такое Общее (для познанія котораго Станкевичъ жилъ и умеръ вдали отъ насъ)?“—спрашивалъ Бѣлинскій, охваченный своимъ тогдашнимъ настроеніемъ крайняго пессимизма, и отвѣтилъ: „Молохъ, пожирающій собственныя созданія, Сатурнъ, пожирающій

собственныхъ чадъ. Зачѣмъ родился, зачѣмъ жилъ Станкевичъ? Что осталось отъ его жизни, что дала ему она? Нѣтъ, ему надо было умереть,—потому что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И мы, знавшіе его, всѣ умремъ—и тогда даже памяти на землѣ не останется объ немъ... Право, мнѣ кажется, что надо мной уже безсильна всякая утрата и всякое бѣдствіе, кромѣ нужды и физическаго страданія,—но и къ нимъ можно привыкнуть"...

Однако далѣе онъ пишетъ Ефремову:

„Ради Бога, Ефремовъ, увѣдомь меня какъ можно подробнѣе обо всемъ до малѣйшей подробности,—и какъ онъ жилъ, и какъ умиралъ. Не полѣнись, душа моя,—помни, что то, что ты знаешь о немъ, есть общее наше достояніе. О, какъ жажду я видѣться съ тобою! Будетъ ли это когда-нибудь, или и ты скоро же умрешь? Собери всѣ мои письма къ Станкевичу для доставленія ко мнѣ, если воротишься или найдешь случай. Для меня священна собственная моя строка, которую читали его глаза.—Пожалуйста!"

А потомъ, обращаясь къ былымъ недоразумѣніямъ и ссорамъ, слѣдъ которыхъ Бѣлинскій усмотрѣлъ въ тонѣ письма Ефремова, онъ прибавлялъ: „Слушай, Ефремовъ, если ты не считаешь меня тѣмъ, чѣмъ считалъ нѣкогда въ отношеніи къ себѣ,—то Богъ съ тобой,—ребенокъ ты послѣ этого. Но нѣтъ, этого не можетъ быть, особенно теперь, когда чувство общей великой утраты, общаго сиротства должно еще болѣе сблизить и сроднить насъ другъ съ другомъ"...

„...Кланяйся отъ меня,—писалъ онъ въ заключеніе,—В. А. Дьяковой. Мнѣ бы очень хотѣлось написать къ ней,—да останавливаетъ мысль: что же я напишу къ ней, когда у меня и въ головѣ и въ сердцѣ—только и знай посвистываетъ. Поблагодари ее за память обо мнѣ и попроси подольше не умирать, если можно. Она принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ, которымъ смерть больше всѣхъ грозитъ; она то же, что онъ—пусть же спѣшитъ сюда къ намъ, чтобы всѣ знавшіе и любившіе ее еще разъ увидѣли ее. Что ея Саша? Боже мой! Сколько перемѣнъ въ такое малое время! Ефремовъ, помнишь ли осень 1836 г.?—Еще нѣтъ и полныхъ четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ... Право, мнѣ кажется, что я начинаю умнѣть—и не мудрено: жизнь есть такая школа, которая лучше всѣхъ университетовъ и философіи даетъ знать, что она—„даръ напрасный и случайный"... О пребываніи въ Берлинѣ В. А. никому изъ чужихъ не скажу. Скоро ли она въ Россію и черезъ Петербургъ ли?—О, Боже мой, какая грустная радость для меня!"

Въ припискѣ стояло: „Долго не отвѣчалъ тебѣ на письмо—не на что было послать"... [1])

---

[1]) „Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго". П. Зиченко, изд. II, стр. 171—185.

Нѣсколько позднѣе Бѣлинскій писалъ Боткину: „Смерть Станкевича поразила меня сухо, мертво; но если бы ты зналъ, какъ это сухое страданіе тяжело!“

Грановскій, котораго о смерти Станкевича увѣдомилъ Тургеневъ, писалъ 8 августа 1840 г. Невѣрову: „Не знаю, какъ и писать къ тебѣ, милый Януарій! Боюсь первый сообщить тебѣ страшную вѣсть объ общей утратѣ. Станкевича нашего нѣтъ болѣе въ живыхъ. Онъ умеръ въ Генуѣ. Я узналъ это отъ Тургенева. Письма Ефремова ко мнѣ пропали безъ вѣсти... Настоящее горе еще не трогало меня: боюсь его впереди. Теперь все еще не вѣрю въ возможность потери. Только иногда сжимается сердце. Ты потерялъ столько же, сколько и я. Тебѣ нечего говорить о немъ: онъ унесъ съ собою что-то необходимое для моей жизни. Никому на свѣтѣ не былъ я такъ обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно. Этого, можетъ быть, кромѣ меня никто не знаетъ. Страшно подумать о его смерти. Душа отказывается вѣрить“... [1])

Сестрамъ онъ писалъ около того же времени (по-французски):

„Едва нахожу силу писать вамъ, добрые друзья мои. Прощаясь съ вами, я не думалъ встрѣтить ударъ, который ожидалъ меня въ Москвѣ. На другой день моего пріѣзда я получилъ два письма изъ Германіи; открываю первое—въ немъ увѣдомляютъ меня о смерти Станкевича.

„Онъ умеръ уже два мѣсяца тому назадъ, мнѣ не рѣшались сообщить эту роковую вѣсть. Она попала мнѣ въ руки случайно. Здоровье мое не пострадало, я даже не плакалъ; но сердце мое сжато, какъ послѣ смерти матери. Вы знали наши отношенія. Онъ былъ болѣе, чѣмъ братъ для меня. Десять братьевъ не замѣнятъ мнѣ одного Станкевича. Я хожу на экзамены, видаю много народа и видъ имѣю совершенно спокойный. Не знаю, откуда это. Я бы хотѣлъ плакать: не могу. Богъ не даетъ мнѣ слезъ. У меня еще есть друзья. Но что они въ сравненіи съ покойнымъ. Это былъ человѣкъ геніальный и святая душа. Всѣ, кто къ нему приближался, сознавали его превосходство, и никого это не унижало. Онъ могъ бы покрыть славою десять именъ и умеръ 27-ми лѣтъ, оставивъ по себѣ память лишь въ сердцѣ нѣсколькихъ друзей. Его мѣсто среди насъ останется незанятымъ: никто не осмѣлится его занять. И какъ выразить вамъ, что я въ немъ теряю. Это лучшая, благороднѣйшая часть меня самого сошла въ могилу“... [2])

Въ новомъ полномъ собраніи писемъ Бѣлинскаго, изданномъ теперь *Е. А. Ляцкимъ*, письмо это напечатано на стр. 151 тома II.

[1]) „Переписка Т. Н. Грановскаго“, стр. 404.

[2]) Тамъ же, стр. 101.

Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ Мишелю (отъ 21 августа 1840 г.): [1])

„Я получилъ почти въ одно время два письма отъ Тургенева, изъ которыхъ узналъ о смерти Станкевича. Я пріѣхалъ сюда недавно и меня уже ожидало въ Москвѣ это извѣстіе. Теперь прошло уже двѣ недѣли, а я все еще не опомнился послѣ перваго удара и не привыкъ къ страшной мысли.

„Что тутъ говорить о моей печали. Развѣ не всѣ мы равно его потеряли и равно любили. Но онъ унесъ съ собою многое изъ моей будущности. Я мало плакалъ, хожу по прежнему на экзамены, порой даже веселъ, но на душѣ постоянно лежитъ что-то тяжкое. Боюсь того, что ожидаетъ меня впереди: до сихъ поръ я былъ въ какомъ-то забытьи, еще какъ будто не понялъ, что потерялъ, и настоящее горе еще не трогало меня. Не въ состояніи ничего дѣлать. Хотѣлъ привести въ порядокъ его письма—не могу. Изъ книгъ моихъ каждая чѣмъ-нибудь напоминаетъ его. Сталъ читать Евангеліе—безполезно! Только теперь вижу, что во мнѣ нѣтъ вѣры въ жизнь за гробомъ. Вотъ почему мнѣ должна быть тяжелѣй чѣмъ кому либо смерть близкаго человѣка.

„Да, Бакунинъ, вы всѣ потеряли его, а моя потеря болѣе вашей. Я ему обязанъ всѣмъ. Я рѣдко писалъ къ нему; но всякое дѣло мое было освѣщено мыслію объ немъ. Мысленно я привыкъ отдавать ему отчетъ во всѣхъ дѣлахъ и замыслахъ. Теперь кому? Если бы я еще вѣрилъ въ другую жизнь, въ связь между jenseits и diesseits! Но этой вѣры нельзя пробудить въ себѣ искусственнымъ образомъ, а живая замерла во мнѣ такъ, что я и не замѣтилъ.

„Александръ Павловичъ! [2]) Не сердитесь на меня. Тургеневъ пишетъ, что Вы отправили ко мнѣ два письма. Когда и какъ? Я не получилъ ни одного. Ради Бога, скажите мнѣ еще нѣсколько словъ объ немъ, о его послѣднихъ дняхъ. Помнилъ ли онъ обо мнѣ? Скверный вопросъ. Но мнѣ хочется отвѣта. Много писать я, ей Богу, не могу: я говорю спокойно со всѣми и обо всемъ,—только объ немъ съ вами еще не привыкъ. Еще одно: когда припоминаю его себѣ, онъ вѣчно является мнѣ веселымъ, съ шутками. Отъ этого мнѣ еще хуже...

„Отдайте записку Вердеру. Тургеневу кланяйтесь, когда пріѣдетъ въ Берлинъ.

„Гдѣ онъ теперь?

„Прощай, Бакунинъ. Твой *Грановскій*.

---

[1]) Это письмо еще не было напечатано. Оно находится въ архивѣ Бакуниныхъ.

[2]) Обращеніе къ А. Н. Ефремову, который жилъ тогда въ Берлинѣ вмѣстѣ съ Бакунинымъ.

„Боткина нѣтъ здѣсь“.

Черезъ полгода (отъ 1 февраля 1841 г. изъ Москвы) Грановскій писалъ и къ В. А. Дьяковой въ отвѣтъ на ея письмо: [1])

„Вчера получилъ я письмо Ваше. Отъ всей души глубоко благодарю Васъ за довѣренность.

Тѣло Николая будетъ перевезено въ деревню отца; [2]) для него ужъ готово мѣсто. Въ замедленіи отчасти виноватъ я. Я получилъ отъ старика Станкевича письмо, въ половинѣ декабря. Онъ приложилъ къ нему другое, къ Ефремову, котораго просилъ увѣдомить о мѣрахъ, какія нужно принять для перевоза тѣла въ Россію, кого просить и т. д. У меня тогда не было адреса А. П., и я долженъ былъ переслать письмо это въ Ригу къ Невѣрову, у котораго частыя сношенія съ Берлиномъ. Къ несчастію, Невѣровъ въ это время уѣхалъ въ отпускъ и, слѣдовательно, письмо, пришедшее безъ него, пролежало лишній мѣсяцъ и отправится въ Берлинъ вмѣстѣ съ этимъ.

Постараюсь исполнить волю вашу относительно метальнаго гроба. Скажу старику, что такова была воля покойника. Боюсь, чтобы его не положили въ церкви, подъ каменный сводъ. Если будетъ малѣйшая возможность, я съѣзжу въ Удеревку, когда его будутъ хоронить. Тогда разскажу вамъ все.

„У меня есть также просьба къ Вамъ. Въ послѣдніе два мѣсяца своей жизни онъ не писалъ ко мнѣ. Но Фроловы писали, что онъ началъ ко мнѣ большое письмо [3]). Оно, вѣроятно, осталось неконченное въ его бумагахъ. Я знаю его привычки—онъ часто оставлялъ неконченныя письма въ ящикѣ и не рвалъ ихъ. Если Вы нашли что-нибудь ко мнѣ относящееся, ради Бога, пришлите. Michel говорилъ о его бумагахъ, которыя должны были отправиться ко мнѣ. Гдѣ онѣ?

„Еще разъ благодарю Васъ. Располагайте мною, какъ угодно, и вѣрьте, что это не фраза!

„Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью

Вашъ *Т. Грановскій*“.

Изъ письма И. С. Тургенева къ М. А. Бакунину, напечатаннаго нами въ *Русской Мысли* за 1912 г. (кн. XII), какъ равно и изъ воспоминаній его (въ *Вѣст. Евр.* за 1899 г.), видно, какое значеніе придавалъ онъ встрѣчѣ своей со Станкевичемъ.

---

[1]) Ея письма у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію.

[2]) Н. В. Станкевичъ похороненъ въ Удеревкѣ Воронежской губ., Острогожскаго уѣзда, гдѣ протекло его дѣтство.

[3]) Судя по напечатанной перепискѣ Станкевича, можно думать, что онъ не писалъ Грановскому съ 1 февраля 1840 года. Нашлось ли начатое передъ смертью письмо, мы не знаемъ.

Смерть Станкевича отозвалась, впрочемъ, не только въ кругу его близкихъ друзей. Даже такой чуждый ему человѣкъ, какъ М. П. Погодинъ, счелъ долгомъ помянуть его въ *Москвитянинѣ* вмѣстѣ съ умершимъ почти одновременно съ нимъ товарищемъ его по университету, Сергѣемъ Михайловичемъ Строевымъ.

Вспоминая, какъ еще въ 1835 г. въ торжественномъ собраніи въ университетѣ онъ отмѣчалъ, что въ томъ году окончили университетъ нѣсколько талантливыхъ и подающихъ большія надежды юношей, въ числѣ которыхъ онъ прежде всего имѣлъ въ виду Станкевича. Погодинъ писалъ теперь:

„...Станкевичъ, надежда науки, надежда отечества, предался философіи и въ два года пріобрѣлъ такія познанія, что знаменитые Берлинскіе профессоры поклонялись его свѣтлой и ясной головѣ, его блистательнымъ способностямъ. Злая чахотка низвела его въ Генуѣ въ могилу“... [1])

Друзья и товарищи Станкевича ошибались, конечно, когда думали, что память о немъ исчезнетъ съ ихъ жизнью. Они сами оставили слишкомъ рѣзкій слѣдъ въ русской жизни, чтобы память о томъ, кто имѣлъ такое вліяніе на образованіе и развитіе ихъ идей, могла когда-нибудь исчезнуть. Роль Станкевича въ исторіи русскаго общества и русской литературы получила уже давно полное признаніе и справедливую оцѣнку.

XXXIV.

Послѣдній мѣсяцъ М. Бакунина въ Премухинѣ передъ отъѣздомъ его за границу.— Письмо его къ Беерамъ отъ 13 іюня 1840 г.—Пріѣздъ Мишеля въ Петербургъ и встрѣча съ Катковымъ. — Ссора съ нимъ въ квартирѣ Бѣлинскаго и вызовъ на дуэль.— Отношеніе друзей Мишеля къ этому инциденту. — Прощальное письмо М. Бакунина сестрамъ и братьямъ въ день отъѣзда изъ Петербурга 29 іюня 1840 года.—Распаденіе кружка Станкевича.

Въ началѣ мая 1840 г. отъѣздъ Михаила Бакунина былъ рѣшенъ окончательно. 9 мая онъ писалъ сестрамъ, что пріѣдетъ въ Премухино недѣли черезъ двѣ, пробудетъ съ ними около мѣсяца и затѣмъ отправится въ Петербургъ, а оттуда и за границу.

„Въ Премухинѣ,—писалъ онъ,—съ вами и съ братьями мы еще сильнѣе скрѣпимъ нашъ святой глубокій союзъ,—скрѣпимъ его такъ, чтобы постороннее и враждебное не смѣло бы болѣе и не имѣло бы болѣе силы нарушать его,—и разстанемся надолго.

---

[1]) *Москвитянинъ* за 1840 г., № 6, стр. 490. Цитирую по *Барсукову*: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. V, стр. 376.

„Мнѣ предстоитъ теперь широкій путь, новая жизнь, и я возвращусь къ вамъ черезъ нѣсколько лѣтъ обновленный, истинно-дѣйствительный и вполнѣ достойный любви вашей братъ и другъ“...

Однако, 23 мая, когда старики Бакунины и ихъ дочери уже водворились въ своемъ премухинскомъ гнѣздѣ, переѣхавъ туда изъ Твери, Мишеля все еще не было, и въ письмѣ отъ 23 мая Александра Александровна старается ускорить его пріѣздъ, соблазняя его прелестями премухинской весны: „если скоро не пріѣдешь, сирени, яблони, вишни отцвѣтутъ“... Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ и пробылъ въ Премухинѣ до 22 или 23 іюня. Этотъ послѣдній передъ долгой разлукой мѣсяцъ онъ прожилъ душа въ душу не только съ сестрами и братьями, но и съ родителями, съ которыми передъ отъѣздомъ примирился совершенно.

Гармоническое настроеніе духа Мишеля нарушалось лишь нѣсколько тѣмъ, что онъ не успѣлъ какъ слѣдуетъ проститься съ Беерами. Изъ одного письма Константина Беера (отъ 14 іюня 1840 г.) изъ Москвы видно, что Мишель пытался убѣдить ихъ пріѣхать передъ его отъѣздомъ въ Премухино; но приглашеніе его пришло такъ поздно, что Константинъ по расчету времени, не говоря о финансовыхъ затрудненіяхъ, не могъ успѣть съѣздить изъ Москвы за сестрами въ Шашкино (Орловской губ.) и привезти ихъ въ Премухино до отъѣзда оттуда Мишеля. Беры между тѣмъ писали ему скорбныя письма, наполненныя грустными упреками и сомнѣніями въ истинности его дружбы. Мишель въ свою очередь упрекалъ ихъ за это. Пересылая имъ большую выписку изъ послѣдняго письма къ нему Станкевича (изъ Рима, отъ 19 мая), онъ ставилъ имъ въ примѣръ *свое* отношеніе къ Станкевичу, несмотря на долгое молчаніе послѣдняго.

„Вѣдь я не таковъ, какъ вы,—писалъ онъ (13 іюня 1840 года);—вотъ хоть, напримѣръ, избалованная мною (а не судьбою) малютка Alexandrine пишетъ предлинную диссертацію о томъ, какъ нѣкоторые люди въ радости позабываютъ грустныхъ друзей своихъ. Нехорошо, стыдно, друзья,—неужели это тѣ благословенія, о которыхъ я васъ просилъ и безъ которыхъ я не хочу и не могу ѣхать за границу?...“ „...Ради Бога, оставьте эту тѣсную и неблагодарную сферу сомнѣній... Будемъ жить вмѣстѣ въ широкомъ и привольномъ царствѣ безсмертной любви,—въ которой святое братство наше освящено благословеніемъ Духа, въ которомъ мы всѣ составляемъ одно неразрывное и блаженное существо, проникнутое одною мыслію и однимъ чувствомъ. Друзья, мнѣ не нужно увѣрять васъ—вы сами знаете, что вы имѣете и всегда будете имѣть во мнѣ вѣрнаго и горячаго друга и что духъ мой вѣчно будетъ присутствовать съ вами и любовью своею обнимать васъ. А потому всѣ сомнѣнія въ сторону! Дайте руки, друзья, на про-

щанье. Прощай, Константинъ,—если ты такъ же полюбилъ меня, какъ я тебя,—то мы крѣпкіе, дѣйствительные друзья"...

Въ Петербургъ Мишель пріѣхалъ всего за три дня до отхода парохода, съ которымъ онъ долженъ былъ ѣхать за границу. Въ день своего пріѣзда онъ былъ у Панаева, въ квартирѣ котораго, какъ оказалось, остановился только что пріѣхавшій изъ Москвы Катковъ, бывшій въ то время въ открытой ссорѣ съ Мишелемъ. Причины этой ссоры до сихъ поръ не вполнѣ выяснены. Извѣстно только, что тутъ дѣло заключалось не въ философскихъ разномысліяхъ, а въ какой-то сплетнѣ, которую, по словамъ Каткова, распустилъ о немъ Бакунинъ въ средѣ московскихъ знакомыхъ, повидимому, въ связи съ тѣми черезчуръ близкими отношеніями, въ которыя Катковъ сталъ въ это время къ первой женѣ Огарева Маріи Львовнѣ. Мы не знаемъ, что именно говорилъ по этому поводу Бакунинъ [1]). Но извѣстенъ тотъ болѣзненно самолюбивый и мстительный характеръ, которымъ отличался Катковъ во всѣ періоды своей жизни.

Однако въ тяжелой и безобразной исторіи, которая произошла тогда у Бакунина съ Катковымъ, на сторонѣ послѣдняго были всѣ общіе ихъ друзья и пріятели: и Бѣлинскій, и Боткинъ, и Огаревъ, и Панаевъ, и, кажется, одинъ только Герценъ пытался удержать нейтралитетъ. При нравственной чуткости Герцена это послѣднее обстоятельство все же весьма знаменательно. Несомнѣнно, что если бы въ этомъ случаѣ со стороны Бакунина дѣйствительно проявилась та подлость и низость, о которой говорили тогда въ пылу азарта нѣкоторые изъ бывшихъ друзей его, Герценъ не могъ бы отъ него не отвернуться вполнѣ.

Самая исторія заключалась въ слѣдующемъ безобразномъ происшествіи.

На слѣдующій день послѣ своего пріѣзда Бакунинъ отправился къ Бѣлинскому, о чемъ заранѣе зналъ Катковъ, такъ какъ наканунѣ Бакунинъ самъ сказалъ Панаеву, что собирается на другой день утромъ къ Бѣлинскому. Катковъ отправился туда же съ ранняго утра съ явнымъ намѣреніемъ затѣять ссору.

Бѣлинскій въ это время, подъ вліяніемъ Боткина и Каткова, сталъ вновь гораздо враждебнѣе относится къ Мишелю. Мы видѣли уже, какъ въ эти послѣдніе мѣсяцы колебались отношенія его къ Мишелю. Послѣ временнаго смягченія, вызваннаго апрѣльскимъ письмомъ Мишеля, смягченія, которое выразилось, какъ мы видѣли, въ письмѣ Бѣлинскаго къ Мишелю, приведенномъ нами въ главѣ XXXII, отрицательныя чувства

[1]) Что тутъ дѣло касалось именно отношеній Каткова къ Огаревымъ,—объ этомъ можно догадываться по письмамъ Бѣлинскаго къ Боткину, напечатаннымъ теперь во II томѣ новаго изданія переписки Бѣлинскаго, сдѣланнаго въ нынѣшнемъ году г. Лидинъ.

его къ Мишелю опять обострились [1]) Мишель зналъ объ этомъ, такъ какъ въ письмѣ къ сестрамъ отъ 9 мая, о которомъ мы уже упоминали, онъ выражалъ даже опасеніе, чтобы и братъ Николай не заразился отъ Бѣлинскаго отрицательнымъ отношеніемъ къ нему, Мишелю. Но, очевидно, не предполагая еще черезчуръ рѣзкаго развитія этого отрицательнаго отношенія, онъ вошелъ къ Бѣлинскому, какъ другъ, и даже поцѣловалъ его, отъ чего Бѣлинскій, какъ сообщалъ онъ самъ позднѣе въ письмѣ къ Боткину, хотѣлъ, но не успѣлъ уклониться. Катковъ же тотчасъ же началъ иронически-злобно благодарить Мишеля за тѣ слухи, которые онъ о немъ распространялъ. Смущенный Бакунинъ ретировался въ спальню Бѣлинскаго и, сѣвъ тамъ на диванѣ, сталъ говорить съ дѣланнымъ равнодушіемъ: „фактецовъ, фактецовъ, я желалъ бы фактецовъ, милостивый государь!"—„Какіе тутъ факты!"—закричалъ на это взбѣшенный Катковъ,—вы продавали меня по мелочи, вы подлецъ, сударь!" Бакунинъ вскочилъ и закричалъ: „самъ ты подлецъ!" а Катковъ отвѣчалъ: „скопецъ!"

„Это,— по словамъ Бѣлинскаго — подѣйствовало на Бакунина хуже подлеца: онъ вздрогнулъ, какъ отъ электрическаго удара". И тутъ произошла та безобразная сцена, которая впервые описана въ печати въ книжкѣ г. Иванова-Разумника по неизданному письму Бѣлинскаго къ Боткину отъ 12—16 августа 1840 г. [2]).

Бакунинъ схватилъ палку, Катковъ бросился на него, причемъ Бакунинъ ударилъ Каткова по спинѣ бамбуковой палкой, и Катковъ дважды ударилъ его по лицу, послѣ чего Бакунинъ вызвалъ Каткова на дуэль. Уходя черезъ нѣсколько минутъ отъ Бѣлинскаго, Катковъ въ свою очередь сказалъ Мишелю: „Послушайте, Милостивый Государь, если въ васъ есть хоть капля теплой крови,—не забудьте, что вы сказали"... Потомъ онъ просилъ Бѣлинскаго быть его секундантомъ. Бѣлинскій сначала отказался, ссылаясь на то, что онъ вовсе неподходящій для этого человѣкъ, но затѣмъ, когда Катковъ пригласилъ вмѣсто него Панаева, человѣка женатаго и, слѣдовательно, на котораго отвѣтственность за участіе въ дуэли ложилась тяжелѣе, согласился. Но дуэль не состоялась. Уже на слѣдующій день Бакунинъ письменно извинился передъ Катковымъ и, считая тѣмъ не менѣе тогда дуэль всетаки необходимою, просилъ только отложить ее до Берлина, куда и Катковъ долженъ былъ прибыть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ Берлинѣ Мишель

---

[1]) Въ письмѣ къ Боткину отъ 16 мая Бѣлинскій писалъ про Бакунина; ...„онъ для меня—рѣшенная загадка. Абстрактный герой, рожденный на свою и на чужую гибель, человѣкъ съ чудесною головою, но рѣшительно безъ сердца и притомъ съ кровью протухшей соленой трески"... Бѣлинскій. Письма. Т. II. (1839—1843 гг.) Спб., 1914 г., стр. 124.

[2]) Теперь это письмо напечатано г. Лянкимъ въ новомъ собраніи полностью: т. II, стр. 145—149.

узналъ о смерти Станкевича, къ нему пріѣхала туда осиротѣвшая Варвара Александровна, смотрѣвшая на него въ тотъ моментъ, какъ на единственную опору въ жизни, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ научныхъ интересовъ, совершенно захватившихъ его тамъ въ первое время, Мишель ясно представилъ себѣ всю нелѣпость дуэли, и онъ рѣшилъ окончательно примириться съ Катковымъ, съ которымъ у него затѣмъ даже вновь возобновились пріятельскія отношенія.

Но, конечно, передъ отъѣздомъ Мишеля изъ Петербурга положеніе его, вслѣдствіе этой исторіи, было крайне тяжелое. Бѣлинскій, Боткинъ, петербургскіе пріятели Панаевъ и Языковъ—всѣ были на сторонѣ Каткова. Огаревъ, по поводу этой исторіи, въ крайне рѣзкомъ (по отношенію къ Мишелю) письмѣ къ Герцену, выражалъ тогда даже сожалѣніе, что они оказали Бакунину денежное пособіе, и называлъ его тоже подлецомъ, негодуя на него, впрочемъ, не за Каткова, къ которому онъ тутъ тоже обнаружилъ отрицательное отношеніе, а за Боткина, въ сердечной исторіи котораго Огаревъ приписывалъ Мишелю, конечно, со словъ Боткина, низкую предательскую роль. [1])

Только Герценъ, какъ мы уже сказали, сохранилъ нѣкоторый нейтралитетъ.

„Когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга за границу,—писалъ въ вышецитированномъ письмѣ Бѣлинскій Боткину о Мишелѣ,—его провожали: не я, не Катковъ, даже не Языковъ и Панаевъ, но Герценъ, произведенный имъ за 1000 руб. ассигнаціями въ спекулятивныя натуры. Но этимъ не кончилось: оная натура (т. е. Герценъ. А. К.) говоритъ, что его можно уважать за умъ, но не любить, и что по письмамъ московскихъ друзей видно, что они даже плохо уважаютъ его". [2])

Послѣднія слова указываютъ, должно быть, на впечатлѣніе, произведенное на Герцена письмомъ Огарева, которое было, вѣроятно, получено Герценомъ уже послѣ отъѣзда Мишеля въ отвѣтъ на письмо Герцена, упоминавшаго объ исторіи Бакунина съ Катковымъ. Однако впечатлѣніе это прочно залегло въ душѣ Герцена и отразилось впослѣдствіи въ его дневникѣ, веденномъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ отзывался о Бакунинѣ, какъ о человѣкѣ съ огромнымъ умомъ, но съ дряннымъ характеромъ. [3])

Эта исторія, происшедшая передъ самымъ отъѣздомъ Мишеля за границу, не могла, конечно, не отравить того блаженнаго состоянія духа, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Премухина. Но несмотря на это, онъ садился на пароходъ, отнюдь не утративъ своихъ надеждъ и упованій

---

[1]) Письмо это приведено у *Драгоманова* въ предисловіи его къ „Письмамъ М. А. Бакунина", стр. XI.

[2]) *Пеповдовскій*. „Катковъ и его время", Спб., 1888 г., стр. 62.

[3]) *Герценъ*. Сочиненія, Женева, 1875, т. I, стр. 81 и 88.

на близкое достиженіе главной и основной цѣли своей жизни, къ которой онъ стремился тогда. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма, отправленныя имъ въ день отъѣзда къ Беерамъ и къ сестрамъ. Первое изъ нихъ мы уже цитировали отчасти, [1]) вотъ второе, гораздо болѣе искреннее и краснорѣчивое.

„Милые, добрые друзья! Прощайте, прощайте, благословите меня на дальній путь! Въ продолженіе всей дороги (отъ Премухина до Петербурга. А. К.) и трехъ дней, проведенныхъ мною здѣсь, я безпрестанно думалъ о васъ,—и въ первый разъ въ жизни созналъ и почувствовалъ такъ ясно неразрывность и святость узъ, привязывающихъ меня къ вамъ.

„Не позабывайте, любите меня, друзья,—у меня никого нѣтъ кромѣ васъ, кромѣ вашего маленькаго міра, въ которомъ я пережилъ такъ много человѣческихъ и глубоко блаженныхъ минутъ. Въ короткое пребываніе мое въ Петербургѣ я созналъ наконецъ, что старый кружокъ моихъ милыхъ друзей не существуетъ для меня болѣе.

„Arivé ici, j'ai eu de grands et sérieuses explications avec M-r Katkoff, qui est à Pétérsbourg depuis deux semaines. Belinsky m'a rencontré avec beaucoup de froideur,—je lui ai repondu de même. Il est clair maintenant, que nous ne sommes plus rien l'un pour l'autre. J'en ai fini avec tout ces messieurs, excepté Stankéwitch, que j'ai toujours séparé d'eux [2]).

„Я вашъ, друзья, весь вашъ и никому болѣе не принадлежу, кромѣ васъ и Истины, которая составляетъ общую цѣль нашей жизни. Дайте же руки, сожмите ихъ крѣпче, и ни пространство, ни время не разожмутъ ихъ. Единство, царствующее въ нашихъ существованіяхъ, есть вѣрный, священный залогъ нашей взаимной любви. Каждый изъ насъ можетъ быть увѣренъ, что ничто не можетъ въ немъ произойти такого, что бы не нашло живого отголоска и участія въ другихъ. Съ этою достовѣрностью весело жить на свѣтѣ.

„Прощай, Николай, люби меня такъ же, какъ я люблю тебя. Прилѣпись хорошенько и крѣпче къ нашему маленькому кружку и пойми, что никакіе Бѣлинскіе и Боткины не будутъ въ состояніи замѣнить его.

Бѣлинскій хорошій, но только не нашъ, не родной намъ человѣкъ.—Будь другомъ и покровителемъ сестеръ, учи ихъ и учись отъ нихъ: система взаимнаго обученія лучшая въ свѣтѣ.—А отъ нихъ можно многому научиться,—я узналъ это на опытѣ.

---

[1]) Въ главѣ XXXI, *Русская Мысль*, кн. X, стр. 100, примѣчаніе.

[2]) Пріѣхавъ сюда, я имѣлъ большія и серьезныя объясненія съ г. Катковымъ, который въ Петербургѣ ужо двѣ недѣли. Бѣлинскій встрѣтилъ меня съ большой холодностью, я отвѣчалъ ему тѣмъ же. Теперь ясно, что мы ничто другъ для друга. Я съ ними покончилъ,—со всѣми этими господами, исключая Станкевича, котораго я всегда отъ нихъ отдѣлялъ.

„Милая Саша, никогда не позабывай, что ты имѣешь во мнѣ искренняго, горячаго друга, которому необходима твоя откровенность и который можетъ быть полезенъ тебѣ, потому что онъ любитъ тебя. Komme mit dir selbst in Klarheit und mache alles, was für deiner wahren menschlichen Glück nohtwendig ist.—Sey nur um Gottes Willen aufrichtig mit mir und schreibe mir öfter [1]).

„Паша и Алеша, помните всѣ обѣщанія ваши, касающіяся Папеньки, сестеръ и васъ самихъ,—исполните ихъ всѣ.

„Прощайте, милые братья—„лейтесь слезы изъ очей!" Алеша,—ха, ха, ха!

„Прощайте, друзья!

„Александръ! и ты также пиши иногда ко мнѣ, учись рисовать, старайся пріобрѣсти дѣйствительное, опредѣленное содержаніе для твоей духовной жизни, и тогда дѣйствительность твоя будетъ соотвѣтствовать твоей богатой натурѣ.

„Милая, прекрасная, умная Танюша, прощай, мой добрый, святой другъ,—будь счастлива, по возможности—и никогда не отнимай у меня любви своей. Она мнѣ болѣе, чѣмъ (моя) тебѣ необходима.

„Все, что хоть нѣсколько входитъ въ твою жизнь, должно быть мнѣ извѣстно. Пишите чаще.

„Паша и Алеша, Герценъ и жена его кланяются вамъ — славные люди, я отвелъ съ ними душу...

„Сейчасъ буду писать Бееровымъ.

„Прощайте—до Любека. Прощайте, друзья!

Вашъ другъ и братъ *М. Бакунинъ*".

Родителямъ онъ писалъ уже изъ Любека.

Со смертью Станкевича, съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ и съ отъѣздомъ за границу Михаила Бакунина кружокъ Станкевича, какъ таковой, прекратилъ свое существованіе.

Конечно, память Станкевича продолжала жить въ душахъ друзей его и всѣхъ идейныхъ людей, къ нему приближавшихся такъ или иначе при его жизни. Эта свѣтлая память дошла и до насъ, не потерявъ ничего въ своемъ свѣтѣ и блескѣ. Но послѣ его смерти она уже не соединяла членовъ его кружка въ одно *цѣлое*. Кружокъ этотъ разбился на свои составныя части, причемъ многіе изъ людей, его составлявшихъ, не только заняли рано или поздно выдающееся мѣсто въ исторіи русской жизни и русскаго общества, но нѣкоторые изъ нихъ сами сдѣлались

---

[1]) Приведи себя въ ясность сама съ собой и сдѣлай все, что необходимо для твоего истиннаго человѣческаго счастья. Будь только, ради Бога, откровенна со мной и пиши мнѣ чаще.

источниками цѣлыхъ направленій и школъ въ русской литературѣ и въ развитіи русской общественности.

Для Бѣлинскаго съ момента его переѣзда въ Петербургъ начался новый періодъ развитія, въ которомъ онъ развернулся во весь свой ростъ и занялъ окончательно то мѣсто, которое останется за нимъ навсегда въ исторіи русской литературы и русской интеллигенціи. Вѣрный своей „неистовой“ натурѣ, онъ совершилъ этотъ переворотъ такъ же „горестно и трудно“, какъ и всѣ предыдущіе. Въ моментъ кризиса съ ненавистью относясь къ отрицательнымъ сторонамъ своего прошлаго и прошлаго своего кружка, которыя онъ объединялъ тогда въ презрительныхъ терминахъ „прекраснодушіе“ и „москводушіе“, онъ писалъ Боткину, что онъ радъ, что этотъ кружокъ уже не существуетъ. Но придя опять въ равновѣсіе съ самимъ собою и обративъ всѣ силы своей боевой натуры на борьбу съ темными сторонами русской дѣйствительности, которыя онъ особенно ясно почувствовалъ, проживъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, Бѣлинскій такъ выражалъ свое отношеніе къ своему прежнему московскому кружку въ письмѣ къ тому же Боткину въ ноябрѣ или декабрѣ 1840 г.) [1]):

„Да, Боткинъ, только въ Питерѣ... созналъ я, что я человѣкъ и чего-нибудь да стою;—только въ Питерѣ узналъ я цѣну нашему человѣческому, святому кружку. Мнѣ милы теперь и самыя ссоры наши: онѣ выходили изъ того, что мы возмущались гадкими сторонами одинъ другого. Нѣтъ, я еще не встрѣчалъ людей, передъ которыми мы могли бы скромно сознаться въ своей незначительности. Многихъ людей я отъ души люблю въ Петербургѣ, многіе люди и меня любятъ тамъ больше, чѣмъ я того стою; но, мой Боткинъ, я одинъ, одинъ, одинъ! Никого возлѣ меня!...“

Спустя лишь нѣкоторое время онъ нашелъ для себя нѣкоторую замѣну московскаго кружка въ обществѣ Герцена, съ которымъ началъ въ Петербургѣ сближаться,—но не надолго, потому что Герценъ вскорѣ же послѣ того былъ высланъ въ Новгородъ.

Бакунинъ уѣхалъ за границу, разорвавъ, какъ мы видѣли, почти всѣ свои дружескія связи въ Россіи, а затѣмъ онъ оторвался и отъ самой Россіи, погрузившись съ головой въ общеевропейскіе интересы и въ общеевропейскую идейную борьбу, тогда развивавшуюся. Лишь спустя нѣсколько лѣтъ по отъѣздѣ возобновились его связи съ русскими друзьями, причемъ къ нимъ присоединились и новыя лица.

Исторія этого періода жизни Михаила Бакунина и его близкихъ должна составить вторую часть нашей монографіи.

А. Корниловъ.

---

[1]) Цитирую по *Пыпину*, II, стр. 81, 82.

Новыя проблемы и новыя трудности въ рабочемъ движеніи.

Рабочее движеніе въ Германіи, организованное на основѣ идей марксизма, переживаетъ полосу ущерба. Этотъ ущербъ движенія, привыкшаго и пріучившаго общественное мнѣніе къ постояннымъ побѣдамъ, представляетъ особый интересъ, потому что партійная организація германской соціалъ-демократіи и вдохновляемые соціалъ-демократіей германскіе рабочіе союзы являютъ примѣръ наивысшихъ организаціонныхъ успѣховъ, какіе вообще могли быть до сихъ поръ достигнуты рабочимъ классомъ. Въ ростѣ политическихъ и экономическихъ союзовъ германскихъ рабочихъ наблюдается замедленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, ощущается упадокъ воодушевленія, охлажденіе общественныхъ чувствованій, окоченѣніе общественной активности. Число членовъ германской соціалъ-демократической партіи (къ серединѣ каждаго года) измѣнялось за послѣднее время слѣдующимъ образомъ [1]).

Годъ.	Число членовъ.	Процентъ прироста за годъ.
1906	384,327	—
1907	530,466	38,0
1908	587,336	10,7
1909	633,309	7,8
1910	720,038	13,6
1911	836,562	16,1
1912	970,112	15,9
1913	982,850	1,3

Итоги профессіональнаго движенія за 1913 г. оказались довольно печальными: почти всѣ крупные конфликты кончились пораженіемъ рабочихъ. Число членовъ центральныхъ профессіональныхъ союзовъ (при-

[1]) *Sozialistische Monatshefte*, 1913, Heft 18—20, S. 1118.

мыкающихъ къ „Генеральной комиссіи", т.-е. соціалъ-демократическаго направленія) равнялось къ 1 октября 1913 г. 2.575,663 противъ 2,595,339 къ 1 октября 1912 г., т.-е. сократилось на 19,676 чел., или на 0,75% [1]). Ближайшей причиной такой пріостановки роста и неудачъ, конечно, является ослабленіе общей экономической конъюнктуры, которое неизбѣжно влечетъ за собой усиленіе безработицы и тенденцію въ сторону сокращенія заработковъ [2]). Но во временномъ ослабленіи еще яснѣе, чѣмъ раньше, обнажаются внутреннія трудности и предѣлы. Годъ смерти Бебеля былъ для германской соціалъ-демократіи годомъ сравненія прошлаго съ настоящимъ. Героическій періодъ движенія кончился. Но движеніе имѣло честолюбіе быть героическимъ по самому существу своему, быть вѣчно героическимъ, вѣчно молодымъ,—вѣдь оно ставило цѣлью обновленіе міра. Да и каждая живая работа должна быть вѣчно молодой.

Глубокое различіе между нынѣшнимъ положеніемъ рабочаго вопроса и тѣмъ положеніемъ, какое онъ имѣлъ въ эпоху первыхъ успѣховъ соціалъ-демократіи, заключается въ выяснившейся способности капитализма и капиталистовъ къ ограниченію и упорядоченію конкуренціи путемъ союзныхъ организацій. Проф. Альфредъ Веберъ въ недавней статьѣ о „бюрократизаціи" и „желтомъ рабочемъ движеніи" (*Archiv fur Sozialwiss. und Sozialpol.*, sept., 1913) намѣчаетъ 3 эпохи въ новѣйшей борьбѣ труда и капитала въ Германіи: время до 1890 г., эпоху 1890—1905 гг. и послѣдніе годы съ 1905 г. До 1890 г. теорія марксизма дѣлала свою работу, идея классовой борьбы распространялась и укрѣплялась въ умахъ рабочихъ, но настоящей организованной борьбы еще не было. Затѣмъ, послѣ большой стачки горнорабочихъ и паденія закона противъ соціалистовъ, въ теченіе полутора десятка лѣтъ, въ напряженной борьбѣ была создана удивительная профессіонально-союзная организація съ ея дисциплиной и централизаціей, съ ея могучими боевыми средствами и сложными функціями взаимопомощи. Въ средѣ предпринимателей въ эти годы тоже шла организаціонная работа, но эта работа была направлена въ сторону упорядоченія сбыта, въ области же рабочаго вопроса предприниматели еще не имѣли сознательно выработанныхъ общихъ методовъ и опредѣленной тактики. Отсюда *относительное*, технически-организаціонное превосходство рабочихъ въ эту эпоху. Наконецъ, послѣ 1904—05 гг. начинается быстрое объединеніе предпринимателей въ работодательскихъ союзахъ, вырабатывается система мѣръ борьбы съ забастовками, относительное организаціонное превосходство рабочихъ исчезаетъ.

---

[1]) *Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands* 1914, № 2.

[2]) Сокращеніе числа членовъ центральныхъ профессіональныхъ союзовъ наблюдалось и въ прежніе годы кризисовъ, именно съ 1908 г. и 1901 г.

Какъ бы ни относиться къ точности отдѣльныхъ датъ въ картинѣ, нарисованной Альфредомъ Веберомъ, во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ важности послѣдствій, вызываемыхъ организаціонными успѣхами предпринимателей на рабочемъ рынкѣ. Кромѣ ближайшихъ матеріальныхъ послѣдствій, кромѣ роста физическихъ препятствій, преграждающихъ путь рабочимъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, не меньшее, пожалуй, значеніе имѣютъ и послѣдствія психологическія. Самый фактъ неуспѣха способенъ подорвать вѣру въ идеалы, которые обѣщали побѣду, въ вождей, которые говорили оптимистическія рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не дѣйствовать на психику рабочихъ тотъ фактъ, что идея классовой солидарности и классовой борьбы съ ростомъ работодательскихъ организацій подвергается своего рода профанаціи и какъ бы поворачивается изнанкой къ рабочимъ. Вѣдь въ этомъ дѣлѣ, въ организаціи классовой борьбы, рабочіе оказались учителями предпринимателей, они сами выковали оружіе, которое потомъ было обращено противъ нихъ. Работодательскіе союзы, локауты, предпринимательскія бюро найма были укоризненнымъ зеркаломъ, въ которомъ рабочіе увидѣли свои собственные общественные методы, лишенные ореола героизма. Логика правосознанія не можетъ не подсказывать рабочему, вопреки всѣмъ самообольщеніямъ, что локаутъ и стачка, какъ методы борьбы,—явленія одного порядка? Прежній идеалъ товарищеской солидарности померкнулъ, потому что къ такой же товарищеской солидарности оказалась способной и противная сторона, предприниматели. Борьба между двумя вооруженными лагерями стала происходить въ формахъ обнаженныхъ, освобожденныхъ отъ иллюзій. Вслѣдствіе усовершенствованія вооруженія обѣихъ сторонъ получается впечатлѣніе, какъ будто разстояніе между ними все увеличивается, пропасть разрастается; но различія въ правосознаніи и общественныхъ чувствованіяхъ той и другой стороны уменьшаются.

Въ эту эпоху помраченія старыхъ идеаловъ мысль естественно обращается къ тѣмъ живымъ источникамъ, которыми питаются общественные идеалы,—къ живымъ человѣческимъ личностямъ, изъ которыхъ складывается коллективъ—общественный классъ. Въ послѣдніе годы въ Германіи замѣчался возрастающій интересъ къ личнымъ судьбамъ рабочихъ разныхъ слоевъ и типовъ: появился рядъ автобіографій и біографій рабочихъ, появились и изслѣдованія, проникающія глубже въ психику рабочихъ, между прочимъ, замѣчательная попытка анкеты Ферейна соціальной политики объ „отборѣ и приспособленіи рабочихъ (выборѣ профессіи и профессіональной судьбѣ) въ крупной промышленности" [1]). То, что отличаетъ этотъ новый матеріалъ по рабочему во-

[1]) См. *Schriften des Vereins für Socialpolitik*, BB. 133, 134, 135, 138. Анкета по качеству и количеству собраннаго матеріала не [illegible] оправ[illegible] [illegible]

просу отъ собиравшихся ранѣе матеріаловъ,—это особая яркость, съ которой выступаетъ здѣсь духовная, внутренняя сторона жизни рабочаго. Это—документы о голодѣ духовномъ, очень часто о духовномъ одиночествѣ и пессимизмѣ, скрывающихся за парадным фасадомъ классовой солидарности и классовой воинственности. Нельзя безъ волненія читать отвѣтовъ на послѣдніе вопросы, поставленные въ анкетѣ Ферейна соціальной политики,—на вопросы о жизненной цѣли, какой надѣется достигнуть рабочій въ будущемъ, о цѣляхъ, какія ставились въ молодости, объ обезпеченіи старости: „Мы не ставили себѣ никакихъ цѣлей, потому что мы обречены оставаться рабочими", „Мы, къ сожалѣнію, должны оставаться рабочими", „На что же можетъ надѣяться рабочій?" „Вѣдь невозможно добиться болѣе высокаго положенія", „Нѣтъ никакого выхода", „Я этого не знаю (на что жить въ старости), мнѣ уже теперь страшно", „Съ ужасомъ думаю о будущемъ" [1])...

Есть въ томъ же матеріалѣ, собранномъ ферейномъ соціальной политики, и свѣтлыя точки, даже очень много свѣтлыхъ точекъ, много примѣровъ удивительной энергіи, бодрости, трогательной привязанности къ близкимъ, напряженности интеллектуальныхъ интересовъ при самыхъ безотрадныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Но все же общая картина получается тяжелая, и широкая распространенность пессимизма въ психикѣ рабочаго класса становится понятной. Анализируя корни этого пессимизма, Альфредъ Веберъ, бывшій вмѣстѣ съ Максомъ Веберомъ однимъ изъ иниціаторовъ анкеты, весьма проницательно намѣтилъ два коренныхъ дефекта въ современной организаціи труда и вмѣстѣ съ тѣмъ двоякаго рода культурную опасность и двойную цѣль политики въ рабочемъ вопросѣ [2]). Во-первыхъ, какъ показываютъ результаты анкеты Ферейна соціальной политики, а также и другія свѣдѣнія, при современныхъ условіяхъ, полезная для предпріятія продуктивность рабочаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заработокъ его начинаютъ сокращаться очень рано, уже около 40-лѣтняго возраста, т.-е. когда матеріальныя и духовныя потребности продолжаютъ возрастать и умственныя силы еще находятся въ расцвѣтѣ. Получается фатальная дисгармонія между кривой заработка и ритмомъ

нее надежды. На съѣздѣ Ферейна соціальной политики въ Нюрнбергѣ въ 1911 г. проф. Борткевичъ подвергъ опубликованные матеріалы довольно суровой критикѣ съ точки зрѣнія статистической методологіи. Проф. Максъ Веберъ, одинъ изъ главныхъ иниціаторовъ анкеты, сказалъ, что онъ смотритъ на полученные результаты, только какъ на скромное начало очень большой и сложной изслѣдовательской работы, которая потребуетъ много времени и возможна лишь при участіи большого числа научныхъ силъ.

[1]) *Schriften des Vereins für Sozialpolitik,* B. 134, S. 297; B. 133, S. 247; B. 135, S. 118.

[2]) См. его рѣчь на съѣздѣ Ферейна соціальной политики въ Нюрнбергѣ въ 1911 г. (*Schriften,* B. 138) и статьи въ *Archiv fur Sozialwiss.* (1912, XXXIV B., 2 H.; 1913, XXXVII B., 2 H.)

жизни. И, во-вторыхъ, выборъ занятій, и смѣна занятій для огромнаго большинства рабочихъ не даютъ простора инстинкту личной активности, инстинкту самоутвержденія и творчества, заложенному въ каждомъ человѣческомъ *я*. Съ одной стороны, неустойчивость заработка, необезпеченность старости и раннее обезцѣпеніе рабочей силы на рынкѣ труда бросаютъ тѣнь безнадежности и на лучшіе годы въ жизни рабочаго. Съ другой стороны, внѣшняя свобода, подвижность труда, кажущееся разнообразіе впечатлѣній при смѣнѣ занятій и переходѣ съ мѣста на мѣсто,—вся эта текучесть жизненной обстановки остается культурно безплодной, потому что рабочіе въ этомъ процессѣ вѣчнаго движенія и приспособленія служатъ лишь пассивнымъ матеріаломъ, а не оплодотворяющимъ активнымъ элементомъ. Поэтому Альфредъ Веберъ требуетъ, съ одной стороны, серьезной заботы объ обезпеченіи рабочихъ не только въ годы дѣйствительной старости и полной инвалидности, но и въ болѣе ранній періодъ сокращеннаго заработка,—съ этой цѣлью должны быть расширены границы государственнаго страхованія (значительно повышенъ возрастъ, съ котораго начинается выдача старческихъ пенсій) и вмѣстѣ съ тѣмъ сами рабочіе должны позаботиться о свободной организаціи страхованія жизни; съ другой стороны, путемъ улучшенія постановки профессіональнаго обученія (быть можетъ, съ возложеніемъ обязательства на предпринимателей знакомить рабочихъ съ разными спеціальностями и отдѣльными процессами въ данномъ производствѣ) и путемъ развитія рабочихъ организацій по пріисканію мѣстъ должна быть создана возможность проявленія личныхъ вкусовъ, способностей и стремленій въ профессіональномъ трудѣ. Трудность борьбы съ темными сторонами современной организаціи труда заключается также и въ томъ, что, избѣгая одной опасности, легко впасть въ другую, противоположную. Альфредъ Веберъ не безъ страха смотритъ на естественно развивающуюся въ средѣ рабочихъ тягу къ покою и прочности хотя бы самаго скромнаго существованія. Онъ вообще усматриваетъ въ современной хозяйственной жизни тенденцію къ бюрократизаціи, къ застрахованію всяческихъ рисковъ,—вѣдь и картеллированіе промышленности есть отчасти проявленіе той же тенденціи. Поддаваясь естественной тягѣ къ покою и прочности существованія, не продадутъ ли рабочіе своихъ лучшихъ стремленій за чечевичную похлебку матеріальныхъ гарантій со стороны хозяевъ и государства? Альфредъ Веберъ указываетъ на возрастающее значеніе „желтыхъ" рабочихъ союзовъ, т.-е. союзовъ, основываемыхъ рабочими при матеріальной и моральной поддержкѣ предпринимателей и имѣющихъ цѣлью на-ряду съ функціями взаимопомощи борьбу съ соціалъ-демократіей. Желтые союзы, явно угрожающіе, по мнѣнію Альфр. Вебера, свободѣ и культурѣ рабочаго класса, съ особеннымъ усердіемъ и успѣхомъ насаждаются въ недрахъ круп-

нѣйшихъ и сильнѣйшихъ предпріятій германской промышленности, т.-е. предпріятій, которыя могутъ быть названы передовыми, съ наиболѣе высокой платой и съ наибольшей производительностью труда, наприм., серьезные опорные пункты „желтое“ движеніе имѣетъ въ средѣ рабочихъ фирмы Сименса и Гальске, баденской анилиновой и содовой фабрики и т. д. [1]). Альфредъ Веберъ смотритъ на желтые союзы именно какъ на ту чечевичную похлебку, на которую рабочихъ можетъ соблазнить гнетущая забота о необезпеченномъ будущемъ.

Альфредъ Веберъ обнаруживаетъ большую проницательность въ характеристикѣ тѣхъ темныхъ пятенъ современной культуры, которыя обусловлены господствующею системой „отбора и приспособленія“ рабочихъ силъ въ крупной промышленности. Но онъ совершаетъ, какъ мнѣ кажется, ту же ошибку, какую систематически дѣлаютъ соціалисты въ отношеніи всѣхъ вообще отрицательныхъ явленій современнаго хозяйственнаго строя: отвѣтственность слишкомъ легко и безусловно возлагается на капитализмъ, на капиталистовъ-предпринимателей; борьба со всякимъ существующимъ зломъ сводится къ борьбѣ труда и капитала. Къ этимъ темнымъ пятнамъ современной культуры, на которыя обращаетъ наше вниманіе Альфредъ Веберъ, онъ подходитъ (не будучи, впрочемъ, соціалистомъ) преимущественно съ точки зрѣнія оцѣнки стратегической позиціи двухъ лагерей—капиталистовъ и рабочихъ. Между тѣмъ именно тѣ стороны рабочаго вопроса, которыя съ особенной ясностью вскрываются только въ послѣднее время, въ связи съ возрастающимъ интересомъ къ личнымъ судьбамъ рабочаго, менѣе всего оправдываютъ такую одностороннюю обличительно-классовую точку зрѣнія.

Прежде всего, частое наблюденіе пессимизма, состоянія безнадежности въ психикѣ рабочихъ есть отчасти результатъ повышенныхъ требованій къ жизни. Духовный голодъ современнаго человѣка вообще, рабочаго въ частности, есть отчасти результатъ роста матеріальныхъ возможностей, призывающихъ къ болѣе интенсивному использованію жизни. Въ сущности, въ самой постановкѣ вопросовъ о надеждахъ рабочаго на будущее, о задачахъ, которыя ставились въ юности, уже

---

[1]) Профессіональные союзы соціалъ-демократическаго направленія относятся къ этимъ новымъ врагамъ своимъ, желтымъ союзамъ, уже совершенно серьезно. Такъ, наприм., въ органѣ „Генеральной комиссіи“ въ прошломъ году говорилось, что значенія желтыхъ союзовъ не слѣдуетъ ни преувеличивать, ни пріуменьшать: послѣднее, т.-е. преуменьшеніе ихъ значенія, могло бы „стрвшно отомстить за себя“ „свободнымъ“ союзамъ (*Correspondenzblatt der General Kommission der Gewerkschaften Deutshlands*, 1913, № 4). Много разговоровъ о природѣ желтыхъ союзовъ вызвала въ прошломъ году распря „берлинскаго“ и „эссенскаго“ направленія внутри желтаго движенія: „берлинское“ направленіе провозглашаетъ принципіальную допустимость стачекъ, какъ крайняго средства противъ антисоціально настроенныхъ предпринимателей. Программу „берлинскаго“ направленія см. въ *Correspondenzblatt*, 1913, № 41.

скрывается повышенная требовательность къ жизни, очень хорошая и очень знаменательная требовательность. И эта требовательность выросла на почвѣ буржуазной культуры [1]).

Далѣе слѣдуетъ признать ошибочной предпосылку Альфреда Вебера о заинтересованности предпринимателей въ подавленіи свободныхъ, независимыхъ рабочихъ союзовъ. Предприниматели имѣютъ основаніе бороться съ нѣкоторыми тенденціями соціалъ-демократіи, но не со всякимъ вообще проявленіемъ свободной самодѣятельности рабочаго класса. Буржуазія заинтересована въ преодолѣніи заразы фанатическаго бунтарства и классовой ненависти, но она вовсе не заинтересована въ томъ, чтобы вмѣсто психологіи самонадѣянныхъ бунтарей имѣть дѣло съ психологіей усмиренныхъ рабовъ. Свободный трудъ производительнѣе рабскаго,—вѣдь это такая старая истина. Современные желтые союзы не возбуждаютъ особой симпатіи со стороны независимаго общественнаго мнѣнія, но нельзя думать, что передъ рабочими только всегда и будетъ выборъ между двумя возможностями: либо быть съ предпринимателями на ножахъ, либо продавать имъ себя „за чечевичную похлебку". И соціалъ-демократическіе и желтые союзы, какъ и союзы другихъ направленій, напримѣръ, христіанскіе, способны эволюціонировать, освобождаться отъ крайностей и современныхъ своихъ недостатковъ.

Наконецъ, по самому содержанію своему, тѣ проблемы, къ которымъ Альфредъ Веберъ справедливо призываетъ общественное вниманіе, еще менѣе даютъ поводъ становиться на односторонюю классовую точку зрѣнія, чѣмъ старый вопросъ о повышеніи общаго уровня заработной платы. Преодолѣніе того несоотвѣтствія, о которомъ говоритъ Альфредъ Веберъ, несоотвѣтствія между возрастною кривой заработка и „ритмомъ жизни", есть задача, сохраняющая свое значеніе при всякой абсолютной величинѣ заработныхъ платъ. Это не есть вопросъ дѣлежа между предпринимателями и рабочими, но скорѣе во-

---

[1]) На съѣздѣ Ферейна соціальной политики въ Нюрнбергѣ въ 1911 г., при обсужденіи результатовъ анкеты, о которой здѣсь шла рѣчь, проф. Яффе, возражая проф. Альфреду Веберу, сказалъ, что смотрѣть на профессіональный трудъ, какъ на поприще для осуществленія культурныхъ запросовъ личности, значитъ стремиться къ недостижимому идеалу: трудъ огромнаго большинства людей, не только рабочихъ, но и предпринимателей, и врачей, и адвокатовъ, и т. д., всегда былъ и будетъ тяжелой, вынужденной обязанностью; въ интересахъ культурнаго развитія можно стремиться только къ сокращенію продолжительности и тяжести труда и къ лучшему использованію свободнаго отъ труда времени и остатка силъ (Schriften, B. 138, S. 185—186). Въ этомъ возраженіи скрываются одно изъ коренныхъ различій въ пониманіи культурныхъ задачъ нашего времени. Мнѣ кажется, что желаніе проф. Яффе видѣть въ профессіональномъ трудѣ только тѣневую сторону жизни стоитъ въ противорѣчіи съ фактомъ органической связанности и взаимодѣйствія всѣхъ областей человѣческаго бытія.

просъ распредѣленія матеріальныхъ благъ между разными возрастными группами рабочихъ. Точно такъ же, вторая проблема—о свободѣ выбора занятій, сохраняютъ свое самостоятельное значеніе независимо отъ того, высокою или низкой цѣной оплачиваетъ промышленность въ общемъ и среднемъ рабочіе руки. Вообще, проблемы „отбора и приспособленія" по самому существу своему заранѣе исключаютъ возможность той старой теоретической конструкціи, лишь по недоразумѣнію еще находящей себѣ вообще защитниковъ среди современныхъ экономистовъ, по которой вся совокупность рабочихъ разсматривается какъ одинъ рабочій и вся совокупность предпринимателей—какъ одинъ предприниматель. И недаромъ Марія Бернайсъ, авторъ перваго труда въ серіи изданій Ферейна соціальной политики объ „отборѣ и приспособленіи", говоритъ въ своемъ предисловіи: „Именно пребываніе на фабрикѣ, администрація которой, по мнѣнію самихъ рабочихъ, относится къ нимъ благожелательно, показало мнѣ, что проблема, передъ которой стоятъ сейчасъ широкія массы народа, касается уже не взаимныхъ отношеній между рабочимъ и предпринимателемъ. Дѣло идетъ о другомъ,—о томъ, можетъ ли человѣкъ снова освободиться отъ власти стихійныхъ силъ, нѣкогда имъ самимъ раскрѣпощенныхъ" [1]).

Свободное личное развитіе рабочаго все болѣе будетъ выдвигаться на первый планъ, какъ цѣль и какъ средство въ рабочемъ движеніи. Свобода же личнаго развитія требуетъ защиты не только отъ предпринимателей и не только отъ слѣпыхъ стихійныхъ силъ, о которыхъ говоритъ Марія Бернайсъ, но и отъ организацій, созданныхъ самими рабочими. И уже въ средѣ соціалъ-демократовъ тѣ, кто имѣютъ глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, начинаютъ понимать, что проблема свободы и принужденія существуетъ и *внутри* самой соціалъ-демократіи. Передъ послѣднимъ партійнымъ съѣздомъ германской соціалъ-демократіи въ органѣ ревизіонистовъ *Sozialistische Monatshefte* (1913, Heft 18—20) была напечатана прекрасная статья Генриха Пеуса: „Организація и воодушевленіе", гдѣ былъ данъ совершенно правильный отвѣтъ на жалобы относительно наблюдаемаго недостатка воодушевленія въ партіи. Пеусъ признаетъ, что внутри рабочихъ организацій естественно возникаетъ противорѣчіе, по существу тождественное съ тѣмъ, какое заложено въ природѣ государства,—противорѣчіе между требованіями солидарности, авторитетной власти, послушанія, съ одной стороны, и стремленіемъ личности къ свободному самоопредѣленію, съ другой стороны. Организація нуждается въ одушевленіи массъ.

---

[1]) „Schriften des Vereins f. Soz.", B. 133, S. XVIII. М. Бернайсъ начала свое изслѣдованіе съ того, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль работала на фабрикѣ подъ видомъ простой работницы, не открывая себя ни администраціи, ни рабочимъ и работницамъ.

Но „воодушевленіе,—говоритъ Пеусъ,—вырастаетъ только изъ глубины души, изъ свободнаго личнаго разумѣнія. Какъ разрѣшить это противорѣчіе? Нѣтъ никакого другого пути, кромѣ развитія индивидуальной духовной свободы всѣми возможными способами, въ особенности же путемъ *подчиненія организаціи* этому верховному принципу *духовной свободы*. Это не значитъ, что нужно жертвовать сплоченностью и силой организаціи, въ особенности по отношенію къ врагу; это значитъ только, что организацію нельзя дѣлать самоцѣлью, что она всегда должна оставаться лишь средствомъ къ цѣли, дѣйствительная же цѣль заключается въ свободѣ, въ свободномъ развитіи силъ всѣхъ и каждаго. Поэтому первѣйшей заботой всякой организаціи должна быть забота о *границахъ* своихъ собственныхъ *притязаній*" (курсивъ цитируемаго автора). И въ качествѣ ближайшей мѣры Пеусъ требуетъ, во имя свободы, коренного измѣненія режима соціалъ-демократической періодической печати.

То, что справедливо въ отношеніи политической организаціи, остается вѣрнымъ и по отношенію къ организаціямъ экономическимъ. Когда-нибудь руководители соціалъ-демократическихъ профессіональныхъ союзовъ должны будутъ признать, что нельзя слишкомъ натягивать тетиву организаціоннаго принужденія и что есть извѣстная доля истины на сторонѣ тѣхъ, кто упрекаетъ современные германскіе рабочіе союзы соціалъ-демократическаго направленія, при всей ихъ относительной умѣренности и культурности, въ насиліи надъ личной свободой рабочаго.

А. Рыкачевъ.

Памяти І. Г. Фихте.

(19 мая 1762 г.—29 января 1814 г.)

Германскіе университеты праздновали недавно столѣтній юбилей со дня смерти своего великаго философа и дѣятеля университетскихъ реформъ, Іоганна Готлиба Фихте. И не только университеты, но и вся германская жизнь полна воспоминаніями о немъ, такъ какъ его имя тѣсно связано со всей культурой германскаго духа, съ выработкой его философскаго міровоззрѣнія, его политическихъ идеаловъ и государственнаго строя. Борецъ за идею объединенія Германіи, первый нѣмецкій соціалистъ, работникъ и реформаторъ высшей школы, идеологъ національной и государственной свободы, страстный проповѣдникъ „идеала" и жизни въ немъ, Фихте дорогъ нѣмецкому народному самосознанію, дорогъ, какъ идеальное воплощеніе лучшихъ стремленій его.

Нѣсколько страннымъ и даже парадоксальнымъ кажется намъ отсутствіе непосредственнаго вліянія философски-соціальныхъ „идей" и „дѣлъ" Фихте на развитіе русской національной идеологіи и на исторію нашей интеллигенціи. Абстрактно-мечтательная по самой природѣ своей, разобщенная въ силу внутреннихъ политическихъ условій съ жизнью, всегда страстно-крайняя и революціонная идеологія наша не только не замѣчала, но и бѣжала духа того крайняго этическаго идеализма, который выросъ на почвѣ канто-фихтевской философіи. И какъ разъ только та система идеализма изъ всѣхъ выросшихъ на этой почвѣ системъ, которая отличалась даже отталкивающимъ здравомысліемъ и извѣстной дозой скептическаго презрѣнія ко всякому абстрактному и мечтательному идеалу, для которой все дѣйствительное казалось идеально разумнымъ, система Гегеля, увлекала нашихъ идеологовъ и въ нѣсколько искаженномъ видѣ продолжаетъ до сихъ поръ „дѣйствовать" въ нашей жизни. Только въ самое послѣднее время возникаетъ у насъ въ Россіи интересъ къ Фихте. И этотъ интересъ не можетъ быть объясненъ только такими случайными обстоятельствами, какъ юбилей или выпускъ въ Германіи новаго, болѣе доступнаго публикѣ собранія сочиненій Фихте.

Послѣднее мало извѣстно у насъ, а интересъ къ юбилею самъ нуждается въ объясненіи. Сама собою навязывается мысль: не вытекаетъ ли этотъ интересъ изъ самаго характера переживаемой нами эпохи? Вѣдь если мы вглядимся въ исторію, то увидимъ, что основныя черты нашего вѣка во многихъ существенныхъ пунктахъ отвѣчаютъ тѣмъ чертамъ, которыя Фихте считалъ характерными для своего вѣка и съ которыми онъ такъ страстно боролся. Въ чемъ же выражаются эти черты? Какова можетъ быть общая формула нашего вѣка и въ чемъ состоитъ его феноменологія?

Фихте началъ свою философскую дѣятельность, когда и Франція, и вся Европа начали *уставать* отъ событій революціи. Идеалъ свободы, столкнувшись съ жизнью реальнаго человѣчества, оказался слишкомъ далекъ, высокъ и абстрактенъ для него. Столкнувшись съ жизнью, онъ произвелъ въ ней бурю, но быстро утомилъ ея борцовъ; онъ, какъ всегда, создалъ слишкомъ много тенденцій, породилъ слишкомъ много повышенныхъ требованій; далъ власть мечтанію и мечтателямъ, которые не сумѣли перестроить жизнь по его принципамъ. Въ результатѣ онъ слишкомъ утомилъ общество. Человѣкъ усталъ, *усталъ отъ идеала*, отъ его повышенныхъ требованій, которыя въ реальной жизни родятъ слишкомъ много различныхъ позицій, пониманій, путей, враждующихъ и ненавидящихъ другъ друга. Безсиліе организаторовъ перестроить жизнь сразу, ихъ вражда между собою вызываетъ въ организуемыхъ, на которыхъ-то именно въ подобныя эпохи и ложится вся тяжесть идеала, скептическое отношеніе къ самому идеалу. Эта черта характерна и для нашей эпохи: мы устали отъ идеала. Такова феноменологія духа нашей эпохи. На смѣну революціонному воодушевленію и даже фанатизму явилось въ силу этого разочарованіе и, что еще хуже, разочарованность. Когда слабѣетъ сила идеи, тогда на поверхность жизни всплываетъ индивидуумъ со своимъ культомъ индивидуальныхъ интересовъ, — такъ характеризуетъ Фихте основныя черты своего вѣка. Этотъ „поверхностный" индивидуумъ реакціонной эпохи, какъ физіологическое зло въ культурной жизни человѣчества, какъ форменная бацилла идейной усталости, есть вѣчно повторяющійся типъ, неистребимый, какъ земляная блоха. Идеалъ скрылся въ тайникахъ жизни и чутко прислушивается къ біенію ея пульса. А пузыри „индивидуальностей" начинаютъ въ это время свою историческую забаву: лопаются на поверхности жизненнаго моря, и хорошо, какъ не оставляютъ послѣ себя ничего... Этотъ мнимый „индивидуумъ" начинаетъ съ того, что объявляетъ всѣ исканія идеала, всѣ святыни человѣчества и даже само человѣчество продуктомъ праздныхъ умовъ, пустыми словами. Онъ забываетъ, что самъ-то онъ есть не только пустое, но и глупое слово, что онъ „самъ по себѣ" въ абстрактной оторванности отъ человѣчества является даже не столько продуктомъ

жизни, сколько продуктомъ пустой и праздно-эгоистической *мысли*. Лови моментъ, живи настоящимъ—вотъ его принципы; единственная мораль для него—это мораль его склонностей и ощущеній; моментъ—таковъ его девизъ и лозунгъ; удовлетвореніе—такова его цѣль.

Противъ такой общественной психологіи, противъ такого настроенія и выступаетъ Фихте съ проповѣдью своей морали; это-то и дѣлаетъ его близкимъ зарождающейся у насъ реакціи противъ реакціи; это объясняетъ, кажется намъ, силу зародившагося у насъ интереса къ нему. Его философія, грандіозная по силѣ своей революціонности, по своимъ абстрактнымъ крайностямъ, есть реакція противъ реакціи, проникшей изъ общественной и политической жизни въ самые тайники человѣческой души и убившей въ ней жизнь идеала. Фихте показываетъ, что съ такой моралью ощущеній, этикой настоящаго *нельзя жить;* можно лишь *думать*, что живешь такъ. Такая мораль эпохи не можетъ быть жизненнымъ принципомъ, не можетъ быть даже жизненнымъ фактомъ; она не есть продуктъ жизни, но только продуктъ мысли, притомъ неправильной и поверхностной мысли—только праздная и неумная *теорія*. Въ конечномъ счетѣ и такія эпохи направляются въ своей жизни не своей теоріей, а скрытыми и подсознательными силами идеи; потому-то мораль ихъ и не можетъ быть названа жизненнымъ фактомъ, ибо въ контекстѣ исторіи она всетаки служитъ такъ или иначе прогрессу человѣчества, всетаки стоитъ подъ знакомъ идеала, и, слѣдовательно, своею исторической реальностью противорѣчитъ своему отрицательно-идеологическому содержанію и направленію.

Жить настоящимъ и выставлять удовлетворенность, какъ принципъ, есть съ точки зрѣнія Фихте простое противорѣчіе. Дѣйствительно, если цѣль нашихъ стремленій лежитъ въ такъ называемомъ удовлетвореніи потребностей и въ удовлетворенности ощущеній, то стремленіе всегда окажется въ противорѣчіи со своими цѣлями. Стоитъ только вдуматься въ безотрадную сущность удовлетворенія. Удовлетворяя какому-нибудь желанію и не рождая въ тотъ же моментъ новаго желанія, мы приходимъ къ жизненному нулю и естественно разочаровываемся въ томъ, чего мы желали: напряженіе и жизнь остались въ прошломъ; вмѣсто нихъ мы обрѣли успокоеніе и пустоту. Естественно, что не этой пустоты, не этого жизненнаго нуля мы ждали. Оказывается, что мы желали того, чего мы не желали, т.-е. самое понятія удовлетворенности становится противорѣчіемъ. Наша погоня за моментомъ настоящаго, превращается въ погоню за прошлымъ, ибо вся жизнь такого „поверхностнаго" индивидуума протекаетъ только въ прошломъ; какъ только онъ достигаетъ желаннаго момента удовлетворенности, онъ теряетъ свою жизнь. Въ этомъ состоитъ этическій парадоксъ настоящаго, что оно существуетъ только въ прошломъ, *ибо оно реально только въ процессѣ стремленія;*

въ моментъ же достиженія превращается въ ничто. Слѣдовательно, воля, лишенная безконечной цѣли, воля абсолютно индивидуальная, воля безъ идеала есть непрерывное умираніе, кошмаръ безплоднаго и мучительнаго перехода изъ ничто въ ничто. И человѣкъ, живущій удовлетворенностью момента, самъ становится нуломъ, абсолютнымъ ничѣмъ, *ничтожествомъ*.

Поэтому реальный индивидуумъ, если онъ остается *только* реальнымъ, только представителемъ опредѣленнаго біологическаго типа, становится *иллюзіей*, теряетъ истинное бытіе и исчезаетъ въ парадоксѣ того настоящаго момента жизни, въ которомъ и которымъ онъ живетъ. Этотъ великій иллюзіонизмъ, свидѣтельствующій о крайнемъ напряженіи моральныхъ требованій „человѣка", презирающій реальность за то, что она не можетъ подняться до высоты этихъ требованій и низводящій ее за это на ступень абсолютнаго призрака, пришелъ къ намъ въ Европу изъ страны несбыточныхъ и гордыхъ грезъ разочарованнаго духа, изъ древней Индіи. Въ этихъ отзвукахъ пессимистическаго иллюзіонизма, въ системѣ этого моральнаго презрѣнія къ своей „реальности", живетъ великій „познаватель"—Будда. Свою основную идею о ничтожествѣ „реальнаго", которому нашъ вѣкъ такъ страстно поклоняется, онъ переноситъ изъ сферы этики на всю систему бытія. Возникнувъ первоначально на почвѣ этики, иллюзіонизмъ поглощаетъ весь міръ.

Философія Фихте имѣетъ этотъ моментъ буддизма своимъ существеннымъ ингредіентомъ; и нельзя ее за это только упрекать, ибо этотъ моментъ вырастаетъ изъ той этической высоты, изъ той безконечной любви къ идеалу, которой проникнута вся система, вся жизнь и вся личность нашего философа. Бытіе, взятое какъ моментъ, какъ сумма моментовъ, абстрактно отъ идеала, есть, по его ученію, сплошная иллюзія, абсолютная смерть, съѣдающая себя раньше, чѣмъ она появляется. Изъ этого убѣжденія въ иллюзорности объективнаго, реальнаго бытія вытекаетъ, какъ у Будды, такъ и у Фихте детерминизмъ, ужасъ естественной и всемірной необходимости. Вся реальность живетъ прошлымъ и опредѣляется только прошлымъ. Прошлое царствуетъ надъ этимъ безотраднымъ міромъ объективной реальности и держитъ его въ желѣзныхъ тискахъ своей абсолютной необходимости. Вѣдь необходимость *есть* не что иное, какъ опредѣленность посредствомъ того, что было. Иллюзія вызываетъ иллюзію, „картина" создаетъ „картину", и въ этомъ безумномъ и безсмысленномъ вихрѣ абсолютныхъ призраковъ увлекаетъ „человѣка" въ царство безповоротнаго и безпощаднаго прошлаго. Необходимость становится *судьбою* реальнаго бытія. Въ силу того же самаго, въ силу чего реальность становится иллюзіей, въ силу этого она и попадаетъ въ тиски необходимости: оба момента вызваны тѣмъ, что

мы лишили бытіе опредѣляющей силы идеала, отняли у него пріоритетъ будущаго и сдѣлали его только реальнымъ.

Этотъ безнадежный міръ, который европейское мышленіе сумѣло превратить ко времени Фихте въ строгую систему линій, треугольниковъ и скоростей, этотъ міръ, въ которомъ все опредѣлено его прошлымъ, а будущее стало лишь безотраднымъ рефлексомъ его бывшихъ грѣховъ, гдѣ каждая песчинка лежитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ей приходится лежать, гдѣ все обречено на абсолютный нуль самостоятельности и все сжато безконечной тяжестью міровыхъ условій, этотъ міръ казался сплошнымъ ужасомъ свободному духу нѣмецкаго революціоннаго идеалиста. Онъ принималъ его, какъ принимаютъ зло, какъ принимаютъ смерть; но онъ никогда не мирился съ нимъ. И при первомъ проблескѣ надежды онъ возсталъ противъ этого міра, противъ всей вселенной, возсталъ со всею горячностью и прямолинейностью своей натуры. Этимъ проблескомъ надежды была для Фихте философія Канта. Въ ней онъ нашелъ тѣ логическія средства, которыми онъ сумѣлъ ограничить ея власть необходимости и разрушить ея безнравственный міръ; онъ нашелъ въ ней *возможность* свободы, нашелъ *принципъ* „человѣка“ и его истиннаго бытія. Отнынѣ необходимость и причинная обусловленность человѣческихъ поступковъ, дѣлающая человѣка орудіемъ слѣпыхъ силъ прошлаго, стала для его моральной совѣсти не страшна, а самъ детерминистическій иллюзіонизмъ сдѣлался лишь моментомъ въ его системѣ и потерялъ свою исключительную власть.

Этимъ принципомъ, который Фихте почерпнулъ въ философіи Канта и который помогъ ему въ его моральномъ возстаніи противъ міра необходимости, было сознаніе. Природа, въ лицѣ человѣка достигнувъ сознанія, превзошла какъ бы самое себя; она перешагнула въ новое, невѣдомое ей царство и открыла надъ собой цѣлый новый міръ, который освободилъ ее отъ необходимости. Конечно, жизнь сознанія одной стороной своего существа оставалась въ тискахъ природы; она протекала и протекаетъ по тѣмъ законамъ, которые регулируютъ нашу психическую жизнь. Однако это только съ одной стороны. Съ другой же стороны въ сознаніи открылся новый могучій факторъ, который сразу возвысилъ его надъ природой. Этотъ факторъ есть *цѣль и цѣнность*. Сознаніе съ первыхъ шаговъ своей психической жизни поставило себя подъ новый способъ и новый методъ опредѣленія: его переживанія перестали только *создаваться* изъ условій прошлаго, но стали также и опредѣляться цѣлью и цѣнностью. Въ жизнь настоящаго вторглось будущее конститутивно-опредѣляющимъ моментомъ. Поскольку каждый поступокъ нашъ опредѣляется будущимъ, своею цѣлью, т.-е. поскольку онъ пріобрѣтаетъ цѣнность, постольку онъ выходитъ изъ сферы природы и становится свободнымъ отъ законовъ ея. Для того, чтобы проще

объяснить это, воспользуемся примѣромъ нашего мышленія. Каждая мысль наша съ одной стороны своей является реальнымъ процессомъ и опредѣляется естественными законами нашей психики, съ другой же стороны имѣетъ *истину или логическую цѣнность* и въ этой цѣнности выходитъ за предѣлы той элементарной методики природы, посредствомъ которой она причинно создаетъ наши переживанія; въ системѣ истины мысль наша начинаетъ подчиняться новому законодательству, становится въ новую форму отношеній, которыхъ не вѣдаетъ природа; ибо природа можетъ создать процессъ и фактъ мысли, но безсильна создать или уничтожить истину этой мысли, такъ какъ эта истина есть, по терминологіи Фихте, „истина въ себѣ" и не можетъ ни возникнуть, ни исчезнуть. Съ этой стороны, слѣдовательно, мышленіе становится свободнымъ, именно свободнымъ отъ законовъ природы, и мы сами достигаемъ въ немъ болѣе высокой и существенной ступени бытія, становимся существами иного міра и иного законодательства. Этотъ міръ отнюдь не есть абстрактный продуктъ философскаго ума, но есть именно тотъ міръ, въ которомъ мы *живемъ* и безъ котораго теряемъ наше *я*; вѣдь наша жизнь обусловлена мышленіемъ и насквозь пропитана имъ; поэтому жизнь наша, хотя и протекаетъ въ царствѣ природы, однако не исчерпывается имъ и имѣетъ свои корни въ глубинахъ иного царства, — царства идей и истинъ; именно только здѣсь она становится *дѣйствительной* жизнью; біологическое понятіе жизни есть продуктъ научной абстракціи и опредѣленнаго метода; дѣйствительная „жизнь" уже на примѣрѣ одного мышленія оказывается богаче и глубже этой біологической абстракціи.

Однако мышленіе есть лишь частный случай дѣятельности сознанія вообще; всякое состояніе сознанія есть „дѣятельность", по ученію Фихте, чистая и безсубстратная дѣятельность и потому—воля. Эта дѣятельность сознанія вообще или воля въ каждомъ своемъ проявленіи опредѣляется цѣлью и цѣнностью такъ же, какъ всякая мысль опредѣляется своею истиной. Въ силу этого индивидуальный человѣкъ каждымъ актомъ своей воли пребываетъ не только въ себѣ самомъ, въ своихъ потребностяхъ и вообще въ своей реальности, но и принимаетъ участіе въ системѣ этихъ цѣлей и цѣнностей, т.-е. въ системѣ культурнаго „человѣчества", которое перерождаетъ индивидуума и дѣлаетъ его дифференціаломъ въ своей интегральной системѣ; индивидуумъ становится личностью. Какъ „личность" онъ уже не есть только абстракція психологіи; эта абстракція слишкомъ бѣдна для дѣйствительной жизни „человѣка". Психологія только воображаетъ, что она изучаетъ душу дѣйствительнаго человѣка, и что только ея понятіе души есть единственно реальное; на самомъ же дѣлѣ она даетъ намъ только мертвый скелетъ „души" и притомъ разсмотрѣнный сквозь призму односторонней и абстрактной методики. Поэтому дѣйствительная „жизнь" человѣка отнюдь не протекаетъ только

по законамъ этой „психологіи". Дѣйствительный „человѣкъ" не есть только психологическій индивидуумъ; онъ участвуетъ въ жизни человѣчества и лишь здѣсь находитъ свое конкретное, истинное бытіе; не въ своихъ психическихъ переживаніяхъ, а въ идеяхъ и идеалахъ „человѣка" онъ пріобрѣтаетъ „назначеніе", и вмѣстѣ съ нимъ и личность.

Итакъ, личностью, по ученію Фихте, человѣкъ становится только въ общеніи съ другими людьми, слѣдовательно, въ государствѣ, какъ организаціи этого общенія. Функцію этой организаціи выполняетъ *право*. Въ ученіи о правѣ и государствѣ Фихте создалъ весьма много цѣннаго; здѣсь онъ уже ничего не заимствовалъ отъ Канта, а наоборотъ самъ сталъ его учителемъ. Право есть въ опредѣленіи Фихте взаимоотношеніе свободныхъ и разумныхъ существъ, выражающееся во взаимномъ самоограниченіи ихъ свободы; оно есть *признаніе* свободы, которое должно быть взаимнымъ; если бы противостоящій мнѣ индивидуумъ ни въ какомъ отношеніи не ограничивалъ своей свободы по отношенію ко мнѣ, вторгаясь въ сферу моей личности и моей среды какъ безапелляціонная сила природы, то я никогда не могъ бы заключить о его разумности; только самоограниченіе его свободы, проявляющееся въ его поступкахъ, можетъ вызвать признаніе его разумнымъ со стороны другого. Это признаніе необходимо для него же самого, ибо иначе онъ не есть личность. Такимъ образомъ въ правѣ абстрактная свобода становится системой, становится не произволомъ, а особой формой законодательства. Вотъ, слѣдовательно, одинъ изъ тѣхъ идеаловъ, въ которомъ и которымъ живетъ человѣчество; только этотъ идеалъ создаетъ впервые достоинство и истинное бытіе человѣка, какъ личности, возвышая его изъ области психическихъ потребностей въ систему культурныхъ взаимоотношеній внѣпсихическаго характера; ибо право не есть въ этомъ смыслѣ чувство или переживаніе; оно никогда не принадлежитъ одному лицу, какъ всякое переживаніе, но витаетъ какъ бы между лицами, являясь особой, совершенно самостоятельной и отъ психологіи независимой формой отношенія между ними. Отношеніе двухъ индивидуумовъ, какъ двухъ *личностей*, возможно, слѣдовательно, только какъ *взаимо*отношеніе, выражающееся во взаимопризнаніи и взаимоограниченіи ихъ свободы.

Въ силу этого обоюднаго признанія оба индивидуума „синтетически объединяются въ одно", составляя одно неразрывное сознаніе правового субъекта. Этотъ субъектъ есть но *A*, не *B* и не *C*; онъ данъ какъ бы между ними; мы имѣемъ въ немъ, слѣдовательно, ясный примѣръ внѣиндивидуальнаго и сверхъ индивидуальнаго, непсихическаго сознанія, которое ложно понимается часто какъ особая форма души и которое въ спекулятивной философіи означаетъ только особую форму отношеній, не имѣющихъ ничего общаго съ отношеніями психическаго характера. *A* не можетъ быть абстрактно самъ по себѣ, т.-е. независимо отъ

В, разумнымъ и *свободнымъ* существомъ, ибо разумъ и свобода не суть произволъ и проявляются только въ признаніи и дѣйствіи согласно этому признанію; только въ немъ возникаетъ и имъ держится личность. Природа не имѣетъ личностей; личность есть всегда только юридическая, правовая, т.-е. общественная личность. Это положеніе въ настоящее время все болѣе и болѣе находитъ свое научное подтвержденіе въ современной юридической литературѣ; у Фихте мы имѣемъ философское обоснованіе его.

Право есть *идеалъ* отношенія между обоюднопризнанными личностями. Поэтому только человѣкъ къ человѣку можетъ предъявлять правовыя претензіи; человѣкъ и *вещь* не могутъ стоять въ юридическомъ отношеніи; только люди *между собою* связаны законами права. Поэтому нельзя, по мнѣнію Фихте, говорить о правѣ на природу, на землю, на воду и мыслить при этомъ только отношеніе между этими элементами объективнаго міра и человѣкомъ. Вопросъ о правѣ возникаетъ только тогда, когда на пользованіе тою же вещью претендуетъ другое лицо; тогда вещь становится только безмолвнымъ символомъ юридическихъ взаимоотношеній между людьми. Такая точка зрѣнія, послѣдовательно проведенная, въ корнѣ реформируетъ привычный взглядъ на имущество. Фихте разрушаетъ тотъ имущественный фетишизмъ, который кажется характернымъ для психологіи нашего общественнаго міровоззрѣнія. Для Фихте объектъ имущества есть не вещь, а всегда лишь опредѣленная дѣятельность. Онъ и опредѣляетъ имущество какъ „сферу дѣятельности"; „существуетъ,—говоритъ онъ,—только одинъ родъ имущества, это—имущество свободнаго употребленія силъ"; „объектомъ имущества является всегда опредѣленная дѣятельность". Это слѣдуетъ уже изъ того, что, если бы всѣ находились въ бездѣйствіи, то не возникало бы никакихъ имущественныхъ и вообще никакихъ правовыхъ конфликтовъ; лишь свободная „дѣятельность" есть источникъ всякаго правового спора; поэтому лишь дѣятельность есть истинный *предметъ* какъ имущества, такъ и права вообще. „Объектомъ воли всегда является сама же воля (въ будущемъ)".

Имущество такимъ образомъ не имѣетъ смысла какъ вещь сама по себѣ; его смыслъ и его истина есть дѣятельность,—сама жизнь; оно обезпечиваетъ и гарантируетъ возможность жизни; оно не есть вещная субстанція, но только функція и дѣятельность. Поэтому съ точки зрѣнія идеальнаго законодательства Фихте выставляетъ основное требованіе, чтобы вещи принадлежали людямъ лишь постольку, поскольку они проявляютъ на нихъ свою дѣятельность, т.-е. при ихъ посредствѣ *работаютъ*. Смыслъ и истина имущества есть *работа*. Лишь тотъ, кто работаетъ, имѣетъ справедливую правовую претензію какъ на средства, такъ и на продукты своей работы; только работа и ея продукты, равно

какъ и то, что я *за нихъ* пріобрѣтаю въ обмѣнъ, есть моя *собственность*; количество потраченной работы есть мое абсолютное имущество. Гражданское имущественное законодательство должно обезпечить мнѣ пользованіе этимъ имуществомъ; иначе я не получаю того, что мнѣ принадлежитъ по разумному праву. Это требованіе отнюдь нельзя понимать какъ разъ навсегда совершенное „раздѣленіе" объектовъ природы или благъ между членами правового общенія; распредѣленію подлежитъ не „имущество" въ формѣ объектовъ, а работа и ея продукты. Не просто объекты природы являются моею собственностью, а продукты моей работы. Природа замѣшана здѣсь лишь въ той мѣрѣ, въ какой она необходимо участвуетъ въ процессѣ моей работы. Поэтому имущественное законодательство должно установить *форму и способъ постояннаго* распредѣленія имущества, а не разъ навсегда подвластный мнѣ объектъ; изъ всеобщаго и равнаго раздѣленія имущества не вышло бы ничего, кромѣ полнаго абсурда, если бы мы не измѣнили все законодательство отъ альфы до омеги и не создали бы новой формы его пріобрѣтенія и распредѣленія. Понятіе разумнаго имущественнаго права есть лишь *методическое средство* созданія и распредѣленія (а не раздѣленія) имущества. Право не есть мертвый фактъ, а живой, творческій методъ.

Такое понятіе имущества открываетъ для Фихте цѣлый рядъ соціально-политическихъ слѣдствій. Такъ, напримѣръ, право на землю означаетъ для него только право на исключительное пользованіе ею въ опредѣленныхъ цѣляхъ; она является имуществомъ лишь въ размѣрахъ ея культурнаго использованія, т.-е. только какъ условіе работы и, слѣдовательно, лишь *подъ условіемъ* работы на ней. Истинный владѣлецъ земли только одинъ; это есть само государство; члены же его владѣютъ не землей, а лишь продуктами и условіями своей работы. Такимъ образомъ въ идеалѣ Фихте признаетъ „право обработки, но не право собственности на землю".

Другое важное слѣдствіе,—одинъ изъ лозунговъ современнаго соціализма, — состоитъ въ требованіи *права на трудъ*. Каждый членъ общества долженъ имѣть свое имущество; если онъ лишенъ его, то у него нѣтъ никакихъ основаній подчиняться государственному законодательству; общество само ставитъ его внѣ законовъ, ибо всякое право основано на взаимности; я могу признать „твое" имущество только подъ тѣмъ условіемъ, что „ты" признаешь „мое"; эта условность существенна для права; если у меня нѣтъ ничего, то у меня отпадаютъ всѣ основанія признавать имущество другихъ. Но вѣдь мое имущество состоитъ въ моей работѣ; поэтому требованіе, чтобы каждый имѣлъ имущество, равносильно требованію, чтобы каждому была обезпечена работа. „Если кто-нибудь не можетъ жить со своей работы, то это

значитъ, по словамъ Фихто, что ему не отдано то, что ему принадлежитъ, договоръ по отношенію къ нему вполнѣ уничтоженъ, и онъ съ этого момента не связанъ никакимъ правовымъ обязательствомъ признавать чьо-либо имущество. Съ того момента, какъ кто-либо терпитъ нужду, никому уже не принадлежитъ та часть собственнаго имущества, которое требуется какъ взносъ, чтобы вырвать кого-либо изъ нужды, но она по праву принадлежитъ тому, кто испытываетъ нужду".

Идея труда или работы проникаетъ всю философію Фихте, является ея жизненнымъ нервомъ и источникомъ, изъ котораго все вытекаетъ. Его философія свободы есть въ глубинѣ его личности философія свободной работы; ибо только въ работѣ свобода находитъ реализацію и смыслъ. Его ученіе о „дѣятельности вообще" есть лишь логическое предисловіе для болѣе конкретнаго и реальнаго понятія работы. Только въ работѣ человѣчества надъ своимъ собственнымъ соціально-этическимъ совершенствованіемъ каждый конкретный человѣкъ находитъ свою истину и свое бытіе. Онъ поистинѣ существуетъ какъ человѣкъ не въ своихъ потребностяхъ и ихъ удовлетвореніи, а только въ дѣятельности, въ работѣ, въ „дѣлахъ" своихъ; его дѣло есть единственное пристанище его личности. „Дѣло" же никогда не имѣетъ удовлетворенія, ибо оно имѣетъ смыслъ только тогда, когда оно изъ себя рождаетъ новое дѣло, новыя цѣли и новыя задачи. Только въ этомъ вѣчномъ будущемъ дѣлъ своихъ, только въ своемъ безсмертіи живъ человѣкъ; въ своей же удовлетворенности и пресыщенности онъ остается столь же вѣчнымъ ничтожествомъ. Вѣдь если какое-нибудь „дѣло" не находитъ безсмертія въ системѣ человѣчества, если оно заканчивается и абсолютно завершается своимъ результатомъ, то оно и гибнетъ имѣстѣ со своимъ завершеніемъ. Стоитъ ли дѣлать то, что кончается и не ставитъ новыхъ задачъ? Вѣдь если цѣль абсолютно заканчивается своимъ осуществленіемъ, то она перестаетъ быть цѣлью, превращаясь въ противорѣчіе удовлетворенности. Къ самому понятію и логическому существу цѣли относится безконечность, ненасытимая жажда новой работы. Цѣль всегда должна оставаться только задачей; въ этомъ состоитъ смыслъ фихтевской формулы морали: „Дѣятельность ради дѣятельности". Не пустота и формальное безплодіе дѣятельности составляетъ смыслъ этой формулы, а безконечность и неутомимость ея исканій, безпредѣльность всѣхъ ея задачъ и каждой задачи въ отдѣльности. Въ этомъ фаустовскомъ стремленіи впередъ, въ этомъ презрѣніи къ моменту лежитъ основная черта и личности, и философіи Фихте. Эта черта дѣлаетъ его вѣчнымъ провозвѣстникомъ новаго вѣка; онъ всегда будетъ учителемъ только грядущихъ, а не настоящихъ поколѣній.

Г. Ланцъ.

И. А. Бунинъ.

I.

Замѣчательной особенностью Бунина, какъ художника, является то обстоятельство, что онъ *дѣлимъ*. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ собою рѣдкое исключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте дѣлить Пушкина или Лермонтова на поэта и прозаика, или изъ современниковъ хотя бы Ѳедора Сологуба. Такое дѣленіе будетъ и формально и крайне вредно для познанія самой сущности ихъ творчества, это будетъ разсѣченіе живого и цѣльнаго организма, быть можетъ, необходимое для выполненія какой-нибудь спеціальной литературной задачи, но внѣ этихъ рамокъ уже недопустимое, противоестественное.

Не то съ Бунинымъ. Его поэзія и его проза вполнѣ автономны, и не для своего удобства дѣлитъ критикъ Бунина, но самъ Бунинъ для какого-то своего внутренняго „удобства" самъ въ себѣ раздѣлился и какъ бы принуждаетъ критика разсматривать порознь его поэтическое и прозаическое творчество. Конечно, общіе пріемы, общій словарь, даже общіе объекты наблюденій и воспроизведеній—налицо и здѣсь; но совершенно отличны поэтическія и прозаическія воспріятія Бунина, тонъ и духъ его стиховъ и его прозы, авторскія чувства и мысли, получившія воплощеніе въ томъ и въ другомъ родѣ его творчества.

И этому раздѣленію на два царства сугубое значеніе придаетъ то, что съ теченіемъ времени оно становится все рѣзче и рѣзче. Между разсказами Бунина, вошедшими въ I томъ, и первоначальными его стихами нѣтъ большого различія. Напротивъ, читая иные изъ этихъ разсказовъ, чувствуешь случайность ихъ прозаической формы, чувствуешь, что и „Тишина", и „Перевалъ", и „Костеръ", и многіе другіе—суть воплощенія поэтическихъ вдохновеній автора. Между этими вещами и стихами Бунина разница лишь въ формѣ, въ характерѣ ритма.

Но вскорѣ это сходство стало исчезать, проза и поэзія Бунина раскололись... Собственно говоря, его поэзія мало измѣнилась: ея колоритъ и мотивы устойчивы и постоянны, но проза Бунина все настой-

чивѣе и настойчивѣе накопляетъ какіе-то свои особенные, специфическіе признаки, все менѣе и менѣе становится похожа на поэзію Бунина и все яснѣе обнаруживаетъ этимъ самымъ опредѣленный и неуклонно-совершающійся рѣдкій психологическій процессъ дифференціаціи обычно единой души автора... Между стихами и разсказами Бунина послѣднихъ годовъ уже нѣтъ по духу ничего общаго.

II.

Поэзіи Бунинъ отдалъ свои очарованія, прозѣ—свои разочарованія; и, быть можетъ, самая эта возможность регулировать свои воспріятія, давать выходъ то одному, то другому, не смѣшивая ихъ, привела къ законченности процесса, къ тому, что такъ прозрачна и безпримѣсна поэзія Бунина и такъ мрачна, безотрадна его проза... Здѣсь пойдетъ рѣчь только о послѣдней.

Разочарованіе — мотивъ творчества Бунина-прозаика. Таково общее впечатлѣніе, которое получается при чтеніи его послѣднихъ произведеній вслѣдъ за первыми. Вотъ одинъ изъ самыхъ зеленыхъ его разсказовъ—„Новая дорога". Авторъ проѣзжаетъ по новой дорогѣ мимо глухихъ деревушекъ. „Чернѣютъ затерянные среди лѣсовъ рѣдкіе поселки темнаго и унылаго лѣсного народа. На платформахъ станцій иногда стоитъ нѣсколько человѣкъ изъ этихъ деревушекъ,—нѣсколько нищихъ въ рваныхъ полушубкахъ, лохматыхъ, съ простуженными горлами, но такихъ смиренныхъ и съ такими *чистыми* почти *дѣтскими* глазами!"— Значеніе этихъ признаковъ должно быть подчеркнуто: они относятся не къ опредѣленному лицу, а вообще къ мужицкому лицу. Прочтите также одинъ изъ раннихъ разсказовъ, „Кастрюкъ". Старый крестьянинъ, отстраненный за слабостью здоровья отъ работы, томится, изнываетъ безъ нея. Онъ мечтаетъ о работѣ, какъ о великой радости, и когда сынъ сдается на просьбы Кастрюка и отпускаетъ его съ ребятами въ ночное,—онъ счастливъ. „Дѣдъ постлалъ себѣ у межи полушубокъ и зипунъ и съ чистымъ сердцемъ, съ искреннимъ благоговѣніемъ сталъ на колѣни и долго молился на темное, звѣздное, прекрасное небо, на мерцающій млечный путь—святую дорогу ко граду Іерусалиму".

Вотъ въ какихъ очертаніяхъ и тонахъ рисовался Бунину мужикъ въ началѣ литературной дѣятельности. Для того, чтобы читатель охватилъ общимъ взглядомъ путь, пройденный послѣ того Бунинымъ, я тутъ же отмѣчу конечный его пунктъ, то мѣсто, на которомъ Бунинъ сейчасъ стоитъ. Только что мы видѣли дѣда, съ искреннимъ благоговѣніемъ возносящаго молитвы за сладость труда. Въ „Ночномъ разговорѣ" авторъ лично отъ себя подчеркиваетъ въ мужикахъ „ихъ неожиданныя, нелѣпыя, но твердыя умозаключенія, однообразіе ихъ готовой мудрости, ихъ грубость и добродушіе, ихъ работоспособность и *нелюбовь* къ

работы". Въ послѣднемъ томѣ своихъ сочиненій онъ замѣчаетъ, описывая молебенъ въ полѣ на Ѳоминой: „Толпа кланялась и крестилась, крѣпко прижимая пальцы ко лбамъ, единственный разъ въ году молясь горячо, всей душой". Эта явно небезкорыстная молитва совсѣмъ не похожа на благодарственную молитву Кастрюка... Я приведу, наконецъ, крайне характерное для нынѣшнихъ воспріятій Бунина изображеніе нищей братіи, столь рѣзко отличное отъ тѣхъ, хотя и не профессіональныхъ, „нищихъ, съ чистыми, почти дѣтскими глазами", о которыхъ мы выше читали: „Ужасные люди въ двѣ шеренги стояли во время обѣдни въ церковной оградѣ, на пути къ паперти! Въ жаждѣ самоистязанія, отвращенія къ уздѣ, къ труду, къ быту, въ страсти ко всякимъ личинамъ,— и трагическимъ и скоморошескимъ,—въ темныхъ преступныхъ хотѣніяхъ, въ слабоволіи, вѣчной тревогѣ, бѣдахъ, печаляхъ и нищетѣ,— Русь издревле и безъ конца родитъ этихъ людей". — Далѣе слѣдуетъ описаніе людей, которыхъ *родитъ Русь въ отвращеніи къ труду*, описаніе ужасающее, по-моему, стоящее за предѣлами искусства, ибо оно вызываетъ у читателя не психическую, а уже физіологическую реакцію отвращенія: „Есть слѣпцы мордастые, мужики крѣпкіе и приземистые, точно колодники, холодно загубившіе десятки душъ: у этихъ головы твердыя, квадратныя, лица какъ будто топоромъ вырублены, а босыя ноги налиты сизой кровью и противоестественно коротки, равно какъ и руки. Есть просто идіоты, толстоплечіе и толстоногіе. Есть злые карлы съ птичьими лицами. Есть горбуны, клиноголовые, какъ бы въ острыхъ шапкахъ изъ черныхъ лошадиныхъ волосъ. Есть карандыши, осѣвшіе на кривыя ноги, какъ таксы. Есть лбы, сдавленные съ боковъ и образовавшіе черепъ въ видѣ шляпки жолудя. Есть костливыя, совсѣмъ безносыя старухи... Изо всей братіи выдѣляется мужикъ съ большимъ бѣлымъ лицомъ, весь изломанный, исковерканный, совсѣмъ безъ зада, въ одномъ прѣломъ лаптѣ... весь платокъ его, ухо, шея и плечо въ засохшей крови... А сидѣнье подшито кускомъ кожи— и вотъ весь онъ искривился, заерзалъ и поѣхалъ, поѣхалъ себѣ по грязи, выкидывая впередъ необутую ногу, до половины голую, въ известковыхъ струпахъ, сочащихся гноемъ и залѣпленныхъ кусками лопуха".

Если ограничиться простымъ сопоставленіемъ мужиковъ съ дѣтскими глазами и Кастрюка, съ одной стороны, и корыстно молящихся, нелюбящихъ труда и лѣнивыхъ отвратительныхъ чудовищъ, издревле безъ конца выдѣляемыхъ Русью изъ своихъ нѣдръ,—съ другой, то, казалось бы, будетъ установленъ и самый фактъ бунинскаго разочарованія.

Впрочемъ, я полагаю, что слово „разочарованіе" недостаточно точно характеризуетъ перемѣну во взглядахъ Бунина на мужика. Но зато то слово будетъ вполнѣ точно въ примѣненіи къ эволюціи во взглядахъ того же писателя на другую соціальную среду, составляющую предметъ

его частыхъ изображеній—на дворянство. Здѣсь дѣйствительно налицо разочарованіе, ибо ему предшествовало сладкое очарованіе, котораго никогда не было въ его отношеніяхъ къ мужицкой Россіи, къ крестьянству.

III.

Не мало русскихъ писателей удѣляли вниманіе той области жизни, которую можно обозначить собирательнымъ и классическимъ терминомъ: „Дворянское гнѣздо". Но далеко не всѣ, изображавшіе дворянскія гнѣзда, любили ихъ. Сплошь да рядомъ здѣсь можно обнаружить то отраженное, чисто литературное вліяніе, то любовь художника къ законченной натурѣ, а не къ явленію, какъ таковому. У Бунина любовь къ дворянскому гнѣзду—подлинная. Поэзіей и сладостью вѣетъ на него прямо и непосредственно отъ усадьбы, отъ парка дворянскаго гнѣзда, а не со страницъ книги, гдѣ все это уже отражено мыслью и чувствомъ кого-то другого, Пушкина, Тургенева и др. Бунину вѣришь, когда онъ, оглядываясь на свое дѣтство, пишетъ: „съ грустью вспоминишь бабушку, ея полонезы и гроссъ-фатеръ на клавикордахъ, ея томное чтеніе стиховъ изъ „Евгенія Онѣгина". И странная мечтательная жизнь встанетъ передъ тобою, какъ живая... Хорошія дѣвушки и женщины жили когда-то въ дворянскихъ усадьбахъ! Ихъ портреты и дагерротипы глядятъ на меня со стѣны, аристократически-красивыя головки въ старинныхъ прическахъ кротко и женственно опускаютъ свои длинныя рѣсницы на печальные и нѣжные глаза... Да развѣ могло все это не погибнуть при первомъ столкновеніи съ новой жизнью?"

Картины дворянской жизни Бунина изображаютъ отдѣльные элементы этой заключительной формулы: прошлое, самое столкновеніе прошлаго съ новымъ и послѣдствія столкновенія. И всѣ эти картины проникнуты подлинной любовью, грустной, щемящей, подчасъ болѣзненной къ „дворянскому гнѣзду". Прочтите такіе разсказы, какъ „Антоновскія яблоки", „Байбаки", „Золотое дно" и даже „Суходолъ", — неизмѣнно въ нихъ только одно: чувство грустной любви къ разрушенному укладу жизни.

Но только это и неизмѣнно; самый *взглядъ* на прошлое, оцѣнка его претерпѣла въ глазахъ Бунина самое рѣзкое измѣненіе. Любовь осталась, но уже отравленная, пополамъ съ ненавистью, съ горечью.

Для того, чтобы судить объ остротѣ этого разочарованія, достаточно сравнить „Антоновскія яблоки" или „Байбаки" съ „Суходоломъ". Собственно, во всѣхъ этихъ разсказахъ есть разореніе, а „Байбаки" рисуютъ даже не разореніе, а подлинную нищету, дальше которой уже—сума, но, изображая все это въ первыхъ разсказахъ, авторъ не негодуетъ, не ищетъ виновниковъ, не судитъ: на первомъ планѣ у него

самые факты, а не ихъ національно-соціологическое значеніе. Въ „Суходолѣ“ какъ разъ наоборотъ: центръ тяжести именно въ національной философіи, въ авторскихъ обобщеніяхъ, при которыхъ художественные факты состоятъ въ роли „свидѣтельскихъ показаній“, аргументовъ, иллюстрацій. Съ безпощадной прямотой авторъ раскрываетъ и подчеркиваетъ полную неприспособленность къ жизни того рода и той соціальной среды, къ которой онъ принадлежитъ: „ни къ разумной любви, ни къ разумной ненависти, ни къ разумной привязанности, ни къ здоровой семейственности, ни къ труду, ни къ общежитію не были способны въ Суходолѣ... Нелѣпыми и страшными былями полна суходольская лѣтопись. На прошломъ Суходола познали мы душу его. Но вѣдь этой же душой и создано оно. Въ немъ еще рѣзче и яснѣе, чѣмъ въ настоящемъ, выступали истинно-славянскія черты ея, гибельно обособленной отъ души общечеловѣческой“.

Итакъ, это не пессимизмъ текущаго момента, это пессимизмъ историческій, добирающійся до самаго національнаго корня. Авторъ съ глубокой горечью ставитъ крестъ надъ своими былыми очарованіями, надъ лирикой прошлаго; онъ отказывается отъ нея, переоцѣниваетъ свое прежнее отношеніе. „Мы застали въ молодости,—пишетъ онъ,—начало великой помѣщичьей бѣдности. И дивились: какъ внезапно наступила она. Въ нѣсколько лѣтъ,—не вѣковъ, а лѣтъ,—до тла разрушилось то подобіе благосостоянія, которымъ такъ величалась наша старина. Въ чемъ же причина тому? Да не въ томъ ли, что не устои тамъ были, а косность? Не въ томъ ли, что гибель выражающагося суходольца пошла какъ разъ навстрѣчу его душѣ, его жаждѣ гибели, самоуничтоженія, разора, страха жизни?“

Вы видите, что психологію русскаго помѣщичьяго сословія Бунинъ характеризуетъ тѣми же самыми чертами, какими онъ, какъ выше мы видѣли, характеризовалъ выдѣляемыхъ издревле Русью страшныхъ нищихъ. Здѣсь „страхъ жизни“—тамъ „вѣчная тревога“; здѣсь „жажда самоуничтоженія“—тамъ „жажда самоистязанія“; здѣсь „неспособность къ труду“, „къ общежитію“—тамъ „отвращеніе къ труду, къ быту“. Полное совпаденіе! И, конечно, не случайное: оно обусловлено разочарованіемъ въ національной душѣ, общей у владѣльцевъ Суходола и у страшныхъ нищихъ, выставляющихъ напоказъ гнойныя раны...

И тѣмъ не менѣе остается несомнѣнной эта отравленная, разсудку вопреки, но не наперекоръ стихіямъ, а послушная стихіямъ любовь къ Суходолу и суходольцамъ, сама уже стихія, столь же слѣпая и сильная. Безпощадно разоблачая суходольцевъ, авторъ всетаки чувствуетъ „жуткую близость къ нимъ“ и рѣзкими чертами запечатлѣваетъ неудержимую тягу къ Суходолу всѣхъ, кто съ нимъ соприкасался, хотя, кромѣ зла, ничего онъ, какъ будто, никому и не приносилъ. „Не привязан-

ность это была, а нѣчто гораздо болѣе глубокое, гораздо болѣе сильное",—замѣчаетъ авторъ, такъ и не называя этого чувства. Это чувство—слѣпая любовь.

IV.

Не забудемъ, что это любовь именно къ опредѣленному укладу жизни, къ его исчезающимъ формамъ, представляющимъ причудливую смѣсь жалкаго, жестокаго, поэтическаго и драматическаго, но не болѣе этого. Любви къ національной душѣ здѣсь нѣтъ, не говоря уже о любви къ человѣку вообще, и это всего яснѣе можно вскрыть на анализѣ отношенія Бунина къ остальнымъ слоямъ русской жизни, гдѣ формы ея иныя, а національная сущность—та же, разумѣется.

Я сказалъ выше, что разочарованія въ мужикѣ Бунинъ не пережилъ: не было никогда очарованія. Ничего похожаго по задушевности тона на „Антоновскія яблоки" Бунинъ о мужикѣ не написалъ. Мужики съ дѣтскими лицами — эпизодическая картинка, Кастрюкъ самъ по себѣ—ничего лирическаго или высокаго въ себѣ не заключаетъ и только въ сравненіи съ послѣдующими мужиками Бунина кажется намъ лицомъ нравственно высокимъ, и знаменательно уже то обстоятельство, что въ то время, какъ въ полосѣ разочарованности Бунинъ почти всю свою прозу посвящаетъ мужику, къ порѣ его нейтральнаго отношенія къ этой соціальной категоріи относится очень мало разсказовъ. Интересы Бунина не лежали въ направленіи мужика. Я рѣшаюсь сказать, что онъ былъ къ нему равнодушенъ, и я думаю, что, вообще говоря, *человѣкъ* занималъ второй планъ интересовъ Бунина, его *художнической* души. Замѣчательная правдивость, искренность и безстрашіе Бунина и отмѣченная въ началѣ статьи лиричность его раннихъ разсказовъ позволяютъ намъ опереться въ этомъ мнѣніи на характерныя заявленія самого автора.

Ощущеніе нѣкоторой отчужденности отъ окружающаго на первыхъ порахъ (какъ обычно это и наблюдается) окрашено соціально: „Какой странѣ принадлежу я,—думается мнѣ,—я, русскій интеллигентъ-пролетарій, одиноко скитающійся по роднымъ краямъ? Что общаго осталось у насъ съ этой лѣсною глушью? Она безконечно велика, и мнѣ ли разобраться въ ея печалихъ, и мнѣ ли помочь имъ?"—Здѣсь Бунинъ говоритъ о „насъ", разумѣя интеллигентовъ-пролетаріевъ. Но едва ли надо доказывать, что содержаніе этого недоумѣнія менѣе всего типично для русскаго интеллигента-пролетарія. „Какой странѣ принадлежу я?"—Это только Бунину, одному ему, принадлежитъ, и этотъ вопросъ не случайно сорвался у него въ пору юности.

Нѣсколько позднѣе онъ записываетъ: „я совершенно одинокъ... я не знаю, гдѣ я и зачѣмъ существую". Наконецъ, къ еще болѣе поздней

порѣ относится очеркъ „Тишина“, въ которомъ есть два очень характерныхъ мѣста. Авторъ вмѣстѣ съ товарищемъ уплываетъ въ лодкѣ, на Женевскомъ озерѣ, далеко отъ человѣческаго жилища. „Гдѣ счастье?“—вопрошаетъ спутникъ автора.—„Знаешь, такъ хорошо, что приходитъ въ голову—не здѣсь ли оно? Можетъ быть, оно только въ успокоеніи? Сейчасъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что когда-нибудь я сольюсь съ этой предвѣчной тишиной, у преддверія которой мы стоимъ, и что счастье въ ней. Пока мы еще среди людей. Но тамъ, вотъ за этими горами, заповѣдное царство иной жизни“.

„Пока мы еще среди людей“,—стало быть, и счастья нѣтъ,—таковъ прямой и точный смыслъ этихъ словъ. Выражаютъ ли они — если не мнѣніе, то чувство и автора также, или онъ иначе чувствуетъ, чѣмъ его спутникъ? Я думаю, что онъ съ нимъ чувствуетъ одинаково, хотя тутъ же высказываетъ нѣчто какъ будто бы противоположное: „Издалека, въ общемъ, человѣческая жизнь казалась прекрасна, интересна, увлекательна... Вблизи она была иная. Сколько узкихъ и низменныхъ чувствъ и мыслей, сколько мелочности, глупости и животности, сколько пошлыхъ и оскорбительно-некрасивыхъ лицъ!... Теперь мы были у преддверія царства природы. Но и здѣсь, на этомъ голубомъ озерѣ, и въ горныхъ скитаніяхъ, которыхъ мы ждали,—всюду носился передъ нами все тотъ же уходящій, влекущій и измѣнчивый женскій образъ и попрежнему просыпалась тоска по человѣкѣ, снова и снова влекла къ себѣ человѣческая жизнь, жажда раздѣлить съ людьми все, что пробуждала въ сердцѣ красота вѣчнаго“...

У пріятеля Бунина была удовлетворенность безлюдьемъ, у самого Бунина—„тоска по человѣкѣ“, но эта противоположность—кажущаяся. Во-первыхъ, человѣкъ, по которому онъ тоскуетъ,—женщина; во-вторыхъ, этотъ человѣкъ оказывается нуженъ Бунину не самъ по себѣ, но въ качествѣ повѣреннаго, съ которымъ авторъ могъ бы раздѣлить чувства, возбужденныя въ немъ красотою вѣчнаго. Пусть это и возвышенный утилитаризмъ во взглядѣ на человѣка, но всетаки это утилитаризмъ. Если писателю нуженъ человѣкъ лишь для того, чтобы съ нимъ дѣлиться, то вниманія и интереса къ человѣку здѣсь можетъ быть очень мало... Человѣческая жизнь лишь *„издалека, въ общемъ“* представляется Бунину прекрасной, интересной и увлекательной и сразу теряетъ свою привлекательность, какъ скоро онъ къ ней приблизится.

И всѣ разочарованія Бунина—*суть простыя слѣдствія его приближеній.* Покуда онъ не погружался въ человѣческую стихію Россіи, но изображалъ ее, такъ сказать, внѣшне, зачастую какъ декорацію, фонъ для своей интимной лирики,—она порой даже привлекала его къ себѣ, часто оставляла равнодушнымъ, но въ общемъ была пріемлема. Когда

же онъ въ нее погрузился,—она вдругъ раскрыла передъ нимъ цѣлое море „узкихъ и низменныхъ чувствъ и мыслей, мелочности, глупости и животности, пошлыхъ и оскорбительно-некрасивыхъ лицъ". Какъ указано было выше, отъ этой катастрофы уцѣлѣла, хотя и перекрасилась, лирика дворянскихъ гнѣздъ, но, подчеркиваю, именно гнѣздъ, уклада, формъ жизни, а не лирика человѣческихъ душъ.

Тамъ, гдѣ этихъ прекрасныхъ формъ жизни не было, начинается уже почти сплошное уродство человѣческое. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я хочу указать, хотя бы мимоходомъ, на одну особенность Бунина, еще съ новой стороны иллюстрирующую его равнодушіе къ человѣку: отсутствіе дѣтей въ его художественной галлереѣ. Въ этомъ отношеніи онъ среди крупныхъ художниковъ—рѣдкое исключеніе. Разсказомъ изъ дѣтской жизни и дѣтской психологіи является только одинъ маленькій очеркъ — „Цифры"; два другіе, близко прикасающіеся къ этому мотиву: „У истоковъ дней" и „Сонъ Обломова-внука", имѣютъ характеръ смѣшанный. Послѣдній болѣе посвященъ изображенію уклада помѣщичьей жизни, а „У истока дней" — скорѣе ретроспективная философія дѣтскаго возраста (поучительная деталь: все въ разсказѣ окрашено мрачнымъ и жуткимъ колоритомъ смерти). Но и этотъ единственный разсказъ „Цифры" — какъ онъ не похожъ на обширную сокровищницу дѣтской психологіи въ русской литературѣ! Ни лирики, ни умиленія, ни нѣжности—въ которой насъ воспитали Толстой, и Тургеневъ, и Гончаровъ, и Достоевскій, и Чеховъ, и Короленко, и въ послѣднее время — Сергѣевъ-Ценскій, Зайцевъ, и т. д., и т. д.—здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Передъ нами какой-то автосатирическій и автодидактическій очеркъ, въ которомъ умъ и мѣткость всетаки не могли замѣнить любви и нѣжности, безъ которыхъ изображать дѣтей—нельзя.

Къ дѣтямъ Бунинъ-художникъ если и подходитъ въ другихъ своихъ разсказахъ, то развѣ лишь эпизодически или, чаще всего,—утилитарно; сами по себѣ они его не влекутъ къ себѣ. И это очень естественно и характерно: они болѣе всякой иной человѣческой личности требуютъ къ себѣ безкорыстнаго вниманія и стихійной апріорной любви. Это не любимая женщина и не тонко-понимающій другъ, съ которымъ Бунину хотѣлось бы подѣлиться восторгами отъ созерцанія безлюдной природы.

V.

Внутренняя отчужденность Бунина отъ крестьянскаго міра сказывается прежде всего уже въ томъ языкѣ, на которомъ говорятъ его мужики, въ системѣ его передачи. Говорю это, несмотря на то, что мужицкій языкъ у Бунина необыкновенно богатъ, разнообразенъ, прав-

дивъ и точенъ. Все дѣло однако въ томъ, какимъ образомъ онъ его передастъ,—онъ *фотографируетъ его фонетику:* „Будя, бряхучій! Будя, бястыжій! Старый человѣкъ, а що бреша! Табѣ вонъ на кладбишшу помѣстье давно готова!"—вотъ образецъ мужицкаго разговора, тянущагося иной разъ цѣлыя страницы. Самъ авторъ, повидимому, именно такой языкъ находитъ единственно правдивымъ, по крайней мѣрѣ въ его „Ночномъ разговорѣ" мы читаемъ про гимназиста, воспринимавшаго говоръ мужиковъ, „говоръ, совершенно, какъ оказалось, не похожій на говоръ мужиковъ книжныхъ".

Это замѣчаніе Бунина, косвенно объясняющее его собственную манеру передачи народнаго говора, основано, однако, на недоразумѣніи. Не одинъ лишь народный говоръ, но и говоръ интеллигентскій, инородческій, говоръ той или иной соціальной или бытовой группы не переносится на страницы книги безъ всякихъ измѣненій. Вѣдь и самъ Бунинъ не заставляетъ своихъ интеллигентныхъ великороссовъ говорить „што", „канешно", „абязательно", „гаварю" и т. д. Вѣдь интеллигентъ тоже не произноситъ *„безстыжій"*, а *„бестыжай"*,—почему же Бунинъ не фотографируетъ и этотъ говоръ? И неужели эти „бястыжій" и „кладбишшу" дѣлаетъ бунинскій народный говоръ ближе и понятнѣе для насъ народнаго говора у Толстого, Успенскаго, Чехова, никогда не фотографировавшихъ фонетики? Несомнѣнно, что на правильномъ пути были именно они, а не Бунинъ. Намекнувъ какимъ-нибудь словечкомъ на индивидуальныя особенности рѣчи изображаемаго лица („бунтить"—въ „Именинахъ" Чехова), двумя-тремя характерными оборотами рѣчи—на групповыя или сословныя особенности говора, — они, эти писатели, остальное уже предоставляли работѣ конструктивнаго читательскаго воображенія. Они строили образъ рѣчи точно такъ же, какъ и весь образъ человѣка, характерными чертами, а не путемъ фотографическаго копированія. И Бунинъ глубоко заблуждается, полагая, что народный говоръ, получаемый нами изъ книгъ, насъ обманывалъ. Нисколько! Мы *слышали* народную рѣчь Платона Каратаева, несмотря на отсутствіе „бястыжій", „кладбишшу" и т. п., какъ и *видѣли* его лицо, движенія, несмотря на то, что имѣли лишь общія указанія на его „круглость", запахъ и проч. И въ этомъ была громадная прелесть *читательскаго* творчества. Бунинъ же этимъ фонетическимъ натурализмомъ своими „зеркало", „жербій", „вспрашиваю", „крипива", „исдѣлали" и т. д., и т. д. безъ конца—только мѣшаетъ работѣ читателя, держитъ его *въ плѣну буквъ.*

Повторяю, онъ примѣняетъ эту систему лишь въ отношеніи народнаго говора. Почему? Потому что, прекрасно зная этотъ говоръ, онъ внутренно чуждъ говорящимъ. Пусть только читатель вообразитъ, напримѣръ, Толстого, передающаго народный говоръ по-бунински, и онъ поймотъ и почувствуетъ какъ абсолютную противоестественность, не-

возможность этого, такъ и главную причину невозможности: кровную близость Толстого къ народу, для которой такое копированіе было бы просто оскорбительно.

И вотъ такого-то художника какія-то властныя причины побуждаютъ заняться изображеніемъ того человѣческаго міра, которому онъ чуждъ. Вотъ психологическое противорѣчіе, въ которомъ мы видимъ Бунина. Все, что въ послѣднее время вызывало такъ много споровъ вокругъ имени Бунина, его мужицкіе портреты — выросло, какъ изъ корня, именно изъ этого противорѣчія. Вѣдь надо вдуматься въ характеръ бунинскихъ отрицаній, измѣрить ихъ если не объективную, то субъективную глубину, чтобы прійти къ заключенію, что равныхъ мы не знаемъ въ исторіи новой русской литературы. Не касаясь силы выраженія извѣстныхъ намъ, такъ сказать, національныхъ разочарованій, приходится признать, что классическая отрицательная критика Чаадаева—чуть что не національный панегирикъ рядомъ съ соотвѣтственной критикой Бунина. Ибо, прежде всего, страстная критика Чаадаева—насквозь патріотична, вся продиктована какой-то судорожной, пламенной скорбью человѣка, измученнаго уродствомъ того, что всего ему дороже, уродствомъ Россіи; это — страстное обличеніе сыномъ материнскихъ грѣховъ. Бунинъ—небывалый примѣръ русскаго писателя, равнодушнаго къ Россіи.

Это звучитъ, какъ тяжкое обвиненіе. Но меня занимаетъ здѣсь лишь установленіе и провѣрка фактовъ, причинъ и слѣдствій. И о здравствующемъ писателѣ я, быть можетъ, не рѣшился бы сказать, что онъ національно-равнодушенъ, но вопросъ упрощается самимъ Бунинымъ. Вотъ что мы читаемъ у него въ описаніи путешествія въ Турцію: „Одѣваешься возлѣ открытаго иллюминатора, въ который тянетъ апрѣльской свѣжестью моря, и съ радостью вспоминаешь, что Россія за триста миль отъ тебя. Ахъ, никогда-то я не чувствовалъ любви къ ней и, вѣрно, такъ и не пойму, что такое любовь къ родинѣ, которая будтобы присуща всякому человѣческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно горячо любить тотъ или иной укладъ жизни, что можно отдать всѣ силы на созиданіе его... Но при чемъ тутъ родина?"

Нельзя при этомъ сомнѣваться, что подъ родиной писатель разумѣетъ не природу, а именно родной народъ. Русскую природу онъ тонко чувствуетъ и нѣжно любитъ. Стало быть, мы, не колеблясь, можемъ установить, что, изображая мужицкую Россію, Бунинъ изображаетъ нелюбимый укладъ жизни людей, къ которымъ онъ равнодушенъ. Результаты этого процесса поистинѣ ужасны!

Былъ въ творчествѣ Бунина прекрасный моментъ недоумѣнія передъ философіей и психологіей чуждаго ему духа, но это былъ только моментъ. Вслѣдъ за нимъ послѣдовали внѣшне честныя, но бездушно-

экспериментаторскія изысканія въ чуждой и враждебной сферѣ, которыя составляютъ главный элементъ творчества Бунина-прозаика послѣднихъ годовъ... Прекрасный моментъ, о которомъ я говорю, — разсказъ „Бѣденъ бѣсъ", являющійся поворотнымъ пунктомъ воззрѣній Бунина на національную русскую психологію.

VI.

„Бѣденъ бѣсъ" — лучшее изъ прозаическихъ произведеній Бунина. Здѣсь есть все отъ его силы и ничего нѣтъ отъ дефектовъ его дарованія: разсудочности, выпячивающихся тезисовъ, подчеркиваній. Мысли автора здѣсь воплощены, а не иллюстрированы, и прекрасно задуманный разсказъ производитъ сильное и законченное впечатлѣніе, возбуждаетъ работу мысли и подъемъ чувства у читателя. Его содержаніе— противопоставленіе двухъ психологій: пассивной, фаталистической, религіозной и—активной, культурно-раціоналистической. Оборванный нищій бредетъ въ злую стужу мимо усадьбы въ ближнюю деревню, на ночевку. Студентъ изъ усадьбы, которому нищій попался на глаза, зоветъ его въ усадьбу переночевать, но нищій рѣшительно отказывается. „Что ты за чудакъ такой?—недоумѣваетъ студентъ,—вѣдь замерзнешь!—И замерзнешь—не откажешься. Смерть, братъ, она, какъ солнце, глазами не глянешь. А найдетъ—вездѣ...—Въ рай, значитъ, спѣшишь попасть? сказалъ студентъ насмѣшливо.—Зачѣмъ въ рай? Это еще дѣло темное— не то есть онъ, рай-то, не то нѣтъ. А мнѣ и тутъ не плохо... Студентъ съ удивленіемъ взглянулъ въ лицо нищаго. Ого!—сказалъ онъ.— Это тебѣ-то не плохо? Нищій тоже взглянулъ ему въ глаза. А что-жъ мнѣ?—спросилъ онъ.—Бѣденъ бѣсъ, на немъ креста нѣтъ. А я живу себѣ...—Да ты—что? Философъ? Атеистъ?—Не понимаю я этихъ словъ.— Знаю, что не понимаешь. Я хотѣлъ спросить: въ Бога-то ты вѣришь?— Въ Бога—нѣтъ того созданія, чтобъ не вѣрило, твердо сказалъ онъ".

Студента томитъ тяжелое предчувствіе; онъ пытается и не умѣетъ объяснить это спокойное шествіе нищаго навстрѣчу смерти, и все это сложное недоумѣніе выливается у него въ одномъ краткомъ восклицаніи: „Дикари!..." А ночью въ усадьбу привезли окоченѣлый трупъ нищаго.

Правда разсказа заключается именно въ томъ, что нищій и студентъ другъ друга не понимаютъ. Они оба—представители противоположныхъ міроощущеній и міровоззрѣній, и несомнѣнно, что какая-то громадная сила, стойкость, какая-то глубокая психологія, а не простое *отсутствіе* культурности, есть въ этомъ нищемъ. Возгласъ „дикари" читатель воспринимаетъ не буквально (и не буквально его употребилъ авторъ), а какъ обозначеніе глубины недоумѣнія студента, его непониманія и смущенія передъ явленіемъ чуждаго ему духа. И если бы Бунинъ сталъ

выразителемъ въ русской литературѣ этого взаимнаго непониманія двухъ русскихъ міровоззрѣній и психологій, то это была бы нужная, очередная работа художественнаго анализа. Однако Бунинъ быстро сошелъ съ этой позиціи и, *„не понимая“*, по любви народа, отдалъ свои силы изображенію его. И получился такой результатъ: метафорическіе „дикари“ превратились подъ его перомъ въ дикарей подлинныхъ.

Хуже чѣмъ въ дикарей. Дикарь — это эмбріонъ человѣка; мужикъ, въ изображеніи Бунина,—существо не первобытное, не недоразвившееся, а прежде всего—испорченное. Теряешься въ обиліи уродливыхъ чертъ, которыми Бунинъ характеризуетъ простыхъ русскихъ людей,—подлинное embarras de richesse ужаснаго, отвратительнаго и жалкаго! Запахъ „плѣсени и отхожаго мѣста“—по его опредѣленію—„знакомый русскій запахъ“. Вотъ проходитъ передъ Бунинымъ разноязычная толпа константинопольской улицы. Тутъ и греки, и турки, и евреи, и армяне, и авторъ съ участливымъ вниманіемъ зарисовываетъ ихъ особенности въ свѣтѣ какого-то ласковаго, эстетическаго удовольствія. Но сразу тонъ его мѣняется: „Неуклюжей толпой проходятъ русскіе лохматые ротозѣи, наступающіе всѣмъ на ноги, замученные тяжестью теплыхъ поддевокъ...“,— вы сразу улавливаете опредѣленную нотку недоброжелательства, брезгливости... Вотъ онъ мимоходомъ отмѣчаетъ черту русскихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ: „они приторговываются и къ луку, и къ картофелю, и къ четкамъ, и къ лубочнымъ аѳонскимъ картинамъ, даже безъ малѣйшаго намѣренія купить хоть на копейку“. У читателя возникаютъ невольно вопросы: да неужели русскіе паломники такъ-таки никогда ни чотокъ, ни аѳонскихъ картинъ, ни луку, наконецъ, не покупаютъ, а все лишь приторговываются? А главное, неужели они отправились въ Іерусалимъ только за тѣмъ, чтобы надоѣдать рыночнымъ торговцамъ, неужели это наиболѣе характеризуетъ состояніе ихъ души, ихъ стремленія, ихъ нравственный обликъ? Развѣ не ясно, что эти строки не столько характеризуютъ русскихъ паломниковъ въ Св. Землю, сколько взглядъ на нихъ автора, тѣ чувства, съ которыми онъ къ нимъ подходитъ?

VII.

Все это—черты мимолетныя, относящіяся къ началу бунинскаго разочарованія въ русской національной душѣ. Картина получилась гораздо полнѣе и безотраднѣе, когда онъ вплотную подошелъ къ ея изображенію. Штрихъ за штрихомъ онъ въ самомъ крупномъ своемъ произведеніи „Деревня“ рисуетъ эту картину. Бунинъ утверждаетъ (*никто* кромѣ него этого въ литературѣ не утверждалъ), что мужики „восхищались японцами“, когда они стали побѣждать, и объясняетъ, что въ этомъ сказалось „исконное — быть на сторонѣ тѣхъ, кто одолѣваетъ“.

„Самая погибельная наша черта,—замѣчаетъ въ „Деревнѣ“ герой повѣсти, глазами котораго Бунинъ и наблюдаетъ народъ,—слово—одно, а дѣло—другое!“ „Есть ли кто лютѣе нашего народа?—разсуждаетъ этотъ же герой.—Какъ наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьетъ смертнымъ боемъ или мальчишку деретъ, какъ сидорову козу... Травятъ нищихъ собаками! Для забавы голубей сшибаютъ съ крыши камнями! А ѣсть этихъ голубей, видите ли,—грѣхъ великій“.

Передъ нами—воплощеніе этихъ общихъ отрицательныхъ мѣстъ, караульщикъ Акимъ. За 15 копеекъ онъ обманнымъ образомъ продалъ на ночь свою жену какому-то Панкову. Соловей ночью поетъ на деревѣ; Акимъ, „прислушиваясь, осклабился, поднявъ брови, и его суздальское личико стало радостно-грустно, покрылось крупными деревянными морщинами. Вотъ бы изъ ружья-то его!—сказалъ онъ.—Такъ бы и кувыркнулся!“ „Есть еще на землѣ насѣкомыя, цвѣты, растенія, птицы, животныя... Но о цвѣтахъ и насѣкомыхъ Акимъ думать не унизится—просто давитъ ихъ. Растенія онъ замѣчаетъ только тѣ, что приносятъ плоды, ягоды, идутъ на кормъ. Птицы летаютъ, поютъ—и самое любезное дѣло стрѣлять на ѣду тѣхъ изъ нихъ, что годны къ тому, а негодныхъ—для забавы. Звѣрей надо всѣхъ, до единаго истребить, а къ животнымъ относиться разно: своихъ держать въ тѣлѣ, на пользу себѣ, чужимъ и старымъ—выстегивать глаза кнутомъ, ломать ноги“...

Всего интереснѣе въ данномъ случаѣ у Бунина—смѣлость обобщенія: не только безъ усилія, но даже безъ малѣйшаго сомнѣнія въ допустимости этого совершается у него переходъ отъ Акима къ психологіи мужика вообще, къ его быту, исторіи, религіи и т. д. Если напомнить автору или его герою про Касьяна съ Красивой мечи, съ его отношеніемъ къ животнымъ и растеніямъ, то они просто-напросто заявятъ отводъ противъ Тургенева, скажутъ: книжный мужикъ. Если напомнить про Платона Каратаева, кстати съ его лиловой собачкой, то... мы уподобимся другому герою повѣсти, Кузьмѣ Красову, который тоже вспомнилъ однажды про Каратаева, какъ „признаннаго типа“ русскаго народа, но который тутъ же былъ осаженъ своимъ духовнымъ просвѣтителемъ, вольнодумцемъ Балашкинымъ: „Вши съѣли твоего Каратаева! Не вижу тутъ идеала“...

Все это, разумѣется, не столь уже прочно и неуязвимо. Можно вѣдь бунинскимъ наблюденіямъ противопоставить плетеніе вѣнковъ, цвѣты и пѣвчія птицы въ пѣсенномъ народномъ творчествѣ, ротныхъ и полковыхъ животныхъ, народныя наблюденія за жизнью пернатыхъ и т. д., и т. д. Неужто все это грубо-утилитарно?

Я не уликъ ищу противъ Бунина: вскрыть эти отклоненія отъ объективной правды мнѣ кажется необходимымъ для установленія направленія, по которому движется этотъ писатель. А что въ своей системѣ

изображенія народной жизни онъ идетъ не отъ эпизода къ эпизоду, не отъ образа къ образу, но строго выдерживаетъ какое-то опредѣленное направленіе,—не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Чувствуется, что Бунинъ систематически борется съ тѣмъ представленіемъ о народѣ, которое онъ предполагаетъ въ русскомъ образованномъ обществѣ и которое онъ расцѣниваетъ, какъ книжную романтику. Вотъ—какъ бы обращается Бунинъ къ этому обществу—вы, идеализирующіе мужика, вы его считаете глубоко религіознымъ, а онъ лишь разъ въ годъ искренно молится, и эта молитва его корыстна. Вы говорите о правдивости русской простой натуры, а я утверждаю, что русскій человѣкъ по натурѣ актеръ, и вотъ вамъ мужикъ Егоръ, который въ этомъ отношеніи типиченъ: „Онъ, русскій, до дна души своей русскій, не могъ не играть роли,—той роли, что ему, какъ сыну, полагалось у гроба матери. Онъ моргая, будто готовый заплакать, крестился часто и размашисто, кланялся низко,—думалъ же онъ совсѣмъ о другомъ, между прочимъ, о томъ, какъ будетъ онъ обѣдать на могилѣ—неспѣша, съ толкомъ"... Вы привыкли слышать о глубокомъ сочувствіи со стороны простыхъ людей—искателямъ свѣта; за такого сочувствователя можетъ какъ будто сойти заливщикъ калошъ Бѣлкинъ, обучающій, очевидно, безвозмездно ребятъ грамотѣ; а я утверждаю, что грамотѣ онъ учитъ „только потому, что работы у него никогда не было, что драть кого-нибудь за „виски" всегда пріятно". Вы толкуете о величіи и милосердіи русской простой женщины, о ея глубокой жалостливости,—все это романтика. Когда у старостихи умеръ ребенокъ („Деревня"), то къ этому „всѣ отнеслись, *конечно*, равнодушно". Вы говорите о глубокой вѣрѣ русскаго народа въ силу добра, правды,—ошибаетесь: самое понятіе силы для него неразлучно съ представленіемъ о чемъ-то не свѣтломъ, но темномъ, нечистомъ, о сатанѣ, но къ этой чертовщинѣ онъ питаетъ подлинное уваженіе: прочтите разсказъ „Сила", и вы сами въ этомъ убѣдитесь.

VIII.

Полагаю, что послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ, количество которыхъ можетъ быть увеличено во много разъ, можно говорить именно о „направленіи" Бунина въ его отношеніи къ народу. Оно не совпадаетъ съ правдой дѣйствительности. Но это—необходимо доказать. Пишущій эти строки меньше всего считаетъ допустимымъ въ оцѣнкѣ объективной вѣрности художественныхъ образовъ одно личное недовѣріе къ изображенному, „здравый смыслъ" и т. п. Все это законно, но лишь для личнаго своего обихода. Я могу, вмѣстѣ съ подавляющимъ большинствомъ другихъ читателей, ни на одну минуту не повѣрить въ реальность Ермила, героя разсказа „Преступленіе", мужика туповатаго, но сергами-

зовавшаго такое сложное, коварное, замысловатое и по мотивамъ ультрапсихологическое убійство, что Яго ему и въ подметки не годится. Я могу съ улыбкой недовѣрія читать о мужикѣ, у котораго во время безпорядковъ убили ребенка („Ночной разговоръ") и который „задохнулся, очумѣлъ—и давай барина по головѣ этимъ ребенкомъ мертвымъ охаживать!" Ничего похожаго на правду нѣтъ, по-моему, и въ Шашѣ („Я все молчу"), который всю жизнь „изыскивалъ поводы къ самотерзанію... алкая обиды, позора и побоевъ", и который чувствуетъ себя „у пристани" только тогда, когда ему переламываютъ руку, раздробляютъ переносицу и выбиваютъ глазъ... По-моему, этотъ Шаша—мрачная выдумка. Авторъ рисуетъ его, какъ нѣчто типически-національное, какъ представителя Руси, которая издревле и безъ конца выдѣляетъ тѣхъ ужасныхъ нищихъ, о которыхъ было уже говорено. Но, повторяю, мое недовѣріе должно быть обосновано не субъективно, а объективно.

Послѣднее, однако, не невозможно. Мы можемъ, во-первыхъ, художнику-эксперту жизни противопоставить другихъ художниковъ и, во-вторыхъ, мы можемъ ему противопоставить его же самого. Вотъ хотя бы этотъ самый убитый ребенокъ, взявъ за ножки котораго, отецъ „охаживаетъ" имъ барина по головѣ. Не находите ли вы, что реакція отца на смерть ребенка рѣзко отлична отъ обычнаго, изображаемаго Бунинымъ и отмѣченнаго выше отношенія крестьянъ къ болѣзни и смерти дѣтей? Вѣдь когда у старостихи умеръ ребенокъ, то „всѣ отнеслись, *конечно,* равнодушно".

Характерны иные мелкіе, чисто фактическіе промахи Бунина, наглядно обнаруживающіе ту атмосферу разсудочности и придумыванія, въ которой они только и могли произойти. Вотъ знаменательная въ этой области бунинскаго творчества фигура мужика Пашки („Ночной разговоръ"), который съ явнымъ наслажденіемъ и хвастливостью повѣствуетъ о томъ, какъ онъ убилъ, будучи караульнымъ, сбѣжавшаго было арестанта (а передъ тѣмъ говорилъ, что „не сталъ бы бунтовщиковъ стрѣлять, а скорѣе офицера, который будетъ приказывать стрѣлять"—сугубый эфектъ въ сопоставленіи дѣла и словъ Пашки). Ставлю рядомъ нѣсколько фразъ изъ его повѣствованія: 1) „Только приходимъ въ Зухдены. А *ночь хоть глазъ выколи,* и дождь холитъ"; 2) „бѣгу, а онъ и вотъ онъ: на земи на задѣ сидитъ (арестантъ раненъ сдѣланнымъ наудачу выстрѣломъ). Сѣлъ, *руками уперся въ грязь, зубы оскалилъ* и храпитъ". Послѣдовательность и внѣшняя логичность разсказа—какъ будто совершенная, но надуманность его всетаки проскользнула въ этой мелочи: Пашка видѣлъ то, чего онъ видѣть впотьмахъ не могъ...

Еще примѣръ. Разсказъ „Илья пророкъ", типично разсудочный, иллюстрирующій тезисы. И вотъ—характерная для такого рода вещей ошибка „плана": мужикъ ночуетъ на постройкѣ за *двѣ версты* отъ своей де-

ревни. Разражается гроза; мужикъ спѣшитъ домой („поспѣшно *пошелъ*"), предчувствуя бѣду. И точно: молніей убило его ребенка. „Семенъ вбѣжалъ въ избу. Бабы съ крикомъ *метались* въ темнотѣ, *ища сѣрниковъ*". Несоотвѣтствіе очевидное: бабы уже черезчуръ долго ищутъ сѣрниковъ.

Понадобились бы чрезмѣрно длинныя выписки изъ произведеній Бунина, для того чтобы полностью вскрыть манеру его иллюстрировать разсудочныя положенія, разсудочные тезисы, разсудочные характеры и психологію. Сплошь да рядомъ, читая, почувствуешь вдругъ, что авторъ къ чему-то „подгоняетъ", и вслѣдъ за этимъ обрѣтаешь, наконецъ, и соотвѣтственный „выводъ", который въ дѣйствительности былъ предпосылкой, для которой все предыдущее служитъ „доказательствомъ". Пусть читатель, желающій въ томъ убѣдиться, развернетъ разсказъ „Веселый дворъ" и прочтетъ перебранку работника Герасима съ женою, такую нарочито-сумбурную, но необходимую для вывода, что „даже въ злобѣ ничего путнаго, сильнаго не могутъ сказать другъ другу эти люди". Или разсказъ „Будни", гдѣ авторъ заставляетъ мужика нести ужасающую чепуху („Театры—это какъ все равно звѣрильница, али, скажемъ, цырульная простая" и т. п.) и поражать ею слушателя-семинариста.

У такого опытнаго и значительнаго художника, какъ Бунинъ, чрезмѣрно и явно грубыя несообразности и натяжки, особенно же прямыя ошибки, могутъ встрѣчаться лишь какъ исключенія. Сплошь да рядомъ натяжка и противорѣчіе чувствуются, но „недоказуемы", и потому приходится противопоставить его наблюденіямъ, заключеніямъ и выводамъ таковые же другихъ художниковъ. Приходится при этомъ однако „отвести" большинство нашихъ классиковъ, въ томъ числѣ Толстого, Достоевскаго, Тургенева, ибо всѣ они находятся въ подозрѣніи относительно идеализаціи русскаго народа, національной души и проч. О такихъ писателяхъ, какъ Гл. Успенскій, я уже не говорю. Пусть такіе люди, какъ Вѣра Фигнеръ, упрекали въ свое время Успенскаго въ сгущеніи мрачныхъ красокъ при изображеніи мужика,—подозрѣнія въ идеализаціи, съ другой стороны, тяготѣютъ надъ нимъ самыя тяжкія. Но есть писатель, въ которомъ „народническаго" элемента нѣтъ ни единаго атома, трезвость и безпристрастность котораго, вѣроятно, признаетъ достаточными и самъ Бунинъ. Я говорю о Чеховѣ. И вотъ попробуйте сравнить его „Мужиковъ" и проч. съ аналогичными по мотиву произведеніями Бунина. Вы сразу почувствуете совсѣмъ иную нравственную атмосферу, иной тонъ, иные выводы.

Здѣсь невозможна подробная работа сопоставленія Чехова съ Бунинымъ,—ограничусь поэтому однимъ-двумя примѣрами. Я уже приводилъ мимоходомъ брошенную Бунинымъ черту народной религіозности: корысть. Когда въ полѣ молебствовали о благодатномъ лѣтѣ, „толпа кланялась и крестилась, крѣпко прижимая пальцы ко лбамъ, *единственный раз*.

въ году молясь горячо, всею душой". Прочтите теперь нѣсколько строкъ изъ „Мужиковъ" Чехова: „Мало, кто вѣрилъ, мало, кто понималъ. Въ то же время всѣ любили Священное Писаніе, любили нѣжно, благоговѣйно, но не было книгъ, некому было читать и объяснять, и за то, что Ольга иногда читала Евангеліе, ее уважали и всѣ говорили ей и Сашѣ „вы". Еще отрывокъ: „Въ августѣ по всему уѣзду, изъ деревни въ деревню, носили Живоносную... И старикъ, и бабка, и Кирьякъ—всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили, плача: Заступница, матушка! Заступница! Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжкой, невыносимой нужды, отъ страшной водки. Заступница, матушка!—рыдала Марья.—Матушка!"

Бунинъ не нашелъ высшаго начала, высшаго принципа, которымъ движется народное чувство и сознаніе, зато онъ настойчиво подчеркиваетъ рядъ низшихъ началъ: отвращеніе къ труду, жажда униженія, самоистязанія, органическое актерское притворство, лукавство... Чеховъ, со всѣмъ своимъ громаднымъ скептицизмомъ и антипатіей къ притворству, самообману, идеализаціи, нашелъ всетаки въ народѣ это высшее начало. „Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своею сохой,—говоритъ онъ устами героя повѣсти „Моя жизнь",—и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть то нужное и очень важное, чего нѣтъ, напримѣръ, въ Машѣ и въ докторѣ, а именно, онъ вѣритъ, что главное на землѣ—правда и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость".

И точно такой же „уголъ субъективности" получится при сопоставленіи бунинскихъ изображеній народной жизни съ фактами безусловно-непререкаемой правдивости. Какъ ясно становится, что Бунинъ оставляетъ неизслѣдованной, быть можетъ, важнѣйшую сторону мужицкой психологіи, когда встрѣчаешь у него художественный мотивъ, уже знакомый по другимъ изображеніямъ! Я вспоминаю, напримѣръ, очеркъ Короленка „Емельянъ", представляющій почти протокольную, безъ малѣйшей примѣси всего, что отъ воображенія, запись разговора автора съ дѣдомъ Емельяномъ, доживающимъ свои дни сторожемъ при виноградникѣ въ Крыму. Какое громадное соціальное и психологическое содержаніе извлекъ Короленко изъ этой часовой бесѣды съ крайне скупымъ на слова старикомъ! А у Бунина есть разсказъ „Сто восемь", про сто-восьмилѣтняго старца Таганка, съ которымъ бесѣдуетъ, правда, не самъ авторъ, но лицо, всѣми своими вопросами и интересами повторяющее автора. И вотъ безотрадные результаты бесѣды: „Мысли, воспо-

минанія Таганка такъ поразительно просты, такъ несложны, что порою терлешься: человѣкъ ли передъ тобой? Онъ разумный, милый, добрый... Но человѣкъ ли онъ?" И еще въ другомъ мѣстѣ: „Не то я не умѣю спрашивать, не то онъ почему-то не желаетъ говорить со мною... Или же надо сдѣлать дикое, но, кажется, самое вѣроятное предположеніе, что рѣшительно ничего, кромѣ самаго примитивнаго, нѣтъ за этой душой!"

Мы полагаемъ, что „самое вѣроятное"—первое предположеніе героя Бунина, что онъ не умѣетъ спрашивать. И какъ изъ этого, такъ и изъ другихъ разсказовъ становится ясна причина, точнѣе—сущность его неумѣнія. Когда Короленко велъ бесѣду съ Емельяномъ, то онъ его какъ-то апріарно полюбилъ, еще какъ только увидѣлъ, цѣликомъ погрузился въ міръ интересовъ, въ міръ заглохшихъ желаній, грезъ и разочарованій Емельяна, онъ разспрашивалъ его—*для него же*. Герой Бунина бесѣдуетъ съ Таганкомъ—*для себя*, для пополненія своихъ знаній, удовлетворенія интереса къ прошлому и т. п. Онъ разспрашиваетъ его, какова была въ старину Москва, про французское нашествіе и пр. И, глядя на Таганка, онъ занятъ не Таганкомъ, а волнующими его мыслями о томъ, сколько за вѣкъ Таганка было „переворотовъ, открытій, войнъ, революцій, сколько жило, славилось и умерло великихъ людей: Наполеонъ, Пушкинъ, Гёте"...

IX.

Одно обстоятельство способствовало, вѣроятно, значительному увеличенію этого угла отклоненія Бунина отъ объективной дѣйствительности въ его изображеніи народа. Это—открытая борьба съ попытками идеализировать народъ и съ предполагаемой традиціей въ этой области. Извѣстна классическая формула этой традиціи:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Все дурное сквозитъ и ничто не свѣтитъ—какъ бы говоритъ Бунинъ всѣми своими послѣдними разсказами. Особенно замѣчателенъ въ этомъ смыслѣ „Ночной разговоръ". Весь онъ цѣликомъ представляется написаннымъ à thèse, на предметъ разрушенія ошибочнаго, идеализированнаго понятія о мужикѣ, сложившагося у героя разсказа, наивнаго гимназиста.

Быть можетъ, нигдѣ такъ полно не сказалась разсудочность Бунина, какъ именно въ этомъ нашумѣвшемъ разсказѣ. Онъ хорошо извѣстенъ читателямъ, и я не стану его здѣсь излагать, равно какъ не стану при-

водить явныхъ подчеркиваній того автоматическаго и тупого наивнаго звѣрства, въ которомъ наперебой состязаются всѣ персонажи разсказа. Я хочу лишь оттѣнить именно черту разсудочности.

Дѣло происходитъ послѣ революціи. Между тѣмъ, главный герой, гимназистъ, подружившійся съ „шестиклассникомъ въ очкахъ, Симашко", даетъ этому Симашко „честное благородное слово", ради изученія мужиковъ, прочесть Нефедова и Наумова. Только эти два имени и упомянуты...

„И похоже это на правду?"—невольно хочется спросить словами Гоголя. Нефедовъ и Наумовъ никогда не были „властителями думъ" даже въ средѣ самыхъ захолустныхъ народниковъ, ихъ читали съ симпатіей, не болѣе того. Но кто же про нихъ вспоминалъ въ 1905 и послѣдующіе годы, кто по ихъ произведеніямъ изучалъ въ эту пору мужика! Критика дружно осудила этотъ штрихъ Бунина, и вотъ—знаменательная въ смыслѣ разсудочности черта!—для отдѣльнаго изданія авторъ сдѣлалъ въ одномъ мѣстѣ исправленіе. Въ первоначальномъ изданіи мы читали, что гимназистъ, присматриваясь къ мужикамъ, „у всѣхъ тому или другому учился, воспринимая ихъ говоръ, совершенно, какъ оказалось, не похожій на говоръ *мужиковъ нефедовскихъ и наумовскихъ*". Въ новомъ изданіи вмѣсто подчеркнутыхъ словъ мы читаемъ просто: „*мужиковъ книжныхъ*".

На первый взглядъ можетъ показаться, что, замѣнивъ одно слово другимъ, Бунинъ лишь возстановилъ точность хронологической, такъ сказать, перспективы. На самомъ же дѣлѣ вопросъ гораздо сложнѣе. Надобно понять, что у гимназиста было нефедовское и наумовское представленіе не объ одномъ только мужицкомъ говорѣ, но и о мужикѣ въ цѣломъ,—именно такъ построенъ разсказъ и тотъ „ночной разговоръ", который разрушилъ это идеализированное представленіе. Признавъ ошибочнымъ, несвоевременнымъ этотъ „нефедовскій говоръ", Бунинъ eo ipso призналъ несвоевременнымъ нефедовское представленіе о мужикѣ въ цѣломъ. Однако формально образъ этотъ остался,—конечно, лишь потому, что въ разсудочномъ разсказѣ, въ разсудочномъ образѣ автору можно совмѣщать противорѣчивые черты и моменты, не замѣчая того. Живой, правдивый и реальный образъ столь громко завопитъ при попыткѣ подобной вивисекціи, что авторъ не сможетъ не услышать...

X.

Равнодушіе къ человѣку—плохая школа для познанія его души. Борьба съ идеализаціей—не менѣе плохая школа безпристрастности. Но отпечатокъ того и другого лежитъ почти на всемъ прозаическомъ творчествѣ Бунина. Посильно разобравшись въ этомъ, намъ предстоитъ

теперь отвѣтить на вопросъ, что же побудило художника непрестанно обращаться къ анализу жизни людей, къ которымъ онъ равнодушенъ?

Трудно, конечно, съ полной увѣренностью отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ въ высшей степени субъективный. Мнѣ лично отвѣтъ представляется въ слѣдующихъ очертаніяхъ. Послѣдніе годы характеризуются особенно убыстреннымъ темпомъ исчезновенія тѣхъ формъ дворянской помѣщичьей жизни, съ которой Бунинъ связанъ и генетически и, такъ сказать, лирически. Стираются послѣднія черты того единственнаго уклада жизни, который дорогъ Бунину. Это мотивъ „Суходола". Но въ „Суходолѣ" же отмѣчено то безспорное обстоятельство, что этотъ укладъ тѣсно связанъ съ укладомъ жизни народной въ широкомъ значеніи слова. Эта „шестерня" причинной зависимости и захватила Бунина. Далѣе, большое значеніе въ томъ же направленіи имѣла русская революція, которая, по его собственному призванію, въ цитированномъ уже нами описаніи его путешествія въ Турцію, волнуетъ его, чѣмъ онъ весьма недоволенъ, „всетаки больше, чѣмъ пересидская". Писатель равнодушенъ къ Россіи, но противъ своей воли всетаки волнуется ея судьбами, и событія, происходящія въ ней, насильственно влекутъ его къ себѣ и заставляютъ присмотрѣться къ причинамъ, которыя ихъ создаютъ, къ народу, въ средѣ котораго они совершаются. И это насильственное вниманіе уже отравлено въ самомъ своемъ корнѣ, это съ самаго уже начала—анализъ, окрашенный раздраженьемъ „плѣнной мысли", а не изслѣдованіе, продиктованное свободнымъ влеченіемъ сердца...

Но при этомъ нужно еще обратить вниманіе на особую, специфическую окраску всѣхъ его впечатлѣній, на отличительный характеръ самыхъ его воспріятій.

Наиболѣе безспорными художниками являются тѣ, которые одинаково ясно видятъ внѣшнюю и внутреннюю стороны явленія. Въ февральской книжкѣ *Русской Мысли* мнѣ пришлось говорить о писателѣ (гр. Ал. Н. Толстомъ), который видитъ почти исключительно внѣшность явленія, линіи, краски и формы, предоставляя уже самому читателю о внутреннемъ судить по внѣшнему. Ѳедоръ Сологубъ почти съ такою же исключительностью видитъ (быть можетъ, потому, что только на это и смотритъ) внутреннее. Особенно исключителенъ въ послѣднемъ направленіи былъ Достоевскій, разница между свойствами зрѣнія котораго была безпримѣрно громадна. Бунинъ принадлежитъ къ типу художниковъ съ гипертрофіей зрѣнія, обращеннаго на внѣшность предмета, но съ отмѣченнымъ выше тяготѣніемъ къ изображенію его внутренней сущности.

Свойство художническаго зрѣнія Бунина выступаетъ въ его сочиненіяхъ буквально на каждомъ шагу. Прежде всего, т.-е. наиболѣе наглядно и доступно, оно сказывается въ поражающемъ читателя изобиліи нюансовъ свѣтотѣни и цвѣта. Заинтересовавшись указанной особен-

ностью Бунина, я попробовалъ выписать передающіе красочные оттѣнки эпитеты, содержащіеся въ *одномъ* изъ его очерковъ—„Тѣнь птицы“, и вотъ какая цвѣтовая гамма при этомъ у меня получилась: „черно-лиловый, лиловато-пепельный, мутно-малахитовый, голубовато-желтый, мутно-красноватый, золотисто-голубой, розово-палевый, солово-грязный, лилово-бурый, солово-желтый, сиренево-стальной, кроваво-лиловый, грязно-грифельный, серебристо-сизый, ржаво-красный, серебристо-оловянный, черепично-оранжевый, зеркально-опаловый, пурпурно-бархатный, сѣро-зеленый, сѣро-желтый, сине-лиловый, дымчато-малахитовый, свѣтло-стальной, сиренево-сѣрый, пепельно-синій, сиренево-облачный“.—Если при этомъ замѣтить, что, во-первыхъ, эти полутоны часто повторяются, во-вторыхъ, я выписалъ здѣсь не всѣ, въ-третьихъ, столь же обильны, какъ полутоны, и тона,—то читателю станетъ ясно, что мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ не съ простой случайностью, но съ опредѣленнымъ авторскимъ свойствомъ.

Намъ необходимо выяснить его размѣры. Бунинъ имѣетъ прочную и заслуженную славу прекраснаго пейзажиста, и я не стану здѣсь приводить примѣры чудесныхъ бунинскихъ пейзажей, которыми богаты и раннія („Сосны“), и позднѣйшія произведенія художника. Но нельзя скрыть отъ себя и того, что часто его пейзажъ бываетъ перегруженъ трудно улавливаемыми оттѣнками. Беру для примѣра, ради его краткости, не самый характерный въ указанномъ отношеніи: „Моавитскія горы—какъ южное море въ туманѣ, прелестное, *фіолето-лиловое*. Но уже блекнетъ *сѣро-сиреневая* пустыня Іоанна. *Сухо-блѣдно-сине* небо. Пепелъ, павшій на городъ, становится *розово-сизымъ*. И все—какъ пастэль“. Даже послѣднее обобщеніе не спасаетъ картины отъ явнаго дефекта, затрудняющаго ея созерцаніе—нагроможденія полутоновъ. Но эта власть зрительныхъ впечатлѣній такъ въ немъ сильна, что онъ невольно ей отдается, часто въ ущербъ общему стилю повѣствованія. Вотъ онъ видитъ вдали островъ Критъ: „Родина Зевса Олимпійскаго! Пусть Кроносъ поглотилъ таки его—легенда его дѣтства такъ трогательна! Рея укрылась отъ Кроноса въ гротѣ, озаряемомъ золотымъ отблескомъ отъ *хрустально-кобальтовой* влаги“... и т. д. Не говоря уже о крайней, такъ сказать, экзотичности эпитета „кобальтовый“,—какъ онъ неумѣстенъ въ классической легендѣ! Но автономное зрительное впечатлѣніе побѣдило въ Бунинѣ стилиста, передающаго архаическую легенду... Или вотъ разсказъ „Сонъ Обломова-внука“. Авторъ рисуетъ перспективу дѣтскихъ грезъ, заполненную образами, и по содержанію и по формѣ дѣтскими: „Онъ поселится на хуторѣ, будетъ жить только охотой... будетъ варить себѣ кулешъ, спать прямо возлѣ порога флигеля, на войлокѣ, а просыпаться еще въ ту пору, когда едва-едва брезжитъ *зеленовато-серебристый* разсвѣтъ“...—и перспектива рѣзко испорчена этимъ подчеркнутымъ, столь не дѣтскимъ, столь обдуманнымъ литературнымъ эпитетомъ.

XI.

Такое плѣненіе зрительными впечатлѣніями имѣетъ значеніе громадное, быть можетъ, опредѣляющее характеръ міроощущенія. Бунинъ видитъ міръ, какъ рядъ картинъ, и эти картины, воспроизводимыя имъ, цѣнны для него не въ силу того или иного своего *содержанія*, въ широкомъ смыслѣ слова, а лишь какъ *мотивъ*, какъ поводъ для наложенія извѣстнымъ образомъ красокъ, для группировки фигуръ и проектированія линій. Его волнуетъ не исторія, а мощь и стиль ея образовъ; его умиляетъ не религія, а сіяющая красота образовъ религіозныхъ; ему симпатичны и дороги не народы, племена и люди, а тѣ или иныя формы ихъ жизненнаго уклада. Вдумайтесь въ нижеслѣдующій отрывокъ изъ бунинскихъ путешествій: „Да, ничого похожаго на чувства правовѣрныхъ (христіанъ) не испыталъ я, увидѣвъ Яффу нынче утромъ. Нѣтъ, была именно враждебность къ нимъ. Тысячи тысячъ плакали и цѣловали эти берега... Но и они, эти простые сердцемъ пилигримы, воспитанные правовѣрными,—думали ли они когда-нибудь о простой, подлинной жизни, бывшей нѣкогда на этихъ берегахъ? Чувствовали ли они, что вѣдь дѣйствительно былъ, дѣйствительно существовалъ когда-то живой Іисусъ,—худой, стройный, загорѣлый, съ блестящими черными глазами, съ темно-лиловыми сухими руками и тонкими, сожженными зноемъ ногами? Только минутами, только забывая о ихъ Христѣ, мое сердце содрогалось отъ близости къ Тому, чье имя ожило, очеловѣчилось для меня при видѣ береговъ Его родины“.

Замѣчательное признаніе! Тутъ все характерно для Бунина. Прежде всего—этотъ духъ и тонъ отчужденности: образъ Христа оживаетъ въ немъ въ результатѣ разрыва съ христіанскимъ человѣческимъ міромъ, въ результатѣ забвенія людей, а не въ процессѣ сліянія съ подобными себѣ. Далѣе, это сомнѣніе въ томъ, чувствовали ли простые пилигримы живого Христа? Конечно, они чувствовали Христа съ наибольшей мыслимой ясностью и живостью, нетронутыми разрушительной работой отвлеченной и критической мысли. Вѣдь стигматы наблюдаются не у писателей, а у простыхъ людей. Но Бунинъ сомнѣвается. Почему же? Да потому, что живой Іисусъ—это *непремѣнно тотъ*, который на нѣсколько минутъ явился именно его воображенію, тотъ, съ „темно-лиловыми“ руками, а не иной. И живость Іисуса онъ почувствовалъ только тогда, когда воочію увидѣлъ „подлинную жизнь“, природу, пейзажи, окружавшіе Христа; только въ этой осязательной, *доступной глазу* панорамѣ религіознымъ трепетомъ содрогнулось его сердце. И это понятно: Бунина можетъ тронуть лишь „зрительная“ религія и никакая другая...

Вотъ почему Бунинъ можетъ быть трогателенъ и нѣженъ только тамъ, гдѣ онъ наблюдатель, а не живой участникъ человѣческой жизни.

Вотъ почему онъ съ наслажденіемъ вспоминаетъ, что Россія—осталась далеко позади. Пусть его окружаютъ люди, но лишь, какъ аксессуары въ картинахъ природы, не требующіе отъ него участія и особаго вниманія,—какъ, напрвмѣръ, на улицѣ Константинополя, гдѣ „непрерывно текутъ навстрѣчу другъ другу цвѣтистые потоки разноязычнаго народа", гдѣ и самая эта толкотня людская и атмосфера теплаго южнаго вечера „охватываетъ душу и тѣло горячимъ вѣяніемъ жизни и тянетъ къ слиянію съ жизнью всего міра". На родинѣ, гдѣ это сліяніе должно произойти не въ процессѣ эстетическаго подъема, гдѣ *картина* людской толпы всегда осложняется *содержаніемъ*, имѣющимъ какія-то права на того, кто ее созерцаетъ, люди будутъ вновь чужды Бунину.

Зарубежное впечатлѣніе и отечественное, хотя бы полученныя отъ одинаковыхъ явленій, по этой причинѣ совсѣмъ различно расцѣниваются имъ. Съ какой прозаической суровостью отмѣчаетъ Бунинъ въ своихъ мужицкихъ разсказахъ оплату требъ духовенству, чѣмъ-то жалкимъ всегда вѣетъ отъ этихъ моментовъ,—въ Турціи ему „нравится даже старинный восточный торгъ съ муллой за право входа" въ мечеть Софіи,—вѣдь это—жанровая картинка! Съ какимъ содроганіемъ онъ описываетъ грязь и некультурность русскихъ деревень, мужицкихъ избъ, а въ томъ же Константинополѣ онъ, недалеко отъ Ая-Софіи, въ переулочкѣ, эпически (и право же съ улыбкой!) замѣчаетъ, что „на солнцѣ *пахнетъ* сухими нечистотами"...

И нигдѣ ни разу не описалъ онъ съ такимъ умиленіемъ и съ такой нѣжной изобразительной силой молящихся у себя на родинѣ, какъ молитву мусульманъ въ очеркѣ „Тѣнь птицы", поражающемъ глубокимъ проникновеніемъ въ смыслъ каждаго молитвеннаго тѣлодвиженія мусульманина! Вѣдь на эту молитву можно смотрѣть, какъ на картину, ее можно созерцать—и только. А когда мужикъ молится, то, глядя на него, невольно начинаешь думать, о чемъ онъ молится,—и вотъ *картина* дрогнула, чѣмъ-то осложнилась, а это породило раздраженіе, и уже кажется, что мужикъ только потому и молится искренно и горячо, что передъ нимъ—корыстная цѣль...

Только тѣмъ, что единственно-органической стихіей въ творчествѣ Бунина является стихія зрительныхъ впечатлѣній, можно объяснить эту рѣзкую перемѣну отношеній Бунина къ мужику отъ сочувственно-ласковаго къ страстно-осудительному: и то и другое—разсудочнаго происхожденія. Впечатлѣнія органическаго характера подобныхъ эволюцій не претерпѣваютъ. Ни эволюція Достоевскаго отъ фурьеризма къ православію, ни эволюція Толстого отъ церковнаго православія и аристократизма къ борьбѣ съ православіемъ и опрощенію не поколебали ихъ стихійной любви или стихійной ненависти къ тому или иному порядку явленій. Въ самомъ главномъ и существенномъ Достоевскій

„Бѣдныхъ людей“ и „Братьевъ Карамазовыхъ“, Толстой „Дѣтства“, „Севастопольскихъ разсказовъ“ и „Воскресенія“, „Хаджи-Мурата“—не измѣнились, а лишь окрѣпли, ибо душа у писателя не мѣняется, мѣняются мысли.

Міръ души человѣческой не есть органическая, завѣтная область интересовъ Бунина, онъ его никогда не любилъ и потому онъ въ главномъ для него закрытъ.

Умъ смотритъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ,
Но нѣтъ любви и жизни нѣтъ,
И дни бѣгутъ, какъ дымъ.

Субъективно честный и усердный наблюдатель, съ мѣткимъ глазомъ, съ неподкупно строгимъ отношеніемъ къ слову, къ художественной работѣ—къ ея точности и законченности,—онъ внѣшне точно и согласно съ тѣмъ, какъ *онъ* видѣлъ, описалъ для насъ рядъ фактовъ и явленій русской жизни. Но онъ выдалъ это за русскую жизнь. А между тѣмъ въ ней, быть можетъ, есть все, что описано у Бунина, но у него нѣтъ того, главнѣйшаго, что есть въ ней и чего онъ не видитъ... „На все смотрю, какъ мертвый,—жаловался Толстой въ письмѣ къ женѣ на свое болѣзненное состояніе—...вижу, что есть; понимаю, соображаю, но не вижу насквозь, съ любовью, какъ прежде“.

И когда, прочитавъ эти удивительныя слова, я встрѣчаю у Бунина, напримѣръ, такое изображеніе повѣшенной собаки: „Черно-лиловый языкъ ея высунулся, обнажились въ гримасѣ коралловыя десна, дневной свѣтъ, отраженный въ потухающихъ глазахъ виноградного цвѣта, сталъ тускнѣть“,—и когда я вспоминаю при этомъ, что въ такомъ же тонѣ и часто съ примѣсью брезгливости Бунинъ изображаетъ страдающихъ людей, то я ясно чувствую, что слова Толстого относятся къ нему, Бунину, къ его характеру воспріятія и изученія міра человѣческой души.

И потому читатель Бунина, пріемля съ нѣкоторымъ отборомъ его факты и описанія, бываетъ принужденъ съ особенной осторожностью отнестись къ его выводамъ и обобщеніямъ и часто долженъ продѣлать съ фактами его то, что необходимо по Толстому: пересмотрѣть ихъ самостоятельно, но „насквозь, съ любовью“.

А. Дерманъ.

Рабочая смута и вздорожаніе жизни.

Письмо изъ Америки.

Народныя массы сѣверо-американскаго союза переживаютъ эпоху сильнѣйшаго возбужденія. Страна заражена безпокойствомъ и недовольствомъ. Свойственное Америкѣ спокойное, закономѣрное теченіе дѣлъ постоянно прерывается лихорадочными вспышками разнаго рода. Старыя политическія партіи находятся въ состояніи совершеннаго разложенія—произошла и все еще продолжается самая существенная перетасовка въ ихъ личномъ составѣ, партійная дисциплина ослаблена, и на послѣднихъ выборахъ до $2^1/_2$ милліоновъ избирателей воздержались отъ подачи голоса. Та реформаторская политическая работа, которой всецѣло занято настоящее федеральное правительство, съ одной стороны, встрѣтила упорное сопротивленіе всѣхъ денежныхъ, промышленныхъ и торговыхъ элементовъ, съ другой—представляется слишкомъ шаблонной, трафаретной, если можно такъ выразиться, элементамъ радикально-прогрессивнымъ—они не удовлетворены ею, полагая, что положеніе дѣлъ требуетъ не старыхъ лѣкарствъ, а новыхъ мѣръ, такъ какъ дѣйствительныя потребности времени не удовлетворяются. Въ дѣловыхъ сферахъ пошатнулась увѣренность въ прочности положенія, ощущается озабоченность, недовѣріе и къ настоящему, и, въ особенности, къ непосредственному будущему. Капиталъ зажатъ; кредитъ стѣсненъ и суженъ, и частныя лица, и, въ особенности, банки, постоянно увеличиваютъ запасы своей наличности, извлекая деньги изъ обращенія и стѣсняя промышленность и торговлю. И денежная биржа, знаменитый нью-іоркскій Wall street, и хлѣбная, и хлопковая, и всѣ другія находятся въ угнетенномъ состояніи—за прошлый годъ бумажныя цѣнности упали въ цѣнѣ на нѣсколько милліардовъ долларовъ и все еще идутъ внизъ. Спекуляція совершенно замерла. Въ рабочихъ сферахъ царитъ непримиримый расколъ, идетъ свирѣпая борьба—рабочіе союзы, съ твердо установленными традиціями и тактикой, насчитывающіе свыше двухъ мил-

ліоновъ членовъ, воюютъ въ послѣднее время на два фронта—и съ капиталомъ, и съ обособившимися въ ихъ собственной средѣ радикальными элементами, отвергающими эволюціонные методы и требующими „прямого воздѣйствія", то-есть ни передъ чѣмъ не останавливающагося и безпрерывнаго насилія. Французскій синдикализмъ выродился здѣсь въ организацію „Индустріальныхъ работниковъ міра"—Industrial Workers of the World. Въ сущности неправильно называть организаціей теченіе безформенное, не имѣющее ни центральнаго, ни какихъ-либо районныхъ органовъ, основанныхъ на представительствѣ,—это просто разбросанныя по разнымъ мѣстностямъ, постоянно передвигающіяся небольшія кучки архи-радикально настроенныхъ людей, не поддерживающія какой-либо правильной связи между собою, не имѣющія ни общей программы, ни опредѣленной тактики, но объединенныя лишь общей цѣлью—кристаллизовать своимъ присутствіемъ и агитаціей недовольство рабочихъ массъ и превращать его въ открытое волненіе и смуту, обыкновенно посредствомъ стачки или активнаго сопротивленія властямъ. Найдя подходящую почву, I. W. W. не нуждаются въ какомъ-либо обоснованномъ предлогѣ къ смутѣ и ничѣмъ не ограничены въ выборѣ путей и методовъ. За послѣднюю четверть вѣка радикальный соціализмъ, жаждущій и требующій революціоннаго переворота, пытается и въ Европѣ и въ Америкѣ овладѣть союзнымъ трудомъ, такъ называемымъ тредъ-юніонизмомъ. И современные американскіе I. W. W. добиваются того же, хотя здѣсь они дѣйствуютъ гораздо осторожнѣе, и всѣ публичныя заявленія ихъ лидеровъ отрицаютъ стремленіе воздѣйствовать и на организованный уже трудъ: они якобы ограничиваются привлеченіемъ къ своему знамени только труда еще не организованнаго, главнымъ образомъ чернорабочихъ всѣхъ отраслей и эмигрантовъ,—словомъ, той части рабочихъ массъ, которая по своей разбросанности, невѣжественности и кочевому образу жизни трудно поддается какой-либо организаціи и потому стоитъ внѣ вліяній тредъ-юніонизма. Въ началѣ дѣятельности I. W. W. американская федерація труда, объединяющая почти весь организованный промышленный трудъ сѣверо-американскаго союза, была склонна вѣрить этимъ заявленіямъ, но дѣйствительность очень скоро доказала и совершенную невозможность такого дѣленія, и тотъ фактъ, что на практикѣ I. W. W. основываютъ всю свою работу именно на радикальныхъ элементахъ уже организованнаго труда, игнорируя неорганизованныхъ чернорабочихъ и пользуясь ими только нарѣдка, при почему-либо благопріятныхъ случайныхъ обстоятельствахъ. Ярко обрисовалась коренная разница въ цѣляхъ: тогда какъ тредъ-юніонизмъ развился и достигъ огромныхъ успѣховъ, держась исключительно экономической почвы, I. W. W. не придавали никакого значенія реальнымъ экономическимъ интересамъ рабочихъ, а преслѣдовали чисто политиче-

скія цѣли—имъ важно и нужно возбужденіе недовольства для разрушенія существующаго строя, а не созиданіе экономическаго благополучія рабочихъ массъ [1]). Трэдъ-юніонизму сталъ грозить очевидный непримиримый расколъ, передъ нимъ встала альтернатива: или мирная эволюція, которая уже доставила ему такъ много, или насильственная революція, съ ея рискомъ и опасностями всякаго насильственнаго столкновенія. Завязалась борьба, скрытая, но свирѣпая, борьба за существованіе. I. W. W. успѣли однако прочно внѣдриться въ нѣсколько крупныхъ старыхъ ремесленныхъ союзовъ. Самымъ характернымъ примѣромъ является дѣло интернаціональнаго союза стальныхъ рабочихъ по сборкѣ мостовъ и зданій стале-скелетной конструкціи. И наниматели и рабочіе въ этой отрасли были превосходно организованы, когда, лѣтъ семь тому назадъ, между ними завязалась смертельная борьба, не на экономической почвѣ, а за признаніе союза, и этотъ послѣдній прибѣгъ къ тактикѣ организованнаго насилія. Одинъ за другимъ послѣдовали въ разныхъ мѣстахъ союза съ лишкомъ сто динамитныхъ взрывовъ мостовъ и построекъ, унесшихъ до ста человѣческихъ жертвъ и разрушившихъ имущество на многіе милліоны долларовъ. Взрывъ въ апрѣлѣ 1910 г. зданія газеты *The Times* въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ, причемъ были убиты 21 рабочій и уничтожено имущество на милліонъ, вызвалъ энергичное разслѣдованіе и федеральной, и штатной властей, виновники были схвачены, и на судѣ были вынуждены сознаться. Это были братья Макъ Намара, одинъ—секретарь и казначей союза стальныхъ рабочихъ, другой—исполнитель взрывовъ на мѣстѣ. Ихъ сознаніе вызвало арестъ и осужденіе 33 другихъ членовъ того же союза, въ томъ числѣ его президента, исполнительнаго совѣта и другихъ чиновъ. Въ исторіи борьбы капитала съ трудомъ въ сѣверо-американскомъ союзѣ еще не было дѣлъ, подобныхъ этимъ, какъ по изощренности и жестокости пущенныхъ въ ходъ методовъ, такъ и по доказанности тщательно и широко организованнаго террора. Съ одной стороны, эти процессы подѣйствовали крайне отрезвляюще на всѣ умѣренные элементы союзнаго труда, съ другой—вызвали ярость и усиленную энергію въ крайнихъ анархистско-соціалистическихъ сферахъ. За послѣдніе 3 года I. W. W., начавъ съ тихо-океанскаго побережья союза и Канады, вызвали многіе десятки крупныхъ кровавыхъ стачекъ, всюду сопровождавшихся вмѣшательствомъ войскъ и всюду окончившихся абсолютными неудачами, съ огромными убытками и для нанимателей, и для рабочихъ. Одно за другимъ были парализованы лѣсопильное дѣло въ штатахъ Орегонѣ и Вашингтонѣ, желѣзнодорожно-строительное въ Британской Колумбіи и смежныхъ съ нею провинціяхъ Канады, текстиль-

---

[1]) Нѣчто аналогичное переживаетъ теперь Великобританія, гдѣ трэдъ-юніонизмъ борется съ анархистскимъ радикализмомъ Ларкина и его дублинскихъ послѣдователей.

ное въ штатѣ Массачузетсѣ, шелковое въ Нью-Джерсей. Въ мѣдныхъ рудникахъ штата Мичигана, въ каменно-угольныхъ копяхъ штата Колорадо дѣло тоже до кровавой борьбы между рабочими и стачечниками. Всюду убитые и раненые, всюду саботажъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ самовольный разрывъ срочныхъ контрактовъ между нанимателями и союзами. Стачки объявляются внезапно, безъ предварительныхъ попытокъ къ соглашенію,—требованія мѣняются, предъявляются вызывающимъ образомъ, и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они принимались нанимателями, немедленно объявлялась новая стачка, съ новыми требованіями. Вожаки I. W. W. много разъ заявляли публично, что выигранная стачка должна быть только преддверіемъ къ немедленному объявленію слѣдующей, другими словами, что имъ нуженъ не миръ, а непрекращающаяся война. Наниматель, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни относился къ труду, есть врагъ, и какой-либо компромиссъ съ нимъ, даже при абсолютной уступкѣ съ его стороны, недопустимъ. Разбитые въ одномъ мѣстѣ, вожаки I. W. W. немедленно перебираются въ другое, оставляя потерявшихъ работу стачечниковъ на произволъ судьбы и нищенства. Было нѣсколько случаевъ, когда озлобленное населеніе жившихъ парализованнымъ производствомъ городовъ насильственно изгоняло этихъ кочующихъ вожаковъ изъ своихъ предѣловъ. Судебныя разбирательства, являющіяся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такихъ стачекъ, всюду устанавливаютъ, что ихъ вдохновителями являются не мѣстные рабочіе, а чуждые, пришлые люди, безъ опредѣленнаго мѣстожительства и средствъ къ жизни, живущіе не работой, а сборами въ разныхъ формахъ съ тѣхъ же рабочихъ. Въ странѣ завелся профессіональный агитаторскій контингентъ, уже довольно многочисленный, энергичный, изощренный и ни передъ чѣмъ не останавливающійся. Ему терять нечего, тогда какъ причиняемые имъ убытки прямо неисчислимы: нѣкоторыя изъ этихъ стачекъ тянутся многіе мѣсяцы и въ корень разоряютъ все населеніе обширныхъ округовъ.

Какъ ни очевидно безрезультатна была до сихъ поръ вся эта болѣе или менѣе искусственная смута, она тѣмъ не менѣе привлекаетъ къ себѣ острое вниманіе общественнаго мнѣнія вообще и рабочихъ массъ въ особенности и поддерживаетъ и развиваетъ въ послѣднихъ особенныя нервность и напряженіе. Эта нервность скалывается постоянно, и если трэдъ-юніонизмъ и борется съ вліяніями I. W. W., онъ тѣмъ не менѣе самъ настолько обострилъ свои обычныя отношенія съ нанимателями, что прошлый конгрессъ вынужденъ былъ очень спѣшно принять актъ Ордмана, обязывающій профессіональные рабочіе союзы къ извѣстной процедурѣ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя обслуживаютъ публичныя нужды, какъ, напр., желѣзныя дороги, водоснабженіе и освѣщеніе городовъ и т. д. Англійскій опытъ послѣдняго времени напугалъ американское

законодательство, и оно пытается оградить страну отъ такихъ разорительныхъ неожиданностей, какъ, напр., всеобщая желѣзнодорожная стачка. При настоящемъ настроеніи народныхъ массъ все возможно, хотя трэдъ-юніонизмъ по мѣрѣ своего роста и проявляетъ поразительныя благоразуміе и сдержанность и, избѣгая стачекъ и насилія, охотно подчиняетъ свои требованія арбитраціи безпристрастныхъ трибуналовъ. Онъ нервенъ и безпокоенъ, но все еще предпочитаетъ мирное разрѣшеніе своихъ конфликтовъ съ капиталомъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ дыма безъ огня, и I. W. W. не могли бы съ такой сравнительной легкостью манипулировать многотысячными массами, если бъ эти массы не были сами по себѣ соотвѣтственно настроены. Очевидно, что что-то гдѣ-то неладно, если безотвѣтственные пришлецы съ такимъ легкимъ, откровенно анархическимъ, принципіальнымъ багажомъ и съ такимъ безнадежно безуспѣшнымъ прошлымъ, какъ I. W. W., всетаки способны въ самое короткое время вызывать разстраивающія на долгое время всю мѣстную жизнь кровавыя потрясенія. И федеральная, и штатныя власти, и печать, и соціологическіе и политико-экономическіе авторитеты страны ставятъ разные діагнозы и пытаются дать посильное объясненіе. За послѣднее время были сдѣланы многія анкеты, произведены многія детальныя, добросовѣстно обставленныя изслѣдованія дѣйствительности. Отвѣты всюду одинаковы — не подлежитъ сомнѣнію, что подешевѣли деньги и что вздорожали трудъ и всѣ жизненныя необходимости. Вопросъ о подешевѣніи денегъ крайне сложенъ. Многіе наши авторитеты, какъ научные, такъ и изъ денежныхъ практическихъ сферъ, склонны думать, что наступила эпоха перепроизводства золота. Металла добывается такъ много, и съ каждымъ годомъ все больше и больше, что онъ уже не поглощается существующими міровыми въ немъ потребностями, и неподвижный запасъ наличной монеты сдѣлался такъ громаденъ, что требуемый имъ процентъ автоматически давитъ на цѣнность металла. Золото, какъ и все остальное на земномъ шарѣ, подлежитъ закону спроса и предложенія, и возможно, что наступаетъ время, когда оно, что уже случилось съ серебромъ, перестанетъ соотвѣтствовать основному требованію, предъявляемому всякимъ денежнымъ знакамъ,—извѣстной устойчивости. Но хотя и вѣроятно, что перепроизводство золота имѣетъ весьма существенное отношеніе ко многимъ экономическимъ проблемамъ нашего времени, народныя массы ищутъ разгадки гораздо ближе, въ явленіяхъ знакомой имъ повседневной жизни, и общественная мысль усиленно работаетъ въ разныхъ направленіяхъ. Всѣ безъ исключенія многочисленныя арбитраціи послѣдняго времени въ конфликтахъ труда съ капиталомъ изъ-за заработной платы сводятся къ опредѣленію вопроса: соотвѣтствуетъ ли настоящая стоимость жизни этой платѣ, и достаточно ли пропорціонально шло ихъ обоюдное вздорожа-

ніе? Эти арбитраціи всегда публичны, обыкновенно обставлены чрезвычайно обстоятельно, давая во всеобщее свѣдѣніе драгоцѣнныя данныя. Вздорожаніе жизненныхъ потребностей—вотъ главная причина современнаго недовольства и безпокойства массъ. Долларъ утратилъ ту покупательную силу, которая ему принадлежала еще недавно. Общность этого объясненія вынудила и нашъ федеральный департаментъ труда—нынѣ особое министерство—сдѣлать детальное изслѣдованіе о ростѣ стоимости главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей и о движеніи заработной платы за послѣднюю четверть вѣка. Вотъ уже съ годъ, какъ это изслѣдованіе публикуется въ отдѣльныхъ серіяхъ спеціальныхъ бюллетеней по обоимъ вопросамъ. На мой взглядъ, оно дастъ прямые и положительные отвѣты по каждому изъ этихъ двухъ вопросовъ, предоставляя читателю рѣшать, что является причиной, что—слѣдствіемъ. Это изслѣдованіе министерства труда заполнило свыше двухъ десятковъ отдѣльныхъ бюллетеней, причемъ основными для цѣнъ служатъ—выпущенный въ апрѣлѣ 1913 г. подъ заглавіемъ: *Bureau of labor statistics, Bulletin № 114, Wholesale Prices, 1890 to 1912*, а для заработной платы—выпущенный въ августѣ 1913 г. подъ заглавіемъ: *Bureau of labor statistics, Bulletin № 131, Union scale of wages and hours of labor*. Данныя этихъ бюллетеней такъ важны и характерны для опредѣленія экономическаго положенія всей страны, что я приведу изъ нихъ нѣкоторыя извлеченія.

Изслѣдованіе оптовыхъ цѣнъ кладетъ въ основу цѣны 255 разныхъ продуктовъ, объединенныхъ въ 9 группъ и представляющихъ собою все, что относится къ обычнымъ жизненнымъ потребностямъ. Оно принимаетъ средній уровень цѣнъ за десятилѣтіе 1890—1899 гг., какъ 100%, и опредѣляетъ minimum за этотъ срокъ въ 1897 г., когда показатель цѣнъ составлялъ 89,7%. Этотъ годъ былъ кульминаціоннымъ пунктомъ очень тяжелаго промышленнаго и денежнаго кризиса, когда наличныя деньги были особенно дороги, и онъ же послужилъ началомъ непрекращавшагося съ тѣхъ поръ вздорожанія жизненныхъ потребностей. Главныя цифры таковы:

Годы.	Средняя цѣна всѣхъ продуктовъ (въ % къ средней за 1890—1899 гг.).	Ихъ вздорожаніе въ 1912 г. (въ % сравнительно съ даннымъ годомъ).
1897	89,7	48,9
1898	93,4	43,0
1899	101,7	31,4
1900	110,5	20,9
1901	108,5	23,1
1902	112,9	18,3
1903	113,6	17,6
1904	113,0	18,2
1905	115,9	15,3

1906	122,5	9,1
1907	129,5	3,2
1908	122,8	8,8
1909	126,5	5,6
1910	131,6	1,5
1911	129,2	3,4
1912 [1])	133,6	—

Изъ таблицъ съ подраздѣленіями на группы (пища, одежда, отопленіе и освѣщеніе, желѣзныя издѣлія, строительные матеріалы и т. д.) видно, что не всѣ товары поднялись равномѣрно, сырые продукты поднялись гораздо больше, чѣмъ мануфактурные. Всего больше повысились въ цѣнѣ продукты земледѣлія и скотоводства.

Изслѣдованіе о заработной платѣ распадается на 2 періода: съ 1890 по 1907 гг. и съ 1907 по 1912 гг. включительно. Изслѣдованы 40 различныхъ отраслей на основаніи показаній ихъ союзовъ, которые, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, вступаютъ въ соглашеніе съ нанимателями на предстоящій годъ и публикуютъ установленныя такимъ образомъ цѣны, т.-е. платы за недѣлю и за часъ работы, а также установленное число рабочихъ часовъ въ недѣлю. Въ сводныхъ таблицахъ для перваго періода за 100% принимаются среднія цифры за десятилѣтіе 1890—1899 гг., для второго періода за 100% приняты цифры 1907 г. Ниже приводится нѣсколько цифръ, относящихся къ разнымъ отраслямъ, причемъ число часовъ въ недѣлю обозначено въ графѣ А, а плата за часъ работы—въ графѣ Б.

Годы.	Каменщики.		Плотники.		Сталерабочіе.		Кузнецы.	
	А.	Б.	А.	Б.	А.	Б.	А.	Б.
	Въ процентахъ къ среднимъ за 1890—1899 гг.							
1897	99,1	99,4	99,0	100,0	97,0	104,1	99,8	98,6
1898	97,9	98,7	98,5	101,4	97,8	105,3	100,2	98,0
1899	95,5	104,8	97,4	103,2	100,5	108,8	99,8	99,9
1900	95,6	106,5	94,5	110,8	98,0	120,4	99,6	101,7
1901	94,3	112,0	92,5	115,9	96,7	138,4	97,8	104,4
1902	93,6	118,0	90,6	123,7	91,6	155,9	96,8	107,7
1903	92,7	124,7	90,2	130,6	92,2	159,8	95,7	111,8
1904	92,1	127,3	89,9	129,9	90,6	171,4	95,5	110,2
1905	92,0	132,1	90,1	133,6	90,1	171,8	98,0	111,7
1906	91,9	138,6	89,7	141,6	90,9	180,4	98,1	114,7
1907	91,8	140,9	88,9	151,9	91,3	190,3	97,8	118,0

[1]) Послѣдній отчетъ британской торговой палаты, недавно опубликованный, принимая стоимость главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей въ 1900 г. за 100%, опредѣляетъ ихъ вздорожаніе въ различныхъ странахъ слѣдующей таблицей:

Страны.	1900 г.	1905 г.	1912 г.
Великобританія . . .	100	103	115
Франція	100	97	117
Германія	100	114	128
С.-америк. союзъ . .	100	113	139
Италія	100	99	118

Данныя для второго періода, 1907—1912 гг.

Годы.	Пекари.		Каменщики.		Плотники.		Котельщики.	
	А.	Б.	А.	Б.	А.	Б.	А.	Б.
	Въ процентахъ къ цифрамъ 1907 г.							
1908	98,8	106,6	100,0	100,7	99,9	101,2	99,7	101,3
1909	98,7	111,5	99,8	102,3	99,8	102,8	99,2	102,6
1910	97,6	119,4	98,2	103,9	99,3	106,7	99,1	107,7
1911	96,9	127,7	97,9	104,0	98,8	108,6	98,5	114,5
1912	89,9	140,7	97,9	105,5	98,8	111,1	98,4	115,6

По только что вышедшему 24-годовому отчету федеральной желѣзнодорожной комиссіи за 1911 годъ, въ союзѣ за этотъ годъ было 1.699,420 желѣзнодорожныхъ служащихъ всякаго рода, получившихъ 1.208.466,470 долларовъ заработной платы. Ростъ этой платы за рабочій день за послѣднее десятилѣтіе показанъ въ слѣдующей таблицѣ:

	1901 г.	1911 г.
Машинисты	3,78 долл.	4,71 долл.
Кочегары	2,16 „	2,88 „
Кондукторы . . .	3,17 „	4,03 „
Тормозные	2,00 „	2,94 „

Эта таблица даетъ однако только частичное представленіе о дѣйствительномъ ростѣ заработной платы американскихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, такъ какъ за тотъ же періодъ рабочій день сократился на 30—40%, и сверхурочная плата, которая вездѣ на 50% выше урочной, сдѣлалась обычнымъ явленіемъ, и въ общей сложности средняя плата этихъ служащихъ за рабочій часъ за послѣднее десятилѣтіе почти удвоилась.

Особенно поднялась заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ. Если цѣна на свѣжія яйца поднялась за послѣднее десятилѣтіе съ 25 центовъ за десятокъ до 60 и даже 70 и столоваго масла съ 30 центовъ за фунтъ до 50, то заработная плата за пару лошадей и рабочаго за десятичасовой рабочій день въ три доллара десять лѣтъ тому назадъ поднялась до пяти за восьмичасовой, и поденная плата чернорабочаго съ полутора доллара за десятичасовой день до двухъ съ четвертью долларовъ за девятичасовой.

Тогда какъ стоимость жизненныхъ потребностей поднялась одинаково для всего населенія, заработная плата, какъ видно и изъ вышеизложеннаго, поднялась очень неравномѣрно—нѣкоторыя профессіи успѣли удвоить ее, въ другихъ она поднялась всего на 25—30%. Эта неравномѣрность, несомнѣнно, играетъ большую роль въ степени недовольства въ разныхъ мѣстностяхъ и разныхъ кругахъ населенія. Хотя на различія въ заработной платѣ воздѣйствуютъ и нѣкоторыя другія причины, главной при-

чиной, несомнѣнно, являются тактика и методы рабочихъ организацій. Большинство американскихъ рабочихъ союзовъ и ихъ районныхъ, штатныхъ и національныхъ учрежденій давно успѣло обставиться прочно и цѣлесообразно. Они обладаютъ значительными запасными капиталами, поддерживаютъ цвѣтущія благотворительныя и страховыя учрежденія, выработали опредѣленную устойчивую тактику въ своихъ сношеніяхъ и соглашеніяхъ съ нанимателями и пользуются большимъ престижемъ въ нашихъ народныхъ массахъ. Они выдвинули многочисленную плеяду вліятельныхъ вожаковъ, къ голосу которыхъ внимательно прислушиваются и федеральная, и штатныя власти, и просвѣщенное общественное мнѣніе, и научныя силы, и авторитеты страны. Повышеніе заработной платы и улучшеніе другихъ рабочихъ условій стоятъ въ прямой зависимости отъ мудрости и твердости выборныхъ чиновъ этихъ союзовъ. Далеко позади оказываются тѣ союзы, которые время отъ времени поддаются постороннимъ вліяніямъ и пускаются, какъ французскіе синдикалисты или американскіе I. W. W., въ политическія экскурсіи, не имѣющія ничего общаго съ ихъ дѣйствительнымъ назначеніемъ и всегда основанныя на насиліи въ той или другой формѣ. Тотъ громадный печатный матеріалъ, который представляетъ собою американская рабочая литература, распадается на двѣ части—на изслѣдованія и доклады бюро труда, федеральнаго въ Вашингтонѣ и штатныхъ во всѣхъ почти штатахъ, и на изслѣдованія и отчеты самихъ профессіональныхъ союзовъ и ихъ объединительныхъ организацій. Я весьма тщательно собираю этотъ матеріалъ вотъ уже больше четверти вѣка, составилъ огромную библіотеку по нашему рабочему вопросу, и его изученіе привело меня къ нѣкоторымъ непоколебимымъ, на мой взглядъ, выводамъ. Главный изъ нихъ только что изложенъ выше. Всѣ трезвые и устойчиво управляемые профессіональные союзы—около 80% всего союзнаго труда въ Америкѣ—справились и справляются съ вздорожаніемъ жизненныхъ потребностей весьма успѣшно—заработная плата повышается своевременно и соотвѣтственно, и во многихъ случаяхъ ея ростъ прогрессируетъ даже быстрѣе вздорожанія. Однако исторія трэдъ-юніонизма показываетъ, что, тогда какъ въ однихъ производствахъ со времени его появленія на свѣтъ не было ни одного остраго столкновенія нанимателей съ рабочими, въ другихъ они не прекращаются, а нѣкоторыя особенно имъ подвержены. То же явленіе замѣчается и относительно разныхъ районовъ и отдѣльныхъ городовъ. Тогда какъ одни были всегда болѣе или менѣе свободны отъ острыхъ рабочихъ волненій, въ другихъ они являются хроническимъ зломъ. И въ числѣ причинъ, отъ которыхъ зависятъ процвѣтаніе и упадокъ и производствъ и мѣстностей, главной, на мой взглядъ, является именно то, въ какихъ отношеніяхъ состоятъ въ нихъ капиталъ и трудъ. Характеристика нанимателя, конечно, не можетъ зависѣть

отъ производства, и тактика профессіональнаго рабочаго союза, дѣйствительно, всегда являются опредѣляющей силой, дающей объясненіе состоянія даннаго производства.

Насиліе или соглашеніе?—вотъ альфа и омега человѣческой натуры съ тѣхъ поръ, какъ началась исторія человѣческаго рода. Само собою разумѣется, что я вполнѣ сознаю абсолютную невозможность какого-либо общаго рѣшенія этого основного противорѣчія; отвѣтъ могутъ дать только индивидуальные темпераментъ и настроенія. Но для меня не подлежитъ сомнѣнію, что здоровая эволюція трэдъ-юніонизма даетъ рабочимъ массамъ осязательную и весьма существенную синицу въ руки, тогда какъ и анархизмъ I. W. W., и соціалъ-демократія только сулятъ имъ журавля въ небѣ. Покойный Бебель, еще четверть вѣка тому назадъ предсказавшій катаклизмъ всего политико-экономическаго строя нашей планеты въ 1896 году, десять лѣтъ послѣ этого срока, на соціалъ-демократическомъ конгрессѣ въ Мангеймѣ, долженъ былъ воскликнуть, что силы этого строя растутъ сообразно росту силъ пролетаріата. Не думаю, чтобъ соотношеніе измѣнилось и въ настоящій моментъ.

П. А. Тверской.

Замѣтки о народномъ пьянствѣ [1]).

Изъ наблюденій провинціала.

Предлагаемыя замѣтки имѣютъ задачей, на основаніи близкаго знакомства съ явленіями народной жизни, освѣтить нѣкоторые отдѣльные практическіе вопросы, входящіе въ общую большую проблему „народнаго пьянства". Авторъ отправляется отъ якобы практическихъ предложеній, высказывавшихся при обсужденіи этой проблемы.

Прежде всего коснемся популярной идеи возможно большаго расширенія права сельскихъ обществъ закрывать у себя казенныя винныя лавки.

Когда кому-нибудь приходится читать въ газетахъ, что такая-то деревня постановила закрыть у себя винную лавку, то эти факты обыкновенно объясняются исключительно стремленіемъ народа къ трезвой жизни и сознаніемъ великаго вреда пьянства. Въ воображеніи читателя рисуется трогательная идиллическая картинка: мужички, въ числѣ ихъ и убѣленные сѣдинами старцы, убѣдившись въ пагубности пьянства, собираются на сходъ и здѣсь торжественно и единодушно постановляютъ свой приговоръ!

Подобныя картины однако совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Конечно, сознаніе вреда пьянства играетъ нѣкоторую роль въ тѣхъ явленіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, причемъ этотъ вредъ крестьяне видятъ больше въ экономическихъ послѣдствіяхъ пьянаго образа жизни; но одного этого слишкомъ мало для того, чтобы побудить крестьянъ закрыть казенку. Вино имѣетъ слишкомъ большое значеніе для крестьянина, и перестать пить онъ не можетъ. Изгнаніе казенки нико-

---

[1]) Эти замѣтки принадлежатъ лицу, въ теченіе многихъ лѣтъ имѣющему непосредственное касательство къ тѣмъ явленіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Быть можетъ, авторъ слишкомъ пессимистически смотритъ на дѣло, но во всякомъ случаѣ его замѣтки интересно освѣщаютъ сложный вопросъ.

Ред.

гда не ведетъ за собою отказа отъ потребленія вина, въ лучшемъ случаѣ пьянство лишь нѣсколько сокращается, такъ какъ становится не такъ близко и удобно доставать вино.

Главной причиной нежеланія имѣть у себя казенку является то безпокойство, которое она причиняетъ, особенно, когда она расположена въ центрѣ деревни и на проѣзжей дорогѣ. Конечно, и у казенки есть свои защитники, кромѣ пьяницъ: это прежде всего домохозяинъ, сдающій свое помѣщеніе подъ казенку, а затѣмъ мѣстные лавочники, которымъ казенка привлекаетъ лишнихъ покупателей, создаетъ „прибойное" мѣсто. Люди пріѣзжаютъ покупать вино, а заодно покупаютъ и разный товаръ у мѣстнаго торговца. Если эти торговцы сами арендуютъ свои помѣщенія, то повышается аренда, а стало быть, выигрываютъ и домохозяева частныхъ лавокъ. Да и вообще аренда на всякаго рода дома возрастаетъ тамъ, гдѣ есть винная лавка: и подъ школу, и подъ больницу и т. п.

Но рядомъ съ людьми, которые получаютъ извѣстную выгоду отъ нахожденія казенки, въ той же деревнѣ имѣется масса лицъ, которыя никакой выгоды не получаютъ, а между тѣмъ терпятъ не малое безпокойство. Въ самомъ дѣлѣ, казенка всегда привлекаетъ въ деревню массу разнаго рода нежелательныхъ лицъ: бродягъ, нищихъ, странниковъ, жуликовъ, а то и просто пьяницъ и дебошировъ, изъ всѣхъ окрестныхъ деревень. Весь этотъ людъ шатается по деревнѣ, пьянствуетъ, оретъ пѣсни, ругается, дерется, раскуриваетъ цыгарки, неосторожно обращаясь съ огнемъ. Какая радость терпѣть все это, разъ не получаешь отъ казенки никакой прибыли? Было бы за что терпѣть! И вотъ въ деревнѣ образуется теченіе противъ казенки. Конечно, если деревня очень привержена вину, да если еще домохозяинъ казенки мѣстное вліятельное лицо—богатей, кулакъ, съ которымъ опасно ссориться, то теченіе противъ казенки не можетъ усилиться. Но если домохозяинъ—обыкновенный рядовой крестьянинъ, то деревня сейчасъ же начинаетъ требовать съ него отступного.

И вотъ тутъ-то огромное значеніе получаетъ отношеніе властей къ приговорамъ о закрытіи казенокъ.

Пока подобные приговоры утверждаются туго, деревня молчитъ и не волнуется. Но стоитъ только упростить и облегчить закрытіе казенокъ по приговорамъ, такъ сразу въ массѣ деревень поднимается движеніе. Въ чемъ же оно заключается? Да прежде всего въ требованіяхъ приличной компенсаціи за безпокойство. Начинается настоящая торговля съ домохозяиномъ.

— „Дай обществу хоть четвертной билетъ, а не то вотъ ужо составимъ приговоръ, чтобы не было казенки!" приступаютъ мужички. И вотъ, въ зависимости отъ степени серьезности угрозы и отъ разныхъ

мѣстныхъ условій, дѣло принимаетъ тотъ или иной оборотъ. Обыкновенно деревня мирится на извѣстной цифрѣ. Но иногда домохозяинъ казенки оказывается несговорчивымъ, страсти разгораются, въ концѣ-концовъ составляется приговоръ, который и идетъ по инстанціямъ на утвержденіе. Очень часто бываетъ такъ: приговоръ утвержденъ, казенку надо закрыть. И тутъ только домохозяинъ соглашается уплатить требуемую сумму; но уже поздно, сдѣланнаго не воротишь. Впрочемъ, бываетъ, что черезъ нѣкоторое время деревня составляетъ другой приговоръ, соглашается допустить казенку, и она иногда водворяется на старое мѣсто, конечно, если акцизное вѣдомство не успѣло тѣмъ временемъ найти для казенки другого, лучшаго мѣста.

Приведу два-три извѣстныхъ мнѣ случая.

Въ одномъ большомъ селѣ, гдѣ находилось волостное правленіе, поднялась агитація противъ мѣстной казенки. Инициаторомъ явился волостной старшина. Отчасти онъ враждовалъ съ домохозяиномъ казенки, а также съ мѣстными торговцами и желалъ имъ насолить, но въ то же время имъ руководили мотивы и общественнаго характера: человѣкъ онъ былъ строгій, не терпѣлъ пьянаго безобразія; притомъ онъ находилъ, что близость казенки отъ волостного правленія вредитъ поступленію разныхъ денежныхъ сборовъ: „принесетъ крестьянинъ деньги въ волость—подати платить, онъ замѣсто того завернетъ въ казенку, да тамъ ихъ и пропьетъ!“

Вотъ онъ и началъ агитировать. Лавочники, которымъ казенка была выгодна, въ данномъ случаѣ отнеслись къ этой агитаціи легкомысленно, предполагая, что все равно изъ этого ничего не выйдетъ и начальство казенки не закроетъ. Но они ошиблись въ своемъ расчетѣ. Старшина подбилъ значительную часть жителей составить приговоръ о закрытіи казенки. Хотя этотъ приговоръ прошелъ и незначительнымъ большинствомъ голосовъ, были и подставныя лица, такъ что въ сущности его можно было бы и оспаривать, но своевременно объ этомъ не позаботились; а приговоръ былъ составленъ очень жалостно: тамъ говорилось и о разореніи всего села отъ пьянства, и рисовалась картина уличнаго безобразія, въ то время какъ въ мѣстномъ храмѣ идетъ богослуженіе, и проч. и проч. Въ концѣ-концовъ приговоръ былъ утвержденъ, и казенка закрыта. Старшина торжествовалъ, но—недолго. Черезъ 3—4 мѣсяца на разстояніи версты отъ села (а если пройти пѣшеходной тропинкой, то и того ближе) была въ сосѣднемъ выселкѣ открыта новая казенка. Новый домохозяинъ открылъ рядомъ свою мелочную лавочку; торговля его пошла бойко—въ прямой подрывъ сельскимъ лавочникамъ. Пьянство въ селѣ нисколько не уменьшилось, наоборотъ: раньше казенка чаще бывала закрыта вслѣдствіе близости церкви и волостного правленія (по закону, если казенка находится отъ волостного правле-

нія ближе, чѣмъ на $^1/_2$ версты, то она должна быть закрыта во время волостныхъ сходовъ). Теперь же казенка стала торговать и во время сходовъ, и во время богослуженія (это было еще до дѣйствующаго нынѣ полнаго закрытія казенокъ въ воскресные дни и двунадесятые праздники).

Взвыли прежде всего сельскіе торговцы.

— „Да мы, кабы знали, что такое дѣло выйдетъ, не постояли бы за тѣмъ, чтобы общество чѣмъ ни на есть ублаготворить! Могли бы и угощеніе порядочное поставить". Мужички, подписавшіе приговоръ, тоже чесали затылки. „Нечего толковать—дали маху, сбилъ насъ старшина совершенно зря! какъ раньше было пьянство, такъ и теперь—все едино. Лучше-бъ, если-бъ знали, сорвать что-нибудь съ лавочниковъ и съ домохозяина. Все бы польза какая-нибудь была". Стали хлопотать о томъ, чтобы вновь открыть казенку, но акцизное вѣдомство рѣшило, что пусть стоитъ казенка на новомъ мѣстѣ.

Приведу еще фактъ.

Въ одной деревнѣ мужики приставали къ домохозяину, сдававшему свой домъ подъ казенку: „Полно тебѣ, Петруха, одному рендой пользоваться! давай и намъ чего-нибудь, а не то мы живымъ маперомъ составимъ приговоръ, и закроютъ твою казенку!" Петруха однако не сдавался, и приговоръ былъ составленъ. Хорошій былъ приговоръ: написано было хоть и нескладно, да здорово, можно бы и слезу умиленія пролить, читая, какъ расписывались вредныя послѣдствія пьянства. Однако черезъ нѣсколько дней представляется другой приговоръ или, вѣрнѣе, подписка, гдѣ тѣ же крестьяне обязуются впредь никакихъ препятствій не чинить противъ казенки, пока... Петруха каждый годъ будетъ жертвовать имъ... 4 р. 20 коп.! На томъ и помирились, и казенка благополучно существуетъ и по сіе время.

Когда я читалъ этотъ приговоръ, то меня больше всего удивила ничтожность отступной суммы: 4 р. 20 к. Вѣдь это всего на полведра водки съ прибавленіемъ двугривеннаго на селедки! Что дѣло въ этой деревнѣ иначе и не могло кончиться, я это зналъ и раньше, но я все-таки думалъ, что Петрухѣ придется заплатить—ну, хоть 15 руб. Впрочемъ, вѣроятно, тутъ что-нибудь еще было, кромѣ 4 р. 20 к.

Знаю еще такой случай. Въ одной деревнѣ сгорѣла казенка. Послѣ того крестьяне рѣшили не разрѣшать открытія новой. Хотя, строго говоря, такого права они не имѣютъ, но фактически, путемъ составленія или несоставленія приговора объ изгнаніи казенки, крестьяне получаютъ полную возможность не допустить у себя винной лавки. Все дѣло въ томъ, какъ администрація относится къ подобнымъ приговорамъ. А дѣло происходило въ очень недавнее время, когда акцизное вѣдомство и общая администрація стали очень внимательно относиться къ запретительнымъ приговорамъ. Пришлось искать помѣщенія для ка-

зенки въ какой-нибудь другой, сосѣдней деревнѣ. Но крестьяне всей округи были вполнѣ освѣдомлены о томъ, что открытіе и дальнѣйшее существованіе казенки зависитъ въ сущности отъ нихъ.

И вотъ, куда бы ни пріѣзжалъ акцизный чиновникъ, онъ всюду встрѣчалъ такой отвѣтъ отъ лицъ, желавшихъ сдать свои дома подъ казенку: „меньше какъ за 300—400 р. своего дома не отдамъ, потому однимъ общественникамъ придется 100 р. въ годъ уплачивать". А обычная цѣна за помѣщеніе для деревенской винной лавки 150—200 р. Въ концѣ-концовъ помѣщеніе было найдено за 300 р. въ годъ, и гдѣ же? Да въ той самой деревнѣ, гдѣ лавка была раньше и гдѣ крестьяне сначала не хотѣли ея возобновленія послѣ пожара!

Затѣмъ бывали случаи, когда домохозяева не сдавали домовъ подъ казенку даже и за повышенную плату или же требовали совсѣмъ несуразную—двойную, тройную цѣну. Они опасались полнѣйшей неопредѣленности тѣхъ платежей, которые имъ пришлось бы дѣлать своимъ односельчанамъ, опасались безмѣрнаго возрастанія этихъ платежей. Дѣло въ томъ, что платежей этихъ нельзя нормировать, нельзя закономѣрно обусловить. Въ самомъ дѣлѣ, крестьяне вѣдь не могутъ составить приговора, разрѣшающаго казенку, такъ какъ это значило бы отказаться отъ постоянно имъ принадлежащаго права составить обратный приговоръ. Поэтому, сколько бы крестьяне ни обѣщали данному лицу не закрывать его казенки, они всегда могутъ это обѣщаніе нарушить или же снова повысить первоначальную отступную сумму, и ни одинъ судъ не можетъ ихъ принудить сохранить выданное ими же раньше обязательство—не составлять приговора о закрытіи казенки. Прежде, до монополіи, было не такъ: тогда крестьяне, какъ и прочіе владѣльцы, по закону имѣли право разрѣшать на своей землѣ открытіе кабаковъ. Этимъ правомъ они торговали: за деньги они выдавали кабатчику разрѣшеніе открыть кабакъ. Такое разрѣшеніе было обязательно для крестьянъ, они не могли его отмѣнить раньше назначеннаго срока. Это было ихъ право, которое въ свою очередь и обязывало ихъ соблюдать разъ выданное согласіе на кабакъ. Въ настоящее же время дѣло обстоитъ иначе: крестьяне лишены права разрѣшать казенныя лавки на своей землѣ; они только имѣютъ право запретить, закрыть казенку, вѣрнѣе—имѣютъ право составить приговоръ о закрытіи казенки. Крестьяне могутъ согласиться не закрывать казенки въ этомъ году за такую-то сумму, но въ слѣдующемъ году они могутъ и повысить отступную сумму, могутъ постоянно тянуть съ домохозяина казенки — когда на ведро, когда на полведерка, глядя по желанію выпить. И домохозяну все время приходится быть на-чеку. Ему надо задабривать разныхъ вліятельныхъ мѣстныхъ людей: оказывать „всяческое уваженіе" кулакамъ, поить водкой пьяницъ-горлановъ и храповъ. Такимъ

образомъ отступная сумма размѣнивается по мелочамъ, по пустякамъ, расплываясь на угощеніе, на пьянство... Эти деньги рѣдко идутъ на какое-нибудь общеполезное деревенское дѣло, какъ, несомнѣнно, шли онѣ раньше до монополіи, когда отступная сумма очень часто сразу шла или на уплату податей или на какіе-нибудь мірскіе расходы.

Итакъ, что же произойдетъ, если осуществится одно изъ главныхъ пожеланій нашихъ поборниковъ трезвости—предоставить крестьянамъ полное право закрывать у себя казенки? А приведетъ это только къ одному результату: увеличится арендная плата за дома, сдаваемые подъ казенки. Увеличится общегосударственный расходъ на эту статью. А пьянство, какъ было, такъ и останется. И число казенокъ нисколько не уменьшится.

Все дѣло въ томъ, что закрытіе казенокъ вовсе не вытекаетъ изъ дѣйствительнаго стремленія къ трезвости. Движеніе это совершенно лишено идейнаго подъема, оно вообще очень слабо, настолько слабо, что какіе-нибудь 25—50 рублей могутъ заставить деревню отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія — закрыть казенку. А за высокую сумму—напр., рублей за 100,—да я смѣло ручаюсь, что во всей Россіи не найдется ни одной деревни, которая устояла бы и рѣшилась закрыть казенку, отказавшись отъ такихъ денегъ!

Въ настоящее время казна тратитъ на наемъ домовъ подъ казенныя винныя лавки около 12 милліоновъ.

Если крестьянскимъ обществамъ будетъ предоставлено неограниченное право закрывать у себя казенки, то казнѣ придется тратить на эту статью 15—20 милліоновъ!

Этого ли хотятъ лица, которыя хлопочутъ о расширеніи правъ крестьянъ на закрытіе казенокъ?

Я остановился, быть можетъ, слишкомъ долго на этомъ мѣропріятіи, потому что оно является не только совершенно безполезнымъ, но даже вреднымъ, т.-е. могущимъ повести къ совершенно излишнему увеличенію государственныхъ расходовъ.

И надо было подробнѣе освѣтить это дѣло, такъ какъ у насъ очень много лицъ, которыя смотрятъ на запретительные приговоры, какъ на главное оружіе въ борьбѣ съ пьянствомъ.

Что касается разныхъ другихъ мѣръ, предложенныхъ на томъ же анти-алкогольномъ съѣздѣ и болѣе или менѣе популярныхъ, то онѣ въ большинствѣ случаевъ хотя и безполезны, но зато по крайней мѣрѣ и вреда большого принести не могутъ.

Возьмемъ, напр., предложеніе уничтожить продажу вина въ мелкой посудѣ (въ сотокахъ и двухсоткахъ).

Объ этой мѣрѣ необходимо замѣтить, что на нее всего охотнѣе пошло бы наше акцизное вѣдомство по соображеніямъ чисто фискально-

вымъ. Дѣло въ томъ, что сотки и двухсотки („мерзавчики")—самая дорогая посуда. Ведро вина, разлитаго въ мелкую посуду, обходится казнѣ дороже, чѣмъ то же ведро—въ посудѣ крупной, несмотря даже на повышенную съ 1 октября 1908 г. цѣну на сотки и двухсотки.

Такимъ образомъ, особыхъ препятствій со стороны вѣдомства тутъ быть не можетъ.

Однако предложеніе этой мѣры тоже основывается на недостаточномъ знакомствѣ съ нашими пьяницами. Объ этой мѣрѣ нельзя по-моему даже сказать, что она принесетъ хоть маленькую пользу. Она можетъ принести только маленькій вредъ.

Напрасно думаютъ, что тѣ, кто раньше покупали мерзавчики, станутъ вовсе отказываться отъ покупки водки, разъ мерзавчики отойдутъ въ область исторіи. Ничуть не бывало! Бывшіе покупатели мерзавчиковъ скорѣе станутъ покупать вино въ болѣе крупной посудѣ. Если нехватитъ денегъ на эту крупную посуду, то люди будутъ складываться. Для того чтобы примѣнить въ данномъ случаѣ принципъ кооперацiи, вовсе не требуется особенно высокаго развитія духа коллективизма!

Больше всего отъ уничтоженія мерзавчиковъ пострадаютъ разные вообще пьющіе дорожные люди, проѣзжающіе въ зимнее время и ненастную погоду и желающіе съ дороги согрѣться. Пострадаютъ еще мужики и особенно бабы, употребляющіе водку, какъ лѣкарственное средство (напр., отъ зубной боли или отъ ревматизма и т. п.) Рабочіе и мастеровые, идя въ понедѣльникъ и вообще послѣ праздника на работу, вмѣсто сотки будутъ брать сороковку. Если имъ скажутъ, чтобы они лучше совсѣмъ водки не покупали, то каждый мастеровой только расхохочется: „надо же опохмелиться, поправиться! съ больной головой плохая работа!" Ясно, что человѣкъ, которому *надо* опохмелиться, и слушать не станетъ нашихъ трезвенниковъ. Вино въ мелкой посудѣ покупается также евреями-ремесленниками, которые при всей трезвости своей жизни все же, хоть немного, да пьютъ.

Если прибавить къ сказанному, что вина въ соткахъ и двухсоткахъ продается вообще очень мало сравнительно съ общимъ количествомъ, то ясно, что и этотъ проектъ надо причислить къ числу наивныхъ иллюзій нашихъ трезвенниковъ.

Еще предлагаютъ понизить крѣпость вина. Это тоже по моему ни къ чему не поведетъ. Во-первыхъ, тогда станутъ пить спиртъ, который нельзя же вовсе изъять изъ обращенія, такъ какъ онъ служитъ и для разныхъ другихъ цѣлей. Во-вторыхъ, будутъ только больше пить водки, стараясь вознаградить себя количествомъ за качество. Мнѣ думается, что тогда будетъ еще больше пьянства: слабоградусное вино будетъ только дразнить, раздражать, и человѣкъ больше будетъ тянуться къ бутылкѣ, не находя достаточнаго удовлетворенія. Мнѣ приходитъ въ го-

лову сообщеніе о древней Мессалинѣ, которая, по свидѣтельству историковъ, бывала „lassata, non satiata". Есть психологическій законъ, который, если хотите, можно назвать закономъ достаточнаго удовлетворенія. Многіе курильщики увѣряютъ, что, куря хорошій табакъ, меньше выкуришь, чѣмъ куря скверный; хорошую папиросу выкурилъ и — довольно, а плохую—закурилъ, не докуривъ бросилъ, а потомъ опять за другую и такъ до тошноты. „Ни сытъ, ни голоденъ". То же самое въ области полового чувства. Чѣмъ меньше чоловѣкъ удовлетворенъ, тѣмъ онъ больше жаждетъ.

Еще предлагаютъ всячески усилить репрессіи противъ тайной виноторговли (корчемство, шинкарство).

Зло это дѣйствительно стало очень велико, особенно съ введенія монополіи.

Раньше, до монополіи, шинкарства было меньше. Прежде всего потому, что тогда были лица, весьма заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ,— кабатчики. Человѣкъ, платившій нѣсколько сотъ рублей за право держать кабакъ, естественно долженъ быть заклятымъ врагомъ своего конкурента—тайнаго шинкаря. При этомъ кабатчикъ—вліятельное мѣстное лицо—располагалъ всѣми средствами для обнаруженія виновныхъ въ незаконной виноторговлѣ. Свидѣтелей онъ могъ достать сколько угодно изъ числа завсегдатаевъ своего собственнаго легальнаго кабака.

Теперь не то: теперь нѣтъ лицъ, которыя были бы кровно заинтересованы въ томъ, чтобы шинковъ не было. Наоборотъ, теперь шинкарь представляетъ нѣкоторое удобство для публики: казенокъ мало, до ближайшей далеко тащиться. Казенки рано закрываются, а по воскресеньямъ и совсѣмъ закрыты. Вотъ на этой почвѣ и создалось такое положеніе, что въ каждой деревнѣ есть тайный кабакъ, а то и нѣсколько. Водку можно достать во всякомъ мѣстѣ и во всякое время дня и ночи. Только денегъ приходится платить больше: вмѣсто 46 коп. за бутылку платятъ шинкарямъ обыкновенно 60 к. Это цѣна средняя, нормальная, а иногда доходитъ и до 1 рубля.

Бороться съ шинкарствомъ въ высшей степени трудно. Вѣдь фактъ тайной виноторговли долженъ быть установленъ на судѣ свидѣтельскими показаніями! А кому охота тащиться въ судъ за нѣсколько верстъ для того, чтобы своими показаніями нажить себѣ смертельнаго врага въ обвиненномъ шинкарѣ. Поэтому, при дознаніяхъ по этимъ дѣламъ, обыкновенно получается стереотипный отвѣтъ: „мы вина у его не покупали, намъ ничего неизвѣстно". Надо еще считаться и съ такимъ бытовымъ явленіемъ: многимъ лицамъ деревня какъ бы прямо разрѣшаетъ заниматься шинкарствомъ. Это—разнымъ убогимъ, калѣкамъ, вдовамъ, одинокимъ старухамъ, которымъ больше нечѣмъ кормиться. На такихъ показывать считается чуть ли не грѣхомъ. А иногда бываетъ, что де-

ревня прямо рада, что человѣкъ занялся шинкарствомъ; напр., если онъ воръ, конокрадъ. Мнѣ приходилось слышать такой разговоръ среди крестьянъ: „пусть лучше водкой торгуетъ, чѣмъ копей воруетъ“.

Вообще, если шинкарство существуетъ и процвѣтаетъ въ нашихъ деревняхъ, то это происходитъ съ благосклоннаго попустительства самихъ крестьянъ. Народъ не считаетъ шинкарства вреднымъ, иначе онъ бы его не допустилъ. Вѣдь борются же крестьяне—и очень успѣшно—съ конокрадами, фальшивомонетчиками. А бороться съ шинкарствомъ вѣдь гораздо легче: само дѣло-то такое, что оно не можетъ быть секретнымъ. Тутъ все на виду. Это не фальшивыя деньги и не конокрадство и т. п. дѣла, которыя открыть довольно трудно; а между тѣмъ занимаются ими очень немногіе, да и тѣ скоро попадаются, потому что деревня такихъ „дѣловъ“ не терпитъ. Если бы народъ дѣйствительно хотѣлъ избавиться отъ шинкарей, то у него есть на это тысяча средствъ. Да и никто такъ явно противъ всей деревни не пошелъ бы. А если теперь такъ шибко вездѣ торгуютъ, то значитъ сочувствуютъ. Характерно, что, когда приходится производить дознанія о шинкаряхъ, то почти никогда не встрѣтишь, такъ сказать, идейнаго свидѣтеля или доносителя.

Въ лицѣ тѣхъ, кто „доказываетъ“, всегда приходится сталкиваться съ подонками деревенскаго населенія, съ хулиганами. Хулиганы эти часто безсовѣстно эксплуатируютъ шинкарокъ; забираютъ вино и не платятъ, вымогаютъ деньги подъ угрозой: „сейчасъ пойду и скажу уряднику!“ Дѣла о незаконной виноторговлѣ возникаютъ всего чаще по поводу разныхъ дракъ, скандаловъ, кражъ, на почвѣ злобы и мести. Порядочный крестьянинъ рѣдко станетъ доказывать.

Особенно усилилось шинкарство послѣ закрытія торговли въ казенкахъ въ воскресные дни и двунадесятые праздники съ 1907 года.

Какія же собственно мѣры въ смыслѣ усиленія репрессій у насъ предлагаются? Говорятъ о повышеніи наказуемости. Но, не говоря о томъ, насколько цѣлесообразна эта мѣра для борьбы съ преступностью вообще, замѣтимъ въ частности о шинкарствѣ слѣдующее. Наказуется шинкарство двояко: денежнымъ штрафомъ и тюрьмою. Что касается денежныхъ штрафовъ, то они и теперь большею частью не взыскиваются за несостоятельностью обвиненныхъ. И это—теперь, когда и штрафы-то самые пустячные: 5, 10, много 20 рублей. Между тѣмъ, вѣдь полиція сама заинтересована въ томъ, чтобы штрафы платили, такъ какъ ей идетъ половина штрафа въ видѣ открывательскаго вознагражденія. Ясно, что съ увеличеніемъ размѣра штрафа случаи несостоятельности осужденныхъ будутъ только чаще.

Остается тюрьма. Но тюрьма не страшна бѣдняку, какой-нибудь старухѣ-бобылкѣ, которая, пожалуй, и рада будетъ „казенному хлѣбу“

и скажетъ: „кому—тюрьма, а мнѣ—домъ“! Какія же еще мѣры можно придумать? Увеличеніе открывательскаго вознагражденія? Но это будетъ деморализировать администрацію. Установленіе премій доносчикамъ? Но это внесетъ въ народную жизнь столько зла, что лѣкарство окажется хуже болѣзни. Да и вообще это старинное средство русскаго правосудія давно оставлено и возврата къ нему быть не можетъ. На этой почвѣ не долго расплодить своего рода провокаторовъ по корчемнымъ дѣламъ.

За послѣднее время репрессіи противъ шинкарей замѣтно усилились. Провозошло это, между прочимъ, не безъ вліянія послѣдняго противоалкогольнаго съѣзда. Какъ извѣстно, на этомъ съѣздѣ было брошено обвиненіе противъ акцизнаго вѣдомства въ томъ, что оно будто сознательно терпитъ шинкарство, видя въ немъ своего рода комиссіонерство и притомъ безвозмездное. Конечно, обвиненіе это совершенно нелѣпое: оно основано на свойствѣ русскаго человѣка разсуждать такъ: „если существуетъ какое-нибудь зло, то это потому, что начальство потакаетъ“.

Какъ бы то ни было, но послѣ этого послѣдовалъ рядъ циркуляровъ по разнымъ вѣдомствамъ, чтобы построже относиться къ корчемникамъ. Такіе циркуляры шли не только по акцизному вѣдомству и полиціи, но и по судебному. Въ газетахъ, между прочимъ, было отмѣчено обращеніе вологодскаго акцизнаго управляющаго къ судьямъ губерніи. Печать (газета *Рѣчь* и нѣкоторыя мѣстныя газеты) изумлялась довольно странному случаю давленія администраціи на власть судебную. Приводя означенное обращеніе, газеты иронизировали по поводу того, что акцизное начальство указывало, что судить надо хоть и построже, но всетаки по закону и приговаривать надо шинкарей хоть и къ высшей мѣрѣ наказанія, но все же къ такимъ наказаніямъ, которыя слѣдуютъ по закону, и т. п.!

Циркуляры такого рода продолжаютъ сыпаться, какъ изъ рога изобилія, и становятся все грознѣе. Они уже оказали свое дѣйствіе. Во многихъ мѣстностяхъ судьи стали дѣйствительно приговаривать шинкарей къ высшимъ мѣрамъ наказанія. Стали выносить обвинительные приговоры на основаніи показаній только одного свидѣтеля и т. п.

Администрація тоже проявила усиленную дѣятельность. Особенно увеличилось число протоколовъ, составляемыхъ урядниками. Стараются не отставать и акцизные чиновники, но за урядниками имъ не угнаться. Болѣе состоятельные шинкари иногда откупаются, давая взятки урядникамъ,—это до поры, до времени помогаетъ избавиться отъ судебнаго преслѣдованія и не очень дорого стóитъ: рублей 5—10! Урядники, которыхъ теперь стало въ каждой волости по одному, а иногда и по два, конечно превосходно освѣдомлены о всемъ, что дѣлается въ ихъ мѣ-

стожительствѣ. Каждый урядникъ или стражникъ, конечно, знаетъ не только, кто торгуетъ водкой, но и кто пьетъ и сколько пропиваетъ. Все дѣло въ томъ, чтобы какими-нибудь способами достать свидѣтелей (конечно, когда урядникъ не можетъ отказаться отъ составленія протокола или не даютъ взятки). Часто и свидѣтелей удается достать не мытьемъ, такъ катаньемъ. Допустимъ, что такими усиленными преслѣдованіями нѣсколько сократится корчемство. Но вопросъ: надолго ли? А затѣмъ надо еще имѣть въ виду то зло, которое всегда возникаетъ, если слишкомъ энергично преслѣдуются дѣянія, которыя по народному правосознанію не считаются преступными. Теперь очень часто приходится замѣчать, что свидѣтели на судѣ даютъ свои обвиняющія показанія противъ шинкарей съ крайней неохотой. Они показываютъ только потому, что не хотятъ брать на душу грѣха лжеприсяги. Но многіе и подъ присягой даютъ ложныя показанія: они не считаютъ для себя возможнымъ дать показаніе противъ шинкаря. Такимъ путемъ свидѣтели подвергаются сильному искушенію въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, подрывается понятіе о святости присяги и вообще населеніе деморализуется. Кромѣ того, далеко не всегда усиленныя преслѣдованія достигаютъ цѣли. Потребность достать вина настолько сильна, что шинкари всегда будутъ торговать. Они только сдѣлаются нѣсколько осторожнѣе. А съ другой стороны и покупатели вина тоже станутъ осторожнѣе: не такъ будутъ болтать при начальствѣ о томъ, гдѣ и у кого достаютъ вино, да и на судѣ, несмотря на присягу, будутъ говорить свое: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“.

Корчемство—старинное русское зло, которое въ нашей исторіи было вѣчнымъ, неизбѣжнымъ спутникомъ „царева кабака“, откупщика и теперь казенной винной лавки. Съ корчемствомъ боролись всѣ русскія власти, начиная съ Ивана Грознаго. Въ былыя времена дѣло доходило до того, что стрѣльцы и солдаты совершенно открыто промышляли незаконнымъ корчемствомъ, причемъ обычныя полицейскія власти бывали безсильны, приходилось употреблять воинскую силу, и вотъ на улицахъ Москвы происходили цѣлыя сраженія съ убитыми и ранеными. Прыжовъ въ своей извѣстной „Исторіи кабаковъ въ Россіи“ рисуетъ яркую картину полнѣйшаго безсилія правительства въ борьбѣ съ корчемствомъ. Между прочимъ онъ сообщаетъ: „Екатерина II въ секретномъ наставленіи Вяземскому признавалась, что въ корчемствѣ столько виновныхъ есть, что и наказывать ихъ почти невозможно, понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли“. „Преслѣдованія корчемниковъ обращались въ настоящую войну: полковые и съѣзжіе дворы получали предписанія чинить вспоможеніе при поимкѣ корчемниковъ. При выемкахъ совершались смертоубійства и раны“ [1]).

[1]) *Прыжовъ*. „Исторія кабаковъ въ Россіи“, стр. 266.

Съ теченіемъ времени зло, конечно, много потеряло въ своей колоритности и рѣзкости, и будущій историкъ казенной винной монополіи не найдетъ такихъ картинъ, какія во множествѣ находилъ историкъ старинпаго „царева кабака". Но суть дѣла одна и та же. Такъ было, такъ есть, такъ будетъ. Потребность въ винѣ слишкомъ велика въ народѣ. Пьянство—зло стихійно-сильное. Уничтожить его невозможно. Даже если стараться только ослабить, уменьшить его, то и это надо дѣлать осмотрительно, чтобы не надѣлать лишняго вреда или—въ лучшемъ случаѣ—глупостей.

Есть еще одинъ проектъ, самый радикальный изъ всѣхъ,—проектъ, доходящій, можно сказать, до Геркулесовыхъ столбовъ: это—вовсе запретить всякую продажу спиртныхъ напитковъ. Чтобы спиртъ отпускался только въ аптекахъ по рецепту врача. Когда вина не будетъ, то и пьянства не будетъ! Можно, конечно, привести тысячи возраженій противъ этого проекта.

Можно сказать, что онъ неосуществимъ, прежде всего, по финансовымъ соображеніямъ. Пришлось бы совершенно перестроить всю нашу систему обложенія. Затѣмъ запрещеніе продажи вина повлекло бы за собой разрушеніе винокуренной промышленности и всѣхъ связанныхъ съ ней отраслей народнаго хозяйства. Развилось бы тайное винокуреніе, для борьбы съ которымъ потребовались бы цѣлыя драгонады. Въ Англіи въ концѣ XVIII столѣтія была сдѣлана подобная попытка, но она потерпѣла полное фіаско.

Но все же я долженъ сказать, что этотъ проектъ нисколько не болѣе нелѣпъ, чѣмъ большинство остальныхъ, направленныхъ противъ пьянства. Я даже сказалъ бы, что изъ всѣхъ мѣропріятій противъ пьянства полное запрещеніе винторговли—единственная мѣра, о которой можно еще серьезно говорить.

Въ заключеніе—необходимая оговорка. Все, что я говорилъ относительно мѣръ борьбы съ пьянствомъ, касается только той борьбы, которая идетъ сверху: отъ центральной власти или отъ прекраснодушныхъ трезвенниковъ, взывающихъ къ этой власти. Причемъ въ обоихъ случаяхъ всѣ мѣропріятія сводятся къ административно-полицейскимъ распоряженіямъ или должны проводиться силами агентовъ власти.

Я ничего не говорю о такой борьбѣ съ пьянствомъ, которая возникаетъ снизу, на почвѣ дѣйствительно существующаго въ самихъ народныхъ массахъ стремленія бороться съ пьянствомъ.

При такой борьбѣ вся постановка вопроса другая.

Я охотно допускаю, что, напримѣръ, готоборгская система приноситъ много пользы въ Норвегіи и Финляндіи. Точно такъ же, вѣроятно,

и различныя мѣры, принятыя въ нѣкоторыхъ штатахъ сѣверной Америки, оказываются цѣлесообразными. Весьма возможно. Правда, многія лица, жившія въ глуши Финляндіи, разсказывали о сильномъ развитіи тамъ шинкарства, парализующемъ благія результаты готеборгской системы.

Во всякомъ случаѣ именно на основаніи русскаго опыта надо признать совершенно неоспоримымъ такое положеніе: только тѣ мѣры противъ пьянства, которыя возникаютъ дѣйствительно на почвѣ сознанія самой народной массы, могутъ давать какой-либо положительный результатъ. Если такихъ результатовъ въ Россіи нѣтъ, то потому, что отсутствуетъ основная предпосылка. Масса народа совершенно не желаетъ отрезвиться. Это желаніе надо еще пробудить и развить, дать ему возможность дѣйствовать широко и свободно. Больше простора надо дать общественной самодѣятельности, чтобы къ этому дѣлу пришли живыя силы страны. А пока этого нѣтъ, мы только будемъ слушать разные гласы, вопіющіе въ пустынѣ, да читать сумбурно-обывательскіе проекты.

С. А.

Національная проблема въ соціологической постановкѣ.

Пожалуй, наиболѣе любопытной чертой въ изученіи національнаго вопроса является трудность исчерпывающимъ образомъ опредѣлить понятіе „національность", несмотря на всѣми постоянно осязаемое проявленіе національнаго чувства въ политикѣ и исторіи. До сихъ поръ нѣтъ ни одного опредѣленія этого понятія, которое удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ, а между тѣмъ такихъ опредѣленій чрезвычайно много. При ближайшемъ анализѣ всегда оказывается, что ни тѣ или иные отдѣльные признаки національной индивидуальности, вродѣ языка, религіи, расоваго происхожденія, территоріи, извѣстнаго историческаго прошлаго и т. д., ни комбинація этихъ признаковъ не даютъ выдерживающаго критику представленія о томъ, чѣмъ въ концѣ-концовъ формируется сознаніе національнаго единства у какого-нибудь народа. Опредѣленія новѣйшихъ авторовъ въ сущности не точнѣе тѣхъ, которыя уже давно были придуманы, напримѣръ, итальянцемъ Манчини или венгерцемъ Келети. Первый въ своей извѣстной вступительной лекціи, читанной имъ въ Туринѣ въ 1851 г., установивъ рядъ признаковъ, характеризующихъ національную индивидуальность, всетаки приходитъ къ заключенію, что этихъ признаковъ недостаточно и что для того, чтобы образовать національность даже тамъ, гдѣ всѣ ея составные элементы налицо, необходимо еще присутствіе „жиотворящаго духа,—національнаго сознанія"—„cosienza della nazionalita". Второй говоритъ, что національность,—„чувство, аналогичное религіозному, на которое оказываютъ вліяніе принадлежность къ опредѣленной средѣ, рожденіе или происхожденіе, расовый характеръ и все, что находится въ зависимости отъ нихъ, и которое выражается при помощи языка, подобно тому, какъ религія выражается въ догматахъ и обрядахъ". Отъ этого, неподдающагося конкретной характеристикѣ, остатка не свободно ни одно изъ опредѣленій національности даже у тѣхъ писателей, которые стараются удалить изъ придуманныхъ ими формулъ національности все ирраціональное.

Можетъ быть, главная трудность вполнѣ точнаго анализа понятія „національность“ заключается въ относительности самого національнаго чувства, которой оно отличается отъ остальныхъ факторовъ историческаго движенія. Національное движеніе возникаетъ только тамъ, гдѣ сталкиваются по меньшей мѣрѣ двѣ разныя національности, но его нѣтъ тамъ, гдѣ живетъ только одна нація (выражаясь точнѣе, его не было бы тамъ, гдѣ налицо нѣтъ другой національности, такъ какъ государствъ со вполнѣ однороднымъ въ національномъ отношеніи населеніемъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ культурнаго міра, не существуетъ). Можно себѣ представить такой гипотетическій случай, что человѣчество занималось бы, напримѣръ, религіозными вопросами и переживаніями даже тогда, если-бъ на всемъ земномъ шарѣ исповѣдывалась одна религія и не существовало никакого религіознаго антагонизма. Человѣчество стремилось бы къ улучшенію своего экономическаго положенія и въ томъ случаѣ, если-бъ общество не распадалось на соціальныя группы. Но немыслимо представить себѣ національное движеніе въ томъ случаѣ, если-бъ человѣчество не дѣлилось на національныя группы, а состояло изъ одной и той же націи. Такимъ образомъ сущность національной индивидуальности заключается не только въ признакахъ, присущихъ опредѣленной національности, напримѣръ, въ ея языкѣ, религіи, историческомъ прошломъ и т. д., а еще въ томъ комплексѣ чувствъ, которыя вызываются у одной національности присутствіемъ другой. Реакція противъ присутствія чужихъ значительно содѣйствуетъ возникновенію сознанія принадлежности къ своей національности. А между тѣмъ очевидно, что при безконечномъ разнообразіи національныхъ комбинацій въ исторіи именно этотъ элементъ національнаго чувства труднѣе всего поддается количественному и качественному опредѣленію.

Доклады и пренія по національному вопросу, которые занимали главное мѣсто въ работахъ второго съѣзда германскихъ соціологовъ [1]), тоже не выяснили содержанія понятія національности, но всетаки дали много цѣннаго матеріала для сужденія о процессѣ его возникновенія. Въ этомъ отношеніи интересны доклады П. Барта о „національности въ ея соціологическомъ значеніи“, Ф. Оппенгеймера о „расовой философіи исторіи“ и Р. Михельса объ „историческомъ развитіи понятія отечества“. Бартъ доказываетъ, что началомъ національнаго чувства было у первобытныхъ народовъ сознаніе принадлежности къ опредѣленному роду, что затѣмъ, съ возникновеніемъ частной собственности и дѣленіемъ общества на сословія, какъ, напримѣръ, въ Греціи, образуется сознаніе принадлежности къ опредѣленному государству, опредѣленной религіи и опредѣлен-

---

[1]) Verhandlungen des Zweiten Deutschen Sozialogentages, Tübengen 1913, Verlag I. C. B. Mohr.

ной культурѣ. На этой стадіи развитія античнаго общества религія исключительно національна, каждый народъ имѣетъ своихъ боговъ и, воюя другъ съ другомъ, народы въ то же время воюютъ и съ богами своихъ враговъ. Точно такъ же и культура національна, и именно ею отличаются греки отъ остальныхъ народовъ, которые, не обладая этой культурой, и называются варварами. Понятіе человѣчества, какъ общаго, охватывающаго всѣ народы цѣлаго, еще не существуетъ. Поэтому Платонъ, напримѣръ, считаетъ борьбу между греками и варварами „естественной" и считаетъ ее „войной", борьбу же между отдѣльными эллинскими народами онъ считаетъ противоестественной и разсматриваетъ ее какъ ненормальное явленіе, междоусобицу. Точно такъ же и Аристотель считаетъ эллиновъ созданными для господства, „варваровъ" же—для рабства, причемъ азіатскіе народы обречены на эту роль вслѣдствіе своей трусости, европейскіе же вслѣдствіе недостаточно высокаго уровня своего развитія. Только у грековъ, по его мнѣнію, соединяются храбрость и воинственность съ одаренностью въ наукѣ и искусствахъ, и если бы они были объединены въ одно государство, они могли бы господствовать надъ всѣми. Только позднѣе, съ развитіемъ греческихъ колоній, когда греки стали ближе сталкиваться съ „варварами", они начинаютъ ихъ больше цѣнить, и уже у стоика Зенона, жившаго приблизительно за 300 лѣтъ до Р. Х. (можетъ быть, даже у его предшественниковъ циниковъ), появляется мысль о томъ, что всѣ люди равны и что нѣтъ народовъ, уже отъ рожденія обреченныхъ на рабство. Возникновеніе и распространеніе христіанской религіи, стремившейся охватить весь міръ, сильно парализовало развитіе національнаго сознанія, которое поэтому до второй половины среднихъ вѣковъ проявляется весьма слабо. Въ этомъ отношеніи очень любопытно изреченіе французскаго монаха Гуго, цитируемое въ педагогическомъ сочиненіи, написанномъ около 1240 г.: „Кого отечество приковываетъ къ себѣ, тотъ еще слабъ; крѣпокъ тотъ, для кого всякая страна—родина, совершененъ же тотъ, для котораго весь міръ одинаковое мѣсто ссылки". Католическая церковь была и хотѣла быть всемірной и поэтому мѣшала развитію національнаго чувства, что выразилось, между прочимъ, впослѣдствіи очень ярко въ организаціи и тенденціяхъ ордена іезуитовъ, который въ своихъ школахъ запрещалъ ученикамъ говорить на своихъ родныхъ языкахъ даже внѣ училищныхъ стѣнъ. Реформація ведетъ къ тому, что церковь становится національной и такимъ образомъ даетъ новый толчокъ развитію національнаго сознанія. Оно черпаетъ также силу и въ ученіи гуманистовъ, которые, несмотря на эту свою кличку, не только не были враждебны національности, но, наоборотъ, сильно содѣйствовали ея развитію. Просвѣтительная идеологія XVIII вѣка, основывавшаяся на естественномъ правѣ, естественной религіи и т. д., провозглашала

равенство всѣхъ людей и поэтому не была національна, но въ то же время она и не была антинаціональна. Если Лессингъ, напримѣръ, писалъ въ 1758 г.: „Я не имѣю никакого представленія о любви къ отечеству и она мнѣ кажется въ лучшемъ случаѣ героической слабостью“, то всетаки тотъ же Лессингъ сдѣлалъ чрезвычайно много для того, чтобы освободить германскую литературу отъ вліянія французской. Подъ вліяніемъ идей просвѣтительной эпохи выработалось представленіе о предпочтительности своей націи передъ другими. Это представленіе въ то же время не отрицало значенія и достоинства остальныхъ національныхъ культуръ и, такимъ образомъ, мирилось съ принадлежностью національныхъ культуръ къ общей, всечеловѣческой культурѣ. Въ теченіе XIX вѣка національное сознаніе пріобрѣтаетъ новую форму, именно сознаніе права силы. Національность стремится занять то мѣсто, на которое ей даетъ право ея сила, но этотъ принципъ выражается не только въ стремленіи сильныхъ націй къ подавленію слабыхъ, но вызываетъ и у послѣднихъ въ свою очередь стремленіе отстоять свою позицію. Такимъ образомъ постепенно достигается равновѣсіе между европейскими народами.

Въ нѣкоторыхъ частностяхъ съ Бартомъ сходится Робертъ Михельсъ въ своемъ анализѣ историческаго развитія понятія отечества. Онъ начинаетъ свои разсужденія разборомъ этого понятія въ средніе вѣка и не находитъ тамъ ничего подобнаго тому, что принято теперь называть любовью къ своей національности или къ своему отечеству. Тогда были лишь два явленія, которыя представляютъ нѣкоторую аналогію съ современнымъ патріотизмомъ, именно вѣрность вассаловъ и чисто муниципальный патріотизмъ горожанъ. Но вассальныя отношенія не имѣли ничего общаго съ этнической или лингвистической солидарностью, которыя теперь считаются характерными для національнаго самосознанія, а носили исключительно юридическій, государственно-правовой характеръ. Точно также и въ любви горожанъ къ своему городу было очень мало элементовъ, входящихъ теперь въ понятіе національности. Національныхъ антагонизмовъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ теперь, средніе вѣка не знали, Тогда надъ всѣмъ господствовалъ антагонизмъ религіозный, прежде всего борьба между исламомъ и христіанствомъ. Въ эпоху крестовыхъ походовъ въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ сражались представители самыхъ разнообразныхъ націй, объединенные знаменемъ вѣры. Только въ концѣ среднихъ вѣковъ начинаетъ проявляться опредѣленное національное чувство. Такъ, напримѣръ, оно начинаетъ обнаруживаться въ Италіи, въ эпоху Возрожденія, когда воскресеніе античнаго міра расшатало твердые устои христіанскаго міровоззрѣнія среднихъ вѣковъ и ослабило между прочимъ также и католическій универсализмъ. Маккіавели тогда начинаетъ протестовать противъ господства чужеземцевъ въ Италіи. Въ Германіи въ то же время съ движеніемъ

реформаціи тѣсно связаны в первыя проявленія національнаго самосознанія. Сюда же относится и гуситское движеніе въ Чехіи, гдѣ религіозное движеніе вполнѣ совпадало съ національнымъ. Наиболѣе сильно начинаетъ проявляться представленіе о національномъ единствѣ, основанномъ на государственной и лингвистической однородности, въ такихъ крупныхъ государствахъ, какъ Англія и Франція, въ которыхъ происходилъ процессъ усиленія централизаціи государственнаго управленія. Въ нихъ національное единство вызывалось предшествовавшимъ ему государственнымъ единствомъ. Но расколъ церкви на католиковъ и протестантовъ надолго задержалъ развитіе сознанія національнаго единства. Вѣроисповѣдные интересы вновь совершенно подавили національные. Мы видимъ, что въ продолженіе войнъ, вызванныхъ реформами, какъ католики, такъ и протестанты, совершаютъ поступки, которые являются въ нашихъ глазахъ несомнѣнной государственной или національной измѣной. Во Франціи легисты приглашаютъ на помощь испанцевъ, гугеноты—голландцевъ и англичанъ. Въ Германіи протестанты обращаются къ содѣйствію датчанъ и шведовъ, даже французовъ-католиковъ, а нѣмецкіе католики зовутъ на помощь испанцевъ и итальянцевъ. Группировка партій въ первую, бо́льшую половину тридцатилѣтней войны совершенно ничего общаго не имѣетъ съ національнымъ характеромъ борющихся сторонъ. Австрійскія и баварскія войска сражались подъ предводительствомъ шотландцевъ, ирландцевъ, итальянцевъ и т. д. Курьезнѣе всего это проявилось въ сраженіи при Рейнфельденѣ въ 1634 г., гдѣ во главѣ арміи германскаго императора былъ французъ Мерси, а во главѣ французской—нѣмецъ, герцогъ Бернгардъ Веймарскій. Только по окончаніи религіозныхъ войнъ національный факторъ начинаетъ проявляться сильнѣе. И во Франціи признакомъ національнаго единства уже начинаетъ разсматриваться языкъ. Принимая депутацію вновь пріобрѣтенныхъ частей государства, Генрихъ IV говоритъ ей, что естественно, чтобы они были подданными французскаго короля, такъ какъ они говорятъ по-французски. Но даже еще въ послѣдующую эпоху, при Людовикѣ XIV, говорятъ не о любви къ народу, а о любви къ своему королю или къ династіи. Выраженіемъ націи были король и его династія. Однако преобладаніе конфессіональнаго фактора надъ національнымъ было еще настолько сильно, что послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, бѣжавшіе изъ Франціи кальвинисты не видѣли ничего предосудительнаго въ томъ, что они поступали въ армію враговъ короля, чтобы сражаться рука-объ-руку со своими единовѣрцами. Такой же государственный характеръ, какъ во Франціи, носитъ и нарождающійся тогда патріотизмъ и въ Пруссіи, гдѣ любовь къ прусскому отечеству явилась результатомъ побѣдъ Фридриха Великаго, причемъ наиболѣе любопытно то, что эти побѣды были одержаны надъ государствомъ, которое тогда было еще въ значительной степени нѣмецкимъ же—надъ Австріей.

Коренное измѣненіе внесла въ понятіе національности французская революція. Она лишила его прежняго содержанія преданности извѣстной династіи и въ то же время отняла у него характеръ мѣстнаго патріотизма. До 1789 г. говорили, напримѣръ, о nation bretonne, auvergnate, dauphinoise, послѣ же 1789 г. уже существовала только „nation française". Это произошло потому, что французская революція отмѣнила сословныя различія, уничтожила прежнее дѣленіе Франціи на историческія провинціи со спеціальными правами, изъ „подданныхъ короля" сдѣлала гражданъ, citoyens, и отмѣнила внутреннія таможенныя границы и привилегію. Созданіе единаго крупнаго огражденнаго таможней рынка внутри государства вызвало также и сознаніе солидарности въ противовѣсъ къ чужимъ государствамъ. Такъ и возникаетъ слово patriote, которое тогда употреблялось больше въ смыслѣ обозначенія политическаго радикала, приверженца доктринъ революціи. И точно такъ же, какъ въ глазахъ реакціонеровъ патріотъ обозначалъ революціонера, въ глазахъ послѣднихъ также патріотомъ былъ всякій, раздѣлявшій прогрессивныя идеи, а вовсе не тотъ, который состоитъ членомъ одного съ ними государства. Отсюда и понятно, что иностранцы могли принимать активное участіе во французской революціи или что конвентъ могъ дать ряду выдающихся свободолюбіемъ и гуманностью своихъ взглядовъ иностранцевъ, вродѣ Вашингтона, Шиллера, Костюшко и т. д. званіе почетныхъ гражданъ французскаго отечества. Это же обстоятельство, что патріотизмъ тогда приравнивался къ политическому радикализму, объясняетъ также и то, что враги революціонеровъ, французскіе эмигранты, именно изъ любви къ отечеству, какъ они ее понимали, толкали всѣ европейскіе народы на войну съ Франціей и сами сражались противъ французовъ въ рядахъ враговъ Франціи. Послѣ имперіи Наполеона терминъ патріотизмъ получаетъ то содержаніе, которое ему приписывается теперь. Принципъ національности является отнынѣ расширеніемъ принципа правъ человѣка, съ которымъ онъ находится въ логической и исторической связи. Согласно этому принципу родина есть страна людей, которые стремятся образовать народъ. Нація стремится создать для себя отечество, признавая въ то же время въ свою очередь право другихъ національностей на самостоятельное отечество. Поэтому этотъ принципъ сталъ движущей силой для тѣхъ небольшихъ народовъ, которые стремятся стать національностями,—„географическихъ понятій", которые желаютъ обезпечить себѣ государственное существованіе. И тутъ обнаруживается разница между патріотизмомъ государственнымъ, стремящимся охватить разныя національности, входящія въ составъ государства, и патріотизмомъ національнымъ, тамъ, гдѣ въ государствѣ господствуетъ извѣстная національность, стремящаяся придать всему государству свою особую окраску. Поэтому оба вида патріо-

тизма часто вступаютъ въ конфликтъ тамъ, гдѣ понятія государство и народъ не совпадаютъ. Оба вида патріотизма, національный и государственный, основываются на сознаніи солидарности между индивидумомъ и національнымъ или государственнымъ цѣлымъ. Этой солидарности присущъ характеръ принудительности. Обыкновенно, въ тѣхъ случаяхъ, государство и національность не совпадаютъ и угнетенная національность находится въ оппозиціи къ государству, патріотизмъ государственный прививается въ государственной школѣ, патріотизмъ національный въ семьѣ, и борьба между обоими сводится къ борьбѣ между семьей и школой. Чѣмъ сильнѣе становится государственная власть, тѣмъ сильнѣе она стремится сдѣлать государство національнымъ въ смыслѣ подчиненія его интересамъ господствующей національности, и этотъ процессъ обнаруживается тѣмъ ярче, чѣмъ больше численное превосходство этой національности надъ другими, образующими меньшинство въ государствѣ. Стоитъ вспомнить для этого, напримѣръ, политику Германіи по отношенію къ полякамъ или датчанамъ, усилія Франціи превратить населеніе Ниццы во французовъ и т. д. Этотъ процессъ облегчается въ значительной степени строеніемъ современнаго государства и экономическимъ развитіемъ. Благодаря, напримѣръ, всеобщей воинской повинности, отмѣнѣ внутреннихъ таможенныхъ границъ и превращенію всего государства въ одно экономическое цѣлое, сильно растетъ связь между отдѣльной личностью и всѣмъ государствомъ. Правда, что это же экономическое развитіе, создавшее огромный промышленный пролетаріатъ, выработало и тенденцію, идущую совершенно врасрѣзъ съ патріотизмомъ, именно сознаніе классовой солидарности международнаго пролетаріата, которое въ послѣднее время дошло до такихъ теорій, какъ антимилитаризмъ Эрве. Однако этому антинаціональному направленію пролетарской мысли въ свою очередь нанесли сильный ударъ различныя обстоятельства. Демократизація государственнаго строя, усиливающая вліяніе трудящихся массъ на жизнь государства, увеличивающееся матеріальное благосостояніе рабочихъ, развитіе имперіализма, который часто совпадаетъ съ интересами рабочихъ, возникновеніе конкуренціи между рабочими разныхъ національностей, напримѣръ, въ такихъ странахъ, куда направляется большой потокъ эмиграціи, и т. д., постепенно заполняетъ пропасть между интернаціонализмомъ рабочихъ и національнымъ характеромъ остальныхъ группъ народа или государства, къ которымъ они принадлежатъ.

Этотъ анализъ исторіи развитія понятія патріотизма приводитъ такимъ образомъ Михельса къ заключенію, что мы въ патріотизмѣ имѣемъ дѣло съ явленіемъ, которое всегда представляетъ результатъ вліянія опредѣленной среды. Оно можетъ иногда основываться на чувствѣ, иногда на юридическихъ отношеніяхъ, можетъ иногда принимать форму любви

къ государству, къ расѣ, къ языку, опираться на инстинкты и т. д. Его можно свести къ двумъ основнымъ элементамъ: 1) привязанность къ странѣ, въ которой человѣкъ родился и воспитался, къ ея природѣ, языку, обычаямъ и исторіи; 2) любовь къ привычкѣ. Патріотизмъ есть, такимъ образомъ, всегда историческая необходимость, но Михельсъ не не видитъ въ немъ моральнаго требованія именно потому, что разсматриваетъ его, какъ результатъ воздѣйствія извѣстной среды.

Обширный докладъ былъ далѣе сдѣланъ Францемъ Оппенгеймеромъ по вопросу о значеніи расоваго фактора въ исторіи. Расовыя теоріи стараются объяснить весь ходъ человѣческой исторіи главнымъ образомъ расовыми особенностями общественныхъ группъ, которыя принимали участіе въ историческомъ процессѣ. Есть не мало людей, которые отрицаютъ всякое значеніе за расовымъ факторомъ и полагаютъ, что и тѣ расы, которыя находятся въ настоящее время на самомъ низкомъ уровнѣ развитія, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могли бы достигнуть высшей, кульминаціонной точки человѣческой культуры. Оппенгеймеръ такъ далеко не идетъ и приписываетъ этому фактору большое значеніе, но въ то же время въ своемъ докладѣ старается доказать, что всѣ выдвинутыя до сихъ поръ расовыя теоріи явно неудовлетворительны. Первый, сдѣлавшій попытку свести человѣческую исторію къ борьбѣ расъ, былъ французскій дипломатъ и писатель графъ Гобино, авторъ извѣстнаго труда „О неравенствѣ человѣческихъ расъ“ (Sur l'inégalité des races humaines). По его мнѣнію, болѣе благородныя расы, которыя однѣ обладаютъ способностью творить государственную жизнь, постепенно, вслѣдствіе смѣшенія съ менѣе благородными расами становятся качественно худшими и такимъ образомъ приходятъ въ упадокъ. Такъ погибла, напримѣръ, желтая раса, вслѣдствіе того, что она не удержалась отъ смѣшенія съ чернокожими, и такая же участь грозитъ въ концѣ-концовъ и гораздо болѣе высокой расѣ, бѣлой,—даже наилучшимъ представителямъ этой расы, германцамъ,—такъ какъ и они не сохраняютъ своей расовой чистоты. Такимъ образомъ выводъ, который приходится дѣлать изъ этой теоріи, крайне пессимистическій,—постоянное ухудшеніе расы обрекаетъ на гибель даже и наивысшую культуру, до которой поднялось человѣчество въ лицѣ европейскихъ германскихъ народовъ.

Однако, при попыткѣ установить содержаніе понятія расы оказалось, что ни одинъ изъ указанныхъ признаковъ не выдерживаетъ научной критики. Прежде всего обнаружилось, что языкъ не имѣетъ ничего общаго съ расой. „Различныя расы,—говоритъ Максъ Мюллеръ,—могутъ говорить на одномъ и томъ же языкѣ и народы одной и той же расы могутъ говорить на разныхъ языкахъ“. Понятіе „арійскій“ относится только къ извѣстной группѣ языковъ, но ничего общаго не имѣетъ съ расой. „По моему,—пишетъ Мюллеръ въ другомъ мѣстѣ,—этнологъ, ко-

торый говоритъ объ арійской крови, арійской расѣ, арійскихъ глазахъ и волосахъ, совершаетъ такую же нелѣпость, какъ филологъ, который сталъ бы говорить о долихокефальномъ словарѣ, или брахикефальной грамматикѣ. Это хуже Вавилонскаго столпотворенія, — это обманъ". Столь же мало выдерживаютъ критику и другіе признаки, которыми отдѣльныя расы, по мнѣнію сторонниковъ расовыхъ доктринъ, отличаются другъ отъ друга. Всѣ попытки установить такія различія на основаніи роста, цвѣта глазъ или волосъ или формы черепа, ни къ чему не привели. Особенно много было потрачено, какъ извѣстно, силъ на измѣреніе череповъ, такъ какъ по основному взгляду расовыхъ теоретиковъ, наиболѣе характернымъ для благородной арійской расы, въ частности для германцевъ, признакомъ является длинный черепъ (долихокефалія), въ то время какъ менѣе благородныя расы отличаются короткимъ и круглымъ черепомъ (брахикефаліей). Произведенныя во множествѣ измѣренія обнаружили полную несостоятельность этого взгляда, причемъ были найдены очень курьезные результаты. Такъ, напримѣръ, оказалось, что Наполеонъ, Бисмаркъ, Лапласъ, Паскаль и Рафаэль обладали короткими черепами, что черепъ Шиллера по своему „лицевому показателю" приближается даже къ такъ называемымъ гипербрахикефальнымъ и что черепъ Канта по своей формѣ едва отличается отъ почти совершенно круглыхъ череповъ старыхъ перуанцевъ и нѣкоторыхъ тирольцевъ. Мало того, было найдено, что смотря по тому, какъ положить новорожденнаго младенца, на бокъ ли или на спину, можно придать черепу любую форму: продолговатую, или короткую. Оппенгеймеръ разсказываетъ, будто завѣдующему акушерской клиникой удалось при помощи такого пріема придать двумъ братьямъ-близнецамъ совершенно разныя формы череповъ: одному типичный будто бы для „благородныхъ" расъ продолговатый, другому круглый черепъ „низшихъ" расъ.

Послѣ Гобино, подъ вліяніемъ опытовъ искусственнаго подбора, понятіе расы было измѣнено такимъ образомъ, что образованіе расы было отнесено не къ началу человѣческой исторіи, а къ концу извѣстнаго историческаго процесса. Гобино полагалъ, что расы явились въ совершенно готовомъ видѣ на свѣтъ Божій со всѣми свойственными имъ чертами и вступили въ борьбу между собою. Результаты опытовъ, которые дѣлались надъ улучшеніемъ породы лошадей, собакъ и т. д. показали, что извѣстная раса животныхъ образуется подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій. Такимъ образомъ и человѣческія расы могли бы образоваться только тогда, когда природа или исторія обусловливаетъ извѣстные процессы расоваго подбора. Но ясно, что въ природѣ такіе процессы не могутъ протекать такъ, какъ протекаютъ опыты на конскихъ заводахъ или въ оранжереяхъ. Для того, чтобы всетаки объяснить происхожденіе опредѣленныхъ человѣческихъ расъ въ природѣ и

исторіи, сторонники расовой теоріи прибѣгаютъ теперь къ чрезвычайно смѣлымъ гипотезамъ. Творцомъ расъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, является до извѣстной степени геологическій ледяной періодъ. Группа первобытныхъ людей при первомъ ледяномъ періодѣ была включена въ полярный кругъ. Вслѣдствіе суровости климата и тяжелыхъ условій существованія наиболѣе слабые элементы этой группы погибли, и выжили только наиболѣе сильные и энергичные. Окружавшій ихъ ледяной поясъ не давалъ проникнуть къ нимъ слабымъ обитателямъ болѣе теплыхъ странъ и такимъ образомъ подъ защитой льда выдѣлилась болѣе крѣпкая раса. Такимъ образомъ изъ черной расы выдѣлилась болѣе высокая, желтая, а при повтореніи ледяного періода такимъ же точно образомъ изъ желтой расы выдѣлилась еще болѣе благородная, бѣлая. Если быть послѣдовательнымъ, то надо согласно этой теоріи думать, что систематическое повтореніе ледяныхъ періодовъ можетъ когда-нибудь вызвать появленіе такой высоко-культурной человѣческой расы, о которой, какъ о сверхчеловѣкѣ Нитцше, пока приходится лишь мечтать.

Всѣ эти явныя натяжки расовыхъ теорій заставили сторонниковъ этого направленія искать другихъ признаковъ для расовой индивидуальности. Наиболѣе видный представитель этого новаго направленія Гоустонъ Стюартъ Чемберленъ въ своей извѣстной книгѣ „die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts“ признаетъ, что неудалось установить анатомическихъ признаковъ, которые дали бы возможность отличить одну расу отъ другой, и прибѣгаетъ поэтому къ психологическимъ признакамъ, какъ наиболѣе характернымъ, не отказываясь въ то же время всетаки окончательно и отъ внѣшнихъ признаковъ расовой организаціи. Чемберленъ также признаетъ, что существуетъ только одна раса, способная быть носительницей культуры, именно арійская, и что наиболѣе культурнымъ видомъ этой расы являются германцы, причемъ онъ однако подъ германцами понимаетъ не только тѣ сѣверные народы, которые обыкновенно причисляются къ германской семьѣ, а также кельтовъ и славянъ.

По его мнѣнію, античный міръ погибъ потому, что народы, которые шли тогда во главѣ культуры, не сохранили своей расовой чистоты. Культурное наслѣдіе древняго міра перешло отчасти къ тому, что Чемберленъ называетъ „расовымъ хаосомъ“, т.-е. смѣшанными въ расовомъ отношеніи народами, и двумъ чистымъ расамъ, т.-е. германцамъ, точнѣе кельто-германо-славянамъ, и евреямъ. Чемберленъ считаетъ евреевъ расой, образовавшейся при смѣшеніи преимущественно „хетской“ крови съ сильной дозой семитической и сравнительно небольшой долей европейской (аморитской), къ которымъ, можетъ быть, еще присоединились незначительныя количества другихъ элементовъ, напримѣръ монгольской крови. Такимъ образомъ евреи, въ особенности вслѣдствіе своей стро-

той изолированной жизни послѣ Вавилонскаго плѣненія и недопущенія смѣшанныхъ браковъ съ остальными народами, образовали рѣзко выраженную расу, которой Чемберленъ приписываетъ очень много дурного и весьма мало хорошаго. Евреи, по его мнѣнію, лишены силы воображенія, слѣдовательно также и нерелигіозны, неспособны къ творчеству въ наукѣ и искусствѣ, они фанатичны и нетерпимы, глубоко враждебны германцамъ, съ которыми они постоянно водутъ войну, стараясь при этомъ использовать беззаботность увѣренныхъ въ своей силѣ германцевъ. Такъ какъ Чемберленъ въ то же время, въ отличіе отъ другихъ нѣкоторыхъ расовыхъ теоретиковъ, вѣрующій христіанинъ, и христіанство, точнѣе лютеранство, по его мнѣнію, является специфической религіей германцевъ, то онъ и приходитъ къ заключенію, что основатель христіанства не могъ быть евреемъ и что въ Галилеѣ, на родинѣ Іисуса, преобладалъ,—какъ онъ старается установить при помощи ряда доказательствъ,—европейскій (аморитскій) типъ съ длинными черепами, такъ что и Іисусъ, по его мнѣнію, вовсе не былъ семитомъ. Такимъ образомъ вся европейская исторія послѣ паденія древняго міра сводится къ борьбѣ германцевъ въ томъ широкомъ смыслѣ, который придаетъ этому термину Чемберленъ, съ одной стороны, и евреями и прочими нечистыми расами—съ другой. Германцы поднимаютъ культуру на все болѣе и болѣе высокую ступень, но если имъ не удастся справиться съ этими врагами германской или вообще европейской культуры, послѣдней грозитъ неминуемая гибель. Чемберленъ послѣдовательно проводитъ свои взгляды, объявляетъ всякое отдѣльное лицо или отдѣльный народъ, который является носителемъ культуры, истинно-религіознымъ и т. д., арійцемъ, тамъ же гдѣ ему попадается неспособный къ культурному господству, фанатическій или вообще понижающій культуру человѣкъ или народъ, онъ ему приписываетъ семитическое или во всякомъ случаѣ не германское происхожденіе. При этомъ онъ признаетъ рѣшающимъ признакомъ „расовое сознаніе въ собственной груди", которое, по его мнѣнію, почти всегда безошибочно можетъ рѣшить вопросъ о принадлежности къ той или иной расѣ. Онъ при этомъ доходитъ до того, что, обнаруживая у какого-нибудь человѣка тѣ черты, которыя по его мнѣнію типичны для германца, рѣшаетъ, что данное лицо несомнѣнно германскаго происхожденія, даже если у него никакихъ доказательствъ въ пользу этого нѣтъ. Напримѣръ, относительно св. Амвросія, причисляемаго имъ „къ той сильной расѣ, которая создала величіе Рима", онъ говоритъ: „Я не могу этого доказать (т.-е. чистоты его расового происхожденія)... но никто и не можетъ доказать противнаго и его личность такимъ образомъ рѣшаетъ (этотъ вопросъ) вѣрно". Точно также онъ объявляетъ Джордано Бруно и Кампанеллу германцами, хотя они родились въ Южной Италіи, несмотря на то, что тамъ въ теченіе тысячелѣтій про-

исходило постоянное смѣшеніе самыхъ разнородныхъ расъ—на томъ лишь основаніи, что Бруно и Кампанелла боролись съ католицизмомъ и такимъ образомъ были выразителями того, что онъ считаетъ типичнымъ германскимъ духомъ. Доказательствомъ этого его утвержденія, по его мнѣнію, служитъ то, что въ Южной Италіи часто попадаются продолговатые черепа. На этихъ примѣрахъ обнаруживается вся ненаучность разсужденій Чемберлена: онъ сначала объявляетъ извѣстныя психологическія черты свойственными опредѣленной расѣ, а затѣмъ, когда онъ въ комъ-нибудь находитъ эти черты, онъ изъ этого дѣлаетъ обратное заключеніе, что данное лицо къ этой расѣ и принадлежитъ.

Оппенгеймеръ видитъ ошибку расовыхъ теоретиковъ главнымъ образомъ въ забвеніи того, что онъ назвалъ „пластичностью расы", т.-е. умѣніи расы, человѣческой какъ и животной, приспособляться къ физическимъ и психическимъ условіямъ среды, въ которой они живутъ. Оппенгеймеръ приводитъ рядъ наблюденій надъ животными и людьми, изъ которыхъ явствуетъ, какое огромное значеніе имѣютъ для физическаго и умственнаго развитія расъ такія условія, какъ питаніе, родъ занятій, опредѣленное матеріальное благосостояніе и т. д. „У араба,—говоритъ, напримѣръ, знаменитый географъ Ратцель,—который ведетъ жизнь пастуха, кочевника, наѣздника и разбойника, современемъ вырабатываются совершенно другіе мускулы, чѣмъ у египтянина, который въ теченіе тысячелѣтій носитъ на своей спинѣ тяжести, черпаетъ воду и ходитъ за плугомъ". Ратцель устанавливаетъ вліяніе соціальныхъ условій на физическое развитіе многочисленными примѣрами, взятыми изъ описаній примитивныхъ народовъ. Точно также и Ратценгоферъ объясняетъ, напримѣръ, высокій ростъ у дворянъ европейскихъ народовъ результатомъ благопріятныхъ условій существованія, въ то время какъ, наоборотъ, дурныя условія существованія вызываютъ пониженіе роста, объема груди и т. д. у бѣдныхъ классовъ европейскаго городского населенія. Ратцель приходитъ на основаніи своихъ наблюденій къ результату, что разница между первобытными и цивилизованными расами объясняется не анатомическо-физіологическими особенностями, а только разницей въ культурномъ развитіи. Китайцы и монголы, напримѣръ, принадлежатъ къ одной и той же расѣ, а между тѣмъ какая огромная разница въ культурѣ между ними! Между расовыми особенностями и культурой ничего общаго нѣтъ. Это подтверждается также интересными наблюденіями, которыя были сдѣланы надъ зачатками творчества въ искусствѣ у первобытныхъ народовъ. Оказалось, что у народовъ, которые въ расовомъ отношеніи такъ далеки другъ отъ друга, какъ австралійцы и эскимосы, орнаментныя украшенія почти совершенно одинаковы. Такимъ образомъ Оппенгеймеръ приходитъ къ заключенію, что расовый факторъ не является первичнымъ, а что онъ лишь одно

изъ проявленій дѣйствія среды. Носительницей общественной жизни является соціальная группа,—группа людей, связанныхъ общностью интересовъ. Эти интересы заставляютъ группу двигаться по линіи наименьшаго сопротивленія. При этомъ каждый членъ этой группы испытываетъ на себѣ вліяніе цѣлаго въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ въ свою очередь оказываетъ вліяніе на нее. Отсюда вытекаетъ, что группа признаетъ свои интересы хорошими и достойными удовлетворенія, въ то время какъ члены другихъ группъ, носители другихъ интересовъ, противоположныхъ ихъ собственнымъ, представляются имъ худшими, а ихъ требованія несправедливыми. У господствующей группы должно поэтому явиться представленіе, что подчиненные ей классы дѣйствительно заслуживаетъ того, что они занимаютъ низшее положеніе, такъ какъ они качественно хуже господъ. Современныя расовыя теоріи большей частью и созданы поэтому идеологами господствующихъ соціальныхъ группъ. Теорія аристократической бѣлой расы и является тѣмъ, что Оппенгеймеръ называетъ „легитимистической" групповой идеологіей. Онъ приводитъ любопытный примѣръ произвольности расовыхъ оцѣнокъ. Гобино былъ аристократомъ, противникомъ революціи, другой расовый теоретикъ Вольтманъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ близокъ къ соціализму. Оба разсматривали французскую революцію, какъ борьбу между благородными германцами и менѣе благородными кельто-романами, съ той однако разницей, что Гобино видѣлъ германцевъ въ аристократахъ, сторонникахъ стараго порядка, Вольтманъ же, наоборотъ, признавалъ германцами вождей революціи.

Въ преніяхъ по поводу изложенныхъ и еще нѣкоторыхъ другихъ докладовъ по національному вопросу (Шмида о „правѣ національностей" и Гартманъ „нація, какъ политическій факторъ") было высказано много интересныхъ мыслей, которыя однако лишь снова обнаружили, какъ трудно научно формулировать вопросы, относящіеся къ области національнаго чувства. Профессоръ Максъ Веберъ, напримѣръ, пытался опредѣлить понятіе націи слѣдующимъ образомъ: подъ націей должно понимать объединенное чувствомъ общество, которое стремится найти себѣ выраженіе въ видѣ самостоятельнаго государства. Такимъ образомъ каждая группа людей, стремящаяся быть націей, должна стремиться и къ образованію своего государства. Однако, силы, обусловливающія такое стремленіе къ самостоятельности, могутъ быть совершенно различнаго свойства: иногда такая сила состоитъ въ религіозномъ чувствѣ, какъ, напр., у сербовъ и кроатовъ, отличающихся другъ отъ друга почти исключительно тѣмъ, что первые—православные, послѣдніе же—католики, иногда она заключается въ условіяхъ историко-политическихъ и т. д. Веберъ далѣе коснулся того интереснаго факта, что отталкиваніе между отдѣльными расовыми группами отнюдь не всегда одина-

ково сильно. Напримѣръ, извѣстно, что бѣлые въ Соединенныхъ Штатахъ питаютъ глубокое отвращеніе къ неграмъ, въ то время какъ краснокожіе тамъ не вызываютъ противъ себя такой реакціи, и янки даже гордятся тѣмъ, что въ ихъ жилахъ течетъ индѣйская кровь. Веберъ объясняетъ это явленіе соціальнымъ мотивомъ: негры были рабами и поэтому на нихъ привыкли смотрѣть съ презрѣніемъ, индѣйцы же никогда въ рабствѣ не состояли и поэтому по отношенію къ нимъ не успѣло выработаться чувство презрѣнія. Однако, по мнѣнію другого члена конгресса, проф. Вюрцбергова, эта разница въ отношеніи къ неграмъ и къ краснокожимъ объясняется не этимъ моментомъ, а тѣмъ, что негры сталкиваются въ большихъ массахъ съ бѣлыми, въ то время какъ индѣйцы почти нигдѣ не образуютъ сколько-нибудь значительнаго количества, вслѣдствіе чего по отношенію къ нимъ антипатія со стороны бѣлыхъ не могла принять такихъ размѣровъ, какъ вражда къ неграмъ. Нѣсколько существенныхъ возраженій противъ теоріи среды, которою Оппенгеймеръ старается замѣнить теорію расъ, выдвинулъ Зомбартъ. Онъ между прочимъ указалъ на то, что недостаточно доказать, что подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій вырабатываются опредѣленныя физическія и моральныя черты. Необходимо для выясненія національнаго вопроса еще доказать, что эти выработанныя подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій черты, передаются также по наслѣдству, а между тѣмъ современные біологи повидимому склонны это отрицать. Любопытно еще отмѣтить замѣчаніе Макса Вебера, что при выработкѣ права національностей слѣдовало бы обратить вниманіе на сочиненіе Драгоманова и русскихъ революціонеровъ. „Русскіе,—сказалъ онъ,—вслѣдствіе своего радикально-революціоннаго отношенія къ существующему правительству находятъ свою архимедову точку внѣ существующихъ устоевъ общества, которые намъ кажутся единственно возможными, и поэтому они не останавливаются передъ крайними логическими выводами изъ своихъ доктринъ“.

Несмотря на спорность многихъ положеній докладчиковъ, всетаки занятія съѣзда дали одинъ несомнѣнно цѣнный результатъ. Историческій анализъ развитія національной идеи,—можетъ быть, и невѣрный въ цѣломъ рядѣ частностей,—всетаки вновь подтвердилъ, что современная національная идея—демократическаго происхожденія и что она стала лишь возможной въ результатѣ коренного политическаго переворота, вызваннаго французской революціей. Такимъ образомъ только случайныя условія вызываютъ связь между національнымъ движеніемъ и реакціей, которую часто приходится наблюдать. Органически же реакція и національное сознаніе ничѣмъ между собой не связаны, и реакціонныя группы поэтому не имѣютъ никакого основанія считать себя провиденціальными защитниками національной идеи.

И. О. Левинъ.

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

М. Е. Салтыковъ какъ администраторъ.

До сихъ поръ въ Рязани сохранились живыя свидѣтели административной дѣятельности великаго русскаго сатирика, бывшаго въ 1859 г. рязанскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1868 г.—предсѣдателемъ рязанской казенной палаты. Стариковъ его времени, правда, остается уже очень мало, но зато есть люди средняго возраста, хорошо помнящіе разсказы о немъ своихъ отцовъ. По общимъ отзывамъ, несмотря на свое ядовитое остроуміе и рѣзкость, въ обществѣ онъ былъ человѣкъ пріятный, но чуждавшійся общенія съ людьми. О томъ, что разговоръ его всегда былъ въ высокой степени интересенъ, нечего и говорить. По службѣ онъ былъ суровъ, и служить съ нимъ было не легко. Самъ будучи необычайно работоспособенъ,—того же по мѣрѣ ихъ силъ и способностей неотступно требовалъ онъ и отъ своихъ подчиненныхъ. Быстръ онъ былъ на пониманіе всего, съ чѣмъ бы ни пришлось ему встрѣтиться, до такой степени, что самую запутанную, написанную старинымъ приказнымъ слогомъ бумагу читалъ онъ, близко поднося ее къ своимъ близорукимъ глазамъ, настолько скоро, что по движенію его носа слѣва направо и обратно, по мѣрѣ того какъ глаза его пробѣгали строчки, можно было судить о стремительности процесса усвоенія имъ всего прочитаннаго. Прочтя бумагу, онъ бралъ перо и сразу полагалъ на бумагѣ резолюцію, поражавшую проникновенно яснымъ пониманіемъ того, что необходимаго, справедливаго и полезнаго для дѣла по бумагѣ этой нужно было сдѣлать. О высокой степени освѣдомленности его обо всемъ, что касалось до чиновниковъ, ему подчиненныхъ: образѣ ихъ жизни, привычкахъ, ихъ мѣстопребыванія внѣ служебнаго времени, свидѣтельствуетъ разсказъ и понынѣ здравствующаго въ Рязани лица, которое со временъ дѣтства хорошо помнитъ, какъ отца его, человѣка крайне богомольнаго, не пропускавшаго ни одной церковной службы,

разыскивали по приказанію Салтыкова, когда требовало того дѣло, въ церкви, и сразу именно въ той, въ которой онъ въ данное время находился. Такъ, если онъ пошелъ къ Николѣ Дворянскому, то туда за нимъ М. Е. и пошлетъ; разыскивать же его наугадъ у Николы Долгошеяго или Николы Ямскаго не будутъ. Кромѣ разсказовъ устныхъ, окрашенныхъ всегда болѣе или менѣе субъективно, о дѣятельности М. Е. съ документальною точностью свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ рязанскомъ историческомъ архивѣ дѣла. Одно изъ такихъ дѣлъ, обязанное своимъ возникновеніемъ исключительно ему, чрезвычайно ясно, подробно и точно обрисовываетъ нравы и порядки, царившіе въ томъ обществѣ, гдѣ Салтыкову приходилось жить и вращаться.

Дѣло это заключается въ слѣдующемъ. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія жилъ въ Рязани отставной маіоръ Вельяшевъ, мѣстный помѣщикъ. Въ одномъ домѣ съ нимъ жила жена ротмистра Кислинская. Оба они были людьми состоятельными, какъ дворяне-помѣщики вращались въ высшемъ губернскомъ обществѣ. Жили открыто, принимая и угощая гостей. Квартиру для себя нанимали въ одномъ изъ лучшихъ барскихъ домовъ въ городѣ. Прислуги, какъ мужской, такъ и женской, держали помногу. Какъ у Вельяшева, такъ и у Кислинской у каждаго свои были крѣпостные люди. Кромѣ того, Вельяшевъ распоряжался крѣпостными людьми своего родственника, богатаго рязанскаго помѣщика Рюмина, имѣніемъ котораго управлялъ. Въ обществѣ Вельяшевъ пользовался репутаціей человѣка добраго и ведущаго вполнѣ пристойный дворянину образъ жизни. Несмотря на эту репутацію, до свѣдѣнія властей задолго еще до Салтыкова доходили слухи о неимовѣрно жестокомъ обращеніи и Кислинской, и Вельяшева съ крѣпостными людьми. Директоръ рязанскихъ училищъ, Шиллингъ, спрошенный въ 1859 г. по дѣлу, возбужденному Салтыковымъ, о зарѣзавшихся мальчикахъ Кислинской, показалъ, что года три назадъ, т.-е., надо думать, въ 1855 г., онъ, будучи въ кабинетѣ рязанскаго губернатора Новосильцева, слышалъ, какъ Новосильцевъ говорилъ присутствовавшему тутъ же помѣщику Рюмину, чтобы тотъ не допускалъ своего родственника и управляющаго имѣніемъ Вельяшева, съ которымъ живетъ барыня Кислинская, совершать жестокости надъ принадлежавшими ему, Рюмину, крѣпостными людьми. Но, повидимому, какъ то явствуетъ изъ впослѣдствіи производившагося о Вельяшовѣ и Кислинской судебнаго дѣла, слова губернатора такъ словами и остались безъ какого-либо осязательнаго результата. Изъ слѣдственнаго о Вельяшевѣ и Кислинской производства видно, что, когда производившіе слѣдствіе стряпчій уголовныхъ дѣлъ и штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ потребовали отъ полиціи свѣдѣній, кто именно и когда изъ людей, принадлежавшихъ Вельяшеву, Кислинской и Рюмину, былъ наказанъ по распоряженію Вельяшева, то приставъ Астраханской части города

Рязани, Новалишинъ, представилъ цѣлую вѣдомость, разграфленную и начисто переписанную, о высѣченныхъ въ части людяхъ подъ такимъ заглавіемъ: „Списокъ людямъ, которые по запискамъ г. Вельяшева поступали въ Астраханскую часть для наказанія, начиная съ 1853 г. по сіе время" (т.-е. по октябрь 1859 г.) [1].

№№ по порядку.		
	Годъ 1853-й.	
1	Декабря 28—г. Рюмина дворовая дѣвка Матрена Александрова.	
	Годъ 1854-й.	
2	Января 12—г. Вельяшева дѣвка Ольга Михайлова.	
3	Марта 12—его же крестьянинъ Емельянъ Кузьминъ.	
4	„ 17—его же крестьянинъ Василій Гавриловъ.	
5	„ 22—г. Рюмина крестьянинъ Титъ Поликарповъ.	
6	„ 23—г. Вельяшева дѣвка Ольга Михайлова, и такъ далѣе на двухъ страницахъ.	

Въ 1857 г., уже послѣ разгонора губернатора Новосильцева съ помѣщикомъ Рюминымъ, сѣченіе рюминскихъ крестьянъ въ полиціи не только не уменьшилось, но еще усилилось, какъ то видно изъ списка, составленнаго Новалишинымъ. Такъ, въ январѣ 1857 г. высѣчены дворовыя женщины Матрена Павлова, Александра Дмитріева и Ѳедосья Тихонова. Съ записками Вельяшева люди для наказанія ихъ „полицейскими мѣрами", какъ говорится въ этихъ запискахъ, до сихъ поръ сохранившихся и подшитыхъ къ дѣлу, посылались и въ другую часть города Рязани, Московскую, но приставъ Московской части списка наказанныхъ слѣдователямъ не представилъ, отозвавшись тѣмъ, что въ московской части предшественниками его по должности записи о присылаемыхъ помѣщиками для наказанія людяхъ не велось. Въ руки властей рюминскіе крѣпостные предавались не только для сѣченія, но и для отправки въ Сибирь на поселеніе. Такъ, Рюминымъ была сослана въ Сибирь служившая у Кислинской дѣвушка Софья по наговору Вельяшева, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ Кислинской и представлявшаго Рюмину эту дѣвушку грубой и воровкой. Изъ всего вышеприведеннаго съ непреложною очевидностью ясно, что до Салтыкова губернскія власти, зная о дѣяніяхъ Кислинской и Вельяшева и на словахъ протестуя противъ этихъ дѣяній, на дѣлѣ не только не препятствовали названнымъ лицамъ продолжать далѣе въ томъ же духѣ, но и сами по долгу службы являлись для нихъ необходимыми помощниками, такъ какъ сѣчь людей помѣщикамъ можно было и домашнимъ образомъ безъ полиціи, но ссылать въ Сибирь и дѣлать изъ нихъ пересыльныхъ арестантовъ безъ увѣдомленія о томъ властей, въ полное распоряженіе которыхъ ссыльные передавались, было

[1]) Въ октябрѣ 1859 г. производилось самое слѣдствіе.

никоимъ образомъ невозможно. Лишь благодаря тому, что въ 1859 г. губерніею за отъѣздомъ губернатора временно управлялъ М. Е., дѣло сразу повернулось иначе. Правда, что именно въ это самое время управленія Салтыковымъ губерніей случилось особенное обстоятельство, давшее М. Е. возможность приступить къ немедленнымъ дѣйствіямъ. Два крѣпостныхъ мальчика Кислинской, служившіе у нея въ домѣ, родные братья—Иванъ 14-ти и Гаврила 11-ти лѣтъ—Афанасьевы, рѣшили отъ невыносимой жизни покончить съ собой. Къ рѣшенію этому они пришли вполнѣ сознательно, какъ къ единственно для нихъ возможному исходу избавиться отъ невыносимой жизни, состоявшей сплошь изъ постоянныхъ побоевъ, истязаній, сѣченія и ругательствъ. Мальчики убѣжали изъ дома Кислинской, взявъ съ собой изъ буфета только что отточенный столовый ножъ, перелѣзли черезъ заборъ въ сосѣдній садъ и тамъ пытались зарѣзаться. Первымъ рѣзался младшій—Гаврила. Ребенокъ ударилъ себя ножомъ по горлу два раза и нанесъ себѣ тяжелую рану, отъ которой въ скоромъ времени въ больницѣ и скончался. Старшій мальчикъ, Иванъ, схвативъ выпавшій изъ рукъ братишки окровавленный ножъ, сталъ рѣзаться на бѣгу, испугавшись увидавшихъ ихъ людей. Со страху онъ, уже нанеся себѣ рану по горлу, еще нашелъ въ себѣ силы залѣзть на ветлу, съ которой снялъ его полицейскій солдатъ. Подъѣхавшимъ частнымъ приставомъ оба мальчика были немедленно на извозчикѣ отправлены въ больницу. Случаи попытокъ къ самоубійству крѣпостныхъ людей отъ невыносимаго обращенія Кислинской бывали и раньше, но никому изъ властей и въ голову не приходило отождествлять эти случаи съ злоупотребленіемъ помѣщичьей властью, какъ это сразу сдѣлалъ Салтыковъ, отправивъ немедленно по полученіи имъ свѣдѣнія о происшествіи бумагу губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему слѣдующаго содержанія:

М. В. Д.
Начальникъ Рязанской
губерніи.
По канцеляріи столъ 3.
Сентября 28. 1859 г.
Рязань.
в. вужное.

Господину Губернскому Уголовныхъ
дѣлъ Стряпчему Полозову.

Вчера 27-го Сентября, два мальчика, находящіеся въ услуженіи у полковницы Кислинской, проживающей въ г. Рязани у Г. Вельяшева, покусились на собственную свою жизнь. При этомъ въ городѣ существуетъ молва, что покушеніе это произошло отъ многократно повторявшихся жестокихъ истязаній какъ со стороны владѣлицы ихъ, такъ и со стороны Г. Вельяшева, которые будто бы, даже въ самый день покушенія, угро-

жали означеннымъ мальчикамъ новыми истязаніями. А потому предписываю вамъ о происшествіи этомъ произвести строжайшее формальное слѣдствіе, по окончаніи представить оное ко мнѣ. Къ сему присовокупляю

1-е, что я вмѣстѣ съ симъ отнесся къ Рязанскому жандармскому штабъ-офицеру съ предложеніемъ присутствовать при производствѣ вами слѣдствія.

2-е, что Рязанская градская полиція, несмотря на всю важность происшествія, впродолженіи всего вчерашняго дня, не довела объ немъ до моего свѣдѣнія; это обстоятельство я предлагаю вамъ имѣть въ виду на тотъ конецъ, что, быть можетъ, черезъ несвоевременное донесеніе полиціи и неназначеніе тотчасъ же слѣдствія, самые слѣды преступленія сдѣлались уже не столь ясными. Вмѣстѣ съ симъ, если со стороны Рязанской градской полиціи произошли по сему дѣлу какія-либо упущенія, то прошу васъ мнѣ объ оныхъ подробно донести. Исправляющій должность рязанскаго гражданскаго губернатора Вице-губернаторъ

М. Салтыковъ.

Самое происшествіе изъ показанія старшаго мальчика Ивана Афанасьева (младшій Гавріилъ сдѣлался тотчасъ же такъ слабъ, что говорить почти ничего не могъ) представляется въ такомъ видѣ. Утромъ въ воскресенье, 27 сентября 1859 года, баринъ Вельяшевъ, какъ ему по его барскому званію и надлежало, уѣхалъ съ своими людьми—кучеромъ, лакеемъ и охотникомъ—на охоту съ борзыми. Барыня встала и принялась тоже за свое обычное и по положенію барыни присвоенное ей занятіе—выискиваніе разныхъ упущеній со стороны прислуги. На этотъ разъ оказалось, что мальчикъ Иванъ Афанасьевъ не успѣлъ вытереть пыль со стульевъ. Оправдывался онъ тѣмъ, что старшій лакей Николай, уѣхавшій съ бариномъ на охоту, ничего не дѣлаетъ, а ему не успѣть по дому одному все сдѣлать. Барыня сначала била его по щекамъ, потомъ принялась стегать хлыстомъ, который употребляла при катаньѣ на лошадяхъ. Управившись съ Иваномъ, она отправилась посмотрѣть, что дѣлаетъ Гаврила. Одиннадцатилѣтній Гаврила тотчасъ же оказался важнымъ преступникомъ. Онъ сидѣлъ въ передней и смазывалъ охотничьи сапоги Вельяшева оленнымъ, тогда какъ сапоги должны были быть смазываемы рыбьимъ жиромъ. Рыбьяго жира, какъ оказалось, въ домѣ не было. Барыня поколотила Гаврилу и объявила имъ обоимъ, что хотя отецъ, мать и братья ихъ и отпущены для пропитанія себя на оброкъ, но она изъ нихъ, Ивана и Гаврилы, выжметъ сокъ, вгонитъ ихъ въ гробъ [1]); послѣ чего вышла на крыльцо и велѣла дворнику вязать розги. Мальчики, услыхавъ про розги, рѣшили зарѣзаться,

---

1) Показаніе мальчика Ивана.

взяли изъ буфета остро отточенный столовый ножъ и убѣжали въ сосѣдній садъ. Дворникъ, связавъ два пучка розогъ, принесъ ихъ и положилъ въ кухнѣ подъ лавку. Барыня тѣмъ временемъ хватилась мальчиковъ, но ихъ нигдѣ не оказалось. Искать ихъ она разослала людей въ разныя стороны. Посланные, возвратясь, доложили ей, что мальчиковъ съ перерѣзанными горлами, но еще живыхъ, полиція отправила въ городскую больницу. Вечеромъ пріѣхалъ Вельяшевъ и узналъ о происшествіи. Немедленно началось слѣдствіе, къ которому, кромѣ мальчиковъ, привлекли Кислинскую и Вельяшева. Покушеніе на свою собственную жизнь въ тѣ времена разсматривалось какъ тяжкое уголовное преступленіе, и покушавшимся грозило тяжелое наказаніе. Сознаніе со стороны мальчиковъ послѣдовало полное. Какого-либо сомнѣнія о томъ, что раны на горлѣ нанесены не ими самими, а чьею-либо посторонней рукою, быть никоимъ образомъ не могло. Мальчикъ Иванъ обо всемъ давалъ вполнѣ толковыя, подробныя показанія, умирающій же Гаврила былъ такъ слабъ, что на вопросъ слѣдователей, самъ ли онъ перерѣзалъ себѣ горло, чуть слышнымъ шопотомъ могъ отвѣтить „самъ". На вопросъ, не подучалъ ли кто его къ самоубійству, такъ же тихо, еле-еле слышно отвѣтилъ: „нѣтъ". Этимъ снятіе съ него допроса и ограничилось. Въ виду полнаго сознанія мальчиковъ и во исполненіе настоятельнаго требованія со стороны управляющаго губерніей — выяснить, какое отношеніе къ самоубійству мальчиковъ имѣло жестокое обращеніе съ ними ихъ господъ—все вниманіе слѣдователей было обращено на Кислинскую и Вельяшева. По дѣлу допрошены были многочисленные свидѣтели. Вся прислуга Вельяшева и Кисливской, какъ люди, бывшіе при нихъ во время происшествія, такъ и ранѣе служившіе, давали свои показанія. Каждому изъ допрашиваемыхъ слѣдователями предлагался вопросъ о томъ, какъ думаетъ свидѣтель или свидѣтельница, была ли попытка къ самоубійству мальчиковъ слѣдствіемъ жестокаго съ ними обращенія, или нѣтъ. Всѣ, за весьма лишь малыми исключеніями людей вольнонаемныхъ, служившихъ у Вельяшева и Кислинской за хорошее по тому времени жалованье, показали, что причиной было жестокое обращеніе. Сами Вельяшевъ и Кислинская цѣликомъ отрицали жестокое съ своей стороны обращеніе съ людьми. На допросахъ Вельяшевъ называлъ себя управляющимъ Кислинской и говорилъ о томъ, что его довѣрительница не только не строга, но скорѣе слаба съ людьми. Мальчиковъ Ивана и Гаврилу, по его мнѣнію, даже баловала, потворствуя ихъ лѣни и шалостямъ. Кислинская говорила, что ея задачей было замѣнить мальчикамъ родную мать и сдѣлать изъ нихъ честныхъ и работящихъ людей. Ихъ она не била и не сѣкла, а если разъ лѣтомъ того же года въ деревнѣ и постегали немного мальчика Ивана, то это сдѣлано было по приказанію Вельяшева. Почему мальчики покусились

на свою жизнь, она рѣшительно недоумѣваетъ. Утромъ въ день происшествія она ихъ не била ни хлыстомъ, ни руками. Что выжметъ изъ нихъ сокъ и загонитъ ихъ въ гробъ не говорила и вязать на нихъ розги, какъ показываетъ дворникъ, не приказывала. Въ срединѣ уже слѣдствія ею было прислано слѣдователямъ письменное заявленіе о томъ, что она открыла истинную причину покушенія мальчиковъ на свою жизнь. Мальчики пили водку!!!... Какую же находитъ она причинную связь между питьемъ водки и самоубійствомъ, въ заявленіи объяснено не было. По поводу этого заявленія тотчасъ же было произведено разслѣдованіе, по которому и оказалось, что мальчики сами водку не пили, но водка, по условіямъ ихъ каторжной жизни, имъ была рѣшительно необходима, и они стремились добывать ее во что бы то ни стало, такъ какъ, рискуя постоянно быть высѣченными или дома, или въ полиціи, они только водкой могли склонить людей, приводившихъ вздъ ними въ исполненіе рѣшенія Кислинской, быть къ нимъ возможно сострадательными и не запарывать ихъ на смерть. Такимъ образомъ по разслѣдованіи получилось какъ разъ обратное тому, что изобрѣла барыня. Въ противовѣсъ показаніямъ прислуги Кислинская просила слѣдователей допросить объ обращеніи ея съ служившими у нея людьми ея знакомыхъ, часто бывавшихъ и гостившихъ у нея въ домѣ. Просьба ея была уважена, и передъ слѣдователями прошелъ цѣлый рядъ типовъ дореформеннаго времени почтенныхъ людей—членовъ губернскаго общества, безусловно снявшихъ въ своихъ показаніяхъ съ Кислинской всякія обвиненія. Нашелся и такой ея доброжелатель, который ее самое выставилъ какъ безропотно терпѣвшую отъ безнравственности—кого же?—малолѣтняго Гаврилы!, уже успѣвшаго къ этому времени умереть въ больницѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ показаній, записанныя лицами, дававшими ихъ собственноручно, съ соблюденіемъ ихъ правописанія.

Штабсъ-капитанъ Дмитрій Дмитріевичъ Ошанинъ показалъ:

Въ продолженіи болѣе года я знакомъ съ г-жей Кислинской и знаю хорошо двухъ мальчиковъ Ивана и Гаврилу Афанасьевыхъ. Г-жа Кислинская при мнѣ никогда никого изъ нихъ не наказывала, такъ рано и ни одного изъ ея служителей. Иванъ же въ бытность мою въ селѣ Матырѣ былъ наказанъ розгами г-мъ Вельяшевымъ. Про Ивана я ничего не могу сказать положительно какая была причина доведшая его до самоубійства. Но Гаврила былъ въ высшей степени безнравственный мальчикъ; это заключеніе я дѣлаю отъ того что слышалъ самъ клятвы произносимыя имъ отцу своему Тогда же (еще сойдя въ низъ—это было на верху говорено имъ) я счелъ долгомъ предупредить г-жу Кислинскую чтобъ не держать въ домѣ такого нравственнаго урода. Клятва мальчика заключалась въ слѣдующемъ—(Чортъ тебя возьми старый чортъ).

Штабсъ-капитанъ Д. Ошанинъ.

Коллежскій асессоръ Францъ Францовъ де Ладвезъ, обнаружившій большое пристрастіе къ употребленію буквы ять, показалъ:

Двухъ мальчиковъ г-жи Кислинской я знаю, и что они покушались на свою жизнь мнѣ извѣстно, и бывая у г-жи Кислинской и Вельяшева въ продолженіе пяти лѣтъ довольно часто я не видалъ никогда чтобы г-жа Кислинская ихъ какимъ либо манеромъ наказывала, и долгомъ считаю прибавить не видалъ никогда никакого знака на ихъ лицахъ и ихъ самихъ т. е. мальчиковъ въ слѣзахъ, кромѣ того что мальчики всегда были хорошо одѣты и вѣселы, а г-жа Кислинская съ ними обращалась кротко и ласково, на счетъ же прочихъ ея людей знаю достовѣрно, что они содержутся очень хорошо, пища у нихъ прекрасная, и одѣваютъ ихъ прилично, и никогда при мнѣ не ругали.

Асессоръ де Ладвезъ.

Показанія другихъ знакомыхъ Кислинской и Вельяшева въ томъ же духѣ, и по нимъ можно заключить, что въ домѣ ихъ всегда была тишь да гладь да Божья благодать, но впечатлѣніе отъ этихъ показаній измѣняется, если сопоставить съ ними показаніе дворового человѣка Чепурина, служившаго въ аптекѣ напротивъ дома, занимаемаго Кислинской.

Никифоръ меня звать, Сазоновъ сынъ, по фамиліи Чепуринъ, отъ роду 23 года, вѣры православной, на исповѣди и у Св. Причастія бываю ежегодно, грамотѣ не знаю, судимъ не былъ. Дворовый я человѣкъ г. Зейтцъ; жилъ и живу по сосѣдству съ домомъ Вельяшева. Господъ Вельяшева и Кислинскую я знаю, но о томъ, какъ они обращались съ своими слугами я не знаю и ничего не слыхалъ. Разъ только, года полтора тому назадъ, когда жили Кислинская и Вельяшевъ въ домѣ Таптыкова, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такого происшествія. Служившая у Кисливской какая то дѣвушка, растрепанная и въ слезахъ выбѣжала изъ дому и бросилась по улицѣ къ Астрахавской заставѣ. Кисливская же высунувшись въ окно, кричала чтобы бѣгущую дѣвушку задержали, но удержать дѣвушку никто не могъ, несмотря на то, что вышли по зову Кислинской изъ дому двое мужчинъ. Отчего эта дѣвушка бѣжала я не знаю и никого объ ней не распрашивалъ. Слышалъ я только, что Кислинская вообще барыня злая и жестоко поступаетъ съ своими людьми. Какая причина побудила мальчиковъ Кислинской посягнуть на свою жизнь я не знаю, но былъ слухъ, что они зарѣзались отъ строгаго съ ними обращенія Кислинской. Про Вельяшева же я ничего дурнаго не слыхалъ. Показалъ все по сущей правдѣ, подвергая себя за ложь сужденію по законамъ. Къ сему показанію по безграмотству Никифора Сазонова и его личной просьбѣ Коллежскій Регистраторъ Аркадій Углецкій руку приложилъ.

Никифоръ Сазоновичъ Чепуринъ до сихъ поръ въ г. Рязани благополучно здравствуетъ и описанную въ своемъ показаніи сцену отлично помнитъ.

Родители зарѣзавшихся мальчиковъ показали слѣдующее. Отецъ Аѳанасій Михайловъ отъ роду 69 лѣтъ свидѣтельствовалъ:

Купленъ я былъ Кислинской отъ помѣщика Кублицкаго вмѣстѣ съ семействомъ года полтора тому назадъ. Вся бѣда моя въ томъ, что Кислинская, какъ

и прежній мой владѣлецъ Кублицкій, думаетъ, что у меня денегъ много, такъ какъ я 34 года, ходя по оброку, управлялъ имѣніями разныхъ господъ, и проситъ съ меня за выкупъ, какъ раньше просилъ и Кублицкій, то чего я не имѣю. Если бы просили съ меня умѣренную плату, то я конечно бы откупился. У дѣтей своихъ въ больницѣ я былъ, и они мнѣ говорили, что зарѣзались отъ дурного съ ними обращенія. Рѣшились они на это, услыхавъ, что барыня приказала вязать для нихъ розги. Вельяшевъ и Кислинская говорятъ, что я, жена моя и вся семья отличается безнравственностью. Это не вѣрно. Если бы я былъ человѣкомъ безнравственнымъ, то меня не стали бы столько лѣтъ держать разные господа, у которыхъ я столько лѣтъ былъ управляющимъ. Что касается до моей жены, то если бы она была безнравственная женщина, стала ли бы ее Кислинская держать у себя въ домѣ экономкой. Когда моя жена была экономкой, то Кислинская ее жестоко била. Вельяшевъ говоритъ, что я просилъ у него записку въ часть, чтобы наказать старшаго моего сына, служившаго у него лакеемъ и теперь отпущеннаго на оброкъ, за то будто бы, что онъ осмѣлился прибить свою мать, а мою жену. Это не правда. Дѣтей я своихъ воспитывалъ строго и никакихъ поводовъ къ дурнымъ поступкамъ имъ не давалъ. Бранить и проклинать другъ друга дѣти мои никогда не осмѣливались. Не смѣли они никогда бранить меня или мать свою. Старшаго же своего сына я дѣйствительно разъ наказалъ въ полиціи, но не за то, что онъ хотѣлъ побить мать свою, а за то, что онъ былъ пьянъ во время охоты. И наказалъ я этого старшаго сына не потому, что я хотѣлъ наказать его, а по желанію господъ.

Жена Аѳанасія Михайлова, Варвара Иванова, показали, что когда она жила у Кислинской въ домѣ экономкой, то барыня обращалась съ ней жестоко. Рука у Кислинской тяжелая, какъ безменъ—какъ ударитъ, такъ и зазвонитъ. Отъ побоевъ барыни она и сейчасъ глухая на лѣвое ухо. Сиповей ея, теперь зарѣзавшихся, барыня била сильно и часто. Старшаго сына, который теперь отпущенъ на оброкъ, барыня, когда онъ жилъ у нея въ домѣ, тоже сильно била. Вельяшевъ добрѣе барыни, и она имъ довольна.

Служившіе у Кислинской и Вельяшева показали, что тѣ обращались съ ними въ высшей степени жестоко, и свидѣтели, разсказывая о себѣ, попутно разсказали и судьбу уже замученныхъ Кислинскою жертвъ. Интересно въ разсказахъ этихъ забитыхъ людей то, что Вельяшева они считали человѣкомъ добрымъ, съ которымъ можно было бы еще жить, если бы не барыня Кислинская. Кто же въ ихъ глазахъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ называться злымъ, если Вельяшевъ былъ добрымъ!... Изъ числа особенно потерпѣвшихъ отъ Кислинской является ея прачка, 20-тилѣтняя женщина, Марья Павлова, несмотря на свою молодость уже успѣвшая хватить много горя, сказавшая ей во время слѣдствія на очной ставкѣ:

Вы, Александра Михайловна, такъ меня били года 4 тому назадъ за то, что я не успѣла разгладить дѣтское платьице, когда я была беременна и ходила 8 мѣсяцевъ, что съ вашихъ побоевъ родила я преждевременно ребенка урода, который вскорѣ и умеръ. Ребенка этого видѣлъ докторъ Малиновъ, когда лѣчилъ меня больную послѣ родовъ, лежала я тогда у васъ въ чуланчикѣ. Были

вы меня и сѣкли, и послѣдній разъ годъ тому назадъ тоже беременную высѣкли въ части. О томъ, что я беременна, я въ части со страха не заявляла.

Кислинская и докторъ Малининъ заявленіе Маріи Павловой вполнѣ опровергали, причемъ Малининъ говорилъ, что онъ не помнитъ, чтобы ребенокъ родился уродцемъ.

Давала свои показанія бывшая горничная Кислинской, мѣщанская дѣвушка Александра Ипполитова. Мѣщанство далось ей не даромъ. Была она прежде крѣпостной помѣщика Рюмина. Вельяшевъ выкупилъ ее у Рюмина, и плату, внесенную за нее, она должна была зарабатывать, служа 6 лѣтъ горничной у Кислинской. Показанія свои она начала съ того, что сняла съ головы платокъ и показала слѣдователямъ плѣшины на своей головѣ, гдѣ волосы, выдранные у нея Кислинской, болѣе не вырастали. Кислинской на очной ставкѣ она сказала:

Помните, когда я у васъ служила, какъ вы меня били, выдрали мнѣ волосы, сѣкли въ части, морили голодомъ. Помните, какъ вы довели своимъ мучительствомъ дѣвушку Ольгу Михайлову портниху до того, что она отъ васъ утопилась. Каждый день, а то и по нѣсколько разъ на день били вы ее своими руками, рѣдкую недѣлю не сѣкли въ городѣ въ части, приказывали сѣчь ее на сходѣ мужикамъ, сѣкли и дома. Разъ высѣкли ее въ новой пристроенной къ дому комнатѣ, когда ее привезли изъ города, гдѣ въ части она была высѣчена. Вы велѣли распарить розги въ кипяткѣ изъ самовара и распаренными розгами жестоко высѣкли Ольгу, которую я по вашему приказанію держала. Остригли ей косу, привязали ее на веревку къ мебели, всячески ее страмили, заставляли людей плевать на нее, называть ее собакой. Одѣвали вы ее въ худую поневу и лапти, водили ее остриженную. Ольга отъ васъ утопилась, когда вы на святой недѣли послали ее бѣлье мыть на рѣчку.

Вельяшеву на очной ставкѣ Александра Ипполитова сказала:

Вы, Иванъ Васильевичъ, помните, когда Александра Михайловна стала бить Ольгу, вы сказали: „не стоитъ тебѣ объ нее марать рукъ"—вывели Ольгу въ сѣни и въ сѣняхъ били ее сложеннымъ вдвое охотничьимъ арапникомъ по спинѣ. Отъ этихъ побоевъ сама я видѣла у Ольги на спинѣ синія пятна.

Вельяшевъ отвѣтилъ, что Ольгу онъ не билъ.

Была допрошена мать Ольги.

Матреной меня звать, Лаврентьева дочь—отъ роду 40 лѣтъ, вѣры православной, на исповѣди и у Св. Причастія бываю ежегодно, грамотѣ не знаю, судима и наказана никогда и ни за что не была. Крестьянская я вдова деревни Дьяконова г. Рюмина. Около трехъ лѣтъ назадъ тому я принадлежала г. Вольяшеву. Семья у меня большая: пять дочерей и два сына. Изъ дочерей моихъ одна Ольга пропала безъ вѣсти. Эта дочь моя Ольга была отдана прежнимъ владѣльцемъ Ѳедоровскимъ въ Рязань къ портнихѣ; по покупкѣ имѣнія у Ѳедоровскаго Вельяшевымъ, жившая у Вельяшева барыня Александра Михайловна Кислинская взяла дочь мою отъ портнихи къ себѣ въ комнаты. Житье моей дочери у Кислинской было самое плохое. Не проходило дня, чтобы Кислинская нѣсколько разъ своеручно не била дочь мою, мало того, что Кислинская ее била, но нѣсколько разъ и сѣкли. Сѣкли ее и въ деревнѣ Дьяконовѣ, гдѣ жила Кислинская, въ ригѣ при народѣ раза два; сѣкли и въ полиціи. Въ полиціи ее сѣкли едва ли

не каждую недѣлю. Бывало изъ деревни посмотришь кого везутъ въ городъ сѣчь—и везутъ все дочь мою. У меня сердце изболѣло, глядя на ея мученія. Разъ я помню, это было въ чистый понедѣльникъ года четыре тому назадъ, (Кислинская) не довольствуясь тѣмъ, что била и сѣкла ее, еще остригла ей голову. Стригъ сперва цикей, но такъ какъ онъ стригъ не такъ, какъ хотѣла барыня, взялъ ножницы самъ баринъ Вельяшевъ и самъ остригъ дочь мою. Стриженую дочь мою Кислинская, какъ только могла, постоянно позорила; приказывала каждому бывающему у нея въ гостяхъ или за чѣмъ другимъ плевать на нее, привязывала къ стульямъ или къ чему другому и привязанную называла ее собакой. Послѣ такого мученія и позора бывало случится какъ нибудь тайкомъ дочь моя Ольга прибѣжитъ ко мнѣ и плачетъ, разсказываетъ, что съ ней дѣлала Кислинская. Я цѣлую недѣлю послѣ того хожу, какъ шальная, не зная, какъ пособить дочери. При разсказахъ дочь моя неоднократно говорила, что ей нехватаетъ терпѣнія и что она готова или утопиться или удавиться. Послѣ же того, какъ остригли дочь, на Святой недѣлѣ, я помню хорошо, въ пятницу, когда меня не было дома, я куда то уходила въ гости, барыня послала дочь мою на рѣчку, но только съ рѣчки она болѣе не возвращалась. Что съ ней случилось, куда она дѣвалась—Богу извѣстно. Нашли только на берегу корзину съ бѣльемъ. Мужа моего отдали въ ратники и возили два раза для отдачи въ солдаты. Барыня все говорила, что мужъ мой научилъ дочь бѣжать и что онъ знаетъ, гдѣ она живетъ. Послѣ отдачи мужа въ ратники осталась я съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Мужъ мой въ ратникахъ померъ. О Вельяшевѣ я ничего не могу сказать дурного, и если бы не Кислинская, намъ жилось бы хорошо. Никакого дѣла о пропажѣ дочери моей не производилось, и меня никто о ней не спрашивалъ. Кромѣ моей дочери Кислинская била и всѣхъ другихъ, живущихъ у нее въ услуженіи. Къ сему показанію вмѣсто неграмотной Матрены Лаврентьевой священникъ Тимофей Миролюбовъ руку приложилъ.

Дворовый человѣкъ Иванъ Ефимовъ 55 лѣтъ, прежде принадлежавшій Вельяшову, показалъ:

Сѣкъ эту Ольгу и я по приказанію барыни. Помню еще, что при этомъ меня Вельяшевъ поколотилъ за то, что плохо сѣку, а высѣкли ее въ тотъ разъ очень больно, за что—не знаю. При этомъ присовокупляю, что и меня высѣкли два раза въ части, по чьему приказанію—не знаю.

Крестьянинъ Ѳедотъ Ларіоновъ показалъ:

Крестьянинъ я деревни Дьяконова г. Рюмина, а прежде принадлежалъ Вельяшеву. Съ Вельяшевымъ жила барыня Кислинская, которая только и дѣлала, что била и сѣкла людей. Особенно доставалось отъ нея дѣвушкѣ Ольгѣ. Не проходило дня, чтобы Кислинская ее не поколотила. Рѣдкую недѣлю не была она сѣчена, то на деревнѣ, то въ городѣ. Больше въ городѣ. Слышалъ я, что послѣ меня ей косу остригли и плевать на нее заставляли, но это дѣло было безъ меня, я былъ тогда отпущенъ на оброкъ. Безъ меня и пропала эта дѣвушка. Какъ она пропала—я не знаю. Пропала она вѣроятно отъ тяжкой жизни. Когда я служилъ у Вельяшева кучеромъ, меня два раза чрезъ восемь дней одинъ послѣ другого, высѣкли въ Московской части и высѣкли такъ жестоко, что я былъ боленъ съ недѣлю. Сѣкли меня, хотя и по распоряженію Вельяшева, но по настоянію барыни Кислинской. За что она на меня сердилась—я и по настоящее время не знаю. Людей, которыхъ возили изъ Дьяконова въ городъ для наказанія сѣкли большею частью въ Московской части, гдѣ былъ приставомъ Красновъ, который померъ. Въ Астраханской части людей для сѣченія, не знаю

почему мало принимали. Болѣе не знаю ничего; показалъ же все по сущей правдѣ, подвергая себя за ложь сужденію по законамъ. При этомъ присовокупляю, что когда я жилъ у Кислинской въ г. Рязани кучеромъ, то Кислинская разъ заперла ко мнѣ въ конюшню жившую у нея дѣвушку Александру Ипполитову, гдѣ и морила голодомъ три дня. По безграмотству Ѳедота Ларіонова и его личной просьбѣ коллежскій регистраторъ Аркадій Углецкій руку приложилъ.

Много претерпѣвшая отъ Кислинской кухарка Степанида Герасимова (готовившая, надо думать, на прислугу, такъ какъ у Кислинской для себя были повара, тоже дававшіе по дѣлу о мальчикахъ показанія), послѣ того какъ барыня крестила у нея ребенка, рѣшилась было покривить душой и сказала, что жить ей у барыни было хорошо. Вышло это у нея неудачно. Александра Ипполитова ей на очной ставкѣ сказала:

Ты, Степанида, явно подкуплена. Теперь послѣ того, какъ барыня крестила у тебя ребенка, ты говоришь, что жить тебѣ было хорошо. Неужто ты забыла такъ скоро, какъ тебя били и сѣкли. Сама же ты мнѣ говорила, когда высѣкли тебя въ части, куда водилъ тебя конторщикъ Рюмина Алексѣй Петровъ, такъ, что тебѣ сѣсть было нельзя, ты зарѣжешься или повѣсишься, и ты послѣ сѣченія клала себѣ ночью подъ подушку ножъ, чтобы зарѣзаться, а въ сараѣ дѣлала петлю изъ веревки, чтобы удавиться. Я тогда барынѣ докладывала, что Степанида хочетъ зарѣзаться. Барыня сказала—Чортъ съ ней! Пусть рѣжется. Стоявшая тутъ же женщина Анна Логинова, также дававшая по дѣлу показанія, плюнула на полъ близко отъ того мѣста, гдѣ стояла Степанида Герасимова и сказала.—Эхъ, Степанида, и не грѣхъ тебѣ! Ты душу христіанскую промѣняла на собаку!

Степанида видимо смутилась и отвѣчала: „Что же,—можетъ быть, одинъ разъ и сѣкли“.

Спрошенный по этому дѣлу конторщикъ Рюмина Алексѣй Петровъ показалъ, что онъ разъ двадцать водилъ отъ Кислинской людей въ часть для наказанія. Водилъ и Степаниду Герасимову нѣсколько разъ, водилъ дѣвушекъ Ольгу Михайлову, Василису, Матрену, Софью и другихъ. Надо замѣтить, что роды Степаниды Герасимовой совпали какъ разъ съ началомъ слѣдствія. Въ дѣлѣ есть записка частнаго пристава, что онъ не можетъ доставить въ слѣдственную комиссію дворовую женщину Степаниду Герасимову потому, что та лежитъ въ постели больная послѣ родовъ. Кислинская, надо думать, уже къ тому времени знала, что со всѣхъ служившихъ у нея будутъ снимать показанія, и потому поспѣшила сдѣлаться воспріемницей ребенка женщины, съ которой раньше обращалась хуже, чѣмъ съ собакой. Допрошены были всѣ, раньше служившія у Кислинской, дѣвушки, изъ которыхъ нѣкоторыя успѣли уже выйти замужъ, а одна—овдовѣть. Не доведены всѣ онѣ были до участи загубленныхъ Кислинской окончательно пропавшей дѣвушки Ольги и сосланной въ Сибирь Софьи, вѣроятно, потому, что пребываніе ихъ въ барскомъ домѣ было недолговременно. Ихъ брали

изъ деревни, заставляли ходить или за дѣтьми, или за собаками, били, сѣкли и потомъ обратно отправляли къ родителямъ. Въ какомъ состояніи были онѣ возвращены въ деревню, свидѣтельствуетъ показаніе крестьянской дѣвушки Ѳедосьи Тимофеевой, которая на очной ставкѣ съ Кислинской сказала:

Вы меня, Александра Михайловна, когда взяли изъ деревни ходить за вашими дѣтьми, постоянно били и сѣкли своими руками, а передъ тѣмъ, какъ отослать къ отцу въ деревню, высѣкли своими руками такъ жестоко, что з... мнѣ сдѣлали черной, чернѣе чернаго чела у печки.

Цѣлый рядъ другихъ показаній, отобранныхъ отъ людей, служившихъ въ домѣ Кислинской, и отъ ихъ родственниковъ, подтверждаетъ ту же тяжелую картину.

Кислинская просила допросить жившую у нея прежде въ кормилицахъ крестьянскую женщину Авдотью Абрамову, какъ той жилось въ ея домѣ, разсчитывая на то, что кормилица, которую ни бить, ни сѣчь розгами нельзя было уже потому, что все это отозвалось бы тотчасъ же на здоровьѣ ребенка, котораго она кормила, дастъ показаніе вполнѣ въ ея пользу. Крестьянка Авдотья Абрамова дала показаніе сдержанное, очевидно, вполнѣ по совѣсти, и сказала, что когда она жила у Кислинской въ кормилицахъ—правда, ее не сѣкли, но по щекамъ ее Кислинская отхлестала раза два за то, что она уронила барскаго ребенка, въ чемъ она и признаетъ себя виноватой. Другихъ же били и сѣкли. Дѣвушка Ольга пропала съ рѣчки. Думаетъ, что не отъ хорошаго житья. Пропала въ 1854 году, во время Севастопольской кампаніи.

Доктора въ дѣлѣ Кислинской дѣйствовали въ ея пользу, или отвергая цѣликомъ всѣ взводимыя на нее обвиненія, какъ лѣчившій въ ея домѣ докторъ Малининъ, или давая въ высшей степени уклончивыя заключенія, какъ сдѣлала это губернская врачебная управа въ заключеніи своемъ по осмотру крестьянки Мароы Ивановой, утверждавшей, что отъ побоевъ, нанесенныхъ ей Кислинской въ голову, и отъ сѣченія розгами она чувствуетъ постоянныя боли головы, спины и живота.

Въ дѣлѣ есть показаніе отца Мароы, крестьянина Ивана Ефимова.

Вы, г-жа Кислинская, дурно обращались съ своими слугами. Вы не должны забыть, какъ часто и больно били мою дочь Мароу, которая и теперь отъ васъ хвораетъ. Была она прежде дѣвка, а теперь и полдѣвки не стоитъ, прозѣвалъ я на нее цѣлковыхъ десять, а пользы нѣтъ. Еще хуже дочери моей было житье у васъ дѣвушкѣ Ольгѣ, которую вы каждый день били и часто сѣкли. У насъ на гумнѣ была своя часть, гдѣ наказывали людей.

Всѣ усилія М. Е. Салтыкова, направленныя на то, чтобы Кислинская и Вельяшевъ за свои дѣянія понесли хотя какую-либо отвѣтственность,

оказались тщетными. Отношеніе къ этому дѣлу судебныхъ установленій, признавшихъ поведеніе потерпѣвшихъ отъ Кислинской и Вельяшева людей вполнѣ заслуживавшимъ наказанія, ясно видно изъ ниже прилагаемаго рѣшенія рязанскаго уѣзднаго суда, съ которымъ вполнѣ согласилась и высшая инстанція—судебная палата. Рѣшеніе это, сохранившееся донынѣ въ архивѣ рязанскаго окружнаго суда, таково.

Рязанскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о г.г. Кислинской и Вельяшевѣ по обвиненію ихъ—во 1-хъ въ истязаніи госпожею Кислинскою дѣвушки Ольги; во 2-хъ о жестокомъ обращеніи ея, Кислинской, съ дворовыми людьми въ селѣ Дьяковновѣ; съ женщинами Марфой Ивановой и женщиной Марьей Павловой, и въ 3-хъ о самоубійствѣ двухъ мальчиковъ г-жи Кислинской, Ивана и Гаврилы Афанасьевыхъ, покусившихся на свою жизнь отъ жестокаго обращенія Кислинской нашелъ: 1. Что дѣвушка Ольга Михайлова по объясненію Кислинской, подтвержденному присяжными показаніями хозяина дома, гдѣ проживала Кислинская, купца Попова и крестьянки Александры Степановой, была развратнаго поведенія и въ квартиру Кислинской въ городѣ приводила любовниковъ и съ ними развратничала. Въ селѣ Дьяконовѣ назначала свиданія любовникамъ, которые производили буйство, за что и была неоднократно наказываема. Ольга не утонула въ рѣчкѣ, а убѣжала и находится въ живыхъ, что подтверждаетъ видѣвшая ее въ церкви села Радовицъ женка Варвара Иванова. 2. Что Марфа Иванова больна не отъ побоевъ, а отъ распутной жизни. Она отправилась въ Москву, пріобрѣла тамъ имущество и деньги и заболѣла дурной болѣзнью. 3. Что женщина Марья Павлова выкинула ребенка отъ побоевъ Кислинской—не подтверждается медицинскимъ свидѣтельствомъ. 4. Что изъ данныхъ дѣла обвиненіе г-жи Кислинской въ жестокомъ обращеніи съ людьми ничѣмъ не подтверждается. Вслѣдствіе сего, имѣя въ виду, что на основаніи 3-ей и 4-ой ст. 15-го тома 2-ой части никто не долженъ быть присуждаемъ къ наказанію безъ ясныхъ уликъ въ преступленіяхъ, Уѣздный судъ полагаетъ жену ротмистра Александру Кисливскую по всѣмъ указаннымъ выше дѣламъ отъ суда и слѣдствія любодить; причину же самоубійства мальчиковъ Гаврилы и Ивава Афанасьевыхъ предать волѣ Божьей. Что же касается до жестокаго обращенія ея, Кислинской, съ крѣпостными и наемными людьми и въ (?!) дозволенныхъ ей въ семъ случаѣ поблажкахъ со стороны г-на Вельяшева, то это обстоятельство на основаніи 421 ст. 14 тома Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій можетъ быть обсуждаемо судебными мѣстами только тогда, когда о семъ послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе, а потому, не имѣя таковаго повелѣнія, а равно жалобъ людей, находившихся въ услуженіи по найму, не должно входить въ сужденіе по сему предмету.

Рязанская уголовная палата оказалась вполнѣ согласной съ рѣшеніемъ уѣзднаго суда. Мальчика Ивана Афанасьева, покушавшагося на свою жизнь, Палата на основаніи ст. 2021-й тома XV, части 1-й приговорила подвергнуть церковному покаянію.

Есть и до настоящаго времени старые люди въ Рязани, которые хорошо помнятъ, какъ жила Кислинская послѣ освобожденія крестьянъ. Какъ только 19 февраля 1861 года отняли у нея возможность бить людей дубьемъ, она съ той же энергіей принялась бить ихъ рублемъ и въ широкихъ размѣрахъ занялась ростовщическими операціями. Жила

она открыто и богато. Особенное же впечатлѣніе на современниковъ производила она тѣмъ, что при ея выѣздѣ на козлахъ ея коляски, запряженной дорогими кровными лошадьми, рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ въ ливреѣ лакей-негръ.

Возбудивъ дѣло Кислинской и Вельяшева, М. Е. Салтыковъ не только избавилъ много бѣдныхъ, обездоленныхъ людей отъ тяжкихъ страданій, которыя съ сентября 1859 года, когда возникло это дѣло, могли бы быть имъ наносимы вплоть до марта 1861 года (Салтыковымъ немедленно были приняты мѣры по огражденію крѣпостныхъ Кислинской и Вельяшева отъ дальнѣйшихъ надъ ними насилій), но и намъ и потомкамъ нашимъ, благодаря собранному въ этомъ дѣлѣ вполнѣ достовѣрному матеріалу, далъ возможность на основаніи документальныхъ данныхъ судить, каково было житье крѣпостныхъ передъ самой реформой, наканунѣ ея. Толки о волѣ тогда раздавались уже такъ громко, что сама Кислинская показала на слѣдствіи, что, заботясь, какъ родная мать, о мальчикахъ Иванѣ и Гаврилѣ Афанасьевыхъ, она убѣждала ихъ быть честными, трудолюбивыми, говоря, что, когда они станутъ вольными, обучась въ ея домѣ дѣлу лакея и буфетчика, то будутъ получать хорошее жалованье!... Что образъ дѣйствій Кислинской и Вельяшева не представлялъ ничего такого, чѣмъ бы могло быть возмущено современное имъ общество, вполнѣ доказывается показаніями ихъ многочисленныхъ знакомыхъ, находившихъ ихъ людьми гостепріимными, вѣжливыми, благовоспитанными, ведущими вполнѣ пристойный дворянамъ образъ жизни. До Салтыкова никакихъ дѣлъ объ ихъ жестокостяхъ не производилось и по тогдашнимъ условіямъ и производимо быть не могло, и лишь совершенно случайному обстоятельству, что Салтыковъ временно управлялъ губерніей, все это дѣло обязано своимъ возникновеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Кислинская и Вельяшевъ не представляли ничего особеннаго въ смыслѣ жестокости для той эпохи,—именъ своихъ потомству они не передали, тогда какъ имена Чулкова, Стерлигова, Реткина и другихъ изъ ихъ современниковъ-помѣщиковъ, дожившихъ до 19 февраля 1861 года, народъ до сихъ поръ помнитъ.

Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что, затрогивая Вельяшева, Салтыковъ преслѣдовалъ не только отдѣльный случай злоупотребленія помѣщичьею властью, но пошелъ противъ освященнаго обычаемъ общаго тогда преклоненія предъ всесильнымъ могуществомъ откупщиковъ, содержавшихъ на откупу не только продажу питей, но и чиновничество всей губерніи всевозможныхъ ранговъ и положеній. Вельяшевъ, какъ видно изъ дѣла, былъ не кто иной, какъ управляющій имѣніями рязанскаго откупщика богача Рюмина и завѣдующимъ дѣлами его же, Рюмина, питейной конторы. По тому времени это былъ человѣкъ, в чтобы итти противъ него, надо было имѣть въ себѣ много граждан-

скаго мужества, хотя бы и нице-губернатору! Постъ завѣдующаго питейной конторой былъ въ высокой степени важенъ, потому что распредѣленіе взятокъ, платимыхъ откупомъ чиновникамъ, въ конторѣ этой и производилось, причемъ размѣръ взятокъ колебался отъ десяти тысячъ рублей въ годъ, платимыхъ предсѣдателю казенной палаты, до двухъ бутылокъ пива, посылавшихся на Рождество и на Пасху учителю уѣзднаго училища. Откупъ былъ силой, предъ которой все склонялось въ прахъ, такъ какъ лица, власть имѣвшія, откупомъ жили. Въ Рязанской губерніи особенно чувствовалось подавляющее значеніе откупщиковъ Рюмпиыхъ, изъ которыхъ основатель династіи изъ мѣщанина, кабацкаго сидѣльца, какимъ онъ былъ въ молодости, сдѣлался дворяниномъ, обладателемъ многомилліоннаго состоянія, владѣльцемъ богатѣйшихъ имѣній съ тысячами крѣпостныхъ душъ, виднымъ благотворителемъ, построившимъ въ Рязани на свой счетъ зданіе гимназическаго пансіона, и лицомъ,— что въ тѣ времена звучало особенно грозно,—удостаивавшимся чести— въ домѣ своемъ принимать особъ императорской фамиліи при проѣздѣ ихъ черезъ Рязань.

В. Гайдуковъ.

На перевалѣ.

Новая партія.

Въ концѣ мая 1914 г. вышла въ Петербургѣ въ изданіи редакціи еженедѣльника *Дымъ Отечества* небольшая брошюра „Новая Россія“ — Основы и задачи имперской народной партіи“. Въ виду крайней скудости современной злободневной политической литературы эта книжка, излагающая къ тому же символъ вѣры людей, организующихъ *новую* политическую партію, уже признанную вредной попечительнымъ начальствомъ, заслуживаетъ вниманія.

Наше политическое строительство еще только начинается. Существующими партіями политическая жизнь Россіи, очевидно, удовлетвориться не можетъ. Предстоятъ новыя образованія. Но одно уже сразу можно сказать основателямъ *новой* партіи. Литературными произведеніями партіи не создаются. Манифесты, подобные вышеприведенной брошюрѣ, могутъ только выражать взгляды слагающейся организаціи. Авторы же ея претендуютъ на нѣчто большее. И тутъ ихъ ждетъ жестокое разочарованіе. Партіи рождаются общественной борьбой. Пока въ русской жизни мы еще не видимъ той общественной борьбы, въ результатѣ или въ пылу которой могла бы создаться проектируемая народная партія. Мы видимъ только литературное произведеніе, книжку съ нѣсколько причудливымъ и необычнымъ для русскаго глаза сочетаніемъ обрывковъ прогрессивныхъ и демократическихъ идей съ „націонализмомъ“ весьма туманныхъ очертаній.

Если взять существующія уже у насъ политическія партіи, то бросается въ глаза, что уцѣлѣли, доказали свою жизнеспособность только родившіяся среди общественной борьбы: социалисты-революціонеры, вышедшіе изъ террористической борьбы, соціалъ-демократы, тѣсно спаянные съ рабочимъ движеніемъ, кадеты, родившіеся изъ сочетанія земско-городского движенія съ интеллигентскимъ Союзомъ Освобожденія, черносотенцы, рожденные грязью и кровью погромовъ. Даже октябри-

сты, если обладаютъ нѣкоторой жизнеспособностью, то исключительно благодаря выступленіямъ А. И. Гучкова и его друзей на земскихъ съѣздахъ съ протестомъ противъ федералистическихъ тенденцій, для чего *въ то время* требовалось несомнѣнное гражданское мужество. Всѣ же прочія якобы партіи, создаваемыя какъ правительственными канцеляріями („правовой порядокъ", „національный союзъ" и проч.), такъ и небольшими литературными или общественными группками (партія демократическихъ реформъ, свободомыслящихъ, радикаловъ, мирнаго обновленія и др.),—всѣ оказались мертворожденными. Суть дѣла, конечно, не въ программахъ. Въ программѣ прежде погибшихъ партій было много очень хорошихъ вещей и правильныхъ мыслей. Въ программномъ отношеніи иныя изъ этихъ партій совсѣмъ почти нельзя было отличить, напримѣръ, отъ кадетовъ, а между тѣмъ разница въ судьбахъ огромная. Объясняется это тѣмъ, что жизнеспособныя партіи создаются только въ процессѣ общественной борьбы.

Такой борьбы нѣтъ позади, и ея не чувствуется впереди, у лицъ, выступившихъ съ манифестомъ объ основахъ и задачахъ имперской народной партіи. Кому и что говорятъ имена А. Л. Гарязина, П. В. Васильева, Ив. Сухова, А. П. Савватѣева, Н. Е. Вѣрова, Н. Г. Козырева, Вѣчевого, А. Новгородскаго, П. Константинова, Н. Волховского? Мы перечислили всѣ имена авторовъ сборника, кромѣ имени члена Государственной Думы отъ Терской области М. А. Караулова, своеобразная личность котораго, какъ казака-монархиста-демократа, пользуется извѣстностью въ политическихъ кругахъ. Но вѣдь при такихъ условіяхъ это всего на всего партія М. А. Караулова, а не имперская, народная.

Сборникъ „Вѣхи", на который ссылаются авторы „Новой Россіи", никакой партійно-политической цѣли не преслѣдовалъ. Онъ занимался только пропагандой опредѣленнаго круга идей, безъ усвоенія которыхъ Россія не можетъ перейти къ прочному конституціонно-демократическому строю. Націоналистическій сборникъ „Ладо" преслѣдовалъ уже совсѣмъ другія цѣли, цѣли практической политики, и потерпѣлъ неудачу. Въ немъ общество сразу почувствовало фальшивыя ноты. Созданный на субсидіи полуказенный „національный клубъ" выступалъ въ немъ въ роли патрона національно-демократической программы, созданной двумя-тремя московскими интеллигентами, чуть ли не изъ бывшихъ революціонеровъ, опредѣленно поставившихъ своей задачей окрасить кадетскую программу въ національные цвѣта.

Авторы „Новой Россіи", несомнѣнно, усвоили часть идей, развивавшихся „Вѣхами". Необходимость государственнаго начала и сильнаго крестьянства, какъ основы для конституціоннаго преобразованія Россіи,—такова ихъ основная идея, проповѣдь которой не со вчерашняго дня ведется на страницахъ *Русской Мысли*. Но какъ политическое *дѣло*,

сборникъ „Новая Россія" боленъ тою же болѣзнью, что и „Ладо", хотя въ значительно ослабленной степени. Отъ него вѣетъ неискренностью. Онъ не внушаетъ довѣрія. Слова-то иногда и хорошія, но какъ вы будутъ дѣла? И есть намеки, что дѣла будутъ мало походить на слова.

Не говоримъ уже о такой, совершенно неприличной для „манифеста" новой политической партіи, статьѣ, какъ ничтожная фракціонно-полемическая замѣтка А. П. Савватѣева, вынужденнаго уйти изъ фракціи народной свободы и неосновательно нападающаго на ея правильныя съ принципіальной точки зрѣнія дѣйствія. Это—просто личные счеты одного изъ трехъ „учредителей" новой партіи. Конечно, и тотъ фактъ, что „учредитель" не могъ сдержаться при первомъ же шагѣ отъ сведенія личныхъ счетовъ, говоритъ достаточно громко, что надъ нами парятъ не орлы. Есть, впрочемъ, вещи и похуже. Тотъ же А. П. Савватѣевъ на стр. 56 приводитъ слѣдующій пунктъ „платформы московскихъ народныхъ націоналистовъ": „Русскій языкъ обязателенъ въ офиціальныхъ учрежденіяхъ польскихъ *на-ряду съ польскимъ*", и убѣждаетъ: „при такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста недовѣрію къ народной партіи, и каждый демократически и прогрессивно настроенный членъ какой бы то ни было народности, признающій свою неразрывную связь съ русскимъ государствомъ и вѣрящій въ великія культурно-національныя силы русскаго народа, можетъ смѣло входить въ составъ членовъ народной партіи" (стр. 58).

А черезъ двѣ страницы сотоварищъ его по „новой партіи" Н. Е. Вѣровъ горячо привѣтствуетъ Государственный Совѣтъ, отклонившій правительственный проектъ о допущеніи въ польскихъ городскихъ думахъ употребленія польскаго языка (съ обязательнымъ переводомъ польскихъ рѣчей на русскій языкъ). Н. Е. Вѣровъ находитъ, что „Государственный Совѣтъ въ данномъ случаѣ выдержалъ государственную роль" (стр. 61), и съ кощунственнымъ надѣвательствомъ надъ поляками и здравымъ смысломъ пишетъ: „Россія не можетъ итти по стопамъ нѣмцевъ уже по одному тому, что тамъ германизмъ встрѣтилъ *враждебную* ему славянскую культуру, которую и давитъ, у насъ же имѣется въ виду лишь прочнѣе привязать *родственный* (курсивы автора) намъ народъ" (стр. 66). Привязывать народъ, лишая его права говорить на родномъ языкѣ,—это какъ разъ программа крайнихъ правыхъ и правыхъ націоналистовъ, которыхъ сурово клеймятъ авторы „Новой Россіи" и отъ которыхъ они попытались отмежеваться въ московской платформѣ. Но кому же вѣрить: Савватѣеву или Н. Е. Вѣрову, московской платформѣ или „Новой Россіи"?? Какъ тутъ не быть мѣста недовѣрію!..

Неискренность чувствуется не только въ области „практической политики" сборника „Новая Россія". Отдаетъ ею и его идейная сторона. Сквозь всю „Новую Россію" проходятъ, чередуясь, два мотива: сно-

койно обдуманная государственно-конституціонная идея, полагающая своей опорой зажиточное и грамотное крестьянство, и сантиментально-ребяческія славянофильскія представленія о народномъ представительствѣ, видящія въ совѣщательныхъ земскихъ соборахъ прототипъ реформы 17 октября. Если въ популярныхъ агитаціонныхъ брошюрахъ еще допустимы подобныя сопоставленія, рожденныя давленіемъ цензуры, выкидывавшей вплоть до 1905 г. всякій намекъ на конституцію, то въ книгѣ, предназначенной для интеллигенціи, подобная литература, разсчитанная на добровольное поглупѣніе читателей, совершенно неумѣстна. Конституціонная реформа начала XX вѣка ничего общаго съ совѣщательнымъ земскимъ соборомъ не имѣетъ, и къ укрѣпленію абсолютизма, какимъ бы именемъ его ни называть, не послужитъ.

Вообще, публицистика „Новой Россіи“ довольно слаба. Большинство статей написаны вяло, сухо, безъ искры, безъ воодушевленія, безъ настоящей силы. Ярче другихъ въ литературномъ отношеніи статья Ив. Сухова „Кризисъ умѣренныхъ партій и способъ его разрѣшенія“. Авторъ нашелъ нѣсколько удачныхъ формулировокъ для своихъ мыслей. „Время 1905—1907 гг.,—справедливо говоритъ онъ,—сопровождалось много большею смутой въ умахъ, чѣмъ въ дѣлахъ“. Онъ удачно разбирается въ причинахъ такъ называемаго „космополитизма“ русской интеллигенціи и дѣйствительно, а не на словахъ только, понимаетъ законность и неизбѣжность извѣстной окраски настроеній интеллигенціи, не заподозривая ея мотивовъ. Лозунгомъ новой народной партіи Ив. Суховъ выставляетъ кличъ: „Русь безъ барина и мужика“, перефразируя извѣстный возгласъ: „Украина безъ хлопа и пана“. И непосредственныя задачи „народной партіи“, ея боевую, довлѣющую дневи сего, платформу онъ опредѣляетъ правильно, съ здравымъ реальнымъ чутьемъ русской жизни. „Администрація 1889 года (земскіе начальники), земство 1890 г., избирательная система 1907 г.,—говоритъ онъ,—три кита, на которыхъ покоится нашъ status quo“. Мысль Ив. Сухова дополняетъ другой сотрудникъ г. Вѣчевой (очевидно, псевдонимъ), справедливо утверждающій, что „бюрократическій режимъ неуклонно смѣняется олигархическимъ. Столицы и крупные промышленные центры не чувствуютъ еще этого „новаго“ режима, но почти во всей остальной Россіи политическое господство дворянъ-землевладѣльцевъ, опирающихся на законы 1889, 1890 и 1907 годовъ, стало уже, вполнѣ очевидно, совершившимся фактомъ. Верховники XX столѣтія, „объединенные дворяне“ стараются закрѣпить создавшееся положеніе“ (стр. 77).

Несмотря на нѣкоторыя фальшивыя ноты, въ сборникѣ „Новая Россія“ много здравыхъ и полезныхъ мыслей, которыя, какъ вѣрно замѣчаютъ авторы, „носятся въ воздухѣ“. Не только „носятся“, онѣ не-

однократно уже и высказывались послѣ 1905 года. Дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы высказать, а чтобы ихъ осуществить.

Къ худу или къ добру, Россія двинута на австрійскій путь развитія. Сила кадетской партіи была (и продолжаетъ оставаться) въ томъ, что ея идеалъ ведетъ Россію по американской дорогѣ государственнаго имперіализма, а не по австрійской дорогѣ воинствующихъ націонализмовъ, съ трудомъ уживающихся подъ единою государственной крышей.

Но въ настоящую минуту, надо откровенно признаться, идея „австрійская" побѣдила „американскую". Націонализмы страшно обострены. Можно, конечно, проводить различіе между наступательнымъ націонализмомъ народностей господствующихъ и націонализмомъ оборонительнымъ національностей угнетенныхъ. Нельзя однако скрывать, что націонализмъ каждой угнетенной народности при первой же возможности стремится въ свою очередь превратиться въ угнетающій. Исторія отношеній польско-еврейскихъ, польско-литовскихъ, эсто-нѣмецкихъ, латышско-нѣмецкихъ, армяно-грузинскихъ, армяно-татарскихъ и др. даетъ тому множество яркихъ примѣровъ.

Но хуже всего, что воинствующій націонализмъ угнетенныхъ народностей насильственно толкаетъ на націоналистическій путь и тѣ прогрессивныя русскія партіи, которыя, какъ, напримѣръ, кадеты, искренно, безъ всякой задней мысли, стояли на имперской платформѣ. Несомнѣнно, что когда наша соціалъ-демократія станетъ дѣйствительной силой, націоналистическій ферментъ разложитъ и ее, какъ сдѣлалъ это въ Австріи, какъ сдѣлалъ это въ рядахъ нынѣшней россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, торжественно объявленной на съѣздахъ единой и нераздѣльной.

Силою вещей конституціонно-демократическая партія, несмотря на свой имперскій характеръ, становится партіей великорусской. Объясняется это просто тѣмъ, что разныя народности Россіи при первой возможности стараются образовывать свои національныя „коло", свои національныя группы. Если въ избирательный законъ внесено будетъ больше справедливости, что усилитъ представительство инородцевъ, указанный процессъ приметъ еще болѣе быстрое теченіе.

При такихъ условіяхъ нарожденіе прогрессивной, демократической, но вмѣстѣ съ тѣмъ національной, русской партіи становится, быть можетъ, необходимымъ для утвержденія въ Россіи конституціонно-демократическаго строя. Сможетъ ли нынѣшняя партія народной свободы, сохраняя свой имперскій характеръ, удовлетворить новой потребности, или же процессъ отдѣленія представительства городовъ отъ представительства деревенской Россіи разложитъ эту одну изъ самыхъ сильныхъ нашихъ общественныхъ организацій,—дать на это точный отвѣтъ въ настоящее время нельзя. Не секретъ, что въ партіи народной сво-

боды идетъ внутренняя идейная борьба, которая въ конечномъ счетѣ сводится къ поискамъ соціальной опоры. На кого опираться: на городскую демократію или же на крестьянина-собственника, доросшаго до сознанія своихъ гражданскихъ правъ? Городская демократія является у насъ самымъ просвѣщеннымъ и наиболѣе подвижнымъ и дѣятельнымъ, послѣ фабрично-заводскаго пролетаріата, классомъ. Немудрено поэтому, что большинство кадетскихъ вождей тянутъ въ сторону городской демократіи, враждебной всякимъ націонализмамъ. Но и они понимаютъ, что безъ помощи крестьянской демократіи правового строя въ Россіи не утвердишь.

Крестьянская демократія должна организоваться и найти свое представительство. Только уже очень наивно смотрятъ на политическую жизнь авторы „Новой Россіи", если думаютъ, что организація крестьянской демократіи можетъ совершиться при помощи литературныхъ произведеній или организаціи общества либо партіи, допустивъ даже, что начальство ихъ легализуетъ. Такъ гладко и мирно дѣла не пойдутъ. Только путемъ постоянной неуклонной борьбы за крестьянскія права подъ лозунгомъ: „ни барина, ни мужика!", а главное только въ результатѣ широкой организаціонной работы, преодолѣвающей всѣ помѣхи, создастся крестьянская демократія.

Кто выполнитъ эти историческія заданія, на того и ляжетъ почетная, но отвѣтственная, обязанность представительствовать демократическую сельскую Россію.

А. С. Изгоевъ.

Опечатки.

Въ статьѣ *П. Б. Струве* о М. Е. Салтыковѣ въ майской книжкѣ вкрались досадныя опечатки:

На стр. 142, 9 стр. снизу, напечатано: „мертные самолично встали изъ гробовъ"; слѣдуетъ читать: „мертвые *самочинно* встали изъ гробовъ".

На стр. 143, 6 стр. сверху, напечатано: „...охарактеризованной сатирикомъ-публицистомъ какъ „цѣлую побѣду, сразу доведенную до безчинства"; слѣдуетъ читать: „...охарактеризованной сатирикомъ-публицистомъ какъ „цѣл*ая* побѣд*а*, сразу доведен*ная* до безчинства".

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Дума и страна. А. Рыкачева. — 2. Къ біографіи Д. А. Клеменца. С. Ф. Ковалика. — 3. Ростъ благосостоянія и паденіе рентабельности. Ст. Кона. — 4. Реклама и ея роль въ области завоеванія новыхъ рынковъ. І. М. Кулишера.

II. Литература и искусство.

1. Годъ русской поэзіи. Порубежники. Валерія Брюсова. — 2. Письма Бѣлинскаго. А. Корнилова. — 3. Двѣ книги о барокко. Р. Бернштейнъ-Вишницеръ.

III. Философское движеніе.

1. Судьбы новѣйшей психологіи. П. Эфрусси. — 2. Паѳосъ разума. А. Коральника.

IV. Воспитаніе и школа.

Эволюція современной деревни и задачи сельской школы. А. М. Обухова.

V. Естествознаніе.

Американскіе запасы радія. Ив. Каблукова.

VI. Военное и морское дѣло.

1. Частная инициатива и самодѣятельность въ военномъ дѣлѣ. К.— 2. Морскія замѣтки. Н. Нордова.

VII. Некрологъ.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Дума и страна.

Послѣ 3 іюня 1907 г., за всѣ эти семь лѣтъ, развѣ была у насъ въ сколько-нибудь широкихъ кругахъ населенія настоящая вѣра въ Государственную Думу, серьезная надежда на ея силу, подлинное уваженіе къ ея авторитету? И можно ли удивляться тому, что отъ времени до времени среди самихъ народныхъ представителей нашихъ и среди наиболѣе убѣжденныхъ сторонниковъ мирнаго конституціоннаго развитія раздаются голоса отчаянія и прямые призывы махнуть рукой на работу въ Таврическомъ дворцѣ?

То обстоятельство, что въ нынѣшнемъ году кадеты, принадлежащіе къ сей знаменательное названіе „отвѣтственной оппозиціи", впервые выступили съ предложеніемъ отвергнуть бюджетъ въ цѣломъ и вмѣстѣ съ прогрессистами голосовали противъ перехода къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ смѣтъ, представляетъ новое доказательство продолжающейся и возрастающей дезорганизаціи нашей политической жизни. Крайніе лѣвые съ самаго начала смотрѣли

на Думу только какъ на трибуну для обращенія къ странѣ, и въ настоящій моментъ они утверждаютъ, что факты оправдали ихъ позицію, что силою жизни и умѣренная оппозиція вынуждается переходить къ той же точкѣ зрѣнія. Оставимъ въ сторонѣ споръ о томъ, можно или нельзя было нѣсколько лѣтъ тому назадъ надѣяться на болѣе благопріятный ходъ событій, чѣмъ тотъ, при которомъ мы присутствуемъ. Важнѣе другая сторона во взаимныхъ отношеніяхъ умѣренной оппозиціи и крайняго лѣваго сектора Думы. Если кадеты и прогрессисты и приходятъ теперь все болѣе къ убѣжденію, что при нынѣшнихъ условіяхъ невозможно надѣяться ни на какіе практическіе результаты отъ законодательной работы и что Дума должна быть использована только какъ трибуна, какъ рупоръ для обращенія къ народу, все же остается громадная и принципіальная разница между этими партіями и лѣвѣе ихъ стоящими членами Государственной Думы. Крайніе лѣвые видятъ свое призваніе въ томъ, чтобы съ этой трибуны говорить къ *рабочимъ* и *крестьянамъ;* они стоятъ—въ особенности соціалъ-демократы, по въ концѣ-концовъ, конечно, и трудовики—на опредѣленно классовой точкѣ зрѣнія; для нихъ „страна", „народъ"—это пролетаріатъ и „трудовое" крестьянство. Наоборотъ, призваніе умѣренной оппозиціи заключается въ томъ, чтобы выражать настроенія и будить сознаніе также и иныхъ слоевъ населенія. Въ своихъ рѣчахъ и голосованіяхъ, въ своихъ деклараціяхъ и демонстраціяхъ умѣренная оппозиція обращается и должна обращаться, кромѣ рабочихъ и крестьянъ, также и къ болѣе обезпеченнымъ и въ массѣ своей болѣе образованнымъ элементамъ, и къ послѣднимъ, уже просто въ силу сложившихся обстоятельствъ, умѣренная оппозиція даже ближе, чѣмъ къ первымъ.

Отъ матеріальнаго преуспѣянія и культурнаго развитія крестьянскаго и рабочаго класса и отъ органической спайки ихъ съ другими слоями населенія болѣе всего зависитъ будущее Россіи. Но не слѣдуетъ преувеличивать политическаго значенія крестьянства и пролетаріата въ настоящее время. И особенно опасно было бы такое преувеличеніе именно въ переживаемый моментъ, когда политическая атмосфера полна предчувствіями возможныхъ великихъ потрясеній. Крайніе лѣвые ослѣплены тѣми физическими преимуществами, какія имѣютъ рабочія и крестьянскія массы въ моменты послѣдней, окончательной борьбы. Но физическая сила, какъ ни велико ея значеніе, только въ очень условномъ смыслѣ можетъ быть названа силой рѣшающей. „Послѣднимъ" оплотомъ судьи и правосудія, послѣдней инстанціей въ борьбѣ съ преступнымъ міромъ является физическая сила городовыхъ и тюремщиковъ. Тѣмъ не менѣе нельзя считать оружіе и мускулы городовыхъ источникомъ авторитета суда и силы правосознанія. И точно такъ же нельзя считать политическія забастовки рабочихъ или аграрные бунты источникомъ силы конституціонной идеи. Политическая цѣнность различныхъ группъ населенія далеко не пропорціональна ихъ численности, и самый смыслъ существованія „умѣренной оппозиціи" зависитъ отъ признанія этого естественнаго, никакими переворотами не устраняемаго іерархическаго начала въ общественномъ строеніи.

Политическіе дѣятели, принявшіе для себя названіе „отвѣтственной оппозиціи", тѣмъ самымъ взяли на себя обязательство искать поддержки въ такихъ элементахъ, которые могли бы быть достаточной опорой для сильнаго правительства при новыхъ политическихъ условіяхъ. Слѣва дѣлаются возраженія противъ термина „отвѣтственная оппозиція". Но можно надѣяться, что тѣ, кто ввели этотъ выразительный терминъ въ нашъ политическій языкъ, не откажутся отъ подразумѣваемаго въ немъ

обязательства. Чѣмъ больше „лѣвѣетъ“ страна, чѣмъ болѣе изолированнымъ становится правительство, тѣмъ болѣе отвѣтственной дѣлается роль умѣренной оппозиціи. Чѣмъ болѣе противогосударственной и разрушительной оказывается политика тѣхъ, кто стоитъ у власти, тѣмъ ближе къ сердцу должна принимать отвѣтственная оппозиція интересы государственности, о которыхъ и сознательно, и безсознательно забываютъ крайніе лѣвые въ своей проповѣди классовой борьбы.

Дума есть центральное чувствилище страны, и пока она существуетъ, долженъ существовать и общій для всѣхъ конституціонныхъ партій лозунгъ: берегите Думу! Беречь Думу это значитъ не только избѣгать формальныхъ поводовъ къ роспуску. Это значитъ — не уставать заботиться о повышеніи вниманія и интереса въ странѣ къ думской работѣ. Это значитъ — давать отпоръ лѣнивымъ и нетерпѣливымъ обывателямъ и утомленнымъ неврастеникамъ, твердящимъ о безплодности думскихъ „разговоровъ“. Это значитъ—не забывать за ближайшими партійными и фракціонными интересами общихъ интересовъ политическаго воспитанія страны.

Представители всѣхъ политическихъ направленій единодушно свидѣтельствуютъ о возрастающемъ всеобщемъ недовольствѣ. Превратить общее чувство въ общую волю или, по крайней мѣрѣ, способствовать такому превращенію—вотъ задача политическихъ руководителей общества, и, конечно, легче всего эта задача можетъ быть выполняема въ Государственной Думѣ. Въ періодъ нарастающаго общественнаго возбужденія наиболѣе нужны объединяющіе лозунги и директивы, наименѣе умѣстны соосчитыванія фракціонныхъ и междуфракціонныхъ тщеславій. Исторически создавшіяся партійныя перегородки имѣютъ свое разумное основаніе, и вряд ли возможно сейчасъ требовать не только полнаго ихъ уничтоженія, но даже и сколько нибудь радикальной перестройки. Однако и въ предѣлахъ партійныхъ программъ руководители общественнаго мнѣнія имѣютъ широкую свободу въ томъ, чтобы работать на пользу единства или противъ единства. И эта свобода тѣмъ шире, чѣмъ отзывчивѣе массы народныя и общественныя, чѣмъ лучше условія политическаго резонанса для стоящихъ въ центрѣ политической работы. Не въ программныхъ разъясненіяхъ, а въ выборѣ удареній и оттѣнковъ, не формальными соглашеніями, а чуткостью къ психологіи политическихъ друзей, сосѣдей слѣва и справа, не вѣчной памятью о собственныхъ заслугахъ и чужихъ ошибкахъ, а правильнымъ учетомъ будущаго создается объединительная политическая работа.

Если мы взглянемъ на послѣднія событія въ Думѣ съ точки зрѣнія развитія единаго оппозиціоннаго движенія, то должны будемъ отмѣтить и положительныя, и отрицательныя явленія. Крупнымъ положительнымъ фактомъ слѣдуетъ признать демонстративное отклоненіе цѣлаго ряда кредитовъ по министерству внутреннихъ дѣлъ соединенными голосами октябристовъ и оппозиціи (а затѣмъ подобныя же проявленія единодушія „лѣваго большинства“ Думы въ голосованіяхъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія и по законопроекту о безотвѣтственности депутатовъ). Нельзя не отмѣтить, что въ данномъ случаѣ кадеты или, по крайней мѣрѣ, та часть ихъ, мнѣнія которыхъ выражаются *Рѣчью*, сумѣли по достоинству оцѣнить всю важность политическаго шага, сдѣланнаго ихъ старыми противниками—октябристами. На другой день послѣ засѣданія 3 мая *Рѣчь* писала: „Вчерашнее засѣданіе Государственной Думы съ полнымъ правомъ можетъ претендовать на названіе историческаго... Октябристы сдѣлали здѣсь первую попытку—систематически проводить отказы по смѣтѣ въ тѣхъ ея частяхъ, въ которыхъ имѣются „верхушки“, т.-е. лишнія сравнительно съ прошлымъ [illegible], [illegible]

Дума имѣетъ право срѣзать, а Государственный Совѣтъ уже не имѣетъ права возстанавливать вновь. Октябристы правильно разсчитали, что такого рода отказы должны быть гораздо непріятнѣе вѣдомству, чѣмъ общія принципіальныя голосованія противъ цѣлыхъ смѣтъ". ...„Это была побѣда *умѣренныхъ* круговъ—и тѣмъ большее политическое значеніе она получала"... „Одно обстоятельство стоитъ внѣ спора—именно, что *воля* палаты побѣдить никогда, за все время существованія третьеіюньской Думы, не напрягалась до такой степени, какъ вчера"...Тутъ же въ статьѣ былъ сдѣланъ и рядъ оговорокъ, рядъ полемическихъ замѣчаній по адресу октябристовъ, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что здѣсь имѣется налицо то широкое пониманіе общихъ задачъ оппозиціоннаго движенія, на которое, къ сожалѣнію, не всегда можно разсчитывать при существующихъ методахъ и настроеніяхъ междупартійнаго соперничества.

Впечатлѣніе отъ голосованій 3 мая нѣсколько потускнѣло вслѣдствіе послѣдующихъ событій въ Думѣ. А. И. Коноваловъ, въ связи съ неудачнымъ исходомъ голосованія объ исключеніи Н. П. Шубинскаго на одно засѣданіе, отказался отъ званія товарища предсѣдателя Думы, и на почвѣ переговоровъ объ условіяхъ новыхъ выборовъ на эту должность произошелъ конфликтъ между прогрессистами и октябристами, въ результатѣ котораго Дума вмѣсто президіума, избраннаго голосами центра и умѣренной оппозиціи, получила президіумъ, избранный голосами центра и правыхъ. И въ этомъ вопросѣ на столбцахъ *Рѣчи* можно было найти совершенно правильную оцѣнку положенія и своевременный совѣтъ прогрессистамъ въ интересахъ сохраненія лѣваго большинства Думы не обострять конфликта (передовая статья 17 мая). Предостерегающіе голоса не были услышаны, центробѣжныя силы внутри лѣваго большинства Думы взяли верхъ надъ силой центростремительной. Издали трудно судить о всѣхъ мотивахъ, чувствахъ и соображеніяхъ, руководившихъ прогрессистами. Но кое-что намъ издали виднѣе, чѣмъ непосредственнымъ участникамъ политической борьбы въ Государственной Думѣ. Издали виднѣе вредныя послѣдствія всякаго рода конфликтовъ, расколовъ и междоусобій, стоящихъ на пути къ объединенію политическаго настроенія прогрессивной Россіи. Всякій новый конфликтъ въ рядахъ противниковъ современнаго режима тяжело давитъ на общественное сознаніе, и большую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, кто не принимаютъ всѣхъ возможныхъ мѣръ къ охраненію хотя бы того единства, которое уже было достигнуто цѣною прежнихъ усилій. Распря большевиковъ и меньшевиковъ представляетъ классическій примѣръ политической безталанности, за которую вчужѣ обидно даже и принципіальному противнику тѣхъ и другихъ. Пусть этотъ печальный образецъ, столь характерный для Россіи, служитъ постояннымъ предостереженіемъ для другихъ партій и направленій.

То единство оппозиціонныхъ силъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, не требуетъ, конечно, отреченія отъ собственныхъ основныхъ стремленій каждой партіи. Оно требуетъ порою лишь небольшихъ пожертвованій въ области кружковыхъ и личныхъ самолюбій. Но оно требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень большого такта, очень большой чуткости къ происходящимъ въ странѣ перемѣнамъ, очень большого политическаго таланта.

А. Рыкачевъ.

2. Къ біографіи Д. А. Клеменца.

Во II книгѣ *Русской Мысли* за текущій годъ А. А. Корниловъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Д. А. Клеменцѣ, между прочимъ, ставитъ вопросъ, почему Дмитрій Александровичъ, игравшій такую видную роль въ революціонной

партіи, не понесъ болѣе суроваго наказанія. Авторъ приводитъ рѣшеніе этого вопроса, вообще совершенно правильное, которое далъ Н. А. Морозовъ, но, за полнымъ отсутствіемъ данныхъ, не объясняетъ, въ какихъ конкретныхъ условіяхъ состоялся приговоръ, поразившій всѣхъ своею мягкостью.

Мнѣ случилось слышать отъ самого Д. А. объясненіе этой мягкости, которое я и привожу ниже, а пока скажу нѣсколько словъ о политическихъ преступленіяхъ Клеменца. Онъ прежде всего игралъ выдающуюся роль въ движеніи 70-хъ годовъ, и если бы былъ тогда арестованъ, то, несомнѣнно, въ числѣ зачинщиковъ былъ бы осужденъ на 10 лѣтъ каторги, какъ и четверо другихъ по процессу 193-хъ. Но онъ избѣжалъ ареста и продолжалъ свою политическую дѣятельность, принявъ участіе въ организаціи „Земля и Воля" и взявъ на себя редактированіе журнала этого имени. Если бы Д. А. былъ арестованъ потомъ, въ самый разгаръ бѣлаго террора, то онъ, несомнѣнно, былъ бы присужденъ къ смертной казни. Но затѣмъ обстоятельства измѣнились, и правительство, какъ справедливо утверждаетъ Н. А. Морозовъ, стало преслѣдовать, главнымъ образомъ, террористовъ, Клеменцъ же лично никогда не проповѣдывалъ террора. Поэтому, при предъявленіи ему обвиненія, естественно обратили главное вниманіе на его первоначальное преступленіе, т.-е. на его участіе въ революціонномъ народническомъ движеніи 70-хъ годовъ. Дознаніемъ о дѣятельности Клеменца руководилъ въ качествѣ предсѣдателя судебной палаты—или, быть можетъ, директора департамента полиціи—Плеве, который, по словамъ Д. А., считалъ, что большой процессъ (193-хъ) былъ сильно разлутъ. Руководствуясь этимъ мнѣніемъ, Плеве приказалъ пересмотрѣть весь процессъ въ порядкѣ административнаго дознанія. По предположенію Д. А. Клеменца, Плеве, рѣшаясь на перерасслѣдованіе судебнаго дѣла, имѣлъ въ виду дискредитировать бывшаго предсѣдателя харьковской судебной палаты, въ то время сенатора Жихарева, одного изъ творцовъ большого процесса и, по слухамъ, выдвигаемаго нѣкоторыми кругами въ кандидаты на постъ министра юстиціи. Мнѣ помнится, хотя съ полною увѣренностью этого не могу утверждать, что въ доказательство своего предположенія Д. А. ссылался на сказанныя при немъ слова Плеве объ излишнемъ усердіи Жихарева. Въ результатѣ пересмотра процессъ былъ признанъ сильно раздутымъ, и Плеве ничего не оставалось, какъ предложить подвергнуть Клеменца болѣе или менѣе легкому наказанію, а именно высылкѣ въ административномъ порядкѣ, но, конечно, вопросъ объ облегченіи участи тѣхъ, кто пострадалъ въ раздутомъ процессѣ, не подымался.

С. Ф. Ковалевъ.

3. Ростъ благосостоянія и паденіе рождаемости.

За послѣдніе годы западно-европейская научная мысль часто обращалась къ проблемѣ обнаружившагося, начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, паденія рождаемости и связи этого явленія съ различными сторонами современной жизни. Среди многихъ односторонних теорій, выдвигающихъ то одну, то другую сторону современныхъ культурныхъ условій въ качествѣ основной причины явленія, довольно большимъ кредитомъ пользуется теорія, ставящая паденіе рождаемости въ связь съ *ростомъ благосостоянія* или, вѣрнѣе, *со стремленіемъ укрѣпиться и подвинуться дальше въ достигнутомъ уже благосостояніи*. Обосновать статистически какую бы то ни было односторонюю теорію паденія рождаемости довольно трудно, такъ какъ почти невозможно выдѣлить и изслѣдовать такую

соціальную массу, которой была бы свойственна только одна данная черта современной жизни, выдвигаемая въ качествѣ объясненія.

Поэтому трудно обосновать и исключительную связь паденія рождаемости съ ростомъ благосостоянія, съ „соціальнымъ возвышеніемъ“ среды. Попытку найти соціальную массу, которая обнаружила бы съ несомнѣнностью связь уменьшенія плодовитости съ „соціальнымъ возвышеніемъ“, сдѣлалъ въ I—II книжкѣ *Archiv f. Rassen- und Gesellschaftsbiologie* за 1913 г. F. A. Theilhaber. [1]) Такой соціальной массой является, по мнѣнію автора, *берлинское еврейство*. Оно не обладаетъ никакими физическими или духовными свойствами, которыя могли бы ослаблять его размножаемость; наоборотъ, религіозная жизнь и традиціи еврейства какъ нельзя болѣе способствуютъ плодовитости, біологическая природа евреевъ до послѣдняго времени не обнаруживала тенденціи къ безплодности, а поскольку эта природа проявляется въ размѣрахъ смертности и заболѣваемости, она и до сихъ поръ не обнаруживаетъ признаковъ вырожденія. Между тѣмъ за послѣднія десятилѣтія плодовитость берлинскаго еврейства сильно уменьшается. За десятилѣтіе 1861—1870 еврейская рождаемость въ Берлинѣ составляла въ среднемъ *29,0‰*. Уже въ десятилѣтіе 1891—1900 она составляла 18,0‰, въ 1901—1910 гг.—16,0‰ и, наконецъ, въ 1911 году только *14,16‰*. Такимъ образомъ, за сорокъ лѣтъ цифра рождаемости уменьшилась *въ 2 раза*, и въ настоящее время она представляется исключительно низкой.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью показать, что это поразительное паденіе рождаемости зависитъ исключительно отъ *соціально-экономическихъ* моментовъ, и, стало быть, прежде всего долженъ былъ исключить допущеніе, что оно объяснится какимъ-нибудь неблагопріятствующимъ дѣторожденію *составомъ населенія*. Такое допущеніе естественно исключается, если принять во вниманіе относительное число женщинъ въ возрастѣ, способномъ къ дѣторожденію. Оно составляло въ 1880 г. 27,5%, въ 1895—29,0%, въ 1900—29,4% и, наконецъ, въ 1905—29,0% всего еврейскаго населенія Берлина. Эти исключительныя по величинѣ цифры говорятъ о томъ, что въ смыслѣ наличности элементовъ, біологически способныхъ къ дѣторожденію, берлинское еврейство поставлено въ весьма благопріятныя условія. Къ тому же, какъ видно, эти условія за послѣднія десятилѣтія *улучшаются*, и такимъ образомъ связывать наблюдающееся паденіе рождаемости съ условіями, лежащими въ составѣ населенія, нѣтъ никакой возможности.

Низкая рождаемость при столь благопріятствующемъ дѣторожденію составѣ населенія можетъ зависѣть какъ отъ низкой брачности, такъ и отъ малой плодовитости браковъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ и то, и другое. По исчисленіямъ Theilhaber'а даже въ возрастѣ, дающемъ максимальную цифру вступившихъ въ бракъ, около 1/8 (1905 г.) берлинскихъ евреевъ остаются холостыми. Однако на *паденіи* рождаемости сказываются не условія брачности, а условія плодовитости браковъ. Брачность остается приблизительно на одномъ и томъ же уровнѣ, т.-е. число браковъ прогрессируетъ вмѣстѣ съ ростомъ еврейскаго населенія Берлина, лишь плодовитость браковъ сильно и постоянно уменьшается. Такъ, число лицъ, вступающихъ ежегодно въ бракъ, увеличилось съ 1875 по 1910 г. на 100,7%; немногимъ больше увеличилось и еврейское населеніе Берлина: оно выросло на 102,4%. Между тѣмъ число рожденій *уменьшилось* за это

[1]) Zum Preisausschreiben: „Bringt das materielle und soziale Aufsteigen der Familien Gefahren in rassenhygienischer Beziehung“, dargelegt an der Entwicklung der Judenheit von Berlin. Von D-r Felix A. Theilhaber in Berlin.

время на *11,1*%. Къ тому же результату приводитъ и исчисленіе количества рожденій, приходящихся на 1 бракъ. Оно составляло:

за 1875—1881 гг.	3,3
„ 1882—1891 „	2,85
„ 1892—1901 „	2,06
„ 1902—1911 „	1,8

Такимъ образомъ въ результатѣ прогрессирующаго ограниченія плодовитости браковъ въ настоящее время среди берлинскаго еврейства водворилась чистѣйшая Zweikindersystem. Сводя воедино свои многообразныя вычисленія, которыя здѣсь приведены быть не могутъ, Theilhaber приходитъ къ выводу, что въ настоящее время изъ среды еврейскаго населенія Берлина около $^1/_4$ не вступаетъ въ бракъ вообще [1]), $^1/_4$ остается бездѣтной, а изъ половины, которая размножается, $^2/_3$ производятъ не больше одного или двухъ дѣтей. Такимъ образомъ, лишь неполная четверть всего населенія производитъ количество дѣтей, соотвѣтствующее требованіямъ здоровой размножаемости.

Къ выводу о недостаточности еврейской рождаемости съ точки зрѣнія здороваго размноженія среды Theilhaber приходитъ еще другимъ путемъ. Онъ исходитъ изъ понятія „адекватной плодовитости", т.-е. плодовитости, достаточной для сохраненія расы. Эта теоретическая величина конструируется какъ число рожденій, приходящееся на 1,000 женщинъ въ возрастѣ, способномъ къ дѣторожденію, достаточное для того, чтобы произведенное потомство, за вычетомъ дѣтской смертности, смогло замѣнить родителей въ составѣ населенія. Эта величина для еврейскаго населенія Берлина должна составлять около 72 рожденій на 1,000 женщинъ въ возрастѣ, способномъ къ дѣторожденію. На самомъ дѣлѣ число рожденій на 1,000 женщинъ въ указанномъ возрастѣ составляло для берлинскаго еврейства:

въ 1880 г.	100,8
„ 1895 „	67,5
„ 1900 „	60,8
„ 1905 „	56,8

Такимъ образомъ, сейчасъ берлинское еврейство „производитъ количество дѣтей, достаточное для возстановленія лишь $^2/_3$ наличныхъ семействъ. Остальная треть исчезаетъ уже въ продолженіе одного поколѣнія".

Этотъ процессъ численнаго вырожденія берлинскаго еврейства былъ бы еще сильнѣе, если бы не было постояннаго притока „свѣжихъ силъ" въ видѣ иностранной (преимущественно русской) еврейской иммиграціи. Какъ показываютъ исчисленія Theilhaber'a, около половины дѣтей, родившихся въ 1910 г. пятыми и больше чѣмъ пятыми въ данной семьѣ, происходитъ отъ иностранныхъ евреевъ, между тѣмъ какъ среди вступающихъ въ бракъ иностранные евреи составляютъ лишь 17%. Такимъ образомъ, сильно размножаются преимущественно иностранныя еврейскія семьи.

Чтобы объяснить это вырожденіе коренного берлинскаго еврейства (не объяснимое ни его возрастнымъ составомъ, ни его духовными и религіозными особенностями, ни, наконецъ, физическими свойствами), Theilhaber обращаетъ прежде всего къ изученію связи между многодѣтностью семей и профессіей отцовъ. При этомъ оказывается, что неравная рожденія распредѣляется совершенно иначе между профессіями, чѣмъ четвертыя и дальнѣйшія рожденія. (См. таблицу ниже).

Мы видимъ, что несостоятельныя семьи (ремесленники и рабочіе) значительно сильнѣе представлены среди четвертыхъ и болѣе рожденій, чѣмъ среди первыхъ рожденій.

[1]) Внѣбрачная рождаемость не играетъ въ средѣ берлинскаго еврейства сколько-нибудь существенной роли.

	Изъ 100 первыхъ рожденій приходилось на:	Изъ 100 четвертыхъ и дальнѣйшихъ рожденій приходилось на:
Студентовъ .	9,3	1,4
Банкировъ и фабрикантовъ . . .	2,3	2,8
Купцовъ . .	42,2	33,3
Торговыхъ служащихъ	22,2	14,35
Самостоятел. ремесленниковъ . .	7,2	14,35
Рабочихъ . .	16,8	33,8
	100,0	100,0

На эти двѣ профессіи приходится почти половина „Mehrgeburten“, но лишь меньше четверти „Erstgeburten“. Къ тому же среди брачащихся ремесленники и рабочіе составляютъ лишь около 15%. Ясно, что сильнѣе всего ограничиваютъ дѣторожденіе состоятельные классы берлинскаго еврейства и что *поддерживаетъ родъ пролетаріатъ.* [1])

Но соціальный составъ берлинскаго еврейскаго населенія тѣмъ и необыченъ, что несостоятельные классы представлены въ немъ значительно слабѣе, чѣмъ состоятельные. Мы только что указывали, что ремесленники и рабочіе составляютъ среди брачащихся лишь около 15%; 85% приходится на болѣе или менѣе состоятельные слои: соотношеніе почти обратное тому, что мы наблюдаемъ среди остального населенія Германіи. То же самое говорятъ и цифры участія евреевъ въ податномъ обложеніи Берлина. Представленные въ населеніи Берлина въ количествѣ 5%, они составляютъ 14—16% всѣхъ плательщиковъ налоговъ свыше 21 марки и несутъ 30—32% всей суммы налоговъ! Въ то время какъ на 1 плательщика налоговъ изъ среды протестантовъ приходится (въ 1905 г.) 132,9 марки, изъ среды католиковъ—111,3 мар., на одного еврея приходится 357,4 марки налоговъ. Ясно, что берлинское еврейство представляетъ собою исключительную по своему благосостоянію группу. Что касается измѣненій во времени, то за 13 лѣтъ, съ 1892 по 1905 г., сумма налога на душу еврейскаго населенія увеличилась съ 317 до 357 марокъ. Къ тому же самые богатые евреи систематически переселяются въ „аристократическіе“ пригороды Берлина, Шарлоттенбургъ, Вильмерсдорфъ и пр., которые въ приведенный расчетъ не входятъ, такъ что указанное увеличеніе налоговъ означаетъ тѣмъ большій ростъ благосостоянія массы евреевъ, остающихся въ предѣлахъ города.

Передъ нами, такимъ образомъ, группа населенія съ исключительно низкой и сильно падающей рождаемостью, причемъ возрастный составъ, физическія свойства, религіозныя традиціи ея благопріятствуютъ дѣторожденію. Съ другой стороны, чертой, рѣзко отличающей ее отъ остального населенія, является исключительное и растущее благосостояніе. Трудно поэтому отказать въ обоснованности выводу автора, что именно процессъ экономическаго возвышенія еврейства находитъ себѣ выраженіе въ стремленіи каждаго еврея *укрѣпиться экономически путемъ ограниченія семьи.* Этотъ выводъ Theilhaber подкрѣпляетъ еще интересными данными о занятіяхъ до брака вступающихъ въ бракъ еврейскихъ женщинъ Берлина. Оказывается, что изъ 563 евреекъ, вышедшихъ въ 1910 г. замужъ за евреевъ, лишь 204 имѣли до брака какую-нибудь профессію, а 359 никакой профессіи не имѣли, т.-е. не нуждались въ заработкѣ. Изъ этого Theilhaber дѣлаетъ остроумный выводъ,

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что студенты принадлежатъ въ Германіи преимущественно къ состоятельнымъ классамъ и въ этомъ смыслѣ не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ типическимъ студенчествомъ.

что большинство евреевъ Берлина ищетъ состоятельныхъ невѣстъ, могущихъ оказать имъ матеріальную поддержку; а „гдѣ на бракъ смотрятъ съ точки зрѣнія матеріальной выгоды, тамъ и потомство должно разсматриваться подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія“.

Въ результатѣ—окончательное обобщеніе автора: „При нашихъ современныхъ соціальныхъ условіяхъ матеріальный и соціальный подъемъ или же интенсивное стремленіе къ хозяйственнымъ средствамъ и общественному положенію несетъ съ собой величайшія опасности съ точки зрѣнія расовой гигіены“.

Конечно, этотъ выводъ имѣетъ силу лишь какъ статистически обоснованное утвержденіе связи между паденіемъ рождаемости и соціальнымъ возвышеніемъ, но отнюдь не какъ утвержденіе *исключительной* связи этихъ двухъ явленій. Не имѣло бы смысла разсматривать изслѣдованіе Theilhaber'a, какъ аргументъ въ пользу такъ называемой Wohlstandstheorie, ищущей корней паденія рождаемости исключительно въ ростѣ благосостоянія, ни аргументировать его результатами противъ всѣхъ другихъ односторонпихъ теорій, хотя бы той изъ нихъ, которая интересующее насъ явленіе сводитъ къ растущей *раціонализаціи* современной жизни. И въ лицѣ берлинскаго еврейства Theilhaber не открылъ среды, въ которой единственной чертой, могущей вліять на размноженіе, являлось бы „интенсивное стремленіе къ хозяйственнымъ средствамъ“.

Этотъ „Wunsch“ связанъ въ душѣ берлинскаго еврея съ массой другихъ „раціонализирующихъ“ вліяній современной жизни. Въ частности „религіозныя традиціи“ его не благопріятствуютъ болѣе дѣторожденію просто потому, что онѣ сильно ослабѣли за послѣднее время. Если берлинское еврейство такъ рѣзко обнаруживаетъ свойственную всему современному населенію Европы тенденцію къ уменьшенію рождаемости, то это потому, что въ немъ сходятся, какъ въ фокусѣ, всѣ многочисленныя черты современной жизни, вызывающія это явленіе: берлинскій еврей par excellence горожанинъ, коммерсантъ, „раціоналистъ“, наконецъ онъ интенсивно „возвышается экономически“ и строитъ свое благосостояніе. И въ этомъ смыслѣ какъ разъ примѣръ берлинскаго еврейства могъ бы примирить и объединить различныя теоріи паденія рождаемости.

Ст. Комъ.

4. Реклама и ея роль въ области завоеванія новыхъ рынковъ.

Вопросъ о характерѣ рекламы и ея экономическомъ значеніи былъ поднятъ Зомбартомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; затѣмъ проблему рекламы всесторонне разработалъ въ спеціально посвященномъ ей трудѣ Викторъ Матайа; а въ самое послѣднее время обратила на себя вниманіе работа Германса о рекламѣ (Beiträge zur volkswirtschaftlichen Würdigung der Reklame).

Зомбартъ проводитъ рѣзкую границу между извѣщеніемъ (объявленіемъ) и рекламой; первое сообщаетъ, ознакомляетъ, второе вліяетъ на наше сужденіе, сокращаетъ и безъ того недостаточную способность покупателя судить о товарѣ. Реклама есть выраженіе извѣщенія (анонса), она отличается назойливымъ, кричащимъ характеромъ. Она вовсе не является необходимостью съ точки зрѣнія народнаго хозяйства; напротивъ, съ развитіемъ картелей и трестовъ, государственныхъ и городскихъ предпріятій, роль ея должна сократиться.

Статья Зомбарта явилась для рекламы... рекламой: посыпались вслѣдъ разными статьями („Зомбартъ — врагъ рекламы“; „Пожокъ - реклама“; „Реклама Зомбарта“) статьи по поводу рекламы. Нѣкоторые коммерсанты выражали свою готовность вести свою лен-

ту въ фондъ на сооруженіе памятника Зомбарту, если результатомъ его протеста будетъ освобожденіе торговли отъ непрерывно возрастающаго налога въ видѣ расходовъ на рекламу. Но большинство авторовъ (изъ коммерческихъ кругонъ) было возмущено его „поверхностной и необдуманной“ статьей и приписывало его „гнѣвъ“ рекламнымъ операціямъ его собственнаго издателя—издателя журнала *Morgen*, гдѣ была помѣщена статья. Не только издатель *Morgen*'а былъ лишенъ за это рекламы—объявленій многихъ фирмъ, но указывалось кому слѣдуетъ на то, что человѣкъ, способный своими сочиненіями „лишь усилить несправедливые предразсудки, господствующіе по отношенію къ торговому сословію“, человѣкъ, „враждебно относящійся ко всей нашей (коммерческой) дѣятельности“, едва ли является подходящимъ преподавателемъ экономическихъ наукъ въ высшей коммерческой школѣ. Зомбартъ на это отвѣтилъ новой статьей „Ея величество реклама“ (въ журналѣ „Die Zukunft“), въ которой снова называлъ рекламу „отвратительной“ и отрицалъ экономическое значеніе ея. Однако, послѣ анализа роли рекламы, Зомбартъ въ заключеніе—къ удивленію читателя—заявляетъ, что даваемая имъ оцѣнка рекламы не есть результатъ научныхъ сужденій, а вытекаетъ изъ его личнаго міровоззрѣнія, которое, несомнѣнно, раздѣляется лишь немногими. Говорятъ, что, лишь благодаря рекламѣ, существуетъ современная пресса; но Зомбартъ отрицаетъ ея необходимость и культурную цѣнность. Говорятъ, что реклама нужна для театра, литературы и искусства; но Зомбартъ вовсе не считаетъ необходимымъ „сохранять эту троицу въ современномъ ея объемѣ“.

Конечно, при такихъ условіяхъ сужденія Зомбарта о рекламѣ едва ли обязательны для кого-либо, что въ сущности онъ и самъ признаетъ въ приведенныхъ фразахъ. Рескинъ и Ницше питали не меньшую вражду и ненависть къ большимъ городамъ и городской жизни, чѣмъ Зомбартъ къ рекламѣ; но ставемъ ли мы на этомъ основаніи отрицать культурное значеніе и экономическую роль современныхъ большихъ городовъ?

Если Зомбартъ, опредѣляя понятіе рекламы, сильно суживаетъ его, исключая простое ознакомленіе публики, сообщеніе о тѣхъ или другихъ фактахъ или событіяхъ изъ понятія рекламы,—то Матайа, написавшій ученое изслѣдованіе о рекламѣ (по всѣмъ правиламъ составленія такихъ сочиненій: понятіе рекламы, виды ея, преимущества и недостатки, отношеніе государства къ рекламѣ, подробная библіографія и т. д.), напротивъ, даетъ чрезмѣрно широкое опредѣленіе. Среди различныхъ способовъ осуществленія рекламы онъ упоминаетъ не только пользованіе печатью, двигающимися людьми (Sandwichmen), посылку телеграммъ съ извѣщеніями, устройство концертовъ универсальными магазинами, гдѣ подъ музыку „покупаются юбки и носки“; онъ относитъ къ рекламѣ и устныя сообщенія проданцовъ и комми-вояжеровъ, называетъ рекламой и выставки товаровъ и машинъ.

Однако, въ послѣднихъ случаяхъ о рекламѣ, повидимому, рѣчь можетъ быть лишь въ переносномъ смыслѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы, наприм., говоримъ, что для торговаго предпріятія со многими разбросанными по городу отдѣленіями одно уже существованіе многочисленныхъ лавокъ является рекламой и, быть можетъ, наиболѣе сильной рекламой. И реклама, и выставка (всемірная, національная, мѣстная), и комми-вояжеръ являются своего рода средствами сообщенія: наравнѣ съ транспортомъ, устраняющимъ физическое разстояніе, они какъ бы преодолѣваютъ то духовное разстояніе, которое отдѣляетъ производителя отъ потребителя, сближаютъ ихъ, устанавливаютъ связь между тѣмъ, кто желаетъ сбыть имѣющіеся у него предметы, и тѣмъ,

кто интересуется или можетъ заинтересоваться предметами даннаго рода. Хотя всѣ эти способы ознакомленія и вліянія на потребителя, всѣ эти виды организаціи сбыта товаровъ имѣютъ, какъ указываетъ Альфонсъ Пакетъ (Das Ausstellungsproblem in der Volkswirtschaft), быть можетъ, не меньше значенія, чѣмъ средства обмѣна или передвиженія, но дѣйствуютъ они различнымъ путемъ.

На выставкѣ—какъ это видно изъ самаго названія—выставляются товары; выставка знакомитъ съ товарами не посредствомъ описанія или изображенія ихъ, а путемъ представленія публикѣ самихъ объектовъ, самихъ товаровъ. Такой характеръ имѣетъ выставка товаровъ въ окнѣ магазина. Въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка (какъ сообщается въ одномъ англійскомъ сочиненіи 1739 г.) въ Лондонѣ появились „стеклянные шкафчики, въ которыхъ торговцы выставляли все, что у нихъ имѣлось наиболѣе красиваго, чтобы привлекать любопытныхъ и проходившую публику". А въ настоящее время имѣются спеціалисты по выставленію товаровъ въ витринахъ, спеціальные курсы для обученія этому искусству, посвященные ему органы печати; существуютъ даже союзы витринныхъ декораторовъ, пріискивающіе занятіе своимъ членамъ, дающіе имъ юридическіе совѣты, устраивающіе лекціи объ устройствѣ и украшеніи витринъ въ магазинахъ. Особенно много тратятъ на такой способъ привлеченія публики универсальные магазины; въ этихъ случаяхъ, впрочемъ, весь многоэтажный магазинъ является выставкой—всѣ товары выставлены напоказъ, и публика приглашается прійти и только осматривать ихъ, нѣтъ обязанности покупать!

Но выставкой мы называемъ не только выставленіе товаровъ одной фирмой, но и соединеніе товаровъ, принадлежащихъ многочисленнымъ торговцамъ и промышленникамъ, нерѣдко изъ разныхъ странъ и частей свѣта, соединеніе во многихъ павильонахъ многообразныхъ, различныхъ по своему характеру и происхожденію товаровъ въ одно цѣлое на опредѣленный краткій срокъ. Временнымъ, проходящимъ характеромъ отличаются международныя или національныя выставки въ тѣсномъ смыслѣ отъ выставокъ низшаго разряда, т.-е. отъ выставокъ въ витринахъ лавокъ, отъ выставокъ въ видѣ торговыхъ музеевъ, выставляющихъ образцы разнаго рода товаровъ (въ частности экспортныхъ музеевъ), въ видѣ картинныхъ галлерей новѣйшихъ произведеній искусства. Эти выставки низшаго разряда имѣютъ постоянный характеръ, хотя и съ мѣняющимся содержаніемъ—изо дня въ день въ опредѣленномъ помѣщеніи происходитъ выставка, предметы же, входящіе въ составъ ея, каждый разъ мѣняются въ зависимости отъ условій рынка, отъ колебаній въ производствѣ, отъ появленія техническихъ улучшеній. Напротивъ, выставки высшаго разряда, въ особенности всемірныя выставки, представляютъ собою какъ бы фейерверкъ, праздникъ, разсчитанный на привлеченіе возможно большаго количества посѣтителей, по самому существу своему временный, носящій во всемъ отвѣтокъ недолговѣчности. Такая выставка есть своего рода способъ нагляднаго обученія, публика видитъ предъ собой товары и машины, новѣйшія изобрѣтенія, наиболѣе цѣнныя произведенія индустріи.

Но сбытъ можетъ быть организованъ и инымъ путемъ. Связь между производствомъ и потребленіемъ устанавливается не только посредствомъ представленія самихъ товаровъ, но и путемъ личныхъ объясненій продавца, хотя и показывающаго при этомъ товары, въ особенности же при посредствѣ разъѣзжающаго агента-коммивояжера. Послѣдній носитъ съ собой не самые товары, а лишь образцы ихъ (почему онъ назывался въ XVIII ст. Musterreiter, тогда онъ ѣздилъ съ верхомъ, или

Ellenreiter, когда продавалъ матеріи, измѣряемыя аршинами); и главное значеніе имѣютъ его личныя качества: онъ долженъ быть „дѣятеленъ, настойчивъ, краснорѣчивъ и убѣдителенъ". Но онъ можетъ „обрабатывать" лишь опредѣленный районъ, мелькая, какъ метеоръ, въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Напротивъ, массовый характеръ извѣщенія и убѣжденія имѣетъ реклама; мало того—въ отличіе отъ торговца или агента—она вездѣсуща, не ограничена мѣстностью, можетъ проникать повсюду. Въ противоположность выставкамъ и высшаго и низшаго разряда, она пользуется не самими товарами, ибо необходимость пересылки ихъ ограничиваетъ возможность устройства выставокъ, а различными иными, весьма разнообразными способами извѣщенія и ознакомленія публики. Въ одномъ случаѣ реклама пользуется газетой и подъ этимъ видомъ проникаетъ въ домъ; въ другомъ случаѣ она помѣщается на бюварѣ или календарѣ и заставляетъ насъ смотрѣть на нее, когда мы сидимъ за письменнымъ столомъ. Она принимаетъ форму плакатовъ, которые мы вынуждены читать, и гуляя по улицамъ, и проѣзжая въ трамваяхъ, и сидя въ театрѣ во время антрактовъ (на занавѣсѣ!); новѣйшая техника освѣщенія идетъ на службу къ рекламѣ—аршинныя буквы плакатовъ переливаютъ разноцвѣтными огнями. Даже, покидая шумный городъ, мы встрѣчаемъ рекламныя надписи на скалахъ и постройкахъ. Реклама эксплоатируетъ и человѣка, начиная отъ наиболѣе стариннаго способа извѣщенія о различныхъ событіяхъ, въ томъ числѣ и относящихся къ торговлѣ, путемъ выкрикиванія на улицахъ и площадяхъ (въ Парижѣ въ XVIII ст. такіе crieurs были широко распространены) и вплоть до современныхъ sandwich-men, снабженныхъ плакатами и молчаливо (хотя не менѣе кричаще) тянущихся длинной лентой по улицамъ.

Къ рекламѣ („сенсаціонной" рекламѣ), хотя и не въ прямомъ, а въ косвенномъ смыслѣ—indirect advertising—Матайа относитъ и различныя зрѣлища и концерты, устраиваемые комерсантами, пожертвованія, дѣлаемыя крупными фирмами, чтобы заставить о себѣ говорить, даже снаряженіе англійскими газетами путешествій Стэнли по Африкѣ. Конечно, въ результатѣ здѣсь получается реклама, вслѣдствіе того, что о такихъ событіяхъ говорятъ и въ особенности сообщаютъ въ газетахъ. Эти-то газетныя сообщенія о пожертвованіи, объ устроенномъ для публики представленіи или о состязаніи автомобилей являются для данной фирмы рекламой—у публики запечатлѣвается названіе фирмы, создается представленіе о высокомъ качествѣ ея товаровъ, о солидности фирмы, возникаетъ желаніе пойти посмотрѣть ея издѣлія, лично ознакомиться съ ними, т.-е. достигается основная цѣль рекламы.

Мы не имѣемъ въ виду здѣсь разсматривать достоинства и недостатки рекламы—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Но при оцѣнкѣ роли рекламы въ современномъ хозяйствѣ недостаточно—это необходимо подчеркнуть—указать ея выгодныя и отрицательныя стороны; нужно, кромѣ того, провести паралель между рекламой, съ одной стороны, и иными упомянутыми нами средствами ознакомленія публики и вліянія на потребителя — выставками всякаго рода, торговыми агентами и т. д., съ другой стороны. Вѣдь если говорятъ, что реклама удорожаетъ товаръ, что она доступна лишь крупнымъ и самымъ крупнымъ предпріятіямъ, то эти жалобы раздаются и по адресу комми-вояжеровъ и по адресу всемірныхъ выставокъ. Противники комми-вояжеровъ жалуются на ихъ назойливость; противники международныхъ и національныхъ выставокъ сравниваютъ ихъ со скачками, находя, что онѣ имѣютъ такъ же мало значенія для промышленнаго развитія, какъ конскіе бѣга для коннозаводства; заявляютъ, что выставки дегенерировали, что „промышленность

утомленія выставками и ищетъ покоя", что „ихъ порохъ истощился и онѣ должны прекратиться". Но если и выставки, и рекламы, и различные иные способы установить связь между производителемъ и потребителемъ вызываютъ къ себѣ отрицательное отношеніе, то что же остается? Если отказаться отъ всѣхъ этихъ средствъ, то какимъ же образомъ предприниматель въ состояніи будетъ „втолкнуть свой товаръ въ густую толпу всевозможныхъ товаровъ, переполняющихъ рынокъ"? Между тѣмъ самая перевозка товаровъ—по мнѣнію Аткинсона—дѣтская забава по сравненію съ задачей распространенія свѣдѣній о какомъ-либо товарѣ такъ, чтобы люди его покупали.

Мы хотѣли бы обратить вниманіе лишь на одинъ фактъ, на ту роль, которую сыграла реклама—опять-таки на-ряду съ другими средствами „духовнаго" сближенія производителя съ потребителемъ—въ области завоеванія новыхъ рынковъ, въ области развитія экспорта тѣхъ странъ, которыя въ настоящее время идутъ впереди въ этой борьбѣ за рынки—Германіи и Соединенныхъ Штатовъ; ихъ промышленность повсюду пробиваетъ себѣ дорогу. Уже въ 1896 г. Уиллямсъ, авторъ извѣстной книги „Made in Germany", впервые обратившій вниманіе широкихъ круговъ на то, что Германія вытѣсняетъ Англію, завоевываетъ тѣ рынки, которые прежде принадлежали Англіи, подчеркивалъ рядомъ съ преимуществами нѣмецкой промышленной техники и тотъ фактъ, насколько Англія отстала въ области организаціи сбыта: и нѣмецкіе комми-вояжеры, и нѣмецкая реклама являются примѣромъ, заслуживающимъ подражанія.

Нѣмецкихъ комми-вояжеровъ мы находимъ,—говоритъ онъ,—повсюду, во всѣхъ частяхъ свѣта они обязательно посѣщаютъ такіе города, гдѣ англичанъ никогда и не видѣли. Они интересуются вкусами и желаніями потребителя, въ то время какъ для англичанина это играетъ послѣднюю роль: вотъ наши товары, берите ихъ или нѣтъ, какъ вамъ угодно,—такъ отвѣтъ англійскаго агента. Въ своемъ высокомѣріи послѣдній не считаетъ нужнымъ изучать языки другихъ странъ, тогда какъ нѣмецъ комми-вояжеръ первымъ дѣломъ знакомится съ языкомъ той страны, куда онъ послана. Какъ сообщаютъ англійскіе консулы, англійскія фирмы и въ области рекламы поступаютъ столь же неумѣло: они посылаютъ въ Москву напечатанные на *англійскомъ* языкѣ прейсъ-куранты, каталоги и объявленія, затрачивая на разсылку и печатаніе ихъ много денегъ, но не извлекая изъ нихъ никакой выгоды, ибо они попадаютъ прямо въ корзину; въ Португалію они отправляютъ объявленія, въ которыхъ указаны англійскіе вѣсъ и мѣра и цѣна въ англійской монетѣ. Такія же жалобы на англійскихъ торговыхъ агентовъ за границей, на неудачную упаковку товаровъ, на незнакомство съ требованіями покупателей раздаются и впослѣдствіи, въ Синихъ книгахъ и въ консульскихъ отчетахъ: англичане слишкомъ мало занимаются рекламой, каталоги ихъ часто составлены нелепо, ихъ агенты слишкомъ мало ознакомляютъ мѣстныхъ торговцевъ съ англійской промышленностью. И повсюду подчеркивается, какъ много сдѣлали въ этомъ отношеніи нѣмцы.

Успѣхи, достигнутые Германіей, объясняются въ значительной мѣрѣ тѣмъ,—говорятъ англичане,—что они разсылаютъ цѣлую армію комми-вояжеровъ во всѣ части свѣта, нѣмцы стоятъ въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, мы знаемъ, что въ Швейцаріи въ 1895 г. три четверти комми-вояжеровъ состояли изъ нѣмцевъ, а въ Даніи въ 1906 г. изъ 1,480 иностранныхъ комми-вояжеровъ 1,146 были нѣмцами. Нѣмецкая реклама дѣйствуетъ по слѣдующему правилу: мы должны имѣть специальную прессу для каждой торговли, составленную на англійскомъ, какъ наиболѣе распространенномъ въ мірѣ, языкѣ; для соотвѣтствующихъ

странъ необходима и пресса на испанскомъ, португальскомъ, китайскомъ и т. д. языкахъ. Неутомимо и періодически—другое правило—слѣдуетъ забрасывать иностраннаго потребителя рекламой, интересно составленными и красиво изданными каталогами, брошюрами и описаніями товаровъ съ изящными иллюстраціями, какъ это дѣлаютъ Соединенные Штаты, классическая страна рекламы, достигшая въ этой области наибольшаго совершенства. Америку нѣмцы пытаются побить и въ Австраліи, и въ южной Африкѣ, и въ Китаѣ. Всѣ согласны съ тѣмъ,—увѣряютъ они,—что въ этихъ странахъ побѣждаетъ тотъ, кто кричитъ наиболѣе громко, и нѣмцы стараются перекричать американцевъ, восхваляя свои издѣлія.

І. Кулишеръ.

II. Литература и искусство.

1. Годъ русской поэзіи.

(Апрѣль 1913 г.—апрѣль 1914 г.)

Порубежники.

Футуристическое движеніе сказалось не только на тѣхъ поэтахъ, которые примкнули къ нему открыто, участвуя въ сборникахъ и журналахъ футуристовъ. Не мало другихъ молодыхъ поэтовъ, или никогда не бывшихъ въ рядахъ „признанныхъ“ футуристовъ, или заявившихъ о своемъ выходѣ изъ этихъ рядовъ, несомнѣнно, также находятся подъ значительнымъ вліяніемъ идей футуризма. Новое направленіе въ стихахъ этихъ поэтовъ сказывается не такъ рѣзко, они ищутъ примиренія новаго со старымъ, и тѣмъ, можетъ быть, ихъ поэзія жизнеспособнѣе: до сихъ поръ въ литературѣ все новое всегда вырастало только изъ стараго.

Среди такихъ поэтовъ на первомъ мѣстѣ должно поставить Игоря Сѣверянина. Долгое время И. Сѣверянинъ считался какъ бы „главою“, „maître'омъ“, русскаго футуризма. Позднѣе, понявъ, вѣроятно, что связь его поэзіи съ футуристической чисто внѣшняя, онъ отъ этого званія отрекся и, можно сказать, ряды футуристовъ покинулъ. Дѣйствительно, И. Сѣверянина съ футуризмомъ родвитъ только любовь къ современности и стремленіе создавать новыя слова. Но къ современности у И. Сѣверянина совершенно иной подходъ, нежели у другихъ футуристовъ: онъ смотритъ на нее съ чисто-эстетической точки зрѣнія, ищетъ въ ней красивыхъ образовъ,—и только. Точно такъ же неологизмы И. Сѣверянина существенно отличаются отъ обычныхъ футуристическихъ „словоповшествъ“: не говоря объ томъ, что онъ предпочитаетъ образовывать слова отъ иностранныхъ корней (а наши футуристы воображаютъ, будто имъ удается создавать новыя слова славянскаго корня), онъ и неологизмы создаетъ ради красивости выраженія и красивости слова, а вовсе не ради „творчества словъ для творчества“. Вообще, идеи „слова, какъ такового“, „абсолютнаго слова“ и „поэзіи, не ставящей себя ни въ какія отношенія къ міру“, вполнѣ чужды И. Сѣверянину. Это опредѣленной чертой отдѣляетъ его поэзію отъ всего русскаго футуризма.

Мы были одни изъ первыхъ, кто (на страницахъ *Русской Мысли*) указалъ на И. Сѣверянина, какъ на подлинное поэтическое дарованіе. Намъ нѣтъ причинъ отказываться отъ своего мнѣнія, и мы можемъ повторить теперь, когда дѣятельность И. Сѣверянина у всѣхъ на глазахъ, когда его выступленія на эстрадѣ обращаются въ сплошныя оваціи, что онъ—поэтъ истинный, достойный серьезнаго вниманія. Но въ то же время мы обязаны предъявить теперь

къ И. Сѣверянину и гораздо болѣе серьезныя требованія. Его первая большая книга, „Громокипящій кубокъ“, [1]) была безусловно хороша, какъ твердое выступленіе въ нашей поэзіи новой личности. Ради рѣзко, отчетливо выраженной художественной индивидуальности автора ему можно было простить многіе недостатки, многія крайности, свойственные всѣмъ вообще „первымъ книгамъ“. Находя въ этомъ сборникѣ много прекрасныхъ стихотвореній и еще больше прекрасныхъ стиховъ, мы охотно вѣрили, что поэтъ сумѣетъ впослѣдствіи освободиться отъ своихъ юношескихъ промаховъ и преувеличеній и сосредоточить свое творчество на томъ, что есть въ его поэзіи истинно цѣннаго.

Къ сожалѣнію, второй сборникъ стиховъ И. Сѣверянина, „Златолира“, [2]) не оправдалъ нашихъ ожиданій. Сколько намъ извѣстно, авторъ включилъ въ эту книгу много своихъ раннихъ стиховъ. Но, если даже оставить ихъ въ сторонѣ, новыя стихотворенія, помѣченныя годами 1913 и 1914, еще не показываютъ никакого движенія поэта впередъ. Попрежнему онъ остается хорошимъ мастеромъ пѣвучаго стиха, нѣсколько „бальмонтовскаго“ склада. Попрежнему у поэта есть удачные образы, сильные по той сжатости, съ какой они выражены. Но вмѣстѣ съ тѣмъ еще сколько недостатковъ, оскорбляющихъ всякій чуткій вкусъ! Какъ часто музыкальность стиха куплена просто шаблонностью ритма, напримѣръ:

Оазорнимъ, легко оазорнимъ
Пароходъ, моноплавъ, экипажъ!

Какъ часто оригинальность риѳмы достигнута безцеремоннымъ обращеніемъ со словами, ихъ удареніемъ и ихъ смысломъ (наприм., „Шампанзе—романсѣ“, „лить—я разумъ предъ тобой расшибъ“)! Какъ много quasi-иностранныхъ словъ, можетъ быть, пріятныхъ для слуха, но совсѣмъ ненужныхъ русской рѣчи: „воля, фіоля, фіолово, Миньоля, Гризель, Иалиса, Гильомета, экспессеръ“ и т. д.! Какъ еще неудачны многія словообразованія (наприм., „озабѣть“)! Многіе стихи такъ неуклюжи, что производятъ впечатлѣніе прямо комическое:

Я вдохновенно сѣлъ къ курьерскій...

—

Мы двое совпадемъ третье
Во славу милаго пера...

А когда поэтъ пытается высказать свое profession de foi, онъ не умѣетъ сказать ничего, кромѣ достаточно вримелькавшейся сентенціи:

Одно безумно геніально
И мысль ничтожнѣе мечты...

Между „Громокипящимъ кубкомъ“ и „Златолирою“ промежутокъ времени всего въ одинъ годъ. Поэтому было бы преждевременно дѣлать рѣшительные выводы о возможности для И. Сѣверянина развить свое дарованіе. Но несомнѣнно, что ему, какъ художнику, предстоитъ еще большая работа. Во-первыхъ, кругъ темъ, которыя разрабатываетъ поэтъ, крайне узокъ. Нельзя безъ конца говорить объ „экспессеркахъ“ и „грезеркахъ“, о прелести „бокаловъ съ ледянымъ напиткомъ“ и о преимуществахъ мечты передъ мыслью. Или, по крайней мѣрѣ, тѣ же темы должны быть какъ-то по-новому углублены. Пока же поэзія И. Сѣверянина слишкомъ однообразна и поверхностна. Во-вторыхъ, поэтъ слишкомъ неразборчивъ въ тѣхъ средствахъ, какими онъ пользуется для созданія своихъ стиховъ. Онъ часто красоту подмѣниваетъ земной красивостью, а золото—безвкусной

[1]) *Игорь Сѣверянинъ.* „Громокипящій кубокъ“. Поэзы. Предисловіе Ѳедора Сологуба. К-во „Грифъ“. М., 1913 г. Ц. 1 р. Стр. 141.—То же, изд. 2-е. М., 1913 г. Ц. 1 р. Стр. 126. Въ каталогахъ к-ва указаны еще изд. 3-е и 4-е, но мы ихъ не видѣли.

[2]) *Игорь Сѣверянинъ.* „Златолира“. Поэзы. Книга вторая. К-во „Грифъ“. М., 1914 г. Ц. 1 р. Стр. 132.

фольгой. И. Сѣверянину необходимо гораздо строже относиться и къ языку, и къ стилю, и къ метру, и къ ритму. Только расширивъ свои кругозоры, какъ художника, только сдѣлавъ свой стихъ и болѣе строгимъ, и болѣе тонкимъ, И. Сѣверянинъ можетъ стать дѣйствительно значительнымъ поэтомъ. Иначе ему угрожаетъ опасность всю жизнь писать подражанія самому себѣ.

Иного рода опасности угрожаютъ молодымъ поэтамъ, выступившимъ въ новомъ издательствѣ „Лирика". Впрочемъ, самое издательство уже распалось, точнѣе раздѣлилось, какъ комета Біелы, на двѣ части: на издательство „Центрифуга" и какое-то другое, съ менѣе замысловатымъ заглавіемъ. Пока кружокъ былъ еще единымъ, онъ издалъ альманахъ стиховъ „Лирика", сборники стиховъ С. Боброва, Б. Пастернака, Н. Асѣева и нѣсколько другихъ книжекъ. [1]) Хотя эти изданія нигдѣ не были названы „футуристическими", однако на ихъ участникахъ, особенно на трехъ названныхъ нами, вліяніе футуристическихъ идей было несомнѣнно; позднѣе, образовавъ ядро „Центрифуги", они въ своемъ новомъ альманахѣ [2]) уже открыто признали себя футуристами. Но все же футуризмъ поэтовъ „Центрифуги" (не говоримъ о присоединившихся къ нимъ писателяхъ изъ „Петербургскаго Глашатаго") имѣетъ особый оттѣнокъ и сочетается со стремленіемъ связать свою дѣятельность съ художественнымъ творчествомъ предшествовавшихъ поколѣній.

С. Бобровъ начинаетъ свою книгу эпиграфами изъ М. Кузмина и А. Бертрана; первую часть посвящаетъ Ш. ванъ-Лербергу; вторую ставитъ подъ покровительство Т. Корбіера и Н. Языкова; третью—Ж. де-Нерваля и Фр. Війона. Предисловіе къ книжкѣ Н. Асѣева увѣряетъ, что путь этого поэта шелъ, „минуя раздерганнаго на кусочки модернистами Тютчева, къ пушкиніанцамъ и больше всего къ несравненнымъ розсыпямъ алмазовъ всѣми забытаго Н. М. Языкова". Это все далеко отъ „сбрасыванія съ парохода современности" всѣхъ поэтовъ прошлаго и не-футуристической современности. Сообразно съ этимъ, стихи поэтовъ „Лирики" болѣе тѣсно связаны съ завѣтами прошлаго: каждое стихотвореніе объединено единой темой, выражено въ болѣе или менѣе традиціонныхъ размѣрахъ, и только экстравагантность иныхъ образовъ и постоянныя исхищренія въ ритмикѣ указываютъ на стремленіе къ новаторству.

Всего сильнѣе зависимость отъ прошлаго сказывается въ стихахъ С. Боброва. Кромѣ эпиграфовъ, предпосланныхъ отдѣльнымъ частямъ книги, онъ почти каждое стихотвореніе снабжаетъ эпиграфомъ. Къ сожалѣнію, подписанное подъ нимъ имя поэта большею частью сразу указываетъ и на источникъ вдохновенія. У С. Боброва есть стихи, сдѣланные „въ манерѣ Баратынскаго", наприм., „Гроза":

Такъ, ослѣпительный покровъ
Протянутъ дессь посеребренный...

(по Баратынскій, вѣроятно, не допустилъ бы въ слѣдующей строкѣ неосторожнаго эпитета: „И стонъ *алетающихъ* деревъ"); есть стихи въ духѣ Ив. Коневскаго; есть попытки подражать французскимъ символистамъ, Н. Языкову и даже самому Пушкину. За всѣми этими подражаніями собственное лицо поэта остается пока скрытымъ. Почти каждая строка вызываетъ въ памяти что-либо уже быв-

---

[1]) *С. Бобровъ.* „Вертоградари надъ лозами". М., 1913 г. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 162. *Борисъ Пастернакъ.* „Близнецъ въ тучахъ". М., 1914 г. Ц. 50 к. Стр. 48. *Николай Асѣевъ.* „Ночная флейта". М., 1914 г. Ц. 50 к. Стр. 32. Объ альманахѣ „Лирика" отзывъ см. *Русская Мысль*, 1913 г.

[2]) „Рукопогъ". Сборникъ стиховъ и критики. К-во „Центрифуги". М., 1914 г. Ц. 50 к. Стр. 48.

шее: то, и очень часто, стиль Вяч. Иванова (наприм., стихъ: „Клянн свой мечъ, оратай—плугъ“, или все стихотвореніе „Arabesque divine“ съ эпиграфомъ изъ Вяч. Иванова), то „раздерганнаго на кусочки модернистами“ Тютчева (напр., выраженіе: „На склонѣ италійскихъ пѣгъ“), то ритмическіе опыты Андрея Бѣлаго (хорея въ началѣ ямбической строки, переполненіе ямбовъ пиррихіями и т. п.), то „пушкинизмъ“ нѣкоторыхъ современныхъ поэтовъ („Многошумныя оливы—Алкиноевой страны“ и т. п.), то А. Блока и мн. др. Въ альманахѣ „Рукономъ“ стихи С. Боброва заставляютъ вспоминать уже нашихъ футуристовъ. Но мы хотимъ вѣрить, что и это все еще—только перепѣвы и что молодому поэту удастся, наконецъ, заговорить на своемъ языкѣ.

Менѣе эклектиченъ Н. Асѣевъ. Съ манерой С. Боброва его близитъ пристрастіе къ славянизмамъ („хлады“, „зано“, „выспренное слово“, „вѣтромъ исполнитъ путь“), отличаетъ отъ нея—легкій налетъ народности. Футуризмъ въ стихахъ Н. Асѣева сказывается выборомъ темъ и образовъ (здѣсь и „черный гаммовъ“, и „ротаціи“, и „телефонъ“, и „бульварный вальсъ“, и „знакъ Фаренгейта“), отдѣльными выраженіями и неологизмами („звѣркаль“, „верьеры неба“, „звѣзды стали въ витражи“, „обветшалый горизонтъ“) и свободнымъ обращеніемъ съ ритмомъ. Въ общемъ же, сколько можно судить по маленькой книжкѣ, Н. Асѣевъ—поэтъ, еще переживающій „романтическую“ эпоху, пишущій немного въ духѣ А. Блока, немного въ духѣ Н. Гумилева и пока слишкомъ склонный къ дешевымъ украшеніямъ стиха, будь то „тигры острова Яны“ и „тѣнь кавалера Глука“ или неизящнѣйшія риѳмы, не всегда созвучныя, какъ „кратеръ—императоръ“ или „прожекторъ—Гекторъ“.

Наиболѣе самобытенъ Б. Пастернакъ. Это еще не значитъ, что его стихи—хороши или безусловно лучше, чѣмъ стихи его товарищей. С. Бобровъ и Н. Асѣевъ, во всякомъ случаѣ, показываютъ значительное мастерство техники; Б. Пастернакъ, напротивъ, со стихомъ справляется плоховато; ритмы его однообразны, а „смѣлости“ сводятся къ двумъ-тремъ повторяющимся пріемамъ. Кромѣ того, Б. Пастернаку часто измѣняетъ самый элементарный вкусъ, и онъ способенъ написать: „напѣвъ мой опечатанъ пломбой“ или умѣрять, что его близнецъ „застылъ въ безвременной астмѣ“. Но все же у Б. Пастернака чувствуется наибольшая сила фантазіи; его странные и порой нелѣпые образы не кажутся надуманными: поэтъ, въ самомъ дѣлѣ, чувствовалъ и видѣлъ такъ; „футуристичность“ стиховъ Б. Пастернака—не подчиненіе теоріи, а своеобразный складъ души. Вотъ почему стихи Б. Пастернака приходится не столько оспаривать, сколько принимать или отвергать. И поэту скорѣе *вѣришь*, когда онъ говоритъ: „Вокзалъ, несгораемый ящикъ—Разлукъ моихъ, встрѣчъ и разлукъ“, или „Пью горечь туберозъ, небесъ осеннихъ горечь“, или „Не подняться дню въ усиліяхъ снѣтиленъ“, или еще:

Когда за зиры забираетъ
Поэты взоръ вперятъ,
Налѣво глины сляжетъ Индъ,
А вправо уйдетъ Евфратъ.

Непосредственность и живая фантазія, конечно, хорошія данныя для поэта, но достаточно ли ихъ однѣхъ?

Остается упомянуть въ этомъ отдѣлѣ еще вторую книжку стиховъ Д. Крючкова, [1]) начинающаго въ „Петербургскомъ Глашатаѣ“. Сравнительно со своими первыми опытами Д. Крючковъ сдѣлалъ значительные успѣхи. Отъ футуристическихъ пріемовъ въ его новыхъ стихахъ мало что осталось („обѣлю“, „на душѣ херувимчато“, „вѣтры налетѣ“ и т. п.). Но въ нихъ есть про-

[1]) *Дмитрій Крючковъ.* „Цвѣты ледяные“. Изъ „Очарованный Странникъ“. Спб., 1914 г. Ц. 35 к. Стр. 16.

блески чего-то своего и, если они часто не самостоятельны, то иногда уже звучны и красивы. Книжка названа „ледяными цвѣтами“, и дѣйствительно, Д. Крючкову наиболѣе удались изображенія зимы, когда

Въ ледяной холодной прелести
Сколько скрыта, сколько шелеста...

Поэты „Центрифуги“ (къ которымъ примкнулъ и Д. Крючковъ) объявляютъ себя въ своемъ альманахѣ истинными футуристами, въ противоположность футуристамъ ложнымъ, бывшимъ участникамъ „Гилея“ и „Мезонина поэзіи“. Врядъ ли на что-нибудь могутъ быть нужны эти мелочные споры. Но если эти „истинные“ футуристы подлинно хотятъ строить новое на фундаментѣ прошлаго, они, конечно, выбрали въ поэзіи болѣе правильный путь. Вопросъ лишь въ томъ, позволятъ ли имъ размѣры ихъ дарованій дѣйствительно прибавить что-либо свое къ тому старому, что они добросовѣстно стараются усвоить. Мы бы только посовѣтовали имъ не спѣшить это новое *заимствовать*, а ждать, пока оно въ ихъ творчествѣ возникнетъ самостоятельно.

Валерій Брюсовъ. [1])

2. Письма Бѣлинскаго.

Однимъ изъ крупныхъ вкладовъ въ русскую литературу нынѣшняго года являются, безъ сомнѣнія, изданныя Е. А. Ляцкимъ „Письма“ В. Г. Бѣлинскаго [2]). Главнымъ основаніемъ для этого изданія послужила богатая коллекція писемъ Бѣлинскаго, собранная еще въ семидесятыхъ годахъ А. Н. Пыпинымъ, когда онъ составлялъ свою извѣстную біографію Бѣлинскаго, изданную нѣсколько лѣтъ тому назадъ вторымъ изданіемъ. Къ письмамъ, собраннымъ Пыпинымъ, г. Ляцкій присоединилъ и всѣ тѣ, которыя появились въ печати впослѣдствіи. Однако, какъ отмѣчаетъ въ предисловіи самъ г. Ляцкій, и нынѣшнее изданіе писемъ Бѣлинскаго, выпущенное въ трехъ томахъ, не можетъ считаться безусловно полнымъ, такъ какъ нельзя, конечно, ручаться, что не обнаружатся въ какихъ-либо частныхъ архивахъ еще какія-либо письма Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ неизвѣстно ни одно изъ писемъ Бѣлинскаго къ Грановскому и Каткову, и не найдены многія изъ писемъ его къ Герцену и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Но можно съ увѣренностью утверждать, что собраніе это достаточно полно въ томъ смыслѣ, что оно съ совершенной полнотой и яркостью рисуетъ намъ всю жизнь Бѣлинскаго и всѣ стадіи развитія его неугомоннаго духа. Во всякомъ случаѣ это замѣчательное собраніе будетъ служить всегда однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи русской интеллигенціи въ тридцатые и сороковые годы.

Развитіе внутренней жизни „неистоваго Виссаріона“ и его отношеній къ окружавшимъ его друзьямъ и пріятелямъ полно само по себѣ глубокаго психологическаго и историческаго интереса, который способенъ совершенно поглотить вниманіе каждаго вдумчиваго читателя. Когда я нѣсколько лѣтъ тому назадъ впервые познакомился въ подлинникѣ съ частью этихъ писемъ, относящейся къ сношеніямъ Бѣлинскаго съ Бакуниными, я тотчасъ же представилъ себѣ, что могъ бы сдѣлать изъ этого матеріала такой художникъ, какъ, напримѣръ, Л. Н. Толстой, если бы эта переписка стала своевременно ему извѣстна.

Ко многимъ письмамъ Бѣлинскаго вполнѣ примѣнимо то выраженіе Тургенева, которое онъ приложилъ къ неизданной до сихъ поръ главѣ „Былого

---

[1]) Третья статья будетъ посвящена поэтамъ, оставшимся совершенно въ сторонѣ отъ футуризма.

[2]) *Бѣлинскій*. „Письма“. 3 тома. Книгоиздательство „Огни“. Спб., 1914 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.

и Думъ" Герцена, сказавъ, что глава эта писана *слезами и кровью;* а по глубокой искренности, съ которой эти письма писаны, съ ними едва ли можно сравнить какую-либо другую переписку.

Изъ нѣкоторыхъ писемъ издатель нашелъ необходимымъ выпустить иныя строки и выраженія, замѣнивъ ихъ точками, просто потому, что выраженія эти недопустимы въ печати. Къ такимъ „непечатнымъ" словамъ и выраженіямъ въ старину русскіе люди были особенно склонны въ письмахъ къ близкимъ пріятелямъ. Бѣлинскій проявлялъ къ нимъ особую склонность въ горькія минуты жизни, которыхъ у него было немало, и чаще всего такія выраженія встрѣчались у него въ письмахъ къ Боткину, съ которымъ онъ привыкъ быть особенно „на распашку". Изъятіе всѣхъ этихъ выраженій изъ его переписки, совершенно необходимое, нисколько, разумѣется, не измѣняетъ смысла и содержанія его писемъ.

Всѣхъ писемъ, напечатанныхъ во всѣхъ трехъ томахъ, 302 и сверхъ того около 12 мелкихъ записокъ. Есть между ними письма въ два, два съ половиною и даже въ три печатныхъ листа (къ Станкевичу, Боткину и Бакунину) и, несмотря на длину, они читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Въ первомъ томѣ сперва помѣщены письма, охватывающія ранніе годы жизни Бѣлинскаго. Это главнымъ образомъ письма къ роднымъ. Они довольно полно исчерпаны въ біографіи, составленной Пыпинымъ. Затѣмъ въ томъ же томѣ помѣщены письма, относящіяся къ московскому періоду жизни Бѣлинскаго (до октября 1839 года). Важнѣйшія изъ нихъ адресованы къ М. А. Бакунину и Н. В. Станкевичу. Первыя до настоящаго времени были приведены въ наиболѣе существенныхъ частяхъ своихъ, а нѣкоторыя цѣликомъ, въ моемъ изслѣдованіи о семействѣ Бакуниныхъ, печатавшемся въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ въ *Русской Мысли;* вторыя были въ значительной мѣрѣ использованы А. Н. Пыпинымъ въ его біографіи Бѣлинскаго. Но все же напечатанныя теперь въ полномъ видѣ, эти письма представляютъ огромный интересъ для біографіи и самого Бѣлинскаго, и его корреспондентовъ, и для исторіи всего ихъ кружка. Исторія этого замѣчательнаго кружка, сыгравшаго такую капитальную роль въ развитіи русской интеллигенціи, будетъ представлена съ исчерпывающей полнотой и притомъ по подлиннымъ документамъ, когда нынѣшней осенью появится печатающаяся теперь подъ редакціей А. Н. Станкевича полная переписка Н. В. Станкевича, извѣстная до настоящаго времени лишь по извлеченіямъ, опубликованнымъ въ 1857 году П. В. Анненковымъ.

Центральной фигурой, съ которой главнымъ образомъ связывается въ концѣ 30-хъ годовъ все внутреннее развитіе Бѣлинскаго, въ первомъ томѣ является Михаилъ Бакунинъ.

Второй томъ содержитъ въ себѣ больше всего писемъ Бѣлинскаго къ Боткину, причемъ въ примѣчаніяхъ къ нимъ издателемъ даны и нѣкоторыя письма самого Боткина къ Бѣлинскому, до сихъ поръ неизвѣстныя и чрезвычайно важныя для біографіи обоихъ корреспондентовъ и освѣщенія отношеній ихъ обоихъ къ семьѣ Бакуниныхъ. Въ перепискѣ Бѣлинскаго съ Боткинымъ и во второмъ томѣ удѣляется много вниманія М. Бакунину и по нимъ можно судить о томъ вліяніи, которое имѣлъ Бакунинъ и его сестры на судьбу и Бѣлинскаго, и Боткина. Чрезвычайно важны и интересны также напечатанныя въ этомъ томѣ письма Бѣлинскаго къ брату Михаила, Николаю Бакунину. Тутъ же напечатаны и письма къ К. Аксакову, впрочемъ, уже ранѣе извѣстныя въ печати.

Третій томъ содержитъ прежде всего письма Бѣлинскаго къ женѣ его, Маріи Васильевнѣ (рожд. Орловой), когда она была еще его невѣстой (въ 1843 г.) и когда стала его женой. Послѣднія пи-

саны во время путешествій Бѣлинскаго въ 1846 г. со Щепкинымъ на югъ Россіи, и въ 1847 г. съ Анненковымъ и Тургеневымъ за границу. Письма эти уже были, впрочемъ, напечатаны ранѣе (въ сборникѣ въ пользу голодающихъ и затѣмъ въ первомъ собраніи писемъ Бѣлинскаго, изд. г. Зинченкомъ). Продолжается здѣсь и переписка съ В. П. Боткинымъ,—попрежнему весьма интересная и содержательная, дающая съ необыкновенной искренностью и полнотой картину душевныхъ переживаній и литературныхъ отношеній Бѣлинскаго въ сороковыхъ годахъ. На-ряду съ этой перепиской имѣютъ огромное значеніе и письма Бѣлинскаго къ Герцену, съ которымъ Бѣлинскій близко сдружился въ эту эпоху своей жизни. Письма эти были уже напечатаны раньше и, къ сожалѣнію, ихъ всего 10, тогда какъ, по соображеніямъ Е. А. Ляцкаго, всѣхъ писемъ Бѣлинскаго къ Герцену должно было быть нѣсколько десятковъ. Не меньшее значеніе и интересъ имѣютъ письма Бѣлинскаго къ Анненкову (также, впрочемъ, извѣстныя и раньше), а также письма его къ Кавелину, Тургеневу, Краевскому и Кудрявцеву. Въ этомъ же томѣ помѣщено полностью и знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю отъ 3 іюля 1847 года.

Всѣ письма сопровождены въ примѣчаніяхъ тщательно составленными Е. А. Ляцкимъ пояснительными указаніями, причемъ отмѣчены всѣ „разночтенія“ и важнѣйшія особенности ореографіи Бѣлинскаго.

Что касается исправности текста напечатанныхъ писемъ, то я съ своей стороны могу указать лишь одинъ довольно значительный пропускъ, допущенный въ письмѣ Бѣлинскаго къ Бакунину отъ 14—15 августа 1838 года, писанномъ по поводу смерти сестры Бакунина, Любови Александровны. Письмо это, приведенное на стр. 213—221 перваго тома по копіи, сдѣланной Пыпинымъ, считалось имъ сохранившимся безъ конца, тогда какъ въ подлинникѣ, съ котораго я снялъ копію въ 1898 г. (онъ хранится теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ), письмо это имѣется въ полномъ видѣ (пропускъ составляетъ 2—3 страницы печатнаго текста).

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что русское общество не можетъ не быть благодарно издателю за этотъ тщательно выполненный трудъ, имѣющій такую значительную важность для освѣщенія одного изъ интереснѣйшихъ моментовъ нашего литературнаго и общественнаго развитія.

А. Корниловъ.

3. Двѣ книги о барокко.

Вёльфлинъ и Фромантенъ.

Когда мы читаемъ у Le Camus de Mézières'а о томъ, что тосканскій ордеръ своими пропорціями вызываетъ впечатлѣніе мускулистаго сильнаго мужского тѣла, между тѣмъ какъ дорическій являетъ образъ мужчины благороднаго и изящнаго сложенія, что въ іоническомъ ордерѣ чувствуются формы пышной женщины, а въ коринѳскомъ стройные члены молодой дѣвушки, то наивность такихъ аналогій не удивляетъ насъ даже. Правда, Le Camus de Mézières былъ самъ архитекторъ, такъ что для него лично сближенія эти скрывали, навѣрное, нѣкій глубокій смыслъ. Но какъ бы значительны, какъ бы глубоки онѣ ни были, эти аналогіи, намъ онѣ кажутся непроизводительными, даже опасными, потому что, обладая нѣкоторой внѣшней убѣдительностью, онѣ ничего не объясняютъ.

Архитекторъ XVIII вѣка и не могъ ничего объяснить. Внутренне несвободный, связанный тяготѣвшей надъ его творчествомъ тайной классическихъ совершенствъ, не умѣя разобраться въ ней, не смѣя освободиться отъ нея, онъ усматривалъ въ малѣйшемъ уклоненіи отъ античныхъ образцовъ, какомъ-нибудь незначительномъ видо-

измѣненіи, напр., верхняго завершенія колонны, ея капителя, безпримѣрное по смѣлости новшество. Ощупью, путемъ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ и сопоставленій рисовалъ онъ себѣ, какъ умѣлъ, происхожденіе и развитіе архитектурныхъ формъ.

Но какъ не удивляться, что въ XIX в., когда въ рядахъ исторической науки увѣренно выдвинулась наука объ искусствѣ, когда архитекторъ не въ мѣру даже сдѣлался археологомъ и историкомъ, давно заглохшая аналогія всплываетъ снова. Расцвѣченная яркими, свѣжими красками, блестящая и увлекательная, она воскресла къ новой жизни въ изслѣдованіи „Ренессансъ и барокко" Генриха Вёльфлина, [1]) и то, что книга нѣмецкаго профессора, вышедшая впервые въ 1888 г., выдержала уже нѣсколько изданій и нынѣ появилась и въ русскомъ переводѣ, наглядно доказываетъ успѣхъ высказанныхъ въ ней идей, въ основѣ своей сводящихся къ вышеприведенной аналогіи.

„Стоитъ только сравнить башмакъ эпохи готики съ башмакомъ ренессанса,—говоритъ Вёльфлинъ,—чувствуется совершенно иная манера ступать: первый узокъ, заостренъ, вытянутъ длиннымъ загибомъ впередъ; второй широкъ, удобенъ, касается земли со спокойной увѣренностью" и т. д.

Своеобразная „манера стать", по неудачному выраженію переводчика, т.-е. осанка, поступь, habitus человѣка, сказывающіяся непосредственнѣе всего въ обуви, въ одеждѣ, находитъ себѣ вѣрное отраженіе и въ искусствѣ. „Архитектура выявляетъ въ своихъ монументальныхъ пропорціяхъ физическую его (человѣка) сущность, его манеру держать себя и двигаться, его ярмо-легкую или серьезную и важную повадку, его взволнованность или спокойствіе"... Спрашивается, какимъ это образомъ въ формахъ искусства, въ природѣ не имѣющаго, казалось бы, прообраза, искусства не подражательнаго, не изобразительнаго, можетъ выявиться физическая сущность человѣка, да къ тому же и манера, и повадка, и настроеніе его.

Вёльфлинъ находитъ этому явленію объясненіе въ томъ, что „мы готовы различать въ любомъ предметѣ — даже при полномъ несходствѣ формъ—голову и подобіе ногъ, на которыхъ онъ стоитъ, переднюю и заднюю стороны, какъ бы оживляя его. Мы убѣждены, что предмету непріятно стоять косо или падать". Вотъ почему ориентироваться въ художественномъ памятникѣ, истолковать его стиль значитъ въ конечномъ счетѣ свести его формы къ формамъ человѣческаго тѣла. Но если архитектурное тѣло и поддается расчлененію наподобіе человѣческаго, если капитель точно царственную его голову вѣнчаетъ карнизъ, если цоколи образуютъ его подножіе, то въ такомъ анимистическомъ толкованіи еще не слѣдуетъ видѣть попытки доказать строгое соотвѣтствіе архитектурныхъ обломовъ опредѣленнымъ членамъ тѣла. Такого соотвѣтствія добивались въ XIX в. строители причудливыхъ особняковъ въ Künstlerkolonie въ Дармштадтѣ, но Вёльфлинъ врядъ ли имѣлъ въ виду искать его въ итальянскомъ ренессансѣ и барокко.

Человѣческое тѣло не подвержено столь чувствительнымъ измѣненіямъ, чтобы опредѣлять смѣну стилей. Мѣняется вѣдь не тѣло, а отношеніе къ нему, ощущеніе и сознаніе его. Когда нравится стройныя, гибкія тѣла, и въ архитектурѣ предпочитаютъ тянутыя пропорціи, хрупкія формы, острые углы и прямыя линіи

Но эти [illegible] продиктованы тѣлесными формами. Каприз[illegible] мода до неузнаваемости [illegible] иногда человѣческую фигуру. Горизонтальный перекатъ тѣла [illegible] перемѣщается то вправо, то влѣвъ, на-

[1]) Перев. съ нѣм. Е. Лундберга, ред. А. Л. Волынскій. изд. „Грядущій день", Спб., 1913 г.

мѣчая талію независимо отъ естественнаго утоненія фигуры, кринолины и буфы, доходящіе до чудовищныхъ размѣровъ, въ строеніи тѣла не находятъ соотвѣтствія. Вотъ почему Вёльфлинъ и признаетъ, что „какъ и всякое искусство, архитектура стремится показать человѣка такимъ, какимъ онъ самъ хотѣлъ бы быть", слѣдовательно, и съ кринолинами, когда кринолины въ модѣ. Конечно, идеальное тѣло искусства по своеобразной игрѣ природы можетъ существовать и не только въ воображеніи людей: рафаэлевскую женщину можно встрѣтить на улицѣ, и въ свою очередь портретная черта можетъ превратиться въ идеальную,—стоитъ вспомнить недавно кѣмъ-то приведенный примѣръ—губы леди Лиллитъ въ живописи Россетти.

Но каково бы ни было взаимоотношеніе мечты и дѣйствительности, первооснову стиля слѣдуетъ искать не въ формахъ, а въ чувствѣ формы, въ тѣхъ началахъ художественнаго познанія, которыя въ опредѣленную эпоху по опредѣленнымъ причинамъ проступаютъ отчетливѣе другихъ. Такое толкованіе Вёльфлина удовлетворитъ тѣхъ, кому важно обнажить познавательныя нормы, регулирующія художественное творчество. Но кому прежде всего необходимо найти подходъ къ искусству, такому замкнутому и недоступному, какимъ для многихъ является архитектура, тотъ удовольствуется и элементарными переживаніями, которыя откроетъ ему Вёльфлинъ въ ренессансѣ, искусствѣ „покойнаго бытія", и въ барокко, искусствѣ „бытія возникающаго, преходящаго,... неудовлетвореннаго, не знающаго покоя". Теорія Вёльфлина представляетъ собой въ вульгаризованномъ видѣ такъ называемую психологическую теорію, объясняющую стиль, какъ выраженіе міровоззрѣнія эпохи. Согласно этой теоріи барокко являетъ выраженіе іезуитизма, готика — спиритуализма и схоластики и т. д. Вёльфлинъ перевелъ только отвлеченныя понятія приверженцевъ психологической теоріи на конкретный, эмоціональный языкъ, замѣнивъ раціоналистическое „міровоззрѣніе" ирраціональнымъ „мироощущеніемъ" (Къ сожалѣнію, переводчикъ не подмѣтилъ этого оттѣнка и переводитъ вёльфлиновское „Selbstgefühl" словомъ „самосознаніе".). Такъ точно поступаетъ и искусство. Архитектура барокко могла отразить міровоззрѣніе іезуитовъ, ихъ мораль всеоправдывающей цѣли лишь постольку, поскольку она въ состояніи была передать окрашивающій іезуитскую идеологію паѳосъ изступленной вѣры, вѣрнѣе—паѳосъ движенія. „Душа, жаждущая раствориться въ безконечномъ, не можетъ удовлетвориться ограниченными, простыми и доступными обозрѣнію формами. Полузакрытые глаза перестаютъ воспринимать очарованіе линій, приходитъ потребность смутныхъ возбужденій. Подавляющіе размѣры, неограниченныя пространства, непостижимое волшебство свѣта—вотъ идеалы новаго искусства". Вёльфлинъ показалъ на церковной и дворцовой архитектурѣ, на виллахъ, на расплановкѣ садовъ, какъ при помощи ритма и размѣра осуществлены были идеалы барокко. Живопись, ваяніе, поэзія и музыка привлечены имъ для уясненія характерныхъ чертъ этого стиля—массивности, монументальности, движенія и живописности.

Книга Вёльфлина въ переводѣ станетъ у насъ достояніемъ болѣе широкихъ круговъ, но она уже принесла намъ свои плоды. И. Грабарь въ очеркѣ „Духъ барокко" въ „Исторіи русскаго искусства" блестяще резюмировалъ теоретическія положенія Вёльфлина, да и на оцѣнкѣ русскаго барокко, красотъ стараго Петербурга несомнѣнно сказалось вліяніе увлекательной книги.

Приходится лишь сожалѣть о томъ, что въ переводѣ исчезло обаяніе языка автора, главное достоинство котораго—четкость образовъ и точность. Тамъ, гдѣ Вёльфлинъ говоритъ с разрыхленіи,

размягченіи формы (Lockerung der Form), мы читаемъ въ переводѣ—„порча формъ". Кое-гдѣ совершенно извращенъ смыслъ. Говорится о томъ, что барокко избѣгаетъ симметріи. „Въ такихъ случаяхъ (т.-е. когда центръ тяжести изображенія умышленно перемѣщенъ) середина картины остается свободной", между тѣмъ слѣдовало сказать: остается необозначенной (bleibt dann unbezeichnet). И не „свободное" достигается такимъ путемъ напряженіе, а напротивъ, несвободное, своеобразное (въ подлинникѣ: eine eigentümliche Spannung), столь характерное для барокко.

Далѣе авторомъ имѣются въ виду не „раскосы", а пояса въ обоихъ ярусахъ церкви S. Catarina dei Funari.

Совершенно непонято переводчикомъ мѣсто, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, что на аркахъ въ нижнемъ ярусѣ внутри церкви Gesù нѣтъ замковъ. Вёльфлинъ говоритъ: такимъ образомъ, отпадаетъ вѣнчающій (конечно, арку) кронштейнъ. У переводчика получаются какіе-то кронштейны, вѣнчающіе „столбы". Клинья свода (Kuppelzwickel) не слѣдуетъ смѣшивать со стрѣлками. Неудачнымъ кажется слѣдующее образованіе: „барочистый", „барочистое пониманіе массы". Цитируя трудъ, изданный на нѣмецкомъ языкѣ (Baudenkmäler Roms), переводчикъ почему-то приводитъ заглавіе его по-русски, а не въ подлинникѣ.

Понятіе живописнаго, примѣняемое Вёльфлиномъ къ архитектурѣ барокко для опредѣленія основной природы этого искусства, внушено стилемъ, господствовавшимъ въ эпоху барокко въ живописи. Книга Эжена Фроментена, [1]) вышедшая во Франціи въ 1876 г., выдержавшая уже 22 изданія и нынѣ появившаяся въ двухъ переводахъ одновременно у насъ, даетъ классическое опредѣленіе живописному стилю, наглядно иллюстрируемому на мастерахъ XVII в.—Рубенсѣ и Рембрандтѣ.

Въ своихъ наблюденіяхъ Фроментенъ предвосхищаетъ Вёльфлина: „Движеніе овладѣваетъ композиціей, на палитрѣ замѣтны намеки на свѣтотѣнь..., ростъ персонажей увеличивается, группы становятся многолюднѣе, картины загромождаются... и т. д.",—вотъ положенія, получившія дальнѣйшее развитіе въ изслѣдованіи Вёльфлина, и надо только удивляться проницательности художника, сумѣвшаго въ бѣглыхъ путевыхъ замѣткахъ зафиксировать существенныя черты барокко. Фроментена противопоставляли Дидро, считая его болѣе достойнымъ почетнаго званія родоначальника художественной критики во Франціи. Ему приписывали исключительный культъ формы, пренебреженіе къ цѣнностямъ не живописнаго порядка. И дѣйствительно, Фроментенъ высоко цѣнитъ технику и восхищается голландской живописью, сумѣвшей отрѣшиться отъ героическихъ сюжетовъ, отъ нравоучительной занимательной фабулы, отъ фабулы вообще. „Изучая моральную сущность голландскаго искусства, поражаешься полнымъ отсутствіемъ того, что въ наше время называется сюжетомъ". Но такъ ли одобряетъ Фроментенъ безсюжетность, какъ принято думать? Какъ ни врѣльчатъ его техническое мастерство голландцевъ, онъ не можетъ не признать, что „школа, которая больше всего занималась реальнымъ міромъ, болѣе всего, кажется, ошиблась въ оцѣнкѣ его нравственнаго смысла. Страстно отдавшись изученію всего живописнаго, она меньше, чѣмъ какая-либо другая, замѣтила его живительные источники". Въ голландской жанровой школѣ осуществлены принципы, чуждые барокко: плавность, естественность, простота, четкость рисунка, мелкіе размѣры, ограниченныя, но мощныя и чистыя краски. „Никогда картина не распространяется, не рискуетъ слиться съ рамой, не выступитъ изъ

[1]) Старинные мастера, переводъ Г. Кеппинова. Ред. А. Волынскій. Спб., 1913 г. Изд. „Грядущій день".

пея". Здѣсь, въ маленькой странѣ, „міровой стиль", зародившійся въ Италіи, покорившій Францію, Германію, Россію, какъ будто потерпѣлъ пораженіе. Но это кажется лишь на первый взглядъ. Въ дѣйствительности же именно въ Голландіи нашла свое выраженіе одна изъ основныхъ чертъ барокко — живописность.

И если въ живописи голландской Рембрандтъ—исключеніе, то въ міровомъ искусствѣ онъ-то и осуществилъ стоявшія на очереди задачи. Въ его творчествѣ живописное начало противоставляется не только линеарному, но и красочному. Свѣто-тѣнь стираетъ линейныя грани, контуры и вмѣстѣ съ тѣмъ обезцвѣчиваетъ краски. Въ „люминаризмѣ" Рембрандта живописный принципъ достигъ безпримѣсной чистоты.

Книга Фромантена, не задававшаяся разрѣшеніемъ теоретическихъ проблемъ, непосредственно вводитъ въ ихъ пониманіе при разборѣ картинъ въ бельгійскихъ и голландскихъ музеяхъ. Она подготовляетъ къ изученію этихъ проблемъ въ менѣе доступныхъ искусствахъ. Русское изданіе ея тѣмъ болѣе цѣнно, что снабжено иллюстраціями. и именнымъ указателемъ, въ которомъ, очевидно, по недосмотру пропущенъ Квинтенъ Массейсъ. Переводъ близокъ къ подлиннику, бережно сохраняетъ оттѣнки мысли автора и обнаруживаетъ профессіональное знакомство переводчика съ предметомъ.

Внѣшность обѣихъ книгъ довольно изящна.

Р. Бернштейнъ-Вишницеръ.

III. Философское движеніе.

1. Судьбы новѣйшей психологіи.

„Крестьянинъ больше понимаетъ въ экономикѣ, чѣмъ профессоръ экономіи",—отвѣтилъ Фридрихъ Великій на просьбу объ учрежденіи каѳедръ по государственному хозяйству въ Галльскомъ университетѣ. Сто лѣтъ спустя философъ Дильтей выступилъ въ берлинской академіи наукъ противъ аналогичнаго взгляда на значеніе научной психологіи [1]). Возражая противъ весьма распространеннаго мнѣнія, что лица, никогда не изучавшія психологіи, зачастую оказываются лучшими психологами, чѣмъ профессіональные представители научной психологіи, что, напримѣръ, художественныя произведѣнія содержатъ больше „психологіи", чѣмъ любой учебникъ, Дильтей отмѣчаетъ, что такое утвержденіе основано на недоразумѣніи, на смѣшеніи понятій психологіи въ научномъ и въ ходячемъ, житейскомъ смыслѣ слова. За 20 лѣтъ, прошедшихъ со времени знаменитой рѣчи Дильтея, взгляды на психологію и ея мѣсто среди другихъ наукъ значительно выяснились. Факты опередили теорію. Сомнѣнія относительно самой *возможности* психологіи какъ науки, въ виду текучести и неповторяемости душевныхъ явленій, трудности самонаблюденія и невозможности точныхъ измѣреній, должны были отступить на задній планъ передъ фактомъ расцвѣта научной психологіи въ Германіи на рубежѣ двухъ столѣтій. Предсказанія скептиковъ, что примѣненіе экспериментальнаго метода приведетъ психологію къ банкротству, незамѣтнымъ образомъ уступили мѣсто полному признанію не только жизнеспособности новой дисциплины, но даже ея права на самостоятельное существованіе.

Научный фанатизмъ первыхъ представителей экспериментальной психологіи спасъ молодую науку отъ парализую-

[1]) *W. Dilthey.* „Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. Sitzungsberichte der Akademie d. Wissenschaften zu Berlin", 1894.

шаго вліянія скептицизма: все вниманіе психологовъ было направлено не на предѣлы психологіи, а на открывавшіяся перспективы и возможности.

По мѣрѣ того, какъ совершенствовалась методика, психологи переходили отъ разсмотрѣнія простѣйшихъ психическихъ переживаній къ болѣе сложнымъ, отъ ощущеній и воспріятій къ процессамъ памяти, волевымъ и мышленія. И въ настоящее время никто не могъ бы болѣе упрекнуть психологію въ томъ, что она страдаетъ „идіосинкразіей" къ высшимъ душевнымъ переживаніямъ.

Отъ общей теоретической психологіи мало-по-малу отдѣлилось множество вѣтвей: индивидуальная психологія, психологія дѣтей, педагогическая психологія, патопсихологія, психологія животныхъ и проч. И если еще недавно нѣкоторые психологи готовы были присоединиться къ мнѣнію, что психологія не содержитъ въ себѣ сколько-нибудь цѣннаго матеріала для историка, историка культуры или представителя другой какой-нибудь гуманитарной науки, то въ настоящее время это положеніе можно считать поколебленнымъ. Штумпфъ, напримѣръ, указываетъ, что если для познанія исторической личности, историкъ прежде всего прибѣгаетъ къ непосредственному чувствованію, то именно на этомъ пути привычка къ тонкому психологическому расчлененію и анализу можетъ лишь способствовать болѣе точному знанію характера даннаго лица [1]). Карлъ Лампрехтъ, извѣстный не только какъ ученый, но и какъ превосходный педагогъ, высказывается на основаніи своего обширнаго опыта слѣдующимъ образомъ по поводу вліянія изученія психологіи на историка: „Историкъ, у котораго среди учениковъ имѣются также и такіе, которые основательно знакомы съ экспериментальной психологіей, скоро замѣтитъ, что у этихъ лицъ историческое пониманіе развивается несравненно быстрѣе и глубже, чѣмъ у тѣхъ, которые вмѣстѣ съ ними получаютъ то же историко-методическое образованіе, но не обладаютъ при этомъ психологической подготовкой" [1]).

Представители самыхъ различныхъ наукъ о духѣ: историки, юристы и филологи разныхъ направленій находятъ въ современной психологіи цѣнные результаты, новыя точки зрѣнія и, что всего важнѣе, новые методы. Собранные въ психологіи свидѣтельскихъ показаній результаты даютъ юристу и историку новые способы провѣрки показаній, оцѣнки ихъ правильности и критики источниковъ; экспериментальная психологія языка и мышленія и приводитъ фундаментъ подъ старое зданіе языковѣдѣнія, результаты психологическаго изслѣдованія ошибокъ, возникающихъ въ процессѣ переписки и перевода, даютъ филологу ключъ къ возстановленію старинныхъ текстовъ, психологія ритма и мелодіи помогаетъ критику и историку литературы глубже проникнуть въ тайны художественнаго творчества.

Казалось бы, въ виду такого положенія вещей, нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что новѣйшая психологія является цѣннымъ культурнымъ факторомъ и что въ интересахъ общаго научнаго прогресса слѣдовало бы предоставить ей возможность свободнаго дальнѣйшаго развитія.

Однако еще и въ настоящее время психологія не перестала служить мишенью для нападокъ. Весьма часто ей ставятъ въ вину ошибки отдѣльныхъ ея представителей, забывая, что неудачными изслѣдованіями богата каждая наука и что въ то же время никакая наука въ цѣломъ не несетъ отвѣтствен-

[1]) *K. Stumpf.* „Zur Einleitung der Wissenschaften". Abhandlungen der Berliner Akademie d. Wissensch.", 1907.

[1]) *K. Lamprecht.* „Eine Gefahr für die Geisteswissenschaften", въ Zukunft, 1913 H. 27.

ности за промахи своихъ неосторожныхъ адептовъ. Столь же неосновательнымъ нужно признать упрекъ, будто изслѣдуемые въ современной психологіи вопросы не представляютъ обще-философскаго интереса. Правда, современная психологія удѣляетъ преимущественное вниманіе своимъ собственнымъ, т.-е. чисто психологическимъ проблемамъ, считая такое самоограниченіе необходимымъ условіемъ успѣха, и къ изслѣдованію наиболѣе интересныхъ съ точки зрѣнія философіи *сложныхъ* психическихъ процессовъ приступила сравнительно очень недавно. Тѣмъ не менѣе собранный въ ней матеріалъ мало-по-малу проникаетъ въ философію. Это можно прослѣдить, разумѣется, только по сочиненіямъ тѣхъ философовъ, которые слѣдятъ за развитіемъ психологіи по первоисточникамъ. Лучшимъ доказательствомъ того вліянія, которое оказываетъ психологія на философію, могутъ служить труды антипсихологистовъ-феноменологовъ съ Гуссерлемъ во главѣ. Анализируя непосредственныя данныя сознанія, Гуссерль и другіе феноменологи строго учитываютъ, напримѣръ, факторъ „установки", т.-е. оперируютъ понятіемъ, взятымъ прямо изъ экспериментальной психологіи [1]). Точно также въ нѣкоторые отдѣлы философіи, напримѣръ въ эстетику, начинаютъ проникать усовершенствованные благодаря экспериментальной психологіи методы наблюденія и самонаблюденія.

Пока сами психологи, обозрѣвая путь, пройденный за послѣдніе полвѣка, отмѣчали, что современная психологія обязана своимъ расцвѣтомъ исключительно примѣненію *экспериментальнаго метода,* можно было еще сомнѣваться въ томъ, что это утвержденіе основано на вполнѣ безпристрастной оцѣнкѣ фактическихъ данныхъ. Но это положеніе получило недавно неожиданное подтвержденіе со стороны группы лицъ, которыхъ отнюдь нельзя заподозрить въ склонности преувеличивать значеніе экспериментальнаго метода.

Весною 1913 года философскіе факультеты всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ и правительства Германіи, Австріи и Швейцаріи получили составленное Риккертомъ и нѣсколькими другими философами и подписанное 107 профессорами и доцентами заявленіе, въ которомъ констатируется, что экспериментальная психологія достигла цвѣтущаго состоянія и что она „давно признается самостоятельной дисциплиной, занятіе которой требуетъ всѣхъ наличныхъ силъ ученаго". Это признаніе могло бы вызвать у психолога чувство глубокаго удовлетворенія, если бы за нимъ не скрывалась враждебная психологіи тенденція. Заявленіе было составлено съ цѣлью пропаганды идеи выдѣленія психологіи изъ философіи для сохраненія всѣхъ кафедръ по философіи, существующихъ въ нѣмецкихъ университетахъ, за представителями чистой философіи. Констатируя, что психологія достигла расцвѣта, составители заявленія указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ послѣднее время философскія каѳедры все чаще замѣщаются лицами, „дѣятельность которыхъ посвящена главнымъ образомъ или исключительно экспериментальному изслѣдованію душевной жизни... Въ интересахъ обѣихъ наукъ необходимо тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы сохранить за философіей ея мѣсто въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній. Поэтому экспериментальная психологія впредь должна культивироваться исключительно путемъ учрежденія собственныхъ каѳедръ, а гдѣ старыя философскія каѳедры заняты представителями экспериментальной психологіи, необходимо позаботиться о созданіи новыхъ философскихъ каѳедръ".

Походъ противъ экспериментальной психологіи начался уже давно, непосредственнымъ же толчкомъ къ подачѣ

[1]) Ср. *E. Husserl.* „Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie". 1913.

ветиціи послужилъ фактъ избранія философскимъ факультетомъ марбургскаго университета на освободившуюся за уходомъ Германа Когена каѳедру по философіи психолога Іенча, автора выдающихся трудовъ по воспріятію пространства. Когда вопросъ о приглашеніи Іенча находился еще въ стадіи обсужденія и факультетъ высказался еще только принципіально за желательность замѣщенія свободной каѳедры психологомъ экспериментальнаго направленія, ближайшій сотрудникъ Когена, Наторпъ, въ статьѣ, помѣщенной въ *Frankfurter Zeitung*, выступилъ съ предложеніемъ замѣстить каѳедру Когена однимъ изъ его учениковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопотать объ учрежденіи особой каѳедры по психологіи: „Экспериментальная психологія... въ настоящее время ежегодно издаетъ сотни томовъ научныхъ работъ и давнымъ-давно вышла изъ того состоянія, когда она должна была искать скромнаго убѣжища рядомъ съ обширными палатами философіи; она давно и съ полнѣйшимъ правомъ требуетъ собственнаго помѣщенія. И необходимо его ей отвести, и дать ей всѣ нужныя для работы средства, приборы и мастерскія".

Болѣе высокой оцѣнки нельзя было бы, кажется, ждать и отъ убѣжденнаго послѣдователя экспериментальнаго направленія. Но подписавшись подъ заявленіемъ, Наторпъ очутился, быть можетъ неожиданно для себя, въ рядахъ его противниковъ: учрежденіе особыхъ каѳедръ по психологіи имѣло бы смыслъ лишь при томъ условіи, если бы вмѣстѣ съ новыми каѳедрами открывались бы также хорошо обставленные институты; а такъ какъ послѣднее условіе требуетъ большихъ средствъ, то въ большинствѣ нѣмецкихъ университетовъ это могло бы осуществиться лишь въ отдаленномъ будущемъ. Пока же непосредственнымъ результатомъ заявленія могло бы быть лишь игнорированіе психологомъ при замѣщеніи свободныхъ каѳедръ по философіи. Само собой разумѣется, что при отсутствіи шансовъ на полученіе каѳедры, сильно уменьшится число спеціалистовъ по психологіи, институты опустѣютъ и психологіи придется пережить тяжелый кризисъ. Неудивительно поэтому, что выступленіе философовъ вызвало сильный отпоръ у представителей психологіи. Завязалась полемика, въ которой приняли участіе со стороны психологовъ Вундтъ [1]), Марбе [2]), Геллебрандъ [3]), со стороны философовъ Риккертъ [4]), Зиммель [5]), Гейгеръ [6]) и др. Обостренію спора до нѣкоторой степени способствовало также энергичное выступленіе Лампрехта. Считая, что кампанія противъ психологіи представляетъ „опасность для наукъ о духѣ", Лампрехтъ прежде всего подчеркиваетъ недопустимость способа борьбы, къ которому прибѣгли авторы заявленія. Вмѣсто того, чтобы поставить вопросъ прежде всего на теоретическую почву, выяснить, дѣйствительно ли психологія перестала быть философской дисциплиной и привести убѣдительные аргументы въ пользу разграниченія областей, составители заявленія стараются оказать давленіе на общественное мнѣніе и на инстанціи, некомпе-

---

[1]) *W. Wundt.* „Die Psychologie im Kampf ums Dasein", Лейпцигъ, 1913. Русск. перев. Г. Котляра. „Новыя идеи въ философіи", кн. 10.

[2]) *Karl Marbe.* „Die Aktion gegen die Psychologie", Лейпцигъ, 1913.

[3]) *Franz Hillebrand.* „Die Aussperrung der Psychologen", Zeitsch. für Psychologie, т. 67, 1913.

[4]) *H. Rickert.* „Zur Bewertung der philosoph. Professuren mit Vertretern der experimentellen Psychologie", „Frankfurter Zeitung" отъ 4 марта 1913.

[5]) *G. Simmel.* „An Herrn Prof. Karl Lamprecht", Zukunft 1913, вып. 33.

[6]) *M. Geiger.* „Philosophie und Psychologie an d. deutschen Universitäten", „Süddeutsche Monatshefte", 1913.

тентныя въ вопросѣ о взаимоотношеніи философіи и психологіи.

Хотя заявленіе было направлено непосредственно только противъ экспериментальной психологіи, оно наноситъ ударъ всей современной психологіи. „Бороться съ экспериментальной психологіей и въ то же время помогать развитію психологіи такъ же невозможно, какъ невозможно выступать противъ экспериментальной физики и вмѣстѣ съ тѣмъ служить прогрессу физики, хотя, конечно, простое экспериментированіе психологію такъ же мало исчерпываетъ, какъ и физику“ [1]). Если вообще признавать, что философія должна опираться на другія науки, то было бы крайне непослѣдовательно игнорировать именно ту науку, которая „ex professo изучаетъ сознаніе“. Полное разграниченіе областей привело бы къ нарушенію всякой связи между философіей и психологіей и въ результатѣ къ взаимному игнорированію.

Марбе обращаетъ вниманіе также на то, что философы не считаютъ нужнымъ протестовать, когда каѳедры по философіи замѣщаются лицами, которыя по характеру своихъ трудовъ и преобладающихъ интересовъ являются скорѣе филологами и историками литературы, чѣмъ философами. Въ нетерпимости именно къ экспериментальному методу сказывается, по мнѣнію Марбе, слабое знакомство съ психологіей подписавшихся подъ заявленіемъ лицъ. По мнѣнію Вундта, врядъ ли въ настоящее время кто-либо изъ философовъ можетъ допустить мысль о возрожденіи старой раціональной психологіи. Но кто признаетъ, что психологія должна быть *эмпирической* наукой и вмѣстѣ съ тѣмъ стоитъ за изгнаніе психологіи изъ философіи, тотъ исходитъ, быть можетъ и безсознательно, изъ представленія, что экспериментированіе—есть низменное, недостойное философа занятіе. Чтобы придать требованію выдѣленія психологіи изъ философіи принципіальный характеръ, инициаторы петиціи ссылаются на то, что экспериментальная психологія, какъ „спеціальная наука“, не относится къ числу философскихъ дисциплинъ. По этому поводу Гиллебрандъ говоритъ, что слово „Spezialwissenschaft“ служитъ какъ бы лозунгомъ въ борьбѣ съ психологіей, несмотря на то, что за этимъ словомъ скрывается весьма туманное содержаніе. Экспериментальная психологія постольку является спеціальной наукой, поскольку она *наука эмпирическая*; именно этотъ эмпирическій характеръ ея придаетъ ей характеръ нефилософской дисциплины. Такимъ образомъ, говоритъ Гиллебрандъ, „получается такая альтернатива: или замѣнить всю психологію—будетъ ли она экспериментальной или нѣтъ—старой раціональной психологіей, или совершенно элиминировать психологію изъ философіи, но ужъ тогда не ее только одну, но и всѣ другія области, содержащія эмпирическіе элементы“ [1]).

Помимо теоретическихъ соображеній, противъ насильственнаго выдѣленія психологіи изъ философіи приводится рядъ практическихъ доводовъ. Если заявленіе будетъ имѣть успѣхъ, то психологія впредь можетъ преподаваться лишь въ тѣхъ, сравнительно немногочисленныхъ, университетахъ, при которыхъ имѣются психологическіе институты. Вмѣстѣ съ тѣмъ психологія станетъ необязательнымъ предметомъ и это въ свою очередь будетъ способствовать пониженію интереса къ ней. Далѣе, при полномъ разграниченіи областей, психологъ, работающій также въ области философіи, будетъ лишенъ возможности читать курсъ по тому или другому философскому предмету. Съ другой стороны, у философовъ также, повидимому, отнимается право читать курсъ психологіи, хотя до сихъ поръ они этимъ правомъ широко пользовались.

Нужно однако замѣтить, что солидар-

---

[1]) *K. Marbe*, стр. 6.

[1]) *F. Hillebrand*, стр. 10.

ность въ отношеніи психологовъ къ заявленію была вызвана главнымъ образомъ сознаніемъ, что при современномъ положеніи вещей въ нѣмецкихъ университетахъ отдѣленіе психологіи отъ философіи тѣми способами, которые рекомендуетъ заявленіе, во имя будущихъ самостоятельныхъ каѳедръ по психологіи, пагубнымъ образомъ отразилось бы на дальнѣйшихъ судьбахъ этой науки. Что касается вопроса по существу, то отнюдь не всѣ психологи считаютъ вмѣстѣ съ Вундтомъ и Гилебрандомъ, что раздѣленіе каѳедръ принципіально нежелательно. Марбе, напримѣръ, считаетъ невозможнымъ измѣнить положеніе психологіи въ нѣмецкихъ университетахъ до тѣхъ поръ, пока изученіе психологіи не будетъ признано обязательнымъ для юристовъ и медиковъ и не займетъ въ университетской программѣ подобающаго ей мѣста.

Вполнѣ опредѣленно за обособленіе каѳедры психологіи высказался нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ современныхъ психологовъ, Кюльпе, занимающій теперь каѳедру въ Мюнхенѣ. Онъ мотивируетъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ современной стадіи развитія экспериментальной психологіи „совмѣщеніе работы въ области психологіи съ занятіями философіей—мало-помалу начинаетъ превышать работоспособность, таланты и склонность ученаго. Мы, старшее поколѣніе, выросли въ этихъ условіяхъ и сжились съ ними и потому еще кое-какъ справляемся. Но для молодого поколѣнія становится прямо невозможнымъ служить двумъ господамъ, работать въ одной области и не оставлять другой, если они не хотятъ впасть въ диллетантизмъ и поверхностность" [1]).

Такую же позицію занялъ бы, какъ я полагаю на основаніи личныхъ бесѣдъ, покойный Эббингаузъ, а также глава геттингенской школы Г. Э. Мюллеръ, классическіе труды котораго въ различныхъ областяхъ психологіи въ большой степени способствовали поднятію престижа экспериментальной психологіи и признанію за нею права на независимость.

Возражая противъ точки зрѣнія Кюльпе, Вундтъ высказываетъ опасеніе, какъ бы у психолога, уполномоченнаго читать только психологію, не оказалось слишкомъ мало обязательныхъ занятій. Однако это опасеніе врядъ ли основательно: при современной дифференціаціи областей психологіи, психологъ найдетъ достаточно матеріала, чтобы наряду съ основнымъ курсомъ, каждый семестръ читать параллельные курсы изъ области теоретической и прикладной психологіи для слушателей разныхъ факультетовъ. Необходимо принять во вниманіе также и то, что психологическіе эксперименты требуютъ въ общемъ большаго напряженія вниманія и значительно большей траты времени, чѣмъ эксперименты въ любой другой области, такъ какъ при правильной постановкѣ дѣла всякій психологъ помимо собственныхъ опытовъ участвуетъ въ качествѣ испытуемаго лица также въ опытахъ другихъ лицъ. Это важное и необходимое для продуктивной работы въ области психологіи обстоятельство въ особенности обременяетъ руководителя института. При правильной постановкѣ дѣла, руководитель психологическаго института служитъ испытуемымъ лицомъ поочередно у всѣхъ работающихъ въ немъ лицъ, не только изъ педагогическихъ соображеній, но и потому, что именно въ процессѣ такой работы все болѣе совершенствуется наблюдательность психолога, его способность къ непредвзятому и точному самонаблюденію, выясняются сомнѣнія, выдвигаются новыя проблемы. „Уже простое психологическое наблюденіе и анализъ есть особое искусство, которое никому не дается само собой, а всегда пріобрѣтается только благодаря тщательному упражненію". Эти слова

[1]) *O. Külpe*. „Psychologie und Medizin", Лейпцигъ, 1912.

Теодора Липпса пріобрѣтаютъ особенный вѣсъ въ примѣненіи къ современной психологіи, съ ея усовершенствованными методами самовосприятія, которые могутъ быть усвоены только путемъ систематическихъ лабораторныхъ упражненій. Поэтому современный психологъ не можетъ не присоединиться также къ дальнѣйшимъ словамъ Липпса: „кто не стремится быть всецѣло психологомъ, тотъ рискуетъ совсѣмъ не быть имъ".

Въ то время какъ на родинѣ экспериментальной психологіи вопросъ объ отдѣленіи психологіи отъ философіи находится еще въ стадіи обсужденія, въ Америкѣ онъ давнымъ-давно получилъ практическое разрѣшеніе. Въ силу особыхъ условій существованія американскихъ университетовъ, американскіе психологи съ самаго зарожденія экспериментальвой психологіи стремились быть „ближе къ жизни". Въ американскихъ университетахъ психологія считается независимой отъ философіи, самостоятельной дисциплиной, представляющей непосредственный интересъ прежде всего для педагогики. Вниманіе психологовъ съ самаго начала было направлено не на тѣ, чисто теоретическіе вопросы, которыми въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и вплоть до настоящаго времени преимущественно заняты нѣмецкіе психологи, а на приложеніе результатовъ психологическихъ изслѣдованій къ педагогической практикѣ. Нельзя сказать, чтобы опытъ американскихъ университетовъ далъ утѣшительные результаты. Главная ошибка состояла въ томъ, что прикладная психологія отдѣлилась отъ теоретической, и выродившись въ простую технику, потеряла всякій научный фундаментъ. Къ счастью, сами же американскіе психологи обратили вниманіе на ненормальность такого положенія, и въ настоящее время прикладная психологія въ Америкѣ поставлена на научную почву и даетъ прекрасные плоды.

Вопросъ о положеніи психологіи въ русскихъ университетахъ былъ выдвинутъ недавно проф. Г. И. Челпановымъ [1]). Отмѣчая, что „изъ всѣхъ философскихъ дисциплинъ психологія развита у насъ наименѣе", что у насъ „чрезвычайно мало спеціалистовъ по психологіи", почти не имѣется самостоятельной литературы, и что „университеты въ данномъ случаѣ сильно отстали отъ требованій жизни", проф. Челпановъ ставитъ на видъ настоятельную необходимость реформы преподаванія психологіи въ русскихъ университетахъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о мѣстѣ психологіи среди другихъ наукъ и въ общемъ планѣ университетскаго преподаванія поставлевъ ребромъ. Трудно предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ споръ между философіей и психологіей. Какъ бы то ни было, его исходъ будетъ имѣть рѣшающее значеніе для дальнѣйшихъ судебъ не одной только психологіи, но и для всѣхъ такъ или иначе соприкасающихся съ нею областей.

П. Эфрусси.

2. Паѳосъ разума.

О Германѣ Когенѣ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ проф. Германъ Когенъ сказалъ мнѣ въ бесѣдѣ, что онъ собирается въ Россію, чтобы прочесть тамъ циклъ лекцій о философіи апрейства. Это сообщеніе меня сразу какъ-то удивило. Для чего семидесятидвухлѣтнему старику, кабинетному ученому, человѣку чистаго интеллекта, чуждому всякаго тщеславія и свобизма, ѣхать въ Россію, да еще въ такое время? Но я скоро понялъ, въ чемъ дѣло. Стараго философа потянуло въ Россію не простое любопытство, не исканіе впечатлѣній или популярности,

[1]) *Г. И. Челпановъ.* „О положеніи психологіи въ русскихъ университетахъ". Вопросы философіи и психологіи. Сент.—октябрь, 1912.

а глубокое душевное стремленіе утѣшить и ободрить упавшихъ духомъ братьевъ своихъ, братьевъ по вѣрѣ и по крови. Маститый еврейскій мыслитель счелъ своимъ долгомъ повѣдать Россіи и русскому еврейству, въ чемъ смыслъ и назначеніе, и жизненная сила еврейства.

Другіе, болѣе компетентные знатоки философіи Когена, такъ называемой философіи „марбургской школы" (а ихъ въ Россіи довольно много), разсказуютъ русскому читателю, въ чемъ состоитъ новое слово Германа Когена и его направленіе, „критическій идеализмъ". Здѣсь не мѣсто разбираться подробно въ этой сложной и глубокой теоріи. Я хочу остановиться исключительно на одной сторонѣ когеновскаго мышленія—на психологіи его мыслительнаго процесса. Я знаю, что Когенъ и „марбургцы" вообще ужаснулись бы отъ этого слова. Примѣнять психологическій методъ къ Когену, отрицающему психологію, къ теоретику „чистой мысли", самодовлѣющей, творческой, не имѣющей корней и началъ внѣ себя же! Вѣдь къ мысли, дѣйствительно, подходитъ мѣткое слово Когена, что всякая *гетерономія*, несамостоятельность, подчиненіе чужому законопорядку, не истекающему изъ собственныхъ предпосылокъ—есть *патологія*. Все это вѣрно, но насъ интересуетъ также и корень этой мысли, ея конечная запѣпка, ея якорь. Всякая наука, учитъ Когенъ въ своей „Логикѣ чистаго познанія", связана съ миѳомъ и исходитъ отъ него, развивается изъ него путемъ освобожденія ядра миѳа отъ субъективнаго аффекта, отъ личнаго отношенія. Всякая наука и всякая философская система, прибавили бы мы. За всякой мыслью высказанной, оформленной лежитъ что-то „неизреченное", основное настроеніе, миѳъ личности. Или же миѳъ цѣлаго коллектива.

Разными путями приходятъ къ философіи. Иныхъ къ ней приводитъ жажда познанія, другихъ—скорбь и исканіе отвѣта на вѣчные вопросы. „Кто никогда не смотрѣлъ на міръ сквозь слезу, не можетъ быть хорошимъ метафизикомъ", говорилъ поэтъ - философъ М. Гюйо. Но Кантъ и Гегель не смотрѣли сквозь слезы, сквозь призму настроенія и субъективнаго аффекта. Означаетъ ли это, что ихъ философія не была связана никакими нитями съ ихъ личностью? Означаетъ ли это, что ихъ философія была такъ же безлична, какъ химія или математика, чистая абстракція безъ психическихъ корней и безъ основного миѳа? Хустонъ Стюартъ Чамберленъ указалъ въ своей прекрасной книгѣ о Кантѣ (прекрасной не съ философской, а исключительно съ психологической стороны), на особенность творчества Канта, какъ человѣка „внутренняго глаза". Но помимо этого въ основѣ кантовскаго мышленія, какъ процесса, лежитъ традиція протестантизма. Можно смѣло сказать, что вся классическая нѣмецкая философія выросла именно изъ почвы протестантизма. На Фихте и Гегелѣ оно замѣтно и для простого глаза. У Канта эта связь нѣсколько сложнѣе, скрытнѣе. Но въ концѣ-концовъ вся „критика практическаго разума", этика Канта, его міропониманіе вообще—кость отъ кости протестантизма. Это—его „миѳъ"... Германъ Когенъ является главой неокантіанства, мыслителемъ, оригинально продолжающимъ и развивающимъ ученіе Канта. Когеніанство—это ничуть не то „возвращеніе къ Канту", которое проповѣдывалъ въ свое время О. Либманъ („Кантъ и эпигоны"). Когенъ никогда не проповѣдывалъ „назадъ къ Канту", а развивалъ дальше основныя мысли Канта. И въ концѣ-концовъ дошелъ до созданія своей системы, совершенно своеобразной и самобытной.

Гдѣ же его корни? Мнѣ кажется, что я не ошибусь, если назову Когена типичнымъ представителемъ *еврейской* мысли. Въ исторіи философской мысли мало еврейскихъ именъ, именъ фило-

софовъ-творцовъ, оставившихъ глубокій, неизгладимый слѣдъ въ философіи. Но ихъ довольно много, чтобы прослѣдить извѣстную преемственность внутренней структуры того, что я называю еврейской мыслью.

Филонъ Александрійскій, Маймонидъ, Спиноза, Германъ Когенъ и Анри Бергсонъ—вотъ, собственно, тѣ имена, на которыхъ можно остановиться. Другіе многочисленные еврейскіе мыслители какъ среднихъ вѣковъ, такъ и новѣйшаго времени (изъ послѣднихъ я бы назвалъ Маймона и Зиммеля) выражаютъ лишь одну сторону еврейской мысли, именно склонность къ анализу, къ безконечному углубленію вопроса, къ вѣчной неудовлетворенности. Въ сущности это и есть та черта, которая вылилась въ когеновской формулѣ „закона непрерывности", въ его „Logik des Ursprungs". „Ursprung" не значитъ начало, „arché", это—безконечное восхожденіе къ началамъ. Онъ не предполагаетъ и не допускаетъ законченности ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ.

Ихъ всѣхъ—всѣхъ названныхъ мыслителей еврейства — соединяетъ одна характерная черта — вѣра въ разумность и правомѣрность міра и всего сущаго. Филонъ Александрійскій сдѣлался родоначальникомъ неоплатонизма, соединивъ научно-философскій методъ Платона съ основнымъ еврейскимъ міросозерцаніемъ, и въ результатѣ получилось ученіе о „Логосѣ", т.-е. о міровомъ разумѣ, о міровомъ законопорядкѣ. Правда, и до Филона греческая философія дошла до понятія „Nous", разума, какъ мірового начала. Но между „Логосомъ" и „Nous" лежитъ именно *этическое* понятіе закона. „Nous", это, выражаясь современной терминологіей, естественно-научная законность и внутренняя необходимость, „Логосъ"—законность долженствованія, стремящаяся къ достиженію этическихъ цѣнностей.

Міръ, какъ этическое соотношеніе, составляетъ также ядро философіи Маймонида, соединившаго аристотелическиарабскій методъ съ фундаментальными воззрѣніями еврейства. Въ то время какъ для арабскихъ перипатетиковъ, такъ называемыхъ лирпазалитовъ, отношеніе Бога ко вселенной основано на „Nous", т.-е. на „премудрости", Маймонидъ учитъ, что все въ мірѣ совершается по *закону*, точнѣе по *праву* („динъ"). Это единственный творческій принципъ міра. И это именно и есть извѣчный вкладъ еврейства въ міровую культуру, это *слово* еврейской мысли. Законъ—право, этой антитезой исчерпывается отношеніе между эллинизмомъ и іудаизмомъ, между еврействомъ и вышедшимъ изъ эллинизма христіанскимъ міросозерцаніемъ. Гдѣ законъ и желѣзная необходимость, тамъ, какъ неизбѣжный коррективъ, и—благодать, тамъ и глубокій метафизическій пессимизмъ, тамъ и то „глядѣнье на міръ сквозь слезу", о которомъ говорилъ Гюйо, насквозь проникнутый католически-христіанскимъ міросозерцаніемъ (несмотря на всю свою иррелигіозность и антицерковность). Гдѣ право и этическое міропониманіе, тамъ нѣтъ мѣста ни благодати, т.-е. уклоненію отъ желѣзнаго закона, ни пессимизму. „Все въ мірѣ правомѣрно", отвѣчаетъ Богъ Іову на его страстное, скорбное вопрошеніе. И Маймонидъ продолжаетъ эту мысль въ „Путеводителѣ Заблудшихся". „Очень часто народъ утверждаетъ, что въ этомъ мірѣ гораздо больше зла, нежели добра... Но причина такого страннаго взгляда его на образъ дѣйствій Бога заключается въ томъ, что о добрѣ и злѣ судятъ лишь по одному индивидууму изъ человѣческаго рода, совершенно независимо отъ природы, какъ будто онъ одинъ въ ней и существуетъ... Самъ человѣкъ служитъ причиной всѣхъ страданій и злополучія своей жизни"...

Право, какъ принципъ міра и личная отвѣтственность человѣка,—вотъ краеугольный камень, „миѳъ" еврейства. Оно и есть основаніе философіи Германа Когена. Когенъ сдѣлалъ по отно-

шенію къ Канту то же, что Маймонидъ по отношенію къ Аристотелю; онъ влилъ въ кантовскія формы іудаистическое содержаніе. Онъ потому и пришелъ къ Канту, что методъ великаго кенигсбергскаго мыслителя, такъ называемый трансцендентальный методъ, или, какъ выражался самъ Кантъ, „deductio iuris", оправданіе и обоснованіе великаго философскаго утвержденія соотвѣтствовало структурѣ его собственной, еврейской мысли, ищущей оправданія и правовыхъ корней.

Но онъ внесъ въ эту кантовскую систему свое собственное, свой „инъ". „Творческое начало всякой объективности,—говоритъ соратникъ Когена по „критическому идеализму" въ его изложеніи коген овской системы,—есть законъ и въ конечномъ счетѣ изначальный законъ, который мы можемъ назвать „Логосомъ", „ratio", „разумомъ"...

На этомъ пути Когенъ ушелъ далеко отъ Канта какъ въ философіи чистаго разума, такъ и въ этикѣ „чистой воли". Многіе обвиняютъ Когена даже въ уклоненіи въ сторону платонизма и гегельянства. Конечно, эти элементы имѣются въ системѣ Когена, но не они кладутъ отпечатокъ на его мысли. Доминируетъ въ ней—и главнымъ образомъ это видно въ Этикѣ—еврейское міросозерцаніе. Его этика является проповѣдью „Humanität", идеи человѣчества. Но не человѣчества, какъ ряда индивидовъ, какъ аггрегата атомовъ, а организованнаго въ общинахъ, въ союзахъ, въ партіяхъ, въ государствахъ. Государство, т.-е. правопорядокъ, есть альфа и омега его этики. „Для человѣка нѣтъ спасенія внѣ государства и безъ него", говоритъ Когенъ въ своей „Этикѣ" (стр. 558), но сейчасъ же прибавляетъ: „государство и національность не тождественны: политическое понятіе народности не совпадаетъ съ этическимъ". Ибо что такое государство? Это—„этическое понятіе культуры. Какъ таковое, оно составляетъ цѣль историческаго развитія. Національность полезна, какъ средство къ этой цѣли. Но какъ только понятіе національности становится самостоятельнымъ и абсолютнымъ, оно дѣлается варварскимъ... *Національность есть анархизмъ*, т.-е. отказъ отъ государственности, какъ принципа этическаго самосознанія" (стр. 241).

Это не гегелевское обоготвореніе государственности. По Гегелю, государство—самоцѣль и самодовлѣющій принципъ; по Когену, оно только цѣнно, какъ наиболѣе полное развитіе принципа этическаго самосознанія, вѣчной идеи правъ и справедливости...

Извѣстный итальянскій философъ Бенедетто Кроче сказалъ по поводу книги бывшаго итальянскаго премьера Луиджи Луццатти о „Терпимости", что Луццати потому такъ напираетъ на идею терпимости, что онъ еврей, что въ немъ жива еще память вѣковыхъ гоненій и притѣсненій. Это можно было бы сказать и по отношенію къ Когену. Онъ воспринимаетъ государство именно съ точки зрѣнія еврейства. „Религія еврейства,—говоритъ онъ (стр. 470),—не только утратила государственность, но и отказалась отъ нея. Основатели еврейской религіи—пророки—пожертвовали государствомъ, чтобы пріобщить къ себѣ человѣчество". А вѣдь идеалъ государства тоже лишь идеалъ человѣчества, идеалъ *права*. Отъ государства къ человѣчеству, къ всемірному братству, къ царству правъ, къ „civitas dei", къ Богу,—вотъ путь мысли Когена.

А. Коральникъ.

IV. Школа и воспитаніе.

Эволюція современной деревни и задачи сельской школы.

Въ статьѣ кн. Е. Трубецкого „Новая земская Россія“ (*Русская Мысль*, 1913 г., декабрь) совершенно вѣрно подмѣчены новыя явленія и измѣненія, происходящія въ русской деревнѣ, въ самой гущѣ рядового крестьянства и въ условіяхъ его существованія.

Дѣйствительно, въ послѣдніе годы въ глубинѣ сельской Россіи совершается громадная работа, закладывается фундаментъ новой деревни. Начинаетъ создаваться самостоятельное крестьянское хозяйство, основанное не на традиціяхъ, а на опытѣ, на выводахъ агрономіи; начинаетъ вырабатываться типъ мелкаго сельскаго хозяина, сознательно и съ интересомъ относящагося къ своей работѣ, упорнаго въ достиженіи поставленной цѣли; начинаетъ образовываться ядро своей, крестьянской, интеллигенціи, участвующей въ созданіи кооперативовъ, обществъ и вообще практически работающей надъ улучшеніемъ своего положенія совмѣстными усиліями.

Въ связи со всѣмъ этимъ растетъ и участіе агрономовъ, кооператоровъ и другихъ спеціалистовъ въ жизни новой деревни, происходитъ общеніе и даже единеніе *съ будничной дѣловой работѣ* интеллигенціи и крестьянства.

Дѣлается это безъ треска и шума, безъ скандаловъ, эфектныхъ фейерверковъ и поэтому какъ-то мало привлекаетъ вниманіе печати и широкихъ круговъ общества. Между тѣмъ, какъ правильно замѣчаетъ кн. Трубецкой, результаты этой внутренней эволюціи деревни будутъ огромны.

Да уже и въ настоящее время, несмотря на продолжающееся разложеніе значительной части сельскаго населенія, можно прослѣдить благотворное вліяніе этой, пока небольшой еще, группы здороваго трудового крестьянства.

Спрашивается, можетъ ли и должна ли сельская школа пройти мимо этихъ явленій. Не должны ли новые факты, новые запросы и потребности деревни повліять на содержаніе и пріемы школьнаго обученія, не должна ли и сама школа пойти къ нимъ навстрѣчу? Или, быть можетъ, школа должна замкнуться въ своемъ кругѣ и оставаться чуждой преходящимъ запросамъ и вѣяніямъ жизни?

Мнѣ кажется, что для каждаго человѣка, если только онъ не зараженъ педагогической самовлюбленностью и непогрѣшимостью или не ослѣпленъ готовыми трафаретами, отвѣтъ будетъ ясенъ: школа должна быть тѣсно связана съ жизнью и чутко прислушиваться къ ея запросамъ. Разъ деревня сейчасъ такъ нуждается въ созданіи своего трудового интеллигентнаго и въ то же время хозяйственнаго крестьянства, разъ она уже пошла по этому пути, разъ сейчасъ направлены такія большія средства и силы земства и правительства на поднятіе сельскаго хозяйства и промысловъ деревни, школа должна прійти на помощь этому движенію, этой великой созидательной работѣ.

И если школа не примкнетъ къ этому общему движенію, она останется чужда крестьянству, чужда самой жизни, она будетъ обречена на застой.

Что же можетъ здѣсь сдѣлать народная школа?—Очень многое.

Она должна прежде всего отбросить весь схоластическій учебный матеріалъ, т.-е. изученіе грамматики, рѣшеніе сложныхъ ариѳметическихъ задачъ, не имѣющихъ никакого приложенія въ обыденной жизни, заучиваніе теоремъ, заучиваніе всякихъ опредѣленій, всякихъ исторій, именъ, названій и т. д., и т. д.

Выбросивъ эту схоластику, зубристику, отвлеченность, школа должна брать для упражненій, бесѣдъ и работъ съ учениками матеріалъ изъ окружающей жизни и прорабатывать его такъ, чтобы

у дѣтей развивались способности и получались знанія, навыки, примѣнимые, нужные имъ въ жизни.

Тогда вліяніе школы не будетъ исчезать послѣ выхода изъ нея, тогда не будутъ и знанія улетучиваться изъ головъ учащихся, такъ какъ то, что дала школа, будетъ нужно каждому и будетъ примѣняться не только въ классѣ во время учебы, а и въ теченіе послѣдующей жизни.

Тогда и населеніе иначе будетъ относиться къ школѣ и учителю.

Какъ яркую иллюстрацію, приведу мнѣніе одного крестьянина Новоузенскаго уѣзда (*Вѣстникъ Новоузенскаго Земства*, 1913 г., № 4, ст. учителя Курскова „Тормозъ въ школьной дѣятельности учителя"), который на вопросъ, почему населеніе равнодушно къ тому, какъ учатъ ихъ дѣтей въ школѣ, отвѣтилъ приблизительно такъ: „Если бы учителя готовили учениковъ не къ экзамену, какъ дѣлаютъ они теперь, а къ жизни, тогда они увидѣли бы другое отношеніе къ школѣ и къ себѣ. Теперь въ нашемъ селѣ школа, въ которой будутъ учиться шесть лѣтъ, однако я не радуюсь этому: раньше наши головы забивали четыре года коренными словами съ буквой „ять", а теперь будутъ забивать шесть лѣтъ. Учатъ въ школѣ и сочиненія писать, а попросишь ученика условіе или счетъ написать,—онъ не знаетъ, какъ и приступить. Заучиваютъ ученики трудныя слова по геометріи, чертятъ на бумагѣ, доказываютъ (какъ они говорятъ), а попроси ихъ вымѣрить участокъ земли „клиномъ", они и четырехугольникъ-то съ трудомъ вычислятъ. Вѣдь не трудно было бы учителямъ ознакомить дѣтей и съ общественнымъ дѣломъ; въ старшихъ отдѣленіяхъ ученики взрослые,—сказали бы имъ, что такое сельское, волостное правленіе, земство, какъ на сходахъ дѣла рѣшаются. А то кончатъ они школу, будутъ домохозяевами, придется имъ общественныя дѣла рѣшать, а они и будутъ такъ же относиться къ нимъ, какъ теперь мы. Вы бы побывали на нашихъ сходахъ и посмотрѣли, какъ тамъ дѣла рѣшаются, тогда бы поняли, въ какихъ людяхъ нуждается село и чего оно ждетъ отъ школы".

Наши педагоги, а за ними и учителя, на такія здравыя мысли крестьянъ имѣютъ обыкновеніе отмѣчать съ высоты своего педагогическаго величія: вы, дескать, мало что понимаете; не можетъ начальная школа поступаться своими общеобразовательными задачами ради утилитарныхъ цѣлей. Преслѣдованіе этихъ цѣлей понизило бы цѣнность школы и т. д.

Какое заблужденіе! Какое нежеланіе или неумѣніе, откинувъ шаблонныя положенія, постараться обстоятельно и поглубже разобраться въ данномъ вопросѣ! Неужели развитіе ученика потерпитъ ущербъ, если онъ будетъ рѣшать задачи не о купцахъ, продающихъ пуды (кстати непремѣнно съ нѣсколькими лотами и золотниками) кофе, но о помѣщикахъ, составляющихъ такія завѣщанія, что ихъ не пойметъ никакой нотаріусъ, и т. д., а, напримѣръ, задачи о количествѣ выдѣленныхъ изъ молока, о количествѣ выдѣленныхъ сѣмянъ, о распредѣленіи прибылей потребительнаго общества и т. п.? Неужели развитіе ученика менѣе продвинется впередъ, если вмѣсто заучиванія губерній, рѣкъ, озеръ и т. д. съ нимъ разберутъ картины жизни земледѣльца въ Россіи, Даніи, Германіи? Неужели для развитія воображенія, ума, логики полезнѣе для дѣтей отвлеченныя теоремы и ихъ доказательства, чѣмъ наглядное представленіе наиболѣе важныхъ для жизни геометрическихъ фигуръ на землѣ, измѣреніе участковъ, нанесеніе на планъ, наглядныя доказательства на предметахъ геометрическихъ положеній?

А сколько богатѣйшаго и цѣннѣйшаго матеріала для развитія и воспитанія учащихся даютъ окружающіе сельское хозяйство и сколько здѣсь можно почерпнуть сюжетовъ, примѣровъ, наблюденій, изъ которыхъ можно въ то же

время извлечь полезныя практическія указанія для будущаго сельскаго хозяина.

Еще примѣръ. Такъ много у насъ говорятъ теперь педагоги о ручномъ трудѣ и необходимости его введенія. А когда предлагаютъ заводить при школахъ сады, огороды, то поднимается шумъ — это утилитаризмъ, это повредитъ общему образованію. Да почему же работа въ саду, огородѣ, такая разнообразная, дающая каждому такъ много цѣнныхъ знаній и наблюденій, такъ пробуждающая пытливость ума и наблюдательность, — почему же она меньше дастъ, чѣмъ, скажемъ, работа по напкѣ или по дереву или лѣпка?

Итакъ, школа должна *все свое обученіе* пропитать матеріаломъ, взятымъ изъ жизни и нужнымъ для послѣдней. Но, конечно, при обработкѣ этого матеріала съ учащимися школа должна слѣдовать требованіямъ педагогики, т.-е. не давать рецептовъ, а заставлять учениковъ наблюдать, разсуждать, обобщать, дѣлать выводы, примѣнять знанія къ дѣлу. Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ не о преподаваніи какихъ-либо спеціальныхъ предметовъ и вообще не о профессіональномъ обученіи, а о перестроеніи всего обученія съ самаго начала на жизненномъ и практически цѣнномъ матеріалѣ.

При этомъ сельская школа, параллельно съ достиженіемъ общихъ задачъ развитія и обученія, должна имѣть въ виду преимущественно слѣдующія цѣли: 1) подготовить будущаго сельскаго хозяина (или кустаря) къ пониманію предстоящей ему работы, къ умѣнію оріентироваться въ условіяхъ жизни деревни, къ умѣнію наблюдать и пользоваться полученными знаніями для всякихъ обыденныхъ случаевъ жизни, а также къ умѣнію добывать такія знанія; 2) подготовить массу населенія къ довѣрчивому и сознательному воспріятію тѣхъ знаній и совѣтовъ, которые имъ будутъ впослѣдствіи сообщать спеціалисты (агрономы, врачи, кооператоры и др.); 3) создать ядро своей сельской интеллигенціи, опираясь на которую, можно было бы проводить въ деревнѣ всякаго рода культурныя мѣропріятія.

Послѣдняя задача должна лежать главнымъ образомъ на школахъ повышеннаго типа, такъ какъ для начальныхъ школъ съ 3-хъ или 4-хлѣтнимъ курсомъ она малодоступна.

Вотъ почему сейчасъ намъ такъ нужны школы съ 6-тилѣтнимъ курсомъ, построенныя не на подражаніи среднимъ школамъ, а на самостоятельномъ фундаментѣ [1]).

Правда, проводить такія школы среди условій нашей русской дѣйствительности очень трудно: и учащихъ съ соотвѣтствующей подготовкой, и подходящихъ учебныхъ пособій у насъ почти нѣтъ, и сочувствія среди интеллигенціи этому направленію мало, и самое главное—министерство народнаго просвѣщенія все гнетъ подъ одну мѣрку, т.-е. подъ программы, изданныя въ 70-хъ (для двуклассныхъ училищъ) и въ 90-хъ годахъ (для обычныхъ начальныхъ училищъ). Но что часто бываетъ еще горше этихъ программъ—это инспектора народныхъ училищъ и вообще учебное начальство на мѣстахъ, которое нерѣдко всѣ требованія сводитъ къ грамматикѣ, зазубриванію именъ, опредѣленій, вообще къ ненужной схоластикѣ.

Впрочемъ, въ послѣднее время произошло событіе, которое, Богъ дастъ, поможетъ пробить брешь въ этой каменной стѣнѣ, сооруженной министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Именно, по Высочайшему повелѣнію состоялось междувѣдомственное совѣщаніе при главномъ управленіи земледѣлія и землеустройства [2]) по вопросу

---

[1]) См. „Проектъ народной школы съ 6-тилѣтнимъ курсомъ“, изданіе московск. губ. земства.

[2]) Интересно отмѣтить, что вообще болѣе жизненный взглядъ на школу у насъ проявляется въ тѣхъ министерствахъ, которыя стоятъ ближе къ практической ра-

о распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній съ помощью начальной школы.

Совѣщаніе это (въ Петербургѣ, въ мартѣ текущаго года) было составлено изъ очень разнородныхъ элементовъ. Тамъ были представители главнаго управленія земледѣлія и землеустройства, министерства народнаго просвѣщенія, духовнаго вѣдомства, члены Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, земскіе дѣятели, земскіе агрономы и т. д.

Совѣщаніе въ общемъ единодушно пришло къ заключенію, что спеціальное преподаваніе сельскаго хозяйства возможно въ начальной школѣ только въ особенно благопріятныхъ условіяхъ (повышенный курсъ, подготовленный интересующійся учитель и т. п.), но что всякая сельская школа должна подготовлять учащихся къ усвоенію сельскохозяйственныхъ знаній и вообще подготовлять ихъ (въ отношеніи и обученія и воспитанія) къ сельской жизни.

Вотъ главнѣйшія постановленія совѣщанія:

1) „Въ начальныхъ народныхъ училищахъ необходимо вводить въ программу всѣхъ занятій сообщеніе знаній, относящихся къ родино- и природовѣдѣнію, въ примѣненіи къ мѣстной сельской жизни вообще и сельскому хозяйству въ частности и въ связи съ практическими занятіями, доступными возрасту и степени развитія учащихся. Занятія эти должны вестись какъ въ интересахъ воспитанія, такъ и общаго развитія".

2) „Съ этою цѣлью необходимо, чтобы программа начальной школы предоставляла возможность органамъ, руководящимъ начальными школами на мѣстахъ, приспосабливать вообще обученіе къ мѣстнымъ потребностямъ въ указанномъ выше направленіи, и чтобы были въ учебномъ планѣ отведены особые часы для природовѣдѣнія".

3) „Во вторыхъ классахъ двухклассныхъ училищъ и въ высшихъ начальныхъ училищахъ необходимо установленіе теоретическаго и практическаго преподаванія по отдѣльнымъ отраслямъ естествознанія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, въ интересахъ подготовки учащихся къ воспринятію знаній и умѣній по техникѣ сельскаго хозяйства".

4) „Въ тѣхъ начальныхъ школахъ, въ которыхъ имѣются благопріятныя условія (подготовленные учителя, земельные участки и проч.), могутъ быть вводимы сельскохозяйственныя занятія, но безъ нарушенія основныхъ задачъ школы".

5) „Способы, съ помощью которыхъ возможно провести въ школѣ намѣченное совѣщаніемъ направленіе, должны быть разнообразны и захватывать различные моменты школьной жизни и преподаванія, причемъ въ основу ихъ должны быть положены принципы наглядности и трудового начала. Въ виду этого слѣдуетъ обратить вниманіе, примѣрно, на слѣдующія занятія: а) на чтеніе соотвѣтствующихъ статей на темы, касающіяся сельской жизни и сельскаго хозяйства, на рѣшеніе соотвѣтствующихъ ариѳметическихъ и геометрическихъ задачъ и вообще на использованіе для указанныхъ цѣлей обученія чтенію, письму и счету; б) на наблюденіе и постановку простѣйшихъ опытовъ по природовѣдѣнію; в) на планомѣрную организацію экскурсій мѣстного характера для наблюденія мѣстной природы и жизни вообще и въ частности мѣстныхъ хозяйствъ, показательныхъ полей и другихъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій; г) на [illegible] въ связи съ экскурсіями коллекціи: д) на устройство, по возможности [illegible] огородовъ, пасѣкъ, [illegible] участковъ, на уходъ за ними и [illegible] въ нихъ работъ учащихся и т. п."

ботѣ. Напомню созданіе типа коммерческихъ училищъ министерствомъ финансовъ, созданіе народныхъ сельскохозяйственныхъ школъ главнымъ управленіемъ земледѣлія и землеустройства.

6) „Участіе мѣстнаго агрономическаго персонала въ дѣятельности народной школы могло бы выразиться въ оказаніи педагогическому персоналу (въ организаціи преподаванія природовѣдѣнія и вообще въ выборѣ матеріала для введенія сельскохозяйственнаго элемента въ преподаваніе) посильнаго содѣйствія какъ совѣтами, такъ и снабженіемъ наглядными пособіями, а также помощью въ устройствѣ школьныхъ хозяйствъ, участіемъ въ экскурсіяхъ съ учащимися и т. п. Кромѣ того, желательно, чтобы общеніе агрономическаго персонала съ педагогическимъ поддерживалось участіемъ перваго въ различнаго рода педагогическихъ совѣщаніяхъ".

7) „Учащій персоналъ въ народныхъ школахъ, а также даваемая ему въ настоящее время подготовка въ учебныхъ заведеніяхъ въ большинствѣ случаевъ мало приспособлены къ проведенію намѣченнаго совѣщаніемъ направленія. Въ виду этого является необходимымъ: а) устройство курсовъ для учащихъ въ вѣдѣніи главнаго управленія землеустройства и земледѣлія съ программой лекцій, бесѣдъ и практическихъ занятій, соотвѣтствующей тому общему духу и тѣмъ заданіямъ, которые намѣчены совѣщаніемъ для начальныхъ школъ (см. пп. 1, 2, 3, 5), причемъ желательно, чтобы руководилъ курсами совмѣстно съ педагогическимъ и агрономическій персоналъ, знакомый съ мѣстными условіями; б) введеніе въ программу всѣхъ учебныхъ заведеній, подготавливающихъ народныхъ учителей и учительницъ, преподаванія всего того учебнаго матеріала и занятій, которые давали бы возможность учащимъ въ будущемъ, въ роли учителей, выполнить то общее заданіе и примѣнить тѣ пріемы, которые выше намѣчены совѣщаніемъ (см. пп. 1, 2, 3, 4 и 5). Особенно необходимо устройство при этихъ учебныхъ заведеніяхъ учебно - показательныхъ учрежденій (хозяйствъ, садовъ, пасѣкъ и пр.); в) составленіе для учащихъ популярныхъ книгъ, задачниковъ, пособій, методическихъ руководствъ, которые давали бы самому учащему необходимыя для проведенія намѣченнаго направленія знанія, матеріалъ для бесѣдъ, работъ и упражненій съ учениками и методическія указанія для наилучшаго использованія предлагаемаго матеріала".

8) „На-ряду со всѣмъ этимъ желательно оказывать помощь тѣмъ учащимъ, которые, будучи болѣе заинтересованы и пользуясь особенно благопріятными условіями своей школы, пожелали бы пріобрѣсти спеціальныя сельскохозяйственныя познанія (см. пост. совѣщ. п. 4). Въ виду этого слѣдуетъ предоставлять этимъ учащимъ возможность посѣщать спеціальные курсы, устраиваемые по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства".

Если эти постановленія совѣщанія удастся провести въ жизнь, то, несомнѣнно, наша начальная школа освободится изъ мертвой петли схоластики и дѣйствительно станетъ народной, т.-е. обслуживающей интересы массы населенія, понятной и близкой для него. Главное управленіе земледѣлія и землеустройства и самостоятельно могло бы сдѣлать очень многое для осуществленія пожеланій совѣщанія. Оно могло бы взять на себя подготовку соотвѣтствующихъ учителей, изданіе необходимыхъ пособій и развитіе сѣти дополнительныхъ классовъ или школъ, которые выполняли бы намѣченную задачу самостоятельно отъ начальной школы. Не надо только сразу начинать дѣло въ большомъ масштабѣ, а тѣмъ болѣе путемъ циркуляровъ. Надо сначала научить учителей, дать имъ въ руки орудія, испытать программы, пособія, методы на практикѣ, а послѣ уже само дѣло скажетъ за себя.

Не слѣдуетъ также отклоняться въ сторону узкой спеціализаціи, а тѣмъ болѣе сельскохозяйственной рецептуры. Надо помнить, что въ каждой школѣ нужно, какъ намѣтило совѣщаніе, не

профессіональное обученіе, а общая подготовка къ сельской жизни, въ томъ числѣ и подготовка къ усвоенію сельскохозяйственныхъ знаній.

А. Обуховъ.

V. Естествознаніе.

Американскіе запасы радія.

Заимствуемъ изъ отчета, представленнаго К. Порсономъ (Charles Parsons) американскому горному конгрессу въ Филадельфіи 23 октября 1913 г., слѣдующія свѣдѣнія о запасахъ радіоносныхъ минераловъ въ Америкѣ, не безъинтересныя и для европейцевъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года въ отчетѣ Bureau of Mines сообщалось, что вся руда, содержащая карнотитъ [1]) и добытая въ Колорадо за 1912 годъ, была вывезена изъ страны, и что Америка даетъ въ три раза больше радія, чѣмъ весь остальной міръ вмѣстѣ. Далѣе въ отчетѣ было сказано, что цѣны, платимыя европейскими покупателями, не соотвѣтствуютъ дѣйствительной стоимости радія, и что нужно приложить всѣ усилія къ тому, чтобы карнотитъ разрабатывался американцами, и самый радій и польза, приносимая имъ оставались въ Америкѣ.

Результатомъ опубликованія этого отчета явилось, во-первыхъ, повышеніе цѣны на руду, содержащую радій, на 33%, и во-вторыхъ, европейскіе покупатели, не бравшіе раньше руду, которая содержитъ меньше 2% окиси урана, довольствуются теперь рудой, имѣющей ½% этой окиси.

Какъ извѣстно, ранѣе считали, что главный источникъ радія есть смоляная руда, въ особенности та, которую получали изъ копей, находящихся теперь подъ надзоромъ австрійскаго правительства въ Іоахимсталѣ, въ Богеміи; смоляная руда самая богатая изъ рудъ, содержащихъ уранъ и радій. Кромѣ Австріи единственныя значительныя залежи смоляной руды находятся въ Gilpin County, Colorado, изъ которыхъ было добыто около 30 тоннъ съ тѣхъ поръ, какъ этотъ матеріалъ сдѣлался цѣннымъ, какъ источникъ радія. Что же касается до карнотита, то не всѣми еще признано, что этотъ минералъ, который кромѣ Соединенныхъ Штатовъ встрѣчается въ южной Австраліи (округъ Olray) въ низкопробныхъ рудахъ въ смѣси съ ильменитомъ и какъ кальцевый карнотитъ подъ именемъ тюямунитъ [1]) въ Ферганской области (Русскій Туркестанъ), является еще болѣе важнымъ источникомъ радія. Но можно съ увѣренностью утверждать, что русскія и австралійскія залежи ни по размѣрамъ, ни по богатству не могутъ сравниться съ американскими [2]). Американскій карнотитъ даетъ самое большое количество радія въ настоящее время, и въ формѣ карнотита въ Америкѣ было добыто по крайней мѣрѣ въ 4 раза больше радія въ 1912 году, чѣмъ дала смоляная руда въ Colorado, начиная со времени ея обнаруженія.

Американскій карнотитъ находится главнымъ образомъ въ провинціяхъ Montrose и San Miguel, въ Colorado и въ Utah. Въ Utah залежи есть въ Green River, Table Mountain, Richardson, Fruita, Moab и въ 16 миляхъ на

[1]) Составъ карнотита выражается слѣдующей формулой:

$$K_2(UO_2)_2V_2O_8 . xH_2O$$

[1]) Составъ тюямунита $Ca(UO_2)_2V_2O_8 6H_2O$.

[2]) Ферганскія мѣсторожденія недостаточно изучены, чтобы можно было дѣлать безъ сомнѣній такое утвержденіе. Часть американскаго карнотита представляетъ изъ себя тюямунитъ. Аналогичныя руды найдены въ Пермской и Н[illegible]

Ред.

юго-западъ отъ Thompsons. Руда этихъ залежей болѣе низкой пробы, чѣмъ руда въ долинѣ Paradox, но преимущество первыхъ въ томъ, что онѣ ближе къ желѣзной дорогѣ и расходы по перевозкѣ, слѣдовательно, меньше. Но самая важная изъ всѣхъ мѣстностей въ Америкѣ, дающихъ карнотитъ и, дѣйствительно, богатѣйшая область въ мірѣ, производящая радій, это—долина Paradox въ Колорадо, которая простирается отъ Hydraulic на сѣверѣ до округа Mc Intyre на югѣ.

Залежи карнотита въ Колорадо были впервые открыты въ 1881 году Andrew J. Talbert, который думалъ, что руда содержитъ золото. Въ 1896 году въ карнотитѣ былъ найденъ уранъ, а три года спустя изслѣдовавшіе руду во Франціи Friedel и Cumange признали существованіе новаго минерала и назвали его въ честь проф. Carnot „карнотитъ". Въ 1900 году Poulet и Voilleque устроили небольшой заводъ для добыванія радія въ Mc Intyre; заводъ работалъ до 1902 года и въ продолженіе этого времени далъ 15,000 фунтовъ окиси урана. Черезъ годъ заводъ взяла въ свои руки Western Refining Company, но продержалась только до 1904 года.

До 1904 года единственною цѣлью разработки было очевидно полученіе ванадія и урана. Только въ 1912 году American Rare Metals Company стала перерабатывать руду на радій. Первая попытка добыванія радія была сдѣлана этой компаніей въ 1900 году, когда Mr. Lockwood привезъ изъ Richardson, Utah образцы карнотита и опубликовалъ въ сентябрѣ 1902 года (Eng. Min. Journ. of September 27) первую радіографическую таблицу продуктовъ американскаго карнотита. Въ маѣ 1903 года онъ учредилъ американскую компанію для основанія завода по добычѣ радія. Въ октябрѣ 1903 года былъ сооруженъ опытный заводъ, а въ апрѣлѣ 1904 года былъ привезенъ первый вагонъ новой руды въ Buffalo изъ Richardson. Но скоро копи Richardson были покинуты, такъ какъ руда ихъ оказалась низкопробной.

General Vanadium Company начала работу въ 1910 году и въ томъ же году открылась Standard Chemical Company of Pittsburg (въ Пенсильваніи). Съ этого времени обѣ компаніи занялись разработкой карнотита. Почти вся руда, добываемая General Vanadium Company, вывозилась изъ страны, а Standard Chemical Company доставила нѣсколько сотъ тоннъ карнотита своей фабрикѣ въ Canonsburg, Pa.

Расходы по разработкѣ руды и, главнымъ образомъ, по ея пересылкѣ имѣютъ важное значеніе. Залежи въ Green River имѣютъ то преимущество, что онѣ ближе къ желѣзной дорогѣ, тогда какъ руда ихъ даетъ меньше урана, чѣмъ руда изъ Колорадо. Теперешняя стоимость разработки, сортировки и т. под. въ Paradox колеблется отъ 28 до 40 дол. за тонну, къ этому слѣдуетъ прибавить 18—20 дол. за перевозъ отъ копей до вагона; фрахтъ отъ Пласервилля до Гамбурга черезъ Гальвестонъ равенъ 14.50 дол. за тонну, такъ что въ среднемъ каждая тонна, доставленная на европейскій рынокъ обходится американскому рудокопу въ 70 дол. Продажная цѣна измѣняется сообразно содержанію урана, но совершенно не пропорціональна ему, такъ какъ за богатую руду платятъ премію. Очень недавно это положеніе было улучшено, и стоимость 2% руды равна теперь приблизительно 2.50 дол. за фунтъ со сбавкой въ 13 центовъ на фунтъ за содержаніе окиси ванадія, такъ что 2%-ная руда стоитъ въ Гамбургѣ около 95 дол. за тонну. Руда, содержащая менѣе 2%, не посылается, такъ какъ она едва ли бы оправдала расходы по перевозкѣ изъ Paradox, хотя очень вѣроятно, что такую руду скоро будутъ отправлять изъ Ута.

Эта цѣна въ 95 дол., кажется, даетъ хорошую прибыль рудокопу, но, если принять во вниманіе, что она представляетъ только $^1/_6$ стоимости радія въ

рудѣ и что изъ этой суммы американскій рудокопъ долженъ нести издержки по разработкѣ и перевозкѣ, расходы по испытанію и потери въ транзитѣ, то едва ли покажется справедливымъ, что $^{2}/_{3}$ стоимости радія идутъ иностраннымъ покупателямъ; кромѣ того, радій можно гораздо скорѣе добыть изъ карнотита, чѣмъ изъ смоляной руды.

Есть два пути для уменьшенія разницы между продажной цѣной и дѣйствительной цѣнностью радія: первый—продавать руду дороже, второй—добывать радій у себя на родинѣ.

Цѣна на радій нѣкоторое время стойко держалась на 120 дол. за миллиграммъ металла—радія. Это не значитъ, что металлъ продавался въ элементарномъ состояніи, а означаетъ, что появляющіяся на рынкѣ хлористое и бромистое соединенія радія оплачиваются согласно количеству радія, находящагося въ нихъ. Этотъ методъ значительно лучше стараго способа оцѣнки, по которому платили одинаково и за хлористый и за бромистый радій. Такая цѣна 120 дол. за миллиграммъ радія равна приблизительно 91,000 дол. за 1 граммъ хлористаго радія ($Ra\ Cl_2$) или 70,000 дол. за граммъ бромистаго его соединенія ($Ra\ Br_2$). Упадетъ ли эта цѣна, будетъ ли она подниматься, или останется такой же—сказать трудно. Дѣло не въ томъ, что производство радія увеличится и что мезоторій появится на рынкѣ въ большемъ количествѣ, но въ томъ, что примѣненіе радія и спросъ на него принимаютъ все большіе размѣры. Далѣе, запасъ радія ограниченъ, и пока другихъ источниковъ его не предвидится. Въ одномъ опубликованномъ вычисленіи общаго количества радія въ Колорадо сообщалось, что залежи карнотита могутъ дать 400 гр. этого металла. Это количество, по крайней мѣрѣ, въ 5 разъ превышаетъ вычисленное въ Bureau of Mines для всѣхъ извѣстныхъ источниковъ радія въ Америкѣ, включая и низкопробный матеріалъ. Кромѣ радія, въ карнотитѣ находятся уранъ и ванадій, имѣющіе большую цѣнность, ибо ванадій требуется для ванадіевой стали.

По стоимость залежей радія выражаются не въ центахъ и долларахъ. Цѣнность радія не можетъ быть сравниваема съ таковою другихъ металловъ въ виду его цѣлебныхъ свойствъ.

Въ медицинской прессѣ есть много достовѣрныхъ отзывовъ объ его цѣлительныхъ свойствахъ. Интересныя открытія произведены также въ Америкѣ, и тѣ, кто имѣетъ наибольшій опытъ въ употребленіи радія, выражаютъ самыя большія надежды относительно будущаго его примѣненія. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе дороговизны матеріала, только три или четыре американскихъ хирурга могли употреблять радій въ количествахъ, достаточныхъ для того, чтобы вывести какія либо заключенія. Въ развитіи примѣненія радія для лѣченія болѣзней больше всего приходится бояться его употребленія для секретныхъ средствъ. „Чудеса радія" такъ широко эксплуатировались въ общей прессѣ, что уже одно только его имя утилизируется, какъ психологически дѣйствующая сила, въ рекламахъ о всевозможныхъ матеріалахъ, не содержащихъ радія вовсе или заключающихъ его въ минимальныхъ количествахъ, которыя не могутъ имѣть терапевтическаго вліянія. Что касается до дальнѣйшихъ опытовъ, то они необходимы въ виду того, что радій въ большихъ количествахъ оказываетъ цѣлительное дѣйствіе, которое не обнаруживается при малыхъ дозахъ, бывшихъ до сихъ поръ въ распоряженіи медиковъ. Сомнительно, что въ настоящее время въ рукахъ врачей есть больше одного грамма этого рѣдкаго элемента; между тѣмъ оказывается, что концентрированное дѣйствіе γ—лучей изъ нѣсколькихъ сотъ миллиграммовъ радія можетъ оставливать измѣненія формы рака и другихъ злокачественныхъ опухолей; малыя же дозы для этого недѣйствительны. Важно также, чтобы медики

имѣли нѣкоторую гарантію относительно чистоты матеріала, который они пріобрѣтаютъ, даже въ небольшихъ количествахъ. Bureau of Standards U. S. A. намѣрено урегулировать добываніе радія. Американскіе врачи уже нѣсколько разъ были жертвою мошенничества при покупкѣ радія и теперь они должны требовать, чтобы пріобрѣтаемый ими матеріалъ былъ засвидѣтельствованъ какимъ либо образомъ.

Въ заключеніе К. Пэрсонъ указалъ на то, что по иниціативѣ директора Bureau of Mines произошло соглашеніе съ недавно организованнымъ National Radium Institut, вслѣдствіе чего бюро имѣетъ возможность изучить въ технологическомъ и научномъ направленіи разработку и обогащеніе карнотитныхъ рудъ, а также выработать лучшіе способы полученія радія, ванадія и урана.

Національный радіевый институтъ (National Radium Institut) не имѣетъ никакого отношенія къ разработкѣ смоляной руды, но онъ получилъ право разрабатывать 27 участковъ въ Paradox Valley, среди которыхъ есть лучшія копи этой богатѣйшей радіоносной области въ мірѣ. Уже получено около 100 тоннъ высокопробнаго карнотита. Съ согласія Bureau of Mines, техническими операціями въ копяхъ и на заводѣ руководитъ ученый штатъ бюро. Скоро начнется работа на опытномъ заводѣ, который будетъ сооруженъ въ Колорадо, гдѣ будутъ примѣняться методы, разработанные Bureau of Mines. Въ теченіе года большая часть операцій на заводѣ даетъ уже опредѣленные результаты, согласно которымъ добываніе радія поведутъ въ большомъ масштабѣ. Что касается до урана и ванадія, которые при этомъ будутъ получены, то они уже законтрактованы.

Институтъ имѣетъ достаточныя средства, чтобы привести въ исполненіе свои планы. Цѣль, съ которой образованъ институтъ, заключается въ добычѣ радія въ количествахъ, достаточно большихъ для того, чтобы производить опыты съ нимъ въ терапіи, обращая особое вниманіе на лѣченіе рака. Въ его задачу входятъ также изслѣдованія физическихъ свойствъ и химическаго дѣйствія лучей радія.

Опытъ президента института, примѣнявшаго 650 миллиграммъ радія и 100 миллиграммъ мезоторія, привелъ его и его сотоварищей къ увѣренности, что радій сдѣлается самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для лѣченія рака и нѣкоторыхъ другихъ злокачественныхъ болѣзней. Важные результаты уже были получены при употребленіи высоко концентрированныхъ γ—лучей, изъ которыхъ были удалены α—лучи и β—лучи. Добытый радій предназначается главнымъ образомъ для употребленія его въ самомъ институтѣ, а, слѣдовательно, не будетъ вывезенъ изъ страны.

Ив. Каблуковъ.

VI. Военное и морское дѣло.

1. Частная иниціатива и самодѣятельность въ военномъ дѣлѣ.

Исторія военнаго искусства за послѣднія 150—200 лѣтъ являетъ разительную картину эволюціонированія принциповъ подъ вліяніемъ техническаго прогресса и усложненія внѣшней обстановки.

Во времена просвѣщеннаго абсолютизма, пудреныхъ париковъ и шитыхъ кафтановъ тактика войскъ отличалась отъ нынѣшней такъ же, какъ тогдашнія формы государственной и общественной жизни отъ теперешнихъ. Огонь являлся далеко не главнымъ факторомъ боя, такъ какъ вслѣдствіе невысокаго развитія техники огнестрѣльное оружіе было слабо, рѣдко и обладало малой

мѣткостью. Участь сраженій рѣшалась непосредственнымъ столкновеніемъ войсковыхъ массъ, тяжелымъ рукопашнымъ боемъ.

Нанесеніе сильнаго удара сплоченной массой людей требовало плотныхъ компактныхъ строевъ и одновременности дѣйствія. Масса воиновъ сплачивалась на небольшомъ пространствѣ вокругъ вождя и дѣйствовала въ непосредственной съ нимъ связи.

Въ величайшихъ сраженіяхъ XVIII вѣка (и начала XIX) главнокомандующій могъ окинуть взглядомъ свои войска и войска противника, могъ лично слѣдить за измѣненіями боевой обстановки и немедленно принимать мѣры противъ неблагопріятныхъ оборотовъ боя. Его приказанія всюду поспѣвали во-время, и дѣло подчиненныхъ было только точно исполнять ихъ. Младшіе начальники выражали свою волю большею частью въ командахъ, отдаваемыхъ непосредственно подчиненнымъ имъ частямъ. Роль солдата сводилась къ автоматическому исполненію этихъ командъ. Всѣ движенія, перестроенія и стрѣльба производились одновременно десятками и сотнями людей по командамъ, причемъ были построенія очень сложныя (напримѣръ, „каро"), требовавшія точной выучки и долговременной практики въ мирное время. Вотъ почему тогдашнія арміи работали въ атмосферѣ полной централизаціи, слѣпого повиновенія начальству и „неразсужденія". Тогдашніе учебные плацы и казармы являлись настоящими фабриками автоматовъ, неспособныхъ „свое сужденіе имѣть". Требуемое обезличеніе человѣка достигалось при помощи массы ненужныхъ мелочей, которыми наполняли его повседневный обиходъ, и той свирѣпой дисциплины, сущность которой увѣковѣчилась въ извѣстной поговоркѣ „солдатъ долженъ бояться палки капрала больше, нежели пули непріятеля".

Такимъ образомъ мы видимъ, что техническое несовершенство оружія вызывало такую внутреннюю организацію войскъ, при которой торжествовали начала строгой централизаціи и отсутствія у низшаго командного состава и у солдата какого бы то ни было проявленія самостоятельности.

Въ то время это была вполнѣ жизненная, вызываемая необходимостью, организація.

Мало того, она не шла вразрѣзъ и съ общими бытовыми условіями. Общественная самодѣятельность была тогда мало развита, и строй всѣхъ почти европейскихъ государствъ былъ проникнутъ той же централизаціей.

Современемъ условія боя измѣнились, и измѣненіе это произошло опять-таки подъ вліяніемъ успѣховъ оружейной техники. Тяжелыя массы колоннъ, мало подвижные пустые прямоугольники уже не могли выносить огня штуцеровъ и постепенно растаяли, уступивъ мѣсто болѣе гибкимъ и легко примѣняющимся ко всякой мѣстности строямъ. Увеличеніе мѣткости и силы огня понизило за собой разжиженіе строевъ по фронту (въ ширину), а увеличеніе дальнобойности — эшелонированіе ихъ въ глубину. Появились рѣдкія стрѣлковыя цѣпи, наступающія одна за другой на извѣстномъ разстояніи. Чѣмъ совершеннѣе, т.-е. скорострѣльнѣе и дальнобойнѣе, становилось оружіе, тѣмъ рѣже дѣлались боевые строи, тѣмъ глубже приходилось расчленять боевые порядки. А вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялась и психика бой.

Ясно, что слѣдствіемъ приведенной эволюціи строевъ явилось огромное увеличеніе полей сраженія [1]) и пропорціонально ему возросшая трудность управленія сражающимися войсками. Главнокомандующій уже не можетъ окинуть однимъ взглядомъ все поле боя. Растянутость боевыхъ порядковъ не позволяетъ ему слѣдить за всѣми перипетіями сраженія и во-время реагировать на вѣчно мѣняющуюся обстанов-

[1]) Другія причины—увеличеніе численности армій.

ку. И какими бы дарованіями онъ ни обладалъ—будь это даже самъ Наполеонъ,—непосредственное руководство дерущейся арміей должно ускользнуть изъ его рукъ.

На огромныхъ, пустынныхъ по виду поляхъ, за гребнями холмовъ, по краямъ оврагонъ, на опушкахъ рощицъ и окраинахъ деревень залегли рѣдкія, едва замѣтныя цѣпи людей. По одному, по два, маленькими группами бойцы то ползкомъ, то бѣгомъ продвигаются отъ закрытія къ закрытію и убійственнымъ огнемъ закрѣпляютъ за собой пройденные шаги. Гдѣ-то грохочутъ батареи, шрапнели рвутся по всѣмъ направленіямъ, но орудій не видно. На нѣсколько верстъ — иногда десятковъ верстъ—распылились силы арміи... Какъ можетъ при такихъ условіяхъ старшій начальникъ создать себѣ ясную картину обстановки и предвидѣть всѣ ея случайности?

Примѣры новѣйшихъ кампаній показали, что стремленіе старшаго начальника во что бы то ни стало лично все предвидѣть и на все дать точныя указанія приводило къ тому, что управленіе войсками въ бою лишалось необходимой гибкости и влекло за собой нерѣдко роковыя послѣдствія.

Единственнымъ способомъ избѣжать такого положенія является децентрализація управленія, т.-е. предоставленіе частнымъ начальникамъ права не только самимъ выбирать наилучшія, по ихъ мнѣнію, средства для достиженія общей цѣли, но и дѣйствовать въ виду непредвидѣнной обстановки самостоятельно.

Генералъ Войде въ своемъ трудѣ „Самостоятельность частныхъ начальниковъ на войнѣ“ говоритъ:

„Коль скоро старшій начальникъ не можетъ быть вездѣсущимъ, то уже по одной этой причинѣ онъ, естественно, во многомъ долженъ положиться на своихъ подчиненныхъ, предоставляя имъ всѣ частности дѣла. Частные начальники, находясь каждый на своемъ мѣстѣ, знаютъ ближайшую каждому обстановку лучше старшаго начальника. Они же слѣдятъ за всѣми измѣненіями и соотвѣтственно имъ могутъ измѣнять и свои ближайшія распоряженія и дѣйствія, имѣя въ виду достиженіе главной цѣли, указанной свыше“.

Итакъ, старшій начальникъ указываетъ только цѣль, способы же, *какъ* достигнуть этой цѣли, предоставляются всецѣло выбору младшихъ начальниковъ, лучше его знающихъ, что нужно дѣлать для этого въ данномъ районѣ боевого поля. Мало того, если во время боя внезапно въ томъ или другомъ пунктѣ измѣнится обстановка, возникнетъ какой-либо новый факторъ, не учтенный старшимъ начальникомъ, то подчиненный можетъ увидѣть себя въ необходимости измѣнить и самую первоначальную цѣль и въ соотвѣтствіи съ новой цѣлью предпринять явочнымъ, такъ сказать, порядкомъ совершенно не предусмотрѣнные раньше шаги, донеся лишь о нихъ своему начальнику.

Понятно, чѣмъ крупнѣе начальникъ, тѣмъ обширнѣе кругъ его иниціативы; но въ извѣстной мѣрѣ она должна быть предоставлена даже рядовому бойцу, которому въ нынѣшнемъ бою часто приходится дѣйствовать самостоятельно, не дожидаясь, что̀ прикажетъ начальство.

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ становится ненужной и даже вредной прежняя централизація и сопряженное съ ней слѣпое повиновеніе. „Неразсужденіе“ въ современной военной организаціи должно быть систематически изгоняемо, ибо не умѣющій разсуждать и принимать свои собственныя рѣшенія воинъ никуда не годенъ. На смѣну стараго принципа неподвижности является новый: самодѣятельности, частной иниціативы. Этотъ принципъ торжествуетъ здѣсь, какъ и повсюду въ жизни. Кто слѣдуетъ ему—побѣждаетъ. Кто его игнорируетъ—заранѣе обреченъ на пораженіе.

На войнѣ мы дѣлаемъ только то, чему насъ основательно учили въ мирное

времени. Когда наступаетъ страшный боевой экзаменъ, все забывается, кромѣ тѣхъ навыковъ, которые путемъ постояннаго упражненія вошли въ нашу плоть и кровь. Ясно, что еще въ длитіе сравнительно періоды мира въ арміи должна быть создана обстановка, благопріятствующая развитію полезныхъ боевыхъ тенденцій.

Благопріятствуетъ ли обстановка нашей повседневной жизни развитію въ арміи духа самодѣятельности и частнаго почина? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно.

Нельзя сказать, чтобы въ военной средѣ не сознавали огромнаго значенія этихъ жизненныхъ началъ. Оно было отмѣчено еще сейчасъ же послѣ несчастной Крымской войны въ записке, поданной генералъ-адъютантомъ гр. Ридигеромъ на Высочайшее имя. Съ тѣхъ поръ идеи эти не угасли и завоевывали почетное мѣсто какъ въ военной литературѣ, такъ и въ официальныхъ руководствахъ, нормировавшихъ боевую подготовку нашихъ войскъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ появилось капитальное изслѣдованіе генерала Войде (цитированное выше), основаніемъ для котораго послужили дѣйствія нѣмцевъ въ 1870—71 годахъ. Позже официальные уставы стали отдавать должную дань принципу самодѣятельности сначала въ видѣ туманныхъ пожеланій, затѣмъ въ формѣ категорическихъ указаній старшимъ начальникамъ не вмѣшиваться въ дѣло младшихъ, ограничиваясь лишь общими указаніями.

Итакъ, идея, сознанная еще во время мучительнаго анализа причинъ катастрофы 1855 года, повидимому, пустила глубокіе корни въ нашихъ регламентахъ, и если бы жизнь войскъ и ихъ работа зависѣли исключительно отъ того, что написано въ официальныхъ учебникахъ, то можно было бы ожидать, что къ новому экзамену—русско-японской войнѣ—она расцвѣла бы пышнымъ цвѣтомъ и дала бы обильные плоды.

На дѣлѣ ничего подобнаго не случилось. Мы увидѣли старую картину: наши войска великолѣпно „стояли и умирали", но плохо дѣйствовали. И это не по недостатку теоретическихъ знаній у нашихъ вождей, не по недостатку въ нихъ личной рѣшимости, а именно вслѣдствіе отсутствія въ рядахъ войскъ современной души военнаго дѣла: самодѣятельности мелкихъ единицъ.

Мы стояли инертной неподвижной массой, ожидая привычныхъ намъ приказаній и указаній свыше и боясь принимать самостоятельныя рѣшенія, въ то время какъ каждая ячейка непріятельской арміи жила и двигалась и способствовала цѣлому въ достиженіи общей цѣли.

Послѣ войны, когда стали подводить итоги, то опять увидѣли, что намъ недостаетъ частной инициативы и что именно это обстоятельство явилось одной изъ главныхъ причинъ вопіющаго пораженія. Тогда заскрипѣли перья во вновь народившихся органахъ военной литературы, открывая снова уже открытую полвѣка тому назадъ Америку и требуя развитія въ арміи духа самодѣятельности. Военное вѣдомство откликнулось приказомъ № 511 1908 года, которымъ возлагало на комитетъ по образованію войскъ разработку этого серьезнаго вопроса.

Въ настоящее время всѣ новые уставы и наставленія содержатъ указанія на необходимость частнаго почина.

И всѣ ростокъ самодѣятельности туго прививается на почвѣ нашей военной практики, и привычки давно отжившей „линейной" тактики продолжаютъ тяготѣть надъ нами, какъ кошмарные призраки прошлыхъ лѣтъ. Мертвой буквой остается „частная инициатива" на страницахъ уставовъ.

Чѣмъ же объяснить такую неспособность претворить въ жизнь провозглашенную идею, такое рковое противорѣчіе между теоріей и дѣйствительностью?

Причину найти будетъ не трудно,

если мы выйдемъ изъ спеціально военной области и оглянемся на внѣшнія условія, въ которыхъ протекаетъ наша государственная и общественная жизнь. Армія работаетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ. Своими корнями она глубоко вплетается въ толщу населенія, и все, что происходитъ въ странѣ, такъ или иначе отражается на ней.

Въ арміи не могутъ процвѣтать начала и тенденціи, подавляемыя въ странѣ. Мы можемъ до потери сознанія проповѣдывать необходимость самодѣятельности, частной инициативы, предпріимчивости въ военномъ дѣлѣ. Но если начала эти стѣснены, если проявленіе общественной самодѣятельности часто разсматривается, какъ угроза порядку, если поколѣнія гражданъ воспитываются въ атмосферѣ опеки, то откуда же арміи почерпнуть той живой воды, которая составляетъ истинную душу военнаго дѣла и безъ которой въ наше время немыслимо правильное обученіе войскъ, а побѣда является мало вѣроятной случайностью?

Орлы не воспитываются въ курятникѣ. Имъ нуженъ вольный воздухъ горныхъ вершинъ.

К.

2. Морскія замѣтки.

Положеніе и дѣятельность нашего военнаго флота въ 1913 году.

Намъ уже приходилось въ прошломъ году отмѣчать затруднительность положенія того, кто хотѣлъ бы сообщать въ печать свѣдѣнія, касающіяся положенія русскаго военнаго флота, въ виду существованія правилъ о разглашеніи военно-морскихъ тайнъ. Хотя въ текущемъ году перечень неподлежащаго оглашенію и былъ нѣсколько сокращенъ, но тѣмъ не менѣе онъ остается достаточно широкимъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ сообщеніе свѣдѣній, не появлявшихся офиціально или, по крайней мѣрѣ, не санкціонированныхъ соотвѣтствующей властью.

А между тѣмъ всякому, конечно, совершенно ясно, что общество не можетъ интересоваться своимъ военнымъ флотомъ, разъ о состояніи и дѣятельности его ему ничего или почти ничего неизвѣстно, и что такимъ образомъ создается совершенно ненормальное положеніе полнаго отсутствія связи между военнымъ флотомъ и страной.

Поэтому мы съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ появленіе въ началѣ текущаго года въ еженедѣльныхъ прибавленіяхъ къ газетѣ *Кронштадтскій Вѣстникъ* довольно подробнаго обзора того, что было сдѣлано во флотѣ въ 1913 году, [1]) изъ котораго мы и заимствуемъ сообщаемыя нами свѣдѣнія.

Но прежде чѣмъ говорить о флотѣ, намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ объ этомъ номомъ военно-морскомъ изданіи, тѣмъ болѣе, что его основаніе является также частичкой дѣятельности нашихъ военныхъ моряковъ, пока еще не получившей широкаго развитія, но чрезвычайно симпатичной по своей идеѣ.

Многимъ нашимъ читателямъ едва ли извѣстно самое существованіе газеты *Кронштадтскій Вѣстникъ*. Хотя она и издается уже довольно давно, но до послѣдняго времени ничѣмъ не отличалась отъ обычныхъ нашихъ небольшихъ провинціальныхъ газетъ, имѣющихъ исключительно интересъ для мѣстнаго населенія. Примѣрно годъ назадъ въ грудѣ молодыхъ офицеровъ возникла мысль о желательности изданія спеціальной морской газеты, гдѣ бы личный составъ военнаго флота могъ обмѣниваться мыслями по текущимъ вопросамъ военно-морской дѣятельности и откуда онъ могъ бы получать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается за границей въ данный моментъ. Начинаніе это было одобрено

---

[1]) *Кронштадтскій Вѣстникъ* (второе изданіе). Понедѣльникъ, 27 января 1914 г., № 1. „Флотъ въ 1913 г.“.

морскимъ начальствомъ и, за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ на изданіе самостоятельной газеты, выразилось въ формѣ безплатнаго сотрудничества этой группы офицеровъ въ уже ранѣе существовавшей полуморской, издававшейся въ Кронштадтѣ небольшой газетѣ *Кронштадтскій Вѣстникъ*. Въ результатѣ въ теченіе прошлаго года въ газетѣ появился цѣлый рядъ весьма интересныхъ статей и замѣтокъ по различнымъ отраслямъ военно-морского дѣла, и такимъ образомъ краткій списокъ нашихъ военно-морскихъ періодическихъ изданій обогатился однимъ новымъ членомъ. Успѣхъ этого начинанія подалъ мысль расширить дѣло, и вотъ съ начала текущаго года появилось второе (еженедѣльное) изданіе газеты, задачи котораго формулированы редакціей слѣдующимъ образомъ:

„Послѣ тяжелаго періода заброшенности флота и отсутствія какого бы то ни было интереса ко всему морскому, Россія воспрянула духомъ, ассигновала деньги на выполненіе малой судостроительной программы, и работа по возсозданію „второй руки потентата", по выраженію Петра Великаго, закипѣла. Въ связи съ этимъ, нарастало огромное количество запросовъ, которые должны были и начали выливаться въ конкретной формѣ печатныхъ статей. Въ теченіе прошлаго года *Кронштадтскій Вѣстникъ* поднялъ на своихъ страницахъ очень много вопросовъ, возбудилъ много новыхъ мыслей и не разъ способствовалъ проведенію въ жизнь полезныхъ начинаній, что и было отмѣчено въ статьѣ г. Сѣверянина „Друзья, къ чему весь этотъ шумъ?" въ № 271, 1913 г. Значительное увеличеніе круга читателей побуждаетъ редакцію пойти навстрѣчу всѣмъ сочувствующимъ флоту и выпускать въ видѣ небольшихъ сборниковъ всѣ помѣщенныя въ газетѣ статьи о флотѣ, не имѣющія характера злободневности, чтобы лица, не связанныя какими бы то ни было интересами съ Кронштадтомъ, получали только тѣ свѣдѣнія, которыя ихъ могутъ интересовать. Такіе сборники мыслей о флотѣ будутъ выходить по мѣрѣ накопленія матеріала, 2—3 раза въ мѣсяцъ по понедѣльникамъ, что отчасти и является осуществленіемъ неоднократно высказывавшейся на страницахъ *Кронштадтскаго Вѣстника* мысли о желательности морского еженедѣльнаго періодическаго изданія".

Нельзя не привѣтствовать отъ всей души этого новаго дѣла. Вопросъ о популяризаціи военно-морской идеи въ странѣ, объ ознакомленіи широкихъ круговъ съ задачами и дѣятельностью нашего военнаго флота является на нашъ взглядъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ даннаго момента въ области военно-морской политики, [1]) и потому все, что стремится къ этой цѣли, заслуживаетъ всякой поддержки. Поэтому мы надѣемся, что читатели не поставятъ очень на насъ за это нѣсколько длинное отступленіе.

Но вернемся къ положенію флота въ 1913 году.

Законодательная дѣятельность морского министерства за этотъ періодъ времени выразилась прежде всего въ проведеніи чрезвычайно важныхъ законовъ 1) объ отпускѣ средствъ на устройство и оборудованіе крѣпости императора Петра Великаго (Ревель), причемъ одновременно были выработаны штаты и положеніе о вооруженіи крѣпости, и 2) объ отпускѣ средствъ на устройство и оборудованіе морскихъ авіаціонныхъ станцій, морскихъ радіостанцій и наблюдательныхъ пунктовъ. Первый законъ находится въ самой тѣсной связи съ программой возсозданія линейнаго флота въ Балтійскомъ морѣ, такъ какъ только при наличіи соотвѣтствующей базы флотъ этотъ можетъ правильно развить свои активныя операціи.

Постройкой этой крѣпости обезпечи-

[1]) См. нашу статью „Флотъ и общество" *Русская Мысль*, май 1913 г.

вается оборона нашей столицы со стороны Финскаго залива. Второй законъ обезпечиваетъ наблюденіе за нашими берегами и дальнѣйшее развитіе морского воздухоплаванія. Кромѣ того, утвержденъ рядъ положеній о снабженіи судовъ, прохожденіи службы офицерами и инженеръ-механиками, о службѣ въ подводномъ плаваніи, службѣ по амурской рѣчной флотиліи и о сверхсрочныхъ служащихъ. Послѣдее положеніе имѣетъ также весьма важное значеніе, такъ какъ безъ надлежащаго развитія этого рода службы во флотѣ едва ли будетъ возможно обезпечить его хорошимъ личнымъ составомъ. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что общее количество сверхсрочныхъ служащихъ у насъ до сихъ поръ остается совершенно недостаточнымъ.

Судостроительная дѣятельность выразилась прежде всего въ дальнѣйшей достройкѣ спущенныхъ ранѣе четырехъ линейныхъ кораблей (дредноутовъ) для Балтійскаго флота: „Гангутъ", „Полтава", „Севастополь" и „Петропавловскъ". По свѣдѣніямъ *Кронштадтскаго Вѣстника*, суда эти должны начать свои испытанія въ текущемъ году, такъ какъ изготовленіе артиллерійскаго и минаго вооруженія заканчивается на заводахъ и доставляется на суда. Точно такъ же сильно подвинулась и постройка трехъ дредноутовъ для Чернаго моря. Первый изъ нихъ „Императрица Марія" былъ спущенъ на воду 19 октября прошлаго года въ Николаевѣ, а второй „Александръ III" тамъ же спущенъ недавно. Кромѣ того, для Чернаго моря были спущены 18 октября два миноносца типа „Новикъ" (36 узловъ хода) и въ тотъ же день заложены въ Николаевѣ два, а 16 октября въ Херсонѣ три такихъ же миноносца; изъ подводныхъ лодокъ спущены 15 августа, 16 сентября и 19 октября послѣдовательно лодки: „Перна", „Моржъ" и „Тюлень".

Осуществленіе малой судостроительной программы выразилось въ закладкѣ въ концѣ 1912 года броненосныхъ крейсеровъ (дредноутовъ)—на Балтійскомъ заводѣ „Измаилъ" и „Кинбурнъ", на Адмиралтейскомъ—„Наваринъ" и „Бородино" (около 30,000 т. водоизмѣщеніемъ). Такимъ образомъ, въ общей сложности мы строимъ въ настоящій моментъ одиннадцать линейныхъ судовъ современнаго типа (дредноутовъ). Кромѣ того, по той же малой программѣ на заводѣ Русско-балтійскаго общества въ Ревелѣ были заложены легкіе крейсера „Адмиралъ Грейгъ" и „Свѣтлана" (около 6000 т.) и восемь миноносцевъ типа „Новикъ". Въ томъ же Ревелѣ на заводѣ бывш. Бекеръ, 27 октября заложены 4 миноносца типа „Новикъ" и въ г. Ригѣ на Мюльграбенской верфи 9 такихъ же миноносцевъ, а всего два крейсера и 21 миноносецъ новѣйшаго типа. Затѣмъ для Чернаго моря, по малой программѣ, заводу Русскаго судостроительнаго общества заказаны легкіе крейсера „Адмиралъ Нахимовъ" и „Адмиралъ Лазаревъ" (6000 т.) и на заводѣ Шихау строятся два небольшихъ крейсера „Муравьенъ-Амурскій" и „Невельскій". Помимо этого, строится рядъ вспомогательныхъ судовъ и ловучихъ средствъ.

Что касается дѣятельности нашего флота въ 1913 г., то она выразилась въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ.

Главныя силы Балтійскаго флота, находившіяся подъ начальствомъ адмирала фонъ-Эссена, плавали съ апрѣля мѣсяца до осени въ Финскомъ заливѣ и Балтійскомъ морѣ. Это плаваніе было использовано для прохожденія курса стрѣльбы и маневрированія отрядовъ въ дневное и ночное время.

Осенью, въ концѣ августа мѣсяца, эскадра Балтійскаго моря совершила кратковременное заграничное плаваніе, причемъ наши суда посѣтили Портландъ, Брестъ, Христіанзандъ и Ставангеръ. Въ это же время миноносцы 1-й минной дивизіи, раздѣленные на группы, и заградители „Амуръ" и „Енисей" также совершили обходъ портовъ, посѣтивъ

Копенгагенъ, Стокгольмъ, Христіанію, Любекъ и бухту Кіеге.

Морскія силы Чернаго моря въ отчетномъ году находились подъ начальствомъ командующаго ими адмирала Эбергарда, совершая выходы въ море какъ всей бригадой, такъ и отдѣльными кораблями.

Во второй половинѣ іюня бригада приступила къ производству боевыхъ стрѣльбъ. 28 сентября бригада вышла въ практическое плаваніе къ Анатолійскому берегу.

Съ начала отчетнаго года на рейдѣ Константинополя продолжалъ находиться отдѣльный отрядъ судовъ черноморскаго флота, въ составѣ: линейнаго корабля „Ростиславъ", крейсера „Кагулъ" и стаціонеровъ „Донецъ" и „Колхида" (потомъ „Тамара").

Въ Средиземномъ морѣ находилась лодка „Уралецъ" и въ началѣ года крейсеръ „Россія".

Н. Нордовъ.

VII. Некрологъ.

И. И. Боргманъ.—А. М. Ждановъ.—І. И. Карницкій. — Н. В. Яковлева-Ланская. — В. И. Матвей.—А. И. Щеголевъ. — В. А. Тихоновъ. — Арх. Арсеній. — С. А. Гриневъ.—В. Г. Демченко.—А. Н. Гавриленко.—Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій.—А. Р. Артемъ.—Н. П. Некрасовъ.—А. А. Гиляровъ.—О. А. Абросимова.—Н. П. Волынскій.—Л. В. Поповъ.—С. П. Балахонцевъ.—С. П. Неуструевъ. — Арх. Алексій. — Э. Шухъ.—Л. Нордика.—Л. Сеше.—Н. фонъ-Булеръ. — Н. Сабадель. — Г. Бореперъ.— Л. Шрёдеръ.—К. Г. Эренбергъ.—Р. Бертольдъ.—І. Пфуль. — Ф. Комутъ. — Ванъ-Тигемъ.— Р. Томбо. — Г. Аренсъ. — Д. В. Хиллъ.—Пирсъ.—Т. Кошатъ.—Р. Монтеро.

Боргманъ, Иванъ Ивановичъ († въ маѣ 1914 г., 65 лѣтъ), извѣстный физикъ, профессоръ с.-петербургскаго университета. Былъ въ немъ первымъ выборнымъ ректоромъ послѣ указа объ автономіи 1905 года. Ему пришлось нести на себѣ главную отвѣтственность за университетъ въ самые трудные для высшей школы годы. Онъ оставилъ постъ ректора съ 1908 г. Главные его научные труды относятся къ области электричества и магнетизма (въ томъ числѣ извѣстныя его книги: „Магнитный потокъ и его дѣйствія", „Основныя ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ" въ 2-хъ томахъ). Онъ преподавалъ въ 80-хъ годахъ физику Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Императору Николаю II и покойному великому князю Георгію Александровичу. Былъ гласнымъ с.-петербургской городской думы, предсѣдателемъ комиссіи по устройству курсовъ для народныхъ учителей, основателемъ общества физическихъ знаній. По политическимъ убѣжденіямъ примыкалъ къ партіи народной свободы.

Ждановъ, Александръ Маркелловичъ (род. въ 1858 г., † въ апрѣлѣ 1914 г.), докторъ и профессоръ астрономіи, бывшій ректоръ петербургскаго университета. Профессоромъ петербургскаго университета состоялъ съ 1890 г. Написалъ рядъ работъ по астрономіи и геодезіи и руководилъ предпринятой главнымъ штабомъ обработкой русскихъ градусныхъ измѣреній. Въ 1903 г. былъ назначенъ ректоромъ, и оставилъ эту должность въ 1905 г., т.-е. былъ послѣднимъ назначеннымъ ректоромъ. Съ 1905 г. по 1911 г. былъ начальникомъ московскаго учебнаго округа, а въ послѣднее время состоялъ управляющимъ отдѣломъ промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Карницкій, Іосифъ Ивановичъ († въ апрѣлѣ 1914 г.), сенаторъ. Былъ членомъ и однимъ изъ главныхъ работниковъ въ комиссіи [illegible] крест-

та гражданскаго уложенія, основанной въ 1882 году. Пользовался репутаціей опытнаго и блестящаго юриста.

Яковлева-Ланская, Н. В. († въ маѣ 1914 г., на 73 году), писательница. Выступила впервые въ литературѣ въ 1871 г. въ журналѣ *Недѣля*. Кромѣ этого журнала, ея произведенія печатались въ *Вѣстникѣ Европы*, въ *Сѣверной Пчелѣ*, *Спб. Вѣдомостяхъ* и др. изд. Романъ ея „Лавры и тернія", сюжетомъ котораго была русско-турецкая война, навлекъ на нее кару: она была лишена пенсіи, получаемой послѣ мужа. За нѣкоторыя другія произведенія она привлекалась къ судебной отвѣтственности.

Матвей, Владиміръ Ивановичъ († въ маѣ 1914 г., 37 лѣтъ), художникъ и писатель по вопросамъ искусства (псевдонимъ: „В. Марковъ"). Его произведенія появлялись на разныхъ выставкахъ. Онъ примыкалъ къ „Союзу молодежи", и его статьи помѣщались въ выпускахъ союза. Его работы: „Искусство негровъ" и „Эскимосская скульптура", должны выйти въ свѣтъ въ скоромъ времени.

Щеголевъ, А. П. († въ маѣ 1914 г., на 82 году), генералъ-лейтенантъ, одинъ изъ героевъ крымской войны.

Тихоновъ, Владиміръ Алексѣевичъ († въ маѣ 1914 г., 57 лѣтъ), беллетристъ и драматургъ. Сынъ казанскаго откупщика, Тихоновъ пробовалъ себя на разныхъ поприщахъ. Былъ офицеромъ, участвовалъ въ турецкой кампаніи, затѣмъ вышелъ въ отставку и сдѣлался актеромъ; одно время занимался коммерческими дѣлами. Но бо́льшая часть дѣятельности его была посвящена литературной работѣ. Онъ редактировалъ журналъ *Сѣверъ* съ 1891 г. по 1894 годъ. Его произведенія появлялись, кромѣ того, во *Всемірной Иллюстраціи*, *Недѣлѣ*, *Русской Мысли*, *Вѣстникѣ Европы*, *Историческомъ Вѣстникѣ* и др. изд. Печаталъ фельетоны въ *Новомъ Времени* и *Россіи* подъ псевдонимомъ Мордвинъ. Изъ его драматическихъ произведеній наибольшимъ успѣхомъ пользуются комедіи „Черезъ край", „Байбакъ" и „Козырь". За послѣднюю изъ нихъ онъ получилъ Грибоѣдовскую премію.

Арсеній (въ мірѣ Александръ Брянцевъ) († въ апрѣлѣ 1914 г.), архіепископъ харьковскій и ахтырскій, бывшій ректоръ спб. духовной академіи. Часто приглашался для участія въ работахъ Св. Синода.

Гриневъ, Сергѣй Аполлоновичъ († въ апрѣлѣ 1914 г., 58 лѣтъ), полковникъ гвардіи, командиръ роты дворцовыхъ гренадеръ и составитель „Исторіи роты". Его же перу принадлежатъ воспоминанія о Скобелевѣ и о текинскомъ походѣ.

Демченко, Василій Григорьевичъ († въ апрѣлѣ 1914 г., 83 лѣтъ), заслуженный профессоръ кіевскаго университета по каѳедрѣ гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства. Написалъ: „О показаніяхъ свидѣтелей по русскому праву до Петра В." (1859 г.) и „Существо наслѣдства и призваніе къ наслѣдованію по русскому праву" (1877 г.) (докторская диссертація, цѣнный вкладъ въ русскую литературу по наслѣдственному праву).

Гавриленко, Александръ Павловичъ († въ маѣ 1914 г., 53 лѣтъ), первый выборный директоръ московскаго техническаго училища, занимавшій эту должность съ 1905 года до внезапно наступившей смерти и пользовавшійся глубокими симпатіями какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Онъ изучалъ машиностроительное дѣло въ Америкѣ, куда отправился по окончаніи техническаго училища и гдѣ проработалъ три года въ качествѣ простого рабочаго на механическихъ заводахъ. Изъ его трудовъ извѣстны: „Курсъ паровыхъ котловъ", „Механическая технологія металловъ" и др.

Святополкъ-Мирскій, Петръ Дмитріевичъ, князь († въ маѣ 1914 г., 56 лѣтъ), генералъ-адъютантъ, государственный дѣятель. Въ молодые годы со-

стоялъ на военной службѣ, участвовалъ въ турецкой кампаніи. Затѣмъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, губернаторомъ въ Пензѣ и Екатеринославлѣ. Въ 1900 г. былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ. Въ 1902 г. занялъ постъ виленскаго генералъ-губернатора. Послѣ убійства Плеве былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Тогда въ этомъ назначеніи видѣли прекращеніе грубой реакціи: заговорили о наступленіи „весны" и эпохѣ „довѣрія". Режимъ грубыхъ репрессій получилъ нѣкоторое смягченіе. Но у Святополка-Мирскаго не было опредѣленной программы, и если были благожелательныя чувства, то не было силы для положительной дѣятельности и пониманія всей серьезности положенія. Однако все же его управленіе облегчало развитіе освободительнаго движенія, и за это его возненавидѣли реакціонные элементы. Съ начала января 1905 года онъ уже фактически былъ устраненъ отъ власти и 18 января офиціально уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ не пошелъ даже въ Государственный Совѣтъ и удалился въ частную жизнь.

Артемъ, Александръ Родіоновичъ († въ маѣ 1914 г., 73 лѣтъ), артистъ московскаго Художественнаго театра. До начала своей артистической дѣятельности онъ былъ учителемъ чистописанія. Когда въ 1888 г. образовалась въ Москвѣ любительская труппа при Обществѣ искусства и литературы, онъ вошелъ въ ея составъ и игралъ вмѣстѣ со Станиславскимъ, и съ тѣхъ поръ жизнь его была связана съ исторіей знаменитой московской труппы. Съ очень большимъ успѣхомъ онъ исполнялъ роль Чебутыкина въ „Трехъ сестрахъ", Фирса въ „Вишневомъ саду".

Некрасовъ, Николай Петровичъ († въ маѣ 1914 г., 86 лѣтъ), филологъ, профессоръ русскаго и церковно-славянскаго языка, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ профессоромъ историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ, былъ также профессоромъ на высшихъ женскихъ курсахъ, читалъ лекціи до послѣднихъ дней жизни въ римско-католической духовной академіи. Имѣлъ званіе члена-корреспондента академіи наукъ. Изъ болѣе значительныхъ работъ его можно назвать: „О значеніи формъ русскаго глагола" (1865 г.), „Краледворская рукопись" (1872 г.), „Наблюденія надъ языкомъ Лаврентьевской лѣтописи" (1896 г.).

Гиляровъ, Александръ Андреевичъ († въ маѣ 1914 г., 76 лѣтъ), бывшій оперный артистъ Императорскихъ театровъ (сценическій псевдонимъ — Ляровъ). Исполнялъ первыя роли на сценѣ Императорской московской оперы въ 1875—78 гг. Затѣмъ выступалъ на многихъ провинціальныхъ сценахъ и въ Маріинскомъ театрѣ, концертировалъ въ Германіи, Даніи, Англіи. Въ послѣдніе годы служилъ въ государственномъ контролѣ.

Абросимова, Ольга Антоновна († въ апрѣлѣ 1914 г.), женщина-врачъ, окончила въ 1902 г. петербургскій женскій медицинскій институтъ, служила земскимъ врачомъ въ Тамбовской губ., скончалась отъ сыпного тифа.

Волинскій, Николай Павловичъ († въ апрѣлѣ 1914 г.), полковникъ, военный историкъ. Написалъ 3-томное изслѣдованіе „Постепенное развитіе русской регулярной конницы въ эпоху Великаго Петра" и исторію лейбъ-гвардіи кирасирскаго Его Величества полка.

Поповъ, Лукіанъ Васильевичъ († въ маѣ 1914 г.), художникъ, участникъ передвижныхъ выставокъ, ученикъ профессора Вл. Е. Маковскаго. Родился въ крестьянской семьѣ, до 13 лѣтъ жилъ въ деревнѣ, потомъ въ теченіе 5 лѣтъ служитъ въ писчебумажномъ магазинѣ. Художественное образованіе получилъ въ петербургской академіи художествъ, которая наградила его

вѣсколькими преміями и заграничными командировками.

Балахонцевъ, Сергѣй Петровичъ († въ маѣ 1914 г.), земскій дѣятель, членъ 1-й Государственной Думы. Былъ членомъ, потомъ предсѣдателемъ уфимской губернской земской управы. Примкнувъ въ 1905 г. къ конституціонно-демократической партіи, былъ избранъ въ Государственную Думу, въ числѣ другихъ подписалъ выборгское воззваніе и отбылъ тюремное заключеніе. Послѣднее время служилъ въ должности секретаря оренбургской губернской управы.

Неуструевъ, Семенъ Петровичъ († въ маѣ 1914 г.), хорошо извѣстный по Волгѣ спеціалистъ по рѣчному плаванію. Въ качествѣ практика-судовщика пользовался громаднымъ авторитетомъ. Самоучкой пріобрѣлъ большія познанія и былъ преподавателемъ рѣчной практики и лоціи въ Нижегородскомъ рѣчномъ училищѣ. Его большой трудъ, вышедшій въ 1891 г., „Практическая карта Волги", имѣлъ важное практическое значеніе и былъ награжденъ золотыми медалями на выставкахъ въ Чикаго и въ Парижѣ. За нѣсколько дней до его смерти вышла новая его работа: „Словарь волжскихъ судовыхъ терминовъ".

Алексій, архіепископъ, экзархъ Грузіи († въ маѣ 1914 г., 61 года). Окончилъ вятскую духовную семинарію, въ теченіе 7 лѣтъ былъ сельскимъ учителемъ. Затѣмъ слушалъ лекціи въ духовной академіи, получилъ степень магистра богословія, служилъ по министерству народнаго просвѣщенія. Постригся въ 1899 г., былъ назначенъ ректоромъ казанской духовной семинаріи, а потомъ ректоромъ духовной академіи тамъ же. Въ 1905 г. получилъ каѳедру таврической епархіи, здѣсь заявилъ себя другомъ правыхъ организацій. Позднѣе навлекъ на себя немилость неосторожной проповѣдью, былъ переведенъ въ Псковъ, потомъ въ Тобольскъ. Его новое возвышеніе приписывали дружбѣ съ Григоріемъ Распутинымъ. Экзархомъ Грузіи онъ былъ назначенъ въ октябрѣ прошлаго года, повидимому, по желанію гр. Воронцова-Дашкова и сразу заявилъ себя благожелательнымъ отношеніемъ къ кавказскому нерусскому населенію, въ частности, къ грузинамъ.

Шухъ, Эрнстъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 66 лѣтъ), выдающійся германскій капельмейстеръ, по образованію юристъ. Былъ дирижеромъ дрезденской королевской оперы. Извѣстенъ былъ своими симпатіями къ русской музыкѣ, которую онъ пропагандировалъ въ Германіи. Въ Россіи былъ два раза.

Нордика, Лиліанъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 55 лѣтъ), американская пѣвица, выступавшая на европейскихъ сценахъ, въ Германіи, въ Парижской оперѣ и въ Петербургѣ, гдѣ она пѣла въ Императорской оперѣ въ теченіе двухъ сезоновъ. Большой успѣхъ она имѣла въ вагнеровскихъ операхъ.

Сеше, Леонъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 66 лѣтъ), французскій историкъ литературы. Наибольшею извѣстностью пользуются его работы, относящіяся къ эпохѣ французскаго романтизма.

фонъ-Будеръ, Паулъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 79 лѣтъ), профессоръ догматики и богословія въ Тюбингенѣ. Главная его работа „Über die apologetische Aufgabe der Theologie des Gegenwart" вышла въ 1876 году.

Сабаделъ, Пій († въ маѣ н. ст. 1914 г., 64 лѣтъ), французскій епископъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ Ватиканѣ. Говорили, что папа совѣтовался съ нимъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся Франціи. Онъ считался однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ по составленію папской энцикликѣ противъ модернизма.

Бореперъ, Густавъ († въ маѣ н. ст. 1914 г.), берлинскій актеръ, пользовавшійся въ свое время успѣхомъ, бывшій также нѣкогда режиссеромъ Дюссельдорфскаго театра. Умеръ въ нищетѣ.

Шр деръ, Лудвигъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 65 лѣтъ), одинъ изъ вождей

германскихъ горнорабочихъ, имя котораго связано съ громкимъ „Эссенскимъ процессомъ о лжесвидѣтельствѣ". Шрёдеръ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, былъ приговоренъ къ тюремному заключенію и лишенію нѣкоторыхъ правъ, такъ что кандидатура его въ рейхстагѣ, выдвинутая тогда же соціалъ-демократами, оказалась недѣйствительной. Обвинительный приговоръ однако былъ отмѣненъ и въ результатѣ пересмотра дѣло кончилось оправданіемъ подсудимыхъ. Во время большой стачки горнорабочихъ въ 1889 году, Шрёдеръ участвовалъ, въ числѣ 3 депутатовъ, въ делегаціи отъ горнорабочихъ, посланныхъ къ императору.

Эренбергъ, Карлъ-Готфридъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 73-хъ лѣтъ), дрезденскій художникъ, извѣстный рисунками къ сѣвернымъ сагамъ, картинами на библейскіе сюжеты и портретами. Въ послѣдніе годы однако ничего не выставлялъ.

Бертольдъ, Рихардъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 60 лѣтъ), профессоръ графическихъ искусствъ академіи книжнаго дѣла въ Лейпцигѣ, иллюстраторъ. Онъ изобрѣлъ между прочимъ спеціальную краску для гравированія по дереву по японскому способу.

Пфуль, Іоганнесъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 68 лѣтъ), профессоръ берлинской академіи художествъ, скульпторъ. Его рѣзцу принадлежитъ рядъ памятниковъ различнымъ дѣятелямъ, поставленныхъ въ Гёрлицѣ, Берлинѣ, Нассау. Въ зданіи рейхстага находится статуя императора Вильгельма I его работы.

Кошутъ, Францъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 73-хъ лѣтъ), вождь венгерской партіи независимости, сынъ знаменитаго венгерскаго вождя Лудвига Кошута, являвшійся какъ бы идейнымъ продолжателемъ его дѣла, но не наслѣдовавшій ни его талантовъ, ни его фанатическаго патріотизма. Избранный въ 1894 г., послѣ смерти отца, въ палату депутатовъ, онъ, какъ носитель славнаго имени, сталъ главой партіи независимости, но сразу же показалъ, что онъ далекъ отъ непримиримости своего отца и предпочитаетъ мирные способы борьбы. Онъ самъ во время избирательной поѣздки пріостановилъ бурныя демонстраціи противъ Австріи. Въ парламентѣ однако, хотя и противъ своей воли, онъ вынужденъ былъ принять участіе въ парламентской обструкціи. Въ 1906 г. былъ избранъ президентомъ коалиціи оппозиціонныхъ партій и представлялся императору, который принялъ его съ чрезвычайной любезностью, и когда составленъ былъ коалиціонный кабинетъ, онъ получилъ портфель министра торговли. Въ 1910 г. вышелъ въ отставку, вмѣстѣ съ кабинетомъ. Популярность его сильно упала, такъ какъ въ немъ замѣтили готовность защищать точку зрѣнія новой правительственной партіи. Въ послѣдніе годы онъ стоялъ далеко отъ политической жизни.

Ванъ-Тиемъ († въ апрѣлѣ н. ст. 1914 г., 74 лѣтъ), извѣстный французскій ботаникъ, членъ французскаго института, непремѣнный секретарь парижской академіи наукъ. Первыя его работы относились къ изслѣдованію грибной флоры и къ бактеріологіи. Затѣмъ значительная часть его трудовъ была посвящена анатоміи высшихъ растеній. Большое значеніе имѣютъ его многочисленныя работы надъ строеніемъ цвѣтка. Его учебникъ ботаники переведенъ на русскій языкъ. Въ теченіе болѣе 30 лѣтъ (съ 1882 г.) онъ издавалъ журналъ *Annales des Sciences Naturelles*.

Томбо, Рудольфъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 39 лѣтъ), профессоръ нѣмецкаго языка и литературы въ Колумбійскомъ университетѣ и предсѣдатель германистскаго общества въ Америкѣ. Онъ издавалъ журналъ *Columbia University Quarterly*, а за нѣсколько недѣль до смерти основалъ новое изданіе *Germanistic Society Quarterly*. Не мало потрудился въ пользу распространенія въ Америкѣ нѣмецкой духовной культуры.

Аренсъ, Густавъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 54 лѣтъ), директоръ одного изъ крупныхъ банковыхъ учрежденій Берлина (Berliner Handelsgesellschaft), видная фигура въ биржевыхъ и финансовыхъ сферахъ Германіи.

Хиллъ, Джорджъ - Вилльямъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 77 лѣтъ), одинъ изъ выдающихся американскихъ астрономовъ, редакторъ *American Ephemeris and Nautical Almanac*. Состоялъ профессоромъ небесной механики въ университетѣ Колумбія. Собраніе его научныхъ работъ было издано девять лѣтъ тому назадъ институтомъ Карнеги въ Вашингтонѣ.

Пирсъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 74 лѣтъ), американскій математикъ, пользовавшійся также международной извѣстностью. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ онъ жилъ отшельникомъ, продолжая научныя работы, въ маленькой хижинѣ, въ пенсильванскихъ горахъ.

Кошатъ, Томасъ († въ маѣ н. ст. 1914 г., 69 лѣтъ), австрійскій композиторъ и поэтъ, извѣстный своими переложеніями народныхъ пѣсенъ Каринтіи и народными квартетами. Издалъ также нѣсколько томиковъ своихъ стихотвореній.

Монтеро, Ріосъ († въ маѣ н. ст. 82 лѣтъ), испанскій ученый, юристъ, которому очень много обязано современное испанское законодательство. Въ 1895 г. былъ первымъ министромъ. Въ 1898 г. былъ однимъ изъ представителей Испаніи на парижской конференціи послѣ несчастной войны съ С. Штатами.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюнь 1914 года.

Содержаніе: I. **Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика. — Исторія. — Философія и религія. — Политическая экономія, статистика и финансы. — Публицистика. — Естествознаніе. — Педагогика и народное образованіе. — Книги для дѣтей. — Военное и морское дѣло. II. **Русскія новости по всеобщей исторіи.** III. **Книжныя новости.** IV. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе мая 1914 года.**

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

П. П. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Т. II. Изд. 2-ое.—*Николай Энгельгардтъ.* Исторія русской литературы XIX стол. Т. I.

П. П. Замотинъ. **Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Т. II. Изд. 2-ое, М. О. Вольфа. Спб., 1913 г. Стр. 455. Ц. 2 р.**

Весьма почтенный и во многихъ отношеніяхъ очень полезный трудъ проф. П. П. Замотина вышелъ вторымъ изданіемъ (первое—1907 г.). За эти шесть лѣтъ изслѣдованіе вопроса о романтизмѣ сильно подвинулось впередъ. Стало болѣе чѣмъ когда-либо ясно, что нельзя говорить о романтизмѣ *вообще* и что терминъ „западно-европейскій романтизмъ“ не имѣетъ въ сущности права на существованіе. Если въ будущемъ мы и придемъ заново къ какимъ-нибудь обобщеніямъ въ этой области, то теперь необходимо пристальнѣе вглядѣться въ романтическія теченія каждой національной литературы въ отдѣльности, чтобы не обезцвѣчивать ихъ содержанія. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, далекъ по существу романтизмъ нѣмецкій отъ французскаго! Является даже вопросъ, можно ли къ этимъ двумъ столь различнымъ теченіямъ примѣнять одинъ и тотъ же терминъ. А если исторія уже санкціонировала этотъ пріемъ, то мы должны, по крайней мѣрѣ, точно обозначать, о какомъ изъ двухъ этихъ явленій говоримъ, и не пользоваться такимъ ничего въ сущности не значащимъ терминомъ, какъ „западно-европейскій романтизмъ“.

Въ этомъ отношеніи трудъ П. П. Замотина не удовлетворяетъ. Все, что онъ говоритъ въ первой главѣ о „сущности романтическаго міросозерцанія“, совершенно неубѣдительно. И вообще по всемъ, что высказываетъ авторъ о явленіяхъ западной литературы, чувствуется его собственная неувѣренность, несамостоятельность.

Изслѣдованіе становится интереснымъ и болѣе значительнымъ, когда авторъ, покинувъ область „западно-европейскаго романтизма“, переходитъ къ романтизму русскому. Особенно хороша глава о Бестужевѣ-Марлинскомъ, въ которой приводятся интереснѣйшія цитаты изъ его ненапечатанныхъ писемъ. Тутъ видишь, какъ небрежно относимся мы къ своему прошлому, какъ не умѣемъ еще оцѣнивать то, что давно уже подлежитъ такой углубленной оцѣнкѣ. Глава о М. Н. Загоскинѣ, какъ представителѣ „романтическаго націонализма“, не убѣждаетъ, а въ главѣ объ Одоевскомъ („романтическій универсализмъ“) автору удалось сказать слишкомъ мало. И я думаю, что вышло это не случайно. Методъ И. И. Замотина таковъ: утвердить схему, а затѣмъ эту общую, добытую путемъ поверхностнаго анализа „западно-европейскаго романтизма“, схему примѣнить къ романтизму русскому. Схема такова: романтическій идеализмъ (выраженіе тоже достаточно неопредѣленное) сводится къ тремъ мотивамъ—индивидуализму, націонализму и универсализму. Соотвѣтственно этой схемѣ расположены три писателя—Марлинскій, Загоскинъ и Одоевскій. Я думаю, что если бы авторъ не стоялъ на точкѣ зрѣнія „западно-европейскаго романтизма“, то онъ, опредѣленно отмѣтивъ связь Марлинскаго съ романтизмомъ французскимъ, а Одоевскаго—съ романтизмомъ нѣмецкимъ, пришелъ бы совсѣмъ къ другимъ выводамъ и нашелъ бы въ романтизмѣ нашихъ двадцатыхъ годовъ гораздо больше своеобразно-русскаго. Тогда измѣнилось бы и все построеніе его труда. Не было бы никакой необходимости привлекать къ дѣлу всевозможные авторитеты по вопросу о „западно-европейскомъ романтизмѣ“, а нужно было бы только опредѣлить характеръ зависимости нашихъ романтиковъ отъ опредѣленныхъ представителей романтизма нѣмецкаго, французскаго или англійскаго. На почвѣ такого углубленнаго анализа могло бы, вѣроятно, вырасти какое-нибудь общее положеніе, не связанное съ той искусственной схемой, которую примѣняетъ авторъ.

Въ заключеніе сдѣлаю одно формальное указаніе. Неудобно называть романъ Вальтеръ-Скотта „Айвенго“ („Ivanhoe“) такъ, какъ называли его въ двадцатыхъ годахъ—„Ивангое“ (стр. 334). Прибавлю, кстати, что до такой степени ссылаться на авторитетъ Л. Мегрона, какъ это дѣлаетъ авторъ неудобно, особенно послѣ того, какъ въ другой своей книгѣ, недавно переведенной на русскій языкъ („Романтизмъ и нравы“), французскій историкъ обнаружилъ всю свою непричастность къ собственно-литературному анализу.

Б. Эйхенбаумъ.

Николай Энгельгардтъ. **Исторія русской литературы XIX столѣтія. Т. I. (1800—1850 гг.). Критика, романъ, поэзія, драма. Изд. 2-ое, исправленное и значительно дополненное. Съ приложеніемъ: синхронистической таблицы, хронологическаго указателя писателей и полной библіографіей. Спб., 1913 г. Стр. XIV+622. Ц. 3 р.**

Въ предисловіи къ книгѣ авторъ довольно подробно доказываетъ раціональность того метода, которому онъ слѣдуетъ въ своемъ трудѣ,—изложенія русской литературы XIX вѣка *по десятилѣтіямъ;* онъ прибавляетъ, что „примѣненіе этого метода, хотя проведенное *недостаточно послѣдовательно и неполно*“ (въ этой „непослѣдовательности“ и

„неполнотѣ“, можетъ быть, и вся суть!—замѣтимъ мы отъ себя), находимъ уже въ статьяхъ о Пушкинѣ *Бѣлинскаго*, что, кромѣ того, и въ нѣмецкой литературѣ есть труды, излагающіе исторію нѣмецкой литературы по десятилѣтіямъ, и т. д., и т. д. Не будемъ ничего говорить объ этихъ нѣмецкихъ трудахъ: можетъ быть, тамъ это очень хорошо выходитъ; не можемъ не замѣтить лишь, что напрасно г. Энгельгардтъ ссылается на Бѣлинскаго: каемся, никогда не приходило намъ въ голову, что Бѣлинскій въ названныхъ статьяхъ излагаетъ русскую литературу по десятилѣтіямъ!... Думаемъ, что и вообще трудно усмотрѣть въ нихъ какое-либо „примѣненіе этого метода“. Ссылаемся на самыя статьи,—достаточно просмотрѣть самыя ихъ заглавія, чтобы убѣдиться, что вопросъ о „десятилѣтіяхъ“ врядъ ли и Бѣлинскому приходилъ въ голову... Но не будемъ даже говорить о самомъ пріемѣ, методѣ изложенія труда г. Энгельгардта,—хотя, намъ кажется, именно вслѣдствіе приложенія этого метода въ значительной долѣ страдаетъ та польза, которую могъ бы принести собою разсматриваемый трудъ, самъ по себѣ весьма почтенный,—вообще принципіально пріемъ изложенія исторіи литературы „по десятилѣтіямъ“ можетъ и не вызывать возраженій: въ извѣстной степени, съ извѣстными оговорками (чаще всего, однако, очень и очень длинными!), историческіе явленія и факты могутъ быть, конечно, излагаемы и „по десятилѣтіямъ“,—разъ эти десятилѣтія выступаютъ въ общемъ историческомъ процессѣ „съ своеобразнымъ складомъ умовъ и уровня творчества“, каждый съ „особенной складкой“,—какъ указываетъ и самъ г. Энгельгардтъ. Но въ этомъ случаѣ историкъ долженъ именно указать въ данномъ десятилѣтіи эту особую „складку“, этотъ своеобразный „складъ умовъ и уровня творчества“,—между тѣмъ именно этихъ-то особыхъ „складокъ“, „особенныхъ, характерныхъ чертъ“ каждаго десятилѣтія въ трудѣ г. Энгельгардта мы, къ сожалѣнію, и не видимъ!... Книга представляетъ собой рядъ отдѣльныхъ, крайне разрозненныхъ *кусочковъ* русской литературы XIX вѣка... Передъ читателемъ масса матеріала,—и ничего связующаго! По своему внутреннему характеру книга г. Энгельгардта—не столько „исторія“, сколько „лѣтопись“. Какъ въ лѣтописи, въ книгѣ излагаются факты за фактами въ хронологической послѣдовательности, дѣлается иногда слегка, какъ въ лѣтописи, ихъ оцѣнка; но общая связь излагаемыхъ событій, фактовъ мало интересуетъ „лѣтописца“, да мало ему она и видна, но видна она и читателю. Въ трудѣ г. Энгельгардта крайне мало, почти совсѣмъ нѣтъ исторической перспективы: все какъ будто имѣетъ одинаковую важность, одинаковое значеніе, „всѣ кошки сѣры“!... Изъ-за кучи нагроможденнаго матеріала читатель не видитъ общаго, основного фактора въ развитіи излагаемыхъ явленій: поступательнаго развитія общественной и литературной мысли. Какого-либо объединяющаго элемента въ книгѣ настолько мало, что трудно даже разобраться во всѣхъ этихъ грудахъ литературнаго матеріала, разбитыхъ такъ произвольно, чисто механически; тѣмъ болѣе трудно, что самый матеріалъ собранъ съ большимъ усердіемъ, съ большой полнотой. Фактическая сторона въ книгѣ вообще не можетъ вызывать упрековъ: матеріалъ собранъ огромный! Въ этомъ даже главная цѣнность книги г. Энгельгардта. Какъ богатое собраніе матеріала, трудъ г. Энгельгардта можетъ служить хорошимъ общимъ пособіемъ—справочнымъ, библіографическимъ. Послѣднему от-

вѣчаютъ и обширныя чисто библіографическія указанія, имѣющіяся въ трудѣ, въ концѣ каждой главы. На библіографію авторъ вообще обращаетъ особое вниманіе, и страницы, относящіяся сюда, нерѣдко очень цѣнны. Нельзя не пожалѣть только, что указанія эти иногда страдаютъ нѣкоторой хаотичностью.

А. Архангельскій.

ИСТОРІЯ.

П. Пирлингъ. Историческія статьи и замѣтки.—*П. А. Остроуховъ.* Англо-русскій торговый договоръ 1734 г.

П. Пирлингъ. **Историческія статьи и замѣтки. Изд. Я. Башмакова и К°. Спб., 1913 г. Стр. 192. Ц. 1 р. 25 к.**

Статьи и замѣтки г. П. Пирлинга касаются преимущественно XVI и XVII вѣка и затрогиваютъ вопросъ о взаимодѣйствіи людей западнаго католическаго міра и Россіи. Статьи не носятъ систематическаго характера. Это отдѣльные этюды, не развертывающіе культурной проблемы по всей ея широтѣ, а скользящіе лишь по ея поверхности. Замѣтки и статьи г. П. Пирлинга не исчерпываютъ затронутыхъ ими вопросовъ, но даютъ всегда подробный фактическій матеріалъ. Интересны, во всякомъ случаѣ, уже самыя темы автора. Среди героевъ статей находимъ Поссевина, „Марину Мнишекъ послѣ майскаго погрома", „гишпанскаго" чернеца Николая Мело, Альберто Вимина, Пансія Лигарида. Статья „Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи" разсказываетъ о любопытныхъ приключеніяхъ Филиппа Аврилля, который въ концѣ XVIII вѣка отправился искать сухопутнаго сообщенія съ Китаемъ черезъ Астрахань, откуда былъ доставленъ въ Москву. Послѣ долгихъ мытарствъ онъ вернулся во Францію. Вся его исторія (о которой онъ разсказываетъ самъ въ книгѣ, изданной въ 1692 г.) очень характерна и интересна. Можно признать вполнѣ своевременнымъ изданіе отдѣльной книгой этихъ статей, напечатанныхъ первоначально въ *Русской Старинѣ* и въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей".

Г. Вернадскій.

П. А. Остроуховъ. **Англо-русскій торговый договоръ 1734 г. Очеркъ по исторіи русской торговой политики (на основаніи архивныхъ источниковъ). Съ предисловіемъ П. Б. Струве. Спб., 1914 г. Стр. 204. Ц. 1 р. 30 к. (Труды студентовъ экономическаго отдѣленія СПБ. Политехническаго Института Петра Великаго. № 13).**

Тема, разработанная П. А. Остроуховымъ въ разсматриваемой книгѣ, имѣетъ двоякій интересъ: съ одной стороны, она освѣщаетъ торговыя отношенія Россіи и Англіи въ первой половинѣ XVIII в. и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія со стороны русскаго историка, съ другой—она можетъ разсчитывать и на вниманіе со стороны изслѣдователей принциповъ торговой политики въ широкомъ смыслѣ слова. Дѣло въ томъ, что русско-англійскій торговый договоръ 1734 года—одинъ изъ наиболѣе раннихъ, въ которомъ точно регулируется размѣръ таможенныхъ пошлинъ и проводится принципъ наибольшаго благопріятствованія. Авторъ поставилъ цѣлью своей работы „получить по поводу каждаго постановленія трактата отвѣтъ на три вопроса: 1) какія об-

стоятельства заставили внести въ трактатъ это постановленіе, 2) въ какомъ отношеніи оно находилось къ дѣйствовавшимъ тогда въ Россіи законоположеніямъ и 3) къ какимъ результатамъ оно приводило". И самая постановка вопросовъ, и тотъ матеріалъ, который былъ использованъ авторомъ, указываютъ на то, что въ его разработкѣ тема пріобрѣла характеръ изслѣдованія по исторіи русской торговли въ значительно бо́льшей степени, чѣмъ характеръ изслѣдованія теоретическаго. Матеріаломъ для автора служили, кромѣ Полнаго Собранія Законовъ и соотвѣтственныхъ томовъ „Сборника Императорскаго русскаго историческаго общества", сравнительно богатые фонды архива департамента таможенныхъ сборовъ и московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; помимо этого авторъ привлекъ и отдѣльныя изданія источниковъ, относящихся къ его темѣ. Во введеніи къ своей работѣ г. Остроуховъ даетъ краткій очеркъ англійской промышленности и торговли въ XVIII в., представляющій резюме высказанныхъ въ литературѣ взглядовъ. Въ первой главѣ послѣ краткаго очерка англійской торговли въ Россіи въ 30-хъ годахъ XVIII в. онъ переходитъ къ подробному, основанному на первоисточникахъ, изложенію начатыхъ по иниціативѣ англійскаго правительства переговоровъ о заключеніи торговаго трактата, а остальныя три главы посвящаетъ характеристикѣ отдѣльныхъ пунктовъ договора согласно своему плану. Общіе выводы автора сводятся къ тому, что договоръ 1734 года всѣ преимущества предоставилъ англійскимъ купцамъ, а „пассивное положеніе Россіи въ международной торговлѣ" привело къ тому, что интересы русскихъ купцовъ не только не были сохранены въ той степени, какъ интересы англійскихъ, но даже потерпѣли нѣкоторый ущербъ. Какъ литературу вопроса, такъ и имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ авторъ вполнѣ усвоилъ и сумѣлъ достаточно использовать, хотя на полнотѣ его работы съ точки зрѣнія строгаго критика сильно отразилось незнакомство съ англійскими архивными матеріалами. Въ силу этого книга его имѣетъ бо́льшее значеніе для русскаго историка, чѣмъ для историка принциповъ торговыхъ отношеній. Къ книгѣ приложены: I. Торговый договоръ между Анной, королевой Великобританіи, и Петромъ, королемъ Португаліи, 27 декабря 1703 г.; II. Трактатъ между россійскимъ и англійскимъ дворами о дружбѣ и взаимной между обѣихъ державъ коммерціи; III. Письмо купца Самуила Гольдена 3 сентября 1731 г. (изъ архива департамента таможенныхъ сборовъ), и IV. Проектъ Эльтона объ изысканіи корабельнаго ходу отъ Архангельскаго города около Новой Земли въ Японію, Китай, Индію и въ Америку (изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, ранѣе напечатанный у Александренко „Реляціи кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона).

А. Гнѣдушевъ.

ФИЛОСОФІЯ И РЕЛИГІЯ.

Н. Н. Николаевъ. Духовно-монистическое пониманіе міра.— *М. В. Сергѣевъ.* Святой Серафимъ.

Н. Н. Николаевъ. **Духовно-монистическое пониманіе міра. Книгоиздательство „Зеленая Палочка". М., 1914 г. Стр. 113. Цѣна 60 коп.**

Вся разсматриваемая книжка—только введеніе въ [illegible]ный трудъ

того же автора „Понятіе о Богѣ, какъ Совершенной основѣ жизни“, появленіе въ печати котораго въ ближайшемъ будущемъ обѣщаетъ издательство. Поэтому оцѣнка взглядовъ г. Николаева, отчасти возможная благодаря тому, что онъ уже и въ этой части своего произведенія излагаетъ сущность своего міровоззрѣнія, теперь можетъ быть только предварительной.

Цѣль его труда—философская защита опредѣленнаго религіознаго пониманія міра, которое, по его убѣжденію, было міровоззрѣніемъ и Л. Н. Толстого, впервые пробудившаго въ немъ такого рода мысли. Содержаніе этого міросозерцанія составляетъ признаніе того, что есть Богъ, что душа вѣчна, и что всѣ души въ глубинѣ своего бытія оказываются самимъ Богомъ, образуя одно цѣлое. Такое пониманіе міра—одна изъ вѣчно борющихся въ исторіи философіи теолого-космологическихъ возможностей, такъ что критика его по поводу его повторенія у г. Николаева была бы неумѣстна.

Характернѣе для автора книги доводы, которыми онъ защищаетъ это религіозное міросозерцаніе. По мнѣнію г. Николаева, мысль о твореніи міра тѣлъ представляетъ непреодолимыя затрудненія, наблюденія надъ тѣмъ же міромъ наводятъ на мысль о смерти, какъ уничтоженіи души, и тотъ же міръ, если онъ существуетъ, разлучаетъ воплощенныя души. Поэтому, путемъ къ обоснованію своего міропониманія онъ считаетъ признаніе матеріальнаго міра субъективнымъ созданіемъ душъ, возникающимъ вслѣдствіе взаимодѣйствія съ соотвѣтствующими образамъ тѣлъ душевными существами. На этомъ основаніи онъ и называетъ все свое міровоззрѣніе духовнымъ монизмомъ. Неустанно повторяетъ онъ, что все матеріальное — призрачно, и что необходимо признать его таковымъ для обоснованія существованія Бога, вѣчности души и ихъ единства.

Между тѣмъ, собственно спиритуализмъ въ дѣйствительности вовсе не связанъ съ тремя указанными религіозно-философскими тезисами автора. Нечего и говорить, что затрудненія при обоснованіи бытія Божія проистекаютъ не изъ допущенія существованія матеріи. Далѣе, спиритуалистическое толкованіе внѣшняго опыта, при которомъ тѣла—символы душевныхъ сущностей, не удаляетъ изъ него факта смерти, т.-е. разрушенія цѣлаго (все равно тѣлеснаго или душевнаго), съ которымъ связана душа. Если же утверждать, что эта связь не ведетъ къ уничтоженію души при разрушеніи соединеннаго съ нею организма, то признаніе послѣдняго тѣлеснымъ, а не душевнымъ, ничего въ такомъ положеніи вещей не измѣнитъ. Наконецъ, объективное существованіе между душами тѣлъ нисколько не могло бы препятствовать первымъ проникать другъ въ друга и объединяться въ цѣлое при посредствѣ подавленія эгоизма и развитія любви, если бы этотъ путь къ сліянію съ другими душами, предлагаемый авторомъ, вообще оказался возможнымъ. Вѣдь непроницаемость останавливаетъ тѣло, а не духъ. Съ другой стороны, принятіе спиритуализма не мѣшаетъ, какъ это и было у Лейбница, утверждать невозможность не только взаимопроникновенія, но даже и взаимодѣйствія душъ. Такимъ образомъ, замыселъ автора—обосновать свои религіозныя воззрѣнія при помощи спиритуализма не можетъ быть признанъ удачнымъ.

А. Кунцманъ.

М. В. Сабашникова. **Святой Серафимъ. Издательство „Духовное знаніе". Москва, 1913 г. Стр. 94. Ц. 40 к.**

Въ этой небольшой книжкѣ изложена краткая біографія саровскаго святого и сдѣлана попытка объяснить его образъ интеллигентному читателю. Позитивно настроенные умы склонны истолковывать благодѣтельное вліяніе лицъ, подобныхъ Серафиму, только какъ слѣдствіе легковѣрія и невѣжества поклоняющейся имъ толпы. Но въ этихъ лицахъ имѣется сила, совершенно независимая отъ чьего бы то ни было мнѣнія о ней; это—сила, порожденная самоотреченіемъ, утонченіемъ своего духа, напряженіемъ и направленіемъ его на высшія цѣнности. Нельзя отвергать великаго значенія древнихъ пророковъ, игравшихъ огромную роль въ жизни еврейскаго народа. Точно такъ же нельзя отрицать духовнаго дѣла христіанскихъ святыхъ (и не только христіанскихъ), оказывающихъ иногда рѣшительное вліяніе на жизнь всей націи. Эти люди добровольной жертвой, тѣлеснымъ и духовнымъ подвигомъ покупаютъ себѣ огромный избытокъ силы, великую прозорливость и мудрость и власть надъ душами, особенно больными. Такимъ человѣкомъ былъ святой Серафимъ, сынъ купца, достигшій благодаря духовному перерожденію высочайшей вершины счастія—святости.

На изложеніи г-жи Сабашниковой отразились взгляды нѣмецкаго теософа Штеймера, слишкомъ раціонализирующаго многіе вопросы христіанства. Въ книжкѣ нѣтъ достаточной простоты. Но какъ *первый* опытъ популяризаціи біографіи святого Серафима для интеллигентнаго читателя—книжка заслуживаетъ вниманія.

П. Книжникъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА И ФИНАНСЫ.

С. В. Бернштейнъ-Коганъ. Очеркъ развитія и современнаго положенія внутренняго воднаго транспорта въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы и въ Сѣверной Америкѣ.—*И. М. Кольманъ-Ланинъ.* Сверхурочныя работы на фабрикахъ и заводахъ Московской губ. — Новыя идеи въ экономикѣ. Сборникъ № 2. Теорія народонаселенія и мальтузіанство.

С. В. Бернштейнъ-Коганъ. **Очеркъ развитія и современнаго положенія внутренняго воднаго транспорта въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы и въ Сѣверной Америкѣ. (Матеріалы по экономическому изслѣдованію внутреннихъ водныхъ путей, издаваемые подъ редакціей преподавателя С.-Петербургскаго политехническаго института Вс. В. Никольскаго. Отдѣлъ первый. Томъ I. Изд. минист. пут. сообщ.) Вып. I. Спб., 1912. Стр. XV+302. Ц. 1 р. 50 к. Вып. II. Спб., 1913 г. Стр. XII+341. Ц. 1 р. 50 к.**

Эти два выпуска представляютъ весьма полезное введеніе къ экономическому изученію внутреннихъ водныхъ путей, предпринятому управленіемъ внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ. Это не просто собраніе справокъ историческихъ, статистическихъ и литературныхъ, но серьезная попытка научно разобраться въ богатомъ матеріалѣ по экономической политикѣ внутреннихъ водныхъ путей. С. В. Бернштейнъ, Коганъ, названный въ предисловіи какъ составитель обоихъ выпусковъ, обладаетъ достаточной подготовкой также и въ области экономической

теоріи и неоднократно пытается приложить выводы теоріи къ своимъ спеціальнымъ темамъ. И потому трудъ его представляетъ не только спеціальный, но и общій интересъ.

Можно намѣтить два рода вопросовъ въ данной области экономической политики: 1) объ общихъ задачахъ въ политикѣ водныхъ путей, 2) о методахъ оцѣнки, съ точки зрѣнія экономической выгодности, того или другого отдѣльнаго проекта, того или другого канала, того или другого улучшенія какого-нибудь водного пути. Конечно, одно съ другимъ связано, и нельзя приступать ко второй категоріи вопросовъ, не разобравшись въ первой. Но всетаки мнѣ кажется, что авторъ нѣсколько односторонне сосредоточилъ свое вниманіе на вопросахъ общей политики и недостаточно удѣлилъ вниманія методамъ рѣшенія конкретныхъ вопросовъ. Вѣдь въ настоящее время врядъ ли нуждается въ особливой защитѣ такой сравнительно простой выводъ, что водные и желѣзнодорожные пути отчасти соперничаютъ, отчасти сотрудничаютъ и помогаютъ другъ другу (какъ и отдѣльныя желѣзныя дороги между собой) (стр. 272—273 II выпуска) и что то и другое, и соперничество и сотрудничество, суть явленія естественныя и нормальныя. Еще менѣе плодотворнымъ можетъ быть признанъ заключительный выводъ автора (вып. II, стр. 313), что вопросъ (о предпочтительности водного или желѣзнодорожнаго пути) общаго рѣшенія не допускаетъ и что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны быть приняты во вниманіе всѣ конкретныя обстоятельства, взвѣшены всѣ доводы за и противъ. Вѣдь вся задача и вся трудность заключаются въ томъ, чтобы выработать нѣкоторыя общія правила для взвѣшиванія „всѣхъ конкретныхъ обстоятельствъ“ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Хотя авторъ въ принципѣ признаетъ естественнымъ и нормальнымъ явленіемъ соперничество между путями сообщенія (въ извѣстныхъ предѣлахъ), но все же онъ склоненъ болѣе подчеркивать экономическія выгоды сотрудничества и монопольнаго начала. Экономическія выгоды конкуренціи у него мало выяснены, иногда даже какъ будто отрицаются (вып. II, стр. 258), и въ этомъ нельзя не признать нѣкоторой односторонности. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, связанъ съ еще другой слабой стороной работы: авторъ хотя и говоритъ о различіи между частно-хозяйственной и народно-хозяйственной точкой зрѣнія при сравнительной оцѣнкѣ водныхъ и желѣзнодорожныхъ путей, но его собственное отношеніе къ тому, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ народно-хозяйственной точкой зрѣнія, и въ какой мѣрѣ народно-хозяйственная точка зрѣнія вообще приложима въ изучаемыхъ авторомъ вопросахъ экономической политики, остается невыясненнымъ. Упрекая другихъ авторовъ въ томъ, что подъ „народно-хозяйственной“ точкой зрѣнія они подразумѣваютъ въ сущности „модифицированную“ частно-хозяйственную точку зрѣнія (вып. II, стр. 173,—этотъ упрекъ представляется мнѣ не вполнѣ справедливымъ), самъ С. В. Бернштейнъ-Коганъ въ очень интересныхъ своихъ разсужденіяхъ „о сравненіи и сравнимости воднаго транспорта съ желѣзнодорожнымъ съ точки зрѣнія дешевизны“ (вып. II, § 6) становится на ту же, по его выраженію, „модифицированную частно-хозяйственную“ точку зрѣнія. Мнѣ кажется, что если бы авторъ установилъ болѣе отчетливо существо обѣихъ точекъ зрѣнія—частно-хозяйственной и народно-хозяйственной—и границы ихъ

примѣненія, то онъ, вѣроятно, не пришелъ бы къ своему безотрадному выводу о несравнимости водныхъ и желѣзнодорожныхъ путей по признакамъ рентабельности и дешевизны транспортныхъ услугъ.

А. Рыкачевъ.

И. М. Козьминыхъ-Лапинъ. Сверхурочныя работы на фабрикахъ и заводахъ Московской губ. М., 1914 г. Стр. 3+31. Ц. 1 р.

Г. Козьминыхъ-Лапинъ продолжаетъ неутомимо работать надъ собираніемъ матеріала о положеніи фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи и на этотъ разъ касается вопроса, до настоящаго времени почти не подвергавшагося изученію. Однако и на этотъ разъ работа упомянутаго автора, при всемъ обиліи собраннаго въ ней цифрового матеріала, не свободна отъ существенныхъ недостатковъ, вообще свойственныхъ его работамъ: цифръ много, но группировка ихъ далеко не всегда удачна и достаточно мотивирована. Такъ, остается непонятнымъ, почему данныя о сверхурочныхъ работахъ, касающіяся одного 1908 г., сгруппированы помѣсячно. Авторъ имѣетъ дѣло вовсе не съ сезонными промыслами, и зависимость сверхурочныхъ работъ отъ времени года въ его изслѣдованіи, казалось бы, не должна играть главной роли. Затѣмъ очень жаль, что въ работѣ не подведены годичные итоги. Это было бы интересно уже потому, что въ законѣ, нормирующемъ сверхурочныя работы, говорится о нѣкоторомъ годичномъ максимумѣ часовъ для каждаго рабочаго. Далѣе, непонятно, зачѣмъ авторъ суммировалъ сверхурочную работу столь различныхъ группъ, какъ рабочіе по основному промыслу и рабочіе по ремонту и вспомогательнымъ работамъ. Такими суммами изъ разнородныхъ величинъ все равно пользоваться невозможно.

Тѣмъ не менѣе названная работа съ достаточной опредѣленностью характеризуетъ распространенность сверхурочной работы въ Московской губерніи. Остается пожалѣть, что данныя собраны только за одинъ годъ, что не позволяетъ судить объ ихъ устойчивости. Цѣнность работы увеличивается тѣмъ, что въ нее введены цифры оплаты сверхурочныхъ работъ.

С. Бернштейнъ-Коганъ.

Новыя идеи въ экономикѣ. Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора М. И. Туганъ-Барановскаго. Сборникъ № 2. Теорія народонаселенія и мальтузіанство. Изд-во „Образованіе". Спб., 1914. Стр. 154. Ц. 80 коп.

Мысль редактора дать обзоръ положенія въ наукѣ вопроса о народонаселеніи слѣдуетъ привѣтствовать: проблема эта вновь всплыла на поверхность въ послѣднее время. Правда, „новыхъ идей" маловато: хотя и при свѣтѣ „новыхъ фактовъ", а приходится повторять или перефразировать Мальтуса, у котораго Дитцель находитъ въ сущности предусмотрѣнными большинство новѣйшихъ возраженій противъ его ученія.

Настоящій сборникъ содержитъ пять статей: двѣ оригинальныя, принадлежащія перу редактора сборника, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, затѣмъ переводы двухъ отрывковъ изъ новой работы Jul. Wolfa [1]) и

[1]) См. мою замѣтку „Паденіе рождаемости въ новѣйшее время и новѣйшія [illegible]" въ *Русской Мысли*, ноябрь 1913 г.

части обстоятельной статьи Elster'a, помѣщенной въ новомъ изданіи „Handw. d. Staatswiss."

Самый выборъ статей въ общемъ слѣдуетъ признать вполнѣ удачнымъ, хотя и замѣчается нѣкоторая односторонность въ смыслѣ непредоставленія мѣста противнымъ теоріямъ. Что касается первой статьи („Теорія народонаселенія при свѣтѣ новыхъ фактовъ"), то авторъ подчеркиваетъ въ предисловіи, что онъ дѣлаетъ въ ней „попытку, не претендуя на оригивальность, освѣтить причины... явленія съ разныхъ сторонъ" и дать „оцѣнку съ точки зрѣнія новыхъ фактовъ теоріи Мальтуса". По взглядамъ своимъ авторъ принадлежитъ къ категоріи Wohlstandstheoretiker (см. мою выше цитированную замѣтку). Жаль только, что онъ пользуется подчасъ доказательствами избитыми и съ успѣхомъ опровергнутыми (стр. 16 — связь между числомъ рожденія и числомъ сберегательныхъ книжекъ). Трудно согласиться съ утвержденіемъ, что „чѣмъ больше дѣтей у *крестьянина* (курсивъ мой) или мелкаго буржуа, тѣмъ хуже экономическое положеніе каждаго изъ нихъ" (стр. 22)— ясно, что всякое увеличеніе рождаемости въ интересахъ крестьянскаго хозяйства. Совершенно не обоснована у Т.-Б. намѣчаемая имъ тенденція къ вымиранію человѣчества (стр. 33).

И. П. Левинъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

С. В. Познеръ. Евреи въ общей школѣ. — *Otto Groth* und *H. G. Bayer.* Politischwirtschaftliches Konversationslexikon.

С. В. Познеръ. **Евреи въ общей школѣ. (Къ исторіи законодательства и правительственной политики въ области еврейскаго вопроса.) Изд. „Разумъ". Спб., 1914 г. Ц. 3 р.**

Книга С. В. Познера появляется вполнѣ своевременно и удовлетворяетъ назрѣвшей потребности въ объективномъ изученіи нашей правительственной политики по вопросу о просвѣщеніи евреевъ. Тѣ зигзаги и колебанія, которыми характеризуется эта политика, впервые получаютъ вполнѣ научное освѣщеніе въ работѣ, являющейся предметомъ нашего разсмотрѣнія.

Тема поставлена авторомъ весьма широко: онъ изучаетъ не только исторію законодательства и правительственной политики, но разсматриваетъ многосложную эволюцію участія евреевъ въ общей школѣ Россіи. Автора занимаютъ какъ общеобразовательныя—высшія, низшія и среднія—школы, такъ и учебныя заведенія профессіональныя—коммерческія и техническія. Все изложеніе ведется въ тѣсной связи съ ходомъ обще-русскаго законодательства о евреяхъ.

Не останавливаясь здѣсь на изложеніи работы С. В. Познера, я хотѣлъ бы указать, что она—въ значительной своей части—основана на непосредственномъ изученіи первоисточниковъ—всеподданнѣйшихъ отчетовъ, циркуляровъ и т. п. Несмотря на это, книга является „живой исторіей" еврейскаго школьнаго вопроса. Циркуляры и отдѣльные факты изъ прошлаго оживаютъ, ибо... они существуютъ и получили дальнѣйшее развитіе.

Эти распоряженія и узаконенія наводятъ читателя на рядъ размыш-

леній о сущности и значеніи правительственныхъ мѣропріятій въ отношеніи просвѣщенія евреевъ. Тѣ факты развращающаго вліянія процентной нормы на не-еврейское населеніе, которые приводятся авторомъ въ такомъ большомъ числѣ, заставляютъ призадуматься надъ этой стороной еврейскаго безправія и тѣхъ, которые въ этомъ вопросѣ усматриваютъ не одну только проблему для еврейской національности.

Помимо основного текста книга С. В. Познера снабжена приложеніями. Намъ думается, что эти „приложенія" имѣютъ не меньшую цѣнность, чѣмъ основная часть книги. Здѣсь прежде всего собраны правительственныя распоряженія по вопросу объ обученіи евреевъ въ общей школѣ. Циркуляры объ ограниченіи пріема въ разныя категоріи учебныхъ заведеній при непосредственномъ съ ними ознакомленіи являются весьма интереснымъ матеріаломъ не только для изученія, но, быть можетъ, для... занимательнаго чтенія. Весьма цѣнны тѣ стоившія большого труда статистическія таблицы, которыя въ такомъ изобиліи приводятся въ приложеніи. Эти таблицы даютъ незамѣнимый—заимствованный изъ офиціальныхъ источниковъ—матеріалъ для разрѣшенія ряда чисто практическихъ вопросовъ изъ области „еврейскаго просвѣщенія". Нѣкоторыя изъ этихъ таблицъ имѣютъ особенный практическій интересъ. Напримѣръ, таблицы 15 и 16 о движеніи контингента учащихся евреевъ и не-евреевъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черты осѣдлости; таблица 20 и 21—свѣдѣнія о евреяхъ, не принятыхъ въ учебныя заведенія виленскаго и кіевскаго округа. На весьма серьезныя размышленія наводитъ таблица 25, вакантныя каѳедры при университетахъ, при сопоставленіи ея съ таблицей 26—списокъ евреевъ-студентовъ, удостоенныхъ наградъ за научные труды.

Е. С. Лурье.

Otto Groth und H. G. Bayer. **Politisch-wirtschaftliches Konversationslexikon. Stuttgart. Годъ не указанъ [1]). Стр. VII + 559. Цѣна 3 марки.**

Полезный справочникъ. Изложеніе толковое и въ неизбѣжной краткости все же ясное. Цѣнно то, что въ немъ объяснено и многое, сравнительно преходящаго значенія: наприм., Schnapsblock (стр. 460—партійная группировка въ вопросѣ о германской финансовой реформѣ 1909 г.), Gotthardbahnvertrag (стр. 213) и т. д.

Я просмотрѣлъ весь словарь и вынесъ такое впечатлѣніе, что замѣтки въ видѣ правила удовлетворительно характеризуютъ въ нѣсколькихъ словахъ часто очень сложные вопросы. Тотъ фактъ, что, по мнѣнію составителей, антисемитизмъ въ Россіи обусловленъ религіознымъ фанатизмомъ (стр. 24), что подоходный налогъ вытѣсняетъ въ культурныхъ государствахъ прочіе налоги (стр. 135), что кассовыя сдѣлки называются Kontantgeschäfte (германизмъ? Comptant? стр. 308), что въ Россіи для принятія бюджета необходимо согласіе Государя, Совѣта и Думы вмѣстѣ (стр. 447) и т. п.,—все это не исключаетъ несомнѣнной полезности и интересности такихъ статей, какъ „Reichsfinanzen" и „Eisenbahnen" и т. д., и т. д.

Во всякомъ случаѣ, за неимѣніемъ въ Россіи подобнаго справочни-

[1]) Предисловіе подписано въ іюлѣ 1911 г., однако въ витринахъ [illegible] магазиновъ Германіи въ концѣ 1913 г. книга была въ оберткѣ, съ [illegible] „[illegible] erschienen".

ка, рецензируемую книгу можно рекомендовать всякому, кто, не будучи спеціалистомъ, интересуется актуальными политическими вопросами. Цѣна книги очень скромная.

А. Н. Закъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Проф. А. Н. Сѣверцовъ. Современныя задачи эволюціонной теоріи.— *Д-ръ Джеффри Мартинъ.* Чудеса и завоеванія современной химіи.

Проф. А. Н. Сѣверцовъ. **Современныя задачи эволюціонной теоріи. Подъ ред. прив.-доц. Моск. унив. В. С. Елпатьевскаго. Съ 41 рис. въ текстѣ. Изд. „Bios". Москва, 1914 г. Стр. 2 нен.+155. Ц. 80 к.**

Книга проф. А. Н. Сѣверцова представляетъ особый интересъ уже потому, что, затрогивая такой общій вопросъ, какъ задачи эволюціонной теоріи, авторъ ея внимательно останавливается и на явленіяхъ чисто-морфологическихъ, обычно отпадающихъ въ популярной литературѣ. Многіе вопросы освѣщаются согласно съ результатами личныхъ талантливыхъ изслѣдованій автора, а въ главѣ объ эволюціи коррелятивныхъ измѣненій читатель найдетъ очень интересную собственную гипотезу А. Н. Сѣверцова, которая придаетъ его книгѣ исключительную цѣнность.

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что написанная живымъ, яснымъ и точнымъ языкомъ, порою съ несомнѣннымъ увлеченіемъ, книга будетъ вполнѣ доступна только тѣмъ, кто основательно знакомъ съ зоологіей не менѣе, чѣмъ въ объемѣ курса высшей школы, и вполнѣ владѣетъ научной біологической терминологіей. Для такого читателя она представляетъ несомнѣнный глубокій интересъ и поэтому заслуживаетъ самаго пристальнаго его вниманія.

В. Муралевичъ.

Д-ръ Джеффри Мартинъ, проф. лондонскаго университета. **Чудеса и завоеванія современной химіи. Теорія и практика современной химіи въ популярномъ изложеніи для неспеціалистовъ и учащихся. Съ портретомъ автора и многими иллюстраціями. Авторизован. переводъ съ англійскаго Е. Лазарева, подъ редакціей А. Н. Баха. Съ предисл. автора къ русскому изданію. Книгоизд-ство С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1913 г. Стр. IX+324. Ц. 2 р.**

Ученіе современной химіи представляетъ въ настоящее время много поучительнаго и необычайно интереснаго. Не занимаясь чисто научными цѣлями, можно въ то же время изучать химію окружающихъ насъ явленій природы, познавать тѣ силы, которыя управляютъ взаимодѣйствіемъ мельчайшихъ частицъ всякаго вещества. Открытія послѣднихъ лѣтъ, теорія распада радіоактивныхъ тѣлъ, изученіе строеній различныхъ веществъ привели науку къ созданію новой системы, въ основѣ которой лежитъ „корень" вещей—электронъ. Несомнѣнно, что эта эпоха ломки прежнихъ воззрѣній на строеніе тѣлъ и созданіе новыхъ вѣхъ новой химіи должны были вызвать появленіе многочисленныхъ работъ по популяризаціи современныхъ химическихъ представленій. Одна изъ подобныхъ попытокъ представлена книгой проф. Мартина: „Чудеса и завоеванія современной химіи". Авторъ предпосылаетъ своему труду въ русскомъ изданіи особое обращеніе къ русскому читателю, какъ къ

представителю болѣе молодого народа „съ великимъ будущимъ"; авторъ выясняетъ въ этомъ предисловіи огромную роль науки въ современной жизни и указываетъ, что всякія затраты на просвѣщеніе и образованіе возвратятся съ лихвой родинѣ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Здѣсь же мы находимъ указаніе на устойчивость современной цивилизаціи, которой но страшны болѣе „такія міровыя трагедіи, какъ Аттилла и Гунны"; на стражѣ ея стоитъ страшная сила современныхъ взрывчатыхъ веществъ, обязанная своимъ происхожденіемъ той же наукѣ. Попутно и въ этомъ предисловіи, и въ предисловіи къ англійскому изданію авторъ выставляетъ свободное воспитаніе, какъ незамѣнимое средство къ поднятію среди молодежи интереса къ наукѣ, къ занятіямъ ею. Наиболѣе интересны главы, посвященныя матеріи, міру атомовъ, эволюціи элементовъ и чудесамъ химическихъ измѣненій; послѣдующія главы о водѣ, водородѣ, воздухѣ, кислородѣ, азотѣ и другихъ элементахъ содержатъ тоже очень много интереснаго. Всѣ новѣйшія свѣдѣнія и данныя приведены съ большой полнотой и увеличиваютъ высокую цѣнность труда проф. Мартина. Нѣсколько тормозитъ чтеніе слишкомъ большое количество поэтическихъ отрывковъ изъ различныхъ твореній, главнымъ образомъ англійскихъ. Рисунки исполнены, въ большинствѣ, очень неважно; иногда даже въ высшей степени небрежно.

А. Лѣтникъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Дж. Антоніо Райнери. Педагогика въ пяти книгахъ. Т. I. Перев. прот. А. Дружинина.—*Е. А. Зелинцевъ.* Инспекція народныхъ училищъ.

Джіованни Антоніо Райнери. **Педагогика въ пяти книгахъ. Т. I. Пер. протоіерея А. Дружинина. Педагогическая библіотека. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1913 г. Стр. 558. Ц. 3 р.**

Предлагаемый въ русскомъ переводѣ I томъ педагогики католическаго священника, профессора туринскаго университета Д. А. Райнери (1810—1867 гг.), по примѣру нѣмецкаго изданія, дополненъ біографическимъ очеркомъ, спискомъ сочиненій автора и обширнымъ введеніемъ, составленнымъ проф. Джеринн. Введеніе представляетъ обзоръ педагогическихъ ученій въ Италіи въ XIX вѣкѣ. Поражая и даже до нѣкоторой степени подавляя обиліемъ именъ, очеркъ Джерини показываетъ, что педагогика въ Италіи достигла во второй половинѣ XIX вѣка высокаго уровня развитія. Райнери является наиболѣе выдающимся педагогомъ-систематикомъ среди цѣлаго ряда католическихъ философовъ и педагоговъ XIX столѣтія. Въ первой, вводной главѣ Райнери намѣчаетъ основные принципы педагогики: „Авторитетъ есть принципъ воспитанія, какъ свобода должна быть его цѣлью; поэтому, воспитаніе можно прямо опредѣлять, какъ искусство пользоваться авторитетомъ въ интересахъ свободы". Книга первая посвящена обоснованію общей теоріи воспитанія. Для разрѣшенія вопроса о цѣли и задачахъ, средствахъ и законахъ педагогики, необходимо знать субъекта воспитанія, его силы и законы ихъ развитія. Основная цѣль воспитанія—свобода или совершенство — достигается путемъ подчиненія воспитанника воспитателю. Воспитательная дѣятельность должна регулироваться двумя основными

законами: единства цѣли и универсальности или полноты развитія способностей воспитываемаго субъекта. Изъ этихъ двухъ законовъ вытекаетъ третій законъ—порядка и жизненной гармоніи. Воспитатель долженъ стремиться раскрыть тайну „великой гармоніи“ между разнородными и противорѣчивыми элементами, примирить „тѣло съ духомъ, фантазію съ разумомъ, аффектъ съ обязанностью“. „Этого онъ достигнетъ съ помощью свыше, напоминая себѣ о томъ, что тѣло есть храмъ Духа, а духъ святилище Божіе“. Заблужденіе думать, будто для достиженія нравственной цѣли воспитанія излишне заботиться о распространеніи знаній и народномъ образованіи. „Мы полагаемъ, что за исключеніемъ случаевъ особаго вдохновенія и сообщаемаго Богомъ чрезвычайнымъ путемъ просвѣщенія *религія, чтобы быть любимой, должна быть изучаема и что для достиженія этой цѣли имѣетъ большое значеніе соотвѣтствующее интеллектуальное воспитаніе*“. Вопросъ о научномъ изученіи и воспитаніи интеллектуальныхъ способностей, выборѣ предметовъ и методовъ преподаванія и о воспитаніи памяти разсматривается во второй книгѣ, съ научной точки зрѣнія болѣе устарѣвшей, чѣмъ первая, хотя и въ ней читатель, несогласный съ общей тенденціей автора, найдетъ много интересныхъ мыслей и прекрасныхъ цитатъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ.

П. Эфруссі.

Е. А. Звягинцевъ. **Инспекція народныхъ училищъ. Изд. „Задруга“. М., 1914 г. Стр. 132. Ц. 40 к.**

Въ своей книгѣ г. Звягинцевъ излагаетъ исторію учрежденія должности инспекторовъ народныхъ училищъ и перечисляетъ тѣ обязанности, которыя возлагаются на инспекторовъ. Далѣе онъ обрисовываетъ составъ инспекціи, дѣятельность ея, взаимоотношенія съ органами мѣстнаго самоуправленія и съ учащими, расширеніе функцій инспекціи и вообще измѣненіе въ ея положеніи за послѣдніе годы. На основаніи собраннаго матеріала авторъ приходитъ къ заключенію, что „дѣятельность нашей инспекціи народныхъ училищъ какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящее время носитъ характеръ по преимуществу надзора и бумажнаго дѣлопроизводства; положительной же руководящей роли въ постановкѣ учебно-воспитательной части народныхъ школъ инспектора не играютъ; наоборотъ, они своимъ формальнымъ отношеніемъ къ педагогическому дѣлу нерѣдко вносятъ дезорганизацію въ работу земства и учительства“.

Въ этомъ своемъ выводѣ авторъ совершенно правъ, и его книжка является вполнѣ кстати въ настоящее время, когда народные представители четвертой Думы даже изъ числа тѣхъ, которые такъ любятъ въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ говорить о стѣсненіи общественной самодѣятельности и самостоятельности, продолжаютъ размножать число инспекторскихъ должностей съ чрезвычайной быстротой и послѣдовательностью, а циркуляры министерства народнаго просвѣщенія съ той же быстротой и послѣдовательностью спѣшатъ устранить земства и города отъ внутренней постановки всего школьнаго дѣла и передать ее исключительно въ руки инспекціи.

Автора можно только упрекнуть въ нѣкоторомъ сгущеніи красокъ. Въ общемъ, мнѣ думается, наша инспекція оказалась менѣе зловредной и нелѣпой, чѣмъ ее изображаетъ авторъ. Среди инспекторовъ можно

насчитать даже въ настоящее время не мало людей, которые содѣйствовали развитію народнаго образованія въ своихъ уѣздахъ и были полезными руководителями для учащихъ. Нѣсколько несправедливъ также авторъ, ставя исключительно на счетъ инспекціи неудачу такъ называемыхъ образцовыхъ министерскихъ училищъ, тогда какъ большую роль здѣсь играли недостаточныя ассигнованія министерства.

Наконецъ, нельзя согласиться безъ оговорки съ выводомъ автора, что увеличеніе числа инспекторовъ не нужно и вредно. При настоящихъ условіяхъ, при существующей инструкціи инспекторамъ, законахъ и циркулярахъ, конечно, авторъ правъ.

Но если бы дѣятельность инспекціи была ограничена закономъ только областью надзора за законностью дѣйствій органовъ самоуправленія и учащихъ въ учебномъ дѣлѣ, и если бы самые законы были болѣе ясны и болѣе предоставляли кліянія органамъ самоуправленія, если бы по всемъ остальномъ инспекторъ былъ лишь совѣтникомъ-экспертомъ, мнѣніе котораго имѣло бы значеніе лишь въ зависимости отъ его знаній и авторитета, то при такихъ условіяхъ увеличеніе числа инспекторовъ слѣдовало бы признать желательнымъ.

Но скоро ли водворятся эти условія?

А пока пожелаемъ книжкѣ г. Звягинцева самаго широкаго распространенія.

А. Обуховъ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Клавдія Лукашевичъ. Мое милое дѣтство. — *Ив. Нажевинъ.* Бѣлые голуби принцессы Риты.

Клавдія Лукашевичъ. **Мое милое дѣтство. Автобіографическая повѣсть для средняго и старшаго возраста. М., 1914 г. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 к.**

Неудивительно, конечно, что у г-жи Клавдіи Лукашевичъ, давно трудящейся въ области дѣтской литературы, явилась потребность подвести нѣкоторые итоги своему литературному прошлому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей своей жизни. Она права: „самое интересное—это жизнь человѣка, лишь бы сумѣть правдиво освѣтить ее. Воспоминанія цѣлой жизни—это открытая книга, въ которой многому можно научиться". Но „автобіографическая повѣсть" ея предназначается ею „для средняго и старшаго возраста",—и это вызываетъ въ насъ различныя сомнѣнія. Вѣдь картины дѣтства воспринимаются взрослыми и юными читателями съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, напримѣръ, авторъ тщательно выписываетъ бытовыя подробности, касающіяся одной работящей, набожной семьи—„изъ благородныхъ". А развѣ дѣти подчасъ не заскучаютъ надъ этими подробностями? Г-жа Лукашевичъ и въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ изображала нѣкоего дѣдушку, покровительствовавшаго „босоногой командѣ". Въ данной книгѣ сообщены, можетъ быть, самыя подлинныя и полныя свѣдѣнія о жизненныхъ обстоятельствахъ этого дѣдушки. Взрослый благодаря этому получаетъ лишнее соціологическое освѣщеніе даннаго лица. Дѣтямъ же всегда занятнѣе видѣть *дѣйствіе*, а не прямыя и косвенныя мотивировки его. Но дѣтямъ, а взрослому интересно будетъ и все то, что разсказываетъ г-жа

Лукашевичъ о покойномъ сатирикѣ-стихотворцѣ Ліодорѣ Пальминѣ, и т. д., и т. д. Пространно воспроизводитъ г-жа Лукашевичъ праздники Пасхи и Рождества, которые являлись для дѣтей „чѣмъ-то неожиданно-радостнымъ", но и здѣсь за деталями какъ бы забываетъ юнаго читателя, который ищетъ прежде всего движенія, четкихъ образовъ и сценъ, а не описаній.

А. Налимовъ.

Ив. Наживинъ. **Бѣлые голуби принцессы Риты. Книгоиздательство „Зеленая палочка". Выпускъ V. Москва, 1913 г. Стр. 240. Ц. 1 р.**

Драма „Бѣлые голуби принцессы Риты" посвящена „свѣтлой памяти императора Александра I" и взята изъ его жизни Но при этомъ авторъ замѣнилъ историческихъ лицъ вымышленными, прибавилъ къ Warheit немного сомнительной Dichtung и, такимъ образомъ, составилъ pièce à thèse на тему „нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ". Въ художественномъ отношеніи пьеса лишена какой бы то ни было цѣнности.

Дѣйствіе второй изъ вошедшихъ въ книгу пьесъ, озаглавленной „Въ долинѣ скорби", происходитъ „въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ". Инженеръ Моисей Массъ придумалъ новую земледѣльческую машину, которая значительно облегчаетъ эксплоатацію земли помѣщиками и дѣлаетъ излишней сдачу ея въ аренду крестьянамъ. Тайная цѣль его заключается въ томъ, чтобы довести крестьянъ до полнаго обнищанія, дабы они возстали и забрали себѣ землю вмѣстѣ съ новыми машинами. Но изъ его плана ничего не выходитъ. Съ одной стороны, помѣщикъ отказывается эксплоатировать землю безъ крестьянъ, а съ другой—самъ Моисей Массъ по человѣчеству убѣждается, что планъ его—адскій, и отказывается отъ него. Мораль пьесы выражаетъ сектантъ Гаврила (нѣчто вродѣ толстовскаго Каратаева), который говоритъ, что „никто людей устроить не можетъ,—устроитъ людей Богъ, когда они заповѣди его исполнять будутъ".

Драма „Озорники"—лучшая въ книгѣ. Въ ней совсѣмъ нѣтъ фантастическаго элемента, а тенденція ея гораздо менѣе замѣтна, такъ какъ естественно вытекаетъ изъ всего, что происходитъ въ пьесѣ. Содержаніе ея—современный развалъ деревенскихъ устоевъ. Но въ самой деревнѣ авторъ видитъ новыхъ людей, которые понимаютъ всю глубину ея развала и имѣютъ силу духа превозмочь этотъ развалъ. Имѣется въ этой пьесѣ и оживляющая ее романическая фабула.

И. Книжникъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Р. Ловягинъ. Гибель Титаника.

Р. Ловягинъ. **Гибель Титаника. Разслѣдованіе, произведенное въ Англіи и Америкѣ. С.-Петербургъ, 1913. Стр. 160. Цѣна 2 руб.**

Всѣмъ еще памятно ужасное кораблекрушеніе 15 апрѣля 1912 года. Въ этотъ день, или вѣрнѣе въ эту ночь, величайшій изъ современныхъ морскихъ гигантовъ, англійскій пассажирскій пароходъ „Титаникъ", имѣвшій 885 человѣкъ команды и 1316 человѣкъ пассажировъ, столкнулся въ Атлантическомъ океанѣ съ ледяной горой и пошелъ ко дну, при чемъ погибло почти полторы тысячи человѣкъ (1490). Событіе это

глубоко поразило и взволновало общественное мнѣніе всего міра. Вѣдь именно въ данномъ случаѣ, казалось, безопасность плаванія была совершенно обезпечена. Пароходъ являлся послѣднимъ словомъ современной кораблестроительной техники; команда его состояла изъ лучшихъ моряковъ первой въ мірѣ морской націи; путь проходилъ по наиболѣе изслѣдованной и часто посѣщаемой части Атлантическаго океана. И тѣмъ не менѣе плаваніе окончилось катастрофой, безпримѣрной въ исторіи морскихъ сношеній. Все это въ совокупности придало несчастью съ „Титаникомъ" особое, исключительное значеніе, и въ многочисленныхъ статьяхъ, посвященныхъ выясненію причинъ катастрофы, было ясно подчеркнуто, что въ данномъ случаѣ нельзя ограничиться выясненіями только вопроса о томъ, почему погибъ „Титаникъ", но необходимо изслѣдовать, дѣйствительно ли безопасность морского пассажирскаго движенія является въ настоящее время въ достаточной степени обезпеченной. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, оцѣнка, сдѣланная подъ первыми впечатлѣніями пережитаго ужаса, не могла быть вполнѣ объективной. Насколько раньше всѣ глубоко вѣрили въ полную безопасность путешествія изъ Европы въ Сѣверную Америку, настолько теперь перешли къ противоположной крайности. Было указано, что англійскіе пароходы по своей конструкціи совершенно не отвѣчаютъ минимальнымъ требованіямъ безопасности плаванія; что подъ вліяніемъ ожесточенной конкуренціи между англійскими и нѣмецкими компаніями правленія обществъ заставляли капитановъ для сокращенія пути итти по завѣдомо опаснымъ маршрутамъ и слишкомъ быстрымъ ходомъ; что команда обучена слишкомъ плохо и пр. и пр. Для выясненія справедливости этихъ тяжкихъ обличеній какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, такъ и въ Англіи были образованы спеціальныя комиссіи, которыя всесторонне изслѣдовали случай съ „Титаникомъ" и издали печатные отчеты о своихъ работахъ. Трудъ нашего корабельнаго инженера Р. М. Ловягина, какъ это явствуетъ изъ предисловія, является переводомъ болѣе детальнаго англійскаго изслѣдованія, пополненнаго данными американскаго отчета. Прекрасно изданная, снабженная подробными чертежами, книга даетъ ясный и полный отвѣтъ на всѣ перечисленные вопросы. Интересующіеся обезпеченіемъ безопасности плаванія современныхъ морскихъ торговыхъ судовъ могутъ извлечь изъ нея много интереснаго и поучительнаго. Желающіе знать неприкрашенную истину объ ужасной гибели „Титаника" найдутъ въ ней подробное описаніе послѣднихъ минутъ этого судна.

Н. Нерманъ.

II. Русскія новости по всеобщей исторіи.

(Январь, февраль, мартъ, апрѣль 1914 г.)

I. Философія исторіи и методологія.

526. А. Дживелеговъ. Исторія. (Энцикл. Словарь Гранатъ, т. XXII. Стр. 281—319 и приложеніе.)

Очеркъ развитія исторической науки отъ зачатковъ исторической литературы до нашихъ дней. Разсматриваются три направленія въ развитіи исторіи, какъ науки: собственно исторіографія (задачи и содержаніе исторіи, методы исто-

ческой науки (историческая критика и методологія), философія исторіи. Сдѣлана также попытка дать характеристику современныхъ воззрѣній на задачи и содержаніе исторіи. Къ очерку приложена библіографія.

527. А. Лаппо-Данилевскій. L. Riess. Historik. (Научн. Истор. Журн., 1914 г., № 2.)

Отмѣчается рядъ опредѣленныхъ тенденцій книги Riess'a „Historik. Ein Organon geschichtlichen Denkens und Forschens", I, 1912: склонность къ индивидуализирующему методу въ исторіи (близость къ Дильтею и Дельбрюку, полемика съ Бернгеймомъ); подчеркиваніе значенія исторической конструкціи по сравненію съ аналитической работой надъ источниками (близость къ Гервинусу и Дройзену, расхожденіе съ Ланглуа и Сеньобосомъ); интересъ къ даннымъ географическимъ, этнографическимъ, статистическимъ и соціологическимъ; Riess самъ даетъ обзоръ типовъ индивидуальной и соціальной жизни. Главными недостатками книги авторъ замѣтки считаетъ несистематичность общаго построенія и отклоненія въ область историко-соціологическихъ конструкцій.

528. Н. Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Изданіе 2-е. Спб., 1914 г. Ц. 3 р. Стр. 574.

Настоящая книга находится въ связи съ „Основными вопросами философіи исторіи" того же автора и представляетъ собою въ сущности дополнительный третій томъ къ означенному произведенію. Авторъ разсматриваетъ сначала роль личности въ прагматической исторіи, понимаемой въ смыслѣ повѣствованія о дѣйствіяхъ и событіяхъ, затѣмъ роль личности въ культурной исторіи, понимаемой, какъ описаніе внѣшняго быта, образованности и гражданственности народовъ, и, наконецъ, взаимодѣйствіе прогматизма и культуры, какъ процессовъ переплетающихся и другъ друга дополняющихъ. Книга обильна критическими ссылками на историко-философскіе труды другихъ авторовъ. Критическія замѣчанія занимаютъ большую половину книги. Второе изданіе въ сравненіи съ первымъ содержитъ только незначительныя, чисто внѣшнія измѣненія.

529. М. Ковалевскій и де-Робертн. Новыя идеи въ соціологіи. Сборникъ № 4. Генеристеская соціологія. Стр. 136. Ц. 30 к.

Для историка въ сборникѣ интересъ представляютъ слѣдующія статьи: Н. Кондратьевъ „Генрихъ Куновъ о происхожденіи и развитіи религіи", П. Сорокинъ „Эмиль Дюркгеймъ о религіи" и А. Бруно „Къ вопросу о происхожденіи семьи".

530. А. Захаровъ (Гермесъ, 1914 г., № 2.)

даетъ отзывъ о книгѣ W. Deonna: „L'Archéologie". Sa valeur, ses methodes. Paris, 1912. Книга интересна попыткой расчистить поле археологіи отъ установившихся ложныхъ взглядовъ (I томъ); два остальные тома посвящены конструктивной части. Интересна идея автора о періодичности культуръ. Deonna считаетъ, что археологія можетъ предсказывать будущее. Уже трижды искусство, такъ сказать, начинало сначала; возможно, что въ будущемъ предстоитъ нѣчто подобное.

531. Н. Малаховъ. Сущность христіанства по воззрѣніямъ Ричля и его школы („Странникъ", 1913 г., № 10.)

Краткое и ясное изложеніе воззрѣній Ричля и его учениковъ. Ричліанство характеризуется, главнымъ образомъ, какъ направленіе, выдвигающее на первый планъ нравственно-практическую сторону христіанства въ ущербъ теоретико-догматической.

II. Вспомогательныя дисциплины.

532. В. П. Герье. Т. Н. Грановскій. (Актовая рѣчь въ Отчетѣ Московск. Унив. за 1913 г. и отдѣльно.) М., 1914 г. Стр. 74.

Авторъ имѣлъ счастье быть слушателемъ и ученикомъ великаго московскаго учителя, а фамильныя связи и вещественныя памятки (значительная часть архива Грановскаго въ его рукахъ) еще усилили эту непосредственную связанность. Чрезъ всю книгу, поэтому, тянется особая струя очевидства, выражаясь то въ мягкихъ очертаніяхъ и теплой формѣ (стр. 66—„послѣдняя" лекція; характеристика „культурнаго подвига" Т. Н.), то въ видѣ полемики и защиты (противъ Погодина; легенда о религіозномъ вліяніи жены и т. д.).

533. Е. Тарле. **И. В. Лучицкій (Къ пятидесятилѣтію научной дѣятельности.) („Голосъ Минувшаго", янв., 1914 г. Стр. 42—61.)**

Краткая замѣтка проф. Тарле знакомитъ читателя съ научными трудами и обаятельной личностью маститаго русскаго ученаго.

534. Н. Карѣевъ. **Пятьдесятъ лѣтъ научной работы И. В. Лучицкаго.— Е. Тарле. Лучицкій, какъ университетскій преподаватель. (Научн. Историч. Журн., 1914 г., № 4.)**

535. Henri Sée. **Чѣмъ экономическая и соціальная исторія Франціи въ XVIII в. обязана трудамъ Лучицкаго? (Научн. Истор. Журн., 1914 г., № 4, 8 стр.)**

Лучицкій создалъ исторію поземельной собственности во Франціи въ XVIII в.: примѣненіе статистическаго метода, установленіе ряда конкретныхъ положеній первостепенной важности.

536. Е. Петровъ. **Изслѣдованія И. В. Лучицкаго по соціальной исторіи Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ. (Научн. Истор. Журн., 1914 г., № 4, 8 стр.)**

Вкратцѣ излагается содержаніе книги „Исторія феодальной реакціи во Франціи въ XVI и XVII вв.", отмѣчается самостоятельность и цѣльность историческихъ построеній автора, а также близость послѣдняго къ историческимъ идеямъ Конта.

537. Б. Тураевъ. **Новые труды по исторіи Карѳагена. (Научн. Истор. Журн., 1914 г., № 4, 6 стр.)**

Критическая характеристика книгъ: *U. Kahrstedt* „Geschichte der Karthager von 218—146" (=III т. извѣстнаго труда Meltzer'a); *W. Thieling* „Der Hellenismus in Kleinafrika"; *S. Gsell* „Histoire ancienne de l'Afrique du Nord". T. I; *Baudissin* „Adonis und Esmun".

538. Проф. С. Зарипъ. **Современныя открытія въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завѣту. („Христ. Чтен.", 1914 г., апр., стр. 430—467.)**

Авторъ старается, главнымъ образомъ, доказать, что отъ этихъ открытій нельзя ожидать чего-либо такого, „что въ состояніи поколебать не только основныя истины спасенія, но и сколько-нибудь измѣнить методы православнаго истолкованія Священнаго Писанія, покоящіеся на святоотеческомъ авторитетѣ"; однако эти открытія всегда цѣнны постольку, поскольку помогаютъ уяснить среду, въ которой было дано откровеніе и форму въ какую оно было облечено.

539. П. Лавровъ. **Обзоръ трудовъ по сербской исторіи. (Научн. Истор. Журн., 1914 г., № 4, 16 стр.)**

Разобранъ рядъ сочиненій, причемъ бо́льшая часть статьи посвящена работамъ проф. Станкевича и проф. Иречка. Продолженіе обзора обѣщано въ ближайшемъ будущемъ.

540. Е. Кагаровъ. **Очеркъ современнаго состоянія миѳологической науки. (Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. V. Харьковъ, 1914 г. Ц. 2 р. 50 к. Стр. 293—372.)**

Авторъ даетъ исторію научныхъ школъ и теорій въ области миѳологіи въ теченіе XIX и начала XX в., посвящая отдѣльныя главы теоріи заимствованія европейскихъ миѳовъ съ Востока, солярной и метеорологической теоріи, демонологической, историко-филологической и антропологической школамъ.

541. Проф. Б. Тураевъ. **Провинціальныя собранія египетскихъ древностей. („Экскурс. Вѣстникъ", 1914 г., № 4, 9 стр.)**

Описаны собранія въ Кіевѣ, Казани, Юрьевѣ, Вильнѣ, Одессѣ, Тифлисѣ.

III. Культура и бытъ.

542. П. Губеръ. **Книги о первобытной религіи. („Русская Мысль", 1914 г., янв., 4 стр.)**

Замѣтка о книгѣ Дюркгейма „Les formes élémentaires de la vie religieuse". Вкратцѣ излагается теорія Дюркгейма, считающаго тотемъ первоначальной формой религіозныхъ вѣрованій.

543. А. Погодинъ. **Формы первобытной общественности въ связи съ миѳотворчествомъ. (Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. V. Харьковъ, 1914 г. Стр. 479—493.)**

Авторъ доказываетъ, что магическіе [illegible] первобытныхъ народовъ,

первоисточникомъ которыхъ является миѳотворчество, сыграли видную роль при возникновеніи верховной власти—первыми племенными вождями были колдуны и знахари. И на болѣе высокихъ ступеняхъ первобытной культуры въ основѣ власти вождя лежатъ миѳическія воззрѣнія и организаціи. Не менѣе тѣсно связаны съ миѳотворчествомъ и магическими представленіями и такія явленія первобытной общественности, какъ институтъ тотемизма, тайныя общества и посвященія.

544. К. Тіандеръ. **О началахъ мистическаго міровоззрѣнія. (Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. V. Харьковъ, 1914 г. Ц. 2 р. 50 к. Стр. 416—478.)**

Исходя изъ изученія профессоромъ Сорбонны Леви-Брюлемъ умственныхъ способностей первобытнаго человѣка, авторъ доказываетъ, что міровоззрѣніе первобытнаго человѣка было мистическимъ (а не раціонально-эмпирическимъ, какъ это думали Тейлоръ и его школа), причинность у него замѣнена—сопричастностью, опытъ — предвзятой логичностью; затѣмъ прослѣжена роль мистическаго міровоззрѣнія, какъ творческаго начала, въ культурѣ, его вліяніе на различныя области жизни первобытныхъ людей, начиная съ ихъ представленія о жизни и смерти и кончая ихъ общественными порядками, техникой научной и народнымъ хозяйствомъ, художественнымъ творчествомъ и моралью.

545. Е. Кагаровъ. **Типическое развитіе религіозно-миѳологическаго творчества. (Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. V. Харьковъ, 1914 г. Стр. 372—416.)**

Въ статьѣ разсматриваются различныя формы языческаго мышленія и культа, выросшія на почвѣ анимистическаго міросозерцанія первобытнаго человѣка, какъ-то фетишизмъ, культъ растеній, поклоненіе животнымъ, почитаніе небесныхъ свѣтилъ, магія, культъ предковъ (манизмъ), а также матеріальная и формальная сторона миѳа и миѳотворческіе процессы.

546. В. Клингеръ. **Народныя легенды о происхожденіи женщинъ и поэма Симонида Аморгскаго. (Журн. Мин. Нар. Пр., 1914 г., мартъ, стр. 103—125.)**

Разбирая славянскія, литовскія, германскія и мусульманскія легенды о происхожденіи женщины, авторъ находитъ возможнымъ (?!) всѣ ихъ свести къ одному общему корню; этотъ корень онъ находитъ въ стихотвореніяхъ Симонида Аморгскаго, повѣствующихъ о происхожденіи женщинъ изъ разнаго рода животныхъ. Авторъ склоненъ думать, что взгляды Симонида преломились въ народной психикѣ и вошли въ потокъ устной, народной традиціи, которая донесла ихъ до нашихъ дней.

IV. Исторія всеобщая, отдѣльныхъ странъ и явленій.

547. Н. Борецкій-Бергфельдъ. **Колоніальная исторія западно-европейскихъ континентальныхъ странъ. (Изъ серіи: „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ".) Спб., 1914 г., Стр. 232. Ц. 1 р. 50 к.**

Книга восполняетъ ощутительный пробѣлъ, такъ какъ до сихъ поръ, какъ ни странно, въ русской литературѣ не было очерка развитія европейскаго имперіализма. Тѣмъ не менѣе возникаетъ рядъ серьезныхъ пожеланій: книга должна быть строже и опредѣленнѣе написана („новѣйшія изслѣдованія" не всегда... лучшія; терминологія хромаетъ: „*легасы*" текста, т.-е., повидимому, исп. leguas— не обязательная для всѣхъ читателей отгадка); разсмотрѣніе должно быть распространено въ полной мѣрѣ и *на XIX в.* (теперь лишь 30 стр. для всѣхъ странъ!) полное *отсутствіе Англіи* по чисто формальнымъ причинамъ (существованіе въ той же серіи особой книги П. Мижуева) наврядъ ли допустимо; необходимо приложеніе хорошей карты; требуется новый просмотръ рекомендованной литературы, причемъ имѣющіеся *русск. переводы* (Leroy-Beaulieu: „Colonisation", Beer: „Welthandel") слѣдовало бы отмѣчать.

Рецензія: *Русск. Бог.* 1914 г., май.

548. А. Деренталь и ***. **Испанія. Исторія. (Энцикл. Словарь Граната. Т. XXII.)**

На 45 столбцахъ Словаря данъ очеркъ исторіи Испаніи отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Большинство статей, на которыя раздѣленъ очеркъ, написано А. Деренталемъ; отдѣлъ „экономическія и соціальныя отношенія XVI—XVII в. помѣченъ ***. Къ очерку приложена хронологическая таблица и библіографія по исторіи Испаніи.

549. А. К. Дживелеговъ, И. И. Шитцъ, Г. И. Шрейдеръ. **Испанія. (Энцикл. Словарь Гранатъ. т. XXII.)**

На 125 столбцахъ Словаря дана исторія Италіи до объединенія (Дживелеговъ), исторія объединенной Италіи, съ 1871 года (Шитцъ), [illegible] короля, Виктора-Эммануила III (Шрейдеръ). Послѣднимъ авторомъ [illegible] очеркъ социально-политическаго строя соврем. [illegible] Италіи и [illegible] экономическій ея обзоръ (въ особомъ приложеніи). Очеркъ сопровождается обиль библіографіей, между прочимъ, и по исторіи Италіи.

550. М. Ковалевскій. **Шалландъ. Иммунитетъ народныхъ представителей. Т. I. Часть историческая. Юрьевъ. 1911 г. Стр. 16.**

Подробная критика книги Шалланда (см. № 515). Отмѣчая, что разсматриваемая книга не всегда представляетъ собою работу по первоисточникамъ, авторъ замѣтки все же считаетъ ее цѣнной, благодаря широтѣ захваченнаго матеріала и ряду интересныхъ общихъ выводовъ.

551. К. Вёрманъ. **Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Т. III. Перев. подъ ред. проф. Д. В. Айналова. Съ 328 иллюстр. 12 хромолитографіями и 46 автотипіями. Спб. XXII+922.**

Въ данномъ томѣ содержится исторія искусства европейскихъ и, отчасти, внѣевропейскихъ странъ съ XVI по XIX вѣкъ включительно. Матеріалъ прекрасно изученъ, безпристрастно и безпартійно освѣщенъ съ общихъ точекъ зрѣнія. Эволюція художественныхъ формъ приведена въ связь съ вліяніемъ историческихъ заимствованій, внѣшнихъ вліяній, національныхъ и индивидуальныхъ различій. По мысли автора, исторія развитія общеевропейскаго искусства является переживаніемъ основныхъ теченій съ мѣстными лишь отклоненіями. Нѣсколько придаетъ однообразный и сухой способъ изложенія, особенно сказывающійся при объективномъ, по суммарномъ и категоритивномъ анализѣ искусства XIX в. Переводъ хорошъ, иллюстраціи выполнены большею частью удачно.

552. П. Монро. **Исторія педагогики. 1. II. Перев. съ англ. М. Райхъ. Подъ ред. Н. Д. Виноградова. Изд. 2-е. М., 1913. 1914 гг. Стр. 329+312. Ц. 1 р. 30 к.+1 р. 50 к.**

При общихъ спраткахъ книга можетъ оказать существенныя услуги историку, хотя отдѣльныя положенія (характеристика „рыцарскаго воспитанія" или „воспитаніе въ эпоху... Гомера!") и должны вызвать справедливыя отговоры. Полное отсутствіе библіографическихъ указаній является несомнѣннымъ минусомъ, и очень сильно ощущается по отдѣламъ, относительно которыхъ (схоластика университеты, педагогическая проблема при Реформаціи) за послѣднее время вышло много крупныхъ новинокъ.

553. Франческо Руффини. **Религіозная свобода. Вып. I. Исторія идеи. (Перев. съ итальянск. А. Ильинскаго. Съ предисл. и примѣч. В. И. Сперанскаго. Спб., 1914 г. Стр. 145+VIII.**

Въ первомъ выпускѣ своего обширнаго, строго-научнаго и объективнаго труда, посвященнаго исторіи борьбы за религіозную свободу, авторъ, проф. туринскаго университета, кромѣ введенія, выясняющаго основныя понятія вопроса, даетъ исторію религіозной оппозиціи, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства и кончая XVIII в.

554. Д-ръ И. Блохъ. **Исторія проституціи. Т. I. Перев. Лурье-Гибердина. Спб., 1913 г. Стр. 684. Ц. 5 р.**

Извѣстный сексуалогъ И. Блохъ задается цѣлью въ большомъ 12-томномъ трудѣ заново переработать и анализировать на основѣ строго научнаго антропологически-этнологическаго метода вопросы сексуальности. Первый томъ посвященъ происхожденію современной проституціи, организаціи ея въ классической древности и проституціи среднихъ вѣковъ въ христіанско-магометанскомъ мірѣ. Авторъ стремится на основаніи многочисленныхъ источниковъ и богатаго этнографическаго матеріала доказать, что проституція какъ соціальное явленіе есть пережитокъ, какъ биологическое—форма дионисіевскаго самоотреченія человѣка; экономическія отношенія проституціи носятъ вторичный характеръ; почти всѣ современная организація проституціи происходитъ изъ классической древности; господствующая нынѣ половая этика—этика античныхъ рабскихъ государствъ. Переводъ удовлетворителенъ, опечатки есть въ начертаніи собственныхъ именъ. Къ переводу приложенъ алфавитный указатель.

V. Древній Востокъ.

555. Г. Винклеръ. **Вавилонъ. Спб., 1914 г. Стр. 170. Ц. 1 р.**

Переработка публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ: очеркъ политической жизни древняго Вавилона, его религіи, міровоззрѣнія, науки, миѳовъ и обрядовъ. Книга написана популярно.

556. И. Водковъ. **Законы вавилонскаго царя Хаммураби. (Культурно-историч. памятники Древняго Востока. Подъ ред. Б. А. Тураева. Вып. I.) М., 1914 г. Стр. 81. Ц. 70 к.**

Появленіе *русской* серіи переводныхъ документовъ и оригинальныхъ спеціальныхъ очерковъ (обѣщается очеркъ по исторіи *открытія* Древняго Востока) по Древнему Востоку—дѣлое событіе, показывающее, что наша молодая школа востоковѣдовъ сумѣла уже подготовить широкаго культурнаго читателя. Открывается серія самой грандіозной находкой — древнѣйшимъ законодательнымъ памятникомъ міра; данъ наиболѣе свѣжій переводъ (ассиріологическіе переводы старѣются вѣдь не по днямъ, а по часамъ), техническій и культурно-историческій (два очерка: эпоха Хаммураби; главныя черты древне-вавилонскаго быта) комментарій.

557. Ф. Баллодъ. **Египетское искусство времени Аменофиса IV. М., 1914 г. (Зап. Моск. Археол. Инст. и отдѣльно). Стр. 32. Ц. 60 к.**

Прекрасно изданный (39 рисунковъ) этюдъ задается цѣлью опровергнуть все болѣе укрѣпляющійся тезисъ о крито-эгейскомъ вліяніи на искусство Египта. Даже наиболѣе особливая эпоха (Шпигельбергъ прямо говорилъ о „Sonderkunst"), время царя-еретика Аменофиса IV, съ его подчеркнутымъ интересомъ къ художественному веризму, не есть продуктъ какого-либо чужеземнаго вліянія, а повтореніе и усиленіе старыхъ чисто-египетскихъ мотивовъ. Этюдъ очень интересенъ, но слишкомъ рѣшителенъ въ выводахъ.

558. Б. Тураевъ. **Фигурка Имхотепа, найденная въ Кубанской области. Съ 3 рисунками. (Извѣстія импер. археолог. комиссіи. Вып. 49. Стр. 128—132.)**

Нѣсколько словъ о найденной, впервые за предѣлами Египта, фигуркѣ Имхотепа, подобно нѣкоторымъ другимъ мудрецамъ древности, превращеннаго въ божество, древняго египетскаго бога, врачеванія, позднѣе покровителя ученыхъ и культуры. Въ находкѣ этой фигурки на югѣ Россіи авторъ видитъ новое доказательство широкаго вліянія Египта, особенно въ эллинистическую эпоху на сосѣднія страны.

559. А. Лопухинъ. **Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Ветхій Завѣтъ. Т. I. Изд. 2-е. (Приложеніе къ журналу „Странникъ" за 1913 г. Стр. 337.)**

Библейская исторія проф. Лопухина составлена по трудамъ западно-европейскихъ спеціалистовъ по библейскому вопросу, главнымъ образомъ, по сочиненіямъ Vigouroux: „La Bible et les découvertes modernes", C. Geikie: „Hours with the Bible" и серіи „Men of the Bible", изъ которыхъ авторъ пользовался цѣлыми главами и даже отдѣлами, подвергая ихъ только внѣшней переработкѣ. Въ первомъ томѣ даны: очеркъ о происхожденіи и развитіи библейскаго раціонализма (составленъ цѣликомъ по Vigouroux), очеркъ новѣйшихъ археологическихъ открытій въ Египтѣ, Ассиріи и Палестинѣ и библейская исторія, начиная сотвореніемъ міра и кончая Авраамомъ и его временемъ. Характеръ книги апологетическій—новѣйшія открытія на Востокѣ способствовали не униженію, а торжеству Библіи.

VI. Греческій міръ.

560. В. П. Бузескулъ. **Античность и современность. Современныя темы въ античной Греціи. Изд. 2-е. Спб., 1914 г. Стр. 210. Ц. 1 р. 25 к.**

Цѣнныя особенности книги (см. №№ 160, 295) остались прежними. Въ новое изданіе вошелъ рядъ добавленій, особенно по *эллинистической* эпохѣ (положеніе земледѣльческаго класса, европейскій вопросъ въ древности, благоустройство античныхъ городовъ, муниципальная таксація виктуалій), рѣшающее значеніе которой для общей культуры Средиземнаго моря растетъ съ каждымъ новымъ открытіемъ.

561. Г. Ливеръ. **Греческій міръ. (Культурно-историческій альбомъ. Вып. II.) Перев. подъ ред. Д. Егорова. Стр. 102 снимковъ + стр. 86 текста. М., 1914 г. Ц. 1 р.**

Иллюстрированный матеріалъ, кстати, богатъ, богатъ, чѣмъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ, стоитъ на первомъ планѣ; комментарій лишь направляетъ вниманіе, но не порабощаетъ самодѣятельности изучающаго. Въ подборѣ снимковъ, охватывающихъ всѣ сферы (религія, зрѣлища, общественная и частная жизнь, военное дѣло, наука и техника, торговля и промышленность и т. д.) опять, начиная съ крито-эгейской древности и до позднаго эллинистическаго періода, авторъ неизмѣнно руководится идеей — дать наиболѣе характерные и наименѣе затасканные образцы.

562. Е. Кагаровъ. **Изъ новѣйшей литературы о критско-микенской (эгейской) цивилизаціи. (Гермесъ, 1914 г., № 2 и 3.)**

Статья представляетъ собой обзоръ ряда статей: R. von Lichtenberg'a: „Über gegenseitige Einflüsse von Orient u. Occident im Becken des Mittelmeers" (въ уже погибшемъ журналѣ *Orientalisches Archiv*, II, 4 Juli 1912); M. Ohnefalsch-Richter'a: „Der Orient u. die frühgriechische Kunst,—вопросъ объ отношеніи древнѣйшаго греческаго искусства къ Востоку; по взгляду на вопросъ этотъ ученый примыкаетъ къ книгѣ Poulsen'a; у него сильно выдвинута роль Кипра въ древнѣйшую эпоху средиземно-морской цивилизаціи. Далѣе отмѣчены статьи: Fr. Reber'a: „Über einige Probleme altkretischer Architektur"; наконецъ, работы по физической антропологіи, затрагивающія вопросъ о томъ, какой расы были носители эгейской цивилизаціи. Самъ рецензентъ на основаніи новыхъ данныхъ, склоняется къ „сѣверной" теоріи происхожденія микенскаго или эгейскаго искусства.

563. Ш. Диль. **По Греціи. Археологическія прогулки. Переводъ Безобразовой. М., 1913 г.**

Въ живой и увлекательной формѣ авторъ знакомитъ съ археологическими раскопками въ Микенахъ, Тиринѣ, Додонѣ, на о-вѣ Делосѣ, въ Олимпіи, Олевсинѣ, Эпидаврѣ, Танагрѣ и на Аѳинскомъ Акрополѣ. Онъ ставитъ себѣ задачей изложить популярно научныя изысканія въ области археологіи въ связи съ культурно-бытовой исторіей Греціи.

564. Н. Новосадскій. **Рецензія на книгу Е. Кагарова. Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи. (Жур. Мин. Нар. Пр., 1914 г., февр., стр. 387—396.)**

Авторъ рецензіи признаетъ, что г. Кагаровъ (см. №№ 23, 81, 150, 212) избралъ удачную тему для изслѣдованія и собралъ по ней громадный матеріалъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но упрекаетъ его въ томъ, что онъ не составилъ себѣ ясного представленія о самомъ понятіи фетишизма и о различіи между фетишамъ, амулетами и талисманами, не ясно выяснилъ происхожденіе культа растеній и животныхъ, неосторожно обращается съ текстами. Вообще, громадный матеріалъ, собранный г. Кагаровымъ, недостаточно систематизированъ и разработанъ.

565. К. Успенскій. **Реформа или тиранія Клисѳена? (Изъ набросковъ по исторіи тиранніи въ Аѳинахъ.) (Гермесъ, 1914 г., № 5, 6, 7 и 8.**

Статья подвергаетъ сомнѣнію достовѣрность извѣстія Геродота и повторяющаго его Аристотеля относительно такъ называемой реформы Клисѳена, считая слишкомъ раціоналистичнымъ, надуманнымъ и тенденціознымъ разсказъ о Клисѳенѣ. Авторъ представляется, что Пизистратиды и Алкмеониды — тѣ тиранническихъ династіи, боровшіяся за власть при наслѣдникахъ Солона въ этой борьбѣ. „Реформы" Клисѳена столь же призрачны, какъ „реформы" Солона и „конституція" Дракона. Клисѳенъ — тиранъ, личность не крупная, какъ и Солонъ, поставленный традиціей въ началѣ борьбы демоса за власть, Клисѳенъ — тиранъ-неудачникъ. Изображеніе его, какъ освободителя Аѳинъ, грубая поддѣлка Геродота.

566. С. Лурье. **Беотійскій союзъ. (Жур. Мин. Нар. Пр., 1914 г., янв., стр. 1—57; февр., стр. 58—73; апр., стр. 137—171.)**

Обстоятельное, основанное на изученіи хронологическаго, географическаго и литературнаго матеріала, изслѣдованіе. Въ началѣ статьи авторъ пытается установить точныя цифры беотійскаго населенія, опредѣлить его понятія и проверить установившееся мнѣніе о характерѣ беотійцевъ. Далѣе авторъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на борьбѣ политическихъ партій въ V—IV вв., въ соціальномъ составѣ беотійскаго населенія онъ подчеркиваетъ малое количество

полноправныхъ гражданъ. Въ политическомъ отношеніи авторъ характеризуетъ беотійскій союзъ, но съ довольно широкими правами отдѣльныхъ государствъ; въ эпоху же такъ называемаго расцвѣта (279—388 гг.) беотійскій союзъ превращается въ единое централизованное государство, и это несмотря на то, что беотійскій законъ не предоставлялъ Ѳивамъ почти никакихъ преимуществъ. Ѳивы и не покушались измѣнять строй беотійскаго союза, потому что, присоединяя къ себѣ все новыя и новыя области, они уже къ началу IV в. сосредоточили въ своихъ рукахъ $^1/_2$ беотійской территоріи и $^1/_3$ беотійскаго населенія. Только въ эллинистическую эпоху Ѳивы утратили преобладающее вліяніе, и подчиненные имъ города достигли значенія почти самостоятельныхъ государствъ.

567. П. Новгородцевъ. **Политическіе идеалы древняго и новаго міра. Вып. II. Платонъ. М., 1913 г. Стр. 96. Ц. 50 к.**

Для историка, помимо общезвѣстныхъ достоинствъ изложенія автора, книга должна представить особый интересъ: ростъ и *эволюція* правовыхъ и общественно-государственныхъ воззрѣній Платона поставлены въ тѣснѣйшую связь съ тѣми крупными *перестановками въ датировкѣ* отдѣльныхъ его произведеній, какія предложены Кемпбеллемъ и, особенно, Риттеромъ.

568. М. И. Ростовцевъ. **Представленіе о монархической власти въ Синеіи и на Боспорѣ. Съ 7 табл. и 3 рис. (Извѣст. Импер. Археол. Комиссіи. Вып. 94. Стр. 1—62.)**

Изъ сопоставленія археологическихъ памятниковъ авторъ черпаетъ доказательство того, что иранская традиція монархической власти, завѣщанная старой Персіей, идея власти царя божьей милостью перешла къ скиескимъ царствамъ III—II в. до Р. Х. на югѣ Россіи, организованныхъ на иранскихъ устояхъ и религіозной базѣ и была настолько сильна, что ее не могли побѣдить ни эллинистическая монархія, ни римская республика и имперія. Постепенно эта традиція распространялась и на сосѣднее Боспорское царство, утвердившись тамъ окончательно во II вѣкѣ по Р. Х. (на смѣну эллинистически-еракійской традиціи, что до сихъ поръ никѣмъ не отмѣчено), когда, послѣ періода тѣсной вассальной зависимости отъ Рима, оправившееся государство, пріобрѣтя сравнительную независимость, вновь и усиленно иранизируется. Много мѣста авторъ удѣляетъ религіи скиескихъ царствъ, доказывая, что религія Ирана—Маздеизмъ, перешла къ нимъ не въ древнѣйшемъ видѣ, а съ сильными примѣсями семитическихъ элементовъ и ассиро-вавилонской теологіи, въ тѣхъ внѣшнихъ образахъ, которые сообщило иранскимъ богамъ іонійское, восточно-греческое искусство Малой Азіи.

569. Э. Диль. **Ольвія. (Гермесъ, 1914 г., № 1 и 2.)**

Въ статьѣ данъ обзоръ археологическихъ раскопокъ, производимыхъ въ Ольвіи съ 1900 г. проф. Б. В. Фармаковскимъ. Результаты важны для внѣшней и политической исторіи Ольвіи; бытъ и духовная жизнь выясняются сравнительно мало. Зато прилегающій некрополь даетъ матеріалы для исторіи вѣрованій, быта, культуры. Находимыя надписи безпрерывно издаются акад. В. В. Латышевымъ. Авторъ статьи считаетъ, что звѣриный стиль ранней архаики отсюда распространялся на сѣверъ, доходя до Сибири и служа основой того звѣринаго стиля, который и сейчасъ еще наблюдается въ разныхъ мѣстахъ Россіи,—вопреки мнѣнію Минзза (см. № 464), считающаго, что звѣриный стиль Скиеіи вышелъ изъ Сибири.

570. С. Половцова. **Курганъ Солоха близъ села Большой Знамении, Мелитопольск. уѣзда, Таврич. губ. (Гермесъ, 1914 г., № 6, 7 и 8.)**

Статья даетъ подробное археологическое описаніе могилы скиескаго царя, разрытой подъ руководствомъ проф. Н. И. Веселовскаго въ 1912 и 1913 годахъ и давшей богатый матеріалъ (нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ). Особенно выдѣляется рядъ вазъ съ художественными чеканными изображеніями, золотая фіала и золотой гребень съ изображеніемъ борьбы всадника и двухъ пѣшихъ воиновъ.

571. А. Орѣшниковъ. **Экскурсы въ область древней нумизматики Черноморскаго побережья. Съ 2 табл., картою и рис. въ текстѣ. М., 1914.**

Работа русскаго автора ставитъ себѣ задачу обрисовать съ нумизматической стороны греческіе города, находившіеся въ предѣлахъ теперешней Россіи, а также использовать и другія нумизматическія данныя о Черноморскомъ побережьѣ, мало извѣстныя западнымъ ученымъ.

572. Софоклъ. Драмы. Пер. Ѳ. Зѣлинскаго. М., 1913 г.

Первый томъ Софокла заключаетъ въ себѣ три трагедіи троянскаго цикла: 1) Аянтъ-биченосецъ. 2) Филоктетъ и 3) Электра. Трагедіямъ предпослано изящно и тонко написанное общее введеніе „Софоклъ и героическая драма", а кромѣ того, каждой трагедіи въ отдѣльности посвящена статья, гдѣ она есть ея разбирается съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, какъ-то: выясняется идея нравственная, положенная въ ея основаніе, историческое развитіе разработанного въ ней преданія, дается драматическій анализъ и, наконецъ, оцѣнка драмы съ точки зрѣнія ея фабулы, характеровъ и т. п. Для частностей даются объяснительныя примѣчанія въ концѣ книги. Изданіе разсчитано на три тома. Это—первый полный переводъ въ русской литературѣ. Книга издана изящно и снабжена античными иллюстраціями.

573. Ѳ. Зѣлинскій. Новонайденная сатирическая драма Софокла. („Вѣстникъ Европы", 1914 г., янв., февр., стр. 43.)

Въ своей статьѣ, приложенной къ *переводу* недавно найденнаго отрывка сатирической драмы Софокла „Слѣдопыты", проф. Зѣлинскій выясняетъ всю важность этого открытія, дающаго возможность возстановить эволюцію „сатирической драмы" (въ древне-греческомъ смыслѣ этого слова), вообще и судить о сатирической драмѣ Софокла въ частности.

VII. Римскій міръ.

574. Б. Казанскій. Замѣтки къ біографіи Александра Севера. (Журн. Мин. Нар. Пр., 1914 г., мартъ, стр. 126—132.)

Попытка на основѣ критическаго изученія текстовъ освѣтить нѣкоторые спорные вопросы изъ жизни Александра Севера: когда онъ сдѣлался соправителемъ Элагабала, подъ какими вліяніями возникъ миѳъ о воплощеніи души Александра Македонскаго въ тѣлѣ Александра Севера, когда его матери были даны привилегіи сенаторскаго сословія и т. п.

575. М. Хвостовъ. Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ. (Уч. Зап. Каз. Унив. 1914 г., мартъ, стр. 177—208.)

Переходя (см. № 376) къ римскому времени, авторъ констатируетъ слабое распространеніе рабскаго труда, которое онъ ставитъ въ связь съ его малой продуктивностью и дешевизной труда свободныхъ людей. Далѣе онъ указываетъ, что преобладающимъ типомъ промышленной организаціи являлась тогда мелкая промышленность. Интересно указаніе автора на существованіе въ римскомъ Египтѣ странствующихъ ремесленниковъ, похожихъ на средневѣковыхъ подмастерьевъ въ З. Европѣ, и на распространенный характеръ института ученичества. При характеристикѣ обложенія ткацкой промышленности въ римское время, авторъ съ нѣкоторыми оговорками склоняется къ мнѣнію Wilcken'а, что тогдашнее обложеніе было примитивнымъ налогомъ патентнаго характера.

576. П. Миротворцевъ. Цѣны на рабовъ въ греко-римскомъ Египтѣ. (Журн. Мин. Нар. Пр., 1914 г., апрѣль, 172—185.)

Авторъ дѣлаетъ попытку опредѣлить цѣны на рабовъ въ греко-римскомъ Египтѣ на основѣ папирологическаго и эпиграфическаго матеріала. Среднюю цѣну на раба въ Египтѣ онъ считаетъ возможнымъ признать въ 3 мины, и по его мнѣнію эта цѣна удержалась отъ 2-го в. до Р. Х. до начала VI в. послѣ Р. Х. Это свое заключеніе авторъ сопоставляетъ съ распространеннымъ мнѣніемъ, что разложеніе крупнаго хозяйства въ началѣ имперіи обусловливалось, главнымъ образомъ, ростомъ цѣнъ на рабовъ.

577. А. Садовъ. Въ № 6 „Гермеса", 1914 г.

даетъ небольшую рецензію на книгу Joseph Stigmayr: Kirchenvater und Klassizismus, 1913 (Stimmen aus Maria-Lach). Авторъ книги (іезуитъ) развиваетъ и обосновываетъ интересную точку зрѣнія, что въ первые вѣка христіанства въ общемъ преобладало (вопреки распространенному мнѣнію) мнѣніе о допустимости, даже необходимости классической школы и чтенія классическихъ писателей, хотя и съ нѣкоторыми оговорками.

578. Либаній. Рѣчи. (Переводъ С. Шестакова.) (Уч. Зап. Каз. Унив. 1913 г., кн. 12, стр. 289—336; 1914 г., кн. I, стр. 336—464.)

579. А. Сагарда. **Очерки по исторіи христіанства въ Сиріи. (Христ. Чтен., 1914 г., мартъ, стр. 383—403.)**

Статья представляетъ *сокращенный* переводъ лекцій о древне-восточномъ христіанствѣ („Early Eastern Christianiti"), прочитанныхъ въ 1904 г. въ Лондонѣ извѣстнымъ изслѣдователемъ сирійской церкви, проф. кембриджскаго унив. Ф. К. Бёркиттомъ. Авторъ излагаетъ церковную и, попутно, политическую исторію Сиріи, начиная съ первыхъ временъ христіанства до Халкидонскаго собора на основаніи, главнымъ образомъ, сирійскихъ источниковъ, подвергнутыхъ тщательной критической обработкѣ. Пока давъ переводъ *первой* лишь лекціи.

580. O. v. Lemm. **Koptische Miscellen. (CXXXIII — CXXXIV.) Изв. Импер. Академіи Наукъ, 1914 г., апрѣль, стр. 15.**

Авторъ даетъ переводъ съ филологическими комментаріями отрывка изъ „мемуаровъ Діоскора" и отрывка изъ парижской коптской рукописи XII вѣка агіографическаго содержанія (апокрифъ о страданіяхъ Христа), представляющаго большой интересъ для сопоставленія съ другими апокрифами. Продолженіе № 379.

VIII. Византія.

581. Ш. Диль. **Византійскіе портреты. М., 1914 г. Стр. XX+375. Ц. 1 р. 25 к.**

Извѣстный французскій византинистъ Шарль Диль въ рядѣ очерковъ развертываетъ передъ читателемъ яркія картины изъ жизни византійскихъ императрицъ, доказывая, что онѣ вовсе не были робкими затворницами гинекея. Наоборотъ—онѣ не только царствовали, но иногда и полновластно распоряжались короной, причемъ ихъ сила основывалась не на одномъ личномъ вліяніи, но и на томъ также, что византійская царица была не только подруга и соправительница василевсовъ,—восходя „на престолъ Константина, она пріобрѣтала въ своемъ лицѣ всю полноту верховной власти". Авторъ пытается также обрисовать и положеніе женщины средняго класса и византійскую семью VIII и XI вѣка, но тутъ полнотѣ его изображенія сильно вредитъ недостатокъ матеріала.

Изданіе „Универс. библ." (Ш. Диль: Визант. портреты, т. I, вып. I., М., 1913; стр. 179. Ц. 20 к.) содержитъ первые *семь* очерковъ.

582. Прот. Н. Гроссу. **Къ исторіи византійскихъ богомиловъ XII вѣка. (Труды Имп. Кіевск. Дух. Акад., 1913 г., декабрь, стр. 589—612.)**

На основаніи соборныхъ постановленій, сохранившихся въ сочиненіи Льва Алляція „De ecclesiae occid. atque oriental. perpetua consensione", авторъ доказываетъ, что чистаго богомильства въ Византіи XII в. *не существовало*, и тѣ ученія, которыя обычно признавали богомильскими, въ гораздо большей степени проникнуты мессаліанскими (евтихіанскими) элементами.

583. Свящ. Т. Лященко. **Коптскіе акты третьяго вселенскаго собора. (Труды Имп. Кіевск. Дух. Акад.), 1914 г.**

Въ мартовской книгѣ (393—419 стр.) помѣщено введеніе къ переводу коптскихъ актовъ, сдѣланному Т. Лященко съ нѣмецкаго перев. Kraatz'a (1904 г.), съ исправленіями Б. А. Тураева по тексту Bouriant. Въ введеніи авторъ пытается выяснить личность Виктора, архимандрита тавеннисіотовъ, дѣятельность котораго подробно изображается въ актахъ, и даетъ краткую схему описываемыхъ событій. Въ переводѣ (снабженномъ комментаріями) опущена та часть коптскихъ актовъ, которая буквально воспроизводитъ греческій текстъ и уже переведена на русскій языкъ при казанской духовной академіи.

IX. Средневѣковье.

584. Общая исторія Европейской культуры. Т. VII. Исторія Франціи въ раннее средневѣковье. Перев., съ сокращеніями О. Добіашъ-Рождественской. Подъ ред. И. Гревса. Спб., 1913 г. Стр. 536.

Въ прекрасномъ переводѣ даны части извѣстной капитальной Hist. de France Лависса, именно работы проф. Блока (Археологическая и Римская Галлія), Байе (Утвержденіе варваровъ), Пфистера (Меров.), *Кленклоза* (*Каролинги*), Пфистера (Феодализація). Принципъ *сокращенія*—опасный и обоюдоострый пріемъ, тѣмъ болѣе что сжатіе произведено далеко не равномѣрно. Библіографія, зато, слишкомъ „переводна" и менѣе сокращена чѣмъ слѣдуетъ: русскіе труды не всегда ука-

заны, а завѣдомо негодныя западныя работы (Kettterer „Karl d. Gr. und. d. Kirche"— *планать*!) оставлены. Тѣмъ не менѣе появленіе *наиболѣе свѣжей* книги по даннымъ вопросамъ нельзя не привѣтствовать, и всецѣло приходится признать освѣдомленность и вѣрный вкусъ ученой переводчицы.

585. Н. Грацiанскiй. Крѣпостное крестьянство на помѣстьяхъ аббатства св. Германа въ нач. IX в., по даннымъ Полиптика аббат. Ирминона. (Сборникъ въ честь В. П. Бузескула. Харьковъ, 1914 г. Стр. 30.)

Выяснивъ величину и значеніе различныхъ единицъ зависимаго земельнаго держанія—mansi (почему необычное „манзъ"? также „модіусъ" вмѣсто обычнаго „модій", хотя сохранены „денарій", а не... „денаріусъ"), hospitia, partes и т. д., авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію *соціальнаго* состава населенія (процессъ сліянія различныхъ элементовъ зависимаго крестьянства почти законченъ), къ детальному описанію и опредѣленію *повинностей*, и, наконецъ, къ краткой характеристикѣ управленія помѣстьемъ. Обслѣдованіе детальное и строго-реальное: чрезъ всю статью тянется удачная полемика съ М. М. Ковалевскимъ (Экон. рост Европы).

586. А. Уральцевъ. Очерки аграрной исторіи средневѣковой Фландріи. Очеркъ первый. Землевладѣніе Бортенскаго монастыря въ IX вѣкѣ. (Научн. Истор. Журн., 1914 г., № 4. Стр. 3.)

Предварительное сообщеніе автора о работѣ, появленіе которой предполагается въ ближайшемъ будущемъ.

587. Д. Петрушевскiй. Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. Изд. 2 е. М., 1914 г. Стр. 600. Ц. 2 р. 75 к.

Переработка обѣихъ диссертацій (I—1897 г., II—1901 г.) для болѣе широкаго круга читателей. Произведены перестановки и значительныя сокращенія (анализъ лѣтописной традиціи вынесенъ въ отдѣльное приложеніе; особое вниманіе заслуживаетъ обсужденіе опубликованной Trevelyan'омъ Анонимной Хроники, появившейся уже *послѣ* русской работы, но предвосхищенной ею), внесены, отчасти въ связи съ новыми научными пріобрѣтеніями, крупныя добавленія (вся гл. III; заключеніе; карта). Разгрузка ученаго аппарата произведена чрезвычайно удачно и нисколько не измѣнила строго-научнаго характера труда.

588. В. Крусманъ. Джонъ Типтофтъ. (Журн. Мин. Нар. Пр., 1914 г., январь. Стр. 20—83.)

Авторъ даетъ подробную біографію Типтофта, виднаго государственнаго дѣятеля Англіи XV в., ревнаго сторонника Бѣлой Розы, игравшаго одно время при королѣ Эдуардѣ IV роль военнаго диктатора Англіи. Авторъ прослѣживаетъ этапы служебной карьеры Типтофта, отмѣчаетъ беззастѣнчивость той политики силовой власти, которую онъ проводилъ и которая заслужила ему званіе палача Англіи, и въ то же время указываетъ на его значеніе въ исторіи англійской образованности, какъ одного изъ первыхъ проводниковъ въ Англіи гуманистическихъ идей. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ авторъ указываетъ обширную литературу.

589. В. Панина. Новый источникъ Anonymi Laudunensis. (Сборникъ въ честь В. П. Бузескула. Харьковъ, 1914 г. Стр. 26.)

Критическій этюдъ, вышедшій изъ семинарія высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ, выясняетъ, путемъ точнаго и исчерпывающаго сопоставленія, неизмѣненную до сихъ поръ зависимость (буквальное перенесеніе, съ нѣкоторыми лишь опущеніями) Лаонской хроники отъ нѣкоторыхъ памятниковъ крестоносной эпопеи, прежде всего отъ Gesta Francorum Expugnantium Iherusalem.

590. Проф. А. И. Гиляровъ. Руководство къ изученію философіи. (Кіевскія Ун. Извѣстія, 1914 г., № 2. Стр. 339—386.)

Продолженіе начатаемаго труда,—заключаетъ философію неоплатоническую и средневѣковыя построенія (христіанскую схоластику) до Аверроэса.

591. О. Добіашъ-Рождественская. (Научн. Истор. Журн., 1914 г., № 2. Стр. 121—126.)

Разборъ книги Ch. V. Langlois „La connaissance de la nature et du monde au moyen âge, d'après quelques ecrits français a l'usage des laïques".

Авторъ интересуетъ „*повседневный* типъ бытія, дѣятельности, мышленія и чувствованія" изучаемой эпохи, и потому онъ отодвигаетъ въ сторону большія научныя системы и выбираетъ для [illegible] в [illegible] [illegible] „[illegible]"

и „лапидарій Филиппа изъ Таова“, 2) трактатъ Barthelemy l'Anglais, анонимные трактаты: 3) Image du monde, 4) Sidrach, 5) Placides et Timeo и 6) „li Livres dou Tresor“, который онъ снабжаетъ общимъ предисловіемъ, а также особыми введеніями и примѣчаніями.

592. Л. Карсавинъ. **Символизмъ мышленія и идея міропорядка въ средніе вѣка.** (**Научн. Истор. Журн., 1914 г., № 2. Стр. 10—28.**)

Приведя цѣлый рядъ образцовъ символическаго толкованія Свящ. Писанія и культа, авторъ хочетъ доказать, что средневѣковое мышленіе было по преимуществу символическимъ мышленіемъ, такъ какъ символическое толкованіе тогда разсматривалось, „какъ методъ нахожденія истины“, и давало „интеллектуальное удовлетвореніе и ощущеніе раскрытія тайнъ міра“. Это мышленіе, по словамъ автора, было присуще не только ученымъ богословамъ, философамъ, историкамъ... но и всякому „среднему религіозному человѣку“.

593. М. Ливеровская. **Объ Онассенѣ и Николетъ.** („**Русская Мысль**“, **1914 г., апрѣль, стр. 38.**)

Переведена полностью сказка-пѣснь неизвѣстнаго автора, написанная въ концѣ XII или въ началѣ XIII в. на пикардскомъ нарѣчіи. Приложенъ краткій вступительный очеркъ.

594. Пушкинъ. **Средневѣковый театръ. М., 1913 г. Ц. 45 к.**

Свою задачу авторъ видитъ въ томъ, чтобы дать широкому интеллигентному кругу читателей очеркъ средневѣковаго духовнаго театра. Очеркъ, хотя и компилятивный, данъ въ живой, интересной формѣ и пополняетъ большой пробѣлъ въ русской популярной литературѣ.

595. Георгъ Брандесъ. **Невинность самаго ославленнаго въ исторіи убійцы-садиста. Перев. А. Спасской.** („**Голосъ Минувш.**“, **февр., 1914 г. Стр. 97—103.**)

Храбрый сподвижникъ Жанны д'Аркъ, маршалъ Франціи, Жилль де Рэ въ 1440 г. былъ обвиненъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ и звѣрскомъ умерщвленіи 140 младенцевъ. Такимъ гнуснымъ чудовищемъ жестокости и разврата онъ перешелъ и въ историческую традицію, и только наше время, благодаря документальнымъ находкамъ Маршгэ и солиднымъ изысканіямъ Соломона Рейнака („Cultes, Mythes et Religions“ IV т.), реабилитировало эту жертву невѣжества и суевѣрія.

X. Новая исторія до 1789 г.

596. В. Забугинъ. **Юлій Помпоній Летъ. Критич. изслѣдованіе.** („**Историч. Обозрѣніе**“, **т. XVIII и отдѣльно. Спб.**

Книга посвящена научному разбору университетскихъ лекцій и воспоминаній о путешествіи на славянскій и греческій востокъ итальянскаго гуманиста Помпонія (путешествіе относится къ 1479—1480 гг.). Русское изданіе книги полнѣе итальянскаго, такъ какъ автору удалось привлечь новооткрытую ливорнскую рукопись лекцій Помпонія, и нѣкоторые другіе матеріалы.

597. А. Живелеговъ. **Пьетро Аретино и Возрожденіе.** („**Голосъ Минувшаго**“, **1914 г., янв., стр. 42.**)

Статья заключаетъ въ себѣ какъ біографическія свѣдѣнія, такъ и оцѣнку личности и таланта Аретино. На-ряду съ хорошо извѣстными отталкивающими чертами характера А., авторъ статьи отмѣчаетъ и рядъ положительныхъ качествъ, а отрицательныя склоненъ отчасти объяснять общимъ міровоззрѣніемъ и нравами эпохи.—Историческое значеніе А.: онъ способствовалъ созданію типа литератора, независимаго въ денежномъ отношеніи отъ меценатства дворовъ. Для историка литературы А. — талантливый представитель реалистическаго направленія, свободнаго отъ рамокъ школы.

598. А. Вульфіусъ. **Ренессансъ и Реформація.** (**Науч. Истор. Журн., 1914 г. Вып. III. Стр. 18.**)

Подробное изложеніе и критика статьи *E. Troeltsch*'a Renaissance und Reformation (Hist. Zeitschr., Dritte Folge, B. 14, pag. 518—556) и книги *P. Wernle* Renaissance und Reformation, 1912.

599. А. Погодинъ. **Очеркъ литературы о польской реформаціи за послѣднюю четверть вѣка. („Науч. Истор. Журн. 1914 г., № 2. Стр. 62—70.)**

Статья представляетъ перечень русскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ работъ по указанному вопросу.

600. Н. В. Лучицкій. **Іезуиты. (Энциклоп. Словарь Гранатъ, т. XXII.)**

Имѣетъ съ біографіей Игнатія Лойолы данъ обстоятельный очеркъ созданнаго имъ іезуитскаго ордена и его судебъ до нашихъ дней. Къ статьѣ приложена библіографія и небольшое добавленіе *В. Инчеты* о іезуитахъ въ Россіи.

601. В. Гессенъ. **Проблема народнаго суверенитета въ политической доктринѣ XVI вѣка. (Извѣстія Спб. Политехническаго Института. 1913 г. Т. XX. Стр. 233—330.)**

Статья заключаетъ обстоятельный и весьма содержательный анализъ политическихъ доктринъ монархистовъ и монархомаховъ XVI вѣка. Послѣ краткаго обзора источниковъ, авторъ устанавливаетъ взаимоотношеніе ученій монархистовъ и монархомаховъ (гл. II), переходитъ къ детальному анализу политической доктрины Ж. Бодэна (III гл.) и монархомаховъ,—главнымъ образомъ Альтузія и Бьюкенена (IV гл.). Заключеніе (гл. V) посвящено общей характеристикѣ эволюціи доктрины народнаго верховенства съ XVI вѣка по французскую революцію включительно.

602. Е. Спекторскій. **Протестанство и раціонализмъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. (Варш. Унив. Извѣстія. 1914 г. Т. III. Стр. 1—105.)**

Послѣ краткаго выясненія темы изслѣдованія и разбора литературы, авторъ, продолжая изученіе раціонализма XVII вѣка (см. №№ 54, 80) опредѣляетъ отрицательное отношеніе первичнаго протестанства XVI вѣка къ раціонализму (I гл.). Не менѣе враждебны къ нему и ортодоксія, синкретизмъ и пietизмъ теологовъ систематизованнаго протестанства XVII вѣка (II гл.). Они осуждаютъ схоластическую теологію за раціонализмъ и превозносятъ за догматизмъ (III гл.), борются противъ новой, физической философіи и связаннаго съ ней ученія о правѣ и государствѣ. Уступки раціоналистовъ XVII вѣка не измѣняютъ враждебнаго отношенія протестантскихъ теологовъ къ философскому супранатурализму.

603. Гоббсъ. **Философскія основанія ученія о гражданинѣ. Перев. В. Погосскаго. Предисл. С. А. Котляревскаго. М., 1914 г. Стр. XXIV+269. Ц. 2 р.**

Нельзя не привѣтствовать русскаго перевода (до сихъ поръ былъ еще лишь переводъ-переложеніе 1776 г.) латинскаго трактата Elementa philosophica de cive. Затрудненія для переводчика, давшій гладкій и, насколько удалось провѣрить, точный переводъ, были очень значительны, такъ какъ самыя изданія трактата далеко не корректны. Неудачна и опасна, думается, замѣна цитатъ по Вульгатѣ цитатами изъ русскаго перевода Библіи.

6 4. Акад. А. Н. Веселовскій. **Пьеръ Бейль. (Рѣчь на актѣ 8 февраля 1872 г. въ Спб. Унив.) („Голосъ Минувш.", 1914 г., апр., стр. 5—28.)**

Небольшая статья А. Н. Веселовскаго обрисовываетъ личность и дѣятельность великаго скептика на фонѣ тогдашней эпохи, проникнутой нетерпимостью и догматизмомъ мышленія.

605. Н. Любимскій. **Процессы о вѣдовствѣ въ Англіи и судъ присяжныхъ. (Журн. Мин. Нар. Пр., 1913 г., янв., стр. 193—259.)**

Авторъ дѣлитъ исторію процессовъ о вѣдовствѣ на 3 періода: 1) съ XV в., когда впервые появляются частыя преслѣдованія вѣдьмъ, до начала царствованія Елизаветы (преслѣдованія вѣдьмъ — по преимуществу „орудіе придворныхъ интригъ и средство политической борьбы"; 2) отъ 1558 г. до реставраціи Стюартовъ; процессы о вѣдовствѣ развиваются, главнымъ образомъ, на почвѣ мѣстныхъ интригъ и суевѣрій (съ этого же времени впервые появляются и карательныя постановленія въ законѣ); отъ реставраціи Стюартовъ до послѣдняго процесса о вѣдовствѣ, имѣвшаго мѣста въ 1716 г. (характерный признакъ періода—скептическое отношеніе къ преслѣдованіямъ). Затѣмъ авторъ разсматриваетъ современную процессамъ литературу, посвященную или общимъ разсужденіямъ о способахъ и значеніи вѣдовства, или отдѣльнымъ крупнымъ процессамъ.

606. Н. Остроуховъ. **Англо-русскій торговый договоръ 1734 г. (Труды студент. Экон. отдѣл. Спб. Политехн. Инст. № 13. Спб., 1914 г. Стр. 204. Ц. 1 р. 30 к.**

Договоръ 1734 г., ни у насъ, ни на Западѣ, не имѣлъ спеціальной разработки, хотя онъ долженъ считаться однимъ изъ важнѣйшихъ поучительныхъ

международныхъ соглашеній XVIII в. (регулировка размѣра таможенныхъ пошлинъ; принципъ „наибольшаго благопріятствованія“) и спеціально для Россіи является *первымъ* настоящимъ торговымъ договоромъ съ западной державой. Трудъ вышелъ изъ семинарія П. Б. Струве, и написанъ по *архивнымъ* даннымъ, большинство которыхъ публикуется впервые.

607. Henri Sée. **Вопросъ о правѣ выпаса во Франціи въ концѣ стараго режима. („Научн. Истор. Журн.“, 1914 г., № 2. Стр. 29—50.)** Н. В. Лучицкій. **Дополненіе къ статьѣ Анри Сз. (Ibid., стр. 50—51.)**

Незадолго до великой революціи французское правительство, въ цѣляхъ поднятія земледѣльческой культуры, издаетъ нѣсколько эдиктовъ, которые ограничиваютъ или уничтожаютъ право общественнаго выпаса и прогона и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаютъ собственникамъ огораживать ихъ земли; но эти эдикты или остаются мертвой буквой, или вызываютъ глубокое недовольство крестьянъ, такъ какъ они оказываются выгодными исключительно для крупныхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ всѣ попытки измѣнить традиціонную земледѣльческую практику приводятъ лишь къ обостренію отношеній и столкновенію интересовъ крупныхъ собственниковъ и крестьянъ.

608. Ф. Геффъ. **Живописецъ нравовъ XVIII в. Кармонтель (1717—1806 гг.) „Голосъ Минувш.“, 1914 г., апр., стр. 29—51.)**

Малоцѣнныя съ художественной точки зрѣнія „Драматическія пословицы“ и комедіи Кармонтеля, иллюстрированныя его собственноручными рисунками, чрезвычайно много могутъ дать историку, какъ прямое, почти механическое воспроизведеніе быта до-революціонной Франціи. Особенно полно зарисованы Кармонтелемъ жизнь и нравы высшаго класса, но среди его набросковъ есть также необыкновенно характерныя сценки изъ быта мелкихъ буржуа, рабочихъ, крестьянъ и прислуги.

609. В. Міяковскій. **„Пѣснь историческая“ А. Н. Радищева и „Considerations“ Монтескье. (Жур. Мин. Нар. Пр., 1914 г. Стр. 236—248.)**

Авторъ указываетъ на разностороннюю зависимость „Пѣсни исторической“ отъ „Considerations sur les causes de la grandeur etc“ Монтескье. Эта зависимость сказалась и въ послѣдовательности отдѣльныхъ характеристикъ, и въ сходномъ объясненіи причинъ величія и паденія римлянъ, и почти дословныхъ переводахъ соотвѣтствующихъ мѣстъ у Монтескье съ прямымъ указаніемъ на послѣдняго, какъ на источникъ; но у Радищева есть цѣлый рядъ и самостоятельныхъ мѣстъ (стихи о Суллѣ, Маріи, отчасти Цезарѣ, Помпеѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

610. Григорій Скибинскій. **Кратков снезание и описаніе трема частьми о граде Римѣ і всей Италии з нѣкоторыми грады западныхъ царствъ. въ которыхъ великіи академіи знайдуются (съ введеніемъ и указателемъ именъ А. И. Соболевскаго и съ документами по дѣлу Григорія Скибинскаго). „Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древност. Россійскихъ. 1914 г., № 249. Стр. 1—241, 263—273.**

Очень любопытное изображеніе западныхъ обычаевъ, религіи, науки и государственной жизни XVII в. малоруссомъ Григоріемъ Скибинскимъ.

Увлекаемый жаждой знанія, онъ отправился въ Италію и обошелъ ея академіи, побывалъ также во Франціи и Германіи и, наконецъ, поселился въ Россіи, гдѣ и написалъ вышеуказанное сочиненіе отчасти по собственному побужденію, отчасти по приказанію патріарха Адріана, чтобы удостовѣрить искренность своего обращенія изъ уніатства въ православіе.

611. П. де Сенъ Викторъ. **Боги и люди. М., 1914 г. Стр. 478. Ц. 1 р. 25 к.**

Самъ авторъ называетъ эту книгу собраніемъ этюдовъ, гдѣ историческую картину онъ ставитъ „рядомъ съ офортомъ, рисунокъ съ античной статуи рядомъ съ портретомъ или фантазіей“. Тѣмъ не менѣе яркія, красочныя характеристики Людовика XI, Цезаря Борджіа, Бенвенуто Челлини, Генриха III, Агриппы д'Обинье, Карла II испанскаго и т. д. могутъ быть любопытны и для историка.

Надо, однако, замѣтить, что влеченіе автора къ героическому въ исторіи сказалось не только на подборѣ темъ, но и въ ихъ разработкѣ. На стр. 285 читаешь, напримѣръ, что „народы процвѣтаютъ или погибаютъ—не только благодаря геніальности или неспособности государя, но даже изъ-за состоянія его здоровья, сильнаго или слабаго, изъ-за его порочнаго или здороваго (?) поведенія“.

XI. Новѣйшая исторія.

612. Н. В. Лучицкій. **Изъ исторіи сеньеріальныхъ и поземельныхъ отношеній во Франціи въ эпоху революціи.** („Научный Истор. Журн., 1914 г. Вып. III. Стр. 11.)

Сообщеніе о найденныхъ авторомъ документахъ, относящихся до сеньеріальныхъ владѣній герцога Saulx de Tavannes въ баронія д'Оно дистрикта Виръ. Авторъ статьи считаетъ найденные документы особенно интересными для выясненія вопроса о томъ, какъ примѣнялись на практикѣ многочисленные декреты, издававшіеся учредительнымъ и законодательнымъ собраніями для урегулированія аграрныхъ и сеньеріальныхъ отношеній.

613. Н. Н. Карѣевъ. **Бѣглые замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи.** (Изв. Спб. Политехническаго Института. 1913 г. Т. XX. Стр. 97—163. Главы XVII—XXI.)

Въ XVII главѣ авторъ на основаніи изслѣдованія проф. Тарле доказываетъ преобладаніе въ Наполеоновской Франціи мелкаго производства.

XVIII и XIX главы посвящены изложенію статьи проф. Лучицкаго (въ *Русскомъ Богатствѣ* 1911 г. февраль и мартъ) объ аграрныхъ отношеніяхъ во Франціи наканунѣ революціи и полемикѣ между французскими учеными по поводу книги Лучицкаго о крестьянской собственности во Франціи въ эпоху революціи.

XX глава излагаетъ статью Со о вопросѣ о правѣ прогона въ концѣ крестьянства Людовика XVI и реферируетъ расширенную статью того же автора о томъ же вопросѣ въ № 2 *Научно-историческаго журнала*.

XXI глава излагаетъ главнымъ образомъ содержаніе статьи Олара „Феодализмъ при Людовикѣ XVI". Оларъ указываетъ, что эдиктъ объ отмѣнѣ сервага и права мертвой руки въ королевскихъ доменахъ является началомъ экономическаго и соціальнаго переворота, затруднителенъ опредѣленно сказать о степени крестьянскаго благосостоянія предъ революціей, констатируетъ если не увеличеніе феодальнаго гнета, то тягостныя ощущенія крестьянской массы подъ вліяніемъ успѣховъ просвѣщенія, филантропіи, великодушія нѣкоторыхъ сеньеровъ, возобновленія массы terriers.

614. А. дез-Эшероль. **Судьба одной дворянской семьи во время террора.** Перев. Е. И. Герье. Введеніе В. И. Герье. М., 1914 г. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

Записки Александрины des Echerolles, выгодно отличаясь отъ обычнаго „умничанья" мемуаристовъ и ихъ склонности къ „большой политикѣ", представляютъ крупный интересъ для уразумѣнія *бытовой* стороны революціи, такъ какъ даютъ неисчерпаемый запасъ мелкихъ типическихъ чертъ эпохи, особенно провинціальнаго террора, во всей ихъ неприкрашенности. Введеніе В. И. Герье—тонкій анализъ разносторонняго значенія записокъ. Переводъ превосходенъ; послѣдняя часть записокъ, касающаяся личныхъ дѣлъ автора, опущена, но хотѣлось бы видѣть и ее, между прочимъ для болѣе полнаго опредѣленія личности автора.

615. Н. Идельсонъ. **Революціонный трибуналъ во Франціи. Судебно-историческій очеркъ.** Спб., 1914 г. Стр. 84. Ц. 1 р.

Краткій очеркъ исторіи революціоннаго трибунала (10 марта 1793 г.—31 мая 1795 г.) носитъ исключительно *компилятивный* характеръ. Подробно излагается организація судопроизводства трибунала и устанавливаются основные періоды его эволюціи. Авторъ выдвигаетъ въ своемъ изложеніи прокуроровъ нѣкоторыхъ выдающихся историческихъ дѣятелей: Шарлотты Корде, королевы Маріи-Антуанетты, жирондистовъ, Дантона, Андрэ Шенье. Точка зрѣнія спеціалиста-криминалиста: исторія революціоннаго трибунала—иллюстрація юридической аксіомы, по которой уничтоженіе гарантій правильнаго отправленія правосудія приводитъ судъ къ полному юридическому и моральному извращенію.

Рецензія: *Голосъ минувшаго*, 1914, іюль; *Русское Богатство*, 1914, мартъ.

616. А. С. Алексѣевъ. **Реставрація Бурбоновъ и конституціонные акты предшествовавшіе хартіи 1814 г.** („Юридич. Вѣстн.", 1914 г., кн. V (1). Стр. 107—141.

Авторъ доказываетъ, что конституція 1814 года не была октроирована самодержавнымъ монархомъ, а была вынуждена сенатскими требованіями, которыя выразились въ конституціи Сената 9-го апрѣля и были приняты королемъ въ Сентъ-Уанской декларации.

617. К. Военскій. **Императоръ Александръ I, кн. Меттернихъ и Священный Союзъ.** (Жур. Мин. Нар. Пр., 1914 г. Стр. 356—369.)

Въ статьѣ реферирована книга вел. кн. Николая Михайловича: „Донесеніе австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна 1816—22“. Для всеобщаго историка наибольшій интересъ имѣютъ документы, характеризующіе безусловное подчиненіе дипломатическихъ представителей Россіи князю Меттерниху, который умѣлъ ихъ терроризовать. Характерны также документы, указывающіе на постоянныя опасенія Меттерниха за сохраненіе Россіей мирной политики, за ея вѣрность Священному Союзу.

618. Е. Тарле. **Сто лѣтъ назадъ. („Русск. Мысль“, 1914 г., янв., стр. 5.)**

Краткая замѣтка о недавно вышедшихъ двухъ новыхъ частяхъ III тома переписки Ф. Гентца. Отмѣчая историческую цѣнность этой переписки, авторъ замѣтки вкратцѣ характеризуетъ Гентца, какъ политическаго дѣятеля-реакціонера (сподвижника Меттерниха), средняго по талантливости, но необыкновенно искренняго и убѣжденнаго.

619. Ю. Делевскій. **Противорѣчія Прудона. („Русск. Богат.“, 1914 г., май, стр. 35—57.)**

Вся система Прудона соткана изъ противорѣчій. Отъ своего знаменитаго—„La propriété, c'est le vol“ онъ доходитъ до принятія собственности „всей цѣликомъ, съ ея противорѣчіями и противорѣчивыми оговорками“. Онъ колеблется между принципами анархіи во имя свободы и „принципомъ проявленія инициативы государства для организаціи равенства и солидарности на основѣ справедливости“. Онъ другъ демократіи, „какъ наилучшей практически осуществленной формы государственной организаціи, удовлетворяющей требованіямъ равенства и свободы“ и врагъ демократіи, „какъ нѣкоторой частной формы государственнаго устройства, стало быть, организаціи принужденія и власти“.

620. В. Перцевъ. **Изъ писемъ баронессы Штурмфедеръ объ австрійской революціи 1848 г. („Гол. Минувш.“, 1914 г., мартъ, стр. 283—287.)**

Баронесса Штурмфедеръ—мамка эрцгерцога Франца Іосифа, дѣлившая съ императорской семьей всѣ невзгоды „безумнаго“ года. Ея письма, написанныя въ тонѣ преданнаго слуги, касаются отъѣзда императора изъ Вѣны и пребыванія императорской семьи въ Тиролѣ (Oesterreich. Rundschau, 1914).

621. Ю. Камневъ. **Самый остроумный противникъ Герцена. („Вѣст. Европы“, 1914 г., апрѣль, стр. 118—160.)**

Въ статьѣ изображается состояніе умовъ нѣмецкой демократической интеллигенціи въ моментъ критическаго пересмотра ею цѣнностей своей идеологіи и выясненія причинъ крушенія движенія 48 г. Въ частности сообщается полемика нѣмецкихъ демократовъ съ Герценомъ о будущемъ Европы и европейской цивилизаціи по поводу его книги „Съ того берега“. Наиболѣе видное мѣсто среди оппонентовъ Герцена принадлежитъ Рейнгольду Зольгеру, извѣстному дѣятелю 48 г., котораго самъ Герценъ называетъ своимъ „самымъ остроумнымъ противникомъ“.

622. Исаковъ. **Изъ воспоминаній прусскаго военнаго агента въ Вѣнѣ въ 1853—1854 гг. (Русск. Стар., мартъ, стр. 559—576.)**

Въ данной статьѣ извлекается изъ четырехтомныхъ записокъ принца Hohenlohe-Ingelfingen только одинъ эпизодъ, касающійся отношеній Пруссіи съ Австріей, а именно очерчивается полная интригъ политика послѣдней въ вопросѣ о нейтралитетѣ обѣихъ державъ къ Россіи во время турецкой компаніи 54—55 г. Черезъ 6 дней послѣ подписанія своего договора съ Пруссіей о совмѣстномъ нейтралитетѣ, Австрія вступила въ договоръ противоположнаго характера съ Франціей и Англіей. Ея интриги были во время раскрыты и предупреждены принцемъ Гогенлоэ, который и сообщилъ о нихъ Фридриху Вильгельму.

623. В. Перцевъ. **Проектъ франко-прусскаго разоруженія въ 1870 г. („Голосъ Минувш.“, 1914 г., апр., стр. 259—266.)**

Разборъ статьи Duval'я „Projets de désarmement franco-prussien en 1870“ („Revue de Paris“ 1914, № 4), которая представляетъ попытку на основаніи дипломатической переписки между Лондономъ, Парижемъ и Берлиномъ доказать миролюбіе Франціи передъ войной и всю отвѣтственность за нее переложить на Бисмарка.

624. Г. Вырубовъ. **Воспоминанія. („Вѣстникъ Европы“, 1614 г., янв., февр., стр. 38.)**

Въ своихъ воспоминаніяхъ о парижской коммунѣ и пешской международной войнѣ 1874 г., авторъ-очевидецъ въ рядѣ передаваемыхъ имъ инцидентовъ подчеркиваетъ поголовную некомпетентность во всѣхъ спеціальныхъ областяхъ администраціи и полную неподготовленность членовъ коммуны, несерьезный опереточный характеръ веденія войны въ Испаніи въ 1874 г., полнѣйшій безпорядокъ сверху до низу въ рядахъ арміи, всеобщее хвастовство, мелки интриги и низменнаго свойства политиканство.

625. В. Левитокій. **Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность. 1840—1913 гг. Съ портретомъ. Спб., 1914 г. Стр. 79. Ц 35 к.**

Краткая біографія Бебеля, соединенная съ характеристикой основныхъ моментовъ въ развитіи рабочаго движенія въ Германіи и въ исторіи нѣмецкой соціалъ-демократической партіи. Изложеніе—популярное, не претендующее на оригинальность и самостоятельность въ характеристикахъ и выводахъ.

XII. Внѣевропейскія страны.

626. В. Кожевниковъ. **Индусскій аскетизмъ въ до-буддійскій періодъ. („Богословскій Вѣст.", 1914 г., янв., февр., мартъ, стр. 100.)**

Еще въ до-буддійскій періодъ на ряду съ первоначальнымъ популярнымъ матеріально-утилитарнымъ аскетизмомъ, выдвигается аскетизмомъ философскій, мистически-созерцательный, достигающій наибольшей степени внутренняго духовнаго подъема въ ученіи Іоги, особенно Раджа Іоги. Свое же завершеніе онъ нашелъ въ ученіи Магавиры (непосредственнымъ предшественникѣ Будды) джайнизмѣ, отдававшемъ предпочтеніе практическому направленію предъ отвлеченно-созерцательнымъ съ рѣшительнымъ усиленіемъ аскетической строгости, доведенной до максимальныхъ предѣловъ. Ученіе джайны послѣдовательнѣй умѣреннаго буддизма и является лучшимъ до чего могъ дораститься индусскій аскетизмъ, но и въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ онъ не достигаетъ высоты аскетизма міра семитскаго и тѣмъ болѣе христіанскаго.

627. А. Крымскій. **Индія. Исторія. (Энциклоп. Словарь Гранатъ, т. XXI.)**

Небольшой очеркъ исторіи Индіи съ древнѣйшихъ временъ до господства великихъ моголовъ включительно. Есть библіографія (см. № 628).

628. Л. Кржижицкій. **Индія. Новая исторія. (Энцикл. Словарь Гранатъ, т. XXVI.)**

На 11 столбцахъ словаря авторъ даетъ очеркъ новой исторіи Индіи, т.-е. начиная съ успѣховъ европейской колонизаціи, постепенно оттѣснявшей мѣстныхъ князьковъ и вступившей въ наслѣдіе „великихъ моголовъ". Очеркъ дополненъ соціально-экономическимъ обзоромъ современной Индіи, снабженнымъ цифровыми данными и библіографіей (см. № 627).

629. П. Цвѣтковъ. **Исламизмъ. I. Мухаммедъ и Коранъ. II. Вѣра Ислама. III. Практическія обязанности исламизма. IV. Исламъ и его секты. Стр. 460+418+552+453. Ц. 2 р. 25 к.+2 р.+2 р. 50 к.+2 р. 50 к. Асхабадъ. 1912—13 гг**

Громоздкое изданіе съ популярной и публицистической цѣлью—дать исчерпывающій матеріалъ по исламизму въ его прошломъ и настоящемъ, для *практическихъ* надобностей лицъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ мухаммеданскимъ міромъ. Справки облегчены указателями. Научныя качества, особенно *историческихъ* частей (тт. I и IV) этой энциклопедіи, вызвали серьезныя нареканія спеціалистовъ (см. обстоятельную критику проф. Б. Бартольда—Журн. Мин. Нар. Пр., 1914, мартъ).

630. К. Стратонитскій. **Монгольское управленіе покоренными Китаемъ и Арменіей. (Учен. Зап. Лицея Цесар. Николая. 1913 г. Стр. 30.)**

Интересная статья о пріемахъ монгольскаго владычества въ XIII в., далекая отъ обычнаго изображенія ихъ какъ „бича народовъ". Послѣ [illegible] страны возстановлялись опустошенныя селенія, [illegible] стратегическія [illegible], устанавливалась строго-подконтрольная администрація, [illegible] которой [illegible] лись *прежніе князья* покоренныхъ, въ [illegible] короткій [illegible] лись замѣчательно точныя описи странъ и [illegible] населенія (1252—57 для Китая, 1253 для *Руси*, 1254 для Арменіи); торговля и промышленность поощрялись и поддерживались, не забывались даже... чисто научные и культурные интересы: монголы систематически [illegible] въ столицу [illegible] умо-

ныхъ, врачей, художниковъ. Картина дана *строго-реальная*, на основаніи лѣтописныхъ данныхъ; читая ее, вполнѣ понимаешь то увлеченіе Западной Европы монголами, которое характерно для „крестовыхъ проектовъ“ начала XIV в., между прочимъ и *армянскаго* царевича Гайтона.

631. В. Мендринъ. **Исторія Сіогуната въ Японіи Нихонъ Гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей, кн. III, Минамото II; кн. IV, Ходзіо. Извѣстія Вост. Инстит. 1913 г. Вып. 8, 9. Т. XXXIX. Вып. 1, 2.**

Авторъ, „вольный историкъ“, излагаетъ исторію сіогуната, перемежая повѣствованія лирическими выступленіями съ слабыми попытками критики источниковъ. Оба выпуска обнимаютъ періодъ съ 1184 по 1338 г. (см. еще № 77). Въ первомъ содержится исторія возникновенія сіогуната. Іоритомо изъ фамиліи Минамото получаетъ впервые офиціальный титулъ „тейо-сіогунъ“ (1192 г.), учреждаетъ рядъ приказовъ, упорядочиваетъ областное управленіе, ставя его въ зависимость отъ центральнаго правительства. Возвышается фамилія Ходзіо; Ходзіо Токимасъ въ качествѣ „сиккена“, держателя власти, дѣлается премьеръ-министромъ сіогуна и захватываетъ всю власть въ свои руки. Прекращеніе прямой линіи рода Минамото даетъ возможность роду Ходзіо, въ качествѣ сиккеновъ полновластно управлять страной чрезъ слабыхъ креатуръ—сіогуновъ. Второй выпускъ описываетъ полный захватъ родомъ Ходзіо власти надъ камакурскимъ сіогунатомъ. Императоръ тщетно пытается сбросить двойную опеку сіогуна и сиккена. Сиккены Ходзіо, назначая сіогуновъ изъ рода Фудзивара, полновластно правятъ, расправляясь съ мятежными вассалами, удачно отражаютъ вторженіе арміи Хубилай-хана въ Японію. Въ XIV вѣкѣ императору Годайго удается при помощи вѣрныхъ вассаловъ уничтожить родъ Ходзіо и временно объединить власть въ своихъ рукахъ (1334—1336).

Книжныя новости.

(Вышедшія по 8-е мая 1914 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводныя. § 2. Языкознѣніе. § 3 Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика; библіографія

§ 1а. **Александровъ, Л.** Бытовые охотничьи разсказы. Т. II. Рыбинскъ, 1914. 201 стр. Ц. 1 р.

Альтеръ, М. Миги забвенія. Стихотворенія. Каменецъ-Подольскъ, 1914. 65 + 3 нен. стр. Ц. 1 р.

Артурова, Г. Въ странѣ хризантемъ. Повѣсть изъ японской жизни. М., 1914. 142+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Боратынскій, Е. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. и съ примѣч. М. Л. Гофмана. Т. I. Академическая б-ка русскихъ писателей. Спб., 1914. Изд. Разряда изящной словесности Имп. акад. наукъ. XC+336 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Гинна, А. Листки блокъ-нота. Стихи. Спб., 1914. 157 стр.

Городецкій, С. Цвѣтущій посохъ. Вереница восьмистишій. Спб., 1914. Изд. издат. „Грядущій День". 142 стр. Ц. 1 р.

Горькій, М. Горошокъ Окуринъ. Собраніе сочиненій. Т. XI. Спб., 1914. Изд. к-ва „Жизнь и Знаніе". 199 + 32 стр. Ц. 1 р.

Гребенщиковъ, Г. Въ просторахъ Сибири. Повѣсти и разсказы Т. II. Спб., 1914. Изд. т-ва писателей. 293 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гуревичъ, И. Шипы любви. Юмористическіе разсказы. Спб., 1914 Изд. издат. „Освобожденіе" 192 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Враги. Собраніе сочиненій. Т. XI. Спб., 1914 Изд. изд-ва „Жизнь и Знаніе". 328 + 32 стр. Ц. 1 р.

Дружининъ, М. М. Пиѣвныя грезы. (Стихи). Спб., 1914. 66 стр. Съ портр. Ц. 1 р.

Ждановъ, Л. Историческія новеллы. I. Гипатія. II. Мирра. Спб., 1914. 217 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе сочиненій. Историческіе романы. Т. X. Грозное время. Романъ-хроника (1552—1584 гг.). Спб., 1914. Изд. к-ва „Прометей". 420 стр. Ц. 2 р.

Зайцевъ, Б. Разсказы Кн. 4-я. М., 1914. Изд. кн-ва К. Ф. Некрасова. 275 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Земля. Сборникъ четырнадцатый. М. Арцыбашевъ. Разсказъ объ одной пощечинѣ. В. Винниченко. Завѣты отцовъ. Евг. Чириковъ. Гиблое мѣсто. А. Ѳедоровъ. Арабъ. М., 1914. Изд. Московск. книгоизд. 286 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, Р. В. Эхо жизни 5 книжка стиховъ. Спб., 1914. 125 стр Ц. 1 р.

Іустиновъ, М. Въ туманѣ смуты. Драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи, въ 3-хъ картинахъ. Изъ эпохи смутнаго времени. Золотоноша, 1914 24 стр.

Кисловъ, Н. Н. Собраніе разсказовъ. Кн. 2. Спб., 1914 Изд. к-ва „Освобожденіе". 217 стр.

Кнышинъ, Я. Надимъ Новгородскій. Трагедія. Съ средис. В Синодника. М., 1914. 64 стр. + 1 портр Ц. 1 р.

Князевъ, В Стихи. Спб., 1914 XIV + 112 стр. Съ портр.

Козлинъ, С. Пѣсни души. Спб., 1914. 203 V стр. Ц 1 р. 45 к.

Крючковъ, Д. Цвѣты ледяные. Вторая

книга стиховъ. Спб., 1914. Изд. издат. „Очарованный Странникъ". 16 стр. Ц. 35 к.

Лаппо-Данилевская, Н. А. Княжна Мара. Романъ. Спб., 1914. 295 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Иллюстрированное полное собраніе сочиненій. Ред. В. В. Каллаша. Т. I. М., 1914. Изд. Печатникъ. XLIX+302 стр. Съ рис. и порт.+10 лист. рис. и портр.

Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповникъ". Кн. 23. В. Г. Тинъ. Крыловесный Икаръ. Л. А. Сулержицкій. Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ въ художественномъ театрѣ. А. Черный. Ной. Б. Зайцевъ. Пощада. Спб., 1914. Изд. издат. „Шиповникъ". 277 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лубачевъ, Л. Подорожникъ. Стихотворенія. М., 1914. Изд. книгоизд. „Звѣзда". Н. Н. Орфенова. 61 стр. Ц. 40 к.

Луговой, А. Возвратъ. Романъ колеблющихся настроеній. Сочиненія. Т. IX. Спб., 1914. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ, 2-е. 446 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Тихій свѣтъ. Спб., 1914. Изд. к-на „Освобожденіе". 326 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Нестеровъ, С. С. Стихотворенія шлиссельбургскаго рыбака. 1891—1913 гг. Шлиссельбургъ, 1914. 16 стр.

Ордынцевъ-Кострицкій, М. Д. Королева земли Франкской. Историческій романъ. Спб., 1914. 291 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Островскій, А. Н. Василиса Мелентьева. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Б-ка „Просвѣщенія". Спб., 1914. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 112 стр. Ц. 70 к.

— На всякаго мудреца довольно простоты. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Б-ка „Просвѣщенія". Спб., 1914. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 137 стр. Ц. 85 к.

К. Р. Царь Іудейскій. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. Спб., 1914. 204+13 стр. Съ рис. Ц. 4 р.

Радищевъ, Л. Стихи и сказки. Спб., 1914. 105 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Рафаловичъ, С. Зеркало души. Стихотворенія. Спб., 1914. 112 стр.

Саліасъ, Е. А., гр. Избранныя сочиненія. Т. VII. Въ старой Москвѣ. Los novios. Избушка на курьихъ ножкахъ. М., 1914. Изд. А. А. Карцева. 423 стр. Ц. за 8 т. 12 р.

Свѣтловъ, В. Я. Замокъ счастія. Сочиненія. Т. VIII. Спб., 1914. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. 363 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Сологубъ, Ѳ. Собраніе сочиненій. Т. XVII. Очарованія земли. Стихи 1913 года. Спб., 1914. Изд. издат. Сиринъ. 176 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе сочиненій. Т. XIX. Творимая легенда. Романъ. Ч. II. Королева Ортруда. Спб., 1914. Изд. издат. Сиринъ. 412 стр. Ц. 2 р.

Строевъ, В. Надрывъ. Романъ. М., 1914 293+2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сухотинъ, П. Стихотворенія. М., 1914. Изд. К. Ф. Некрасова. 112 + II стр. Ц. 75 к.

Сѣверянинъ, И. Златолира. Поэзы. Кн. II. М., 1914. Изд. изд-на „Гриѳъ", 2-е. 131 стр. Ц. 1 р.

Тарноградскій, В. Одинокія грезы. Стихотворенія. Каменецъ-Подольскъ, 1914. Изд. О-ва Литературы и Изящныхъ искусствъ. 72 стр.

Толстой, А. К., гр. Драматическая трилогія. I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ. III. Царь Борисъ. Полное собраніе сочиненій. Т. III. Спб., 1914. Изд. П. Луковникова, 2-е. 559 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Тэффи. Дымъ безъ огня. Спб., 1914. Изд. журн. „Новый Сатириконъ". 181 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Юмористическіе разсказы. № 13. Дешевая юмористическая б-ка „Новаго Сатирикона". Спб., 1914. 62 стр. Ц. 15 к.

Фонвизинъ, С. Въ смутные дни. Романъ. Спб., 1914. Изд. 4-е. 440 стр. Ц. 2 р.

— Двѣ жизни (Молодость Муханова.) Романъ. Спб., 1914. Изд. 4-е. 347 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Цаликовъ, А. Въ горахъ Кавказа. Быль, очерки и легенды. М., 1914. Изд. книгоизд. „Востокъ". 124 стр. Ц. 75 к.

Чернобаевъ, Ив. Конст. Стихотворенія. М., 1914. 124 стр. Ц. 50 к.

Юнгеръ, В. Пѣсни полей и комнатъ. (Стихи). Спб., 1914. Изд. Цехъ поэтовъ. 92 стр. Ц. 1 р.

Юшкевичъ, С. Распадъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1914. Изд. кн-ва „Жизнь и Знаніе". 303+32 стр. Ц. 1 р.

§ 16. Бертранъ, П. Тѣнь вчаста. Историческій романъ. Пер. съ англ. А. Б. Михайлова. Спб., 1914. Изд. т-ва А. С. Суворина. 44 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гейне, Г. Книга пѣсенъ (въ переводѣ русскихъ писателей). Подъ ред. П. В. Быкова. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ, 2-е. LIII+259+V стр. Съ портр. Ц. 1 р.

Геллвисъ, Ф. Антологія. Разсказы и притчи. Переводъ М. В. Боселовской и В. Н. Карякина. М., 1914. Изд. Б. и Н. П. 214 стр. Ц. 1 р.

Додэ, А. Приключенія Тартарена. Перев. съ франц. Спб., 1914. Изд. М. П. Семенова. 96 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Келлерманъ, Б. „Сасса-іо-ясса"! Японскіе танцы. Авториз. переводъ А. Даманской. Спб., 1914. Изд. М. Гутзаца. 142 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Разноцвѣтные каменья. Книга маленькихъ разсказовъ, собранныхъ и переведенныхъ подъ ред. В. Брюсова. Стендаль, Вилье де Лиль Аданъ. Жанъ Мореасъ.

Анри де-Ренье. Т. Ласкарисъ. Габріель Мартенъ. Эдуардъ д'Огъ. Сборникъ I. М., 1914. Изд. к-ва „Альціона". 167 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Уиннэ, М. Генрихъ Наварскій. Историческій романъ. Перев. Д. Ф. Жаравлева. Спб., 1914. 328 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Хичинсъ, Р. Садъ Аллаха. (The Garden of Allah). Романъ. Перев съ англійск. Кн. А. А. Оболенской. Спб., 1914. Изд. 2-е. IV+728 стр. Ц. 2 р. 50 к.

§ 4. Чуевъ, Н. Ибсенъ. М., 1914. 84 стр. Ц. 75 к.

§ 5. Бероздинъ, А. К., проф. Учебная книга по исторіи русской литературы. Ч. III. Литература послѣ Пушкина. Эпоха Императоровъ Николая I и Александра II. Кіевъ, 1914. Изд. книгоизд. „Сотрудникъ". 2 нен.+424+2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 6. Лундбергъ, Г. Мережковскій и его новое христіанство. Спб., 1914. 192 стр. Ц. 1 р.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. Арсеній, архіеп. На духовной страдѣ Слова и рѣчи. Т. II. Спб., 1914. VIII+304 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Бруно, Д. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣч. А. Золотарева. Спб., 1914. Изд. изд-ва „Огни". 224 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Вивекананда, Суами. Карма Іога. Пер. съ калькуттскаго Я. К. Поповa. Лекціи. Спб., 1914. 118 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к.

Гиккинъ, Ант. О чтеніи и книгахъ. Вып. III. Облагораживающее чтеніе. Вліяніе читателя и великія книги. О газетахъ. Спб., 1914. 168 стр. Ц. 80 к.

Роллан, М. Міръ отъ и міръ тотъ. Перев. съ англ. М. А. Черкасовой. Спб., 1914. Изд. П. Тузова. 324 + 10 стр. Ц. 1 р.

Личковъ, Б. Границы познанія въ естественныхъ наукахъ. Естествознаніе и философія. Естественно-научное образованіе понятій. Факты и законы природы. Символизмъ въ естественныхъ наукахъ. Качество и количество. Механическое пониманіе природы, энергетика, агностицизмъ, гипотеза и наука. Естествознаніе, статистика, исторія. Кіевъ, 1914. Изд. кн-ва И. И. Самоненко. 257 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Метерлингъ, М. Смерть. Авторизованный переводъ І. Арсеньева. Спб., 1914. 163 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Моттъ, Д. Р. Нравственная и духовная автофія. II. Религія — преимущественно дѣло воли. Лекціи. Спб., 1914. Изд. Студ. христ. кружка. 39 стр. Ц. 7 к.

Проповѣдь Рамакришны. Съ пред. и пред. Суами Абхедананды. Спб., 1914. Изд. кн-ва „Новый Человѣкъ". 253+V стр. Ц. 1 р. 30 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Исповѣдь. Перев. съ франц. Подъ ред. и вступ. статьей проф. Л. Е. Владимірова. Ч. I. Спб., 1914. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 301 стр. Ц. за оба тома 2 р. 50 к.

Смирновъ, А., прот.-проф. Самоубійство и христіанскій взглядъ на жизнь. Публичныя лекціи. Спб., 1914. 31 стр. Ц. 25 к.

Соколовъ, П. Въ поискахъ правды жизни. Сборникъ философскихъ этюдовъ по вопросамъ жизни и религіи. Спб., 1914. Изд. 2-е. 232 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Хижняковъ, Ф., свящ. О спасеніи. (Какъ христіанинъ долженъ мыслить о своемъ спасеніи.) Тараща, 1914. 17 стр.

§ 4. Каптеревъ, П. Ѳ. Педагогическая психологія. Спб., 1914. Изд. 3-е, пер. и доп. 489 стр. Ц. 3 р.

Rank, Otto и Sachs, Hans, д-ра. Значеніе психоанализа въ наукахъ и жизнѣ. Перев. съ нѣм. д-ра М. Кобылянской. Спб., 1914. 175 стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 5. Ельницкій, К. Общая педагогика. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика и для занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. Спб., 1914. Изд. М. М. Гутзаца. 190 стр. Ц. 75 к.

Лай, В. А., д-ръ. Экспериментальная дидактика. Ея основы съ попробнымъ описаніемъ процессовъ воли и дѣйствія. Переводъ съ 2-го изд. под. ред. проф. А. П. Нечаева. Общая часть. Спб., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. IV+510 стр. Ц. 3 р.

Мо[illegible]ладъ д[illegible] съ маленькими дѣтьми. Вып. III. По[illegible] для дѣтскихъ садовъ. Растенія. Составлено сотрудниками общества „Дѣтскій Трудъ и Отдыхъ". Подъ ред. Л. К. Шпегеръ и С. Т. Шацкаго. М., 1914. Изд. кн-ва „Грамотей". 51 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Пироговъ, Н. И. Сочинения. Т. I. Спб., 1914. Изд. Пироговскаго т-ва (Кіевъ). 1010 столбц. Ц. 2 р.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 1. **Толстой, И. И.**, гр. Византійскія монеты. Вып. VII. Монеты Константа II и Константина Погоната. Спб., 1914. 721—732 стр. + 53 — 60 табл. Съ рис. Ц. 4 р.

§ 2. **Галантіоковъ, И. Д.** Какъ создавалась книга. Вып. I. Спб., 1914. Изд. журн. „Наборщикъ и Печатный Міръ". 96 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Димовъ, Н. Д. Глава I. Историческій очеркъ Македоніи и македонскихъ славянъ. Глава II. Причины возникновенія четническаго движенія въ Македоніи. Глава III. Политическій обзоръ Македоніи и македонцевъ. Докладъ. Спб., 1913. 16 стр.

Драйеръ, В., фонъ. Разгромъ Болгаріи. Вторая балканская война. 1913 г. Спб., 1914. IV+190 стр. Съ чертеж. Ц. 1 р. 65 к.

Ивановъ, К. А. Востокъ и мы. Спб., 1914. Изд. 7-е. 184 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Сократова-Алабина, Т. Франція въ XVI в. Популярно-историческій очеркъ изъ эпохи соціальной и религіозной смуты во Франціи. М., 1914. Изд. А. К. Залѣсской. 123 стр. Съ рис.+1 карта. Ц. 50 к.

Тисандье, Г. Мученики науки. Пер. съ франц. Подъ ред. Ф. Павленкова. Спб., 1913. Изд. Ф. Павленкова, 8-е. 264 стр. Съ 58 рис. Ц. 1 р 25 к.

Черноусовъ, Е. А. Изъ Византійскаго захолустья XIII вѣка. Харьковъ, 1914. 21 стр.

§ 3. **Домбровскій, А. В.** Русскіе моряки въ Мессинѣ въ 1909 г. Спб., 1914. 39 стр. Съ 15 рис. Ц. 30 к.

Краткій историческій очеркъ с.-петерб. арсенала за 200 лѣтъ его существованія. 1714 — 1914. Подъ редак. В. Родзевича. Спб., 1914. 118 стр. Съ рис.

Лаврентьева, С. И. Пережитое. (Изъ воспоминаній.) Спб., 1914. Изд. автора. 327+II стр. Съ портр. Ц. 1 р. 20 к.

Либровичъ, С. Ф. Соперникъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Историческій очеркъ. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 32 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Масинъ, В. А. Дни тѣ... Очерки участника русско-японской войны. Спб., 1914. Изд. В. Березовскаго. 102 стр. Ц. 60 к.

Министерство финансовъ 1904—1913 гг. Спб., 1914. XV+121 стр.+LX табл.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I. Собраніе сочиненій. Т. VII. Спб., 1914. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 5-е. XIII+320 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к.

Родзевичъ, В. Историческое описаніе с.-петерб. арсенала за 200 лѣтъ его существованія. 1712 — 1912 гг. Спб., 1914. XXVI+624 стр. Съ рис.

Семашкевичъ, Е. Суворовъ. Кіевъ, 1914. Изд. 4-е. 45 стр. Съ рис. + 1 карта. Ц. 20 к.

Сухаревъ, Т. А. Развитіе національнаго самосознанія въ древней Руси. Краткій научно-популярный очеркъ. Ранеибургъ, 1914. 150 стр.

Сѣрова, В. С. Сѣровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Воспоминанія. Спб., 1914. Изд. изд-ва „Шиповникъ". 375 стр. Съ 10 рис. Ц. 2 р. 25 к.

Теттау, фонъ, бар. Куропатнинъ и его помощники. Поученія и выводы изъ русско-японской войны. Русско-японская война въ наблюденіяхъ и сужденіяхъ иностранцевъ. Перенелъ съ нѣм. М. Грулевъ. Ч. II. Отъ Ляояна до Мукдена. Вып. XXXI. Спб., 1914. Изд. В. Березовскаго. VI+380 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Чертковъ, В. Страница изъ воспоминаній. Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ. М., 1914. 55 стр. Ц. 4 к.

§ 6. **Морозовъ, Н.** Пророки. Исторія возникновенія библейскихъ пророчествъ, ихъ литературное изложеніе и характеристика. М., 1914. 307 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

Христіанскій востокъ. Серія, посвященная изученію христіанской культуры народовъ Азіи и Африки. Т. II. Вып. III. Спб., 1914. Изд. Імпер. Акад. наукъ. 263—407 стр. Ц. 1 р. 35 к.

Яблонскій, В., свящ. Исторія христіанской православной церкви. (Курсъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.) Спб., 1914. 214 стр. Съ картами. Ц 1 р.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства, промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. Качадуни-Шаповаловъ, М. В. Горное дѣло и фабрично-заводская промышленность въ Россіи. Краткіе очерки по экономической географіи. Спб., 1914. 64 стр. Ц. 75 к.

Масловъ, П. Капитализмъ. Ч. I. Наемный трудъ и заработная плата. Спб., 1914. Изд. Книговед. „Жизнь и Знаніе". XIV+357+32 стр. Ц. 2 р.

Новыя идеи въ экономикѣ. Подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Сборникъ № 5. Закономѣрность общественнаго развитія. Спб., 1914. Изд. Издат. „Образованіе". 140 стр. Ц. 80 к.

Тэйлоръ, Ф. В. Усовершенствованная система сдѣльной платы. Пер. подъ ред. А. В. Пашкина и инж. Л. А. Левенстерна. Спб., 1914. Изд. Л. Левенстерна. 20+XVII+63 стр. Съ чертеж. Ц. 1 р. 30 к.

§ 2. Внѣшняя торговля Германіи съ Россіей и другими странами. Сводъ данныхъ германской статистики за 1900—1911 гг. Ч. I (I—V отдѣлы германскаго тарифа). Ч. II (VI—XIX отдѣлы германскаго тарифа). Спб., 1914. XVII+570+XI+571—978+XI стр.

Вывозъ и привозъ главнѣйшихъ товаровъ во внѣшней торговлѣ Россіи, съ распредѣленіемъ по таможеннымъ учрежденіямъ. Сводъ данныхъ русской статистики за 1908—1912 годы. Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. Министерство финансовъ. Департаментъ таможенныхъ сборовъ. Спб., 1914. 50+III стр.

Привозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію. Сводъ данныхъ русской статистики внѣшней торговли за 1900—1911 годы. Ч. I. Группы I—V. Статьи таможеннаго тарифа съ 1 по 88. Ч. II. Группы VI—X. Статьи таможеннаго тарифа съ 89 по 218. Спб., 1913. Изд. Департ. тамож. сборовъ. 2+XXV+364+VIII+2+365—880+VIII стр.

Сводъ статистическихъ данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности. Вып. X. Октябрь, 1913 г. Министерство финансовъ. Спб., 1914. XXVII стр. Вып. XI. Ноябрь, 1913 г. XXVII стр.

§ 3. Загорскій, К. Я. Желѣзнодорожные тарифы въ Россіи и Германіи въ связи съ экономическою политикою этихъ странъ. Министерство финансовъ. Матеріалы къ пересмотру русско-германскаго торговаго договора. Спб., 1914. 84 стр.

Фридманъ, М. И., проф. Винная монополія. Т. I. Винная монополія въ иностранныхъ государствахъ. Спб., 1914. XII+548 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Эльвинъ, Л. А., инж. Новая эра въ эксплоатаціи французскихъ желѣзныхъ дорогъ. М., 1914. Изд. Желѣзнодорожное издательство. 125 стр. Ц. 1 р. 50 к.

V. Соціологія и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ. § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; фабричное законодательство, страхованіе рабочихъ; профессіональные союзы; коопераціи. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы.

§ 1. Всемірное единеніе. Вып. II. 1914 г. Органъ человѣческаго единенія во всѣхъ формахъ мысли и дѣйствія. Харьковъ, 1914. 98 стр. Ц. 45 к.

Новыя идеи въ соціологіи. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти. Сборникъ № 4. Генетическая соціологія. Спб., 1914. Изд. издат. „Образованіе". 136 стр. Ц. 80 к.

§ 3. Виленцъ-Горовицъ, Е. В. Женская фабричная инспекція. Спб., 1914. 20 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Глѣбовъ, А. В. (Маркуловъ). Сельско-хозяйственныя товарищества (Трудовыя артели). Крестьянская библіотечка. Спб., 1914. Изд. 2-е испр. 32 стр. Ц. 5 к.

Маркуловъ, А. и Хейсинъ, М. Кооперативная пропаганда и культурно просвѣтительная работа въ кооперативахъ. Уставы, инструкціи, законы, литературы и пр. Спб., 1914. 64 стр. Ц. 30 к.

Страхованіе рабочихъ въ Россіи и на Западѣ. Т. I. Вып. III. Организація больничной кассы. Подъ ред. Б. Г. Данскаго. Спб., 1914. Изд. издат. „Прибой". 206 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Туганъ-Барановскій, М. И. Курсы по коопераціи. Экономическая природа кооперативовъ и ихъ классификація. М., 1914. Изд. 2-е, универ. ин. А. Л. Шанявскаго. 127 стр. Ц. 70 к.

Хейсинъ, М. Л. Письма къ потребителямъ

о томъ, что такое потребительное общество. Спб., 1914. Изд. 4-е доп. Спб. отд. ком. о сельск. ссудо-сбер. и промышлен. товар. 32 стр. Съ 23 рис. Ц. 8 к.

Цаидкинъ-Зюдвнгорстъ, О., фонъ, проф. Охрана и страхованіе рабочихъ. Вып. I. Охрана рабочихъ. Авторизов. перев. съ нѣм. В. Ѳ. Гефдинга. Подъ ред. П. Б. Струве. Спб., 1914. Изд. Спб. политехнич. инст. Петра Вел. VI+145 стр. Ц. 90 к.

§ 4. Аухагенъ, д-ръ. Критика русской земельной реформы. Перев. съ нѣм. съ прим. А. А. Кофода. Спб., 1914. Изд. Комитета по землеустр. дѣламъ. 32 стр.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 2. **Новгородцевъ, П.** Политическіе идеалы древняго и новаго міра. Вып. I. М., 1914. 95 стр.

§ 4. Во власти страсти. (Исповѣдь осужденнаго.) Процессъ Енецкаго въ спб. окружномъ судѣ. Почему я убилъ? Б-ка уголовныхъ процессовъ. Спб., 1914. 87 стр. Ц. 30 к.

Войтинскій, Вл. Внѣ жизни. Очерки тюрьмы и каторги. Спб., 1914. 255 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Волковъ, И. М. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Съ 8 рис. и картами. Культурно-историческіе памятники древняго востока. Подъ общей ред. проф. В. А. Тураева. Вып. I. М., 1914. IV+80 Ц. 70 к.

Гойхбаръ, А. Г. Единое понятіе страхового договора. Спб., 1914. 32 стр.

Гольмстенъ, А. Х., проф. Дополненіе къ 5-му изданію учебника гражданскаго судопроизводства. Спб., 1914. 12 стр. Ц. 5 к.

Залогъ имущества. Общедоступное изложеніе основныхъ началъ дѣйствующаго права. Права и обязанности залогодержателей и залогодателей съ приложеніемъ образцовъ договоровъ, исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ. Общедоступная юридическая б-ка, издаваемая подъ ред. В. Я. Крюковскаго. № 3. Спб., 1914. Изд. кн. маг. М. Попова. 168 стр. Ц. 50 к.

Люблинскій, П. И. Памяти трехъ русскихъ криминалистовъ: И. Я. Фойницкаго, Д. А. Дриля и Н. Д. Сергѣевскаго. Спб., 1914. 751 стр. Ц. 1 р.

Маклаковъ, В. А. Убійство А. Ющинскаго. Рѣчь въ кіевскомъ окружномъ судѣ 25 октября 1913 года. (По стенографическому отчету.) Спб., 1914. 87 стр. Ц. 25 к.

Рониперъ, К., графиня. Записка. Кошмарное дѣло графа Богдана Ронинкера. „А нсетаки я не виновенъ!" Приговоръ судебной палаты. Заключенія экспертовъ. Рѣчи защитниковъ. Спб., 1914. 377 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Свистуновъ, Я. А. Добровольная остановка при покушеніи. Спб., 1914. IV+135 стр.

Сравнительное изложеніе иностранныхъ и русскаго законодательствъ о поджогѣ. (Извлечено изъ статьи проф. Ульмана.) Перев. съ нѣмецк. подъ ред. П. И. Люблинскаго. Спб., 1914. Изд. Импер. Россійскаго Пож. Об-ва. 27 стр.

§ 6. Абрамовичъ, А. К. Образцовый уставъ общества взаимнаго кредита съ разъясненіями по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената, съ приложеніемъ образцовъ дѣлопроизводственныхъ бумагъ, актовъ и обязательствъ по операціямъ обществъ взаимнаго кредита. Спб., 1914. 149 стр.

Бетулинъ, М. П. Справочникъ-юристъ. Пособіе при веденіи дѣлъ судебныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ, въ административныхъ учрежденіяхъ; подѣламъ крестьянскимъ, о воинской повинности, о паспортахъ и проч. (Новый законъ о расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола, новый законъ о правѣ застройки.) Спб., 1914. 342 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Золовъ, Н. Т. Уставъ крестьянскаго поземельнаго банка. Съ разъясненіями и приложеніями. разн. инструкц., правилъ, расписаній и друг., а также сравнительнаго и алфавитнаго указателей. Спб., 1914. 124 стр. Ц. 1 р.

Гордонъ, В., проф. Уставъ гражданскаго судопроизводства съ систематизированнымъ собраніемъ законодательныхъ мотивовъ ко всѣмъ узаконеніямъ и разъясненій Прав. Сената и Мин. Юстиціи, съ прил. узаконеній, цитированныхъ въ уставѣ или касающихся примѣненія его, законовъ 12 марта 1914 г. и алфав. предм. указ. Спб., 1914. Изд. 6-е испр. и доп. юрид. кн. маг. И. К. Мартынова. XCII+852+298+193 стр. Ц. 6 р.

Доброхотовъ, Н. С. Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита (Сводъ Зак., Т. XI, ч. II. Раздѣлъ X Устава Кредитнаго, по Сводному продолженію 1912 г.), комментированное законодат. мотивами Госуд. Совѣта и Госуд. Думы, разъясненіями Прав. Сената, Министерствъ, Управленія по дѣламъ мелкаго кредита, циркул., наказами, правилами и другими инструк-

ціонными распор. во 15 января 1914 г. и снабженное образцовыми уставами кред. и ссуде-сберег. т-въ съ разъясненіями, образц. и другими уставами учр. мелк. кред., какъ новой формаціи, такъ и стараго сословнаго типа, уставами кооперат. банковъ, формами отчетности и алфавитнымъ предметнымъ и другими указателями. Спб., 1914. Изд. юрид. книжн. маг. Н. К. Мартынова. XXVIII+733 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Знаряловъ, К. П. Уставъ гражданскаго судопроизводства для мѣстностей, въ которыхъ законъ о преобразованіи мѣстнаго суда введенъ въ полномъ объемѣ, измѣненный и дополненный закономъ о мѣстномъ судѣ (Собр. уз. 1912 г., ст. 1194) и другими ранѣе изданными узаконеніями,—съ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ. Спб., 1914. Изд. кн. скл. „Право" 2-е. доп. CIX+572 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Кагинъ-Шабшай, А. Ф. Юридическій справочникъ по постройкамъ къ руководству для архитекторовъ, подрядчиковъ, домовладѣльцевъ, фабрикантовъ и инженеровъ на 1914 годъ. М., 1914. Изд. Московск. бюро технич. изслѣдованій и консультацій. 67 стр. Ц. 40 к.

Люблинскій, Ф. Юридическіе совѣты. Необходимая книга для крестьянъ. М., 1914. 128 стр. Ц. 75 к.

Озерецковскій, Н. Уставъ гражданскаго судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. I, изд. 1892 г., по Прод. 1912 г.) дополненный законами о преобразованіи и введеніи мѣстнаго суда и всѣми позднѣйшими узаконеніями по 1-е марта 1914 года съ предметнымъ указателемъ. Спб., 1914. Изд. „Законовѣдѣніе", 2-е. LVI+IV+556 стр. Ц. 1 р.

— Уставъ уголовнаго судопроизводства, дополненный законами о преобразованіи и введеніи мѣстнаго суда и всѣми позднѣйшими узаконеніями по 1-е марта 1914 года съ предм. указат. Спб., 1914. Изд. „Законовѣдѣніе". LIV+417 стр.

Рогозинъ, Л. М. Почетное гражданство. Законы и разъясненія Сената и Министерства о значеніи къ сословію почетныхъ гражданъ, о правахъ и преимуществахъ этого сословія. Награды за отличія на благотворительномъ и общественномъ поприщахъ. Съ прил. подробнаго предм. указателя и образцовъ прошеній. Подъ ред. прис. пов. С. И. Хоровицкаго. Спб., 1914. Изд. книгопод. „На стражѣ Закона". XVIII+80 стр. Ц. 75 к.

Розенштейнъ, М. Л. Практическое руководство для утвержденія въ правахъ наслѣдс на по закону и духовному завѣщанію. Съ разъясн. прав. Сената, практическими объясненіями составит. и образцами необходимыхъ прошеній и заявленій и съ алфавитн. предм. указ. Спб., 1914. Изд. юрид. кн. маг. „Законовѣдѣніе". IV+83 стр. Ц. 60 к.

Тютчевъ, А. П. Правила о потравахъ и другихъ повреждеиіяхъ земельныхъ угодій. (Сводъ Зак. т. XII, ч. II. Уст. Сел.-Хоз. ст. 164—188, изд. 1903 г. и по прод. 1912 г.) Спб., 1914. Изд. кн. маг. В. П. Анисимова. VI+112 стр. Ц. 50 к.

Цыпкинъ, П. С. Законъ 12 марта 1914 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ дѣйствующихъ узаконеній о личныхъ имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ и объ отношеніи супруговъ между собою и къ дѣтямъ. Съ разъясненіями и комментаріями, извлеченными изъ законодательныхъ мотивовъ и научныхъ трудовъ и статей по гражданскому праву. Спб., 1914. Изд. „Законовѣдѣніе". VIII+144 стр. Ц. 80 к.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Народное образованіе. § 3. Церковь и сектантство. § 4. Національный и инородческій вопросы. § 5. Женскій вопросъ. § 6. Половой вопросъ. § 7. Армія и флотъ.

§ 1. **Бертенсонъ, Л.** Всероссійская лига для борьбы съ туберкулезомъ. М., 1914. Изд. Всероссійской лиги для борьбы съ туберкулезомъ, 6-е. 9 стр.

Васильевъ, В. Н. Библіотечное дѣло. Руководство для устройства и содержанія въ порядкѣ общественныхъ, земскихъ, школьныхъ и частныхъ библіотекъ. Ч. II. Абонементныя правила: абонементная плата, залоги, поручительства, штрафы и т. п. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 113 стр. Съ чертеж.

Верещагинъ, А. В. Памяти прошлаго. Статьи и замѣтки. Спб., 1914. 211 стр. Съ рис. Ц. 5 р.

Вознесенскій, В. О чаяніи и желаніи порожнимъ строительствѣ послѣднихъ лѣтъ. По поводу брошюры А. А. Бубнова. Спб., 1914. 28 стр.

Вольскій, В. На пути къ свободѣ слова. Спб., 1914. Изд. на на „Пальмирѣ", 45 стр. Ц. 10 к.

Дѣло присяжнаго повѣреннаго А. Д. Мантейфеля. Спб., 1914. Изд. книж. маг. М. В. Попова. 137 стр. Ц. 80 к.

Лейтесъ, К. С. Ходъ работъ по подго-

товкѣ къ пересмотру торговыхъ договоровъ въ Россіи и Германіи за 1913 годъ. Спб., 1914. 76 стр. Ц. 50 к.

Кривенко, В. С. Мой дорожникъ. Сборникъ записокъ съ 1900 по 1914 гг. Спб., 1914. 343 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Прошлогодній, Я. Наши олимпійцы. О томъ, какъ „принципы" одержали побѣду надъ „желвніями". (Изъ академической были.) Спб., 1914. 14 стр. Ц. 10 к.

Хиндхеде, М., д-ръ. Реформа нашего питанія. Перев. съ нѣм. Спб., 1914. Изд. к-ва „Новый человѣкъ". 222 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

§ 2. **Анучинъ, Н.** Какъ устроить свою домашнюю библіотеку. Практическое руководство для устройства домашней библіотеки. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 24 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Мусинъ-Пушкинъ, А. А., гр. Нѣкоторыя общія соображенія по вопросу о задачахъ низшаго, средняго и высшаго образованія. Спб., 1914. 28 стр. Ц. 30 к.

Народное образованіе въ земствахъ. Основы организаціи и практика дѣла. Сборникъ подъ ред. Е. А. Звягинцева, А. М. Обухова, С. О. Сѣрополко и И. В. Чехова. М., 1914. Изд. „Задруга". 443 стр. Ц. 3 р.

§ 3. **Василевскій, Г. А.** Баптизмъ и свобода воли. Природа церкви. Основа баптизма. Догматъ. Культъ. Спб., 1914. Изд. „Религія и жизнь". 78 стр. Ц. 40 к.

Корнилль, К., Штэрнъ, В., Добшитцъ, Е., фонъ, Трэльтчъ, Е. и Германъ, В. Христіанство въ освѣщеніи протестантскихъ теологовъ. Сборникъ статей. Перев. съ нѣм. Ф. Д. Капелюша. Подъ ред. Д. М. Койгенъ. Спб., 1914. Изд. из-ва „Грядущій день". 175 стр. Ц. 1 р.

Никонъ, архіеп. Имебожники. Великое искушеніе около святѣйшаго имени Божія и плоды его. Сергіевъ посадъ, 1914. 138 стр. Ц. 25 к.

Потѣхинъ, С., прот. О 1000-лѣтнемъ Царствѣ Христа. (Бесѣда съ адвентистами на откр. 20 гл.) Спб., 1914. Изд. В. Скворцова. 27 стр. Ц. 10 к.

Соколовъ, И. И. Русскій баптизмъ, его происхожденіе, общій характеръ и ученіе о крещеніи. Спб., 1914. 30 стр.

§ 4. **Жеденевъ, Н. И.** Происхожденіе слова „жидъ". Еврей. Израиль. Іудей. Жидъ. Докладъ. Б-ка общества изученія іудейскаго племени. Спб., 1914. 32 стр. Ц. 20 к.

Замысловскій, Г. Г. „Умученные отъ жидовъ". Саратовское дѣло. По актамъ Государственнаго Совѣта. Спб., 1914. Изд. 2-е, перерб. и доп. 80 стр. Ц. 30 к.

Петровъ, С. Правда и ложь объ евреяхъ. Спб., 1914. Изд. из-ва „Прибой". 32 стр. Ц. 3 к.

Потѣхинъ, С., прот. Библія и евреи. 1. Дѣло Бейлиса. 2. Талмудъ. 3. Ветхозавѣтная праведность. 4. Ветхозавѣтный ритуалъ. Спб., 1914. Изд. В. Скворцова. 35 стр. Ц. 15 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 2. **Бенуа, А.** Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Ч. I. Пейзажная живопись. Вып. XII. Спб., 1914. Изд. издат. „Шиповникъ". 97—192 стр. Съ рис.

Гриммъ, Г. Микель Анджело Буонарроти. Вып. III. Спб., 1914. Изд. издат. „Грядущій День". 122—180 стр. Съ рис.

Парландъ, А. А., проф. Къ исторіи архитектурной декораціи въ Италіи. Т. I. Спб., 1913. Изд. Имп. московск. археолог. института. 182 стр. Съ рис. Ц. 7 р.

Соломинъ, Г. К. Джіотто Дибондоне. Спб., 1914. Изд. издат. „Грядущій День". 176+VI стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

§ 3. **Врангель, Н. Н.**, бар. Памяти Петра Петровича Семеновъ-Тянъ-Шанскаго. Спб., 1914. Изд. Общ. защиты и сохр. въ Россіи памят. искусства и старины. 30 стр. Съ рис.

§ 5. **Копъ, Мансъ. Рихардъ Вагнеръ.** Нюрнбергскіе мастера пѣнія. Музыкальная драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Историко-сценическій и музыкальный разборъ съ многочисленными нотными примѣрами. Спб., 1914. Изд. „Музыка". 130 стр. Ц. 60 к.

Леманъ, А. И. Книга о скрипкѣ. Спб., 1914. 176 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

§ 6. **Григоровъ, С.** Балетное искусство и С. В. Федорова 2-я. Опытъ. М., 1914. 76 стр.+10 рис. Ц. 1 р.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка, гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Кемпбель, В.** Наглядная геометрія. Пособіе для обученія и самообученія. Съ введеніемъ А. Филлипса. Перевелъ съ англ. Е. Поповъ. Новое воспитаніе и образованіе. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. XV. М., 1913. Изд. 3-е. 207 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Минцловъ, С. И. Періодическія и конечныя десятичныя дроби и дѣйствія надъ ними. Спб., 1914. 44 стр. Ц. 45 к.

§ 2. **Баевъ, К. Л. и Высотскій, А. Н.** Атласъ картинъ по астрономіи съ объяснительнымъ текстомъ. М., 1914. 20 стр.+XXXVI табл. рис.

Васнецовъ, М. Солнечное затменіе 8 августа 1914 года. Съ картой затменія въ Европейской Россіи. (Московское об-во любителей астрономіи.) М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 43+1 нен. стр. Съ чертеж.+4 листа рис. Ц. 35 к.

Новыя идеи въ астрономіи. Подъ ред. проф. А. Иванова. Сборникъ VI. Марсъ и его каналы. Спб., 1914. Изд. изд-ва „Образованіе". 146 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Фламмаріонъ, К. Общедоступная астрономія. Перевелъ съ франц. В. Черкасовъ. Спб., 1914. Изд. Ф. Павленкова, 8-е. 185 стр. Съ 100 рис. Ц. 70 к.

§ 3. **Бекетовъ, А. В.** д-ръ. Радій и его свойства. М. Изд. „Фельдшерск. Вѣстникъ". 44 стр. Ц. 25 к.

Ивановъ, А. А., проф. Абсолютное опредѣленіе напряженія силы тяжести въ главной палатѣ мѣръ и вѣсовъ въ С.-Петербургѣ при помощи длинныхъ маятниковъ. Спб., 1914. 16 стр.

Индрикосонъ, Ф. Н. Учебникъ физики. Вып. I. Введеніе. Краткія свѣдѣнія изъ химіи. Ученіе о жидкостяхъ и газахъ. Ученіе о силахъ. Спб., 1914. Изд. 2-е, испр. IV+179 стр. Съ рис.

Новыя идеи въ физикѣ. Подъ редак. проф. П. П. Боргманъ. Сборникъ № 1. Строеніе вещества. Спб., 1914 Изд изд-ва „Образованіе", 3-е, исправ. 202 стр. Съ чертеж. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ химіи. Подъ ред проф Л. А. Чугаева. Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы. Спб., 1914. Изд. изд-ва „Образованіе", 2-е, доп. IV+154 стр. Съ чертеж Ц. 80 к.

§ 4. **Вернадскій, В. И.** Опытъ описательной минералогіи. Т. I. Самородные элементы. Вып. V. Спб., 1914. 657—839+XIII стр. Ц. 2 р.

§ 5. **Березинъ, Д. М.** Библейская флора. Наглядное пособіе при чтеніи и изученіи Библіи Спб, 1914. Изд. Я. Башмакова и К°. VIII+174 стр. Съ 12 табл., 159 рис. и карт Ц. 5 р.

Гессе, Р., проф. Тѣло животнаго, какъ самостоятельный организмъ. Пер. съ нѣм. Подъ ред. и съ примѣчаніями проф. Ю. И. Вагнера. (Строеніе и жизнь животныхъ въ ихъ взаимномъ отношеніи, сочиненіе д-ра проф. Рихарда Гессе и д-ра проф. Дафлейнъ.) Вып. I—V. Спб., 1912. Изд. А. Ф. Девріена. VIII+714+XII стр. Съ 480 рис. и 15 таблиц. Ц. 12 р.

Лунцевичъ, В. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Научно-популярная б-ка для народа Спб., 1914. Изд. В. Яковенко, 6-е. 96 стр. Съ 44 рис. Ц. 24 к.

Новыя идеи въ біологіи. Подъ ред. проф. В. А. Вагнера. Сборникъ № 6. Біопсихологія. Спб., 1914. Изд. изд-ва „Образованіе". 138 стр. Ц. 80 к.

§ 6. **Гельвигъ, Р.** Анатомія сосудовъ головы человѣка. Артеріи, вены, лимфатическіе сосуды. Кіевъ, 1913. 134 стр. Съ рис.+2 табл. Ц. 1 р. 10 к.

Никитинъ, А. Ф., д-ръ. Руководство къ составленію учебнаго музея по гигіенѣ. Спб., 1913. Изд. Э. И. Блокъ. 57 стр. Ц. 50 к.

Черновъ, А. М., проф. Руководство къ изученію нормальной физіологіи человѣка. Для высшихъ учебныхъ заведеній. Ч 1 и II. Харьковъ, 1914 XVI+800 стр. Съ рис. Ц. 5 р. 50 к.

§ 7. **Бенинъ, Л. А.** Окрестности Гечуи и Пеполи. (Впечатлѣніе туриста.) Харьковъ, 1914. 88 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Зиминовъ, В. М. Старинные льды у холоднаго океана. Русское устье Якутской области, Верхоянскаго округа. Съ предисловіемъ В. В. Богданова. М., 1914. Изд. 2-е, испр. и дополн. 133 стр. Съ рис Ц. 75 к.

§ 8. **Юнгъ, Дж. В. А.**, проф. Какъ преподавать математику. Пер. съ англ. А. Р. Кулишеръ. Вып. I. Преподаваніе математики въ средней и начальной школѣ. Спб., 1914. Изд. „Общ. Польза", 2-е, испр. и дополн. XXI+198 стр. Съ 20 чертеж. Ц. 1 р. 50 к.

X. Книги для дѣтей.

Авенаріусъ, В. П. Перелъ разсвѣтомъ. Повѣсть для юношества, изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. Спб., 1914. Изд. П. Луковникова, 3-е. 284 стр. Съ 20 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Аксаковъ, С. Т. Алевькій цвѣточекъ. Разсказъ ключницы Пелагеи. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. журн. „Юная Россія". 31 стр. Ц. 6 к.

Бертэ, Э. Маленькіе школьники 5 частей свѣта. Перев. съ фран. А. Н. Нелловой. Спб., 1914. Изд. В. Губинскаго. 236+III стр. Съ 76 рис. Ц. 1 р.

Бичер-Стоу, Г. Хижина дяди Тома. Переработано для юношества. Е. А. Сипькевичевъ. Кіевъ, 1914. Изд. П. И. Бонадурера. 451+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Богдановъ, М. Н., проф. Бѣлка. На косыхъ. Два разсказа изъ русской природы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Вагнеръ, П. П. Дѣти, любите птичекъ. Разсказъ. М., 1914. Изд. кн. маг. М. Р. Клюкина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Ласточка касаточка. Разсказъ. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 40 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Гоонъ, А. Р. Семь мудрыхъ школяровъ. Перев. съ англ. М. Гранстрема. Спб., 1914. Изд. Э. Гранстрема, 3-е. 278 стр. Съ 96 рис.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Малымъ ребятамъ. Разсказы и стихи. Кн. 23. М., 1914. Изд. „Посредника", 5-е. 47 стр. Ц. 2½ к.

Горбуновъ, Е. Наша земля. Первоначальная наглядная географія для дѣтей, основанная на наблюденіяхъ, опытахъ и работахъ. (По Г. Фербенксу). Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. М., 1914. Изд. „Посредника", 2-е. 304 стр. Съ рис. Ц 90 к.

Демольдоръ, Э. Сердце бѣдныхъ. Разсказъ для дѣтей. Пер. съ франц. С. Орловскаго. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. М., 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова, 4-е. 144 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Доганович, А. Сѣрые герои. (Три разсказа). Съ рис. А. П. Апсита. М., 1914. Изд. Д. П. Ефимова. 48 стр. Ц. 30 к.

Дѣти въ городѣ. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы. М. 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 5-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Золя, Э. Какъ умираютъ. Перев. В. А. Гольвальта. Для старшихъ. Б-ка новой школы. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 64 стр. Ц. 6 к.

Кругловъ, А. В. Въ гостяхъ у дѣтства. Страничка изъ воспоминаній. Съ рис. А. П. Апсита. М., 1914. Изд. Д. П. Ефимова. 72 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Круковскій, М. А. Рыжикъ. Разсказъ. М., 1914. Изд. книгоизд. К. Н. Тихомирова, 2-е. 23 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

Ливингстонъ-Монди, М. Маленькій милліонеръ. Съ англій каго. М. Гранстремъ. Спб., 1914. Изд. Э. Гранстрема, 4-е. 276 стр. Съ 54 рис.

Мечъ, С. Центральная Азія. М., 1914. Изд. 11-е. 72 стр. Ц. 30 к.

Моравская, М. Цвѣты въ подвалѣ. Разсказы для дѣтей. Спб., 1914. Изд. т-ва О. П. Поповой. 71 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. Другъ. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. журн. „Юная Россія", 2-е. 22 стр. Ц. 7 к.

— Наша сестра. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. журн. „Юная Россія", 2-е. 32 стр. Ц. 10 к.

Новицкая, В. (Махцевичъ). Пестрый день. Разсказъ изъ жизни маленькаго кадетика. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 52 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Носиловъ, К. Д. Таня Логай. Разсказъ изъ жизни самоѣдовъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 5-е. 29 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Опочининъ, Е. Непутевый. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. журн. „Юная Россія", 2-е. 15 стр. Ц. 5 к.

Птицы. Краткое руководство для перваго знакомства съ главнѣйшими нашими птицами съ одной раскрашенной таблицей, для учащихся и самообразованія. Подъ ред. В. В. Ставчинскаго. М., 1914. Изд. I. Кнебель. 59 стр.

Рабертсъ, Ч. Четвероногій Робинзонъ. Перев. съ англ. В. Гатаунъ. М., 1914. Из. журн. „Юная Россія". 24 стр. Ц. 5 к.

Рокъ, И. де. Гроза міра. Фантазія для юношества. Спб., 1914. IV + 336 стр. Съ 59 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Русаковъ, В. Русскія свѣтила науки. Біографическіе очерки и разсказы. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 160 стр. Съ рис.

Сенкевичъ, Г. Разсказы для юношества. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 65 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Сиротка Маруся. Разсказъ для дѣтей въ переработкѣ П. И. Перелыгина. Съ рис. П. Е. Литвиненко. М., 1914 Изд. Д. П. Ефимова, 4-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Изъ жизни великихъ и славныхъ людей. Сборникъ разсказовъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 299 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Толстой, Л. Н. Сказки, басни и разсказы для маленькихъ дѣтей. Русскіе писатели для дѣтей и юношества М., 1914 Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. II + 278 стр. + 24 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Томпсонъ-Сетонъ, Э. Животныя герои. Перев. съ англ. М. А. Орлова Спб., 1914. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 278 стр. Съ 200 рис. Ц. 1 р.

Три медвѣдя. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы. М. 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 6-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Тринковскій, И. И. Природа и ея явленія. Неорганическій міръ. Растенія Человѣкъ и животныя. Свѣдѣнія изъ физики. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 270 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Тулуновъ, Н. В. Розныя сказки Сборникъ русскихъ сказокъ для дѣтей По разнымъ источникамъ Вып. III и IV. М., 1914. 47 + 46 стр. Съ рис. Ц. во 15 к.

Уида. Сидикъ маленькаго Гарри. Разсказъ Перев. съ англ. И. А. Бунина. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 17. М., 1914. Изд. И. Горбунова Посадова, 5-е. 39 стр. Ц. 20 к.

Фидеаля, Н. Въ часы досуга Сборникъ работъ и занятій для дѣтей М., 1914. 136 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Чапыгинъ, А. Лѣнивый Лыско. Катрикъ, В. Щепокъ, Горбуновъ, К. Сватовство гордаго мышенка. Абрамова, В. Кошкинъ пріемышъ. Спб., 1914. Изд. издат. Медвѣжонокъ. 36 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 1. Военная энциклопедія. Подъ ред. проф. К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фонъ-Шульца. Вып. XXIX. (Линулаксъ-Мансеренная крѣпость.) Спб, 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 160 стр. Съ портр., рис., план., карт. и чертеж. + 20 лист. рис., портр, чертеж., план. и картъ. Вып. XXX (Мансеренная крѣпость—Военный отрядъ Балтійскаго флота). 161—320 + 6 стр. Съ рис., портр., план. и карт.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. Н Ланге, Ник. Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Кн. XXVII М., 1914. Изд. т-ва „Міръ". 144 стр. Съ рис.

Новый энциклопедическій словарь. Восемнадцатый томъ. Жукова—Ивица Спб., 1914. Изд. Акц. Общ Брокгаузъ-Ефронъ. 960 стр. Съ рис., табл. и карт.

Русская энциклопедія. Подъ ред. С. А. Адріанова, проф. Э. Д. Гримма, засл. проф. А. В. Клоссовскаго и проф. Г. В. Хлопина. Т VIII. Елецкіе до Индурвія. Спб., 1914. Изд. т-ва „Дѣятель". 472 стр. Съ рис., табл. и карт. Ц. 5 р.

Русскій біографическій словарь. Панке-Пакенскій — Николай Николаевичъ Старшій. Спб., 1914 Изд. Имп. Русск. Истор. О-ва. 368 стр. Ц. 3 р.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» въ теченіе мая 1914 г.

Азіатская Россія. Т. 1 и II. Изд. Пересел. упр. главн. упр. землеустр. и земледѣлія. Спб., 1914 г.

„Алкей и Сафо". Переводъ Вячеслава Иванова. Москва, 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Амфитеатровъ, А. В. Властители думъ. Книг-ство „Просвѣщеніе". Спб. Ц. 1 р. 50 к.

— Эзоповъ ликъ. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Андреевъ, Л. Н. Мысль. Кн-во „Прометей". Ц. 75 к.

Аршонъ, Х. Б. Неопредѣленный анализъ 1-й ст. Двинскъ, 1914 г. Ц. 40 к.

Асаткинъ, А. Н. Общество потребителей Московской губерніи по матеріаламъ за 1912 г. Изд. Моск. губ. земства. Москв, 1914 г.

Атласъ Азіатской Россіи. Изд. Переселен. упр. главн. упр. землеустр. и земледѣлія. 1914 г.

Аухагенъ, д-ръ. Критика русской земельной реформы. Изд. Канц. ком. по землеустр. дѣламъ. 1914 г.

Аѳанасьевъ, А. Н. Народныя русскія легенды. Изд. „Молодыя силы". Ц. 2 р.

Айхенвальдъ, Ю. Споръ о Бѣлинскомъ. Москва, 1914 г. Ц. 75 к.

Багалѣй, Д. И. Русская исторія. Т. I. Москва, 1914 г. Ц. 2 р.

Бальзакъ. Доде. Зола. Мопассанъ. Военные разсказы. Изд. Семенова. Спб., 1914 г. Ц. 30 к.

Бальмонтъ, К. Бѣлый Зодчій. Изд. „Сиринъ". Спб., 1913 г. Ц. 2 р.

Барацъ, Л. Г. О введеніи свободныхъ гаваней въ Россіи. Кіевъ, 1914 г.

Барановъ, Евг. Сказки терскихъ казаковъ. Изд. т-ва Сытина. Ц. 85 к.

Безантъ, А. Путь къ посвященію и совершенствованіе человѣка. Спб., 1914 г. Ц. 45 к.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Вып. XII. Изд. „Шиповникъ". Спб.

Бертенсонъ, Левъ. Радіоактивность въ лѣчебныхъ водахъ и грязяхъ. Изд. Риккера. Спб., 1914 г. Ц. 2 р. 80 к.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ. Изд. Вольфа. Ц. 3 р.

Бицилли, П. Б. Западное вліяніе на Руси и начальная лѣтопись. Одесса, 1914 г.

Библіотека „Кооперативной жизни". I и II сборн. статей. Москва, 1914 г.

Бончъ-Томашевскій, М. М. Книга о танго. Москва, 1914 г. Ц. 75 к.

Бречкевичъ, М. В. О нѣкоторыхъ современныхъ трудностяхъ въ области истор. изученія. Казань, 1914 г. Ц. 15 к.

Бруно, Джордано. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Изд. „Огни. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Быховскій, В. В. Личныя и имущественныя отношенія супруговъ между собою и къ дѣтямъ при раздѣльномъ жительствѣ. Изд. кн. маг. „Правовѣдѣніе". Ц. 75 к.

Бѣлинскій. Письма. III т. Спб., 1914 г. Ц. каждаго тома 2 р. 50 к.

Вагнеръ, Рихардъ. Вибелунги. Ц. 50 к.

Васильевъ, Н. В. Произведенія народной словесности и ихъ собираніе въ Россіи. М., 1914 г.

Вернонъ, Ли. Италія. Кн-во Сабашниковыхъ. М. Ц. 1 р. 25 к.

„Вечера", № 1. 1914 г. Ц. 25 к.

Вейнбергъ, Б. П. Движеніе безъ тренія. Кн-ство „Естествоиспытатель". Ц. 50 к.

Вейнбергъ, Л. О. Критическое пособіе. Т. IV. Вып. I. Ц. 1 р.

Витгерсъ, Г. Денежный рынокъ Одесса, 1914 г. Ц. 2 р.

Витинъ, А. Шведъ. Харьковъ, 1914 г. Ц.

Випперъ, Р., проф. Древняя Европа и Востокъ. М., 1914 г. Ц. 80 к.

Винскій, Г. Записки. Мое время. Б-ка мемуаровъ „Огни". Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Винтергальтеръ, А. Практическій курсъ природовѣдѣнія. Ч. II. Изд. т-ва Сытина. 1914 г. Ц. 50 к.

де-Визева, Теодоръ. Варсава. Кн-во „Зеленая палочка". М., 1914 г. Ц. 15 к.

Войтинскій, Вл. Внѣ жизни. Т. I. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросникъ по кооперации. М. Ц. 10 к.

Вселенское дѣло. Сборникъ I. Одесса, 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вышеславцевъ, Б. Этика Фихте. М., 1914 г. Ц. 3 р.

Вѣстникъ львиного дѣла. М., 1914 г.

В. П. Въ помощь увѣчному рабочему. Изд. „Накануне". Спб., 1914 г. Ц. 10 к.

Галанинъ, Д. Д. Леонтій Филипповичъ Магницкій и его арвометика. М., 1914 г. Ц. 2 р.

Гайдебуровъ, Василій. Красные маки. Спб., 1914 г. Ц. 35 к.

— Цвѣты надъ обрывомъ. Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Гейне, Генрихъ. Книга пѣсенъ. Изд. Вольфа. Спб.—Москва. Ц. 1 р.

Грюнбергъ, В. П. 20 правилъ для пользующихся воздушными и солнечными ваннами. Одесса, 1914 г. Ц. 15 к.

Гуртикъ, Луи. Франція. Изд. „Проблемы эстетики". М. Ц. 4 р. 50 к.

Гусевъ, А. М. Сборникъ статей, стихотвореній и художественныхъ отрывковъ съ планами. Изд. Спиридонова. М., 1914 г. Вып. I—ц. 50. Вып. II—ц. 75 к.

Гюго, Викторъ. Несчастные. Кн-во „Просвѣщеніе". Ц. 1 р. 25 к.

Дембовецкій, В. Полонка и пьяни. Ц. 1 р.

Добрынинъ, К. И. Новая исторія. Изд. Спиридонова. М., 1914 г. Ц. 1 р.

— Сокращенный курсъ всеобщей исторіи. Изд. Спиридонова. М., 1914 г. Ц. 1 р.

Доброхотовъ, Н. С. Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. М., 1914 г. Ц. 3 р. 50 к.

Доде, Альфонсъ. Приключенія Тартарена. Изд. Семенова. Спб., 1914 г. Ц. 50 к.

Дурылинъ, Сергѣй. Вагнеръ и Россія. Изд. „Мусагетъ". М., 1913 г. Ц. 50 к.

Дѣтская энциклопедія. Т. III.

Ежемѣсячная статистика жилищной промышленности юга Россіи. Вып. № 529 и 530. Харьковъ, 1914 г.

Жаковъ, К. Ѳ. Какъ жить на свѣтѣ. Изд. Борисова. Спб., 1914 г. Ц. 10 к.

Жаковъ, К. Ѳ. Сквозь строй жизни. Вып. II. Изд. Борисова. Спб., 1914 г. Ц. 60 к.

„Жатва". Кн. V. М. Ц. 2 р.

Жуковская, Вѣра. Марена. Кн-во Самоненко. Кіевъ, 1914 г.

Загорскій, С. О. Синдикаты и тресты. Изд. Курсовъ М. В. Побѣдинскаго. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 85 к.

Замѣчанія на смѣту мин. нар. просвѣщенія. Спб., 1914 г.

Замѣчанія на смѣту министерства народ. просвѣщ. (по поводу доклада бюджетной комиссіи Госуд. Думы).

Зайцевъ, Л. М. Взаимное исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній и русско-германскій торговый договоръ. Кіевъ, 1914 г.

Земскіе финансы по смѣтамъ на 1910 г. № 524. Харьковъ, 1914 г.

Ивановъ, Георгій. Гринда. Кн-во „Гиперборей". Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Извѣстія московскаго коммерческаго института. Экономическое отдѣленіе. Кн. II. М., 1914 г.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. П. Ланге, П. Морозова, проф. Шимкевича. Кн. XXVIII. Изд. т-ва „Міръ".

Іёргенсенъ, Іоганнесъ. Мой путь. Кн-во „Зеленая палочка. М., 1914 г. Ц. 75 к.

Кваргрэмъ, Генріэтта. Коктаидзуйская республика. Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н. И. Было ли парижское возстаніе 13 вендемьера IV года роялистическимъ? Харьковъ, 1914 г.

Кайгородовъ, Д. Наши лѣтніе цвѣты. Изд. А. С. Суворина. Ц. 1 р.

Кащенко, Н. Ѳ., проф. Смерть и долголѣтіе съ биологической точки зрѣнія. Кн-во „Наука". М., 1914 г. Ц. 45 к.

Кванинъ, Семенъ. О письмахъ Чехова. М., 1914 г. Ц. 30 к.

Киплингъ, Р. Смѣлые мореплаватели. Изд. Семенова. Спб., 1914 г.

Книги по философіи. Изд. маг. „Трудъ". М. Ц. 20 к.

Кожевниковъ, В. Индусскій аскетизмъ. Сергіева-Посадъ, 1914 г.

Кованько, П. Реформа 19 февраля 1861 г. Кіевъ, 1914 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ковалевскій, М. О Исторіи Греціи и Рима. Изд. книжн. маг. Голубева. Казань, 1914 г. Ц. 65 к.

Коллинзъ, М. Когда солнце движется на сѣверъ. Изд. „Духовное знаніе". М., 1914 г. Ц. 1 р.

Кондурушкинъ, С. Звонарь. Изд. т-ва Сытина.

Кузницкій, С. Зимнее содержаніе подмосковнаго дойнаго скота. М., 1914 г. Ц. 30 к.

Лаппо-Данилевская, Н. А. Княжна Мара. Ц. 1 р. 25 к.

Ладыженскій, Вл. Исторія русской литературы для школъ и народа. Изд. Семенова. Спб., 1914 г. Ц. 60 к.

La Cultura Filosofica, № 2.

Левитскій, В. Ф., проф. Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта. Харьковъ, 1914 г. Ц. 2 р. 80 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Казачья колыбельная пѣсня. Изд. т-ва Сытина. Ц. 50 к.

Линниченко, И. А., проф. Рѣчи и поминки. Одесса, 1914 г.

Ludskanow, Alexander. Ueber die Verhältniswahl.

Львова, Н. Старая сказка. Изд. 2-е, дополненное посмертн. стих. Изд. „Альціона". М. Ц. 1 р. 25 к.

Львова, Е. Вильгельмъ Либкнехтъ. Изд. „Наканунѣ". Спб., 1914 г. Ц. 15 к.

Лѣтніе общеобразовательные курсы, устроенные кіевск. фребелевскимъ обществомъ для народ. учит. въ г. Кіевѣ въ 1911 и 1912 гг.

Макаровъ, Н. Очеркъ кооперативнаго сбыта зерна. Изд. Крестовникова. Ц. 1 р.

Масловъ, Петръ. Капитализмъ. Ч. I. Кн-во „Жизнь и Знаніе". Спб., 1914 г. Ц. 2 р.

Мильо, Э. Общественная экономія. Изд. „Трудъ". М., 1914 г. Ц. 20 к.

Михайловъ, И. Н. и **Будановъ, В. П.** Атласъ-репетиціонныхъ картъ. Кн-во Сытина. Ц. 40 к.

Морозовъ, А. А. и **Горбуновъ, В. А.** Синтаксисъ русскаго языка. Изд. Спиридонова. М., 1912 г. Ц. 30 к.

Мукосѣевъ, В. А. Повышеніе товарныхъ цѣнъ. Изд. „Вѣстн. Финан." и „Торгово-Промышл. Газеты". Спб., 1914 г.

Никитинъ, А. И. Маленькій словарь и краткія правила правописанія. Изд. Спиридонова. М., 1914 г. Ц. 6 к.

— Русское правописаніе. Изд. Спиридонова. М., 1914 г. 1-й годъ начальной школы—ц. 25 коп., 2-й годъ — 30 коп., 3-й годъ—25 к., 4-й годъ—15 к.

Новомбергскій, Н. Очерки внутренняго управленія въ Московской Руси XVII ст. Томскъ, 1914 г. Ц. 3 р.

Новорусскій, М. В. Что дѣлать народному учителю. Ц. 85 к.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. III. Кн. V. Спб., 1914 г. Ц. 5 р.

Олидортъ, Борисъ. Тростниковая флейта. М., 1914 г. Ц. 25 к.

Орсье, Жозефъ. Агриппа Неттесгеймскій. Изд. „Мусагетъ". М., 1913 г. Ц. 75 к.

Osten-Sacken, dr. Der Kampf der livländischen Städte um die Vorherrschaft im Hansekontor zu Novgorod bis 1442. Reval, 1912.

Павловъ, Анатолій. Вѣщія птицы. Тифлисъ, 1914 г.

Памятная книжка Новгородской губ. на 1914 годъ.

Петровъ, Е. П. Кооперація среди кустарей Московской губерн. въ 1912—13 году. М., 1914 г. Ц. 50 к.

Подольскій, И. М. Очерки по теоріи мелкаго народнаго кредита. Спб., 1914 г. Ц. 30 к.

Поляковъ, С. Н. О значеніи математики, какъ основы мышленія и общаго образованія. Изд. Елова. Сергіевъ-Посадъ, 1914 г. Ц. 25 к.

Поссе, В. А. Бракъ, семья и школа. Изд. „Жизни для всѣхъ". Спб., 1914 г. Ц. 30 к.

Пѣшковскій, А. М. Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи. М., 1914 г., Ц. 1 р. 75 к.

Радищевъ, Левъ. Стихи и сказки. Ц. 1 р. 25 к.

Ральцевичъ, В. А. и **Васильевъ, Б. Н.** Краткая новѣйшая исторія. (1814—1914 гг.) Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Реннингъ, Р. Ф. Основныя положенія земскаго содѣйствія кооперативному дѣлу. Изд. Сельскохоз. отд. Подольской губ. зем. упр. Каменецъ-Подольскъ, 1914 г. Ц. 25 к.

Рильке, Р. М. Жизнь Маріи.

Руковогъ. Кн-во „Центрифуга". М., 1914 г. Ц. 50 к.

Саади. Садъ плодовый. Изд. З. Львовскаго. Спб. Ц. 1 р.

Садовской, Борисъ. Косые лучи. Изд. В. Португалова. 1914 г. Ц. 50 к.

Сандомірскій, Михаилъ. Марина Мнишекъ. Кн-во „Жатва". М., 1914 г. Ц. 50 к.

Сборникъ Нижегород. архивн. комиссіи. Т. XVII. Вып. I. Нижній-Новгор., 1914 г.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 143-й и 144-й. Ц. каждаго т. 3 р.

Словацкій, Юлій. Ангелли. Изд. „Мусагетъ", М., 1913 г. Ц. 50 к.

Современный Римъ. М., 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Соколовъ, С. и **Бородинъ, Н.** Тетрадь для домашнихъ и классныхъ работъ по географіи Европы. Изд. „Сотрудникъ школъ". М. Ц. 20 к.

Сологубъ, Ѳедоръ. Собраніе сочиненій. Изд. „Сиринъ". Спб., 1914 г. Т. XVII—ц. 1 руб. 50 коп. Т. XVIII—ц. 1 р. 75 к. Т. XIX—ц. 2 р.

„Солнечный Путь". Кн. I. Изд. „Полигимнія". Одесса, 1914 г. Ц. 50 к.

Софоклъ. Драмы. Т. III. Пер. О. Зѣлинскаго. Изд. Сабашниковыхъ. М., 1914 г. Ц. 3 р.

Статистическій сборникъ рижскаго городского управленія. Ч. II.

Статистика расходовъ департамента земледѣлія. Спб., 1912 г.

Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи за 1911 г. Спб., 1914 г.

Статистическій сборникъ рижскаго городского управленія. Ч. I. Рига, 1909 г.

Стенбокъ-Ферморъ, Н. В. Вопросъ о Черноморско-Балтійскомъ каналѣ. Спб.

Сухаревъ, Т. А. Развитіе національнаго самосознанія въ древней Руси. Ранненбургъ, 1914 г. Ц. 1 р.

Сѣдловъ, М. Цезарь Ломброзо и спиритизмъ. Изд. „Мусагетъ". М., 1913 г. Ц. 85 к.

Тагоръ, Рабиндранатъ. Постиженіе жизни. Изд. В. Португалова. М., 1914 г. Ц. 1 р.

Тикъ, Л. Объ искусствахъ и художникахъ. Кн-во Некрасова. М. Ц. 90 к.

Трахтенбергъ, І. А. Посѣвная площадь южной Россіи. Вып. III. Изд. Харьк. общ. сельск. хоз. Харьковъ, 1914 г.

Третья подворно-хозяйственная земская перепись въ Полтавской губерніи 1910 г.: Кременчугскій уѣздъ, Золотоношскій у., Переяславскій у., Кобелякскій у., Гадячскій у., Пирятинскій у., Полтавскій у., Зѣньковскій у., Миргородскій у., Хорольскій у., Роменскій у., Константиноградскій у., Прилукскій у., Лубенскій у., Лохвицкій у. Сводъ по губерніи. Изд. Стат. Бюро полт. губ. земства. Полтава, 1914 г.

Третья подворно-хозяйственная земская перепись въ Полтавской губ. 1910 г. Характеристика мелкихъ хозяйствъ въ среднихъ и относительныхъ величинахъ. Зѣньковскій уѣздъ, Золотоношскій у., Гадячскій у., Прилукскій у., Полтавскій у., Пирятинскій у., Переяславскій у., Миргородскій у., Лубенскій у., Лохвицкій у., Кременчугскій у., Константиноградскій у., Кобелякскій у., Роменскій у., Хорольскій у. Сводъ по губерніи. Изд. Стат. бюро полт. губ. земства. Полтава, 1914 г.

Труды перваго Всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію. Т. II. Спб., 1914 г. Ц. 3 р.

Труды и дни 1913 г. Тетрадь 1-я, 2-я и 7-я. Изд. „Мусагетъ". М., 1914 г. Ц. от тетр. 60 к.

Труды I Всероссійскаго сельскохозяйственнаго съѣзда въ Кіевѣ 1—10 сентября 1913 г. Вып. I, II, IV, V, VI и VII.

Труды I Всероссійскаго сельскохозяйственнаго съѣзда въ Кіевѣ 1—10 сентября 1913 г. Вып. III.

Труды I съѣзда инспекторовъ мелкаго кредита и представителей сельскихъ кредитныхъ товариществъ Пріамурскаго края.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Бодрое слово. Ч. I. 3-й годъ обученія и Ч. II. 4-й годъ обученія. Ц. 80 к. Изд. т-ва Сытина. Ц. кажд. ч. 80 к.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Т. I. Изд. М. А. Славинскаго. Спб., 1914 г.

Ферсманъ, О. А. и Фруктовъ, А. А. Статьи 683 и 684 законовъ гражданскихъ. Т. I. Спб., 1914 г. Ц. 2 р.

Форисъ, О. Что кому нравится. Изд. Сытина.

Фрейтагъ-Лорингованъ, А. Л., баронъ. Матеріальное право проекта вотчиннаго устава. Т. I и II. Юрьевъ, 1914 г.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1912 г. Изд. Уфимской губ. земск. упр. Уфа, 1914 г.

Чернышевъ, В. Правильность и чистота русской рѣчи. Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Чемберленъ, Ж. С. Арійское міросозерцаніе. Изд. „Мусагетъ". М., 1913 г. Ц. 50 к.

Чрединъ, Б. Гражданское право и гражданскій судъ. Варшава, 1914 г.

Шадринъ, Иларій. Сильнѣе смерти. Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Шишкинъ, И. Т. Три лекціи Г. С. Петрова. Ц. 10 к. Красота спасетъ міръ. Харьковъ, 1914 г. Ц. 10 к.

Эллисъ. Арго. Изд. „Мусагетъ". М., 1914 г. Ц. 2 р.

Юнгеръ, Владиміръ. Пѣсни полей и комнатъ. 1914 г. Ц. 1 р.

Ѳедоровъ, Вакхъ. Игрушка, какъ начало столярнаго дѣла. Изд. т-ва Сытина. М., 1914 г. Ц. 75 к.

Ѳоминъ, Семенъ. [illegible] радости и печали. М., 1914 г. Ц. [illegible] к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр

Литература, исторія литературы и литературная критика: *И. Н. Замотинъ.* Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Т. II. Изд. 2-ое. — *Николай Энгельгардтъ.* Исторія русской литературы XIX стол. Т. I. 207

Исторія: *П. Пирлингъ.* Историческія статьи и замѣтки.—*П. А. Остроуховъ.* Англо-русскій торговый договоръ 1734 г. 210

Философія и религія: *П. П. Николаевъ.* Духовно-монистическое пониманіе міра.—*М. В. Сабашникова.* Святой Серафимъ 211

Политическая экономія, статистика и финансы: *С. В. Бернштейнъ-Когана.* Очеркъ развитія и современнаго положенія внутренняго воднаго транспорта въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы и въ Сѣверной Америкѣ.—*Н. М. Козьминыхъ-Ланинъ.* Сверхурочныя работы на фабрикахъ и заводахъ Московской губ. — Новыя идеи въ экономикѣ. Сборникъ № 2. Теорія народонаселенія и мальтузіанство 213

Публицистика: *С. В. Познеръ.* Евреи въ общей школѣ.—*Otto Groth* und *H. G. Bayer.* Politisch-wirtschaftliches Konversationslexikon 216

Естествознаніе: *Проф. А. Н. Сѣверцовъ.* Современныя задачи эволюціонной теоріи. — *Д-ръ Джеффри Мартинъ.* Чудеса и завоеванія современной химіи 218

Педагогика и народное образованіе: *Дж. Антоніо Райнери.* Педагогика въ пяти книгахъ. Т. I. Перев. прот. А. Дружинина.—*Е. А. Звягинцевъ.* Инспекція народныхъ училищъ 219

Книги для дѣтей: *Клавдія Лукашевичъ.* Мое милое дѣтство.—*Ив. Наживинъ.* Бѣлые голуби принцессы Риты 221

Военное и морское дѣло: *Р. Ловягинъ.* Гибель Титаника . . . 222

II. Русскія новости по всеобщей исторіи. III. Книжныя новости. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" въ теченіе мая 1914 года.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ"

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 3 лин., 48. Телеф. 187—67.

Отдѣленіе для городскихъ покупателей.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **быв. „ОБУЧЕНІЕ".** Спб., Вас. Остр. Средній просп.

Новыя изданія к-ва „ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ".

Книжный складъ ставитъ своей цѣлью обслуживаніе научной и популярно-научной литературой библіотекъ, учебныхъ заведеній, земскихъ и городскихъ книжныхъ складовъ и провинціальныхъ магазиновъ.

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

„ЗАДАЧИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ".

I—V.

I. Эвемеръ. О законахъ въ естественныхъ и гуманитарныхъ наукахъ. Ц. 40 к.

II. Хвольсонъ, О. Д., проф. Принципъ относительности. Общедоступное изложеніе. Второе пересмотрѣнное изданіе. Ц. 50 к.

III. Уоодъ, Н. А., проф. Характерныя черты и задачи современной естественно-научной мысли. Ц. 40 к.

IV. Лоджъ, Оливеръ Дж., сэръ. Непрерывность, подъ ред. проф. Боргмана. Ц. 60 к.

V. Ла Розд, Эмиръ. Исторія одной гипотезы, подъ ред. проф. Хвольсона. Ц. 70 к.

Первая книга серіи имѣетъ пропедевтическій характеръ, слѣдующія четыре посвящены разсмотрѣнію ученія о принципѣ относительности. Дальнѣйшія (объ атомахъ свѣта) печатаются.

Б. П. Вейнбергъ, проф. томскаго технологич. инст. Движеніе безъ тренія (Безвоздушный электрическій путь). 1—56. Ц. 50 к.

Вышелъ изъ печати и разосланъ по требованіямъ систематическій каталогъ по естествознанію и математикѣ. Требуйте его и систем. катал. по всѣмъ отраслямъ знанія и беллетристикѣ.

ВНИМАНІЮ БИБЛІОТЕКЪ — требуйте условія!

Альбомъ рисунковъ для ремесленниковъ.

Мотивы мебели въ новомъ стилѣ: столы, стулья, шкафы, буфеты, туалеты, вѣшалки, полки, зеркала, ширмы и различн. мебель—10 разн. вып., въ каждомъ вып. отъ 40 до 60 рис. Цѣна одного вып. 55 к. съ серес. 4 вып. высылаются за 2 р., всѣ 10 вып. за 4 р. 25 к. Мотивы товарныхъ работъ 2 разн. вып., каждый 55 к. съ перес. Мотивы дверей въ новомъ стилѣ 8 таб. за 55 к. Альбомъ рисунк. по мозаикѣ и инкрустаціи высылается за 55 к. Альбомы рѣзьбы по дереву 4 разн. вып., по 55 к. за вып., съ перес. всѣ 4 вып. высылаются за 2 р. Мотивы оконъ и рамъ для двуъ и бакеновъ, 8 таб. высылается за 55 к. Мотивы кованчно-слесарн. работъ въ новомъ стилѣ 3 вып. по 55 к. за вып. съ перес., всѣ 3 вып. высылаются за 1 р. 60 к. Мотивы вышивовъ и работъ по дереву и металлу, 5 разн. вып., каждый содержитъ 5 листовъ со многими рис., по 55 к. за вып. съ перес., всѣ 5 вып. высылаются за 3 р. 25 к. Мотивы изящн. рисунк. лучше выжиганія въ дереве, ворсовки и друг. стилей, 7 разн. вып., каждый содержитъ 5 листовъ со многими рис., по 55 к. за вып. съ перес., всѣ 7 вып. высылаются за 3 р. Альбомъ рис. по витражамъ (мозаикѣ) высыл. за 55 к. Альбомы рисунковъ по металлостилистикѣ 2 разн. выпуска, каждый вып. содержитъ 5 листовъ со многими рисунками, высыл. по 75 к. за вып. Мотивы драпировокъ для окнъ и дверей и мягкой мебели, 3 разн. вып., каждый по 55 к. съ перес., всѣ 3 вып. высыл. за 1 р. 50 к. Альбомъ рисунковъ тисненія по кожѣ, высыл. за 55 к. Мотивы изящныхъ рисунковъ художественнаго выжиганія въ русскомъ стилѣ XIV—XVII вѣковъ Художн. К. Тиль, съ перес. 75 коп. Мотивы изящныхъ рисунковъ художественнаго выжиганія въ разномъ стилѣ. Художн. Тиль, съ перес. 75 к.

Высылается и съ наложен. платежомъ, книжный складъ **„А. Ф. Сухова",**

Спб., Екатерингофскій пр., 10—19.

Съ наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже. Цѣнный каталогъ рисунковъ для ремесленниковъ высылается безплатно.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Главная контора: С.-Петербургъ, Нюстадтская, 6. Телеф. 206-32.

Московское отдѣленіе конторы: Сивцевъ Вражекъ, д. 20, кв. 3 (С. В. Лысцовой).

Цѣна объявленій:

Передъ текстомъ:		Позади текста:	
1 страница	65 руб.	1 страница	45 руб.
1/2 страницы	35 „	1/2 страницы	25 „
1/4 „	20 „	1/4 „	14 „
1/8 „	10 „	1/8 „	7 „

На обложкѣ:

4-я (наружная) стр.	100 руб.	3-я стр. обложки и 1-я передъ титуломъ	80 руб.
1/2 стр.	60 „	1/2 стр.	45 „
		1/4 „	25 „

Построчно: 1 строка нонпарели въ 1 столбецъ (въ страницѣ 2 столбца):

На обложкѣ	1 руб.
Передъ текстомъ	70 коп.
Послѣ текста	40 „

За каждую тысячу вкладныхъ приложеній:

До 1 лота	9 руб.
„ 2 лотъ	12 „
„ 3 „	16 „
„ 4 „	20 „

Пріемъ объявленій: въ МОСКВѢ у М. Д. Турубинера: 4-ая Тверская-Ямская, д. 29, кв. 45. Тел. 112-25.

Въ ПЕТЕРБУРГѢ у Д. И. Марковскаго: Ивановская ул., д. 3. Тел. 89-65.

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ ЛЙВАДА (Aywad's Water Wings) ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ. СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ и ЛЕЖАТЬ на ВОДѢ. СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛЬЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.

Поддерживаютъ на поверхности до 9 пудовъ.

Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.

СКЛАДЪ у И. ГЛАЗУНОВА, Москва, Столешниковъ, № 8.

BINDING SECT. NOV 12 1975

AP
50
78
P.35
v.n.1

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 17 14 01 011 0